

САРА ДЖЕЙ МААС

ДВОР
ТУМАНА
И МАГИИ

BLOOMSBURY

Фейра вырвалась из когтей Амаранты и вернулась в Весенний Двор, но цена, которую ей за это пришлось заплатить, была слишком высока. Несмотря на то, что сейчас Фейра обладает силами Высших Фэ, ее сердце осталось человеческим, и оно не может забыть совершенные ею злодеяния ради спасения народа Тамлина.

Она не забыла и о сделке с Рисандом, Высшим Лордом наводящего ужас Ночного Двора. Пока Фейра старается разобраться в темной паутине политики и страсти и совладать со своей ошеломляющей силой, величайшее зло принимает угрожающие размеры и, возможно, именно Фейра станет ключом к его уничтожению. Но только если сможет обуздать свои ужасающие способности, исцелить свою искаленную душу и решить, какое будущее она желает для себя — ведь будущее всего мира расколется пополам.

С более чем миллионом проданных копий ее любимой серии «Стеклянный Трон», виртуозное повествование Сары Дж. Маас поднимает вторую книгу в соблазнительной и наполненной экшеном серии «Двор Шипов и Роз» на новые невероятные высоты.

Сара Дж. Маас
Двор Тумана и Ярости

Информация о переводе:

Перевод предоставлен только для ознакомительного просмотра.

Оригинальное название: A Court of Mist and Fury

Количество глав: 69

«Ради любви она обманула смерть, ради своего мира она станет оружием.»

Посвящается Джошу и Энни — моему личному Двору Грез.

Быть может, внутри я всегда была сломленной и темной.

Возможно, кто-то рожденный целым и добрым опустил бы кинжал и принял бы смерть, чем то, что предстояло мне.

Кровь была повсюду.

Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы сжать кинжал в дрожащей руке, залитой кровью. Труп юного Высшего Фэ остывал на мраморном полу, и во мне что-то надрывалось кусочек за кусочком.

Я не могла выпустить клинок, не могла сдвинуться с места.

— Хорошо, — промурлыкала Амаранта, сидя на своем троне. — Еще раз.

Еще один ожидающий меня кинжал и еще один Фэ на коленях. Женщина.

Я знала, что за слова она скажет. Что за молитву она будет читать.

Я знала, что зарежу ее, как зарезала юношу передо мною до этого.

Я сделаю это, чтобы освободить их всех, освободить Тамлина.

Я была палачом невинных жертв и спасительницей земель.

— Когда будешь готова, милая Фейра, — растягивая слова произнесла Амаранта, ее ярко красные волосы словно кровь на моих руках. На мраморе.

Убийца. Палач. Монстр. Лгунья. Обманщица.

Я не знала, кого я имела в виду. Граница между мной и королевой уже давно была размыта.

Мои пальцы ослабли на кинжале, и он с грохотом упал на пол, утопая в луже крови. Ее пятна забрызгали мои заношенные сапоги — остатки земной жизни, которая теперь казалось такой далекой, что возможно была одним из моих лихорадочных снов за последние несколько месяцев.

Я взглянула в лицо женщине, что ждала свою смерть — капюшон висел над ее головой, ее гибкое тело замерло. Готовая к концу, что был уготован ей, к жертве, которой она должна была стать.

Я потянулась ко второму кинжалу, лежащему на черной бархатной подушке, сжала его ледяную рукоять в своей теплой, влажной руке. Стража сдернула с нее капюшон.

Я знала лицо, обращенное на меня.

Знала серо-голубые глаза, коричневые с золотом волосы, полные губы и острые скулы. Знала изящно вытянутые теперь уши, обтекаемые конечности, полные струящихся сил, знала все человеческие несовершенства, которые сгладились в едва уловимом бессмертном сиянии.

Знала опустошенность, отчаяние, отвращение, исходящее от этого лица.

Мои руки не дрожали, когда я занесла кинжал.

Я схватила тонкое плечо и заглянула в это ненавистное лицо — *мое* лицо.

И вонзила кинжал в свое ждущее сердце.

Часть 1

ДОМ ЗВЕРЕЙ

Меня вырвало в туалете, я обнимала его прохладные грани, пытаюсь заглушить звуки рвоты.

Лунный свет просачивался в огромную мраморную ванную комнату, будучи единственным освещением в то время, как меня тихо и ужасно тошнило.

Тамлин не шевельнулся, когда я резко проснулась. И даже когда я не смогла отличить темноту моей комнаты от бесконечной ночи в темнице Амаранты, когда холодный пот, покрывающий меня, напомнил кровь тех фейри, и я бросилась в ванную.

Я провела здесь уже пятнадцать минут, ожидая, когда стихнут рвотные позывы, когда бьющая все тело дрожь постепенно исчезнет, словно рябь в водоеме.

Задыхаясь, я нависла над унитазом, считая каждый вдох.

Всего лишь кошмар. Один из многих, что преследовали меня в последнее время во сне и наяву.

Прошло три месяца с того, что произошло Под Горой. Три месяца я приспособливалась к своему бессмертному телу, к миру, что пытался восстановиться кусочек за кусочком после того, как Амаранта разорвала его на клочки.

Я сосредоточилась на своем дыхании — вдыхая через нос, выдыхая через рот. Снова и снова.

Когда мне показалось, что я справилась с дыханием, я оторвалась от туалета — но далеко не ушла. Лишь до соседней стены со слегка приоткрытым окном, из которого я могла видеть ночное небо, где свежий ветер мог приласкать мое липкое лицо. Я прислонилась головой к стене, опираясь руками о прохладный мраморный пол. Настоящий.

Это было настоящим. Я уцелела. Я выбралась.

Только если это не было сном — всего лишь лихорадкой в темнице Амаранты, и я снова проснусь в той клетке и...

Я прижала колени к груди. Настоящее. *Настоящее.*

Я беззвучно повторяла эти слова.

Я продолжала повторять их до тех пор, пока не смогла ослабить хватку рук на ногах и поднять голову. Боль растеклась по моим рукам...

Каким-то образом я сжала их в кулаки так сильно, что мои ногти вот-вот проткнули бы кожу.

Бессмертная сила — скорее проклятье, нежели дар. Я сломала и погнула все столовое серебро, к которому притронулась в первые три дня по возвращению сюда, спотыкалась о свои длинные, быстрые ноги так часто, что Элис убрала все хрупкие ценные вещи из моей комнаты (она особенно сердилась за то, что я опрокинула стол с вазой, которой было восемь веков) и разбила не одну, не две, а целых *пять* стеклянных дверей лишь потому, что случайно хлопнула ими слишком сильно.

Вздохнув через нос, я разжала пальцы.

Моя правая рука была бледной, гладкой. Идеальная Фэ.

Я повернула к себе левую руку, завитки черных чернил покрывали мои пальцы, мое запястье, путь от моего предплечья прямо к локтю, поглощая темноту комнаты. Запечатлённый посередине ладони глаз, казалось, наблюдал за мной, спокойный и хитрый как у кота, его узкий зрачок были шире, чем сегодня днем. Будто он привык к свету, как

сделал бы любой обычный глаз.

Я бросила на него злобный взгляд.

На того, кто мог наблюдать через это тату.

За последние три месяца, что я провела здесь, не было никаких вестей от Риса. Даже слухов. Я не осмелилась спросить Тамлина или Люсьена, или еще кого-нибудь — лишь бы каким-нибудь образом не призвать Высшего Лорда Ночного Двора, не напомнить ему о той дурацкой сделке, что я заключила Под Горой: неделя с ним каждый месяц в обмен на спасение меня от смерти, дышащей мне в затылок.

Но даже если Рис чудесным образом и забыл об этом, я никогда не забывала. Как и Тамлин, Люсьен, и все остальные. Из-за татуировки.

Даже если Рис в самом конце... даже если он был мне не врагом.

Но да, он был врагом Тамлина. Да, врагом любого другого двора. Немногие пересекали границы Ночного Двора и выживали, чтобы рассказать о нем. Никто точно не знал, что было в самой северной части Прифиана.

Горы и тьма, звезды и смерть.

Но я не ощущала себя врагом Рисанда в тот последний раз, что говорила с ним, в те часы после победы над Амарантой. Я никому не рассказала о той встрече, о том, что он сказал мне, и в чем я призналась ему.

«Радуйся своему человеческому сердцу, Фейра. Жалей тех, кто вовсе ничего не чувствует».

Я сжала пальцы в кулак, закрывая этот глаз, эту татуировку. Я поднялась на ноги и смыла воду в туалете, прежде чем добрела до раковины, чтобы прополоскать рот, а затем умыться.

Мне хотелось ничего не чувствовать.

Мне хотелось, чтобы мое человеческое сердце изменилось вместе с остальной частью меня, чтобы оно превратилось в бессмертный мрамор. Вместо того искромсанного сгустка тьмы, что теперь отравлял меня ихором.

Тамлин продолжал спать, когда я прокралась обратно в затемненную комнату; его голое тело распростерлось на матрасе. На мгновение, я просто любовалась крепкими мускулами его спины, любовно очерченными лунным светом, его золотистыми спутанными во время сна волосами, в которые я запускала пальцы, когда мы занимались любовью.

Ради него, я сделала это — ради него, я с радостью искалечила себя и свою бессмертную душу.

А теперь у меня есть целая вечность, чтобы жить с этим.

Я пошла к кровати, каждый шаг давался все тяжелее, труднее. Простыни были уже холодными и сухими, и я скользнула в кровать, прижимаясь к нему спиной, обхватив себя руками. Его дыхание было глубоким — ровным. Но мой слух Фэ... иногда я задавалась вопросом, слышала ли я его прерывистое дыхание, хотя бы на секунду. Мне не хватало смелости спросить, не спит ли он.

Он никогда не просыпался, когда кошмары лишали меня сна; никогда не просыпался, когда меня выворачивало ночь за ночью. Даже если он знал или слышал, он ничего не говорил об этом.

Я знала, что похожие сны преследовали его так же часто, как и я бежала от своих. В первый раз, когда это произошло, я проснулась, попыталась поговорить с ним. Но он стянул с себя мою руку, его кожа была липкой, и обратился в чудовище из шерсти, когтей,

рогов и клыков. Остаток ночи он провел, развалившись у изножья кровати, наблюдая за дверью, стеной окон.

С тех пор, многие ночи он проводил именно так.

Свернувшись в постели, я натянула повыше одеяло, наслаждаясь его теплом в холодную ночь. Это стало нашим негласным договором — не позволять Амаранте выиграть, признав, что она по сей момент мучает нас в наших снах и наяву.

По крайней мере, было легче ничего не объяснять. Не рассказывать ему, что не смотря на то, что я освободила его, спасла его людей и весь Прифиан от Амаранты ... Я разбилась кусочки.

И я не думаю, что даже вечности будет достаточно, чтобы собрать их.

— Я хочу пойти.

— Нет.

Я скрестила руки, спрятав свою татуированную руку под мой правый бицепс, и слегка шире расставила ноги на грязном полу конюшни. — Прошло три месяца. Ничего не случилось, и деревня находится меньше чем в пяти милях..

— Нет, — волосы Тамлина, закончившего застегивать португую с кинжалами у себя на груди, сверкали в лучах утреннего солнца, вливающегося сквозь двери конюшни. Его лицо — мужественно красивое, именно такое, как я мечтала в течение этих долгих месяцев, что он носил маску — было неподвижно, губы сжаты в тонкую линию.

Позади него, уже сидя верхом на своей серой в яблоках лошади, рядом с тремя другими часовыми-Фэ, Люсьен молча предупреждающе покачал головой, его металлический глаз сузился. «*Не дави на него*», казалось, он говорил.

Тамлин шагнул к своему уже оседланному вороному жеребцу, и я стиснув зубы бросилась за ним.

— Деревня нуждается в любой помощи!

— И мы все еще охотимся на монстров Амаранты, — сказал он, запрыгивая в седло одним плавным движением. Иногда я задавалась вопросом, были ли эти лошади просто для поддержания внешнего вида цивильности — нормальности. Чтобы делать вид, что он не может бежать быстрее их, не живет одной ногой в лесу. Его зеленые глаза были словно кусочки льда, когда его жеребец тронулся с места. — У меня нет лишней охраны чтобы сопровождать тебя.

Я схватилась за уздечку.

— Мне не нужна охрана, — я крепче ухватилась за полоску кожи, останавливая лошадь, и золотое кольцо с квадратным изумрудом на моем пальце сверкнуло на солнце.

Прошло два месяца, как Тамлин сделал мне предложение — два месяца бесконечных презентаций о цветах и одежде, и рассадке гостей, и выборе блюд. У меня была небольшая передышка неделю назад, благодаря Зимнему Солнцестоянию, хотя я всего лишь обменяла созерцание кружев и шелка на выбор вечнозеленых венков и гирлянд. Но, по крайней мере, это был перерыв.

Три дня пирований, обмениваний подарками, завершившихся длительной, достаточно одиозной церемонией у подножия горы в самую длинную ночь, чтобы препроводить нас из одного года в другой, в то время как солнце умерло и родилось заново. Или что-то в этом роде. Празднование зимнего праздника в месте, где властвует вечная весна, не слишком улучшило мое общее отсутствие праздничного настроения.

Я не особенно слушала объяснения о происхождения праздника — Фэ сами спорят о том, произошел ли он из Зимнего Двора или Дневного. Сейчас в обоих он является священным. Все, что я знала — это то, что мне нужно пережить две церемонии: одну на закате, чтобы начать эту бесконечную ночь подарков и танцев, и выпивки, чтобы ознаменовать смерть старого солнца, и одну на рассвете на следующий день, будучи с затуманенной головой и ноющими ногами, чтобы приветствовать перерождение солнца.

Было достаточно плохо, что я должна была стоять перед собравшимися придворными и низшими фейри, пока Тамлин произносил бесчисленные тосты и приветствия. Однако мой

день рождения также выпал на самую длинную ночь в году — то, о чем я удобно позабыла сказать кому-либо. В любом случае я получила достаточно подарков, и, несомненно, получу еще намного больше в день моей свадьбы. У меня не было применения для такого количества *вещей*.

Сейчас между мной и церемонией оставалось только две недели. И если я не выберусь из поместья, если у меня не будет дня, чтобы сделать что-то *другое*, кроме как тратить деньги Тамлина и терпеть подобострастное отношение..

— Пожалуйста. Восстановление деревни идет так медленно. Я могла бы охотиться, добывать еду для жителей..

— Это небезопасно, — ответил Тамлин, снова понукая жеребца перейти на шаг. Шкура его коня сверкала, словно темное зеркало даже в тени конюшни. — Особенно для тебя.

Он говорил так каждый раз, когда мы заводили этот спор, каждый раз, когда я умоляла его позволить мне отправиться в соседнюю деревню Высших Фэ, чтобы помочь восстановить то, что Амаранта сожгла много лет назад.

Я последовала за ним в яркий, безоблачный день за пределами конюшни; травы, покрывающие близлежащие предгорья перекатывались волнами под мягким бризом.

— Люди хотят вернуться, они хотят иметь дома, где можно *жить*...

— Эти же люди видят тебя как благословение — знак уверенности в будущем. Если что-то случится с тобой... — он оборвал фразу, останавливая лошадь у края тропинки, ведущей к восточному лесу; Люсьен теперь ждал в нескольких ярдах впереди. — Нет смысла что-либо восстанавливать, если твари Амаранты все еще бродят по землям и могут снова все разрушить.

— Действует магическая защита..

— Некоторые ускользнули до того, как заклятия были восстановлены. Вчера Люсьен выследил пятерых наги.

Я встряхнула головой. Люсьен поморщился. Он ничего не сказал мне об этом вчера за ужином. Он *солгал*, когда я спросила его, почему он хромот. Мой желудок перевернулся — не только из-за лжи, но... наги. Иногда мне снилось, как их кровь омывает меня фонтаном, в тот момент, когда я убила их; снились их плотоядно ухмыляющиеся змеиные лица, когда они пытались разделать меня на части в лесу.

Тамлин мягко сказал:

— Я не могу делать то, что должен, когда переживаю о твоей безопасности.

— Конечно я буду в безопасности! — Высшая Фэ, сильная и быстрая — у меня много шансов спастись, если что-то произойдет.

— Пожалуйста... Пожалуйста, сделай это для меня, — сказал Тамлин, поглаживая тугую шею жеребца, когда животное заржало в нетерпении. Остальные уже пустили своих коней в легкий галоп, первый из них почти в тени леса. Тамлин вскинул подбородок в сторону алебастрового поместья, темнеющего позади меня. — Уверен, тебе найдется чем помочь по дому. Или ты можешь рисовать. Опробовать тот новый набор, что я подарил тебе на Зимнее Солнцестояние.

Ничего кроме планирования свадьбы не ждало меня в этом доме, с того момента, как Элис запретила мне и пальцем шевелить, чтобы что-то сделать. Не из-за того, кем я была Тамлину, кем я собиралась стать для Тамлина, но... из-за того, что я сделала для нее, для ее мальчиков, для Притиана. И все слуги вели себя так же; некоторые все еще рыдали с благодарностью, проходя мимо меня в коридоре. А что до живописи...

— Хорошо, — я вздохнула. Я заставила себя посмотреть ему в глаза, заставила себя улыбнуться. — Будь осторожен, — сказала я, и имела это в виду. Мысль о том, что он уезжает охотиться на монстров, которые когда-то служили Амаранте...

— Я люблю тебя, — тихо сказал Тамлин.

Я кивнула, бормоча в ответ то же самое, когда он пустился рысью туда, где Люсьен все еще ждал его. Теперь эмиссар слегка хмурился. Я не смотрела им вслед.

Я не спеша возвращалась через садовые изгороди; весенние птицы весело щебечут, гравий хрустит под моими хрупкими туфлями.

Я ненавидела яркие платья, ставшие моей повседневной одеждой, но у меня не хватало смелости сказать Тамлину — не тогда, когда он купил столько, не тогда, когда он был так счастлив видеть меня в них. Не тогда, когда его слова не так далеки от истины. В день, когда я снова надену штаны и туники, когда оружие заменит мне изысканные украшения, явный и четкий посыл разойдется по всем землям. Итак, я носила платья и позволяла Элис укладывать мои волосы — если хоть этим я смогу принести этим людям душевный покой и комфорт.

По крайней мере, Тамлин не возражал против кинжала, который я носила пристегнутым к поясу, украшенному драгоценными камнями. Люсьен подарил мне оба — кинжал за пару месяцев до Амаранты, пояс — в течение нескольких недель после ее падения, когда я таскала этот кинжал в числе многих других с собой повсюду. *«Даже если ты вооружен до зубов, ты все еще можешь хорошо выглядеть,»* — сказал он.

Но даже если стабильность вдруг воцарится в течение ста лет, я сомневаюсь, что проснулась бы однажды утром и не взяла бы с собой нож.

Сто лет.

Вот что у меня есть... У меня есть впереди века. Века вместе с Тамлином, века в этом красивом, тихом месте. Возможно, я разберусь в себе как-нибудь. Возможно и нет.

Я остановилась у лестницы, ведущей в увитый розами и плющом дом, и посмотрела вправо — на строгий розарий и окна прямо над ним.

После моего возвращения я заходила в эту комнату — мою старую художественную студию — всего лишь раз.

И все эти картины, все краски и кисти, все чистые холсты, ждущие, чтобы излить на них рассказы и чувства, и мечты... Я возненавидела их.

Я ушла спустя несколько мгновений и не возвращалась с тех пор.

Я перестала каталогизировать в уме цвета, ощущения и текстуры, перестала замечать их. И едва могла смотреть на картины, развешанные внутри усадьбы.

Нежный женский голос пропел мое имя из открытых дверей особняка, и напряжение в моих плечах немного ослабло.

Ианта. Верховная Жрица, а также благородная Высшая Фэ и друг детства Тамлина, которая взялась помочь с планированием свадебного торжества.

И которая взялась поклоняться мне и Тамлину, будто новоиспеченным богам, выбранным и благословленным самим Котлом.

Но я не жаловалась — не тогда, когда Ианта знала каждого при Дворе и вне его. Она задерживалась возле меня на мероприятиях и ужинах, рассказывая мне подробности о присутствующих, и была главной причиной, почему я пережила радостный ураган Зимнего Солнцестояния. В конце концов, она была той, кто проводил все эти различные церемонии — и я была более чем счастлива позволить ей выбирать, какие венки и гирлянды должны

украсить особняк и угожья, какое столовое серебро дополнит каждый прием пищи.

Помимо этого... Тамлин платил за мою повседневную одежду, но Ианта была той, кто ее выбирал. Она была душой своего народа, посвященной Рукой Богини, чтобы вывести людей из отчаяния и мрака.

Я была не в том положении, чтобы сомневаться. Она еще ни разу не привела меня в заблуждение, и я стала страшиться тех дней, когда она была занята в своем собственном храме, руководя паломниками и своими помощниками. Сегодня, однако... Да, провести время с Иантой было больше, чем альтернативой.

Я подобрала тонкие полупрозрачные юбки своего рассветно-розового платья и поднялась по мраморным ступеням в дом.

В следующий раз, я пообещала себе. В следующий раз я смогу убедить Тамлина отпустить меня в деревню.

* * *

— Оу, мы не можем посадить *ее* рядом с ним. Они порвут друг друга в клочья, и кровь испортит скатерти, — под своим светло-серо-голубым капюшоном Ианта наморщила лоб, и татуировка на ее лбу, изображающая циклы Луны, изогнулась. Она замазюкала имя, которое записала мгновение назад в одну из схем рассадки гостей.

День выдался теплым, и в комнате было немного душно даже с учетом ветерка, гуляющего сквозь открытые окна. Однако Ианта не снимала свою тяжелую накидку с капюшоном.

Верховные Жрицы носили искусно переплетенные, многослойные, свободного покроя одеяния — хотя все они, конечно, по внешнему виду были далеко не матронами. Тонкую талию Ианты подчеркивал изящный пояс небесно-голубого цвета, украшенный прозрачными камнями, каждый из которых был идеально овальной формы и оправлен в сверкающее серебро. Сверху ее капюшона был венеч, перекликающийся с поясом — тонкая полоска серебра с большим камнем в центре. Широкая полоса ткани крепилась под венцом таким образом, чтобы ею можно было закрыть лоб и глаза, когда Жрице нужно было помолиться, воззвать к Котлу и Матери или просто подумать.

Ианта однажды показала мне, как выглядит, когда полоска ткани откинута на лицо: видны только ее нос и полные, чувственные губы. Голос Котла. Я нашла этот вид пугающим — покрывало на верхней части ее лица каким-то образом превратило яркую, лукавую женщину в живую скульптуру, в нечто Иное. К счастью, она не опускала ткань большую часть времени. Иногда она даже полностью откидывала капюшон, чтобы позволить солнечному свету играть в ее длинных, слегка вьющихся золотых волосах.

Серебряные кольца блестели на ухоженных пальчиках Ианты, когда она записала другое имя.

— Это как игра, — сказала она, вздыхая сквозь вздернутый носик, — все эти фигурки, борющиеся за власть или доминирование, готовые пролить кровь, если потребуется. Должно быть, тебе странно к этому привыкать.

Такая элегантность и богатство — и вместе с тем дикость. Высшие Фэ не были похожи на хихикающую знать смертного мира. Нет, уж если они враждовали, то это заканчивалось тем, что кого-то распускали на кровавые ленточки. В *буквальном* смысле.

Когда-то я дрожала от страха в присутствии их.

Я размяла пальцы, растягивая и искажая татуировки, выгравированные на моей коже.

Теперь я могу сражаться вместе с ними и против них. Не то, что бы я пробовала.

За мной слишком наблюдали — слишком следили и оценивали. Зачем невесте Высшего Лорда учиться сражаться, если в стране вновь воцарился мир? Это был аргумент Ианты, когда я сделала ошибку, упомянув это за ужином. Тамлин, надо отдать ему должное, видел обе стороны: я бы научилась защищать себя... но разошлись бы слухи.

— Люди не намного лучше, — наконец сказала я ей. И потому, что Ианта была единственным моим новым товарищем, не выглядящим особенно ошеломленным или напуганным мной, я попыталась завязать разговор и сказала:

— Моя сестра Неста сюда бы вписалась.

Ианта вскинула голову, синий камень на макушке ее капюшона заблестел в солнечном свете.

— Твои смертные родственники *присоединятся* к нам?

— Нет, — я не думала приглашать их — не хотела показывать их Прифиану. Или тому, чем я стала.

Она постучала длинным тонким пальцем по столу.

— Но они ведь живут так близко к стене? Если это важно для тебя, чтобы они были здесь, Тамлин и я могли бы обеспечить им безопасное путешествие, — за те часы, что мы провели вместе, я рассказала ей о своей деревне, о доме, где теперь жили мои сестры, об Айзеке Хейле и Томасе Мандри. Я не смогла упомянуть Клэр Беддор — или что случилось с ее семьей.

— За то, что она пережила, — сказала я, борясь с воспоминаниями о той человеческой девушке, и о том, что с ней сделали, — Неста ненавидит ваш род.

— *Наш* род, — Ианта тихо поправила. — Мы обсуждали это.

Я просто кивнула.

Но она продолжила:

— Мы старые и хитрые, и любим наносить удары словами, словно когтями и клинками. Каждое слово из твоих уст, каждую фразу будут судить и, возможно, используют против тебя, — и, словно чтобы смягчить предупреждение, она добавила:

— Будь начеку, Леди.

Леди. Абсурдное обращение. Никто на самом деле не знал, как меня называть. Я не была рождена Высшей Фэ.

Меня Создали — воскресили и дали новое тело Семь Высших Лордов Прифиана. Насколько я знаю, я не была настоящей половинкой Тамлина. Соединяющая связь между нами еще не была установлена — пока.

Честно... Честно говоря, Ианта, с ее ярко-золотыми волосами, бирюзовыми глазами, элегантными чертами лица и гибким телом больше походила на пару Тамлина. Равную ему. Союз Тамлина — Высшего Лорда и Верховной Жрицы — это была бы демонстрация силы любой возможной угрозе нашей земли. И упрочение власти Ианты, которую она, без сомнения, желала бы обрести.

Среди Высших Фэ жрицы проводили обряды и ритуалы, записывали истории и легенды, и советовали своим лордам и леди в вопросах глобальных и тривиальных. Я не заметила, чтобы она использовала магию, но когда я спросила Люсьена, он нахмурился и сказал, что их магия исходит из их церемоний, и вполне может быть смертельной, если они пожелают. Я наблюдала за ней во время Зимнего Солнцестояния, ища какие-нибудь знаки, отмечая, что

она расположилась так, что бы восходящее солнце наполнило ее поднятые руки, но не было ни ряби, ни гудения магии. От нее или земли под нами.

Я не знаю, чего я на самом деле ожидала от Ианты — одной из двенадцати Высших Жриц, которые вместе управляют сестрами по всей территории Прифиана. Древняя, несущая обет безбрачия, тихая — таким был верх моих представлений исходя из шепота смертных легенд, когда Тамлин объявил, что старый друг должен вскоре занять и восстановить полуразрушенный храмовый комплекс на наших землях. Но Ианта влетела в наш дом, словно ветер на следующее утро, и эти ожидания тут же были растоптаны. Особенно часть про целибат.

Жрицы могли выходить замуж, рожать детей и развлекаться по своему желанию. Пресечь свои инстинкты, свою врожденную женскую магию продолжения жизни — это осквернило бы дар плодородия, дар Котла — Ианта однажды сказала мне.

Так что пока семь Высших Лордов правят Прифианом со своих престолов, двенадцать Высших Жриц царствуют со своих алтарей, и их дети могущественны и уважаемы, как и любой отпрыск лорда. И Ианта, самая молодая Верховная Жрица за три столетия, оставалась незамужней, бездетной и стремящейся *наслаждаться лучшими мужчинами земли Прифиана*.

Я часто задавалась вопросом, какого это, быть настолько свободной и с такой гармонией внутри себя.

Когда я не ответила на ее нежный выговор, она сказала:

— Ты решила, какого цвета будут розы? Белые? Розовые? Желтые? Красные?..

— Не красные.

Я ненавидела этот цвет. Больше всего. Волосы Амаранты, вся та кровь, шрамы на сломанном теле Клэр Беддор, пришиленном к стене Под Горой..

— Красновато-коричневый цвет может быть красивым, со всем зеленым... Но наверное это слишком в стиле Осеннего Двора, — опять палец постучал по столу.

— Любой цвет, что ты захочешь, — если бы я была откровенно честна с собой, я бы признала, что Ианта стала моим костылем, моей опорой. Но она, кажется, была рада — заботиться, когда я не могла заставить себя делать это.

Ее брови слегка приподнялись.

Несмотря на то, что она была Верховной Жрицей, ей и ее семье удалось спастись от ужасов Подгорья бегством. Ее отец, один из сильнейших союзников Тамлина среди Весеннего Двора и капитан его армии, почувствовал грядущие неприятности и переправил Ианту, ее мать и двух младших сестер в Валлахан, одну из бесчисленных территорий фейри за океаном. Пятьдесят лет они жили при чужом дворе, выжидая благоприятного времени, пока их людей убивали и порабощали.

Она ни разу не упомянула об этом. Я знала, что лучше не спрашивать.

— Каждая деталь этой свадьбы — это сообщение не только Прифиану, но и миру за его пределами, — сказала она.

Я подавила вздох. Я знала — она уже говорила мне об этом раньше.

— Я знаю, что тебе не нравится платье..

Какое преуменьшение. Я ненавидела тюлевое чудовище, которое она выбрала. Тамлин тоже — хотя он и смеялся до хрипоты, когда я показал его ему в уединении своей комнаты. Но он заверил меня, что, хотя платье и выглядело абсурдно, жрица наверняка знала, что делает. Я хотела воспротивиться тому, что, хоть он и согласился со мной, но все равно принял ее сторону, но... энергии на это ушло бы больше, чем оно того стоит.

Ианта продолжила:

— Но оно создает верный посыл. Я жила среди достаточного количества дворов, чтобы знать, как все устроено. Поверь мне в этом.

— Я доверяю тебе, — сказала я и махнула рукой в сторону бумаг перед нами. — Ты знаешь, как делать все эти вещи. А я нет.

Серебро зазвенело на запястьях Ианты, словно браслеты Детей Благословенных по ту сторону стены. Я иногда задавалась вопросом, украли ли эти глупые смертные идею у Высших Жриц Прифиана, или это была жрица вроде Ианты, что распространила подобную чепуху среди людей.

— Это важный момент и для меня, — осторожно сказала Ианта, поправляя венец на капюшоне. Бирюзовые глаза встретились с моими. — Мы с тобой так похожи — молодые, неопытные среди этих... волков. Я благодарна тебе и Тамлину, что вы позволите мне провести церемонию, что пригласили работать с этим двором, быть частью этого двора. Других Верховных Жриц я особо не волную, они меня тоже, но... — она тряхнула головой, капюшон заколыхался вместе с ней. — Вместе, — прошептала она, — мы трое станем грозным целым. Четверо, если считать Люсьена. Хоть он и не особенно хочет иметь со мной что-то общее, — она фыркнула.

Центральный аргумент.

Она часто находила способы, чтобы упомянуть его в беседе, загнать его в угол на мероприятиях, коснуться его локтя или плеча. Он игнорировал все. На прошлой неделе я наконец спросила его, не положила ли она на него глаз, и Люсьен едва на меня взглянул, тихо рыча, прежде чем исчезнуть. Я приняла это как «да».

Но союз с Люсьеном нес бы почти такую же выгоду, как и с Тамлином: правая рука Высшего Лорда и сын другого Высшего Лорда... Любой их отпрыск будет влиятельным, желанным.

— Ты знаешь, что... ему нелегко быть с женщинами, — сказала я нейтрально.

— Он был с многими женщинами после смерти своей возлюбленной.

— Возможно, с тобой это по-другому — возможно, это означало бы что-то, к чему он еще не готов, — я пожалала плечами, подбирая слова. — Возможно, поэтому он избегает тебя.

Она задумалась, и я взмолилась, чтобы она поверила в мою наполовину ложь. Ианта была амбициозной, умной, красивой и смелой, но я не думаю, что Люсьен простил ее или когда-нибудь простит за бегство во время правления Амаранты. Иногда я честно задумывалась, мог ли мой друг вырвать ей глотку за это.

Ианта кивнула наконец.

— Ты хотя бы рада предстоящей свадьбе?

Я повертела на пальце изумрудное кольцо.

— Это будет самый счастливый день в моей жизни.

В день, когда Тамлин сделал мне предложение, я, конечно, была в этом уверена. Я плакала от радости говоря ему да, да, тысячу раз да, и занимаясь с ним любовью на лугу среди полевых цветов, куда он меня привел ради этого.

Ианта кивнула.

— Ваш Союз благословлен Котлом. И то, что ты выжила Под Горой это только доказывает.

Я поймала ее взгляд — она посмотрела на мою левую руку, татуировки на ней.

Я сдержала порыв спрятать руку под стол.

Тагуировка на ее лбу была полночно-синей, но почему-то все равно подходила ей, создавая акцент с ее женственными платьями, яркими украшениями из серебра. В отличие от элегантной брутальности моей.

— Мы можем купить тебе перчатки, — предложила она невзначай.

И, возможно, это отправит еще одно сообщение — человеку, который, как я отчаянно надеялась, забыл о моем существовании.

— Я подумаю об этом, — сказала я с мягкой улыбкой.

Это было все, что я могла сделать, чтобы не сбежать, прежде чем прошел час, и Ианта уплыла в свою личную молитвенную комнату — подарок от Тамлина в честь ее возвращения — чтобы вознести в полдень благодарности Котлу за освобождение нашей земли, за мой Триумф, и за установление господства Тамлина на этой земле.

Иногда я думала попросить ее помолиться и за меня.

Помолиться, чтобы однажды я научилась любить платья и празднования, и свою роль краснеющей, хорошенькой невесты.

* * *

Я уже лежала в постели, когда Тамлин вошел в мою комнату, тихо, словно олень, ступающий в лесу. Я подняла голову, ища кинжал, который оставила на прикроватной тумбочке, но расслабились при виде его широких плеч; свет свечей позолотил его загорелую кожу, при этом оставляя лицо в тени.

— Проснулась? — прошептал он. По его голосу я поняла, что он нахмурен. После ужина он работал в своем кабинете, перебирая кучу бумаг, которую Люсьен сгрузил на его стол.

— Не могла заснуть, — ответила я, наблюдая, как перекачиваются его мышцы, когда он пошел в ванную комнату чтобы умыться. Уже час как я пыталась уснуть, но каждый раз, когда я закрывала глаза, мое тело каменело, стены комнаты начинали сжиматься. Пока я лишь распахнула пошире окна, но... это будет долгая ночь.

Откинувшись на подушки, я слушала, как он спокойно и собранно готовился ко сну. Он оставил себе свои покои, считая, что мне важно иметь собственное пространство.

Но все равно спал здесь каждую ночь. Я еще не ночевала в его постели, и задавалась вопросом, изменит ли это наша брачная ночь. Я молилась, чтобы не проснуться с рвотным позывом, когда не смогу узнать комнату, где не буду знать, постоянна ли темнота в ней.

Может быть, поэтому он еще не предложил этого.

Он вышел из ванной комнаты, остановился у края кровати, стягивая тунику и рубашку, и я приподнялась на локтях, чтобы смотреть.

Мое внимание сразу перешло к сильным, умелым пальцам, расстегивающим штаны.

Тамлин издал низкий рык одобрения, и я прикусила нижнюю губу, когда он снял штаны вместе с нижним бельем, обнажая гордую, толстую длину. Во рту пересохло, и я подняла взгляд на его мускулистый торс, а затем...

— Иди сюда, — прорычал он так грубо, что я едва разобрала слова.

Я откинула одеяло, открывая свое уже обнаженное тело, и он зашипел.

Его лицо приобрело голодное выражение, пока я ползла через кровать и встала на колени. Я обхватила его лицо руками — его золотая кожа в обрамлении пальцев цвета слоновой кости и завитков черного, и поцеловала его.

Он удержал мой взгляд, целуя, даже когда я прижалась ближе, сдерживая вдох, когда он

задел мой живот.

Его мозолистые руки скользнули по моему бедру, талии, затем он наклонил голову, срывая поцелуй. Его язык на моих губах заставил меня полностью распахнуть их, и он скользнул языком внутрь, утверждая свою власть надо мной, клеймя меня.

Я застонала, опрокидывая голову назад, чтобы дать ему лучший доступ. Его руки сжимали мою талию, затем переместились — одна накрыла мой зад, другая скользнула между нами.

Это... Этот миг, когда только я и он, и между нашими телами ничего нет...

Его язык щекотал мое твердое небо, когда он погрузил палец в мой центр, и я ахнула, выгибаясь.

— Фейра, — прошептал он мне в губы, словно молитву, с большим благоговением, чем Ианта когда-либо молилась Котлу в то темное утро солнцестояния.

Его язык вновь захватил мой рот, одновременно с пальцем, скользнувшим внутрь меня. Мои бедра извивались, требуя большего, страстно желая наполненности, и его рычание отдалось эхом в моей груди, когда он добавил еще один палец.

Я двинула бедрами. Молния пронеслась по моим венам, мое внимание сузилось до его пальцев, губ, его тела на мне. Его ладонь надавила на комок нервов между моих бедер, и я простонала его имя, рассыпаясь осколками.

Моя голова запрокинулась, я жадно глотала прохладный ночной воздух, а потом была опущена на кровать — мягко, аккуратно, с любовью.

Он простерся надо мной, наклоняясь к моей груди, и одно нажатие зубов вокруг моего соска — это все, что потребовалось, чтобы я вцепилась в его спину, обвила его ногами. Это — *это* мне было нужно.

Он помедлил, нависая надо мной, его руки дрожали.

— Пожалуйста, — я выдохнула.

Он просто прижимался губами к моей челюсти, шее, губам.

— Тамлин, — я умоляла. Он накрыл ладонью мою грудь, его большой палец кружил вокруг моего соска. Я вскрикнула, и он погрузился в меня одним мощным толчком.

На мгновение я была ничем, никем.

Затем мы слились, два сердца, бьющиеся как одно, и я пообещала себе, что так будет всегда. Он вышел на пару дюймов, мышцы его спины сокращались под моими руками, и затем ворвался обратно. Снова и снова.

Я ломалась и ломалась под ним, когда он двигался, когда шептал мое имя и говорил, что любит меня. И когда эта молния еще раз прошила мои вены, когда я простонала его имя, его собственное удовольствие накрыло его. Я сжимала его, пока прокатывались волны наслаждения, упиваясь его весом, ощущением его кожи, его силы.

На какое-то время в комнате было слышно только наше загнанное дыхание.

Я нахмурилась, когда он наконец отстранился — но не далеко. Он растянулся на боку, опершись головой о кулак и рисуя круги на моем животе, груди.

— Прости меня за утро, — пробормотал он.

— Все в порядке, — я выдохнула, — я понимаю.

Не ложь, но и не совсем правда.

Его пальцы спустились ниже, кружа вокруг пупка.

— Ты... Ты для меня все, — прохрипел он. — Мне нужно... Мне нужно знать, что с тобой все хорошо. Знать, что они не смогут добраться до тебя — больше не смогут

причинить тебе вред.

— Я знаю, — эти пальцы опустились ниже.

Я тяжело сглотнула и повторила:

— Я знаю, — я отвела его волосы, упавшие на лоб. — Но что насчет тебя? Кто защитит тебя?

Он поджал губы. Все его силы вернулись, и ему никто не нужен, чтобы защитить его, укрыть. Я почти осязала, как в нем закипал гнев — не на меня, но при мысли о том, каким беспомощным он был всего лишь несколько месяцев назад: исполняющим прихоти Амаранты, его сила лишь слабый ручеек, по сравнению с водопадом, струящимся в нем сейчас. Он сделал глубокий вдох, успокаиваясь, и наклонился, чтобы поцеловать мое сердце, прямо между грудей. Это был исчерпывающий ответ.

— Скоро, — пробормотал он, и эти пальцы вернулись к моей талии. Я почти застонала. — Скоро ты станешь моей женой, и все наладится. Мы оставим все это позади.

Я выгнулась, желая, чтобы его рука спустилась ниже, и он усмехнулся. Я почти не слышала свой голос, сконцентрировавшись на этих пальцах, подчинившихся моей безмолвной команде.

— Как тогда все будут ко мне обращаться? — он задел мой пупок, наклоняясь, посасывая вершинку моей груди.

— Ммм? — сказал он, и вибрация возле моего соска заставила меня сжаться.

— Все просто будут называть меня жена Тамлина? У меня будет какой-то... титул?

Он поднял голову, чтобы изучающе посмотреть на меня.

— Ты хочешь титул?

Прежде чем я успела ответить, он укусил мою грудь, затем стал зализывать небольшую ранку — зализывать, тогда как его пальцы наконец опустились между моих ног. Он начал рисовать ими ленивые, дразнящие круги.

— Нет, — я выдохнула. — Но я не хочу, чтобы люди... — Котел меня подери, его проклятые *пальцы*... — Я не знаю, выдержу ли, если они будут звать меня Высшая Леди.

Его пальцы снова скользнули в меня, и он одобрительно зарычал, почувствовав между моих бедер влагу — мою и его.

— Не будут, — прорычал он в мою кожу, снова нависая надо мной и спускаясь вниз, оставляя за собой след из поцелуев. — Нет такого понятия, как Высшая Леди.

Он схватил мои бедра, чтобы развести мои ноги шире, наклоняясь и...

— Что значит нет такого понятия, как Высшая Леди?

Жар, его касания — все прекратилось.

Он посмотрел на меня снизу вверх, и я почти достигла кульминации при виде его между моих ног. Но то, что он сказал, что подразумевает... Он поцеловал внутреннюю часть моего бедра.

— Жены Высших Лордов это просто жены. Консорты. Высших Леди никогда не было.

— Но мать Люсьена...

— Она Леди Осеннего Двора. Не Высшая Леди. Также как и ты будешь Леди Весеннего Двора. К тебе будут обращаться, так же как к ней. Так же уважать, как уважают ее. — Он опустил взгляд на то, что было в дюймах от его рта.

— Так Люсьена...

— Я не хочу слышать имя другого мужчины из твоих уст прямо сейчас, — прорычал он и прижался ко мне ртом.

С первым ударом его языка я прекратила спорить.

Тамлин все же должно быть почувствовал укол вины, потому как хоть он и уехал на следующий же день, Люсьен ждал меня с предложением посмотреть на прогресс в соседней деревне.

Я не была там много больше месяца — сейчас я не могла даже припомнить последний раз, когда выходила за пределы поместья. Несколько жителей были приглашены к нам на праздник Зимнего Солнцестояния, но из-за размеров толпы я едва ли смогла сделать больше, чем просто поприветствовать их.

Лошади уже были оседланы у передних ворот конюшни, и я подсчитала количество часовых у дальних ворот (четверо), с другой стороны дома (два на каждом углу), и в саду, через который я только что прошла (двое). И хотя никто не разговаривал, их глаза были прикованы ко мне.

Люсьен собрался запрыгнуть на свою серую в яблоках кобылу, но я преградила ему путь.

— Упал со своей чертовой лошади? — я зашипела, толкая его плечом.

Люсьен в самом деле отшатнулся, его кобыла тревожно заржала, и я моргнула, глядя на свою протянутую руку. Я не позволила себе рассуждать, что об этом могли подумать часовые. Прежде чем он смог что-либо сказать, я потребовала:

— Почему ты соврал мне о нагах?

Люсьен скрестил руки на груди — его металлический глаз сузился — и встряхнул своими рыжими волосами, упавшими на лицо.

Мне пришлось отвернуться на мгновение.

Волосы Амаранты были темнее, ее лицо сливочно-белое, совсем не похоже на поцелованное солнцем золото кожи Люсьена.

Я изучала конюшни позади него. По крайней мере они были большими, открытыми. Обычно у меня практически не было проблем с нахождением внутри, я часто приходила сюда навестить лошадей, когда мне было скучно. Много места, чтобы перемещаться, чтобы убежать. Стены тоже не чувствовались такими... постоянными.

В отличие от кухни, которая была слишком низкой, стены слишком толстыми, окна не достаточно большими, чтобы пролезть в них. В отличие от кабинета с нехваткой естественного света или запасных выходов. У меня в голове был длинный список мест в доме, где я выдерживаю и не выдерживаю находиться, в зависимости от того, насколько сильно они заставляли мое тело сжаться и покрыться испариной.

— Я не *соврал*, — сказал Люсьен жестко. — Технически, я *упал* с лошади, — он погладил лошадь по боку, — после того, как один из них стянул меня с нее.

Просто типичный фэйский образ мысли и вранья.

— Почему?

Люсьен захлопнул рот.

— Почему?

Он просто повернулся обратно к терпеливо ждущей кобыле. Но я поймала выражение его лица... жалость в его глазах.

Я выпалила:

— Может пройдемся пешком?

Он медленно повернулся.

— Это три мили.

— И ты мог бы пробежать их за пару минут. А я бы проверила, смогу ли не отстать от тебя.

Его металлический глаз заскрежетал, и я знала, что он скажет, прежде чем он открыл рот.

— Неважно, — сказала я, направляясь к своей белой лошади — благовоспитанному животному, возможно слегка ленивому и чуть испорченному. Люсьен не пытался убедить меня в обратном, и молчал, пока мы ехали прочь от усадьбы по лесной дороге. Весна, как всегда, была в полном разгаре: ветер отягчен запахом сирени, чаща, через которую пролегает дорога наполнена звуками жизни. Никакого намека на Боггу, нагу, любых других существ, что когда-то заставляли лес застыть в безмолвии.

Я сказала ему наконец:

— Мне не нужна твоя чертова жалость.

— Это не жалость. Тамлин сказал, чтобы я не говорил тебе... — он немного поморщился.

— Я не хрустальная. Если нага напал на тебя, я заслуживаю знать..

— Тамлин мой Высший Лорд. Он отдает приказ — я подчиняюсь.

— У тебя было другое мировоззрение, когда ты обошел его приказы, чтобы отправить меня к Суриэлю, — и я чуть не погибла.

— Я был в отчаянии тогда. Мы все были. Но теперь... Теперь должен быть порядок, Фейра. Нам нужны правила, иерархия и *порядок*, если мы хотим иметь шанс на восстановление. Поэтому все, что он говорит должно выполняться. Я *первый*, на кого будут смотреть остальные... Я подаю пример. Не проси меня рисковать стабильностью этого двора, выразив свое несогласие. Не сейчас. Он дает тебе столько свободы, сколько может.

Я заставила себя спокойно вздохнуть, чтобы наполнить воздухом слишком тугие легкие.

— Несмотря на то, что ты отказываешься общаться с Иантой, ты звучишь совсем как она.

Он прошипел:

— Ты *не представляешь*, как трудно для него даже отпустить тебя из поместья! Он под гораздо большим давлением, чем ты предполагаешь.

— Я прекрасно знаю, под каким он давлением. И я не думала, что превратилась в узницу.

— Ты не... — он сжал зубы. — Это не так и ты это знаешь.

— У него не было никаких проблем разрешить мне охотиться и бродить сама по себе, когда я была простым человеком. Когда границы были гораздо менее безопасными.

— Он не заботился о тебе как сейчас. И после того, что случилось Под Горой... — слова отозвались звоном в моей голове, в моих слишком напряженных мышцах. — Он в ужасе. В *ужасе* увидеть тебя в руках врагов. И они тоже это знают — знают, что все, что им нужно сделать, чтобы подчинить его — это схватить тебя.

— Думаешь, я не знаю? Но он что, всерьез ожидает, что я проведу остаток своей жизни в поместье, отдавая приказы слугам и нося красивую одежду?

Люсьен смотрел на вечно молодой лес.

— Разве не об этом мечтают все смертные женщины? Выйти замуж за прекрасного фейри-лорда, который до конца жизни будет осыпать тебя сокровищами?

Я схватила поводья своей лошади так сильно, что та вскинула голову.

— Приятно знать, что ты по-прежнему придурок, Люсьен.

Его металлический глаз сузился.

— Тамлин Высший Лорд. Ты станешь его женой. Есть определенные ожидания и традиции, которые ты должна соблюдать. *Мы* должны соблюдать, чтобы показать свою сплоченность, свое исцеление от Амаранты и готовность уничтожить всех врагов, которые попытаются отобрать наше.

Ианта прочитала мне вчера почти аналогичную речь.

Он продолжил, качая головой:

— Приближается время Оброка — первого за... все время, что действовало проклятие, — его подострастие было едва уловимо. — Он дал своему народу три месяца, чтобы привести дела в порядок, и подождал до начала Нового года, но в следующем месяце он потребует Оброк. Ианта сказала ему, что время пришло, что люди готовы.

Он ждал, и я хотела плюнуть в него, потому что он знал, он *знал*, что я не знаю что это такое, и хотел, чтобы я призналась в этом.

— Скажи мне, — сказала я ровно.

— Два раза в год, как правило, примерно в период Летнего и Зимнего Солнцестояний, каждый подданный Весеннего Двора — будь то Высший Фэ или низший, должен выплатить Оброк в зависимости от его дохода и статуса. Так мы содержим поместье, охрану, слуг и платим за еду. В ответ Тамлин защищает, управляет, помогает, когда может. Это обмен. В этом году он перенес дату на месяц вперед — чтобы дать дополнительное время для сбора средств, чтобы отпраздновать. Но вскоре посланцы от каждой деревни или клана придут сюда, чтобы заплатить свой Оброк. Как жена Тамлина, ты будешь сидеть рядом с ним. И если они не заплатят... Ты должна будешь сидеть там, пока он будет вершить правосудие. Это может быть довольно неприятно. Я буду вести учет тех, кто пришел или нет, тех, кто не платит. И потом, если они не заплатят свой Оброк в трехдневный срок, он должен будет начать на них охоту. Сама Высшая Жрица — Ианта — наделит его священными правами для этого.

Ужасно... жестоко. Я хотела сказать это, но взгляд Люсьена... мне и так хватает людей, осуждающих меня.

— Так дай ему время, Фейра, — сказал Люсьен. — Давай переживем свадьбу, Оброк в следующем месяце, и тогда... тогда мы подумаем об остальном.

— Я дала ему время, — сказала я. — Я не могу оставаться взаперти в доме вечно.

— Он знает это, хоть и не говорит, но он это знает. Поверь мне. Прости его за то, что расправа с его семьей не позволяет ему быть таким... мягким касательно твоей безопасности. Он терял тех, кто ему дорог слишком много раз. Как и все мы.

Каждое слово было сродни топливу, добавляемому в кипящую яму в моем животе.

— Я не хочу выходить замуж за Высшего Лорда. Я просто хочу выйти замуж за *него*.

— Один не существует без другого. Он такой, какой он есть. Он всегда, *всегда* будет защищать тебя, нравится тебе это или нет. Поговори с ним об этом, серьезно поговори, Фейра. Вы разберетесь, — наши взгляды встретились. Мышцы вырисовались на челюсти Люсьена. — Не проси меня выбирать.

— Но ты намеренно не говоришь мне многие вещи.

— Он мой Высший Лорд. Его слово — *закон*. У нас есть единственный шанс, Фейра, чтобы восстановить и сделать мир таким, каким он должен быть. Я не начну новый мир с

того, что предам его доверие. Даже если ты...

— Даже если я что?

Его лицо побледнело, и он провел рукой по лошадиной гриве цвета паутины.

— Я вынужден был смотреть, как мой отец резал женщину, которую я любил. Мои братья заставили меня смотреть.

Мое сердце сжалось из-за него — из-за боли, что преследовала его.

— Не было такого заклинания, не было чуда, которое могло бы вернуть ее. Не было собравшихся Высших Лордов, чтобы воскресить ее. Я смотрел, как она умирала, и я никогда не забуду тот момент, когда я услышал, как ее сердце перестало биться.

Мои глаза горели.

— Тамлин получил то, что я нет, — сказал Люсьен тихо, его дыхание прерывалось. — Мы все слышали, как сломалась твоя шея. Но ты вернулась. И я сомневаюсь, что он тоже когда-нибудь забудет этот звук. И сделает все возможное, чтобы защитить тебя от подобной опасности, даже если это означает хранить секреты и следовать правилам, которые тебе не нравятся. В этом он не уступит. Так что не проси его — не сейчас.

У меня не было слов. Дать Тамлину время, дать ему привыкнуть... это меньшее, что я могла сделать.

Шум строительства заглушил пение лесных птиц задолго до того, как мы ступили в деревню: молотки стучат по гвоздям, люди выкрикивают указания, домашний скот ревет.

Выйдя из леса, мы очутились перед наполовину восстановленным поселением: маленькие красивые строения из камня и дерева, самодельные конструкции поверх припасов и скота... Единственное, что казалось абсолютно законченным — это большой колодец в центре города и то, что было похоже на таверну.

Нормальность Прифиана, его исключительное сходство с землями смертных, до сих пор удивляет меня. Я словно находилась в своей родной деревне. Несколько более опрятной, недавно построенной деревне, но планировка, основные пункты... все то же самое.

Я чувствовала себя чужаком, когда мы с Люсьеном въехали в самое сердце суматохи, и все вокруг прекратило работать или продавать, или просто слоняться и посмотрели на нас.

На меня.

Словно тишина разошлась волнами — звуки деятельности умерли даже в самых отдаленных уголках поселения.

— Фейра Разрушительница Проклятия, — кто-то шепнул.

Ну, это было новое имя.

Я порадовалась длинным рукавам моего костюма для верховой езды и перчаткам в тон, которые я натянула до того, как мы вошли в деревню.

Люсьен направил свою кобылу к высокому Высшему Фэ, который, по-видимому отвечал за строительство дома, граничащего с фонтаном колодца.

— Мы приехали, чтобы предложить вам помощь, — сказал он достаточно громко, чтобы все слышали, — мы в вашем распоряжении на весь день.

Мужчина побледнел.

— Благодарю, милорд, но ничего не нужно, — его глаза жадно скользнули по мне, расширяясь, — долг уплачен.

Мои ладони вспотели еще больше. Моя кобыла била копытом по рыжеватой уличной грязи.

— Пожалуйста, — сказал Люсьен, изящно склонив голову.

— Усилия по восстановлению, мы хотим разделить эту ношу. Это будет для нас честью.
Мужчина покачал головой.

— Долг уплачен.

Так продолжалось везде, где мы остановились: Люсьен, спешивающийся с просьбой помочь и вежливые, почтительные отказы.

Через двадцать минут мы уже возвращались в тень и шелест леса.

— Он позволил тебе привезти меня сегодня, — сказала я хрипло, — чтобы я перестала обращаться с просьбой помочь?

— Нет. Я решил привезти тебя сам. По этой же самой причине. Они не хотят или не нуждаются в твоей помощи. Твое присутствие отвлекает и напоминает лишний раз о том, через что они прошли.

Я вздрогнула.

— Однако их не было Под Горой. Я никого не узнала.

Люсьен задрожал.

— Нет. У Амаранты были... лагеря для них. Знатным и избранным фейри было разрешено жить Под Горой. Но если люди двора не были заняты производством товаров и пищи, их запирали в лагерях, расположенных в сети туннелей Под Горой. Тысячи людей, ютящихся в камерах и туннелях без света и воздуха. Пятьдесят лет.

— Никто никогда не говорил...

— Было запрещено говорить об этом. Некоторые из них сошли с ума, начали питаться друг другом, когда Амаранта забывала отдать приказ охранникам, чтобы те накормили их. Некоторые сформировали банды, которые рыскали по лагерям и делали... — он потер брови большим и указательным пальцами. — Они делали ужасные вещи. Сейчас они пытаются вспомнить, как это — быть нормальными, как жить.

Желчь жгла мне горло. Но эта свадьба... да, возможно, это будет началом исцеления.

Однако, казалось, покрывало обволакивает мое сознание, заглушая звук, вкус, чувства.

— Я знаю, ты хотела помочь, — продолжил Люсьен, — мне жаль.

Мне тоже.

Необъятность моего нескончаемого существования разверзлась передо мной.

Я позволила ей поглотить меня всю.

За несколько дней до свадебной церемонии начали прибывать первые гости, и я была рада, что никогда не стану Высшей Леди, не сравняюсь с Тамлином в ответственности и могуществе.

Маленькая, давно забытая часть меня бушевала и кричала по этому поводу, но...

Ужин за ужином, завтраки, пикники и охота.

Меня представляли гостям снова и снова, и мое лицо болело от улыбки, которую я носила приклеенной днем и ночью. Я уже начала с нетерпением ждать свадьбы, зная, что когда она закончится, мне не придется выглядеть счастливой или разговаривать с кем-либо или *делать* что-то целую неделю. Месяц. Год.

Тамлин терпел все это — тихо и по-звериному выжидающе — и повторял мне снова и снова, что приемы были способом представить меня Двору, поводом для торжества. Он заверил меня, что ненавидит эти вечера так же, как и я, и что один лишь Люсьен веселится на них, но... Иногда я ловила широкую улыбку на лице Тамлина. И, по правде говоря, он заслуживал этого, он заслужил это. И все эти люди заслуживали тоже.

Поэтому я терпела, держалась ближе к Ианте, когда Тамлина не было рядом, или, если они были вместе, оставляла их вдвоем беседовать, в то время как я считала часы до момента, когда все уйдут.

— Тебе пора в постель, — сказала Ианта, когда мы обе смотрели на пьяных гуляк, заполняющих парадный зал. Я заметила ее у распахнутых дверей полчаса назад, и была рада поводу ускользнуть от шумной компании друзей Тамлина, с которыми мне пришлось разговаривать. Или *не* разговаривать. Они либо откровенно на меня пялились, либо с трудом пытались найти общие темы для разговора. В большинстве случаев — это была охота. Беседа обычно застопорилась уже после трёх минут.

— У меня есть ещё час до сна, — сказала я. Ианта была в привычной серой мантии с капюшоном и серебряном обруче с голубым камнем на вершине.

Мужчины Фэ смотрели на нее с благоговением или похотью, или с тем и другим, проходя мимо нас, стоящих у обшитых деревянными панелями стен около главного входа. Порой их взгляды задерживались и на мне. Я знала, что их широко открытые глаза никак не связаны с моим ярко-зеленым платьем или красивым лицом (слишком невзрачным по сравнению с Иантой). Я пыталась их игнорировать.

— Готова к завтрашнему дню? Могу я сделать для тебя что-нибудь? — Ианта пригубила игристое вино из бокала. На самом деле, платье, которое я надела сегодня вечером, было ее подарком — зелень Весеннего Двора, так она называла его. Элис едва замешкалась, пока я одевалась, нервно молчаливая, позволив Ианте выполнять свои обязанности.

— Все хорошо, — я уже прикидывала, насколько жалкой буду выглядеть, если попрошу её остаться после свадьбы навсегда. Если признаюсь, как страшусь того момента, когда она оставит меня один на один с этим Двором, с этими людьми, до Нинсара — второго по значимости весеннего праздника — посвященного окончанию засева полей и срезанию первых цветов этого сезона. До его наступления еще месяцы и месяцы. Даже если бы она осталась жить в своем храме, это было бы слишком далеко.

Двое мужчин, прошедших мимо нас уже дважды, наконец набрались храбрости подойти к нам — к ней.

Я прислонилась к стене, дерево впилось мне в спину, когда они расположились по обеим сторонам от Ианты. Красивые настолько, насколько большинство из них были красивыми, вооруженные, что означало, что они Высшие Фэ, охраняющие земли Тамлина. Возможно, они даже работали на отца Ианты.

— Жрица, — сказал один из них, глубоко кланяясь.

Я уже привыкла к тому, что люди целовали ее серебряные кольца и просили помолиться за них, семьи и любимых. Ианта принимала все это не меняя выражения своего прекрасного лица.

— Брон, — обратилась она к высокому мужчине с каштановыми волосами, стоящему от нее слева. — И Харт, — указала она мужчину справа, черноволосого и чуть более мощно сложенного, чем его друг. Она застенчиво улыбнулась, и я знала, что это означает, что она в поисках компании на ночь.

— Давно я не видела вас, хулиганы.

Они парировали кокетливыми комментариями, пока их взгляды не остановились на мне.

— Оу, — сказала Ианта, капюшон сдвинулся, когда она повернулась. — Позвольте мне представить Леди Фейру, — она опустила глаза, склоняя голову в глубоком поклоне. — Спасительницу Прифиана.

— Мы знаем, — тихо сказал Харт, кланяясь в пояс со своим другом. — Мы были вместе Под Горой.

Я слегка склонила голову, когда они выпрямились.

— Поздравляем с завтрашним днем! — сказал Брон, ухмыляясь. — Достойный конец, да?

Достойный конец для меня будет в могиле, горя в аду.

— Котел, — сказала Ианта, — благословил нас всех этим союзом. — Мужчины пробормотали свое согласие, снова приклоняя головы. Я проигнорировала это.

— Должен сказать, — продолжил Брон, — то испытание с Мидденгардским Змеем... Потрясающе. Одна из самых гениальных вещей, которую я когда-либо видел.

Мне потребовалось усилие, чтобы не вжаться полностью в стену, чтобы не думать о вони той грязи, о скрежете тех раздирающих плоть зубов, постепенно надвигающихся на меня.

— Спасибо.

— Ох, это звучит ужасно, — сказала Ианта, придвигаясь ближе, наверное, заметив, что я перестала вежливо улыбаться. Она взяла меня за руку. — Такое мужество внушает благоговение.

Я была благодарна, отчаянно благодарна за это успокаивающее прикосновение. За это легкое пожатие. Теперь я знала, что она вдохновляла орды девушек Фэ вступить в её орден — не для поклонения Матери или Котлу, а чтобы узнать, как она *живет*, как она способна сиять так ярко и любить себя, переходя от одного мужчины к другому, словно они были блюдами на банкете.

— На днях мы пропустили охоту, — непринужденно сказал Харт, — поэтому нам не удалось увидеть Ваши таланты вблизи, но я думаю, что Высший Лорд разместит нас недалеко от поместья в следующем месяце — для нас будет честью прокатиться с Вами.

Тамлин никогда в жизни не позволит мне поехать с ними. И у меня не было ни малейшего желания говорить им, что я больше никогда не притронуся к луку и стрелам,

никогда не буду охотиться. Охота, на которую мне вытянули два дня назад уже была слишком тяжким испытанием. Даже когда все наблюдали за мной, я не смогла натянуть стрелу.

Они все еще ждали моего ответа, поэтому я сказала:

— Сочту за честь.

— Вы завтра будете службе у отца или придете на церемонию? — сказала Ианта, отвлекаясь взяв Брона за руку. Именно поэтому я искала её на такого рода мероприятиях.

Брон ответил ей, но взгляд Харта был прикован ко мне — к моим скрещенным рукам. К моим татуированным пальцам. Он спросил:

— Слышно что-нибудь от Высшего Лорда?

Ианта напряглась, и Брон сразу же посмотрел на мою татуированную кожу.

— Нет, — сказала я, выдерживая взгляд Харта.

— Должно быть, он бежит в ужасе, ведь к Тамлину вернулась сила.

— Тогда вы совершенно не знаете Рисанда.

Харт моргнул, и даже Ианта замолчала. Должно быть, это было самое решительное заявление, которое я сказала кому-либо за время всех этих приёмов.

— Что ж, мы позаботимся о нем, если потребуется, — сказал Харт, переминаясь с ноги на ногу, когда я продолжила неотрывно смотреть на него, не трудясь смягчать выражение лица.

Ианта сказала ему, мне:

— Высшие Жрицы позаботятся об этом. Мы не позволим плохо обращаться с нашей спасительницей.

Моё лицо приняло безразличное выражение. *Вот* почему Тамлин первоначально разыскивал Ианту? Чтобы заключить союз? Моя грудь напряглась. Я повернулась к ней.

— Мне пора. Скажи Тамлину, что мы увидимся завтра.

Завтра, потому что сегодня вечером, как сказала Ианта, мы должны спать по отдельности. Согласно их древнему обычаю.

Ианта поцеловала меня в щеку. Ее капюшон скрыл комнату от меня на одно сердцебиение.

— Я к Вашим услугам, Леди. Дайте знать, если Вам что-либо потребуется.

Я не стану звать ее, но кивнула.

Когда я выскользнула из комнаты, я обернулась посмотреть в зал, где Тамлин и Люсьен были окружены Высшими Фэ. Возможно, не такими утонченными как другие, но... Они выглядели так, словно знали и сражались друг за друга уже очень давно. Друзья Тамлина. Он представил меня им, и я мгновенно забыла их имена. И не пыталась запомнить их снова.

Тамлин запрокинул голову и захохотал. Остальные засмеялись вместе с ним.

Я ушла прежде, чем он смог заметить меня, пробираясь через переполненные залы, пока не оказалась на тусклой пустой лестнице, которая вела в жилое крыло.

Оставшись одна в спальне, я осознала, что не могу вспомнить, когда в последний раз по-настоящему смеялась.

* * *

Потолок надвигался, большие, тупые шипы настолько горячие, что я могла видеть жар, исходящий от них, даже будучи прикованной к полу. Прикованной, потому как я была

безграмотной и не могла прочесть загадку, написанную на стене, и Амаранта была бы рада увидеть меня пронзенной насквозь.

Все ближе и ближе. И не было никого, кто спас бы меня от этой ужасной смерти.

Будет больно. Больно и медленно, и я заплачу — может, я даже буду звать мать, которой никогда не было до меня дела. Может, я буду молить её спасти меня...

* * *

Меня начало трясти, когда я села прямо в кровати, борясь с невидимыми цепями.

Я бы пошла в ванную, если бы мои руки и ноги не тряслись так сильно, если бы я могла дышать, дышать, *дышать*...

Дрожа, я осмотрела спальню. Реально — вот это реально. Те ужасы были ночными кошмарами. Я выбралась; я жива; я в безопасности.

Ночной ветер подул сквозь раскрытые окна, развевая мои волосы и суша холодный пот. Темное небо манило, звезды такие тусклые и крошечные, словно морозные крапинки.

Брон говорил так, словно моё испытание с Червём было спортивным соревнованием. Как будто из-за одного моего промаха меня бы не проглотили целиком и не выплюнули бы мои кости.

Спасительница и шут, по-видимому.

Я доковыляла до открытого окна и полностью распахнула его, отрывая взгляд от звездчатых крапинок во тьме.

Я прислонилась головой к стене, наслаждаясь прохладой камней.

Через несколько часов я выйду замуж. Это будет моим счастливым концом, заслужила я его или нет. Но эта земля, эти люди — у *них* тоже будет свой счастливый конец. Первые шаги на пути к исцелению. На пути к миру. И тогда все будет хорошо.

Тогда я буду в порядке.

* * *

Я всей душой ненавидела свое свадебное платье.

Оно было чудовищем из тюля, шифона и газовой ткани, так отличавшееся от тех свободных платьев, которые я обычно носила: тугой лиф, сильно подчеркивающий мою грудь вырез, и юбки... Юбки были словно сверкающий шатер, парящий в сладком весеннем воздухе.

Не удивительно, что Тамлин рассмеялся. Даже Элис, когда одевала меня, что-то бормотала под нос, хоть ничего и не сказала вслух. Скорее всего из-за того, что именно Ианта собственноручно выбирала платье, дабы дополнить легенду, которую она сегодня будет возвещать миру.

Я бы могла примириться со всем этим, если бы не пышные рукава-пуфы, которые были настолько большими, что краем глаза я могла видеть, как ярко они блестят. Мне завили волосы, половину уложили наверх, другую оставили распущенными, вплели жемчуг и драгоценности, и лишь Котёл знал, сколько самообладания мне стоило не скривиться в зеркало, перед тем как спуститься по широкой, изогнутой лестнице в главный зал. С каждым шагом мое платье шелестело и шуршало.

За закрытыми дверями внутреннего дворика, где я остановилась, сад был украшен

лентами и фонариками кремового, розового и небесно-голубого цвета. Три сотни стульев были установлены в огромном внутреннем дворе, каждый из которых будет занят поданными Тамлина. Под их взглядами я должна буду пройти по главному проходу до кафедры на другом конце, где меня будет ждать Тамлин.

Затем Ианта засвидетельствует и благословит наш союз прямо на заходе солнца, как представительница *всех* двенадцати Высших Жриц. Она намекнула, что они очень желали присутствовать, но некими уловками, ей удалось от них избавиться. Либо она хотела быть в центре внимания, либо хотела избавить меня от их преследования. Я не могу сказать. Может и то, и другое.

Во рту мгновенно пересохло, когда Элис поправила сверкающий шлейф моего платья в тени дверей, ведущих в сад. Шелк и газовая ткань зашуршали, и я зажала букет в перчатках, чуть не сломав стебли.

Шелковые перчатки по локоть, дабы скрыть татуировки. Ианта лично доставила их в бархатной коробке сегодня утром.

— Не волнуйся, — сказала Элис, её кожа цвета древесной коры приобрела золотисто-медовый оттенок в вечернем свете.

— Я не волнуюсь, — сиплым голосом ответила я.

— Ты ёрзаешь, как мой племянник перед стрижкой.

Она закончила суетиться над моим платьем и прогнала пару служанок, которые пришли пошпионить за мной перед церемонией. Я притворилась, будто бы не видела ни их, ни толпу в лучах солнца, сидевшую впереди во дворе, и играла с невидимой пылинкой на моих юбках.

— Ты чудесно выглядишь, — тихо сказала Элис. Я не была уверена, что наши мысли по поводу платья совпадали, но поверила ей.

— Спасибо.

— Звучишь так, словно идешь на свои похороны.

Я скорчила гримасу. Элис закатила глаза. Она слегка подтолкнула меня к дверям, открывшимся неким бессмертным ветром, впусившим льющуюся музыку. — Все закончится быстрее, чем ты успеешь моргнуть, — пообещала она и толкнула меня навстречу солнечному свету.

Три сотни людей поднялись и повернулись ко мне.

Со времени моего последнего испытания не собиралось так много людей, чтобы посмотреть на меня, оценить меня. Их одеяния были похожи на те, что они носили Под Горой. Их лица расплывались, таяли.

Элис кашлянула в тени дома, и, вспомнив, я начала идти к кафедре.

К Тамлину.

Моё дыхание участилось, и мне потребовались все силы, чтобы продолжать спускаться по лестнице, чтобы удержаться на подкашивающихся ногах. Он был великолепен в золотисто-зеленой тунике, корона из блестящих лавровых листьев сияла на его голове. Он позволил своему вечному свету и красоте сиять ради меня.

Мой взгляд был прикован к нему, к моему Высшему Лорду. Его широко раскрытые глаза заблестели, когда я ступила на мягкую траву, усыпанную белыми лепестками...

И красными.

Словно капли крови на белом, вся дорога была усыпана красными лепестками.

Я подняла взгляд на Тамлина — его плечи расслаблены, голова поднята. Не имеющий никакого понятия, насколько разбитой и темной я ощущала себя внутри. Насколько

неподходящим было белое платье, когда мои руки были в такой грязи.

Все думали также. Должны были.

Каждый шаг был слишком быстрым, приближая меня к кафедре и Тамлину. И к Ианте, одетой сегодня в темно-синюю мантию и серебряную корону поверх капюшона.

Как будто я была хорошей — как будто я не убила двух из их рода.

Я была убийцей и лгуньей.

Скопление красных лепестков темнело впереди — так же, как кровь тех молодых Фэ, пролившаяся на мои ноги.

Десять шагов до кафедры, до края брызг красного, и я замедлилась.

А затем остановилась.

Все взгляды были прикованы ко мне, точно так же, как тогда, когда я практически умерла. Зрители моих мучений.

Тамлин широко протянул руку, слегка нахмутив брови. Мое сердце билось быстро, слишком быстро.

Меня вот-вот могло вырвать.

Прямо на те красные лепестки; прямо на траву и ленты, соединяющие кафедру и стулья по бокам от нее.

И между моей кожей и костями что-то билось и стучало, поднималось и давило, струясь по моей крови...

Так много глаз, слишком много, они давили на меня, были свидетелями каждого моего преступления, каждого унижения...

Я не знаю, почему я вообще побеспокоилась надеть перчатки, почему позволила Ианте убедить меня.

Затухающее солнце было слишком жарким, сад слишком огороженным. Из него не сбежать, как и от клятвы, которая свяжет меня с ним навечно, прикует его к моей разбитой и измученной душе. Нечто внутри меня теперь возмущенно бурлило, сотрясая мое тело и рвась наружу...

Никогда — мне никогда не станет лучше, я никогда не освобожусь от самой себя, от той темницы, в которой провела три месяца.

— Фейра, — сказал Тамлин, продолжая тянуться ко мне. Солнце зашло за стеной в западной части сада; тени сгустились, выхолаживая воздух.

Если я развернусь обратно, они начнут говорить, но я не могла заставить себя сделать последние несколько шагов, не могла, не могла, не могла...

Я вот-вот готова была упасть, прямо там, прямо в ту минуту — и они бы увидели, насколько сломленной я была.

«Помоги мне, помоги мне, помоги мне,» - я умоляла каждого, любого. Я молила Люсьена, стоящего в первом ряду, его металлический глаз был прикован ко мне. Молила Ианту, со спокойным и терпеливым, и столь прекрасным лицом в этом капюшоне. *«Спаси меня, пожалуйста, спаси. Вытащи меня отсюда. Пусть это все закончится»*.

Тамлин сделал шаг вперед — в его глазах появились тени беспокойства.

Я отступила на шаг. Нет.

Губы Тамлина сжались. Толпа начала перешептываться. Шелковые потоки и сферы золотистого света Фэ замерцали вокруг нас.

Ианта спокойно сказала:

— Подойди, Невеста, и воссоединись со своей истинной любовью. Подойди, Невеста, и

позволь добру наконец восторжествовать.

Добру. Я не добро. Я была ничем, а моя душа, моя вечная душа, была проклята...

Я попыталась заставить свои предательские легкие набрать воздух, чтобы я могла произнести одно единственное слово. *Нет. Нет.*

Но мне не пришлось говорить.

Позади меня раздался грохот, как будто два валуна ударились друг о друга.

Люди кричали, падали, некоторые исчезли в наступившем мраке.

Я повернулась, и в растворяющейся, словно дым на ветру, ночи увидела Рисанда, поправляющего лацканы своего черного камзола.

— Здравствуй, Фейра, дорогая, — промурлыкал он.

Я могла бы не удивляться. Рисанд всегда любил устроить хороший спектакль. И находил, что разозлить Тамлина — это вид искусства.

И вот он здесь.

Рисанд, Высший Лорд Ночного Двора, стоял рядом со мной, тьма растекалась вокруг него, словно чернила в воде.

Он повернул голову, его иссиня-черные волосы колыхнулись, фиолетовые глаза сверкали в золотом свете Фэ. Он остановил свой взгляд на Тамлине, поднял руку по направлению к нему, туда, где Тамлин и Люсьен, и их стражники наполовину обнажили мечи, прикидывая, как заслонить меня, как повергнуть его...

Но со взмахом этой руки они замерли.

Ианта, однако, медленно отступала назад, все краски исчезли с ее лица.

— Какая милая маленькая свадьба, — заметил Рисанд, засовывая руки в карманы, так как те многочисленные мечи остались в ножнах. Оставшаяся толпа толкалась назад, некоторые перелезали через кресла, чтобы поскорее уйти.

Рис медленно осмотрел меня и поцокал языком, глядя на мои шелковые перчатки. Что бы ни росло под моей кожей — оно успокоилось и замерзло.

— Убирайся, — прорычал Тамлин, приближаясь к нам. Когти рвались наружу из его костяшек.

Рис снова цокнул языком.

— Я так не думаю. Мне нужно получить свою часть сделки с милой Фейрой.

В моем животе словно возникла дыра. Нет... Нет, только не сейчас.

— Попытаешься нарушить сделку — и ты знаешь, что произойдет, — продолжил Рис, посмеиваясь над толпой, где все толкали друг друга, чтобы побыстрее оказаться подальше от него. Он вскинул подбородок в мою сторону. — Я дал тебе три месяца свободы. Могла бы притвориться, что рада меня видеть.

Я дрожала слишком сильно, чтобы что-то сказать. Глаза Риса сверкнули неприязнью.

Выражение исчезло, когда он снова посмотрел на Тамлина.

— Я забираю ее.

— Ты не посмеешь, — Тамлин зарычал. Позади него помост опустел; Ианта исчезла. Вместе с большинством присутствующих.

— Разве я помешал? Я был уверен, что все уже закончилось. — Рис послал мне улыбку, сочащуюся ядом. Он знал — через эту связь, через магию, которая была между нами — знал, что я собиралась сказать нет. — По крайней мере, Фейра, казалось, так считала.

Тамлин прорычал:

— Дай нам завершить церемонию...

— Ваша Верховная жрица, — заметил Рис, — кажется, тоже решила, что все закончено.

Тамлин окаменел, посмотрев через плечо и найдя алтарь пустым. Когда он снова посмотрел на нас, его когти на половину спрятались.

— Рисанд...

— Я не в настроении торговаться, — оборвал Рис. — Хотя я мог бы повернуть это в свою пользу, я уверен, — я дернулась на ласку его руки на моем локте. — Пойдем.

Я не сдвинулась с места.

— Тамлин, — я выдохнула.

Тамлин шагнул мне навстречу, его золотистое лицо было бледным, но он продолжал смотреть на Риса.

— Назови свою цену.

— Не утруждайся, — промурлыкал Рис, беря меня под руку. Каждая точка нашего соприкосновения была отвратительной, невыносимой.

Он вернет меня обратно в Ночной Двор, место, по образу которого Амаранта по общему мнению создала Подгорье, место, полное лишений, пыток и смерти...

— Тамлин, пожалуйста.

— Какой драматизм, — сказал Рисанд, прижимая меня ближе.

Но Тамлин не шелохнулся — и его когти полностью спрятались под гладкой кожей. Он устремил свой взгляд на Риса, оскалившись.

— Если ты причинишь ей вред...

— Я знаю, знаю, — протянул Рисанд. — Я верну ее через неделю.

Нет... Нет, Тамлин не мог так говорить, ведь это означало, что он отпускает меня. Даже Люсьен изумленно посмотрел на Тамлина, его лицо было белым от ярости и шока.

Рис выпустил мой локоть только чтобы обнять меня за талию, прижимая к себе, и прошептал мне на ухо:

— Держись.

Затем темнота зашумела, ветер швырял меня из стороны в сторону, земля ушла из-под моих ног, мир вокруг исчез. Остался только Рис, и я ненавидела его, прижимаясь к нему, ненавидела всем сердцем...

Затем тьма исчезла.

Первое, что я почувствовала — это запах жасмина, а затем я увидела звезды. Океан звезд мерцал над излучающими свет колоннами из лунного камня, которые обрамляли потрясающий вид на бесконечные горы со снежными шапками.

— Добро пожаловать в Ночной Двор, — было все, что сказал Рис.

* * *

Это было самое красивое место, какое я видела за всю свою жизнь.

Строение, в котором мы находились, было на вершине горы из серого камня. Холл вокруг нас был открыт всем стихиям, без окон, вокруг одни лишь возвышающиеся колонны и занавеси из тонкой газовой ткани, колышущиеся из-за ветерка, наполненного запахом жасмина.

Здесь должна была быть какая-то магия, чтобы сохранить воздух таким теплым в самый разгар зимы. Не говоря уже о высоте или о снеге, укрывающем горы; сильные ветры сметали снежную вуаль с пиков, превращая ее в блуждающую дымку.

Небольшая гостиная, обеденная и рабочая зоны были расположены здесь же, отделяемые занавесями или пышными растениями, или толстыми коврами, расстеленными тут и там на полу из лунного камня. Несколько шаров света покачивалось на ветру, вместе с фонарями из цветного стекла, подвешенными к сводам потолка.

Не слышно ни криков, ни стонов.

За моей спиной выросла стена из белого мрамора, изредка нарушаемая дверными проемами, ведущими к тусклым лестничным пролетам. Остальной Ночной Двор должен

быть там. Неудивительно, что я не слышу криков, если они все там.

— Это моя личная резиденция, — сказал Рис невзначай. Его кожа была темнее, чем я помнила — золотая теперь, а не бледная.

Бледная, потому что он был заперт Под Горой пятьдесят лет. Я смотрела на него, ища какой-нибудь признак массивных, перепончатых крыльев — тех, что позволяют ему наслаждаться полетом, как он признался. Но ничего не было. Просто мужчина ухмыляющийся мне.

И слишком знакомое выражение...

— Как ты *посмел*...

Рис фыркнул.

— Я определенно скучал по *этому* выражению на твоём лице. — Он подошел ближе, его движения грациозны, а взгляд фиолетовых глаз становится убийственным. — Всегда пожалуйста.

— Пожалуйста *что*?

Рис остановился менее чем в футах от меня, засунув руки в карманы. Ночь не струилась вокруг него здесь, — и он казался, несмотря на его совершенство, почти обыкновенным.

— Всегда пожалуйста, если нужно тебя спасти.

Я напряглась.

— Я не просила.

Его взгляд опустился к моей левой руке.

Без предупреждения Рис схватил мою руку, тихо рыча, и сорвал перчатку. Его прикосновение было как клеймо, и я вздрогнула, желая отступить, но он крепко держал меня, пока не стянул обе перчатки.

— Я слышал, как ты умоляешь спасти тебя, вытащить тебя оттуда. Я слышал, как ты сказала «нет».

— Я ничего не говорила.

Он повернул мою руку ладонью вверх, сжав ее, изучая глаз на моей татуировке. Он провел пальцем по зрачку на руке. Один раз. Два.

— Я слышал это громко и четко.

Я вырвала руку.

— Верни меня обратно. *Сейчас же*. Я не хочу быть похищенной.

Он пожал плечами.

— Неужели это не лучшее время, чтобы забрать тебя сюда? Может быть, Тамлин не заметил, что ты собираешься отвергнуть его перед всем двором — и теперь ты можешь свалить всю вину на меня.

— Ты мерзавец! Ты сказал достаточно, чтобы все поняли, что у меня были... сомнения.

— Такая благодарность, как всегда.

Я боролась, чтобы сделать один глубокий вдох.

— Чего ты хочешь от меня?

— *Хочу*? Прежде всего, я хочу получить свое спасибо. Затем я хочу, чтобы ты сняла это отвратительное платье. Ты выглядишь... — его рот сжался в злую линию. — Ты выглядишь в точности, как наивная девица, коей он и та жеманная жрица хотят чтобы ты была.

— Ты ничего не знаешь обо мне. О нас.

Риз послал мне понимающую улыбку.

— А Тамлин знает? Он когда-нибудь спрашивал, почему ты каждую ночь

выворачиваешь свой желудок наизнанку, или почему ты не можешь находиться в определенных комнатах или смотреть на определенные цвета?

Я замерла. Он мог с тем же успехом раздеть меня догола.

— Убирайся из моей головы.

У Тамлина хватало и своих кошмаров.

— Взаимно, — он отпрянул на несколько шагов. — Ты думаешь, мне приятно быть разбуженным каждую ночь зрелищем, как тебя рвет? Ты посылаешь все через эту связь, и мне не нравится занимать место в первом ряду, когда я пытаюсь заснуть.

— Придурок.

Еще один смешок. Но я не буду спрашивать про то, что он имел в виду — про связь между нами. Я не подарю ему удовольствие видеть меня заинтересованной.

— А что еще я хочу от тебя..., — он указал на дом вокруг, — я скажу тебе завтра за завтраком. Сейчас, приведи себя в порядок. Отдохни. — Ярость по отношению к моему платью, прическе, снова мелькнула в его глазах. — Лестница справа, один уровень вниз. Твоя комната за первой дверью.

— Не в тюремной камере? — возможно, это было глупо, обнажить этот страх, раскрыть его ему.

Но Рис обернулся, его брови поднялись вверх.

— Ты не в тюрьме, Фейра. Мы заключили сделку, и я забираю свою часть. Ты здесь мой гость, с привилегиями члена моей семьи. Никто из моих подданных не посмеет тронуть или плохо подумать о тебе.

Мой язык стал сухим и тяжелым, когда я спросила:

— И где же эти подданные?

— Некоторые живут здесь — в горе под нами, — он наклонил голову. — Им запрещено показываться здесь под страхом смерти.

Его глаза встретились с моими, застывшими и пустыми, как будто он почувствовал панику, тени страха в них.

— Амаранта не была изобретательной, — сказал он с тихой яростью. — Мой двор под этой горой всегда вселял страх, и она решила повторить его, вторгнувшись в священную гору Прифиана. Так что, да: под этой горой есть двор — двор, куда твой Тамлин думает, я помещу тебя. Я контролирую его время от времени, но в основном он существует самостоятельно.

— Когда... Когда ты меня туда отправишь? — если я должна буду спуститься под землю, снова увидеть те ужасы... Я буду умолять его — умолять не брать меня с собой. Неважно, какой жалкой я буду выглядеть. Я потеряла все сомнения в том, как далеко я могу зайти, чтобы выжить.

— Никогда, — он расправил плечи. — Здесь мой дом, и двор под ним — это моя... работа, как вы, смертные, это называете. Мне не нравится, когда эти два понятия часто пересекаются.

Мои брови слегка поднялись.

— Вы, смертные?

Звездный свет плясал на его лице.

— Я должен считать тебя чем-то другим?

Вызов. Я засунула подальше свое раздражение на его наигранное удивление, вновь дергающее уголки его губ, и вместо этого сказала:

— А другие обитатели твоего двора? — территория Ночного двора была огромной —

много больше, чем любого другого в Прифиане. А все, что было вокруг нас — это отчужденные, покрытые снегом горы. Ни следа поселений, городов.

— Рассеяны по всей территории и живут, как они хотят. Так же как и ты теперь свободна гулять, где хочешь.

— Я хочу гулять домой.

Рис расхохотался, наконец уйдя в другой конец холла, который переходил в веранду под звездным небом.

— Я готов принять твою благодарность в любое время, ты знаешь, — сказал он не оглядываясь.

Красная ярость застлала мне глаза, я не могла дышать достаточно быстро, не могла думать о чем-либо, кроме рычания в моей голове. Один удар сердца я смотрела ему вслед и затем — я сжимала свою туфлю в руке.

Я метнула ее в него со всей силы.

Всей моей значительной, бессмертной силы.

Я едва видела свою шелковую туфлю, когда она пролетела по воздуху со скоростью кометы, с такой скоростью, что даже Высший Лорд не услышал, как она приблизилась...

И врезалась ему в голову.

Рис обернулся, рукой дотронувшись до затылка, его глаза расширились.

Я уже держала вторую туфлю в руке.

Рис оскалился.

— *Рискни*, — дьявол, должно быть он был в особенном настроении сегодня, чтобы настолько показать свой нрав.

Хорошо. Теперь нас таких двое.

Я метнула и вторую туфельку прямо ему в голову, так же быстро и точно, как и первую.

Его рука вскинулась и схватила туфлю в паре дюймов от его лица.

Рис зашипел и опустил руку, глядя прямо в мои глаза, в то время как шелк превращался в сверкающую черную пыль в его кулаке. Он разжал пальцы, и последние сверкающие песчинки исчезли в небытии. Он изучал мою руку, мое тело, мое лицо.

— Интересно, — пробормотал он и продолжил свой путь.

Я подумывала схватить его и хорошенько побить, но, конечно, я не настолько глупа. Я была в его доме на вершине горы, неизвестно где. Никто не придет, чтобы спасти меня — здесь даже никого нет, чтобы услышать мой крик.

Поэтому я повернулась к двери, на которую он указал, направляясь к тусклой лестнице за ней.

Я почти достигла ее, не смея дышать слишком громко, когда яркий, веселый женский голос сказал у меня за спиной — издали, оттуда, куда ушел Рис:

— Ну что же, это прошло довольно мирно.

Ответное рычание Риса подстегнуло меня ускорить шаг.

* * *

Моя комната была... мечтой.

Изучив комнату на какие-либо признаки опасности, проверив каждый выход и вход, а также все возможные потаённые места, я остановилась в центре, рассматривая место, в котором проведу целую неделю.

Как и этажом выше, окна комнаты были открыты жестокому миру — никаких стекол, затворов — лишь прозрачные аметистовые шторы развевались на этом необычном, нежном ветру. Большая кровать манила — смесь кремового и цвета слоновой кости, с подушками и одеялами, нетронутыми много дней, с двумя лампами по обеим сторонам. Шкаф и туалетный столик расположились у стены, обрамленные этими окнами без стекол. Через комнату за деревянной дверью находилось помещение с фарфоровым умывальником и туалетом, но ванна...

Эта Ванна.

Занимая другую половину моей комнаты, моя ванна была скорее бассейном, висящим на краю горы. Бассейном для расслабления и удовольствия. Его дальний край, казалось, обрывался в никуда, а вода медленно стекала в саму ночь. На узком выступе смежной стены были выстроены в ряд большие горящие свечи, их свет золотил темную отражающую поверхность и плывущие завитки пара.

Такая открытая, полная воздуха, роскошная и... успокаивающая.

Эта комната была для императрицы. С мраморными полами, шелком, бархатом, элегантными деталями, только императрица могла позволить себе такую роскошь. Я старалась не думать о том, как в таком случае выглядела комната Риса, если эта предназначалась для его гостей.

Гости — не узницы.

Что ж... комната подтверждала это.

Я не стала утруждаться и баррикадировать дверь. Рис всё равно мог влететь сюда, если бы пожелал. И я видела, как он уничтожил разум фейри не моргнув глазом. Я сомневалась, что какое-то жалкое дерево выдержит его устрашающую силу.

Я еще раз изучила комнату, мое свадебное платье шуршало на мраморном полу.

Я посмотрела на себя.

Ты выглядишь нелепо.

Мои щеки и шею обдало жаром.

Ничего не меняло то, что он сделал. Даже если он... спас меня — я едва не задохнулась от этих слов — от необходимости отказать Тамлину. От объяснений.

Медленно я вытаскивала шпильки и украшения из моих завитых волос, кладя их на туалетный столик. Один их вид заставил меня заскрипеть зубами и бросить их в пустой ящик, с грохотом закрывая его, так, что даже зеркало над столиком зашаталось. Я почесала кожу головы, которая ныла от веса кудряшек и шпилек. Сегодня днем я представляла, как Тамлин будет вынимать их у меня из волос, поцелуй за каждую шпильку, но сейчас...

Я проглотила ком в горле.

Рис был последней из моих забот. Тамлин видел мою неуверенность, но понял ли он, что я готова была сказать «нет»? А Ианта? Я должна была сказать ему. Объяснить, что никакой свадьбы не могло быть ещё какое-то время. Возможно, я должна подождать, пока между нами не установится духовная связь, пока я не буду точно уверена, что это не ошибка, пока я не пойму, что мы связаны, что мы предназначены друг для друга, что... я достойна его.

Подождать пока он победит кошмары, преследующие его по ночам. Немного успокоится. Даже если я и понимала его желание защитить меня, страх потерять меня... Наверное, мне стоит всё ему объяснить по возвращению.

Но... Так много людей видели это, видели, как я колебалась...

Моя нижняя губа затряслась, и я начала расстёгивать платье, а потом стянула его с плеч.

Я позволила ему упасть на мраморный пол, шелк, тюль и бисер — словно опавшее суфле, и сделала большой шаг. Даже мое белье было нелепым: волнистые полоски кружева, предназначенные лишь для того, чтобы Тамлин полюбовался, а затем разорвал их на кусочки.

Я подхватила платье, добежала до шкафа и затолкала его внутрь. Потом стянула белье и спрятала его там же.

Моя татуировка разительно выделялась на фоне белого шелка и кружева. Мое дыхание участилось. Я не понимала, что плачу до тех пор, пока не схватила первую попавшуюся ткань — бирюзовую пижаму — и надела штаны по колено, а затем такую же рубашку с коротким рукавом, которая доходила мне до пупка. Мне было все равно, было ли это какой-то модой Ночного Двора, всё равно, что она была мягкой и теплой.

Я забралась в большую, мягкую кровать, простыни были гладкими и уютными, и едва смогла сделать достаточно глубокий вдох, чтобы погасить лампы с двух сторон.

Но как только темнота поглотила мою комнату, я заплакала навзрыд — глубокие, задыхающиеся звуки, которые сотрясали меня и исчезали в открытых окнах, в звездной, поцелованной снегом ночи.

* * *

Рис не лгал, когда сказал, что я должна буду присоединиться к нему за завтраком.

Мои старые служанки из Под Горы появились в дверях на рассвете, и я бы не узнала милых темноволосых близняшек, если бы они не вели себя так, словно мы уже встречались. Я никогда не могла их разглядеть, лишь тени, их лица были сокрыты в непроницаемой ночи. Но здесь — или, наверное, без Амаранты — они были из плоти и крови.

Их звали Нуала и Керридвен, и мне было интересно, говорили ли они мне это когда-нибудь. И волновало ли меня это Под Горой.

Их вежливый стук разбудил меня — хотя ночью я почти не спала. На мгновение, я удивилась, почему моя кровать была такой мягкой, почему на горизонте вырисовываются горы, а не весенние травы и холмы... а затем все вернулось. Вместе с неустанно пульсирующей головной болью.

После второго терпеливого стука и последующих приглушенных объяснений за дверью о том, кто они такие, я вылезла из кровати и впустила их. И после ужасно неловкого приветствия, они сообщили мне, что завтрак будет подан через тридцать минут, и я должна принять ванну и одеться.

Я не стала спрашивать, был ли последний приказ лично от Риса, или же они сами это решили, ведь, без сомнения, я выглядела ужасно. Они разложили одежду на кровати и ушли, оставив меня купаться в одиночестве.

Мне очень хотелось провести в этой роскошной горячей ванне весь день, но слабая, бесконечно странная тянущая *нить* появилась в моей голове, прорвавшись сквозь головную боль. Я знала, чей это был зов — такое уже случалось в течение нескольких часов после падения Амаранты.

Я нырнула в воду по шею, изучая ясное зимнее небо, свирепый ветер, сметающий снег с близлежащих горных пиков... Никакого следа Его, никакого звука машущих крыльев. Но нить снова дернулась у меня в голове, в животе — призыв. Как колокольчик прислуги.

Громко проклиная его, я вылезла и надела одежду, которую мне оставили служанки.

И сейчас, шагая по залитому солнцем верхнему этажу, слепо следуя за этой невыносимой нитью, почти бесшумно ступая по полу из лунного камня в своих пурпурных шелковых туфлях, я хотела сорвать с себя эту одежду лишь из-за того, что она принадлежала этому месту, *ему*.

Мои персиковые, с высокой посадкой штаны были свободного покроя и собирались у лодыжек бархатными, ярко-золотыми манжетами. Длинные рукава верха были сделаны из тонкой шелковой материи и также собирались на запястьях, а сам топ доходил лишь до пупка, обнажая полоску кожи во время ходьбы. Достаточно тонкая ткань чтобы я предположила, что, если конечно Рис не решит замучить меня, бросив в зимнюю пустошь вокруг, то я не выйду за пределы согревающей магии, которая поддерживала это место таким теплым.

По крайней мере, татуировка, видневшаяся сквозь тонкий рукав, не казалась здесь неуместной. Но... эта одежда все еще была частью этого Двора.

И, без сомнения, частью игры, которую он намеревался со мной вести.

В самом конце верхнего этажа посреди каменной веранды, небольшой, сияющий, словно ртуть стеклянный стол с тремя креслами возле него, был заставлен фруктами, соками, выпечкой, а также всем необходимым для завтрака. И в одном из этих кресел сидел... Несмотря на то, что Рисанд задумчиво созерцал потрясающий вид на заснеженные горы, ослепляюще-белые в солнечном свете, я знала, что он почувствовал мое присутствие с того момента, как я поднялась по лестнице на другом конце зала. Может быть с того момента, как я проснулась, если эта нить что-то значила.

Я остановилась между двух последних колонн, изучая развалившегося за столом Высшего Лорда и вид, который он созерцал.

— Я не собака, которую нужно звать, — сказала я вместо приветствия.

Рис медленно обернулся. В этом свете его фиолетовые глаза были очень яркими, и я сжала пальцы в кулаки, когда он снова и снова изучал меня с ног до головы. Он нахмурился чему-то, что, по его мнению было не так с моим видом.

— Я не хотел, чтобы ты заблудилась, — сказал он мягко.

Моя голова пульсировала, и я взглянула на серебряный чайник, дымящийся в центре стола. Чашка чая...

— Я думала, что здесь всегда будет темно, — сказала я, стараясь не смотреть так отчаянно на этот живительный чай так рано утром.

— Мы находимся в одном из трех Солнечных Дворов, — сказал он, изящным жестом предлагая мне присесть. — Наши ночи куда прекраснее, закаты и рассветы изумительны, но мы все еще подчиняемся законам природы.

Я скользнула в роскошное мягкое кресло напротив него. Его туника была расстегнута у шеи, открывая кусочек загорелой груди.

— А другие Дворы могут этого не делать?

— Природа Сезонных Дворов, — ответил он, — связана с их Высшими Лордами, чья магия и воля сохраняют вечную весну, зиму, осень или лето. Так было всегда — такой своеобразный вид утопии. Но Солнечные Дворы — Дневной, Рассветный и Ночной — у них... более символическая природа. Мы можем быть могущественными, но даже нам не под силу изменить путь и силу солнца. Чаю?

Солнечный свет танцевал вдоль изгибов серебряного чайника. Я сдержала страстный

кивок и вместо этого сдержанно наклонила голову.

— Но ты увидишь, — продолжил Рис, наполняя для меня чашку, — что наши ночи — это удивительное зрелище, настолько завораживающее, что некоторые люди моей земли встают на заходе солнца и ложатся спать с рассветом, только для того, чтобы жить под звездным светом.

Я добавила немного молока в чай, наблюдая за светлым и темным водоворотом в чашке.

— Почему здесь так тепло, когда вокруг во всю бушует зима?

— Магия.

— Очевидно. — Я отложила чайную ложку и немного отпила, наслаждаясь горячим и богатым вкусом. — Но *почему?*

Рис смотрел на ветер, который бил верхушки гор.

— Вы отапливаете свои дома зимой — почему я не могу делать так же? Признаю, я не имею понятия, почему мои предки построили дворец, подходящий для Летнего Двора посреди горного хребта, который даже теплым нельзя назвать с натяжкой, но кто я такой, чтобы спрашивать?

Я сделала еще несколько глотков, головная боль немного ослабла, и я даже посмела положить себе несколько фруктов из стеклянной тарелки.

Он следил за каждым моим движением. А потом тихо сказал:

— Ты похудела.

— Ты копаешься в моей голове, когда тебе вздумается, — сказала я, накалывая кусочек дыни на вилку. — Не могу понять, почему ты так этим удивлен.

Его взгляд не просветлел, хотя эта улыбка вновь заиграла на его чувственных губах, без сомнения — его любимая маска.

— Я лишь изредка это делаю. И ничего не могу поделать, если ты *сама* посылаешь сигналы через эту связь.

Я подумывала не задавать вопросов, что и сделала вчера, но...

— Как это работает — эта *связь*, которая позволяет тебе видеть, что творится у меня в голове?

Он сделал глоток чая.

— Думай об этой связи, как о мосте между нами — и на каждой стороне есть дверь, которая ведет в наши разумы. Щит. Мой врожденный талант позволяет мне проникать сквозь мысленные щиты всех, кого я пожелаю, с или без этого моста — за исключением, очень, очень сильных или очень натренированных щитов, которые плотно закрыты. Как у человека, врата в твой разум были распахнуты передо мной. Но как у Фэ... — он пожал плечами. — Иногда ты подсознательно держишь щит, но иногда, когда эмоции зашкаливают, твой щит исчезает. А, порой, когда эти щиты открыты, ты стоишь у ворот своего разума и кричишь свои мысли через мост ко мне. Иногда я их слышу; иногда нет.

Я нахмурилась, сильно сжав вилку.

— И как часто ты проникаешь в мои мысли, когда мои щиты ослаблены?

Веселье исчезло с его лица.

— Когда я не могу понять, твои кошмары — это реальная угроза или воображаемая. Когда ты вот-вот выйдешь замуж, но тихо молишь кого-нибудь помочь тебе. Только когда ты опускаешь свои мысленные щиты и бессознательно кричишь мне все эти вещи через мост. И я отвечу до того, как ты спросишь. Да. Даже если твои щиты подняты, я могу проскользнуть через них, если захочу. Однако, ты можешь тренироваться — научиться защищаться против

такого как я, даже со связью, которая соединяет наши разумы.

Я проигнорировала его предложение. Соглашаясь делать с ним вместе что-либо, я чувствовала, будто сделка между нами будет надолго.

— Что ты хочешь от меня? Ты пообещал, что скажешь. Поэтому говори.

Рис откинулся на спинку кресла, сложив на груди сильные руки, которые не могла скрыть даже изящная туника.

— На этой неделе? Я хочу, чтобы ты научилась читать.

Однажды Под Горой Рисанд посмеялся надо мной, спросив, будет ли обучение чтению сродни пытке для меня.

— Нет, благодарю, — сказала я, сжимая вилку, чтобы не запустить ее ему в голову.

— Ты станешь женой Высшего Лорда, — сказал Рис, — и должна будешь сама вести свою переписку и даже, наверное, выступить с одной-двумя речами. Один лишь Котёл знает, что он и Ианта сочтут подходящим для тебя. Составление меню приёмов, написание благодарственных открыток за все те свадебные подарки, вышивка слащавых фразочек на подушках... Этот навык необходим. И знаешь, что? Почему бы нам не потренироваться поднимать мысленный щит во время наших занятий. Чтение и щит — к счастью, ты можешь практиковать все вместе.

— *И то и другое* действительно необходимые навыки, — сказала я сквозь зубы, — но *Ты* не будешь учить меня.

— И чем же ты займешь себя в таком случае? Рисованием? Хорошо рисуется в последнее время, Фейра?

— Почему, черт возьми, тебя это заботит?

— Разумеется, я преследую собственные цели.

— Какие. Цели.

— Боюсь, ты должна прежде согласиться работать со мной, если хочешь узнать.

Нечто острое впилось мне в руку. Я скомкала вилку в клубок из металла.

Когда я положила ее на стол, Рис усмехнулся.

— Интересно.

— То же самое ты сказал прошлой ночью.

— Мне нельзя сказать это дважды?

— Я не это имела в виду, и ты это знаешь.

Его взгляд сверлил меня снова и снова, словно он мог видеть сквозь персиковую ткань одежды, сквозь кожу, мог видеть мою разорванную на клочки душу. Затем он перевел взгляд на скрученную вилку.

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты необычайно сильна для Высшей Фэ?

— А я сильна?

— Приму это за «нет», — он забросил кусочек дыни в рот. — Ты уже испробовала свою новую силу против кого-нибудь?

— Зачем мне это делать? — с меня было достаточно разрушений.

— Потому что тебя воскресили и переродили совместными силами семь Высших Лордов. Будь я на твоём месте, мне было бы любопытно, появилось ли еще что-нибудь во мне во время того процесса.

Моя кровь застыла.

— Ничего во мне *не появилось*.

— Было бы довольно... Интересно, — он ухмыльнулся этому слову, — если бы это случилось.

— Но это не так, и я не собираюсь учиться читать или учиться ментальной защите с тобой.

— Почему? Назло? Я думал, что мы перешагнули через это еще под Горой.

— Даже не заставляй меня вспоминать, что ты делал со мною под Горой.

Рис замолчал.

Он стал таким тихим, каким я его никогда не видела, тихим, словно сама смерть смотрела ему прямо в глаза. Затем его грудь начала двигаться, быстрее и быстрее.

Я могла поклясться, что видела тень огромных крыльев на колоннах позади него.

Он открыл рот, подаваясь вперед, а затем остановился. Мгновенно тени, прерывистое дыхание и напряжение пропали, ленивая усмешка вернулась.

— У нас компания. Обсудим это позже.

— Нет, не обсудим.

Быстрые, легкие шаги прозвучали в зале, а затем появилась она.

Если Рисанд был самым красивым мужчиной, которого я когда-либо видела, то она была его женским аналогом.

Ее яркие, золотистые волосы были собраны в небрежную косу, а ее бирюзовая одежда — такого же фасона, как и моя — подчеркивала ее поцелованную солнцем кожу, заставляя ее сиять в утреннем свете.

— Привет, привет, — прошебетала она, ее полные губы растянулись в ослепительной улыбке, а насыщенно-карие глаза были прикованы ко мне.

— Фейра, — ровным голосом сказал Рис, — познакомься с моей кузиной, Морриган. Мор, познакомься с прекрасной, очаровательной и открытой ко всему новому, Фейрой.

Мне захотелось плеснуть свой чай ему в лицо, но Мор уже шла ко мне. Каждый шаг был уверенным и твердым, изящным и... тяжелым. Веселая, но начеку. Та, кто не нуждается в оружии или, по крайней мере, не нуждается, чтобы оно висело в ножнах на боку.

— Я столько о тебе слышала, — сказала она, и я встала, неуклюже протягивая руку.

Она проигнорировала ее и сжала меня в крепких объятиях, едва не ломая кости. Она пахла цитрусом и корицей. Я попыталась расслабить напряженные мышцы, когда она оторвалась и дружелюбно усмехнулась.

— Выглядишь так, словно собираешься выпотрошить Риса, — сказала она, усаживаясь в кресло между нами. — Как хорошо, что я зашла. Хотя мне бы понравилось наблюдать за тем, как яйца Риса прибивают к стене.

Рис неверяще посмотрел на нее, подняв брови.

Я попыталась скрыть улыбку.

— Приятно познакомиться.

— Лгунья, — сказала Мор, наливая чай и наполняя свою тарелку. — Ты не хочешь иметь с нами ничего общего, ведь так? И страшно зла на Риса за то, что он заставляет тебя сидеть здесь.

— Ты... сегодня бойкая, Мор, — заметил Рис.

Мор подняла свои потрясающие глаза и посмотрела на кузена.

— Прости, если я в восторге от того, что у меня *наконец-то* появилась компания.

— Ты могла бы заняться своими обязанностями, — сказал он раздраженно. Я плотно сжала губы. Я никогда не видела Риса таким Задетым.

— Мне нужен был перерыв, а ты говорил, что я могу приходить, когда пожелаю, поэтому когда может быть лучше, чем сейчас, когда ты наконец привел моего нового друга, чтобы познакомиться со мной?

Я моргнула, понимая сразу две вещи: во-первых, она на самом деле имела в виду то, что говорила; во-вторых, это ее голос я слышала вчера, смеющийся над Рисом из-за нашей

перепалки. «Ну что же, это прошло довольно мирно». Как-будто была какая-то другая альтернатива, другой исход нашего разговора.

Рядом с моей тарелкой появилась новая вилка, и, взяв ее, я наколола кусочек дыни.

— Вы двое совсем не похожи друг на друга, — наконец сказала я.

— Мор — моя кухня в самом *отдаленном* смысле этого слова, — сказал он. Она усмехнулась ему, поедая кусочки помидора и бледного сыра. — Но нас растили вместе. И она единственная, кто выжил из моей семьи.

У меня не хватило духа спросить, что случилось со всеми остальным. Или напомнить себе, что его отец был ответственен за отсутствие семьи в моём Дворе.

— И как мой единственный родственник, — продолжил Рис, — Мор полагает, что может появляться и исчезать из моей жизни, когда пожелает.

— Ты сегодня такой угрюмый, — сказала Мор, накладывая два маффина себе на тарелку.

— Я не видела тебя Под Горой, — нашла я, ненавидя эти последние два слова больше, чем что-либо.

— О, меня там не было, — ответила она. — Я была в...

— Довольно, Мор, — сказал он, его тихий голос был грозным.

Это было самым испытанием не вмешиваться, не изучать их так пристально.

Рисанд положил салфетку на стол и встал.

— Мор будет здесь до конца недели, но ни в коей мере не думай, что ты обязана находиться рядом с ней.

Мор показала ему язык. Он закатил глаза — самый человеческий жест, который я у него видела. Он изучил мою тарелку.

— Ты достаточно поела?

Я кивнула.

— Хорошо. Тогда пошли, — он указал в сторону колонн и развевающихся штор позади него.

— Тебя ждет твой первый урок.

Четким движением ножа Мор разрежала один из маффинов пополам. Ее пальцы, ее запястья говорили о том, что она действительно хорошо владела оружием.

— Если он будет тебя раздражать, Фейра, можешь выкинуть его с ближайшего балкона.

Рис показал ей неприличный жест, идя по залу.

Я поднялась на ноги, когда он был далеко впереди.

— Приятного завтрака.

— Если тебе будет нужна компания, — сказала она, когда я выходила из-за стола, — крикни.

Она, наверное, имела это в виду буквально.

Я едва кивнула и последовала за Высшим Лордом.

* * *

Я согласилась сесть за длинный деревянный стол в отгороженной занавесками части комнаты, только потому, что он был прав. Неумение читать едва не стоило мне жизни Под Горой. Будь я проклята, если бы позволила этому стать моей слабостью, было ли это частью какого-то его плана или нет. Что до щита... Я была бы полной идиоткой, не приняв

предложение поучиться у него. Мысль о ком-то, особенно о Рисе, копающемся у меня в голове, извлекающем информацию о Весеннем Дворе, о людях, которых я люблю... Я никогда не позволю этому случиться.

Но от этого было не легче переносить присутствие Риса за деревянным столом. Или гору сложенных книг.

— Я знаю алфавит, — резко сказала я, когда он положил листок бумаги передо мной, — я не такая уж и глупая, — я вцепилась пальцами в колени, а затем спрятала дрожащие руки под бедра.

— Я и не говорил, что ты глупая, — сказал он. — Я просто пытаюсь понять, с чего нам начать. Я откинулась на спинку мягкого кресла. — Ты ведь отказалась сказать мне, как много ты знаешь.

Мое лицо вспыхнуло.

— Ты можешь нанять преподавателя?

Он поднял бровь.

— Тебе настолько трудно даже попытаться в моем присутствии?

— Ты Высший Лорд — разве у тебя нет дел поважней?

— Конечно есть. Но ни одно из них не такое приятное, как наблюдать за твоим ёрзаньем.

— Ты настоящий придурок, ты знаешь это?

Рис фыркнул.

— Меня и похуже называли. На самом деле, я думаю, что и ты называла меня похуже. Он постучал по листу перед собой. — Прочти это.

Буквы расплывались. У меня стоял комок в горле.

— Попробуй.

Предложение было написано элегантным, четким почерком. Без сомнений, это писал он. Я попыталась открыть рот, но не смогла.

— В чем, собственно говоря, заключается твоя выгода во всем этом? Ты сказал, что скажешь мне, если я буду работать с тобой.

— Я не уточнял, *когда* именно скажу тебе это. — Я отодвинулась от него, мои губы задрожали. Он пожал плечами. — Может, меня возмущает сам факт того, что ты позволяешь этим подхалимам и воинствующим глупцам из Весеннего Двора заставлять тебя чувствовать неполноценной. Может, мне действительно нравится смотреть, как ты ерзаешь. Или может..

— Я поняла.

Рис фыркнул.

— Попробуй прочесть это, Фейра.

Придурок. Я выхватила эту бумагу, едва ли не разорвав ее надвое. Посмотрела на первое слово, произнесла его в голове. — Т-ты...

Потом я попыталась разобраться в произношении, следуя логике. — Выглядишь...

— Хорошо, — прошептал он.

— Я не просила твоего одобрения.

Рис засмеялся.

— Со...Совершенно. — Это слово заняло у меня больше времени, чем хотелось бы. Следующее слово было еще хуже. — Ап... Ап...

Я соизволила взглянуть на него, подняв брови.

— Аппетитно, — промурлыкал он.

Мои брови поползли вверх. Я прочла еще два слова, а затем посмотрела ему в лицо. — Ты выглядишь совершенно аппетитно сегодня, Фейра?! — Ты ведь это написал?

Он откинулся в кресло. Наши глаза встретились, острые когти ласкали мой разум, а его голос прошептал у меня в голове:

«Это ведь правда, не так ли?»

Я отпрянула назад, мой стул заскрипел.

— *Прекрати это!*

Но эти когти внезапно впились — и мое тело, мое сердце, мои легкие и даже *кровь* уступили его захвату, полностью в его подчинении, когда он мысленно произнес:

«Тебе идет мода Ночного Двора.»

Я не могла двинуться со своего кресла, не могла даже моргнуть.

Вот что происходит, когда ты опускаешь ментальные щиты. Кто-то с такой же способностью, как у меня, может проскользнуть внутрь, увидеть все, что они желают и подчинить твой разум себе. Или они могут разрушить его. Прямо сейчас я стою на пороге твоего сознания... но если я шагну дальше, мне понадобится один лишь проблеск мысли — и то, кто ты, твоя личность будет стерта.

Где-то далеко по моим вискам стекал пот.

«Ты должна бояться. Ты должна бояться этого и благодарить чертов Котел, что за последние три месяца, никто с похожими как у меня силами не наткнулся на тебя. А сейчас выстави меня.»

Я не могла. Эти когти были повсюду — они цеплялись за каждую мысль, за каждый кусочек меня. Он надавил сильнее.

«Выстави. Меня. Вон.»

Я не знала, с чего начать. Я слепо толкнула и ударила его, эти когти, которые были везде, как будто я была окружена зеркалами.

Его смех, низкий и приятный, заполнял мой разум, мои уши.

«Сюда, Фейра.»

В ответ на это, в моем сознании появился маленький проблеск дорожки. Выход.

Казалось, у меня заняло целую вечность отцепить каждый коготь и выставить его через этот узкий просвет. Если бы я могла смыть его волной..

Волна. Волна *меня*, моих мыслей, чтобы я могла вымыть его из себя.

Я не позволила ему увидеть формирующийся план у меня в голове, когда я превратила себя в волну и ударила.

Когти ослабли — неохотно. Словно позволяя выиграть мне этот раунд. Он просто сказал:

— Хорошо.

Мои кости, мое дыхание и кровь снова были моими. Я упала на сиденье.

— Еще нет, — сказал он. — Щит. Заблокируй меня, чтобы я не смог вернуться.

Мне уже хотелось уйти в какое-нибудь тихое место и немного вздремнуть.

Когти гладили внешний слой моего разума.

Я представила себе растущую алмазную стену, темную как ночь и толщиной с ногу. В какой-то момент когти попытались втянуться, перед тем как стена разрежала их надвое.

Рис ухмыльнулся.

— Очень хорошо. Грубо, но хорошо.

Я ничего не могла с собой поделаться. Я схватила листок и разорвала его сначала надвое,

а потом на четыре части.

— Ты свинья.

— О, несомненно. Но взгляни на себя — ты прочла целое предложение, вышвырнула меня из своего разума и возвелащит. Отличная работа.

— Не разговаривай со мной снисходительно.

— И не думал. Ты читаешь на уровень выше, чем я предполагал, — мои щеки вновь запылали. — Но в основном безграмотно.

— Пока что будем практиковаться, учить правописание и снова практиковаться. Ты сможешь читать романы еще до Нинсара. Если продолжишь выстраивать щиты, то, вероятнее всего, я не смогу даже подступиться к тебе к этому времени.

Нинсар. Впервые за пятьдесят лет Тамлин и его Двор будут праздновать его. Амаранта запретила это празднование по своей прихоти, наряду с несколькими другими небольшими, но почитаемыми Фэ праздниками, которые она посчитала *ненужными*. Но Нинсар наступит лишь через несколько месяцев.

— А это возможно? Не пускать тебя к себе в голову?

— Не особо, но кто знает, насколько ты сильна? Продолжай практиковаться, и мы увидим, что из этого получится.

— Я все еще буду связана этой сделкой на Нинсар?

Молчание.

Я продолжила:

— После... После того, что произошло... — я не могла упомянуть детали того, что случилось Под Горой, что он сделал для меня во время битвы с Амарантой, и что сделал после. — Я думаю, мы можем согласиться с тем, что я ничего тебе не должна, а ты не должен *мне*.

Его взгляд был тверд.

Я продолжила.

— Разве недостаточно того, что мы все стали свободны? — я положила татуированную руку на стол. — В самом конце, я думала, что ты другой, полагала, что это все это было твоей маской, но похищать меня, *держат* здесь... — я покачала головой, не в силах найти подходящие слова, чтобы убедить его расторгнуть эту сделку.

Его глаза потемнели.

— Я не враг тебе, Фейра.

— Тамлин говорит, что враг, — я сжала свои татуированные пальцы в кулак. — Все говорят, что ты враг.

— А что думаешь *ты*? — Он снова откинулся в кресле, но лицо оставалось мрачным.

— Ты делаешь чертовски отлично стараешься, чтобы заставить меня согласиться с ними.

— Лгунья, — промурлыкал он. — Ты когда-нибудь говорила своим друзьям о том, *что я сделал с тобой Под Горой*?

Похоже, тот комментарий за завтраком и *правда* задел его.

— Я не хочу говорить ни о чем, что касается того времени. С тобой или с ними.

— Нет, потому что намного легче притвориться, будто этого никогда не было и позволять им нянчиться с собой.

— Я не *позволяю* им нянчиться со мной.

— Вчера они упаковали тебя как подарок. Слово ты была *его* наградой.

— И?

— И? — Проблеск гнева, а затем он исчез.

— Я готова возвращаться домой, — просто сказала я.

— Где ты будешь заточена до конца своей жизни, особенно, когда начнешь плодить наследников. Не могу дождаться. Хочу увидеть, что же сделает Ианта, когда доберется до *них*.

— Похоже, ты не слишком высокого мнения о ней.

Что-то холодное и хищное появилось у него в глазах.

— Не могу сказать, что это не так, — он указал на чистый лист бумаги. — Начинай переписывать алфавит. До тех пор, пока твои буквы не будут идеальными. И каждый раз, как заканчиваешь строчку, опускай и поднимай свой щит. До тех пор, пока это не войдет в *привычку*. Я вернусь через час.

— Что?

— Переписывай. Алфавит. До...

— Я слышала, что ты сказал.

Придурок. Придурок. Придурок. *Придурок*.

— Тогда приступай, — Рис поднялся на ноги. — И имей совесть не обзывать меня придурком, когда твои щиты опущены.

Он исчез в тумане тьмы до того, как я поняла, что позволила своей алмазной стене рухнуть.

* * *

К тому времени, как Рис вернулся, мой был ощущался, словно грязная лужа.

Я потратила целый час, делая то, что мне было велено, хотя вздрагивала от каждого звука, доносящегося с ближайшей лестницы: тихие шаги слуг, взмахи менявшихся простыней, кто-то напевающий красивую и струящуюся мелодию. И помимо этого, пение птиц, обитавших как в этой неестественно теплой горе, так и в многочисленных цитрусовых деревьях в кадках. Никаких признаков источника моих мучений. Даже никаких часовых, следящих за мной. Похоже, я была предоставлена сама себе.

Это было хорошо, поскольку мои попытки опустить и поднять свой ментальный щит часто заканчивались тем, что я кривила, напрягала лицо, и оно приобретало измученный вид.

— Неплохо, — сказал Рис, выглядывая из-за моего плеча.

Он появился несколько минут назад и держался на приличном расстоянии, и если бы я не знала его лучше, то могла бы подумать, что он делал это, потому что не хотел напугать меня. Как будто он был осведомлен о том эпизоде, когда Тамлин подкрался ко мне сзади, и меня охватила такая паника, что я сбила его с ног ударом в живот. Я постаралась не вспоминать шок на лице Тамлина, то, как *легко* было сбить его с ног, и как унижительно было для меня выставлять свой ужас напоказ..

Рис просмотрел страницы, которые я исписала, изучая их, отслеживая мой прогресс.

А затем... Скрежет когтей внутри моего сознания — он лишь царапал черную, мерцающую стену.

Я бросила все свои силы к этой стене, в то время, как когти начали толкать, проверять стену на наличие уязвимых мест...

— Что ж, что ж, — промурлыкал Рис, те ментальные когти исчезли. — Будем надеяться, сегодня ночью я наконец-то хорошо выплюсь, если, конечно, ты сможешь удерживать стену во время сна.

Я опустила щит, послала «ласковое» слово через мост между нами и возвела стены обратно. За ними мой разум дрожал, словно желе. Мне нужно было вздремнуть. Отчаянно.

— Может я и придурок, но взгляни на себя. Быть может, в конце концов мы сможем поразвлечься с нашими уроками.

* * *

Я все еще хмурилась, смотря на мускулистую спину Риса и держась на десять шагов позади него, когда он вел меня по залам главного здания, широкие горы и голубое небо были единственными свидетелями нашего молчаливого шествия.

Я слишком вымоталась, чтобы спрашивать, куда мы идем, а он не стал объяснять, когда мы подымались наверх — пока мы не добрались до круглой комнаты на самой вершине башни.

Круглый стол из черного камня стоял в центре, а самый большой участок непрерывной серой каменной стены был покрыт огромной картой нашего мира. На ней были отметки, флажки и кнопки, но я не могла понять, по какой причине мой взгляд привлекли окна по всей комнате — их было так много, что я почувствовала себя свободной, способной дышать. Идеальный дом для Высшего Лорда, благословленного крыльями.

Рис подошел к столу, где была раскрыта еще одна карта, фигурки стояли на ее поверхности. Карта Прифиана и Хайберна.

Каждый Двор на нашей земле был отмечен наряду с деревнями, городами, реками и проходящими горами. Каждый Двор... кроме Ночного Двора.

Обширная территория на севере была абсолютно пустой. Не было запечатлено никакой горной цепи. Странно, вероятнее всего, часть плана, которого я не могла понять.

Я увидела, что Рис наблюдает за мной — достаточно поднятые брови свидетельствовали о том, чтобы я заткнулась и не задавала вопроса, который уже начал формироваться в голове.

— Нечего спросить?

— Нет.

Кошачья улыбка танцевала у него на губах, но Рис указал подбородком на карту на стене.

— Что ты видишь?

— Это какой-то особый способ заставить меня не бросать уроки чтения? — Я действительно не могла разобрать ничего, что было написано, только формы. Как например Стена, ее огромная линия делила наш мир пополам.

— Скажи мне, что ты видишь.

— Мир поделенный надвое.

— И ты думаешь, что все так и должно оставаться?

Я повернула голову к нему.

— Моя семья, — я запнулась на слове. Я не должна была упоминать, что у меня есть семья, о которой я забочусь..

— Твоя человеческая семья, — закончил Рис, — если Стена падет, их это коснется в

первую очередь, верно? Так близко к границе ... Им повезет, если они укроются за океаном до того, как это произойдет.

— А это *произойдет*?

Рисанд не отводил взгляд.

— Возможно.

— Почему?

— Потому что приближается война, Фейра.

Война.

Это слово пронзило меня, от него стыла кровь.

— Только не нападай, — выдохнула я. Ради этого я встану на колени. Я поползу на коленях, если придётся.

— Прошу тебя, не нападай.

Рис поднял голову, сжав губы.

— Даже после всего, ты в самом деле считаешь меня монстром.

— Пожалуйста, — выдохнула я. — Они беззащитны, у них нет ни единого шанса.

— Я не собираюсь захватывать земли смертных, — очень тихо сказал он.

Я ждала, что он продолжит, радуясь просторной комнате и свежему воздуху, когда вдруг земля начала уходить у меня из-под ног.

— Подними свой проклятый щит, — прорычал он.

Внутри себя я обнаружила, что моя невидимая стена в очередной раз пала. Но я была такой уставшей, и если война действительно неизбежна, если моя семья...

— Щит. *Сейчас же.*

Его резкий приказ — голос Высшего Лорда Ночного Двора — заставил меня собраться, и мой измученный разум начал возводить стену кирпичик за кирпичиком.

Он заговорил, лишь когда стена скрыла мои мысли, а его взгляд немного смягчился.

— Ты действительно полагала, что все закончится после победы над Амарантой?

— Тамлин не говорил...

А с чего он должен был говорить мне? Но было так много патрулей, так много собраний, на которых мне не было дозволено присутствовать, такая... напряженность. Он должен был знать. Я обязана спросить его — потребовать ответа, почему он не сказал мне.

— Король Хайберна планировал кампанию по возвращению себе земель к югу от Стены более сотни лет, — сказал Рис. — Амаранта была экспериментом — сорока девятилетним экспериментом, чтобы понять, как долго территория может находиться под руководством одного из его командиров, и как легко она может пасть.

Для бессмертного сорок девять лет было ничто. Я не была бы удивлена, если бы услышала, что он планировал все это на протяжении столетия.

— Он атакует Прифиан первым?

— Прифиан, — сказал Рис, указывая на карте, лежавшей на столе, на огромный остров, — это единственное, что отделяет Короля Хайберна от континента. Он намерен вернуть людские земли и наверняка также завладеть владениями Фэ. Если кто-нибудь и перехватит его флот прежде, чем он достигнет континента, то это будем мы.

Я села в одно из кресел, мои ноги дрожали так сильно, что едва могла стоять.

— Он будет искать способ устранить Прифиан быстро и основательно, — продолжил Рис. — И в какой-то момент он уничтожит Стену. В ней уже есть дыры, которые, к счастью, достаточно малы для пересечения границы его армией. Он захочет разрушить ее и, вероятно, воспользуется нашей паникой для достижений своей цели.

Каждый вздох был подобен глотку стекла.

— Когда... Когда он намерен атаковать?

На протяжении пяти веков Стена была устойчивой, и даже тогда те проклятые дыры

позволяли самым гнусным, прожорливым чудовищам Фэ проникать через нее и охотиться на людей. Без этой Стены, если Хайберн действительно готовился к нападению на мир людей... Я пожалела, что так плотно позавтракала.

— В этом-то и вопрос, — сказал он, — и причина, почему я привел тебя сюда.

Я подняла голову, чтобы встретиться с его взглядом. Его лицо было осунувшимся, но спокойным.

— Я не знаю, где и когда он намерен атаковать Прифиан, — продолжил Рис. — Я не знаю, кем могут быть его союзники.

— У него есть союзники здесь?

Медленный кивок.

— Труссы, которые скорее склонятся и присоединятся к нему, чем станут сражаться с его армией снова.

Я готова была поклясться, что видела, как вокруг него растекалась еле ощутимая тьма.

— Ты... ты сражался на Войне?

В какой-то момент, мне показалось, что он не ответит. Но потом Рисанд кивнул.

— Я был молод — по крайней мере, по нашим меркам. Но мой отец отправил подмогу альянсу смертных и Фэ на континенте, и я убедил его разрешить мне взять легион солдат.

Он сел в кресло напротив меня, уставившись пустым взглядом на карту. — Меня распределили на юг, где шла ожесточенная война. Бой был... — он прикусил внутреннюю сторону щеки. — Я не хотел бы увидеть такую бойню снова.

Он моргнул, словно высвободил свой разум от ужасов.

— Но я не думаю, что Король Хайберна ударит именно так — не сразу. Он слишком умен, чтобы попусту тратить свои силы здесь, давать континенту время сплотиться в то время, как мы боремся с ним. Если он решит уничтожить Прифиан и стену, он пойдет тихим и хитрым путем. Чтобы ослабить нас. Амаранта была первой частью его плана. Мы имеем несколько непроверенных Высших Лордов, разбитые дворы с Высшими Жрицами, рыщущими словно волки, вышедшие из-под контроля, и людей, которые осознали, какими беспомощными они могут быть.

— Зачем ты говоришь мне все это? — спросила я тонким, звенящим голосом. В этом не было никакого смысла — никакого — что он делится своими страхами и опасениями.

А Ианта — пусть она и амбициозна, но она была другом Тамлина. *Моим* другом, отчасти. Пожалуй, единственным союзником против других Верховных Жриц, нравится она Рису или нет...

— Я говорю тебе это по двум причинам, — сказал он, его лицо такое ледяное и спокойное, заставляло меня нервничать так же, как и вещи, о которых он говорил. — Первая, ты... близка к Тамлину. У него есть люди — как и давние связи с Хайберном.

— Он *никогда* не будет помогать королю.

Рис поднял руку.

— Мне надо знать, будет ли Тамлин бороться на нашей стороне. Воспользуется ли он этими связями ради нашего преимущества. Так как у нас с ним довольно напряженные отношения, нам нужен связной.

— Он не говорит со мной о таких вещах.

— Возможно, самое время начать. Возможно, тебе пора настоять.

Он изучал карту, и я проследила, на чем остановился его взгляд. На стене Прифиана — на маленькой, незащищенной территории смертных. Во рту у меня пересохло.

— Какова другая причина?

Рис осмотрел меня с ног до головы, оценивая, взвешивая.

— У тебя есть навыки, которые мне нужны. Ходят слухи, что ты поймала Суриэля.

— Это было несложно.

— Я пытался, но ничего не вышло. Дважды. Поговорим об этом в следующий раз. Я видел, как ты поймала Мидденгардского Змея словно зайца.

Его глаза сверкнули.

— Мне нужна твоя помощь. Использовать твои навыки, чтобы отследить то, что мне нужно.

— И *что же* тебе нужно? Полагаю, нечто связанное с моим чтением и щитом?

— Ты узнаешь об этом позже.

Не знаю, зачем я вообще спросила.

— Здесь должен быть, по крайней мере, десяток охотников, которые более опытные и искуснее —

— Может и так. Но ты единственная, кому я доверяю.

Я моргнула.

— Я могу предать тебе в любой момент.

— Можешь. Но не станешь.

Я стиснула зубы и хотела сказать что-нибудь едкое, когда он добавил:

— К тому же, вопрос о твоих силах остается открытым.

— У меня нет никаких сил.

Это вырвалось так быстро, что звучало как угодно, только не убедительно.

Рис положил ногу на ногу.

— Разве? Сила, скорость... Если бы я не знал тебя лучше, я бы предположил, что вы с Тамлином отлично справляетесь, притворяясь будто ты нормальная. Те силы, которые ты демонстрируешь, обычно свидетельствуют среди нашего вида, что сын Высшего Лорда готов стать его Наследником.

— Я не Высший Лорд.

— Нет, но семеро из нас даровали тебе жизнь. Все твое существо привязано к нам, рождено от нас. Что если мы дали тебе больше, чем ожидали?

Его взгляд снова скользил по мне.

— Что если ты сможешь противостоять нам — быть независимой Высшей Леди?

— Высших Леди не бывает.

Его брови поднялись, но он покачал головой.

— Об *этом* тоже поговорим позже. Но да, Фейра — Высшие Леди *могут* быть. И, возможно, ты не одна из них, но... Что если ты кто-то наподобие этого? Что если ты обладаешь силами всех семи Высших Лордов сразу? Что если ты можешь раствориться во тьме, изменить свою форму или заморозить всю комнату — всю армию?

Казалось, ветер с близлежащих пиков завыл в ответ. То, что я чувствовала у себя под кожей...

— Ты понимаешь, что все это означает в приближающейся войне? Понимаешь ли ты, что оно может уничтожить тебя, если только ты не научишься это контролировать?

— Во-первых, прекрати задавать так много риторических вопросов. Во-вторых, мы не знаем, *есть ли* у меня эти силы.

— Есть. Но тебе надо начать оттачивать их. Понять, что ты унаследовала от нас.

— Готова предположить, ты именно тот, кто будет учить меня? Чтения и щитов недостаточно?

— Да, пока ты будешь охотиться со мной за тем, что мне необходимо.

Покачав головой, я сказала:

— Тамлин не позволит этого.

— Тамлин не твой хозяин, и ты знаешь это.

— Я его подданная, и он мой Высший Лорд.

— Ты *ничья подданная*.

Я крепко стиснула зубы. Тень его крыльев, словно дым, показалась позади него.

— Я скажу это лишь раз — и только один раз, — промурлыкал Рисанд, направляясь к карте на стене. — Ты можешь быть пешкой, можешь быть наградой, и провести остаток своей жизни, кланяясь, любезничая и делая вид, что ты менее важна, чем он, чем Ианта, чем любой из нас. Если ты хочешь пойти этой дорогой, тогда хорошо. Позор, но это твой выбор.

Тень его крыльев заструилась снова.

— Но я знаю тебя — думаю, больше чем ты себе можешь это представить — я ни на чертову минуту не поверю, что тебя устраивает быть хорошеньким трофеем для кого-то, кто просто сидел на заднице пятьдесят лет, сидел в то время, когда тебя разрывали на кусочки..

— Прекрати.

— Или, — продолжал он, — у тебя есть другой выбор. Ты можешь овладеть силами, которые мы подарили тебе и свести счеты. Ты сможешь сыграть роль в этой войне. Потому что, так или иначе, приближается война и не обманывай себя, что хоть один Фэ пошевелится ради твоей семьи за стеной, когда все наши земли станут похожими на склеп.

Я взглянула на карту — на Прифиан, на эту полосу, отделяющую южную часть.

— Ты хочешь сохранить мир смертных? — спросил он. — Тогда стань той, кого послушает Прифиан. Стань чем-то важным. Стань оружием. Потому что может наступить день, Фейра, когда только ты будешь стоять между Королем Хайберна и твоей человеческой семьей. И ты не захочешь быть неподготовленной.

Я перевела взгляд на него, моя грудь напряглась, заболела.

Рисанд продолжал, как будто это не он только что выбил землю из-под моих ног:

— Подумай об этом. Выбери неделю. Спроси Тамлина, если тебе будет легче спать от этого. Посмотри, что на это скажет очаровательная Ианта. Но это только твой выбор — больше ничей.

* * *

Я не видела Рисанда оставшуюся часть недели. Или Мор.

Единственными людьми, с которыми я сталкивалась — были Нуала и Керридвен, они приносили мне еду, заправляли постель и лишь иногда спрашивали, как я поживаю.

Единственным доказательством того, что Рис был в замке оставались пустые копии алфавита вместе с несколькими предложениями, которые я должна была переписывать каждый день, каждое неприятнее предыдущего:

«Рисанд — самый красивый Высший Лорд.

Рисанд — самый восхитительный Высший Лорд.

Рисанд — самый искусный Высший Лорд. »

Каждый день одно жалкое предложение — с одним изменяющимся словом,

показывающее различные степени высокомерия и тщеславия. И каждый день, те же указания: поднять щит, опустить; поднять щит, опустить. Снова и снова.

Меня не волновало, как он узнавал, выполняю я свои задания или нет — но я активно занималась, я поднимала и опускала, утолщала мои ментальные щиты. Только потому, что это было единственное, что я должна была делать.

Я просыпалась потной, измотанной — но комната была такой открытой, звездный свет таким ярким, что я не бежала в ванну, как только проснусь. Никаких стен, давивших на меня, никакой крошечной тьмы. Я знала, где нахожусь. Даже если возмущалась по этому поводу.

За день до того, как наша неделя наконец заканчивалась, я побрела к своему привычному маленькому столику, заранее морщась от этих «восхитительных» предложений, которые обнаружу, и всех умственных акробатических упражнений, когда вдруг раздались голоса Рис и Мор.

Это было открытое помещение, поэтому я не стала скрывать свои шаги, приближаясь к гостиной, в которой они сидели. Рис расхаживал перед открытым видом горы, Мор сидела, откинувшись в кресле кремового цвета.

— Азриэль хотел бы это знать, — говорила Мор.

— Пусть Азриэль катится к черту, — прорычал в ответ Рис. — В любом случае, ему уже вероятнее всего все известно.

В прошлый раз мы играли в игры, — сказала Мор так серьезно, что я остановилась на приличном расстоянии, — и мы проиграли. Это было ужасно. Но мы не можем допустить этого снова.

— Тебе нужно заниматься делами, — только и ответил Рис. — Я ведь не просто так передал тебе руководство.

Мор сжала челюсть, а затем, наконец, посмотрела на меня. Она улыбнулась мне, хотя это не очень было похоже на улыбку.

Рис повернулся ко мне, хмурясь.

— Скажи то, зачем ты явилась сюда, Мор, — жестко сказал он и снова начал расхаживать по комнате.

Мор закатила глаза, что рассмешило меня, но ее лицо сразу приняло серьезный вид.

— Было еще одно нападение. В храме в Цесире. Практически все жрицы убиты, сокровищница разграблена.

Рис замер. И я не знала, чего так испугалась: её новостей или того, с какой яростью он сказал одно единственное слово:

— Кто.

— Мы не знаем, — сказал она. — Те же самые следы, что и в прошлый раз: небольшая группа, тела с ранами от внушительных клинков и никаких признаков, откуда они пришли и как исчезли. Ни одного выжившего. Тела даже не были найдены, пока на следующий день их не нашли проезжавшие мимо паломники.

Во имя Котла. Должно быть я издала какой-то тихий звук, поскольку Мор одарила меня сочувствующим взглядом.

А Рис ... сначала за его спиной показалась тень — словно кляксы выростали из его спины.

И затем, словно ярость немного ослабила поводок на звере, которому он ненавидит поддаваться, как он однажды сказал, его крылья стали материальными.

Великолепные, прекрасные, устрашающие крылья, состоящие из мембран и когтей,

словно у летучей мыши, темные как ночь и могущественные как преисподняя. Казалось, изменилось даже то, как он стоит — устойчивее и тверже. Как будто последняя недостающая часть его встала на место. Но голос Риса был все еще тихим:

— Что сказал Азриэль по этому поводу?

Еще один взгляд от Мор, словно она сомневалась, стоит ли мне присутствовать при таком разговоре.

— Он ужасно зол. С Кассианом еще хуже — он убежден, что это должно быть была одна из иллирийских военных группировок, намеренная завоевать новую территорию.

— В этом есть смысл, — размышлял Рис. — Некоторые иллирийские кланы примкнули к Амаранте в те годы. В попытках расширить свои границы, они хотят надавить на меня и понять, сойдет ли им это с рук.

Мне было ненавистно слышать ее имя, я сфокусировалась на нем больше, чем на информации, которую он позволял мне слышать.

— Кассиан и Аз ждут, — она замолчала и виновато посмотрела на меня. — Они ждут твоих указаний в привычном месте.

Хорошо — это было хорошо. Я видела пустую карту на стене. Я была невестой врага. Одно лишь упоминание, где были установлены его силы, могло быть опасным. Я не имела никакого понятия, где находился Цесир — что вообще было это такое.

Рис снова изучал ясное небо, ветер гнал облака над дальними вершинами. Отличная погода для полета.

— Рассеивание будет легче всего, — сказала Мор, следя за взглядом Высшего Лорда.

— Скажи этим придуркам, что я буду через несколько часов, — только и сказал он.

Мор настороженно улыбнулась мне и исчезла.

Я изучала пустое место, где она только что стояла, на котором не осталось и следа.

— Как это... исчезновение работает? — тихо спросила я. Я видела, как несколько Высших Фэ делают это, но никто не объяснял мне.

Рис не посмотрел на меня, но сказал:

— Рассеивание? Думай об этом как ... как о двух разных точках на одном полотне. Одна точка — это твое текущее местоположение в этом мире. Другая пролегает через полотно в место, куда ты хочешь попасть. Рассеивание ... похоже на то, когда полотно складывается, позволяя двум точкам пересечься. Это происходит благодаря магии — и все, что мы делаем — это лишь перешагиваем с одного места в другое. Иногда это длинный шаг, и ты можешь даже почувствовать структуру мира, в то время как проходишь через него. Короткий шаг подобен шагу из одного угла в другой угол комнаты, он едва ли ощущается. Это редкий дар, но очень полезный. Хотя лишь сильнейшие Фэ могут делать это. Чем могущественнее ты, тем дальше ты сможешь перепрыгнуть.

Я знала, что он объяснял мне это лишь потому, что хотел отвлечься. Я лишь сказала:

— Я сожалею о храме... и жрицах.

Гнев все еще играл у него в глазах, когда он повернулся ко мне.

— Еще больше людей умрет совсем скоро.

Может быть вот почему он позволил мне подойти ближе, подслушать этот разговор. Напомнить мне, что может случиться с Хайберном.

— Что за ..., - попыталась я. — Что за иллирийские военные группировки?

— Высокомерные ублюдки, вот что, — пробормотал он.

Я скрестила руки, ожидая.

Рис расправил крылья, солнечный свет едва играл на кожистой ткани.

— Это раса воинов в моих владениях. И, в общем говоря, моя заноза в заднице.

— Некоторые из них примкнули к Амаранте?

Тьма танцевала в зале, словно надвигающаяся буря готовилась к тому, чтобы поглотить солнце.

— Некоторые. Но я и мои кланы посвятили себя охоте на них все последние месяцы. И расправе над ними.

Медленной расправе — слово, которое он не добавил.

— Вот почему тебя не было — ты был занят этим?

— Есть много вещей, которыми я занят.

Это не было ответом. Казалось, что наш разговор окончен, и кем бы ни были Кассиан и Азриэль, беседа с ними была намного важнее.

Не попрощавшись, Рис буквально прыгнул с балкона — растворяясь в воздухе.

Моё сердце остановилось, но прежде чем я сумела закричать, он пронёсся мимо, так быстро, словно свирепый ветер между пиками гор. Несколько взмахов крыльев, и он исчез в грозовых облаках.

— Тебе тоже до свидания, — проворчала я, показывая ему неприличный жест и уходя заниматься своим обычным заданием на день. И лишь бушующий шторм за пределами охранного барьера дома составлял мне компанию.

Даже когда снег хлестал по защитному барьеру зала, даже когда я корпела над предложениями — *Рисанд интересен; Рисанд великолепен; Рисанд безупречен* — и поднимала и опускала свой ментальный щит до того, как мой разум начал медленно соображать, я думала о том, что они говорили.

Мне было интересно, что Ианта думала по поводу этих убийств, знала ли она тех жертв. Знала ли, чем был Цесир. Если храмы были чей-то целью, ей было это известно. И Тамлину тоже.

Последней ночью, я едва могла заснуть — отчасти от облегчения, а отчасти от ужаса, понимая, что Рис действительно отомстит за все, что случилось. Но ночь и шторм прошли, и когда лишь начало рассветать, я уже была одета до того, как взошло солнце.

* * *

Я могла бы поесть в своей комнате, но я уже неслась по лестнице, направляясь к огромному открытому пространству, к столу в самом конце веранды.

Развалившись в своем привычном кресле, Рис был одет в то же самое, что и вчера, воротник его черного камзола был расстегнут, рубашка была такая же мятая, как и его взъерошенные волосы. Мне было интересно, вернулся ли он только что оттуда, где должен был встретиться с Мор и остальными. Интересно, что он узнал.

— Прошла неделя, — сказала я вместо приветствия. — Верни меня домой.

Рис сделал глубокий глоток того, что было у него в чашке. Это не было похоже на чай.

— Доброе утро, Фейра.

— Верни меня домой.

Он изучал моё бирюзово-золотистое платье, отличавшееся от моего ежедневного гардероба. По правде говоря, я была не против этой своей одежды.

— Тебе идет этот цвет.

— Ты хочешь, чтобы я сказала «пожалуйста»? Так ведь?

— Я хочу, чтобы ты говорила со мной по-человечески. Начни с «Доброе утро», и посмотрим, что получится.

— Доброе утро.

Легкая улыбка. Ублюдок.

— Ты готова столкнуться лицом к лицу с последствиями своего исчезновения?

Я напряглась. Я не думала о свадьбе. Всю неделю не думала, но сегодня... сегодня я думала о Тамлине, о том, что хотела увидеть его, обнять его, спросить обо всем, о чем утверждал Рис. За последние несколько дней я не продемонстрировала никакого знака силы, которыми по мнению Риса я обладала, я не чувствовала ничего струящегося под своей кожей — и Слава Котлу.

— Это не твое дело.

— Верно. Ты в любом случае проигнорируешь это. Отмахнешься, как и от всего остального.

— Никто не спрашивал твоего мнения, Рисанд.

— Рисанд? — засмеялся он, тихо и глубоко.

— Я подарил тебе неделю роскоши, и ты зовешь меня Рисандом?

— Я не просила у тебя эту неделю быть здесь.

— И все-таки посмотри на себя. Твое лицо приобрело здоровый оттенок — те круги под глазами практически исчезли. Твой ментальный щит стал более прочным.

— Пожалуйста, верни меня домой.

Он пожал плечами и встал.

— Я скажу Мор, что ты попрощалась с ней.

— Я едва виделась с ней.

Наша первая встреча произошла вчера во время того разговора. Когда мы даже не обменялись двумя словами.

— Она ждала приглашения — она не хотела докучать тебе. Хотелось, чтобы и со мной она была так учтивая.

— Мне никто не говорил этого.

Меня это не особо и волновало. В любом случае, у нее, без сомнений, было чем заняться.

— А ты и не спрашивала. А зачем волноваться об этом? Лучше быть несчастной и одинокой.

Он приблизился, каждый шаг ровный, грациозный. Его волосы определенно стояли торчком, словно он их взъерошил. Или же несколько часов летел в свое секретное место.

— Ты думала о моем предложении?

— Я дам тебе знать в следующем месяце.

Он опустил ладонь, его прекрасное лицо напряглось.

— Я говорил тебе однажды, и скажу еще раз, — сказал он. — Я не враг тебе.

— И я тоже уже говорила, поэтому повторю. Ты враг Тамлина. Что, полагаю, делает тебя моим врагом.

— Неужели?

— Освободи меня от сделки и давай выясним это.

— Я не могу сделать этого.

— Не можешь или не будешь?

Он протянул ладонь.

— Пойдем?

Я чуть не бросилась к нему. Его пальцы были прохладным, крепкими — мозолистыми от оружия, которого я никогда не видела при нем.

Тьма поглотила нас, и я инстинктивно ухватилась за него, когда мир начал исчезать из-под моих ног. Действительно, рассеивание. Ветер ударил мне в лицо, а его теплые руки, обнимали меня за талию в то время, как мы пересекали Двор, Рис засмеялся от моего ужаса.

Но затем твердая земля, — плитчатый пол — были подо мною, ослепляющий солнечный цвет, зелень, пение птиц..

Я оторвалась от него, моргая от яркого света, от огромного дуба, нависшего над нами. Дуба на окраине наших садов — дома.

Я бросилась вперед к дому, но Рис схватил меня за запястье. Его глаза метались между мной и поместьем.

— Удачи, — тихо сказал он.

— Убери от меня свои руки.

— Увидимся в следующем месяце, — сказал он, прежде чем я успела плюнуть в него.

* * *

Я обнаружила Тамлина, сидящим в своем кабинете, Люсьен и еще двое часовых стояли вокруг стола, на котором лежала карта.

Люсьен был первым, кто повернулся к двери, где стояла я, умолкнув на полуслове. Затем Тамлин поднял голову, и вот он уже мчался через всю комнату так быстро, что я едва могла перевести дыхание перед тем, как он настиг меня.

Я прошептала его имя, и мое горло обожгло, а затем..

Затем он держал меня на расстоянии вытянутых рук и рассматривал с головы до ног.

— Ты в порядке? Ты ранена?

— Я в порядке, — сказала я, обратив внимание на тот самый момент, когда он понял, что на мне была одежда Ночного Двора, обнажавшая полоску голой талии. — Ко мне никто не прикасался.

Но он продолжал изучать мое лицо, мою шею. Потом он повернул меня спиной к себе, словно мог видеть сквозь одежду. Я вырвалась из его рук. — Я ведь сказала, что ко мне никто не прикасался.

Он тяжело дышал, его глаза были дикими.

— С тобой всё хорошо, — сказал он.

Он повторял это снова и снова.

Мое сердце дрогнуло, и я потянулась к его щеке.

— Тамлин, — прошептала я.

Люсьен и другие часовые, приняли мудрое решение, удалившись. Наши взгляды с Люсьеном встретились, и он улыбнулся мне с облегчением.

— Он мог навредить тебе другими способами, — прохрипел Тамлин, прикрывая глаза от моего прикосновения.

— Я знаю, но я в порядке. Правда, — сказала я настолько нежно как могла. А потом обратила внимание на стены кабинета — следы звериных когтей тянулись вниз. Повсюду. Даже стол, который они использовали... он был новым.

— Ты разгромил кабинет.

— Я разгромил полдома, — сказал он, подаваясь вперед, чтобы прижаться лбом друг к другу. — Он забрал тебя, он похитил тебя..

— И оставил меня одну.

Рыча, Тамлин отстранился.

— Вероятнее всего, чтобы ты потеряла бдительность. Ты понятия не имеешь, в какие игры он играет, на что он способен..

— Я знаю, — сказала я, даже если эта фраза и напоминала мне пепел на языке. — В следующий раз я буду более осторожной..

— Следующего раза не будет.

Я моргнула.

— Ты нашел способ?

Или, наверняка, нашла Ианта.

— Я не отпущу тебя.

— Он говорил, что если сделка на магии будет нарушена, то серьёзных последствий не избежать.

— К черту эти последствия.

Но я слышала, насколько пустой эта угроза была — и как это мучало его. Вот кем он был, чем он был: защитником, борцом. Я не посмела попросить его прекратить это — перестать волноваться обо мне.

Я встала на носочки и поцеловала его. Было столько всего, чего мне хотелось спросить у него.

— Пошли наверх, — сказала я ему в губы, и его рука обняла меня.

— Я скучал по тебе, — говорил он между поцелуями. — Я чуть не сошел с ума.

Вот все, что мне нужно было услышать. До..

— Мне надо задать тебе несколько вопросов.

Я вздохнула, что означало согласие, и подалась вперед, слегка наклонив голову. — Позже.

Его тело было таким теплым, таким твердым рядом со мной, его запах был так знаком..

Он обнял меня, прижимаясь к моему лбу.

— Нет — сейчас, — сказал он, простонав, когда мой язык скользнул по его зубам. — Пока ...

Он отстранился, отрывая свой рот от моего.

— Пока это все еще свежо в твоей памяти.

Я замерла, одна рука запуталась в волосах, а другая сжимала тонкую ткань туники.

— Что?

Тамлин сделал шаг назад, тряся головой, словно он хотел избавиться от желания, притупившее его рассудок. Мы не были разлучены так долго с самой Амаранты, и все что он хотел сейчас это вытащить из меня информацию о Ночном Дворе?

— Тамлин.

Но он вытянул руку, его глаза сосредоточены на меня, он позвал Люсьена.

Всего несколько мгновений заняло у эмиссара явиться, я поправила свою одежду — потянула топ, стараясь прикрыть открытый участок тела — и попыталась расчесать пальцами волосы. Тамлин подошел к своему рабочему столу и плюхнулся в кресло, кивком указывая мне занять место напротив него.

— Мне жаль, — тихо сказал он, когда звуки шагов Люсьена послышались снова. — Это

ради нашего блага. Нашей безопасности.

Я бросила взгляд на изуродованные стены, покрытые царапинами и на расколотую мебель. Какие же кошмары мучали его, во сне и наяву, пока я отсутствовала? Какого было ему представлять меня в руках врага, после того, что Амаранта сделала со мной?

— Я знаю, — прошептала я наконец. — Я знаю, Тамлин.

Или же я пыталась понять.

Я села в низкое кресло, когда зашел Люсьен, закрывая за собой дверь.

— Рад видеть тебя в целостности и сохранности, Фейра, — сказал он, садясь рядом со мной. — Хотя твой наряд Ночного Двора здесь не к месту.

Тамлин издал низкий подтверждающий рык. Я промолчала. Тем не менее, я понимала — правда понимала — почему они посчитали это оскорблением.

Тамлин и Люсьен обменялись взглядами, не говоря ни единого слова, как люди, которые жили бок о бок на протяжении веков. Люсьен слегка кивнул и откинулся в свое кресло — чтобы слушать, наблюдать.

— Нам нужно, чтобы ты обо всем рассказала, — сказал Тамлин. — Расположение Ночного Двора, кого ты видела, какое оружие и силы они применяют, чем занимался Рис, с кем он разговаривал, каждую деталь, которую сможешь вспомнить.

— Я и не знала, что была шпионом.

Люсьен заерзал на стуле, но Тамлин ответил:

— Несмотря на то, как сильно я ненавижу твою сделку, тебе был дарован доступ в Ночной Двор. Посторонние редко попадают туда, а если и бывают там, они редко покидают замок благополучно. Если им и удаётся сделать это, то их воспоминания обычно... повреждены. Что бы там Рис не скрывал, он не хочет, чтобы нам стало известно об этом.

Холод скользнул по моей спине.

— Зачем тебе это знать? Что ты собираешься сделать?

— Я хочу знать планы моего врага, его образ жизни, все, что является важным. Что касается того, что мы собираемся сделать... Это произойдет ни здесь, и ни там.

Его глаза были прикованы ко мне.

— Начни с расположения дворца. Это правда, что он находится под горой?

— Это чертовски похоже на допрос.

Люсьен глубоко вздохнул, но промолчал.

Тамлин широко расставил руки на столе.

— Нам нужно знать эти вещи, Фейра. Или... или ты не можешь вспомнить?

На его суставах блеснули когти.

— Я все прекрасно помню, — сказала я. — Он не причинил никакой вред моему сознанию.

И прежде чем он начал задавать вопросы, я стала рассказывать обо всем, что видела.

«Потому что я доверяю тебе», — сказал Рисанд. И может — может он действительно повредил мой разум, даже во время занятий по защите, поскольку описание расположения его дома, его Двора, гор и их окрестностей, было похоже на купание в маслянистой, лечебной ванне. Он был моим врагом, он удерживал меня только из-за той сделки, которую я отчаянно заключила с ним.

Я продолжала рассказывать, описывая ту комнату в башне. Тамлин с интересом расспрашивал меня о фигурках на карте, заставляя повторять слово в слово, что говорил Рисанд, до того, как я упомянула, что навалилось на меня на этой неделе: силы, которыми я

обладала, по мнению Риса ... и планы Хайберна. Я рассказала ему о том разговоре с Мор — о храме, который был осквернен, (Тамлин объяснил, что Цесир был северной военной базой во владениях Ночного Двора и одним из малоизвестных городов) и что Рисанд упоминал двух людей по имени Кассиан и Азриэль. У обоих напряглись лица при этом, но они не сказали, были ли они им знакомы или нет. Поэтому я рассказала ему о том, кем были иллирийцы — и как Рис охотился и убивал предателей среди них. Когда я закончила, Тамлин молчал, а Люсьен практически гудел от слов, которые ему так отчаянно хотелось сказать.

— Ты думаешь, у меня могут быть эти способности? — сказала я, заставляя себя выдержать его взгляд.

— Это возможно, — сказал Тамлин очень тихо. — И если это правда ...

Наконец Люсьен сказал:

— За такую силу другие Высшие Лорды готовы убить.

Я постаралась не нервничать, в то время как его металлический глаз зажужжал, словно проверяя мою кровь на наличие этих самых сил. — Мой отец, например, не был бы рад узнать, что он потерял часть силы — и что теперь ею обладает невеста Тамлина. Он сделал бы все, что угодно, чтобы убедиться, что у тебя ее нет — даже включая твоё убийство. Другие Высшие Лорды согласятся с этим.

Нечто заструилось под мой кожей.

— Я бы никогда не использовала ее против кого-либо..

— Дело не в том, использовала бы ты ее или нет; причина в преимуществе, которого у тебя быть не должно, — сказал Тамлин. — И если об этом станет известно, ты постоянно будешь чей-то целью.

— Ты знал? — настаивала я. Люсьен отвел глаза. — Ты подозревал?

— Я надеялся, что это не так, — осторожно сказал Тамлин. — А сейчас об этом подозревает Рис, и нам неизвестно, что он будет делать с этой информацией.

— Он хочет, чтобы я тренировалась.

Я не была достаточно глупой, чтобы упоминать наши занятия по защите — не сейчас.

— Тренировка привлечет слишком много внимания, — сказал Тамлин. — Тебе *не надо* тренироваться. Я смогу защитить тебя от всего, что случится.

Однажды случилось так, что он не смог. Когда он был слишком уязвим, и когда он наблюдал, как меня мучали до смерти. И он ничего не мог сделать, чтобы помешать Амаранте..

Я не позволю сделать этой другой Амаранте. Не позволю королю Хайберна послать своих чудовищ и солдат вредить людям. Навредить мне и моим людям. И сокрушить ту стену, дабы навредить бесчисленному количеству живущих за ней.

— Я могу использовать свои силы против Хайберна.

— Это даже не обсуждается, — сказал Тамлин, — особенно, когда не будет никакой войны против Хайберна.

— Рис сказал, что война неизбежна, и мы сильно пострадаем.

Люсьен сухо сказал:

— А Рис все знает?

— Нет — но... он обеспокоен. Он думает, что я могу стать решающей фигурой в надвигающемся конфликте.

Тамлин сжал пальцы, сдерживая, рвущиеся наружу, когти.

— У тебя нет опыта в битвах и оружии. И даже если бы я начал тренировать тебя прямо сегодня, уйдут годы до того, как ты сможешь продержаться на поле боя среди бессмертных, — он сделал глубокий вдох. — Поэтому несмотря на все то, что он думает, что ты способна, Фейра, я не собираюсь подпускать тебя близко к полю боя. Особенно, если это означает выставление твоих сил напоказ перед нашими врагами. Ты будешь сражаться с Хайберном на передовой, а за твоей спиной будут враги с улыбающимися лицами.

— Мне все равно..

— А мне *нет*, — прорычал Тамлин. Люсьен со свистом выдохнул. — Я переживаю, что ты можешь погибнуть, быть ранена, или можешь быть в опасности до конца наших дней. Поэтому не будет никакой тренировки, и все это останется между нами.

— Но Хайберн..

Люсьен спокойно вмешался:

— Мои источники уже проверяют это.

Я одарила его умоляющим взглядом.

Люсьен слегка вздохнул и обратился к Тамлину:

— Что если мы будем в тайне тренировать ее..

— Слишком велик риск, слишком много неопределенного, — перечислял Тамлин. — И не будет никакого конфликта с Хайберном, никакой войны.

Я цокнула языком.

— Выдаешь желаемое за действительное.

Люсьен пробормотал что-то наподобие мольбы к Котлу.

Тамлин напрягся.

— Опиши комнату с картой еще раз.

Это было его единственный ответ.

Конец разговора. Нет места возражениям.

Мы смотрели друг на друга некоторое время, и мой желудок скрутило.

Он был Высшим Лордом — моим Высшим Лордом. Он был щитом и защитником своих людей. Меня. И если моя защита означала, что его люди могли продолжать надеяться, строить новую жизнь, что он мог делать все как прежде ... Я могла подчиниться ему в этом вопросе.

Я могла сделать это.

«Ты ничья поданная»

Может Рисанд *действительно* изменил что-то в моем сознании, не смотря на мои щиты.

Одной этой мысли было достаточно для меня, чтобы начать снова снабжать Тамлина новыми деталями.

Неделю спустя пришло время Оброка.

Я провела всего лишь один день с Тамлином — один день, гуляя по садам, и, занимаясь любовью в высоких травах залитого солнцем поля, один тихий ужин перед тем, как его позвали на границу. Он не сказал мне, почему и куда. Только то, что я должна не выходить за территорию поместья, и ко мне были приставлены стражники, охраняющие меня все время.

Так я провела неделю в одиночестве, просыпаясь посреди ночи, чтобы очистить содержимое желудка, чтобы выплакаться из-за ночных кошмаров. Ианта, если она и знала о битве на севере, то ничего не говорила за те несколько раз, что мы виделись. Учитывая то, как мне не нравилось говорить о вещах, что изводили меня, я решила не поднимать эту тему, когда она наносила мне визит, помогая выбрать одежду, прическу, украшения для Оброка.

Когда я попросила ее объяснить мне, чего мне ожидать, она лишь сказала, что обо всем позаботится Тамлин. Мне нужно будет только наблюдать.

Достаточно легко, так как от меня ничего не ждут — можно вздохнуть с облегчением. Но мне пришлось прилагать усилия, чтобы не смотреть на татуированный глаз на моей ладони — вспоминать, как Рис злился на меня.

Тамлин вернулся только ночью, чтобы понаблюдать сегодняшний Оброк. Я старалась не принимать это на свой счет, не тогда, когда он нес такой большой груз на своих плечах. Даже если он и Ианта не говорили мне того, что им было известно.

Сидя рядом с Тамлином на возвышение главного зала, выделанного из мрамора и золота, я терпела бесконечный поток взглядов, слез, благодарностей и благословения за то, что я сделала...

В своей обычной бледно-голубой мантии с капюшоном Ианта стояла около дверей, благословляя тех, кто только что прибыл, и, утешая словами тех, кто практически терял голову в моем присутствии, уверяя их, что сейчас мир стал лучше, и что добро восторжествовало над злом.

После двадцати минут я не могла больше сосредоточиться. После четырех часов я перестала что-либо слышать.

Они продолжали приходить, эмиссары, представляющие каждый город и люди в Весеннем Дворе, приносящие плату в виде золота, украшений, урожая или одежды. Не было важно, чем это было, поскольку все это приравнивалось к тому, что они были должны. Люсьен стоял на возвышении, подсчитывая каждую сумму и вооруженный до зубов, как и десяток остальных стражей, стоящих в зале. Приёмная зала — так Люсьен называл ее, но она чертовски напоминала мне тронный зал. Интересно, а давал ли он ей другие определения...

Я провела слишком много времени в другом тронном зале. Так же, как и Тамлин.

И я не сидела на троне как он, а была на коленях перед ним. К нам приближалась стройная фейри с серым цветом кожи, крадущаяся из передней бесконечно длинной очереди Высших и низших Фэ.

На ней не было одежды. Ее длинные, темные волосы безвольно лежали на высокой, упругой груди — ее огромные глаза были абсолютно черными. Как стоячий пруд. А когда она двигалась, дневной свет мерцал на ее переливающейся коже.

На лице Люсьена отразилось неодобрение, но он никак это не прокомментировал, когда

низшая фейри преклонила своё хрупкое, заостренное лицо, и сложила веретенообразные перепончатые пальцы на груди.

— От лица всех водных привидений, я приветствую Вас, Высший Лорд, — сказала она, ее голос был чужеземным и шипящим, ее полные, чувственные губы обнажали зубы, острые и зубчатые как у щуки. Заостренные углы ее лица подчеркивали те угольно-черные глаза.

Я видела ее вид прежде. В водоеме около поместья. Пятеро из них жили среди камышей и кувшинок. Я редко видела более чем их сияющие головы, выглядывающие из прозрачной поверхности — никогда не знала, как ужасны они вблизи. Слава Котлу, я не ходила плавать в этот пруд. У меня было такое чувство, что она схватила бы меня своими перепончатыми пальцами — глубоко вонзая сломанные ногти — и утащила бы меня на дно, прежде чем я сумела бы закричать.

— Добро пожаловать, — сказал Тамлин. Пять часов спустя, а он выглядит таким же свежим, как и утром.

Я предположила, что это связано с его вернувшимися силами. Мало, что его теперь утомляет.

Водное привидение ступило ближе, ее перепончатая когтистая нога была ярко-серой. Люсьен стал между нами.

Вот почему он стоял возле меня на возвышении.

Я стиснула зубы. Кто, по их мнению, нападет на нас в нашем собственном доме, на нашей земле, если только они не были уверены, что Хайберн готовит нападение? Даже Ианта перестала бормотать в конце зала, внимательно наблюдая за встречей.

Вероятно, беседа будет не такой как другие.

— Пожалуйста, Высший Лорд, — говорила фейри, кланяясь так низко, что ее чернильного цвета волосы касались мрамора. — В озере не осталось больше рыбы.

Лицо Тамлин было словно гранит.

— Несмотря ни на что, вы обязаны заплатить. Корона на его голове мерцала в дневном свете. Украшенная изумрудами, сапфирами и аметистом, золото было выплавлено в форме первых весенних цветов. Одна из пяти корон, принадлежащих его роду.

Фейри вытянула вперед руки, но Тамлин перебил ее.

— Никаких исключений. У тебя есть три дня, чтобы преподнести то, что ты должна — или в два раза больше во время следующего Оброка.

Это было настоящей пыткой удержаться от взгляда на непреклонное лицо, на безжалостные слова. В конце зала, Ианта кивнула в знак подтверждения непонятно кому.

Водным призракам нечего есть — как он думает, она принесет ему еду?

— Пожалуйста, — прошептала она сквозь заостренные зубы, ее серебристая кожа заблестела, когда она начала дрожать. — Ничего не осталось в озере.

Лицо Тамлина не дрогнуло.

— У тебя есть три дня..

— Но у нас нет золота!

— *Не* перебивай меня, — сказал он. Я отвела взгляд, не в силах выдержать это безжалостное лицо.

Она еще ниже склонила голову. — Прошу прощения, мой Высший Лорд.

— У тебя есть три дня до выплаты, или приноси в два раза больше в следующем месяце, — повторил он. — Если ты этого не сделаешь, тебе известны последствия. Тамлин махнул рукой в знак разрешения уйти. Конец беседе.

После последнего, лишённого всяких надежд взгляда, она вышла из зала. Когда следующая фея — с козлиными ногами и держащая нечто, напоминавшее корзинку с грибами — терпеливо ждала приглашения подойти к возвышению, я повернулась к Тамлину.

— Нам не нужна корзинка рыбы, — прошептала я. — Зачем заставлять ее вот так страдать?

Он взглянул туда, где отошедшая в сторону Ианта позволяла существу пройти, ее рука покоилась на жемчужном поясе. Как-будто женщина вырвет его у нее, дабы использовать в качестве платы Оброка. Тамлин нахмурился.

— Я не могу делать никаких исключений. Сделаешь один раз, тогда все будут требовать того же.

Я вцепилась в подлокотники моего кресла, небольшое деревянное сидение рядом с его гигантским тронem, украшенным вырезанными розами.

— Но ведь нам *не нужны* эти вещи. Зачем нам золотое руно или банка варенья? Если у нее нет рыбы, три дня ничего не решат. Зачем заставлять ее голодать? Почему бы не помочь ей пополнить пруд? Я провела достаточно лет с голодным желудком, стараясь не сорваться, не кричать на всю несправедливость жизни.

Его изумрудные глаза смягчились, словно он читал мысли, отражающиеся на моем лице, но он сказал:

— Так и должно быть. Мой отец делал то же самое, и его отец, и мой сын будет делать так же, — он улыбнулся и дотронулся до моей руки. — Когда-нибудь.

Когда-нибудь. Если мы поженимся. Если однажды моя ноша станет легче, и мы сможем сбежать от теней, преследующих нас. Мы совсем не затрагивали эту тему. Ианта, к счастью, тоже ничего не говорила.

— Но мы все еще можем помочь ей — найти какой-нибудь способ снова заполнить водоем.

— У нас есть много вещей, с которыми нам надо разобраться. Милостыня не поможет ей в будущем.

Я открыла рот, но сразу же закрыла его. Сейчас не время для споров.

Поэтому я оторвала свою руку от его и он, в конце концов, позволил фавну с козлиными ногами подойти.

— Мне нужен свежий воздух, — сказала я и выскользнула из кресла. Я не дала Тамлину шанс возразить, когда уже спускалась с возвышения. Я попыталась не замечать трёх стражников, посланных за мною, или шеренгу эмиссаров, которые глазели и перешептывались, в то время как я пересекала зал.

Ианта пыталась поймать меня, когда я проносила мимо, но я проигнорировала ее.

Я вышла через передние двери и прошла так быстро, как смела, мимо очереди собравшихся, извивающейся вниз по ступеням вплоть до гравия у парадного входа. Через вереницу тел Высших и низших Фэ, я заметила уходящую фигуру призрака, направляющуюся за угол нашего дома — к водоему за садами. Она плелась вперед, вытирая слезы с глаз.

— Извините, — позвала я, догоняя ее, стражники, идущие за мной, держались на почтительном расстоянии.

Она остановилась на углу дома и развернулась с неестественной плавностью. Я подавила желание сделать шаг назад, когда эти неземные черты пожирали меня. Всего на несколько шагов позади меня, стражники наблюдали за нами, держа руки на ножнах.

Её носом было два надреза, а острые жабры выступили наружу под ее ушами.

Она слегка склонила голову. Не глубокий поклон — потому что я была никем, лишь уважение, поскольку я была игрушкой Высшего Лорда.

— Да? — прошипела она, а ее щучьи зубы сверкнули.

— Каков твой Оброк?

Моё сердце забилося быстрее, когда я заметила перепончатые пальцы и острые как бритва зубы. Тамлин однажды сказал мне, что водные-призраки всеядны. А если у них не осталось рыбы ...

— Сколько золота он хочет — какова стоимость рыбы в золоте?

— Намного больше, чем у тебя в кармане.

— Тогда вот, — сказала я, расстегивая рубиновый браслет с шипами со своего запястья, это о нём говорила Ианта, что он лучше подходит моей кожей, чем серебро, которое я собиралась надеть. Я предложила его ей. — Возьми это. До того, как она смогла взять его, я сорвала золотое ожерелье со своей шеи и бриллиантовые капельки с ушей.

— И это, — я протянула ладони, в которых переливалось золото с драгоценностями. — Дай ему то, что должна, а затем купи себе немного еды, — сказала я, глубоко глотая, когда ее глаза расширились. В ближайшей деревне каждую неделю есть небольшой рынок — пока лишь небольшое скопление торговцев, которое я надеялась, будет расти и процветать. Так или иначе.

— Что ты требуешь взамен?

— Ничего. Это... это не сделка. Просто возьми это, — я вытянула ладони вперед. — Пожалуйста.

Она хмуро посмотрела на драгоценности, свисающие с моих ладоней. — И тебе ничего не надо взамен?

— Ничего.

Фейри стоящие в очереди с интересом смотрели на нас.

— Пожалуйста, возьми их.

С последним оценивающим взглядом, ее холодные и влажные на ощупь пальцы коснулись моих, беря украшения. Они светились, словно яркий свет на воде в ее перепончатых пальцах.

— Спасибо тебе, — сказала она, и в этот раз глубоко поклонилась. — Я не забуду твою доброту. Ее голос, как и слова, казались скользкими, и я снова вздрогнула, когда ее черные глаза грозились поглотить меня. — Как и мои сестры.

Она развернулась и зашагала обратно к поместью, лица моих трех стражников исказились в упреке.

* * *

Я сидела за обеденным столом с Люсьеном и Тамлином. Ни один из них не разговаривал, но взгляд Люсьена метался от меня к Тамлину, а затем к своей тарелке.

Спустя десять минут тишины, я отложила вилку и сказала Тамлину:

— В чем дело?

Тамлин не колебался.

— Ты знаешь, в чем дело.

Я не ответила.

— Ты дала тому водному привидению свое украшение. Украшение, которое я подарил

тебе.

— У нас чертов дом полный золота и драгоценностей.

Люсьен глубоко вздохнул, что было похоже на: «Начинается.»

— Почему я не должна была давать ей их? — настаивала я. — Те вещи ничего для меня не значат. Я никогда не носила то же украшение дважды! Кого оно волнует?

Губы Тамлины сжались.

— Потому что ты *подрываешь* законы этого Двора, когда ведешь себя так. Потому что здесь так *принято*, а когда ты вручаешь той прожорливой фейри деньги, которые ей нужны, это делает — это делает весь Двор — *слабым*.

— Не говори со мной так, — сказала я, обнажая зубы.

Он ударил рукой по столу, когти прорывались через его плоть, но я наклонилась вперед, упираясь руками об дерево.

— Ты все еще не имеешь никакого понятия, какого мне было — быть грани голодной смерти месяцами. И ты можешь называть ее ненасытной, если тебе так хочется, но у меня тоже есть сестры, и я помню, какого это вернуться домой без еды. — Я успокоила бушующую грудь, и какая-то сила забурлила под моей кожей, струясь по моим костям. — Поэтому, может она и потратит все те деньги на ерунду — может быть у нее и ее сестер нет никакого самоконтроля. Но я не буду рисковать, позволяя ей голодать из-за каких-то *смехотворных* правил, которые установили твои предки.

Люсьен прочистил горло.

— Она не имела в виду ничего плохого, Там.

— Я знаю, — огрызнулся он.

Люсьен выдержал его взгляд.

— Худшие вещи случались, худшие вещи *могут* случиться. Просто расслабься.

Изумрудные глаза Тамлина оставались жесткими, когда он прорычал Люсьену:

— Я спрашивал твое мнение?

Эти слова, то каким *взглядом* он прожег Люсьена, который уже склонил голову — мой гнев заструился по венам. «*Подними голову*», — молчаливо просила я его. «*Ответь ему. Мы правы, а он нет.*»

Люсьен напряг челюсть. Та сила вновь забурлила во мне, ища выход, летя словно копье прямо к Люсьену. «*Не отступай..*»

Затем я пропала.

Все еще там, все еще смотревшая своими глазами, но другая часть меня смотрела на происходящее под другим углом комнаты, со стороны другого человека..

Мысли нахлынули на меня волной, изображения и воспоминания, образы мышления и чувств, которые казались очень древними, умными и печальными, такими бесконечно печальными, полными разъедающей изнутри вины, безнадежности..

И вдруг я снова вернулась, моргая. Не прошло и сердцебиения, как я уже изумленно смотрела на Люсьена. Его голова. Я была *внутри* его головы, проскользнула через его ментальные стены.

Я встала, бросая салфетку на стол своими, на удивление, спокойными руками.

Я знала, кто подарил мне *эту* способность. Мой ужин стал в горле, но я глубоко сглотнула.

— Мы еще не закончили с ужином, — прорычал Тамлин.

— Ничего, переживешь.

Я могла поклясться, что заметила два выжженных отпечатка на дереве, выглядывающих из-под моей салфетки. Я молилась, чтобы никто из них ничего не увидел.

И что Люсьен так и не узнал про то оскорбление, которое я только что ему нанесла.

Я не торопилась возвращаться в свою комнату. Возможно, я ошиблась, когда заметила те выжженные отпечатки — может, они уже были там. Может, не я призвала огонь и опалила дерево. Может, даже и не я проникла в разум Люсьена, что напомнило мне переход из одной комнаты в другую.

Элис как обычно пришла, чтобы помочь мне переодеться ко сну. Сев возле туалетного столика, позволяя ей расчесывать мои волосы, я съежилась от своего собственного отражения. Синева под моими глазами, казалось, стала частью меня — лицо выглядело болезненным. Даже мои губы были слегка бледными, и я вздохнула, прикрыв глаза.

— Ты отдала драгоценности тому водному привидению, — задумчиво размышляла Элис, и я увидела ее отражение в зеркале. Ее смуглое лицо напоминало мне гладкую искусственную кожу, а темные глаза блеснули на мгновение перед тем, как сфокусировались на моих волосах. — Они скользкие существа.

— Она сказала, что они голодают — что у них нет еды, — прошептала я.

Элис нежно распутывала сбившиеся волосы.

— Ни одна феяри в той очереди не дала бы ей деньги. Ни одна бы не посмела сделать это. Многие оказались в могиле на дне озера из-за своего голода. Ненасытность — вот их проклятие. Твои украшения не помогут протянуть ей и неделю.

Я слегка постучала ногой по полу.

— Но... — продолжила Элис, откладывая расческу, чтобы заплести волосы в косу. Ее длинные, веретенообразные пальцы слегка царапали кожу головы. — Она никогда этого не забудет. Пока она жива, не важно, что ты сказала ей, она будет у тебя в долгу.

Элис закончила плести косу и хлопнула меня по плечу.

— Слишком много феяри познали голод за последние пятьдесят лет. Не думай, что об этом никто не узнает.

Возможно, я боялась этого больше всего остального.

* * *

Было далеко за полночь, когда, устав ждать, я шла по темным тихим коридорам и обнаружила его в кабинете, на этот раз одного.

Деревянная коробочка с толстым розовым бантом покоилась на столе между двумя одинаковыми креслами.

— Я как раз собирался возвращаться, — сказал он, поднимая голову для того, чтобы быстро изучить мое тело, убедиться все ли было в хорошо, все было в порядке. — Ты должна поспать.

Я закрыла за собой дверь. Я знала, что не смогу уснуть — не со словами, звеневшими у меня в голове, которые мы прокричали друг другу. — Как и ты, — сказала я, таким же тонким голосом, как и мир между нами. — Ты слишком много работаешь.

Я пересекла комнату и уперлась в кресло, разглядывая Тамлина так же, как и он рассматривал меня.

— Почему ты думаешь, я не стремился становиться Высшим Лордом? — сказал он, поднимаясь с кресла, чтобы обойти стол. Он поцеловал мою бровь, кончик моего носа, мой

рот. — Так много бумажной работы, — прошептал он в мои раскрытые губы. Я засмеялась, и он прижался ртом к ложбинке между моей шеей и плечом.

— Мне жаль.

Я провела ладонью по его руке.

— Тамлин, — начала я.

— Мне не следовало говорить те ужасные вещи, — его дыхание щекотало мою кожу. — Тебе и Люсьену. Я ничего из этого не имел в виду.

— Я знаю, — сказала я и его тело расслабилось. — Извини, что накричала на тебя.

— Ты была права, — сказал он, хотя технически это было не так. — Я ошибался.

То, что он сказал, было правдой — если он будет делать исключения, тогда другие фейри начнут требовать такого же отношения. И то, что я натворила, могло расцениваться как подрывание его власти.

— Может я была..

— Нет. Ты была права. Я не знаю, каково это — умирать от голода. Как и все остальное.

Я отстранилась, слегка кивнув в сторону подарка, ожидающего меня на столе, больше всего желая, чтобы он оказался последним. Я насмешливо улыбнулась.

— Для тебя?

Он прикусил мочку моего уха, давая мне ответ.

— Тебе. От меня.

Извинение.

Впервые почувствовав себя намного счастливее за последние несколько дней, я потянула за ленту банта и обнаружила светлую деревянную коробочку. Примерно в два фута высотой и шириной в три фута, сверху была закреплена прочная железная ручка — никакой выделки или тиснения, указывающих на то, что могло быть внутри. Определенно не платье, но ...

Пожалуйста, только не корона.

Хотя, корона или диадема лежали бы в чем-то менее... непримечательном. Я раскрыла защелку и широко распахнула крышку. По правде говоря, это было хуже, чем корона.

В коробке были встроены отсеки, рукава и штатив, все заполнено кистями, красками, древесным углем и листами бумаги. Переносной набор для рисования.

Алый — алая краска внутри стеклянной бутылочки была такой яркой, а голубая такая же насыщенная, как и глаза тех фейри, которых я убила..

— Я подумал, что ты могла бы брать его собой, когда идешь на прогулку в сад. Это удобнее, чем тащить все сумки, как ты всегда делаешь.

Кисти были свежими, блестящими — щетина нежная и чистая.

Смотреть на коробку, на то, что внутри, было подобно изучению подобранного трупа вороны.

Я попыталась улыбнуться. Попыталась придать радость своим глазам.

Он сказал:

— Тебе не нравится.

— Нет, — удалось вымолвить мне. — Нет — это восхитительно.

И это было. Правда, было восхитительно.

— Я думал, что если ты начнешь снова рисовать ...

Я ждала, пока он закончит.

Но он молчал.

Моё лицо обдало жаром.

— А как насчет тебя? — тихо спросила я. — Ты думаешь, что бумажная работа может помочь тебе?

Я посмела встретиться с ним взглядом. В его глазах играл гнев.

— Мы говорим не обо мне. Мы говорим — о тебе.

Я снова изучала коробку и ее содержимое.

— Мне хотя бы будет дозволено самой найти место, где я захочу рисовать? Или там тоже будет эскорт?

Молчание.

И да, и нет.

Меня начало трясти, но ради себя, ради *нас*, я заставила себя сказать:

— Тамлин, Тамлин, я не могу... не могу жить своей жизнью, когда стражники рядом со мной и днем и ночью. Я не могу жить... задыхаясь. Просто позволь мне помочь тебе — позволь работать с тобой.

— Ты и так многое отдала, Фейра.

— Я знаю. Но... — я смотрела ему прямо в лицо. Встретилась с его взглядом — полным мощи Высшего Лорда Весеннего Двора. — Меня труднее сейчас убить. Я быстрее, сильнее..

— Моя семья была быстрее и сильнее тебя. И они были довольно легко убиты.

— *Тогда женись на той, кто сможет мириться с этим.*

Он моргнул. Медленно. Потом сказал с ужасающей мягкостью:

— Ты не хочешь выходить за меня?

Я попыталась не смотреть на кольцо на пальце, на этот изумруд.

— Конечно хочу. *Конечно я хочу*, — мой голос дрогнул. — Но ты ... Тамлин ...

Стены давили на меня. Тишина, стражники, лестницы. То, что я видела сегодня во время Оброка.

— Я тону, — получилось выдавить у меня. — *Я тону*. И чем больше ты это делаешь, чем больше стражников... Это равносильно тому, что ты держишь мою голову под водой.

Ничего не дрогнуло в его глазах, лице.

Но потом..

Я закричала, инстинкт завладел мною, когда его сила огромным взрывом пронеслась по всей комнате.

Окна вдребезги разбились.

Мебель раскололась на части.

И та коробка с красками, кистями и бумагой ...

Она взорвалась пылью, стеклом и деревом.

Один вздох — кабинет был целым.

Еще один вздох — и он превратился в осколки, в оболочку комнаты.

Но ни один осколок не достиг меня, того места на полу, куда я упала, обхватив руками голову.

Тамлин тяжело дышал, его рваное дыхание почти напоминало всхлипы.

Меня трясло — трясло так сильно, что я думала, будто мои кости расколуются так же, как и рассыпалась мебель, но я заставила себя опустить руки и взглянуть на него.

На его лице читалось полнейшее отчаяние. И боль. И страх. И сожаление.

Вокруг меня не упало ни одного обломка — словно он укрыл меня от этого.

Тамлин шагнул в мою сторону, сокращая расстояние между нами.

Он отпрянул, будто ударился о нечто твердое.

— Фейра, — дрожащим голосом сказал он.

Он снова сделал шаг, но невидимая граница между нами не исчезала.

— Фейра, пожалуйста, — выдохнул он.

И я понял, что эту границу, этот защитный купол...

Сотворила я.

Щит. Не ментальный, а материальный.

Я не знала, от какого Высшего Лорда мне достался этот дар, наверное, от того, кто повелевал воздухом и ветром или чем-то похожим. Вероятно, кто-то из Солнечных Дворов. Мне было все равно.

— Фейра, — выдохнул Тамлин в третий раз, упираясь руками в нечто невидимое, в изогнутую стену уплотненного воздуха. — *Пожалуйста, пожалуйста.*

Эти слова сломали что-то во мне.

Возможно, мой щит тоже дал трещину, поскольку рука Тамлина с легкостью прошла сквозь него.

Затем он переступил эту границу между хаосом и порядком, опасностью и безопасностью.

Он опустился на колени, обхватив мое лицо ладонями.

— Мне жаль, мне жаль.

Я не могла перестать дрожать.

— Я попытаюсь, — громко дышал он. — Я постараюсь быть лучше. Я не... иногда я не могу контролировать это. Злость. Сегодня просто... сегодня ужасный день. Из-за Оброка, из-за всего этого. Сегодня — давай забудем все. Давай оставим это в прошлом. Пожалуйста.

Я не сопротивлялась, когда его руки обвили меня, крепко прижимая к себе, достаточно сильно, чтобы его тепло проникло в каждую клеточку моего тела. Он зарылся лицом в мою шею и бормотал в области затылка, будто мое тело впитывало все его слова, словно мы были хороши в подобном виде общения — кожа к коже.

— Я не смог спасти тебя раньше. Не смог защитить от них. И когда ты сказала, что... что я... топлю тебя... Чем я лучше их?

Мне следовало сказать ему, что это не было правдой, но... я говорила от чистого сердца. Или от того, что осталось от него.

— Я постараюсь стать лучше, — снова сказал он. — Пожалуйста... дай мне больше

времени. Дай мне... справиться со всем этим. Пожалуйста.

— *Справиться с чем?* — хотела я спросить, но не смогла вымолвить ни слова. Я осознала, что все еще молчала.

Поняла, что он ждал ответа, которого у меня его не было.

Поэтому я обняла его, поскольку телесное общение было единственным способом, которым я могла говорить.

Это было достаточным ответом.

— Мне жаль, — снова сказал он. Он не переставал бормотать ни на минуту.

«Ты и так уже многое отдала, Фейра».

Наверное, он был прав. И, возможно, у меня не осталось больше ничего, что я могла бы отдать ему.

Я смотрела ему через плечо, когда обнимала его.

Красная краска растеклась по всей стене напротив нас. И, когда она стекала по деревянным панельным стенам, я подумала, что она была похожа на кровь.

* * *

Тамлин не переставал извиняться все последующие дни. Он занимался со мной любовью днем и ночью. Он поклонялся моему телу своими руками, языком и зубами. Но это никогда не было чем-то трудным для нас. Все остальное же сбивало нас с толку.

Но он был верен своему слову.

Гуляя по садам, я заметила, что стражников стало меньше. Некоторые остались, но теперь никто из них не следовал по пятам. Я даже могла прокатиться по лесу без сопровождения.

Несмотря на это, я знала, что конюхи тотчас сообщали Тамлину, когда я уезжала и возвращалась.

Тамлин же никогда не упоминал тот щит из твердого воздуха, который я использовала против него. Все шло довольно хорошо, поэтому я не смела поднимать эту тему.

* * *

Дни шли, как в тумане. Тамлин отсутствовал чаще, чем бывал дома, и, когда бы он не возвращался, он ничего не рассказывал мне. Я давно перестала приставать к нему, выпрашивая ответы. Защитник — вот кем он был и всегда будет. Это было тем, чего я хотела, когда мне было холодно, тяжело и безрадостно; то, что было *мне* нужно, чтобы растопить лед горьких лет голодного существования.

Мне не хватало смелости спросить себя, чего бы я хотела или что мне было нужно сейчас. Кем я стала.

Безделье было моим единственным вариантом, поэтому все свои дни я проводила в библиотеке. Занимаясь чтением и письмом. Уплотняя ментальный щит, кирпичик за кирпичиком, слой за слоем. Иногда проверяя, могла ли я призвать материальную стену закаленного воздуха. Я наслаждалась тишиной, даже если она уже и проникала в вены, в голову.

Были дни, когда я совсем ни с кем не разговаривала. Даже с Элис.

Я просыпалась каждую ночь, трясясь и тяжело дыша. И я была рада, что Тамлин не был

свидетелем этого. Ведь я тоже не видела, как он вскакивал от кошмаров, покрытый холодным потом. Или превращался в чудовище и не спал до рассвета, проверяя поместье на наличие угроз. Что я могла сказать, что успокоило бы его страхи, когда я была источником большинства из них?

Примерно спустя две недели после Оброка он вернулся домой на неопределенный срок, и я решила попытаться поговорить с ним, повлиять на него. Я была обязана ему. Обязана самой себе.

Казалось, он думал так же. И впервые за долгое время... все было нормально. Настолько нормально, насколько это могло быть.

Одним утром меня разбудили низкие глубокие голоса, раздающиеся за пределами моей комнаты, в коридоре. Закрывая глаза, я вжалась в подушку и натянула повыше одеяло. Несмотря на наше с ним утреннее ерзанье в кровати, я очень поздно вставала каждый день — иногда не утруждая себя подниматься раньше обеда.

Рычание пронеслось по стенам, и я снова открыла глаза.

— Проваливай, — предупредил Тамлин.

Последовал тихий ответ — слишком тихий, чтобы я могла что-либо разобрать кроме бормотания.

— Говорю в последний раз..

Тот голос перебил его, и на моих руках встали дыбом волосы. Я изучала тату на ладони, мысленно считая. Нет — нет, сегодня не могло наступить так быстро.

Откинув одеяло, я бросилась к двери, на полпути понимая, что была голой. Благодаря Тамлину, моя одежда была разорвана и валялась в другой части комнаты, а халата не было даже в поле зрения. Я схватила одеяло с ближайшего кресла и закуталась в него, прежде чем открыла дверь.

Как я и думала, Тамлин и Рисанд стояли в коридоре. Услышав звук открывающейся двери, Рисанд повернулся ко мне. Его ухмылка дрогнула.

— Фейра.

Глаза Рисанда задержались на мне, изучая каждую деталь.

— Тебя здесь не кормят?

— Что? — спросил Тамлин.

Фиолетовые глаза снова стали ледяными. Рис протянул мне руку.

— Пошли.

Буквально в одно мгновение Тамлин оказался прямо перед лицом Рисанда, и я вздрогнула.

— *Убирайся*, — он указал на лестницу. — Она придет, когда будет готова.

Рисанд смахнул невидимую пылинку с рукава Тамлина. Часть меня восхитилась его смелостью и наглостью. Если бы зубы Тамлина оказались в нескольких дюймах от моего горла, я бы заблелась от страха.

Рис бросил на меня взгляд.

— Нет, ты бы это не сделала. Если мне не изменяет твоя память, в последний раз, когда зубы Тамлина оказалась рядом с твоим горлом, ты залепила ему пощечину.

Я закрыла свои позабытые щиты, хмурясь.

— *Заткнись*, — сказал Тамлин, вставая между нами. — И убирайся.

Высший Лорд сделал шаг по направлению к лестнице и спрятал руки в карманы. — Тебе действительно надо провести инспекцию своих охранных чар. Один лишь Котел знает,

что за сброд может пробраться сюда так же легко, как это сделал я.

Рис снова оценивающе посмотрел на меня, его взгляд был тверд.

— Оденься.

Я оскалилась, а затем ступила назад в комнату. Тамлин последовал за мной, хлопнув дверью так сильно, что зашаталась люстра, а падающий на стеклярус свет заиграл на стенах.

Я бросила одеяло и направилась к гардеробу. Матраас позади меня застонал, когда Тамлин опустился на кровать.

— Как он сюда попал? — спросила я, распахивая двери и перебирая одежду в поисках бирюзового наряда Ночного Двора, который я попросила Элис сохранить. Я знала, что она хотела сжечь его, но я сказала, что в следующий раз все равно явлюсь в новом наряде.

— Я не знаю, — сказал Тамлин. Я надела штаны и повернулась к нему. Он провел рукой по волосам. Я чувствовала, что за его словами скрывалась ложь. — Он просто... это часть какой-то игры, в которую он играет.

Я просунула голову внутрь топа.

— Если приближается война, может быть, нам стоит начать предпринимать что-нибудь.

Мы не говорили на эту тему с моего первого возвращения. Я рылась в нижней части шкафа в поисках подходящих шелковых туфель и повернулась к нему, когда надела их.

— Я начну что-либо предпринимать, как только он разорвет вашу с ним сделку.

— Может, он не разрывает ее, потому что надеется, что ты таким образом прислушаешься к нему.

Я направилась к кровати, на которой он сидел. По сравнению с прошлым месяцев мои штаны были слегка широковаты в талии.

— Фейра, — сказал он, протягивая мне руку, но я отошла в сторону. — Зачем тебе знать все эти вещи? Разве тебе не надо восстанавливаться в спокойной обстановке? Ты заслужила это для себя. Заслужила. Я уменьшил количество стражников; я пытаюсь... пытаюсь быть лучше. Поэтому оставь все это, — он глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. — Сейчас не время для этого разговора.

Для *этого* разговора *никогда* не было подходящего времени. Но я ничего не сказала. Все слова иссякли и куда-то испарились, и я промолчала. Я запомнила черты лица Тамлина и не сопротивлялась, когда он притянул меня к груди и крепко обнял.

Кто-то кашлянул в зале, и тело Тамлина напряглось.

Мне надоела эта бессмысленная перепалка, потому возможность вернуться в это безмятежное место в горах казалась мне лучшим вариантом. По крайней мере, я не буду прятаться в библиотеке...

Я отстранилась, и Тамлин замешкался, когда я пошла назад в зал.

Рис неодобрительно нахмурился, взглянув на меня. Я раздумывала, не нагрубить ли ему, но это потребовало бы больше запала, чем у меня имелось... и мне должно было быть не все равно, что он подумал.

Лицо Риса ничего не выражало, когда он протянул мне ладонь.

Только для того, чтобы Тамлин появился позади меня и оттолкнул ее.

— Тырываешь с ней сделку прямо сейчас, и я даю тебе все, что захочешь. Все.

Мое сердце ёкнуло.

— Ты в своем уме?

Тамлин даже не посмотрел в мою сторону.

Рисанд лишь поднял бровь.

— У меня уже есть все, что я хочу.

Он обошел Тамлина, словно тот был частью мебели и взял меня за руку. Прежде чем я смогла попрощаться, черный ветер окутал нас, и мы исчезли.

— Что с тобой, черт возьми, произошло? — спросил Рисанд, прежде чем нас окружил Ночной Двор.

— Почему бы тебе просто не прочесть это у меня в голове? — сказала я, но слова показались мне недостаточно резкими. Я не оттолкнула его, высвобождаясь из его рук.

Он подмигнул мне.

— Разве это будет забавно?

Я не улыбнулась.

— Никакого швыряния туфлей на этот раз?

В его глазах читались другие слова:

«Давай же. Поиграй со мной».

Я направилась к лестнице, ведущей в мою комнату.

— Позавтракай со мной, — сказал он.

Что-то в его словах заставило меня остановиться. Готова поклясться, нечто похожее на отчаяние. Беспокойство.

Я развернулась, моя свободная одежда легко заскользила по моим плечам, моей талии. Я не заметила, когда успела так сильно похудеть. Даже несмотря на то, что все постепенно возвращалось в привычное русло.

— Разве у тебя нет дел поважнее? — сказала я.

— Конечно есть, — ответил он, пожимая плечами. — В мире так много вещей, с которыми мне надо разобраться, что, порой, я готов поддаться искушению и высвободить всю свою силу, стерев мир с лица земли. Лишь для того, чтобы заполучить хоть немного дьявольского покоя, — он ухмыльнулся, кланяясь в пояс. Даже от столь обычного упоминания его силы, я не боялась его, и моя кровь не стыла в жилах. — Но для тебя я всегда найду время.

Я еще не успела поесть и была голодна. Но за этой нахальной и невыносимой усмешкой действительно читался проблеск беспокойства за меня.

Я махнула в сторону привычного стеклянного стола в конце зала. Мы шли, шагая рядом друг с другом. Устала. Я так устала.

Когда мы почти приблизились к столу, Рис спросил:

— В этом месяце я почувствовал волну ужаса через нашу замечательную связь. В нашем прекрасном Весеннем Дворе произошло нечто интересное?

— Ничего такого, — ответила я. Ведь так и было. Но это его совершенно не касалось.

Я искоса взглянула на него — гнев, нет, тревога — промелькнула в его глазах. Я могла поклясться, что сама гора вздрогнула в подтверждении моих мыслей.

— Если ты и так все знаешь, — холодно сказала я, — зачем тогда вообще спрашиваешь?

Я опустила на стул, и он сел, напротив.

Он ответил тихо:

— Потому что в последнее время я ничего не слышу через нашу связь. Тишина. Даже с твоим, большую часть времени, поднятым щитом, что весьма впечатляет, я все равно должен был чувствовать тебя. Но я ничего не ощущаю. И иногда мне приходится проверять, жива ли ты вообще. — Вокруг него сгустилась тьма. — Но в один прекрасный день, посреди очень важной встречи, я почувствовал дикий ужас, ворвавшийся через связь. И все что я видел —

это мелькающие изображения его и тебя, а потом ничего. Снова тишина. Я бы хотел знать, что стало причиной такого всплеска эмоций.

Я накладывала еду, не обращая внимание на содержимое своей тарелки.

— Это было всего лишь спором, а остальное тебя не касается.

— И поэтому ты выглядишь так, словно печаль, вина и гнев разъедают тебя изнутри, кусочек за кусочком?

Мне не хотелось это обсуждать.

— Убирайся из моей головы.

— Заставь меня сделать это. Выстави меня. Этим утром ты ослабила свой щит — любой мог пробраться прямо тебе в голову.

Я выдержала его взгляд. Еще один вызов. Но... мне было все равно. Все равно на силу, бурлящую в моем теле, на то, как легко я смогла проскользнуть в сознание Люсьена. И что это вышло так же легко, как если бы Рис проскользнул в мое, с опущенным или поднятым щитом. Потому я лишь спросила:

— Где Мор?

Он замер, и я приготовилась к тому, что он начнет давить и провоцировать меня, но вместо этого, он ответил:

— Ее здесь нет. Но есть дела, которые требуют ее участия. — Тьма снова закружилась вокруг него, и я набросилась на еду. — Так свадьба все еще в силе?

Я перестала жевать, сделав достаточно долгую паузу, чтобы пробормотать:

— Да.

— Я надеялся на ответ вроде: *«Не задавай глупых вопросов, ты и так уже знаешь ответ»* или мое любимое *«иди к черту»*.

Я лишь потянулась к блюду с тарталетками. Его руки покоились на столе — едва различимые завитки тьмы кружили вокруг его пальцев. Словно когти.

— Ты подумала над моим предложением? — спросил он.

Я не отвечала до тех пор, пока моя тарелка не опустела, и я не начала накладывать себе еду.

— Я не буду работать с тобой.

Я почти почувствовала, как им овладело леденящее спокойствие.

— И почему же ты мне отказываешь, Фейра?

Я гоняла фрукты по своей тарелке.

— Я не собираюсь быть частью этой, так называемой, приближающейся войны. Ты сказал, что я должна стать оружием, а не пешкой, но, мне кажется, что это одно и то же. И единственное их различие состоит в том, в чьих руках эта власть.

— Мне нужна твоя помощь, а не повиновение, — огрызнулся он.

Его вспышка гнева заставила меня поднять голову.

— Тебе нужна моя помощь только потому, что это разозлит Тамлина.

Тьма закружилась за его плечами, словно крылья пытались принять материальную форму.

— Хорошо, — вздохнул он. — Это могилу я вырыл себе сам, учитывая все, что я сделал Под Горой. Но мне нужна твоя помощь.

Опять же, в его словах чувствовалась недосказанность: *«спроси меня зачем, узнай почему»*. И опять же, мне не хотелось этого знать. У меня не было для этого сил.

Рис тихо сказал:

— Последние пятьдесят лет я был узником в ее Дворе. Меня пытали, избивали и трахали, но мысли о том, кто я, и что я обязан был защищать сдерживали меня от попытки найти способ покончить со всем этим. Пожалуйста, помоги мне не дать случиться этому снова. Ради Прифиана.

Некая дальняя часть моего сердца заболела и облилась кровью в ответ на то, чем он поделился со мной.

Но и Тамлин пошел на уступки — охранников стало меньше, и я могла гулять более свободно. Он старался все исправить. Мы вместе старались. И мне не хотелось рисковать этим.

Поэтому я продолжила завтрак.

Рис больше не произнес ни слова.

* * *

Я не присоединилась к нему за ужином, как и не удосужилась подняться вовремя к завтраку.

Но, когда я появилась к обеду, он уже ждал меня наверху. На его лице была легкая усмешка. Он слегка подтолкнул меня к подготовленному им столу с книгами, бумагой и чернилами.

— Перепиши эти предложения, — он наклонился, протягивая мне лист бумаги.

Я пробежалась глазами по словам и прочла без запинки:

— *Рисанд — потрясающий человек. Рисанд — центр моей вселенной. Рисанд — самый лучший любовник, о котором только и может мечтать женщина.*

Я отложила листок, переписала три предложения, и отдала их ему.

Через секунду мое сознание сдавило когтями, которые с легкостью отскочили от черного, мерцающего щита.

Он моргнул.

— Ты тренировалась.

Я поднялась из-за стола и пошла прочь.

— Мне было нечем заняться.

* * *

Тем вечером он оставил стопку книг у моей двери и записку.

«У меня есть кое-какие дела в другом месте. Дом в твоём распоряжении. Напиши, если я понадоблюсь тебе».

Потянулись дни. И я не писала.

* * *

Рис вернулся в конце недели. Я расположилась в одной из гостиных с видом на горы, и почти закончила одну из книг, сидя в глубоком мягком кресле, читая медленно и запоминая новые слова. Чтение заняло все мое время, подарив мне постоянную компанию вымышленных персонажей. Они никогда не существовали и никогда не будут, но каким-то образом они помогали мне не чувствовать себя одиноко.

Девушка, швырнувшая кость словно копье в Амаранту.... Я больше не знала, где она.

Скорее всего, она исчезла в тот день, когда ей сломали шею, и фейское бессмертие заполнило ее вены.

Лучик мягкого полуденного солнца согревал мои ноги, и я как раз заканчивала самую интересную главу в книге, предпоследнюю, когда Рисанд проскользнул между двумя огромными креслами, неся две одинаковые тарелки с едой, и поставил их на книжный столик передо мной.

— Раз уж ты столь одержима сидячим образом жизни, — сказал он, — я решил поддержать тебя и принести еды.

Мой желудок уже скручивало от голода, и я опустила книгу на свои колени.

— Спасибо.

Короткий смешок.

— Спасибо? Не *«Высший Лорд и слуга?»* или *«Если тебе что-то надо, Рисанд, можешь засунуть это себе в задницу?»* — он цокнул языком. — Какое разочарование.

Я отложила книгу и потянулась к еде. Он может слушать себя весь день, если хочет, но мне хотелось поесть. Прямо сейчас.

Я почти коснулась тарелки, как она отодвинулась.

Я потянулась снова. И опять, темная тень его силы дернула тарелку назад.

— Скажи, что мне сделать, — сказал он. — Что мне сделать, чтобы помочь тебе.

Рис удерживал тарелку вне пределов моей досягаемости. Когда он снова заговорил, когти из тьмы обвили его пальцы, и огромная тень крыльев появилась за его спиной, словно каждое произносимое им слово заставляло его терять контроль над собственной силой. — Месяц за месяцем, а ты будто призрак. Неужели там никто не спрашивает, что с тобой, черт возьми, происходит? Или твоему Высшему Лорду попросту все равно?

Ему *не* все равно. Тамлин беспокоится. И, наверное, слишком сильно.

— Он дает мне возможность самой во всем разобраться, — резко ответила я, не узнав собственный голос.

— Позволь мне помочь тебе, — сказал Рис. — Мы через многое прошли Под Горой.

Я вздрогнула.

— Она победит, — Рис вздохнул. — Эта сука победит, если ты позволишь себе сломаться.

Мне стало интересно, а не говорил ли он себе это все эти месяцы, интересно, не задыхался ли он, как и я по ночам, в плену собственной памяти.

Но, подняв книгу, и перед тем, как снова возвести свой щит, я направила всего лишь два слова через нашу связь.

«Разговор окончен.»

— Действительно окончен, — прорычал он. Чувство силы ласкало мои пальцы, и я захлопнула книгу. Я впиалась ногтями в кожу и бумагу книги, пытаюсь сдержать гнев.

Ублюдок. Высокомерный, самонадеянный *ублюдок*.

Я медленно подняла глаза и встретилась с ним взглядом. И почувствовала... не вспыльчивость, а ледяную, искрящуюся ярость.

Я почти ощущала лед на кончиках своих пальцев, целующий мои ладони. И готова была поклясться, что видела иней, покрывший книгу, прежде чем я швырнула ее ему в голову.

Он успел защититься, и книга, отскочив, заскользила по мраморному полу позади нас.

— Хорошо, — сказал он, его дыхание было слегка рваным. — Что еще ты умеешь, Фейра?

Пламя растопило лед, и я сжала пальцы в кулаки.

И от вида моей ярости, от которой мне хотелось бушевать и сжигать все вокруг, Высший Лорд Ночного Двора вздохнул с облегчением. От той единственной эмоции, появившейся среди пустого равнодушия и тишины.

Но мысль о возвращении в то поместье со стражей, патрулями и бесконечными секретами... Я откинулась на спинку кресла, в очередной раз замыкаясь в себе.

— Если тебе понадобится кто-то, с кем ты захочешь поиграть, — сказал Рис, подвигая тарелку ко мне с помощью ветра, усыпанного звездами. Будь то в течение нашей замечательной недели вместе или же в другое время — дай мне знать.

Опустошенная недавней вспышкой своих эмоций, я не смогла придумать ответ.

И я осознала, что я бесконечно лечу, падаю вниз. С тех самых пор, как воткнула кинжал в сердце того молодого Фэ.

Я не взглянула на Риса, когда принялась за еду.

* * *

На следующее утро Тамлин ожидал меня в тени гигантского, узловатого дуба в саду.

Его убийственное выражение лица, предназначенное исключительно Рису, скривило его лицо. Но, когда Рис отошел от меня, в его выражении не было ни намека на веселье, только хладнокровный, хищный взгляд.

Тамлин прорычал мне:

— Иди внутрь.

Я посмотрела на двух Высших Лордов. И, видя бешенство на лице Тамлина... Я знала, что больше не будет одиночных поездок и прогулок.

Рис лишь сказал мне:

— Борись.

И потом исчез.

— Я в порядке, — сказала я Тамлину. Его плечи опустились, и он сгорбился, склонив голову.

— Я найду способ покончить с этим, — поклялся он.

Мне хотелось верить ему. Я знала, для этого он сделает все что угодно.

Он снова заставил меня повторить каждую деталь, увиденную в доме Риса. Однако наши разговоры были короткими. Я рассказала ему все, что произошло, и с каждым произнесенным словом, мой голос становился тише.

Защитить, защитить, защитит — эти слова читались в его глазах, ощущались в каждом его движении по отношению к моему телу ночью. Однажды, меня отняли у него, самым необратимым способом, но он никогда больше этого не позволит.

На следующее утро стражники вернулись в полном составе.

По возвращению домой мне не было позволено покидать поместье.

Некая неизвестная мне угроза вторглась в наши земли, и Тамлин и Люсьен были отозваны для того, чтобы разобраться с ней. Я все же попросила своего друга рассказать мне о ней.... На лице Люсьена появилось выражение, которое всегда появлялось, когда он хотел чем-то поделиться, но его верность Тамлину брала над ним верх, и он молчал. Поэтому я больше не спрашивала.

Во время их отсутствия вернулась Ианта — составить мне компанию или защитить меня, я не знала.

Ей единственной было разрешено находиться внутри поместья. Практически неизменно присутствующая стайка лордов и леди Весеннего двора была распущена вместе с их личным слугами. Я была благодарна за это, за то, что больше не буду наткаться на них во время прогулки по поместью или садам, и ворошить в памяти их имена, личные истории, что больше не придется терпеть их взгляды на мою татуировку, но... Я знала, что Тамлину нравилось, что они были рядом. Знала, что некоторые из них были его старыми друзьями, знала, что ему нравилось поместье полное звуков, смеха и болтовни. Однако я наблюдала, как они разговаривали друг с другом, словно они были соперниками. Красивые речи, замаскированные под колкие оскорбления.

Я была рада тишине — даже если она стала моей ношей, даже если она заполняла мою голову, до тех пор, пока ничего не было, за исключением... пустоты.

Вечность. Будет ли это моей вечностью?

Каждый день я с жадностью проглатывала книги — истории о людях и местах, о которых я никогда не слышала. Пожалуй, это была единственная вещь, что удерживала меня от шага за грань полного отчаяния.

Тамлин вернулся лишь спустя восемь дней, быстро окинул меня взглядом, слегка поцеловал в лоб, а затем направился в кабинет, где Ианта была готова поделиться с ним новостями.

Мне не было позволено присутствовать при их беседах.

Одна в зале, наблюдая, как жрица в капюшоне вела его к двустворчатым дверям в другой конец зала, проблеск красного..

Мое тело напряглось, инстинкты рвались наружу, когда я повернулась..

Не Амаранта.

Люсьен.

Рыжие волосы были его, не ее. Я находилась здесь, а не в том подземелье.

Глаза моего друга — один из которых был металлическим — остановились на моих руках.

На которых быстро удлинились и загибались ногти. Не когти из тьмы, а те самые длинные когти, что, раз за разом разрывали мое нижнее белье.

Прекрати, прекрати, прекрати, прекрати, прекрати.

И оно прекратилось.

Словно кто-то задул свечу — когти улетучились в дымке тени.

Взгляд Люсьена скользнул к Тамлину и Ианте, оставшимся в неведении, что только что произошло, а затем слегка кивнул, взглядом показывая мне следовать за ним.

Мы поднялись по широкой лестнице на второй этаж, залы пустовали. Я не смотрела на висящие по обе стороны стен картины. Не смотрела на возвышающиеся окна, которые открывали вид на сады.

Мы миновали мою спальню, его покои — до тех пор, пока не зашли в маленький кабинет на втором этаже, которой в основном никогда не использовался.

Он закрыл дверь после того, как я зашла в комнату, и прислонился к деревянной двери.

— Как давно у тебя появлялись эти когти? — мягко спросил он.

— Это был первый раз.

Мой голос был глухим и подавленным.

Люсьен изучал меня — платье, которое выбрала Ианта, цвета яркой фуксии, лицо, которому я не потрудилась придать жизнерадостное выражение.

— Я немного могу сделать, — хрипло сказал он. — Но сегодня вечером я спрошу у него. О том, чтобы тренировать тебя. О силах, которые проявляются, развиваешь ты их или нет, независимо от того, кто рядом с тобой. Сегодня вечером я спрошу у него, — повторил он.

Однако я уже знала, каков будет ответ.

Люсьен не остановил меня, когда я открыла дверь, к которой он стоял прислонившись, и ушла, не сказав ни слова. Я спала до ужина, проснувшись лишь для того, чтобы поесть — и когда я спускалась вниз, повышенные голоса Тамлина, Люсьена и Ианты заставили меня вернуться обратно к ступенькам.

— Они будут охотиться на нее и убьют, — прошипела Ианта Люсьену.

Люсьен зарычал в ответ:

— Они в любом случае сделают это, так какая разница?

Разница, — взорвалась Ианта, — состоит в том, что у нас есть преимущество в этом знании. Не только одна Фейра будет мишенью, обладая силами Высших Лордов. Твои дети, — сказала она Тамлину, — у них тоже будет подобная сила. Другие Высшие Лорды узнают об этом. И если они сразу не убьют Фейру, тогда они могут решить, что за прекрасное потомство она может дать и им.

При звуке подтекста, скрывающийся в ее словах, мой желудок перевернулся. Что меня могут похитить — удерживать — ради... размножения. Конечно... ни один Высший Лорд не зайдет так далеко.

— Если они это сделают, — возразил Люсьен, — тогда ни один из них не потерпит это. Они предстанут перед гневом всех шести дворов, которые, в конце концов, его уничтожат. Нет того, кто будет настолько глуп.

— Рисанд настолько глуп, — выплюнула Ианта. — И с его силой, он способен противостоять всем. Представь, — сказала она, нежным голосом, лишенным всяких сомнений, и повернулась к Тамлину, — может настать день, когда он не вернет ее. Ты уже слышишь, какую ядовитую ложь он шепчет ей в уши. Есть и другие способы, — добавила она с тихой злобой. — Мы можем не справиться с ним, но у меня есть некоторые друзья, которых я завела по другую сторону моря...

— Мы не убийцы, — оборвал ее Люсьен. — Рис тот, кто он есть, но кто займет его место..

Кровь застыла в жилах, и я могла поклясться, что кончики моих пальцев покрылись льдом.

Люсьен продолжил умоляющим тоном:

— Тамлин. Тэм. Просто позволь ей тренироваться, позволь ей освоить эту силу — если за ней придут другие Высшие Лорды, позволь ей иметь хотя бы шанс...

Тишина поглотила комнату, позволяя Тамлину думать.

Мои ноги несли меня обратно, как только я услышала первое слово из его уст, едва ли не рык.

— Нет.

С каждой ступенькой вверх по лестнице, я слышала его последующие слова.

— Мы не дадим им никакой причины подозревать, что у нее могут быть какие-либо способности, что тренировка однозначно испортит. Не смотри на меня так, Люсьен.

Снова молчание.

Затем ужасающий рык — и дом содрогнулся от бушующего потока магии.

Голос Тамлина был тихим, убийственным.

— Не дави на меня в этом вопросе.

Я не желала знать, что произошло в той комнате, что он сделал с Люсьеном, что за вид был у Люсьена, раз он вызвал такую вспышку силы.

Я заперлась в комнате и не потрудилась поужинать.

* * *

Той ночью Тамлин не искал меня. Мне было любопытно, обсуждали ли Ианта, Люсьен и он мое будущее и угрозы, связанные со мной.

К полудню около моих покоев дежурили часовые — лишь тогда я, наконец, заставила себя встать с кровати.

По их словам, Тамлин и Люсьен сидели, закрывшись в кабинете. Без блуждающих придворных Тамлина, поместье было снова тихим. Я, не имея чем больше заняться, гуляла по тропинкам в саду так часто, что была бы не сильно удивлена, если бы эта светлого цвета грязь не въелась бы в мои следы навечно.

Лишь мои шаги раздавались по сияющим залам, когда я проходила мимо одного стражника за другим, вооруженных до зубов и старающихся изо всех сил не глядеть на меня. Ни один не говорил со мной. Даже слуги редко разговаривали, а если и смели, то только если в этом была необходимость.

Быть может, я стала слишком пассивной; моё безделье сделало меня более склонной к подобного рода вспышкам. Кто угодно мог увидеть меня вчера.

И мы все еще не говорили об этом... Ианта знала. О силах. Как долго ей было это известно? Сама мысль того, что Тамлин рассказал ей ...

Мои шелковые комнатные туфли едва касались мраморной лестницы, а шифоновый шейф зеленого платья тянулся позади меня.

Такая тишина. Слишком много тишины.

Мне нужно было выбраться из этого дома. Нужно было заняться чем-нибудь. Если жителям деревни не требовалась моя помощь, тогда ладно. Я могла заняться другими вещами. Какими бы они не были.

Я собиралась повернуть вниз по коридору, который вел в кабинет и спросить Тамлина, было ли какое-нибудь задание, которое я могла выполнить, я готова была умолять его, когда двери кабинета распахнулись и передо мною появились Тамлин и Люсьен, оба тяжело вооружены. Никакого признака Ианты.

— Так скоро уходишь? — спросила я, ожидая, когда он достигнет фойе.

Когда они приблизились, на лице Тамлина была мрачная маска.

— На западной морской границе есть подозрительная активность. Я должен идти.

Ближайшая граница к Хайберну.

— Можно я пойду с тобой? — я никогда не спрашивала вот так открыто, но...

Тамлин остановился. Люсьен продолжил идти, через открытые входные двери дома, стараясь скрыть дрожь.

— Мне жаль, — сказал Тамлин, беря меня за руку. Я отошла. — Это слишком опасно.

— Я знаю, как остаться незамеченной. Просто — возьми меня с собой.

— Я не хочу рисковать, гадая схватят тебя наши враги или нет.

Какие враги? Скажи мне — скажи мне хоть что-нибудь.

Я посмотрела ему через плечо, прямо на Люсьена, задержавшегося около гравия за входом в дом. Никаких лошадей. Предполагаю, в этот раз они им ни к чему, ведь они быстрее без них. Но я могла догнать их. Может, мне подождать, пока они уедут и..

— Даже не думай об этом, — предупредил Тамлин.

Мое внимание переключилось на его лицо.

Он прорычал:

— Даже не думай следовать за нами.

— Я могу сражаться, — попыталась я снова. Это было правдой наполовину. Ловкость ради выживания не шла в никакое сравнение с его отточенными навыками.

— Пожалуйста.

Это слово никогда не было мне так ненавистно.

Он покачал головой, пересекая фойе прямо к входным дверям.

Я последовала за ним, не переставая говорить:

— Всегда будет какая-нибудь угроза. Будь то конфликт или враг, или что-то другое, но всегда найдется *что-что*, что будет удерживать меня здесь.

Он замедлился около высоких дубовых дверей, так прекрасно отреставрированных после того, как приспешники Амаранты уничтожили их. — Ты плохо спишь по ночам, — осторожно сказал он.

— Как и ты, — резко ответила я.

Но он просто пошел вперед. — Ты едва терпишь присутствие людей рядом с собой..

— Ты *обещал*, — мой голос сломался. И мне было плевать, что я умоляла его. — Мне нужно выбраться из этого дома.

— Попроси Брона и Ианту прокатиться с тобой.

— Я не хочу кататься! — всплеснула руками я. — Я не хочу кататься, идти на пикник или собирать полевые цветы. Я хочу *делать* что-то. Поэтому возьми меня с собой.

Та девушка, которой нуждалась в защите, которая жаждала стабильности и комфорта... она умерла Под Горой. Я умерла, и не было никого, кто бы защитил меня от этих ужасов, перед тем, как моя шея была сломана. Но я защищала себя сама. И я не стала, не смогла бы избавиться от той части меня, что пробудилась и изменилась Под Горой. Тамлин вернул свою силу, стал тем, кем он был — стал защитником и кормильцем, которым он желал быть.

Я не была той смертной девушкой, с которой надо было нянчиться и присматривать, та что, хотела роскоши и легкости. Я не знала, как вернуться к тому, чтобы снова начать желать эти вещи. Быть послушной.

Тамлин выпустил когти.

— Даже если бы я и рисковал всем этим, твоя неподготовленность только ухудшит обстановку и будет лишь помехой.

Это было равносильно удару камнем — такому сильному, что я почувствовала, как разбиваюсь на кусочки. Но, подняв подбородок, я сказала:

— Я иду с тобой, хочешь ты этого или нет.

— Нет, не идешь, — он шагнул к двери, его когти рассекали воздух по обе стороны от него, он был на полпути, спускаясь вниз, когда я достигла порога.

Где врезалась в невидимую стену.

Я отшатнулась, пытаясь понять всю невероятность происходящего. Она была идентична той, что я создала в его кабинете, и я стала искать внутри себя осколки моей души, моего сердца, проверяя свой щит, и спрашивая себя, а не заблокировала ли я *саму себя*, но не было никакой бы силы, что исходила от меня.

Я протянула руку к чистому воздуху, проникающему сквозь открытые двери. И встретила твердое сопротивление.

— Тамлин, — прохрипела я.

Но он уже был далеко, направлялся к железным воротам. Люсьен остался у подножья лестницы, его лицо такое, такое бледное.

— *Тамлин*, — сказала я снова, толкая стену.

Он не повернулся.

Я ударила рукой по невидимому барьеру. Никакого движения — ничего, кроме закаленного воздуха. И я еще не достаточно научилась пользоваться своими силами, чтобы пройти сквозь нее, уничтожить ее... Я позволила *ему* убедить меня не учиться ради *его* же блага..

— Не утруждайся, — мягко сказал Люсьен, когда Тамлин показался у ворот, а затем снова исчез — рассеялся. — Он окружил щитом весь дом. Другие могут как войти, так и выйти, но ты нет. До тех пор, пока он не снимет барьер.

Он запер меня здесь.

Я снова ударила по щиту. Еще раз.

Ничего.

— Просто — будь терпеливой, Фейра, — попытался выдать Люсьен, морщась, следуя за Тамлином. — Пожалуйста, я посмотрю, что можно сделать. Я попробую еще раз.

Я едва слышала, что он говорит мне сквозь грохот, стоявший у меня в ушах. Не хотела ждать, чтобы увидеть, как он тоже подойдет к воротам и рассеется.

Он запер меня. Он запечатал меня в этом доме.

Я помчалась к ближайшему окну в фойе и открыла его нараспашку. Свежий весенний бриз ворвался внутрь — и я протянула руку ему навстречу — только для того, чтобы мои пальцы столкнулись с невидимой стеной. Гладкий, твердый воздух упирался мне в кожу.

Мне стало трудно дышать.

Я была в ловушке.

В ловушке внутри дома. Точно так же, как и Под Горой; снова в той камере..

Я попятилась, мои шаги слишком легкие, слишком быстрые, и я врезалась в дубовый стол, стоящий в центре фойе. Ни один из ближайших стражников не появился, чтобы узнать, в чем дело.

Он заманил меня в ловушку; он *запер* меня.

Я перестала видеть мраморный пол, картины на стенах, смутные очертания изогнутой

лестницы за моей спиной. Я больше не слышала щебетание весенних птиц или дуновение ветерка, играющего с занавесками.

А потом вокруг меня закружилась ядовитая тьма, подымаясь снизу-вверх, пожирающая, ревушая и разрушающая.

Это было все, что я могла сделать, чтобы не закричать, не разбиться на десять тысяч кусочков, когда я осела на мраморный пол, склонив над коленями голову и обхватив себя руками.

Он заманил меня в ловушку; он заманил меня в ловушку; он заманил меня в ловушку..

Я должна была *выбраться*, потому что мне однажды едва удалось сбежать из другой тюрьмы, а в этот раз, этот раз..

Рассеивание. Я могла раствориться в воздухе и появиться где-то в другом месте, которое было бы свободным и открытым. Я попыталась нащупать свою силу, *что угодно*, нечто, что показало бы мне способ сделать это, выход. Ничего. Ничего не было, и я была *ничем*, и я даже не могла выбраться отсюда.

Кто-то очень далеко кричал моё имя.

Элис... Элис.

Но я была укрыта в коконе тьмы, огня, льда и ветра, кокон, что плавил кольцо на моем пальце до тех пор, пока золотая руда не закапала в пустоту, за ним последовал изумруд. Я завернулась в силу, что бушевала вокруг меня, словно она могла удерживать стены, что были готовы раздавить меня, и может, может, заполучить мне маленький глоток воздуха..

Я не могла выбраться; я не могла выбраться; не могла выбраться..

* * *

Стройные, сильные руки лбхватили мои предплечья.

У меня не было сил, чтобы сбросить их.

Одна из этих рук переместилась к моим коленям, другая к спине, а затем меня подняли, прижали к тому, что несомненно было женским телом.

Я не могла видеть, я не хотела видеть ее.

Амаранта.

Пришла, чтобы снова забрать меня; пришла, чтобы, наконец, убить меня.

Вокруг меня звучали слова. Две женщины.

— Пожалуйста, — пожалуйста, позаботьтесь о ней.

Элис.

Справа от моего уха вторая женщина ответила:

— Считайте, что вам крайне повезло, что Ваш Высший Лорд не был здесь, когда появились мы. Когда стражники проснутся, их будет мучать лишь головная боль, но они живы. Будьте благодарны за это.

Мор.

Мор держала меня — несла меня.

Тьма исчезала, и я смогла сделать вдох, смогла увидеть дверь, ведущую в сад, к которой она направлялась. Я открыла рот, но она наклонилась ко мне и сказала:

— Ты думала, что его щит удержит нас от тебя? Рис уничтожил его, едва подумав о нем.

Но я нигде не наблюдала Риса — даже когд, тьма снова закружилась вокруг нас. Я прижалась к ней, пытаюсь дышать, думать.

— Ты свободна, — напряженно сказала Мор. — Ты свободна.

Не в безопасности. Не защищена.

Свободна.

Она несла меня через сад, через поле, поднимаясь и спускаясь по холму и в... в пещеру..

Должно быть, я начала сопротивляться и трясти руками, потому что она сказала:

— Ты больше не там; ты *свободна*.

Она повторяла это снова и снова, снова и снова, когда истинная тьма поглотила нас.

Спустя мгновение, она появилась в солнечном свете, — ярком, ароматном, пахнущем травой и клубникой солнечном свете. Мне пришла в голову мысль, что то был Летний Двор, но затем..

Затем тихое, злобное рычание раскололо воздух перед нами, прорываясь сквозь мою тьму.

— Я сделала все по правилам, — сказала Мор обладателю этого рыка.

Она передала меня в чьи-то руки, и я изо всех сил старалась дышать, борясь за каждый глоток воздуха, пока Рисанд не сказал:

— Тогда мы здесь закончили.

Ветер ударил в меня вместе с древней тьмой.

Но она была слаще, мягкие тени ночи ласкали меня, гладя моя нервы, мои легкие, до тех пор, пока я, наконец, не смогла начать дышать, пока она не погрузила меня в сон.

Я проснулась из-за солнечного света. Открытое пространство — вокруг не было ничего, кроме ясного неба и покрытых снегом гор.

Рисанд сидел, развалившись в кресле, напротив дивана, на котором разлеглась я, глядя на горы, и его лицо казалось непривычно серьезным.

Я глубоко сглотнула, и он повернулся ко мне.

Ни капли доброты в его глазах. Ничего, за исключением беспредельной ледяной ярости.

Но он моргнул, и она исчезла, а ей на смену пришло, наверное, облегчение. Усталость.

Бледный солнечный свет, согревающий полиз лунного камня... рассвет. Это был рассвет. Мне не хотелось думать о том, сколько времени я провела без сознания.

— Что произошло? — спросила я. Мой голос был хриплым, словно я кричала.

— Ты и *правда* кричала, — сказал он.

Мне было все равно, опущены были мои щиты или нет, или даже разрушены.

— Тебе также удалось до смерти напугать всех слуг и стражников в поместье Тамлина, когда ты окружила себя тьмой, а они не могли разглядеть тебя.

Мой желудок сжал спазмом.

— Я навредила кому..

— Нет. Что бы ты там ни делала, оно было в тебе.

— Ты не..

— Согласно закону и протоколу, — сказал он, выпрямляя свои длинные ноги, — если бы я был тем, кто вошел в тот дом, чтобы забрать тебя, это осложнило бы и так запутанную ситуацию. Уничтожение того щита не было чем-то серьезным, но Мор должна была войти на своих двоих, усыпить стражников при помощи своей силы и пронести тебя через границу к другому Двору, прежде чем я бы мог забрать тебя. Иначе Тамлин имел бы полное право направить свои войска в мои земли, чтобы вернуть тебя. Но, поскольку я совсем не заинтересован в междоусобной войне, мы должны были сделать все по правилам.

То же самое сказала и Мор — она сделала все по правилам.

Но..

— Когда я вернусь...

— Так как твое пребывание здесь не является частью нашего месячного договора, это значит, что ты не обязана возвращаться, — он потер виски. — Если только ты этого не захочешь.

Этот вопрос осел во мне, словно брошенный в бассейн камень. Я чувствовала такую тишину в себе, такую... пустоту.

— Он запер меня в том доме, — выдавила я.

Тень могучих крыльев показалась за стулом Риса. Но его лицо было спокойным, когда он сказал:

— Я знаю. Я почувствовал тебя. Даже с поднятыми щитами — всего лишь раз.

Я заставила себя встретиться с ним взглядом.

— Мне некуда больше идти.

Это было одновременно вопросом и мольбой.

Он махнул рукой, и его крылья постепенно исчезли.

— Можешь оставаться здесь, сколько пожелаешь. Оставайся здесь навсегда, если тебе

этого захочется.

— Мне... мне в любом случае придется вернуться.

— Одно слово и это будет сделано.

Он действительно имел это в виду. Даже несмотря на ту ярость в его глазах, указывающую на то, как сильно это ему не нравилось. Он вернет меня в Весенний Двор, как только я попрошу.

Вернет в тишину, к тем часовым, к жизни полной безделья, с бесконечными платьями, ужинами и планированием торжеств.

Он положил ногу на ногу.

— Когда ты в первый раз пришла сюда, я сделал тебе предложение: помоги мне, и еда, кров и одежда... Все это будет твоим.

В прошлом я была попрошайкой. Мысль о том, чтобы делать это сейчас...

— Работай на меня, — сказал Рис. — Я, в любом случае, должен тебе. А все остальное мы будем решать день за днем, если потребуется.

Я посмотрела в сторону гор, словно могла увидеть Весенний Двор на юге. Тамлин будет в ярости. Он разорвет поместье на кусочки.

Но он... он запер мне. Или он настолько чудовищно недопонял меня или же то, что случилось Под Горой так сломало его, но... он запер меня.

— Я не вернусь.

Слова отозвались во мне похоронным звоном.

— Не до... не до тех пор, пока не разберусь со всем этим.

Я столкнулась со стеной злости, печали и откровенного отчаяния, когда мой большой палец скользнул по свободной полоске кожи, где раньше было кольцо.

В один прекрасный день. Может... может Тамлин придет за мной. Исцелит себя, ту рваную рану с гноящимся страхом. Может, я разберусь в себе. Я не знала.

Но я знала, что если бы я осталась в том поместье, если бы меня снова заперли... Это могло бы стать окончанием того разрыва во мне, что начала Амаранта.

Рисанд призвал кружку горячего чая из ниоткуда и передал ее мне.

— Выпей это.

Я взяла кружку, позволяя ее теплу проникнуть в мои холодные пальцы. Он ждал, пока я сделаю глоток, а затем вернулся к наблюдению за горами. Я сделала еще один глоток — перечная мята и... лакрица и другая трава или специя.

Я не собиралась возвращаться. Возможно, я никогда даже не... смогу вернуться. Не из Под Горы.

Когда кружка была наполовину пуста, я попыталась сказать что-нибудь, что угодно лишь быть прервать давящую тишину, что пугала меня.

— Та тьма — это... часть силы, что ты подарил мне?

— Можно предположить, что это так.

Я допила содержимое кружки.

— Никаких крыльев?

— Если только ты не унаследовала трансформацию Тамлина, которая позволит тебе создать крылья по собственному желанию.

От одной мысли по моей спине прошла дрожь, от растущих когтей в тот день с Люсьеном.

— А другие Высшие Лорды? Лед — это Зимний Двор. Тот щит, что я создала из

твердого воздуха — от кого это передалось? Что могли передать мне другие? Связано ли рассеивание с кем-то из вас в частности?

Он задумался.

— Ветер? Вероятно, Дневной двор. А рассеивание не ограничивается каким-то одним двором. Это полностью зависит от твоего запаса сил — и тренировки.

Я не стала упоминать о том, как потрясающе я провалилась и не сдвинулась даже на дюйм.

— Что касается остальных даров, которые ты получила от других... Предполагаю, ты должна выяснить это сама.

— Я должна была догадаться, что твоя доброжелательность улетучится через минуту.

Рис издал тихий смешок и поднялся на ноги, вытянув мускулистые руки над головой и откидывая голову назад. Словно он просидел так уже очень-очень долго. Целую ночь.

— Отдохни денек или два, Фейра, — сказал он. — Потом попытайся разобраться со всем остальным. У меня есть дела в другой части моих земель; я вернусь к концу этой недели.

Несмотря на то, как долго я спала, я была уставшей — усталость проникла в самые кости, в мое разбитое сердце. Когда я не ответила, Рис прошел между двумя колоннами из лунного камня.

И я уже представляла, как проведу эти несколько дней: в одиночестве, бездельничая, с ужасными мыслями в качестве компании. Я начала говорить до того, как могла передумать:

— Возьми меня с собой.

Рис остановился перед двумя легкими фиолетовыми шторами. И медленно обернулся.

— Тебе надо отдохнуть.

— Я достаточно отдохнула, — сказала я, вставая и отставляя пустую кружку в сторону. Моя голова слегка закружилась. Когда я в последний раз ела? — Куда бы ты ни шел, что бы ты ни делал — возьми меня с собой. Я буду держаться подальше от неприятностей. Просто... Пожалуйста.

Я ненавидела последнее слово; задыхалась от него. Оно никак не заставило Тамлин колебаться.

Долгое мгновение Рис ничего не отвечал. Затем он направился в мою сторону, его длинный шаг сокращал расстояние между нами, а лицо было каменным.

— Если ты пойдешь со мной, тогда не будет пути назад. Тебе не будет позволено говорить о том, что ты видела кому-либо за пределами моего двора. Потому что, если ты расскажешь, умрут люди — умрут *мои* люди. Поэтому, если ты пойдешь, ты должна будешь всегда лгать об этом; если ты вернешься в Весенний Двор, там тебе *нельзя* будет рассказывать, что ты видела и кого встретила, и свидетелем чего ты станешь. Если ты не желаешь утаивать что-либо от ... своих друзей, тогда оставайся здесь.

Остаться здесь, остаться запертой в Весеннем Дворе... Моя грудь была зияющей раной. Мне стало любопытно, а не могла ли я истечь кровью из-за нее — если только душа мог кровоточить и умереть. Возможно, это уже произошло.

— Возьми меня с собой, — выдохнула я. — Я никому не расскажу, что увижу. Даже — им.

Я не посмела произнести его имя.

Рис изучал меня на протяжении всего несколько ударов сердца. И наконец одарил меня полуулыбкой.

— Мы отправляемся через десять минут. Если ты хочешь освежиться, тогда вперед.

Необычайно вежливый намек на то, что я скорее всего выглядела, как мертвец. И ощущала себя так же.

Но я сказала:

— Куда мы направляемся?

На его губах заиграла широкая улыбка.

— В Веларис — Город Звездного Света.

* * *

В тот момент, когда я вошла в свою комнату, глухая тишина вернулась, стирая за собой все те вопросы, которые могли бы у меня быть о — о городе.

Амаранта уничтожила абсолютно все. Если и был город в Прифиане, то я не сомневалась, что побываю в руинах.

Я прыгнула в ванну, моясь так быстро, как могла, а затем второпях надела одежду Ночного Двора, что была оставлена для меня. Мои движения были бессмысленными, каждое из которых было слабой попыткой не думать о том, что произошло, что — что Тамлин пытался сделать, и что он сделал, что сделала я.

К тому времени, как я вернулась в главный холл, Рис стоял со скучающим видом, прислонившись к колонне из лунного камня.

— Целых пятнадцать минут, — сказал он, протягивая мне ладонь.

Во мне уже не было ни единого огонька, что бы делать вид, что мне есть дело до его подначки, но тут нас поглотила ревущая тьма.

Ветер, ночь и звезды кружили над нами, в то время как он рассеивал нас сквозь весь мир, а его мозолистые ладони слегка царапали кожу моих растворяющихся в тумане рук до того, как..

До того, как не звездный, а солнечный свет поприветствовал меня. Прищуриваясь от яркого света, я обнаружила, что стою в том, что, несомненно, было фойе чьего-то дома.

Богато украшенный красный ковер смягчил мой шаг, но я сразу отшатнулась от него, изучая теплые деревянные стены, картины на них, широкую дубовую лестницы впереди.

По бокам от нас было две комнаты: слева — гостиная с камином из черного мрамора, множеством удобной, изысканной, но изношенной временем мебели, и книжными полками, встроенными в каждую стену. По правую сторону была столовая с длинным столом из вишневого дерева, достаточно большим даже для десяти человек — но меньшим, по сравнению с тем, что стоял в столовой в поместье. Впереди в узком коридоре было еще несколько дверей, а последняя, как я предполагала, вела в кухню. Городской дом.

Однажды я была в таком, будучи ребенком, когда отец взял меня с собой в самый крупный город на нашей территории: он принадлежал одному необычайно богатому клиенту, и пах он кофе и нафталином. Милое место, но скучное — сухое.

Этот же строение... это место было *домом*, в котором жили, радовались и которым дорожили.

И он был в городе.

Часть 2

ДОМ ВЕТРА

— Добро пожаловать в мой дом, — сказал Рис.

Город — мир находился там.

Утренний солнечный свет струился сквозь окна передней части дома. Передо мною были покрытые витиеватой резьбой деревянные двери со вставкой из затуманенного стекла, которые вели в маленькую прихожую и к настоящей входной двери за ней, запертые и прочные, скрывающие за собой город.

И сама мысль, чтобы ступить в него, в плотоядные толпы, увидеть те разрушения, что, вероятно, Амаранта обрушила на них. Мою грудь сдавила боль.

До этого я не могла собраться с мыслями для вопросов, ни на грамм не засомневалась, что это могло быть ошибкой, но ...

— Что это за место?

Рис оперся широким плечом о резной косяк дубовой двери, ведущей в гостиную, и скрестил руки.

— Это мой дом. Ну, в этом городе у меня есть два дома. Один для более... официальных встреч, а этот только для меня и моей семьи.

Я старалась услышать кого-либо из слуг, но никого не было. Хорошо — возможно, это было хорошо, по крайней мере, никаких плачущих и таращихся людей.

— Здесь есть Нуала и Керридвен, — сказал он, изучая мой бегающих взгляд по коридору позади нас. — Но в остальном, здесь будем только ты и я.

Я напряглась. Это не означало, что в Ночном Дворе все было по-другому, но — этот дом был намного-намного меньше. Никакой возможности избежать его. За исключением города снаружи.

В смертных землях не осталось никаких городов. Хотя некоторые из них возникли на центральном континенте, полные искусства, эрудиции и торговли. Однажды Элейн хотела поехать туда со мной. Я никогда не думала, что сейчас мне выпадет такой шанс.

Рисанд открыл рот, но тут силуэты двух высоких, мощных фигур наисовались за стеклянной вставкой с другой стороны парадной двери. Один из них ударил по ней кулаком.

— Поторопись, ленивая задница, — протянул глубокий мужской голос за дверь. Усталость так сильно опьянила меня, что меня совсем волновали крылья, присутствующие у их двух теней.

Рисанд лишь моргнул в сторону двери.

— Есть две вещи, дорогая Фейра.

Стук продолжался, а затем второй мужчина пробормотал своему спутнику:

— Если ты ищешь повода с ним подраться, сделай это после завтрака.

Этот голос — словно тени обрели форму, мрачный, ровный и... холодный.

— Я *не* по собственной воле вылез из кровати, чтобы прилететь сюда, — сказал первый.

А затем добавил: — Нахал.

Я готова была поклясться, что губы Риса растянулись в улыбке, когда он продолжил:

— Во-первых, никто — *никто* — кроме меня и Мор не может рассеиваться внутри этого дома. Он окружен отражающим экраном, щитом и еще раз экраном. Лишь те, кто я хочу — и хочешь *ты* — могут попасть сюда. Здесь ты в безопасности; в любой точке города ты в безопасности. Стены Велариса хорошо защищены и за последние пять тысяч лет они не были

сломлены. Никто с дурным намерением не войдет в этот город, если только я не позволю этого. Поэтому иди куда хочешь, делай, что пожелаешь и встречайся с кем, тебе захочется. Эти двое в прихожей, — добавил он, сверкнув глазами, — могут не быть в списке людей, с которыми тебе стоит познакомиться, если они не прекратят барабанить в двери, как дети.

Последовал еще один стук.

— Мы слышим тебя, придурок, — еще один удар в дверь, подчеркнутый словами первого мужчины.

— *Во-вторых*, — продолжил Рис, — что касается тех двух ублюдков за дверьми — решай сама, хочешь ли ты встретиться с ними прямо сейчас или поступишь мудро и пойдешь наверх, вздремнешь, поскольку ты все еще выглядишь немного бледной, а потом переоденешься в одежду, подходящую для города, в то время как я выбью из них всю дурь за такой разговор с Высшим Лордом.

Его глаза сияли. Этот свет словно делал его... моложе. Более подходящим на смертного. Это так расходилось с его ледяной яростью, которую я увидела, проснувшись...

Проснувшись на том диване, и решив, что я не вернусь домой.

Решив, что, возможно, Весенний Двор не был моим домом.

Я тонула в этой застаревшей тяжести, отчаянно продираясь к поверхности, которая, скорее всего, никогда не существовала. Одна лишь Мать знает, сколько я спала, но все еще...

— Просто приходи за мной, когда они уйдут.

Эта радость в его глазах притухла, а Рис выглядел так, словно он хотел сказать что-то еще, но женский голос — решительный и резкий — прозвучал позади тех двух мужчин в коридоре.

— Вы, иллирийцы, хуже котов, воющих, чтобы их пустили внутрь.

Ручка двери повернулась.

— Серьезно, Рисанд? Ты запер дверь?

Стараясь удержать всю эту ужасную тяжесть еще немного, я направилась к лестнице — наверху, которой стояли Нуала и Керридвен, морщась при взгляде на входную дверь. Я могла поклясться, что Керридвен едва уловим жестом попросила меня поторопиться. И я могла расцеловать обеих близняшек за ту долю нормальности, что они продемонстрировали.

Я также могла поцеловать и Риса за то, что он подождал, прежде чем открывать дверь, пока я не окажусь в небесно-голубом коридоре на втором этаже.

Все, что я слышала, это был голос первого мужчины:

— Добро пожаловать домой, ублюдок.

За ним последовал мрачный голос второго мужчины:

— Я почувствовал твое возвращение. Мор проинформировала меня, но я..

Их прервал странный женский голос:

— Отправь своих псов поиграть в саду, Рисанд. У тебя и меня есть, что обсудить.

— Как и у меня, — сказал полуночный голос так холодно, что он прошелся по моей спине.

Затем дерзкий голос, растягивая слова, ответил ей:

— Мы были здесь первыми. Дождись своей очереди, Древняя Малышка.

По обе стороны от меня, Нуала и Керридвен вздрогнули, либо стараясь сдержать смех, либо от некой толики ужаса, или же от того и другого. Определенно от всего сразу, так как дом пронзило женским рычанием — однако в пол-силы.

Холл наверху был увешан цветными, стеклянными, витиеватыми люстрами,

освещающими по обе стороны несколько полированных дверей. Я спросила себя, какая из них принадлежала Рисанду — а затем, услышав зевок Мор посреди схватки внизу, мне стало любопытно, что за комната была у нее.

— Почему все здесь так *рано*? Я думала, что мы встречаемся сегодня вечером в Доме.

Внизу, Рисанд проворчал — *проворчал*:

— Поверь мне, не будет никакого вечера. Только бойня, если Кассиан не удосужится заткнуться.

— Мы голодны, — пожаловался — первый мужчина — Кассиан. — Накорми нас. *Кое-кто* сказал мне, что будет завтрак.

— Жалкие, — язвительно произнес женский голос. — Вы такие жалкие идиоты.

— Мы знаем, что это правда. Но *есть* ли еда? — сказала Мор.

Я слышала слова — слушала и впитывала их. И они врывались в мой затуманенный разум.

Нуала и Керридвен открыли дверь, что вела в обогретую камином и залитую светом комнату. Она выходила на обнесенный стенами, заснеженный сад в задней части городского дома, большие окна выглядывали на дремлющий каменный фонтан в центре, спящий по случаю этого времени года. Все находящееся в спальне было выполнено из роскошного дерева белого цвета, с вкраплениями оттенка шалфея. Комната казалась, как ни странно, почти человеческой.

А кровать — большая, роскошная, застеленная пуховыми и стегаными одеялами, чтобы прогнать зимнюю прохладу — выглядела самой манящей из всего этого.

Но мои силы не настолько иссякли, что я не могла не задать несколько простых вопросов — по крайней мере, внушить себе иллюзию доли беспокойства о своем собственном благополучии.

— Кто это был? — выдавила я, когда они закрыли двери за нами.

Нуала направилась в маленькую прилегающую ванную комнату — мраморно белую, с ванной на ножках в виде лап. Залитые солнцем окна выходили на стену сада и густой ряд кипарисовых деревьев, растущих за ней. Керридвен уже шла к гардеробу, слегка поежившись, она сказала мне через плечо:

— Они Внутренний Круг Рисанда.

Это их упоминали при мне в тот день в Ночном Дворе — с кем Рис собирался встретиться.

— Я и не знала, что Высшие Лорды ведут себя так непринужденно, — призналась я.

— Это не так, — сказала Нуала, возвращаясь из ванной с расческой в руке. — Но у Рисанда все по-другому.

Вероятно, мои волосы были сущим беспорядком, потому что Нуала упорно расчесывала их в то время, как Керридвен доставала несколько комплектов пижамы цвета слоновой кости — теплый и мягкий кружевной топ, и штаны.

Я переоделась, затем комната, тот зимний сад и спящий позади фонтан, и ранее сказанные слова Рисанда встали на свои места.

Стены этого города не были сломлены уже как пять тысяч лет.

Что означало, Амаранта...

— Что такое с этим городом? — я встретилась взглядом с Нуалой в зеркале. — Как — как он выстоял?

Лицо Нуалы напряглось, а ее темные глаза метнулись к ее близняшке, которая медленно

оторвалась от полки комода, держа в руке для меня тапочки на флисовой подкладке. Ее шея слегка дернулась, когда она сглотнула.

— Высший Лорд очень могущественен, — сказала Керридвен — осторожно. — И он был предан своему народу еще до того, как его отец передал ему власть.

— *Как* выстоял этот город? — настаивала я. Город — такой прекрасный город, если звуки из моего окна, сада позади него, были знаком — все, что окружало меня. Нетронутое, невредимое. В то время, когда от остального мира остались лишь руины.

Близняшки снова обменялись взглядами, язык молчания существовавший лишь у них двоих, который они освоили в утробе. Нуала положила расческу на туалетный столик.

— Не нам это рассказывать.

— Он *просил* вас не..

— Нет, — перебила Керридвен, откидывая покрывала кровати. — Высший Лорд не требовал этого. Но то, что он сделал, чтобы защитить этого город — это история, которую должен поведать он, а не мы. Будет удобнее, если он расскажет тебе, чтобы мы ничего не упустили.

Я пристально посмотрела на них. Хорошо. Довольно честно.

Керридвен пошла закрывать шторы, погружая комнату во тьму.

Мое сердце пропустило удар, унося вместе с ним мою злость, и я сказала:

— Пусть они будут открытыми.

Я не могла быть запечатана и укрыта в темноте — еще нет.

Керридвен кивнула и оставила шторы открытыми, обе близняшки попросили меня сказать, нужно ли мне что-нибудь еще до того, как они уйдут.

Одна, скользнула в кровать, едва ощущая мягкость, гладкость простыней.

Я слушала потрескивающий огонь, трели птиц на ветках вечнозеленых растений в горшках в саду — так отличающихся от сладко-весенней мелодии, к которой я привыкла. Я могла никогда ее больше не услышать и быть не в состоянии вновь ее вытерпеть.

Может быть, в конце концов, Амаранта, победила.

И некой незнакомой, новой части меня стало интересно, что если то, что я не вернусь, могло быть подходящим наказанием для него. За то, что *он* сделал со мной.

Сон поглотил меня, быстрый, жестокий и глубокий.

Я проснулась спустя четыре часа.

Всего несколько мгновений заняло у меня, чтобы вспомнить, где я, что произошло. И каждое тиканье маленьких часов на столе из розового дерева было толчком далеко-далеко назад в ту беспросветную тьму. Но, по крайней мере, я не была уставшей. Безрадостная, но я больше не висела на острие чувства, будто я могла проспать всю вечность.

Я подумаю о том, что произошло в Весеннем Дворе позже. Завтра. Никогда.

К счастью, Внутренний Круг Рисанда ушел еще до того, как я закончила одеваться.

Рис ждал у парадной двери, что открывала маленькую деревянно-мраморную прихожую, которая, в свою очередь, вела на улицу. Он пробежался по мне взглядом, по замшевым, темно-синим сапожкам — сделанным практично и удобно — по небесно-голубому пальто, что было мне по колено, по косе, что обвивалась вокруг моей головы. Под пальто, мой привычный тонкий гардероб был заменен плотными коричневыми штанами и хорошеньким кремовым свитером, который был так мягок, что я готова была уснуть в нем. Вязаные перчатки сочетались с обувью, и они уже были спрятаны глубоко внутри карманов пальто.

— Этим двоим определенно нравится ссориться, — сказал Рисанд, хотя это прозвучало довольно натянуто, когда мы направились к входным дверям.

Каждый шаг по направлению к яркому порогу был одновременно вечностью и приглашением.

В какой-то момент та тяжесть во мне исчезла, когда я пожирала детали возникшего передо мною города:

Маслянистый солнечный свет смягчал уже мягкий зимний день, идеально ухоженная передняя лужайка — ее высушенная слегка белая трава — окаймленная по пояс кованым железным забором и пустыми цветочными клумбами — все вело к чистой улице, мощеной камнями светлого цвета. Высшие Фэ в платьях самых различных форм проходили мимо: некоторые в пальто, которые были похоже на мое, чтобы защититься от бодрящего морозного воздуха, некоторые следовали моде смертных, нося слои пышных юбок и кружев, другие носили кожу — никто не торопился, вдыхая солоновато-лимонно-вербенный бриз, который еще не успела разогнать зима. Никто из них не смотрел на дом. Будто они не знали или их не волновало то, что их Высший Лорд остановился в одном из множества мраморных городских домиков, прилегающих друг к другу с каждой стороны улицы, каждый был выстелен зеленовато-медной крышей и бледными дымоходами, что пускали клубы дыма в свежее небо.

Вдалеке дети пронзительно заливались смехом.

Я встала у передних ворот, открывая защелку неуклюжими пальцами, которые едва ощущали ледяной металл, и сделала целых три шага по направлению к улице до того, как остановилась от открывшегося вида на ее другом конце.

Улица вела вниз, обнажая все больше красивых домов и пускающих дым дымоходов, все больше сытых, беззаботных людей. В самом низу холма протекала широкая река, сверкающая, словно самый глубокий сапфир, извивающийся в сторону обширного водного пространства за его пределами.

Море.

Город был выстроен, словно корочка на вершине крутых холмов, что близко располагались у реки, здания были из белого мрамора или же теплого песчаника. Корабли с парусами различных форм слонялись по реке, белые крылья птиц сияли ярко над ними на полуденном солнце.

Никаких монстров. Никакой тьмы. Ни капли страха, отчаяния.

Нетронутый.

Город не был сломлен уже как пять тысяч лет.

Даже во время ее правления над Прифианом, что бы то Рис ни сделал, что бы он ни продал или ни выменял ... Амаранта действительно не тронула это место.

Весь остальной Прифиан был уничтожен, а затем оставлен истекать кровью все пятьдесят лет... Кроме Велариса... Мои пальцы сжались в кулаки.

Я почувствовала нечто нависающее и посмотрела на другой конец улицы.

Там, словно вечная стража этого города, возвышалась стена плосковершинных гор из красного камня — такого же камня, что был использован для постройки некоторых сооружений. Они изгибались вокруг северного края Велариса, там, где река извивалась над ними, утопая в их тени. На севере, другие горы окружали город через реку — ряд острых пиков был похож на рыбы зубы, отделяющие славные городские холмы от моря за их пределами. Но эти горы позади меня... Они были спящими гигантами. Как-будто живыми, пробудившимися.

Будто в ответ, волнистая, скользящая сила заструилась по моим костям, словно кот, трущийся о мои ноги, привлекающий внимание. Я проигнорировала его.

— Тот пик посередине, — сказал Рис позади меня, и я обернулась, вспоминая, что он стоял рядом. Он лишь указал на самое большое плато. Отверстия и... *окна*, казалось, были встроены в ее верхней части. И к нему летели, неслись на больших, темных крыльях две фигуры. — Это мой другой дом в этом городе. Он носит имя Дом Ветра.

Точно подмечено, летящие фигуры, казалось, сносило в сторону дьявольским, стремительным потоком воздуха.

— Мы будем ужинать там сегодня вечером, — добавил он, и я не могла определить, звучал его голос раздраженно или смиренно.

И мне было без разницы. Я вновь повернулась к городу и спросила:

— Как?

Он понял, что я имела ввиду.

— Удача.

— Удача. Ну да, как удачно для тебя, — сказала я тихо, но твердо, — что весь остальной Прифиан был razoren, в то время как твой народ, твой город оставался в безопасности.

Ветер разведал темные волосы Рисанда, его лицо было нечитаемым.

— Ты задумывался хоть на мгновение, — сказала я, мой голос звучал словно гравий, — расширить границы этой «удачи» на еще какое-нибудь место, еще кого-нибудь?

— Другие города, — ответил он ровно, — известны миру. Существование Велариса оставалось в тайне за пределами этих земель на протяжении тысячелетий. Амаранта не тронула его, потому что не знала о нем. Не знал и ни один из ее монстров. Ни один из поданных других дворов.

— *Как?*

— Заклинания и чары, и мои беспощадные, беспощадные предки, которые желали любой ценой сохранить уголок света и доброты в нашем ужасном мире.

— А когда пришла Амаранта, — сказала я, почти выплевывая ее имя, — ты *не подумал* открыть это место в качестве укрытия?

— Когда пришла Амаранта, — ответил он, слегка выпуская свой нрав на свободу, и его глаза вспыхнули, — мне пришлось принять несколько очень тяжелых решений и очень быстро.

Я закатила глаза, отворачиваясь, чтобы окинуть взглядом крутые холмы и море впереди.

— Полагаю, ты *не станешь* рассказывать мне об этом. — Но мне было необходимо знать — как ему удалось сохранить это царство мира и красоты.

— Сейчас не время для этого разговора.

Прекрасно. Я слышала то же самое до этого тысячу раз в Весеннем Дворе. Настаивать на своем не стоило тех усилий, которые пришлось бы для этого приложить.

Но я не стану сидеть в своей комнате, *не могу* позволить себе скорбеть и рыдать, и хандрить, и спать. Я буду исследовать, даже если это будет пыткой, даже если размер этого места... Котел, он был огромным. Я дернула подбородком в сторону города, плавно опускающегося к реке.

— Так что же такого есть в нем, что оно стоило того, чтобы быть спасенным ценой жизни всех остальных?

Когда я взглянула на Риса, его фиолетово-синие глаза были столь же беспощадны, как и пенящееся зимнее море в отдалении.

— Все, — ответил он.

* * *

Рисанд не преувеличивал.

В Веларисе можно было увидеть все: магазины чая с изящными столами и стульями из вишневого дерева, расположенными даже снаружи, несомненно подогреваемыми каким-то закливанием тепла — все было заполнено непринужденно беседующими и смеющимися Высшими Фэ и странными, но прекрасными фейри. Всего было четыре главных площади — Дворцы, так их называли: два на этой стороне — южном берегу реки Сидры, два на северной части.

В течение нескольких часов, что мы бродили, я побывала только в двух из них: величественные, выполненные из белого камня площади со стоявшими по бокам колоннами, что поддерживали вырезанные и раскрашенные здания, которые охраняли их и обеспечивали крытый проход к встроенным под ним магазинчикам.

Первый рынок, в который мы вошли, был Дворцом Нити и Драгоценностей, где продавали одежду, обувь, товары необходимые для изготовления того и другого, и ювелирные изделия — бесконечные сияющие магазины, полные драгоценностей.

Но ничего во мне не всколыхнулось при виде переливающихся на солнечном свете, определенно редких тканей, что раскачивались легким речным ветерком, при представленной одежде в широких стеклянных витринах или же при блеске золота, рубинов, изумрудов и жемчуга, лежащих на бархатных подушечках. Я не посмела взглянуть на уже свободный палец на левой руке.

Рис зашел в несколько ювелирных магазинов в поисках подарка для друга, так он сказал. Каждый раз я решала подождать снаружи, прячась в тених зданий Дворца. Сегодняшней прогулки было достаточно. Представляться, терпеть взгляды, слезы и

оценивающие взгляды... Если бы мне пришлось снова иметь с этим дело я, пожалуй, лучше забралась бы в кровать и никогда не вставала.

Но никто на улицах не смотрел на меня дважды, даже находясь рядом с Рисом. Вероятно, они не имели понятия, кто я такая — возможно, городских жителей не волновало, кто был среди них.

Второй рынок, Дворец Кости и Соли, был одним из Площадей-Близнецов: первый располагался на этом берегу реки, другой — Дворец Копыта и Листа — на другом, оба были переполнены торговцами, продающими мясо, сельскохозяйственную продукцию, скот, кондитерские изделия и приправы ... Такое множество приправ, знакомых и глубоко забытых ароматов в те прекрасные годы, когда я еще знала поддержку несгибаемого отца и бездонного достатка.

Рисанд держался в нескольких шагах от меня, спрятав руки в карманы, время от времени предоставляя мне частицы информации. Да, он сказал мне, что во многих магазинах и домах использовали магию для их обогрева, в особенности для популярных открытых мест. Более подробно я об этом не расспрашивала.

Никто не избегал его — никто не шептался о нем, не плевал в его сторону, и не ударял его, в отличие от Подгорья.

Наоборот, люди, что замечали его, приветствовали его теплыми, широкими улыбками. Некоторые подходили и приветствующее пожимали ему руку. Каждого из них он знал по имени, но и они обращались к нему так же.

Однако Рис становился все более тихим, когда приближалась вторая половина дня. Мы остановились на краю миниатюрного городка, построенного на вершине одного из холмов, что находился рядом с текущей рекой. Я взглянула на первую выходящую на улицу витрину и внезапно почувствовала слабость в ногах.

Дверь из вишневого дерева была открыта, обнажая произведения искусства, краски, кисточки и небольшие скульптуры.

— Вот, чем знаменит Веларис: квартал художников. Здесь ты найдешь сотни галерей, магазины полные материалов, гончарные объединения, сады скульптур и многое другое. Они зовут его Радугой Велариса. Художники, музыканты, танцоры и актеры осели на этом холме напротив Сидры. Видишь кусочек блестящего золота на самом верху? Это один из главных театров. В этом городе есть пять выдающихся театров, но этот самый известный. Но есть и театры поменьше, амфитеатры, расположенные на морских утесах... — он затих, когда заметил мой взгляд, метнувшийся обратно к красочным зданиям впереди.

Разнообразные Высшие Фэ и низшие фейри, с которыми я никогда раньше не сталкивалась и не знала названия их видов, бродили по улицам. Однако это было последним, что я заметила: некоторые из них были длинноногими, лишенными всяких волос, но сияющими, как если бы сама луна остановилась под их черной, как ночь кожей, покрытой переливающейся чешуей, цвет которой менялся с каждым изящным шагом их когтистых, перепончатых ног; другие были элегантными, с различными формами рогов, копыт и полосатого меха. Некоторые были закутаны в тяжелые пальто, шарфы, и рукавицы — на других не было абсолютно ничего, кроме их чешуи, шерсти и когтей, и казалось, они не задумывались об этом. Как и никто другой. Все они, однако, были заняты осмотром достопримечательностей, некоторые совершали покупки, либо были забрызганы глиной, покрыты пылью и... краской.

Художники. Я никогда не называла себя художницей, никогда не думала о себе так

далеко и высоко, но ...

Там, где однажды обитали краски, свет и текстуры, сейчас была лишь грязная тюремная камера.

— Я устала, — выдавила я.

Я ощущала взгляд Риса, мне не было дела до моих поднятых или опущенных щитов, что должны были помешать ему читать мои мысли. Но он лишь сказал:

— Мы можем вернуться в другой день. Сейчас, в любом случае, время ужина.

Действительно. Солнце садилось за горизонт туда, где река встречалась с ним из-за холмов, окрашивая город в розовый и золотой цвета.

Мне не хотелось нарисовать это. Даже когда люди остановились, чтобы восхититься приближающимся закатом, словно у жителей этого места, этого двора, имелась свобода, безопасность наслаждаться прекрасными видами в любой момент по своему желанию. Словно они никогда не знали, что может быть и по-другому.

Мне хотелось закричать на них, поднять обвалившийся кусочек булыжника и разбить ближайшее окно, только чтобы высвободить силу, что бурлила под моей кожей и сказать им, что со мной было сделано, с остальным миром, в то время, как они восхищались закатами, рисовали и распивали чай у реки.

— Полегче, — прошептал Рис.

Я повернулась к нему, моё дыхание было неровным.

На его лице снова невозможно было ничего разобрать.

— Мои люди ни в чем не виноваты.

Это легко остудило мою ярость, словно она опустилась на ступеньку лестницы, что раньше подымалась во мне и выплеснулась на бледные каменные улицы.

Да — да, конечно, они не были ни в чем виноваты. Но мне не хотелось больше думать об этом. Или о чем-либо еще.

— Я устала, — снова повторила я.

Его шея напряглась, но он кивнул, поворачиваясь спиной к Радуге.

— Завтра ночью мы пойдем на прогулку. Веларис прекрасен днем, но он был построен, чтобы им любовались ночью.

Я не ожидала ничего другого от Города Звездного Света, но мне трудно было вымолвить и слово.

Но — ужин. С ним. В том Доме Ветра. Я собралась и попыталась сосредоточиться чтобы сказать:

— Кто конкретно будет на этом ужине?

Рис повел нас вверх по крутой улице, мои ноги горели от каждого движения. Когда я так потеряла форму, так ослабла?

— Мой Внутренний Круг, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты познакомилась с ними перед тем, как решишь, то ли это место, в котором ты бы хотела остаться. Если ты захочешь работать со мной, тогда ты, так или иначе, будешь работать с ними. Ты уже знакома с Мор, но те трое..

— Те самые, кто приходил сегодня в полдень.

Кивок.

— Кассиан, Азриэль и Амрен.

— Кто они?

Он что-то говорил об иллирийцах, но Амрен — тот женский голос, что я слышала — у

нее не было крыльев. По крайней мере, так я заметила сквозь затуманенное стекло.

— Внутри нашего круга, — сказал он спокойным голосом, — существует разделение по рангам. Амрен вторая после меня, кто является командиром.

Женщина? Должно быть, на моем лице читалось удивление, потому что Рис сказал:

— Да. И Мор моя Третья. Только дурак будет думать, что иллирийские войны являются высшими хищниками в нашем кругу.

Непочтительная, веселая Мор — Третья после Высшего Лорда Ночного Двора. Рис продолжил:

— Ты поймешь, что я имею в виду, когда познакомишься с Амрен. Она похожа на Высшую Фэ, но нечто другое скрывается под ее кожей.

Рис кивнул проходящей мимо парочке, которая склонила голову в знак приветствия.

— Возможно, она старше, чем этот город, но она тщеславна и ей нравится собирать безделушки и другие вещи, словно огнедышащий дракон в пещере. Поэтому... будь начеку. У вас обоих крутой нрав, если вас спровоцировать, а я не хочу никаких сюрпризов сегодня вечером.

Некая часть меня не хотела знать, каким именно существом она была.

— Если мы ввяжемся в драку, и я сорву с нее ожерелье, она поджарит меня и съест?

Он хмыкнул.

— Нет, Амрен сделает намного — намного хуже, чем это. В последний раз, когда Амрен и Мор поссорились, они превратили мой любимый горный курорт в пепел.

Он поднял бровь.

— Если уж на то пошло, я самый могущественный Высший Лорд в истории Прифиана, и я перебил Амрен в разговоре лишь однажды в прошлом столетии.

Самый могущественный Высший Лорд в истории.

Бесчисленные тысячелетия они существовали здесь в Прифиане, Рис — *Рис* с его ухмылкой, сарказмом и соблазняющим взглядом...

Но Амрен была хуже. И старше чем *пять тысяч лет*.

Я ожидала появления страха; ждала того момента, когда мое тело отчаянно завопит и будет искать способ избежать этого ужина, но... ничего. Быть может, если все так закончится, это будет милостью.

Широкая ладонь схватила мое лицо — достаточно нежно, чтобы не навредить, но довольно сильно, чтобы заставить меня посмотреть на него.

— Никогда больше не думай об этом, — прошипел Рис, ярость плясала в его глазах. — Ни на одну чертову минуту.

Эта связь между нами натянулась, и мои медлительные ментальные щиты рухнули. На мгновение, как это случилось Под Горой, я оказалась в его теле — смотрела на себя его глазами.

Я не осознавала... как я выглядела ...

Мое лицо было изможденным, мои скулы заострились, а серо-голубые глаза были тусклыми с растянувшейся фиолетовой синевой под ними. Полные губы — рот моего отца — были бледными, а мои ключицы выпирали под толстым шерстяным свитером, который обнажал декольте. Я выглядела словно... словно ярость и горе, и отчаяние съедали меня заживо, словно я снова голодала. Не из-за еды, но... но по причине нехватки радости и жизни..

Затем я снова вернулась в свое тело, смотря на него.

— Это трюк?

Его голос был хриплым, и он убрал руку с моего лица.

— Нет, — он наклонил голову в сторону. — Как тебе удалось пройти сквозь него? Мой щит?

Я не знала о чем он говорит. *Я ничего* не сделала. Просто... скользнула. И мне не хотелось говорить об этом, не здесь, не с ним. Я метнулась прочь, мои ноги — такие худые, такие бесполезные — горевшие с каждым шагом вверх по холму.

Он схватил меня за локоть, снова с тактичной мягкостью, но сильно, что заставило меня остановиться.

— Во сколько разумов тебе удалось случайно проскользнуть?

Люсьен..

— *Люсьен?* — короткий смешок. — Что за жалкое место.

Я издала низкое рычание.

— *Не лезь* ко мне в голову.

— Твой щит опущен.

Я подняла его.

— Ты с тем же успехом могла бы выкрикивать его имя мне.

Снова этот задумчивый наклон головы.

— Возможно, ты обладаешь моей силой ...

Он кусал нижнюю губу, а затем фыркнул.

— В этом есть смысл, если моя сила передалась тебе — что, если мои щиты иногда ошибочно принимают тебя за меня и позволяют тебе проскользнуть. Поразительно.

Я размышляла, а не плюнуть ли ему на ботинки.

— Забери свою силу. Она мне не нужна.

Хитрая улыбка.

— Не выйдет. Эта сила привязана к твоей жизни. Единственный способ забрать ее — это убить тебя. Но, поскольку мне нравится твоя компания, я, пожалуй, откажусь.

Мы прошли несколько шагов перед тем, как он сказал:

— Ты должна быть бдительной и поддерживать свои ментальные щиты. Особенно сейчас, когда ты увидела Веларис. Если ты когда-нибудь направишься куда-либо еще, за пределы этих земель, и кто-то проскользнет в твой разум и увидит это место... — он сжал челюсть. — Мы зовем их дэматри — те из нас, кто обладает способностью проникать в разумы людей, что похоже на переход из одной комнаты в другую. Такие как мы — это большая редкость, и эта особенность проявляется лишь, когда сама Мать пожелает этого, но достаточное количество нас разбросано по всему миру, так что многие, в основном, те, кто занимают руководящие посты, тренируются против наших навыков. Если бы ты когда-нибудь встретила дэматри с опущенными щитами, они бы получили то, что хотели, Фейра. Более могущественный сделал бы тебя своим безвольным рабом, заставил бы тебя делать, что ему бы хотелось, и ты никогда бы не узнала об этом. Мои земли остаются тайной для чужаков, здесь тебя не обнаружат, но кроме этого, ты могла бы быть весьма ценным источником информации.

Дэматри — теперь я одна из них, если я и правда могла делать подобные вещи? Еще один проклятый повод у людей, чтобы шептаться за моей спиной.

— Я полагаю, что при потенциальной войне с Хайберном, армия короля даже не будет атаковать это место? — Я махнула рукой на город вокруг нас. — Так, что твой избалованный

народ... те, кто не могут защитить свои сознания — они получают твою защиту и не будут сражаться в то время, как остальные будут истекать кровью?

Я не дала ему ответить, и просто ускорила свой шаг. Удар ниже пояса, довольно по-детски, но... Внутри, внутри я стала далеким морем, безжалостно бушующим, тем, что металось шквалами, разрывающими любое чувство того, где могла быть поверхность.

Рис держался на шаг позади меня до конца нашей прогулки до дома.

Некая маленькая часть меня шептала, что я могу пережить Амаранту; пережить уход от Тамлина; я могла пережить переход в это новое, незнакомое мне тело ... Но та пустота, ледяная дыра в моей груди ... Я не была уверена, что могла пережить это.

Даже в те годы, когда меня отделяла всего неделя от голодной смерти, та часть меня была полна красок, света. Быть может, становление фейри уничтожило ее. Может, Амаранта уничтожила ее.

Или я сама сделала это, когда пронзила кинжалом сердца тех двух невинных фейри, и их кровь согрела мои руки.

* * *

— Категорически нет, — сказала я, стоя на крыше дома, где был разбит маленький сад; мои руки засунуты глубоко в карманы пальто, чтобы уберечь их от кусающе-холодного ночного воздуха. На крыше было достаточно места для нескольких кустарников в ящиках, круглого железного столика с двумя стульями и для меня с Рисандом.

Вокруг нас мерцал город, сами звезды, казалось, были подвешены ниже, пульсирующие, словно рубины, аметист и жемчуг. Выше полная луна освещала мрамор зданий и мостов, словно они были подсвечены изнутри. Играла музыка — струны и нежные барабаны, и по обе стороны от Сидры золотое сияние разливалось над набережной реки, усеянной кафе и магазинами, открытыми на ночь и уже заполненными посетителями.

Жизнь... Столько жизни! Я почти могу ощутить ее вкус на языке.

Одетый во все черное, украшенное серебряной нитью, Рисанд скрестил руки на груди. Его массивные крылья зашелестели, когда я сказала:

— Нет.

— В Дом Ветра нельзя проникнуть с помощью рассеивания, так же как и в этот дом — на них стоит защита. Даже против Высших Лордов. Не спрашивай меня, почему или кто это сделал. Но вариант либо подняться вверх на десять тысяч ступеней, что я совершенно не в настроении делать, Фейра, либо лететь. — Лунный свет посеребрил коготь на вершине каждого крыла. Он одарил меня ленивой ухмылкой, которую я не видела весь день. — Обещаю, что не уроню тебя.

Я хмуро уставилась на темно-синие платье, которое я выбрала — даже принимая во внимание его длинные рукава и тяжелую, роскошную ткань, глубокий вырез декольте совершенно не спасет от холода. Я думала надеть свитер и плотные штаны, но все-таки отдала предпочтение красоте, чем удобству. И уже пожалела об этом, даже в пальто. Но если его Внутренний Круг был хоть немного похож на двор Тамлина... лучше надеть более формальный наряд. Я вздрогнула при виде полосы ночи, отделяющей крышу от горы-резиденции.

— Ветер сразу сорвет платье.

Его улыбка стала кошачьей.

— Я пойду по лестнице, — я кипела от гнева, направившись к двери в конце крыши.

Рис взмахнул крылом, преграждая мой путь.

Гладкая мембрана — с оттенком переливчатости. Я отступила.

— Нуала потратила час на мою прическу.

Преувеличение, но она действительно долго нянчилась с ней, пока я сидела в покой тишине, позволяя ей превращать мои волосы в мягкие завитки и украшать прическу красивыми золотыми заколками. Возможно остаться сегодня вечером наедине сама с собой и в тишине... было бы лучше, чем встретиться с этими людьми. Чем общаться.

Крыло Риса изогнулось вокруг меня, подталкивая меня ближе, туда, где я почти могла почувствовать жар его сильного тела.

— Обещаю, что не позволю ветру разрушить твою прическу. — Он поднял руку, как будто собираясь дотронуться до одного из завитков, а затем опустил ее.

— Если я должна решить, хочу ли я работать против Хайберна с вами... с твоим Внутренним Кругом, не можем мы просто... встретиться здесь?

— Они уже все там. И, кроме того, в Доме Ветра достаточно места, чтобы я не захотел побросать их всех с горы.

Я сглотнула. Изгибаясь вдоль вершины горы прямо перед нами, этажи огней сверкали, как если бы гора были увенчана золотом. И между мной и этой короной света был длинный, очень длинный участок открытого пространства.

— Ты имеешь в виду, — сказала я, потому что возможно это было единственное оружие в моем арсенале, — что этот дом слишком мал, а их личности слишком большие, и ты боишься, что я снова сорвусь.

Его крыло подтолкнуло меня ближе — шелк тепла на моем плече.

— Что, если и так?

— Я не какая-то сломанная кукла. — Даже если в этот день, тот разговор, который у нас был, то, что я увидела в его глазах, говорило об обратном. Но я поддалась-таки на еще один шаг ближе.

— Я знаю. Но это не значит, что я брошу тебя волкам. Если ты действительно сказала правду, когда выразила желание работать со мной, чтобы оградить эти земли от Хайберна, сохранить стены целыми, сначала я хочу познакомить тебя с моими друзьями. Решай сама, сможешь ли ты с этим справиться. И я хочу, чтобы эта встреча была на моих условиях, а не когда они снова решат вломиться в этот дом.

— Я даже не знала, что у тебя в принципе есть друзья. — Да... гнев, резкость... Хорошо. Лучше, чем не чувствовать ничего.

Холодная улыбка.

— Ты не спрашивала.

Рисанд теперь был настолько близко, его рука скользнула вокруг моей талии, и крылья окружили меня. Моя спина окаменела. Клетка...

Крылья тотчас расправились.

Но он крепче прижал меня к себе. Готовясь взлететь. Мама спаси меня.

— Скажи сегодня всего лишь слово, и мы вернемся сюда, безо всяких вопросов. И если ты поймешь, что не сможешь работать со мной, с ними, то я тоже не задам никаких вопросов. Мы найдем другой способ, чтобы ты жила здесь, чувствовала себя наполненной, независимо от того, что мне нужно. Это твой выбор, Фейра.

Я думала углубить эту тему — почему он так настаивает, чтобы я осталась? Но зачем? Чтобы спать? Чтобы избежать встречи, которая необходима, чтобы я могла понять, что мне с

собой делать? И полет...

Я изучала крылья, руки вокруг моей талии.

— Пожалуйста, только не урони меня. И пожалуйста не...

Мы взмыли в небо, стремительно, словно падающая звезда.

Прежде чем эхо от моего крика затихло, город широко раскинулся под нами. Рука риса скользнула под мои колени, тогда как другая обернулась вокруг моей спины и ребер, и мы поднимались вверх, вверх, вверх, навстречу усыпанной звездами ночи, жидкой темноте и пению ветра.

Огни города удалялись, пока Веларис не превратился в волнующееся бархатное одеяло, усыпанное драгоценностями, пока музыка не достигала даже нашего острого слуха. Воздух был холодным, но мое лицо обвевал только легкий ветерок — даже когда мы с великолепной точностью спланировали к Дому Ветра.

Тело Риса было твердым и теплым рядом с моим — твердая сила природы, созданная и заточенная для этого. Даже его запах напомнил мне ветер... дождь и соль, и что-то цитрусовое — я не могу назвать.

Мы попали в восходящий поток, взмывая так быстро, что я инстинктивно вцепилась в его черную тунику, тогда как мой желудок сжался. Я нахмурилась в ответ на мягкий смех, щекочущий мне ухо.

— Я ожидал больше криков. Должно быть, я плохо старался.

— Даже не... — я зашипела, сфокусировав взгляд на приближающейся тиаре огней на вечной скале.

Небо кружилось над головой, и огни, проносящиеся вниз и вверх превратились в зеркала — теперь мы плыли через звездное море. Что-то тугое в моей груди ослабло свою хватку.

— Когда я был мальчиком, — Рис прошептал мне на ухо, — я сбегал из Дома Ветра, прыгая из окна — и летал, летал, летал всю ночь, просто нарезая круги вокруг города, реки, моря. Иногда я до сих пор так делаю.

— Твои родители наверное были в восторге.

— Мой отец не знал об этом, а моя мать... — пауза. — Она была Иллирийкой. Несколько раз, когда она заставляла меня выпрыгивающим в окно, она ругалась... а потом выпрыгивала сама и летала вместе со мной до самого рассвета.

— Она чудесная, — призналась я.

— Она была, — ответил он. И эти два слова достаточно рассказали мне о его прошлом, том, о котором я не спрашивала.

Маневр позволил нам подняться еще выше, пока мы не оказались на прямой линии с широким балконом, озаренным светом золотистых фонарей. В дальнем конце, встроенные прямо в красную гору, уже были открыты две стеклянные двери, обнажая большую, но удивительно обычную столовую, вырезанную из камня и украшенную дорогой древесиной. Я отметила, что каждый стул был такой формы, чтобы было удобно разместить крылья.

Рис приземлился так же аккуратно, как и взлетел, его рука поддерживала меня за плечи, когда мои ноги слегка подкосились коснувшись земли. Я стряхнула с себя его прикосновения и посмотрела на город позади нас.

Я провела столько времени припадая к земле среди деревьев, чья высота давно потеряла свой первобытный ужас. Но размер города... хуже, обширная тьма за его пределами — море... Возможно, это по-человечески глупо так думать, но я не осознавала, как велик наш

мир. Как велик Прифиан, если настолько большой город мог оставаться скрытым от Амаранты, от других Дворов.

Рисанд стоял молча рядом со мной. Еще через мгновение он сказал:

— Расскажи.

Я подняла бровь.

— Расскажи о чем ты сейчас думаешь — одну мысль. И я тоже расскажу тебе одну.

Я покачала головой и повернулась обратно к городу.

Но Рис сказал:

— Я думаю о том, что провел пятьдесят лет взаперти Под Горой и иногда позволял себе мечтать об этом месте, но никогда всерьез не ждал увидеть его снова. Я думаю о том, что мне жаль, что это не я убил ее. Я думаю о том, что если начнется война, пройдет долгое время, прежде чем у меня выдастся ночь подобно этой.

Он посмотрел на меня, ожидая.

Я не стала снова спрашивать, как ему удалось сохранить это место от нее, скорее всего он бы не ответил. Поэтому я спросила:

— Ты думаешь, что война будет здесь так скоро?

— Это было приглашением «не-задавая-вопросов». Я сказал тебе... три вещи. Скажи мне одну.

Я смотрела в сторону открытого мира перед нами, города, беспокойного моря и сухой зимней ночи.

Скорее всего, это был приступ мужества или безрассудства или то, что я была так высоко над землей, и никто кроме Риса и ветра не мог меня услышать, и я сказала:

— Я думаю, что должно быть, я была влюбленной дурой, чтобы позволять показывать себе такую малую часть Весеннего Двора. Я думаю, что огромную территорию земли мне никогда не было позволено увидеть или услышать и возможно, я бы так и жила в неведении вечно, словно домашнее животное. Я думаю... — я давилась словами. Я потрясла головой, словно вытрясая оставшиеся. Но я все-таки произнесла их. — Я думаю, что я была одинокой и лишившейся надежды и, возможно, влюбилась в первого, кто проявил намек на доброту и защиту. И я думаю, что он знал это — может быть не намеренно, но он хотел быть таким человеком для кого-то. И может быть, это работало для той, кем я была раньше. Может быть, это не сработает для той, кто я есть сейчас.

Вот.

Слова, полные ненависти и эгоизма и неблагодарности. За все, что Тамлин сделал...

Мысль о его имени отозвалась во мне звоном. Еще вчера днем я была там. Нет... нет, я не буду об этом думать. Пока нет.

Рисанд сказал:

— Это было пять. Похоже, я буду должен тебе две мысли. — Он бросил взгляд позади нас. — Позже.

Потому как двое крылатых мужчин стояли в дверях.

Ухмыляясь.

Рис неторопливой походкой направился к двум мужчинам, стоящим в дверях, которые вели в обеденный зал, предоставляя мне выбор: остаться или присоединиться.

Одно слово, как он обещал, и мы уйдем.

Они оба были высокими, их крылья плотно прилегали к мощным, мускулистым телам, покрытым броней; темная кожа напомнила мне о потертых чешуйках какого-то извывающегося животного. Идентичные длинные мечи висели за их спинами — клинки были прекрасны в своей простоте. Наверное, мне не стоило заморачиваться с выбором столь элегантной одежды.

Второй мужчина был слегка крупнее, его лицо было скрыто в тени, он усмехнулся и сказал:

— Давай же, Фейра. Мы не кусаемся. Если только ты не попросишь.

Во мне вспыхнуло удивление, заставляя мои ноги двигаться.

Рис спрятал руки в карманы.

— Насколько мне известно, Кассиан, никто никогда так и не принял твоё предложение.

Второй мужчина фыркнул, но, когда они наконец повернулись к льющемуся из обеденного зала золотому свету, и он осветил их лица, мне действительно стало интересно, почему никто этого не сделал: если мать Рисанда была тоже иллирийкой, тогда и его людей благословили исключительной внешностью.

Как и их Высший Лорд, войны были темноволосыми и смуглыми. Но, в отличие от Риса, их глаза были ореховыми, однако, когда я ступила ближе — к гостиной Дома Ветра позади них, их взгляд устремился на меня.

На этом схожесть между ними тремя заканчивалась.

Кассиан изучал Риса с ног до головы, с каждым его движением воздух развеивал его черные, до плеч, волосы.

— Такой роскошный сегодня, братец. Ты даже заставил нарядиться бедную Фейру.

Он подмигнул мне. В его чертах было что-то необузданное, словно он был соткан из ветра, земли и пламени, и весь этот внешний блеск был ему неудобен.

Но другой мужчина из них двоих был эталоном красоты... Даже сам свет, казалось, отражался от изящных черт его лица. На это была причина. Его лицо было прекрасно, но, в то же время, полно скуки. Именно его стоит опасаться с ножом во тьме. И действительно, охотничий нож с обсидиановой рукояткой лежал в ножнах на его бедре, которые были покрыты неизвестными мне серебряными рунами.

— Это Азриэль — мой главный шпион, — сказал Рис.

Неудивительно. Инстинктивно я проверила, не были ли тронуты мои щиты. На всякий случай.

— Добро пожаловать, — это было все, что сказал Азриэль низким, почти бесцветным голосом, протягивая мне жестоко израненную руку. Ее форма была вполне обычной, но кожа... выглядела так, словно она была вывернута наизнанку, измазана сажей и покрыта рябью. Ожоги. Должно быть они были ужасны, если даже бессмертная кровь не была способна исцелить их.

Кожаные пластины его легкой брони покрывали большую часть руки, которые, в свою очередь, держались на петле вокруг его среднего пальца. Когда его рука разорвала

прохладный ночной воздух между нами, я поняла, что все это было не для того, чтобы скрыть это. Нет, она удерживала на месте большой, бездонный кобальтовый камень, который украшал заднюю часть его перчатки. Поверх его левой руки находился такой же камень; идентичные алые камни украшали перчатки Кассиана, их цвет был похож на дремлющее сердце пламени.

Я приняла руку Азриэля, и его грубые пальцы сжали мою ладонь. Его кожа была такой же ледяной, как и его лицо.

Но слово, что минуту назад сказал Кассиан, привлекло мое внимание. Я высвободилась от его руки и попыталась скрыть во взгляде желание встать рядом с Рисом.

— Вы братья?

Иллирийцы были похожи, как похожи люди родом из одной местности.

— В том смысле, что все бастарды в некоторой степени являются друг другу братьями, — пояснил Рисанд.

Я никогда не думала об этом.

— А ... ты? — спросила я Кассиана.

Кассиан пожал плечами, и его крылья еще сильнее напряглись.

— Я команду армией Риса.

Словно эта должность была чем-то, на что можно было не обращать внимание. И — армия. У Риса была армия. Я переступила с ноги на ногу. Карие глаза Кассиана проследили за моим движением, уголки его губ поползли вверх, и я правда подумала, что он собирается предоставить мне своё профессиональное мнение о том, какой неустойчивой это меня сделало бы против моего противника.

— Кассиан также отлично справляется с тем, что выводит всех из себя. Особенно среди наших друзей. Так что тебе, как другу Рисанда... удачи, — уточнил Азриэль.

Друг Рисанда — не спасительница их земель, не убийца, не *что-то среднее* между человеком и фейри. Может быть, они не знали...

Но Кассиан оттолкнул своего брата — бастарда с дороги, могучие крылья Азриэля слегка приподнялись, когда он попытался удержать равновесие.

— Как тебе, черт возьми, удалось соорудить лестницу из костей в логове Мидденгардского Червя, когда ты сама выглядела так, будто твои кости развалятся в любой момент?

Что ж, с этим разобрались. Но вопрос, был ли он Под Горой так и оставался открытым. Но где же он вместо этого мог находиться?... Еще одна загадка. Наверное, здесь, с этими людьми. В безопасности и уюте.

Я встретила взглядом с Кассианом, только потому, что, если Рисанд снова попытается защитить меня, то это сломает меня еще больше. И, наверное, я стала такой же ядовитой как и гадюка, а может я стала одной из них, но я сказала:

— Как *тебя*, черт возьми, еще никто не убил?

Кассиан запрокинул голову и захохотал, полный, богатый звук разнесся эхом среди ярко-красных камней Дома. Брови Азриэля подскочили вверх, выражая одобрение, а тени казалось еще сильнее начали обволакивать его. Будто он был темным ульем, в который они залетали, но потом снова возвращались.

Я старалась не дрожать и взглянула на Риса, надеясь услышать объяснение о темных дарах его шпиона.

Лицо Риса было лишено всяких эмоций, но его глаза были настроены. Оценивающие.

Я почти собиралась спросить на что, черт возьми, он смотрел, когда на балкон влетела Мор со словами:

— Если это завывает Кассиан, я надеюсь, это означает, что Фейра сказала ему закрыть свой попусту болтающий рот.

Оба иллирийца повернулись к ней, Кассиан слегка расставил ноги, становясь в боевую стойку, которую я слишком хорошо знала.

Этого было практически достаточно, чтобы отвлечь меня от того, как тени вокруг Азриэля слегка засияли, а его взгляд скользнул по телу Мор: красное, обтекающее платье из шифона, украшенное золотыми манжетами, гребни из позолоченных листьев удерживали волны ее распущенных волос.

Струйка тени вилась вокруг уха Азриэля, но его глаза метнулись к моим. Мое лицо приобрело невинное выражение.

— Я не знаю, почему всегда забываю, что вы двое родственники, — сказал Кассиан Мор, дернув подбородком в сторону Риса, который закатил глаза. — Вы двое и ваша одежда.

Мор изобразила поклон Кассиану. И я правда постаралась не упасть от облегчения при виде ее прекрасного наряда. По крайней мере, я больше не буду казаться чересчур нарядной.

— Я хотела произвести впечатление на Фейру. Ты, по крайней мере, мог удосужиться хотя бы причесаться.

— В отличие от некоторых, — сказал Кассиан, подтверждая мои опасения касательно его боевой стойки, — мне есть чем заняться, а не сидеть перед зеркалом часами.

— Да, — сказала Мор, откидывая свои длинные волосы через плечо, — расхаживать с важным видом по Веларису..

— У нас компания, — мягко предупредил Азриэль, его крылья слегка приподнялись, а затем они распахнулись в открытых балконных дверях, ведущих в обеденный зал. Я могла поклясться, что видела, как завитки тьмы закружились при их пробуждении.

Мор похлопала Азриэля по плечу, уклонившись от его раскрывающегося крыла. — Расслабься, Азриэль — никакой драки сегодня. Мы обещали Рису.

Стущающаяся тьма вокруг него полностью исчезла, когда Азриэль слегка наклонил голову — его темные, как ночь волосы упали на его прекрасное лицо, словно с намерением укрыть его от беспощадно восхитительной улыбки.

Мор не подала вид, что заметила это, и протянула мне ладонь.

— Посиди со мной, пока они выпьют.

Мне хватило достоинства, чтобы не посмотреть на Риса в поисках подтверждения того, было ли это безопасно. Поэтому я повиновалась и пошла в ногу рядом с Мор, двое иллирийцев отошли на несколько шагов к Высшему Лорду.

— Если только ты не хочешь выпить, — предложила Мор, когда мы вошли в теплый обеденный зал выполненный из красного камня. — Но мне хочется, чтобы ты побыла рядом со мной перед тем, как тебя заграбастает Амрен.

Вдруг столовые двери распахнулись от шепчущегося ветра, обнажая затемненные, малиновые залы внутри горы.

И может быть часть меня все еще оставалась смертной, потому что несмотря на то, что появившаяся передо мной утонченная, невысокого роста женщина *выглядела* как Высшая Фэ... как и предупреждал меня Рис, каждый инстинкт ревел внутри меня. Бежать. Спрятаться.

Она была на несколько дюймов ниже меня, ее короткие, до подбородка волосы были

прямыми и блестящими, ее кожа была смуглой и гладкой, а лицо — красивым, подчеркнуто простым и полным скуки, если даже не слегка раздраженным. Но глаза Амрен...

Ее серебряные глаза отличались от всего, что мне доводилось видеть в своей жизни; проблеск существа, которое — я всем своим естеством знала — не было Высшим Фэ. Или не было рождено им.

Серебро в глазах Амрен напоминало вихрь дыма под стеклом.

На ней были штаны и топ, похожие на те, что я носила в другом горном дворце, одежда имели оттенок сплава свинца и штормовой тучи, а жемчуг — белый, серый и черный — украшал ее уши, пальцы и запястья. Даже сила Высшего Лорда напоминала скорее струйку тени по сравнению с той, что гудела в ней.

Мор застонала, резко падая в кресло ближе к концу стола, и налила себе бокал вина. Кассиан сел напротив нее, тоже протягивая руку к бутылке вина. Но Рисанд и Азриэль продолжали стоять, возможно наблюдая за приближающейся ко мне женщине, которая остановилась в метре от меня.

— Ваш вкус все так же великолепен, Высший Лорд. Благодарю. —

Ее голос был мягок, но острее любого клинка, который мне когда-либо встречался. Ее тонкие, маленькие пальцы дотронулись до изящной серебряной-жемчужной броши, что была приколта чуть выше ее правой груди.

Вот для кого он покупал драгоценность. Драгоценность, которую я никогда, ни при каких обстоятельствах не попытаюсь украсть.

Я изучала Рису и Амрен, словно я пытаюсь увидеть, что за связь была между ними, но Рисанд махнул рукой и склонил голову.

— Она тебе идет, Амрен.

— Мне все идет, — ответила она, и эти ужасные, завораживающие глаза снова встретились с моими.

* * *

Словно удар молнии.

Она шагнула ближе, слабо пригнувшись, и несмотря на то, что я была на пол головы ее выше, я никогда не чувствовала себя покорнее. Однако я вздернула подбородок вверх. Я не знала, почему сделала это.

— Что ж, теперь нас двое, — сказала Амрен.

Я сдвинула брови.

Алые губы Амрен были тонко очерчены.

— Нас, кто родились другими и оказались в ловушке новых, незнакомых тел.

Я решила, что мне действительно не хочется знать, кем она была раньше.

Амрен указала мне подбородком на пустое кресло, стоящее рядом с Мор, движение ее волос было словно жидкая ночь. Она заняла место напротив меня, Азриэль сел сбоку от нее, а Рис присел напротив Азриэля — по правую сторону от меня.

Место во главе стола не занято.

— Есть еще третья, — сказала Амрен, смотря на Рисанда. — Полагаю, ты не слышал с Мириам... столетиями. Интересно..

Кассиан закатил глаза.

— Пожалуйста, давай ближе к делу, Амрен. Я голоден.

Мор поперхнулась вином. Внимание Амрен переключилось на воина, что сидел справа от нее. Азриэль, с другой стороны от нее, наблюдал за ними двумя очень внимательно.

— Никто сегодня не согрел твою кровать, Кассиан? Должно быть, это очень тяжело — быть иллирийцем и не иметь никаких мыслей в голове, кроме как о твоём любимом деле.

— Ты ведь знаешь, я всегда счастлив покувыркаться с тобой в простынях, Амрен, — ответил Кассиан, оставаясь совершенно невозмутимым силой ее серебряных глаз. Казалось, сила буквально исходила из каждой клетки ее тела. — Я знаю, тебе бы понравился иллирийский...

— Мириам, — сказал Рисанд, когда улыбка Амрен стала дьявольской, — и Дрэкон отлично поживают, насколько мне известно. И что именно кажется тебе таким интересным?

Амрен слегка наклонила голову в мою сторону, изучая. Я постаралась не дрожать под ее взглядом.

— Лишь однажды человек был Обращен в бессмертного. Интересно то, что это произошло именно тогда, когда все древние игроки снова вернулись. Но Мириам подарили долгую жизнь — не новое тело. А ты, девочка... — она снова принялась, и я почувствовала себя голой и уязвимой. Удивление осветило глаза Амрен. Рис кивнул. Что бы это ни означало. Я уже чувствовала себя уставшей. Уставшей от постоянных суждений и оценок.

— Вся твоя кровь, твои вены и кости были созданы заново. Смертная душа в бессмертном теле.

— Я голодна, — сказала Мор, слегка толкнув меня бедром. Она щелкнула пальцами, и перед нами появились тарелки, наполненные жареной курицей, овощами и хлебом. Просто... но элегантно. Без лишних формальностей. Наверное, свитер и брюки не были бы так уж неуместны к такому ужину.

— Амрен и Рис могут разговаривать ночами напролет и до смерти нам надоедят, так что не надо ждать пока они приступят к еде, — она поднесла вилку ко рту, слегка касаясь ею языка. — Я спрашивала Риса можно ли мне пригласить тебя на ужин, лишь мы вдвоем, но он сказал, что ты не захочешь. Но только честно — ты бы лучше предпочла провести время с этими двумя древними занудами или со мной?

— Для кого-то одного со мной возраста, — растягивая слова произнес Рис, — ты кажется забываешься.

— Все хотят говорить-говорит-говорить, — сказала Мор, бросая предупреждающий взгляд на Кассиана, который действительно открыл было рот. — Разве мы не можем покушать-покушать-покушать, а *потом* поговорить?

Интересный баланс между пугающей Второй Риса и его обезоруживающе жизнерадостной Третьей. Если статус Мор был выше, чем у двоих воинов за столом, то должна была быть еще какая-то причина, скрывающаяся за этим дерзким очарованием. Какая-то сила, которая позволит ей вступить в схватку с Амрен, про которую упоминал Рис, и не пострадать при этом.

Азриэль тихо хмыкнул в сторону Мор, но взял свою вилку. Я последовала его примеру, выжидая пока он съест кусочек перед тем, как сделать так же. Просто на всякий случай.

Вкусно. Так вкусно. А вино...

Я даже не поняла, что Мор наполнила мой бокал вином до того, как уже сделала первый глоток, и она чокнулась бокалами со мной.

— Не позволяй этим нахалам командовать собой.

— Чья бы корова мычала, — прокомментировал Кассиан. Затем он хмуро посмотрел на Амрен, которая едва коснулась своей тарелки. — Я всегда забываю, насколько это странно.

Он бесцеремонно взял ее тарелку, вываливая половину ее содержимого на свою, а потом передал остальное Азриэлю.

— Я неустанно повторяю ему спрашивать перед тем, как делать это, — сказал Азриэль Амрен, кладя еду на свою тарелку.

Амрен щелкнула пальцами, и пустая тарелка исчезла из покрытых шрамами руках Азриэля.

— Если ты, мальчик, не смог научить его этому после стольких столетий, тогда я не думаю, что у тебя это вообще выйдет.

Она отложила серебро на освободившееся пустое место перед собой.

— Ты не ешь? — спросила ее я. Первые мои слова с того момента как я села.

Зубы Амрен были ослепительно белыми.

— Не такого рода пищу.

— Свари меня Котел, — сказала Мор, делая глоток вина. — Мы можем *не* начинать?

Я решила, что мне также не хочется знать, что за пищу ела Амрен.

Рис фыркнул от смеха рядом со мной. — Напомни мне устраивать семейные посиделки почаще.

Семейные посиделки, а не официальное собрание членов Двора. И сегодняшний вечер... может они не знали, что я находилась здесь только потому, что должна была решить, хочу ли я работать с Рисом, а может просто не желали притворяться кем-то, кем они не являлись. Они, без всяких сомнений, надели то, что им нравилось. У меня возникло чувство, что явись я сюда в ночной сорочке — им было бы все равно. Действительно, уникальная команда. А против Хайберна... Кем они будут, что они могли сделать как союзники или противники?

Казалось, вокруг Азриэля пульсировал кокон всепоглощающей тишины даже тогда, когда другие принялись за еду. Когда он сделал глоток вина, я снова бросила взгляд на голубой камень овальной формы на его перчатке. Азриэль заметил мой взгляд, быстрый, каким он всегда и был — у меня было такое чувство, будто он подмечал и запоминал все мои движения, слова и вдохи. Он поднял руки, показывая мне задние части перчаток, так, что оба камня оказались полностью в поле моего зрения.

— Это Сифоны. Они концентрируют и направляют нашу силу в битве.

Только он и Кассиан носили их.

Рис отложил свою вилку и пояснил мне:

— Сила самых могущественных иллирийцев похожа на «поджигаем сейчас, задаем вопросы потом». Помимо этого, у них не так много магических сил — лишь сила убийства.

— Дар жестоких разжигателей войн, — добавила Амрен. Азриэль кивнул, тени кольцом обвили его шею, его запястья. Кассиан внимательно посмотрел на него, его лицо напряглось, но Азриэль проигнорировал это.

Несмотря на то, что я знала — Рис был в курсе каждого взгляда между главным шпионом и командующим его армией, он продолжил:

— Иллирийцы накапливают силу, чтобы иметь преимущество в битвах. Сифоны собирают чистую энергию и позволяют Кассиану и Азриэлю превращать ее в нечто более тонкое и разнообразное — в щиты и оружие, стрелы и копья. Представь себе разницу между ведром краски, чье содержимое выливается на стену и использованием кисточки. Сифоны

делают магию более проворной, точной на поле боя — тогда как его природная сила стремится к чему-то более грязному, неотшлифованному и потенциально опасному, особенно когда вы сражаетесь в ограниченном пространстве.

Мне стало интересно, как много раз в этом была потребность. И из-за этого ли эти шрамы на руках Азриэля.

Кассиан размял пальцы, любуясь ярко алыми камнями, что украшали тыльную сторону его широких рук.

— А еще они потрясно смотрятся.

— Иллирийцы, — пробормотала Амрен.

Кассиан обнажил зубы в звериной улыбке и сделал глоток вина.

Познакомиться с ними поближе, представить каково это — работать с ними, полагаться на них, если конфликт с Хайберном все же разразится... Я собралась с силами, чтобы спросить что-нибудь, но лишь когда тени вокруг Азриэля снова исчезли, я задала вопрос:

— Как ты... Я имею в виду, как ты и Лорд Кассиан...

Кассиан прыснул вином через весь стол, заставляя Мор вскочить и обрушить на него ряд проклятий. Она достала салфетку, чтобы промокнуть свое платье.

Но Кассиан громко хохотал, а на лице Азриэля появилась слабая, осторожная улыбка, когда Мор взмахнула рукой над своим платьем и пятна вина появились на военном облачении Кассиана — или, наверное, как я поняла, кожаном костюме для полетов. Мои щеки обдало жаром. Какой-то протокол Двора, который я неосознанно нарушила и...

— Кассиан, — растягивая слова, произнес Рис — не Лорд. Хотя я уверен, что он оценил, какого ты о нем мнения.

Он изучал свой Внутренний Круг.

— Так как мы затронули эту тему, то и ни Азриэль, ни Амрен. Они не Лорды или Леди. Лишь Мор, веришь ты мне или нет, единственный чистокровный и титулованный человек в этой комнате.

Не он? Должно быть, Рис прочитал вопрос на моем лице, потому что пояснил:

— Я иллириец лишь наполовину. Все равно что бастард для волнующихся о чистоте своей крови Высших Фэ.

— Так значит вы — вы трое не Высшие Фэ? — спросила я его и двух других мужчин.

Кассиан закончил смеяться.

— Иллирийцы определенно не Высшие Фэ. И я этому рад.

Он заправил черный локон за ухо — оно было закругленным; раньше и мое было таким. — Но мы и не низшие фейри, хотя некоторые зовут нас так. Мы просто иллирийцы. Легко пускаемая в расход воздушная кавалерия Ночного Двора в лучшие времена, безмозглые солдаты-пушечное мясо в худшие.

— И это большую часть времени, — уточнил Азриэль. Я не посмела спросить, были ли эти тени тоже частью жизни иллирийца.

— Я не видела вас Под Горой, — вместо этого сказала я. Я должна была знать, без тени сомнений, были ли они там, видели ли меня — это повлияло бы на нашу работу с ними.

Тишина. Никто из них, даже Амрен, не взглянули на Рисанда.

— Потому что никого из нас там не было, — сказала Мор.

Лицо Рисанда обратилось в холодную маску.

— Амаранта не знала о их существовании. И если кто-то пытался рассказать ей, они не были в состоянии сделать это, так как сразу лишались своего рассудка.

Дрожь прошла по моему позвоночнику. Не холодный убийца, но — но ...

— Ты действительно держал этот город и этих людей спрятанными от нее на протяжении пятидесяти лет?

Кассиан смотрел на свою тарелку в упор, словно он вот-вот бы готов вырваться из своей кожи.

— Мы продолжим охранять этот город и скрывать людей от наших врагов намного больше, — сказала Амрен.

Это не было ответом.

Когда он был узником Под Горой, Рис не надеялся снова их увидеть. Хотя он, каким-то образом, держал их в безопасности.

И это убивало их всех — четырех людей за столом. Их убивало, все что он сделал, однако этого уже было не изменить. Даже Амрен.

Наверное, не только из-за того, что Рис терпел Амаранту в то время, как они были здесь. Наверное, также из-за всех тех, кто был брошен за пределами города. Наверное, выбрать один город, одно место с целью защитить было лучше, чем ничего. Наверное... наверное, это успокаивало его, ведь в Прифиане было место, которое осталось нетронутым. Незапятнанным.

Когда Мор объясняла мне, ее голос был слегка резок, а золотые гребни сияли на свету.

— Нет ни одного человек в этом городе, который не знал бы, что происходило снаружи, за пределами этого города. И какой была цена.

Я не хотела спрашивать, какой же она была. Тяжелое молчание, пропитанное болью, достаточно сказало мне об этом.

Если они все еще могли жить несмотря на свою боль, все еще могли смеяться... Я прочистила горло, выпрямляясь, и сказала Азриэлю, чьи тени казались самыми безопасным, но вряд ли они таковым являлись:

— Как вы познакомились? — безобидный вопрос, чтобы прочувствовать их, узнать кем они были. Ведь так?

Азриэль просто повернулся к Кассиану, который смотрел на Риса с виной и любовью на своем лице, такой глубокой и отчаянной, что какой-то осколок бывшего инстинкта почти заставил меня наклониться через стол и взять его за руку.

Но Кассиан, казалось, все еще переваривал то, что я у него спросила и молчаливую просьбу его друзей рассказать эту историю самому. На его лице появилась усмешка.

— Мы все ненавидели друг друга с начала.

В глазах сидящего рядом со мной Риса померкнул свет. То, что я спросила об Амаранте, какие ужасы я заставила его вспомнить...

Признание за признание — я думала, что он сделал это ради меня. Быть может ему хотелось, чтобы его выслушали, но он *не мог* рассказать этим людям, не причинив им при этом боль и не вызвав вину.

Кассиан продолжил, отвлекая мое внимание от притихшего Высшего Лорда справа от меня.

— Мы бастарды, как ты уже знаешь. Иллирийцы... Мы любим наших людей и наши традиции, но они живут в кланах и лагерях глубоко в горах на Севере, и они не любят чужаков. Особенно Высших Фэ, которые пытаются диктовать им, что делать. Но, в то же время, они помешаны на происхождении, среди них также есть свои собственные принцы и лорды. И если ты думаешь, что всю ненависть получает бастард Лорда, тогда ты себе

представить не можешь, как ненавистен бастард прачки из военного лагеря и война, которого она не могла или не хотела помнить.

Его естественное пожатие плечами не соответствовало ненависти в его ореховых глазах.

— Когда отец и мать Аза поняли, что их сын говорящий с тенями, они отправили его тренироваться в лагерь.

Говорящий с тенями. Да... название, чтобы они не значило, подходило ему.

— Как и дэмат, — сказал мне Рис, — говорящие с тенями очень редки и желанны дворами и территориями во всем мире из-за их скрытности и предрасположенности слышать и чувствовать вещи, которые другие не могут.

Наверное, эти тени действительно шептали ему что-то. Лицо Азриэля ничего не выражало.

— Лорд в лагере чуть не наделал в штаны от радости, когда Аза оставили в нашем лагере. Но я... когда мать отняла меня от груди, и я научился ходить, они отнесли меня в далекий лагерь и швырнули в болото, чтобы увидеть, выживу я или умру.

— С их стороны было бы умнее сбросить тебя с обрыва, — сказала, хмыкнув Мор.

— О, определенно, — ответил Кассиан, и его ухмылка стала острой как лезвие. — Особенно, когда я был стал взрослым и достаточно сильным, чтобы вернуться в лагерь, в котором родился, и узнаит, что эти ублюдки заставляли мою мать работать до самой ее смерти.

Снова тишина — на этот раз она была другой. Напряжение и кипящая ярость команды, что вытерпела и пережила столько всего ... и остро чувствовала боль друг друга.

— Иллирийцы, — Рис мягко вмешался, свет наконец-то вернулся в его взгляд, — несравненные воины, богатые историей и традициями. Но также они жестокие и нецивилизованные, особенно в отношении того, как они обращаются со своими женщинами.

Глаза Азриэля потухли, он смотрел на стену из окон позади меня.

— Они варвары, — сказала Амрен, и ни один иллириец ей не возразил. Мор кивнула, подтверждая. Заметив состояние Азриэля, она прикусила губу. — Они калечат своих женщин, чтобы удержать их для рождения еще более безупречных воинов.

Рис поморщился.

— Моя мать была низкого происхождения, — сказал он мне, — и работала швеей в одном из многочисленных иллирийских военных лагерей в горах. Когда женщины в лагерях достигают брачного возраста — когда у них случается первое кровотечение — их крылья... обрезают. Просто надрез в нужном месте, оставленный неправильному лечению, может искалечить навсегда. А моя мама — она была доброй и свободолюбивой, и обожала летать. Она сделала все, что могла, чтобы задержать свое созревание. Морила себя голодом, собирала запрещенные травы — все, чтобы остановить естественный ход развития тела. Ей исполнилось восемнадцать, и она все еще не созрела, к ужасу ее родителей. Но, наконец, у нее началось первое кровотечение, но ей не повезло оказаться в неправильном месте и в неправильное время — один из мужчин учуял ее запах и доложил начальнику лагеря. Она попыталась сбежать — взмыть в небо. Но она была молода, воины были быстрее и притащили ее обратно. Они уже собирались привязать ее к столбам в центре лагеря, когда появился, рассеявшись, мой отец — он прибыл на встречу с начальником лагеря, чтобы обсудить подготовку к Войне. Он увидел мою мать, брыкающуюся и дерущуюся, словно дикая кошка, и... — он сглотнул. — Между ними возникла связь души. Один взгляд на нее, и он знал, что она та самая.

* * *

Он расплыл охранников, державших ее.

Мои брови поднялись.

— Расплыл?

Кассиан испустил злой смешок, когда Рис заставил дольку лимона, украшающую курицу, взмыть в воздух над столом. Щелчок пальцев, и от нее осталась только пахнущая цитрусом пыль.

— Сквозь кровавый дождь, — продолжил рассказывать Рис, я отогнала мысль о том, что произошло с телами, что *он* способен сделать, — моя мама посмотрела на него. И связь души установилась и для нее. В тот вечер мой отец забрал ее в Ночной Двор и сделал своей невестой. Она любила свой народ и сучала по ним, но никогда не забыла, что они пытались с ней сделать — что они делали со своими женщинами. Она пыталась в течение многих десятилетий добиться, чтобы мой отец запретил это, но пришла Война, и он не рискнул потерять иллирийцев, не когда они должны были возглавить его армию. И умереть за него.

— Настоящий подарок, твой отец, — проворчала Мор.

— По крайней мере, он любил тебя, — парировал Рис, затем пояснил мне:

— Мой отец и мать, несмотря на связь души, были неподходящей парой. Мой отец был холодным и расчетливым, иногда жестоким — таким он был обучен с рождения. Моя мать была мягкой и пылкой, ее любили все, кто ее встречал. Она возненавидела его через некоторое время — но не перестала быть благодарной, за то, что он спас ее крылья, что позволил ей летать, куда-бы и когда-бы она не пожелала. И когда родился я, и смог призывать иллирийские крылья по своему желанию... Она хотела, чтобы я узнал культуру своего народа.

— Она хотела спрятать тебя подальше от когтей твоего отца, — уточнила Мор, болтая вином в бокале, ее плечи расслабились, когда Азриэль наконец моргнул, и, казалось, прогнал то, что заставило его застыть.

— И это тоже, — добавил Рис сухо. — Когда мне исполнилось восемь лет, мама привела меня в один из иллирийских военных лагерей. Чтобы меня обучили, как учат всех иллирийских мужчин. И как все иллирийские матери, она вытолкнула меня на тренировочный ринг в первый день, и ушла не оглядываясь.

— Она бросила тебя? — услышала я свой вопрос.

— Нет, никогда, — отрезал Рис с такой яростью, которую я раньше слышала лишь несколько раз, один из которых был сегодня.

— Она тоже осталась жить в лагере. Но это считается позором для матери нянчиться с сыном, когда он идет тренироваться.

Мои брови поднялись, и Кассиан засмеялся.

— Нецивилизованные, как он и сказал, — прокомментировал воин.

— Мне было страшно до чертиков, — признался Рис без тени стыда. — Я учился владеть своей силой, но иллирийская магия была лишь малой ее частью. И это очень редко среди них — обычно ею владели только самые сильные, чистокровные воины. — Опять, я посмотрела на спящие Сифоны на руках воинов.

— В те годы я пытался использовать Сифоны, — сказал Рис. — И уничтожил с десяток до того, как понял, что они не подходят мне — камни не могли удержать ее. Моя сила течет

и оттачивается другими способами.

— Как трудно быть таким могущественным Высшим Лордом, — поддразнила Мор.

Рис закатил глаза.

— Лорд лагеря запретил мне пользоваться магией. Ради всех нас. Но когда я ступил на тот тренировочный ринг в тот день, я не имел никакого понятия как драться. Остальные мальчишки моего возраста сразу это поняли. Особенно один, взглянувший на меня и сразу избивший до полусмерти.

— Ты был таким *чистеньким*, — сказал Кассиан, покачивая головой. — Миленький полукровка, сын Высшего Лорда, каким роскошным ты был в своем новом тренировочном костюме!

— Кассиан, — сказал мне Азриэль таким голосом, будто сама тьма приобрела способность говорить, — на протяжении многих лет добывал новую одежду, ввязываясь в драки с другими мальчишками, где наградой была одежда с их спин.

В его голосе не было гордости — за жесткость его людей. Я не винила говорящего с тенями. Но *такое* отношение...

Кассиан, однако, усмехнулся. Но сейчас я смотрела на его широкие, сильные плечи, на свет в его глазах.

Я никогда не видела никого в Прифиане, кто когда-либо был голоден — так как когда-то я.

Кассиан моргнул, и взгляд которым он смотрел на меня, изменился — стал более оценивающим, более... искренним. Я могла поклясться, что видела слова в его глаза: *ты знаешь, каково это. Ты знаешь, какой от этого остается след.*

— В деревне я по два раза избил каждого мальчика нашего возраста, — продолжил Кассиан. — Но затем появился Рис, в его чистой одежде, и он пах ... по-другому. Как истинный соперник. Поэтому я атаковал. За нашу драку мы оба получили по три удара плетью.

Я вздрогнула. Бить детей...

— Они делают и похуже, девочка, — вмешалась Амрен, — в этих лагерях. Три удара плетью у них сродни подстрекательству затеять драку снова. Когда они делают что-то действительно плохое, им ломают кости. Постоянно. На протяжении многих недель.

— Твоя мать добровольно отправила тебя туда? — спросила я. Действительно «мягкая и добрая».

— Моя мать не хотела, чтобы я полагался только на свою силу, — сказал Рис. — С того момента как она забеременела, она знала, что на меня будут охотиться всю мою жизнь. Если моя сила подведет меня, она хотела, чтобы меня спасли мои другие сильные стороны. Образованность была еще одним оружием — вот почему она пошла со мной: чтобы заниматься со мной после того, как заканчивались уроки. И когда в первую ночь она забрала меня в наш новый дом на окраине лагеря, она заставила меня читать у окна. Именно там я и увидел Кассиана, тащившегося по грязи в сторону нескольких ветхих палаток за пределами лагеря. Я спросил ее, куда он идет, и она сказала мне, что бастардам ничего не дают: они сами ищут собственный кров и еду. Если они выживают и проходят отбор в военные группировки, они вечно буду занимать самые низкие должности, но получают свои собственные палатки и припасы. Но до тех пор, он останется на холоде.

— Те горы, — добавил Азриэль, его лицо было твердым как лед, — они намного суровее, чем ты можешь себе представить.

Я провела достаточно времени в морозном лесу, чтобы понять это.

— После моих уроков, — продолжил Рис, — моя мать промыла мои раны, и когда она это сделала, я впервые осознал, что значит быть в тепле, безопасности и окруженным заботой. И это было не правильно.

— Вероятно, нет, — сказал Кассиан. — Потому что посреди ночи этот маленький ублюдок разбудил меня в моей скромной палатке и сказал держать рот на замке и следовать за ним. И может холод сделал меня глупцом, но я повиновался. Его мать была *очень сердита*. Но я никогда не забуду взгляд на ее прекрасном лице, когда она посмотрела меня и сказала: «*Здесь есть ванна с горячей водой. Полезай в нее или можешь возвращаться в холод*». Будучи умным малым, я подчинился. Когда я вышел, она вручила мне чистую пижаму и велела ложиться спать. Я провел всю свою жизнь, спав на земле, и когда я отказался, она сказала, что понимает меня, потому что однажды она тоже прошла через это, и мне сначала покажется, что кровать проглотит меня, но она будет моей столько, сколько я захочу.

— И после этого вы стали друзьями?

— Нет, Котел, нет, — сказал Рисанд. — Мы ненавидели друг друга, но вели себя хорошо только потому, что если один из нас нарывался на неприятности или провоцировал другого, тогда мы оба оставались без ужина. Вскоре моя мать начала обучать и Кассиана, но мы решили стать союзниками лишь после того, как появился Азриэль.

Улыбка Кассиана стала шире, когда он потянулся через Амрен, чтобы похлопать своего друга по плечу. Азриэль вздохнул — звук величайшего страдания. Самое теплое выражение на его лице за все время. — Новенький бастард в лагере — нетренированный говорящий с тенями — идеальная мишень для пинков. Не говоря уже о том, что он не мог даже *летать* из-за...

— Не отклоняйся от темы, Кассиан, — лениво вмешалась Мор.

И ведь действительно, вся теплота испарилась с лица Азриэля. Но я переступила через своё любопытство, и Кассиан снова пожал плечами, не обращая внимания на тишину, которая казалось лилась со всех сторон от говорящего с тенями.

Однако Мор увидела это, даже когда Азриэль не удосужился признать ее обеспокоенный взгляд. Она продолжала смотреть на его руку, словно собираясь коснуться ее, но передумала.

— Рис и я превратили его жизнь в сущий ад, был он говорящим с тенями или нет. Но мать Риса была знакома с матерью Аза, поэтому она забрала и его к себе. Когда мы подросли, то поняли, что все вокруг так сильно ненавидели нас, что у нас будет больше шансов на выживание, если мы будем держаться вместе.

* * *

У тебя есть какие-нибудь способности? — спросила я его. — Как у них? — я кивнула подбородком в сторону Азриэля и Риса.

— Взрывной характер не в счет, — подсказала Мор, когда Кассиан открыл рот.

Он ухмыльнулся ей так, что я поняла — быть беде, но он ответил мне:

— Нет. У меня таких нет, не считая убойной силы. Бастард, рожденный никем, до мозга костей.

Рис подался вперед, намереваясь оспорить, но Кассиан перебил его:

— Пусть так, другие мужчины знали, что мы отличались от остальных. И не только потому, что мы были два бастарда и один полукровка. Мы были сильнее, быстрее, и один лишь Котел знал почему, но мы были разделены, и по его воле нашли друг друга. Мать Риса тоже видела это. В особенности, когда мы достигли совершеннолетия, и все, что нам хотелось делать — это трахаться и драться.

— Мужчины ужасные существа, правда? — заметила Амрен.

— Омерзительные, — сказала Мор, цокнув языком.

Какая-то выжившая, крохотная часть моего сердца хотела... от души рассмеяться.

Кассиан пожал плечами.

— Сила Риса росла с каждым днем и все, включая лордов лагеря знали, что он сможет распылить их, если захочет. А мы двое... мы не отставали. — Он постучал по алому Сифону пальцем. — Иллириец-бастард никогда не получал ни одного из них. Никогда. Но их вручили мне и Азу, хоть и с неохотой, и каждый воин в каждом лагере по ту сторону гор оценивал нас. Лишь чистокровные придурки получали Сифоны — рожденные и вскормленные ради одной цели — убивать. Они все еще не спят по ночам, ломая голову, откуда, черт возьми, мы их взяли.

— Затем пришла Война, — продолжил Азриэль. То, как он говорил, заставило меня выпрямиться. Слушать. — И отец Рисанда посетил наш лагерь, чтобы посмотреть, как поживает его сын спустя двадцать лет.

— Мой отец, — сказал Рис, болтая вином, один раз, другой, — увидел, что его сын не только начал соперничать с ним за власть, но и объединился с возможно двумя самыми смертоносными иллирийцами в истории. Он вбил себе в голову, что если нам дать легион в этой Войне, то мы легко сможем обратить его против него самого.

Кассиан хихикнул.

— Поэтому этот ублюдок разделил нас. Он отдал Рису под командование легион иллирийцев, которые ненавидели его за то, что он был полукровкой, а меня зашвырнули в другой легион как обычного пехотинца, даже учитывая, что моя сила превосходила любого из военных лидеров. Аза он держал у себя как личного говорящего с тенями, по большей части для шпионажа и грязной работы. Мы все встречались лишь на полях сражений в течение всех семи лет, что бушевала Война. Рассылали списки раненых и убитых среди иллирийцев, и я читал каждое из них, боясь увидеть их имена. Но затем Рис был схвачен...

— *Это* история для другого раза, — сказал Рис так резко, что даже Кассиан поднял брови, но затем кивнул.

Фиолетовые глаза Риса встретились с моими, и я задумалась, мерцал ли в них настоящий звездный свет, когда он говорил.

— Когда я стал Высшим Лордом, я сделал этих четырех своим Внутренним Кругом и сказал старому двору моего отца, что если у них были какие-то проблемы с моими друзьями — они могут уйти. Все так и сделали. Оказывается, что худшее, что мог сделать Высший Лорд-полукровка — это назначить двух женщин и двух иллирийских бастардов.

В какой-то степени, все равно, что смертных.

— Что... что произошло с ними потом?

Рис пожал плечами, эти великолепные крылья всколыхнулись от его движения.

— Знать Ночного Двора разделилась на три категории: те, кто ненавидел меня так сильно, что когда Амаранта пришла к власти, они примкнули к ее двору и вскоре оказались мертвы; те, кто ненавидели меня достаточно, чтобы попытаться свергнуть меня, но и они

встретились с последствиями; и те, кто ненавидели меня, но не были глупцами, и с тех пор терпят правление полукровки, особенно, когда оно так редко пересекается с их жалкими жизнями.

— Они... это они живут под горой?

Кивок.

— Да, в Вытесанном Городе. Я отдал им его, потому что они поступили мудро. Они счастливы оставаться там, редко покидая город и имея самоуправление, и продолжают злодействовать столько, сколько захотят, целую вечность.

Это был тот двор, что он должно быть показал Амаранте, когда она впервые появилась — и его безнравственность ей невероятно понравилась, ведь свой собственный двор она создала по его образу и подобию.

— Двор Кошмаров, — сказала Мор, скрипнув зубами.

— А это что за Двор? — спросила я, махнув рукой вокруг. Самый важный вопрос.

Когда Кассиан ответил, его глаза просветлели и стали такими же яркими, как и Сифоны.

— Это Двор Грез.

Двор Грез — грез Высшего Лорда-полукровки, двух воинов-бастардов, и... двух женщин.

— А вы двое? — обратилась я к Мор и Амрен.

— Рис предложил мне стать его Второй. Никто никогда не просил меня раньше, поэтому я согласилась, чтобы понять какво это. Мне понравилось, — только и сказала Амрен.

Мор откинулась в своем кресле, Азриэль наблюдал за каждым ее движением с едва уловимым, но неослабевающим вниманием.

— Я была мечтателем, рожденным во Дворе Кошмаров, — сказала Мор. Она наматывала кудряшку вокруг пальца, и я подумала, что ее история могла оказаться самой ужасной из всех, когда она просто сказала: — Поэтому я сбежала.

— А какова твоя история? — спросил Кассиан, кивнув мне подбородком.

Я полагала, что Рисанд им все рассказал. Рис лишь пожал плечами.

Поэтому я выпрямилась.

— Я родилась в богатой семье торговцев. У меня были две старшие сестры и родители, которых волновали только их деньги и социальное положение. Моя мать умерла, когда мне было восемь; мой отец потерял все своё состояние спустя три года. Он продал оставшееся, чтобы выплатить долги, мы переехали в хижину, и он не удосужился найти работу, оставляя нас голодать на протяжении многих лет. Мне было четырнадцать, когда с последними деньгами закончилась и еда. Он не работал — не мог, потому что явились кредиторы и раздробили ему ногу прямо на наших глазах. Поэтому я пошла в лес, и научилась охотиться. И я не позволяла нам всем умереть, даже когда голодная смерть стояла на нашем пороге, все пять лет. До того, как... все произошло.

Они снова затихли. Взгляд Азриэля был теперь задумчив. Он не рассказал свою историю. И рассказывал ли когда-нибудь? Или же они никогда не обсуждали эти ожоги на его руках? И что тени шепчут ему — и говорят ли они с ним на каком-либо языке?

— Ты научилась охотиться. Как насчет умения сражаться? — спросил Кассиан.

Я покачала головой. Кассиан оперся руками о стол.

— Тебе повезло, ты только что нашла себе учителя.

Я открыла было рот, протестуя, но... мать Рисанда подарила ему целый арсенал оружия, которым он мог воспользоваться, если бы другие силы подвели его. А что было у меня кроме хорошей стрельбы из лука и чистого упрямства? И если у меня есть эта новая сила — эти *другие* силы...

Я больше не буду слабой. Я не буду ни от кого зависеть. Я никогда больше не потерплю прикосновения Аттора, как тогда, когда он тащил меня, и все потому, что я была беззащитной и не знала куда и как бить. Больше никогда.

Но то, что сказали Ианта и Тамлин...

— Не будет ли это дурным знаком, если люди увидят, как я учусь драться и пользоваться оружием?

В тот момент, когда эти слова прозвучали, я поняла всю их глупость. Глупость... того, чем мне затыкали рот все последние месяцы.

Тишина. Затем Мор сказала мне с легкой злобой, которая дала мне понять, что Третья Высшего Лорда прошла собственную подготовку в Дворе Кошмаров.

— Позволь мне сказать тебе две вещи. Потому что я была когда-то в такой же ситуации.

И снова это объединяющая всех злость, боль пульсировала между ними всеми, за исключением Амрен, которая посмотрела на меня взглядом полным неприязни.

— Первое, — сказала Мор. — Ты покинула Весенний Двор. — Я постаралась не позволить этим словами задавить меня своей тяжестью. — Если это уже не знак сам по себе, плохой или хороший, тогда и твои тренировки ничего не изменят. Второе, — продолжила она, положив ладони на стол. — Когда-то я жила в месте, где мнение остальных было очень важным. Это душило меня и практически уничтожило. Поэтому я понимаю тебя, Фейра, когда говорю: я понимаю, что ты чувствуешь, я знаю, что они пытались сделать с тобой, и, набравшись достаточно храбрости, ты можешь послать их всех к черту со своей репутацией, — ее голос смягчился, и вместе с этим напряжение между ними всеми улетучилось. — Делай то, что ты любишь, то, что тебе нужно.

Мор не стала бы говорить мне, что носить, а что нет. Она бы не позволила мне оставаться в стороне в то время, как она говорит вместо меня. Она бы не... не сделала ни одну из тех вещей, что я так охотно и отчаянно позволяла делать Ианте.

У меня раньше никогда не было подруги. Ианта... она ею не была. Не в том смысле, который бы имел значение. А Неста и Элейн, в те недели, что я была дома еще до Амаранты, они начали играть эту роль, но... но смотря на Мор, я не могла это объяснить, не могла понять, но... я чувствовала это. Как будто я действительно могла пойти на ужин с ней. Поговорить с ней.

Не то, чтобы у меня было что-то, что я могла предложить ей взамен.

Но то, что она сказала... что они все сказали... Да, Рис поступил очень мудро, приведя меня сюда. Позволив мне решить самой, смогу ли я с ними ужиться — с их поддразниваниями, напряженностью и мощью. *Захочу* ли быть частью этой группы, которая, вероятное всего, будет давить на меня, потрясет меня и, возможно, напугает, но... если все они желают восстать против Хайберна, после того как уже сражались с ним пять столетий назад...

Я встретилась взглядом с Кассианом. И хотя его глаза сверкали, в них не было ни тени веселья.

— Я подумаю над этим.

Через связь на моей руке, я могла поклясться, что почувствовала проблеск приятного

удивления. Я проверила свои ментальные щиты — они были не тронуты. И спокойное лицо Рисанда ничего не выражало.

Поэтому я четко и уверенно сказала ему:

— Я принимаю твоё предложение — работать с тобой. Чтобы заработать себе на жизнь. И помочь с Хайберном всем, чем смогу.

— Хорошо, — только и ответил Рис. Даже когда брови остальных взметнулись вверх. Да, судя по всему, они не знали, что это отчасти было своеобразным интервью. — Потому мы начинаем с завтрашнего дня.

— Где? И как? — бессвязно пробормотала я.

Рис переплел пальцы и положил их на стол, и я поняла, что помимо моего решения, у этого ужина была ещё одна цель.

— Потому что Король Хайберна действительно готов вот-вот развязать войну и хочет воскресить Юриана, чтобы сделать это, — объявил он нам всем.

Юриан — древний воин, чью душу Амаранта заключила внутри того отвратительного кольца в качестве наказания за убийство её сестры. Вместе с его глазом...

— Бред собачий, — выпалил Кассиан. — Это невозможно!

Амрен замерла, и именно за ней оценивающе наблюдал Азриэль.

«Амаранта была лишь началом», — однажды сказал мне Рис. Знал ли он это даже тогда? Были ли все те месяцы Под Горой только прелюдией ада, который надвигался на нас? Воскресить мертвеца. Что за страшная сила...

— Но зачем королю воскрешать Юриана? Он был таким гнусным. Все, что ему нравилось делать, это говорить о себе, — простонала Мор.

Возраст этих людей, словно кирпич, ударил по мне, несмотря на все то, что они рассказали мне ранее. Та Война ... они все ... они все сражались на Войне пятьсот лет назад.

— Это я и хочу выяснить, — сказал Рисанд. — И как король намеревается это сделать.

— До него дойдут слухи о Перерождении Фейры. Он знает, что это возможно — воскресить мертвого, — наконец сказала Амрен.

Я заерзала на месте. Я ожидала жестоких армий, кровопролитных сражений. Но это...

— Все семь Высших Лордов должны согласиться на это, — парировала Мор. — Нет ни единого шанса, что это произойдет. Он пойдет другим путем.

Её глаза сузились в щелки, когда она посмотрела на Риса. — Все та бойня — те массовые убийства в храмах... Ты думаешь, они связаны?

— Ты знаешь, что одно вытекает из другого. Я не хотел говорить тебе, не будучи в этом уверенным. Но Азриэль подтвердил, что они совершили налет на мемориал в Сангравах три дня назад. Они ищут что-то... или уже нашли.

Азриэль кивнул в знак подтверждения, даже когда Мор бросила на него удивленный взгляд. В ответ Азриэль виновато пожал плечами.

Я выдохнула:

— Вот... вот почему кольцо и палец исчезли после того, как Амаранта умерла. Из-за этого. Но кто... — во рту стало сухо. — Они ведь так и не поймали Аттора, не так ли?

— Нет. Нет, не поймали, — слишком тихо сказал Рис.

В моем желудке пища обратилась в свинец.

— Как можно взять глаз и палец и снова сделать из этого человека? И как нам остановить это? — спросил он Амрен.

Амрен нахмурилась, глядя на свое нетронутое вино.

— Ты уже знаешь как найти ответ. Иди в Тюрьму. Поговори с Костерезом.

— Дерьмо, — одновременно сказали Мор и Кассиан.

— Может быть, у тебя это получилось бы лучше, Амрен, — негромко сказал Рис.

Я была благодарна за стол, что отделял нас от нее.

— Ноги моей не будет в Тюрьме, Рисанд, и ты это знаешь! Поэтому иди сам, или пошли кого-нибудь из своих псов, — прошипела Амрен.

Кассиан ухмыльнулся, обнажая белые прямые зубы — идеальны для укуса. Амрен щелкнула зубами в ответ.

Азриэль лишь покачал головой.

— Я пойду. Тюремная стража знает меня — что я такое.

Мне стало любопытно, обычным ли было делом для говорящего с тенями первым бросаться навстречу опасности. Пальцы Мор замерли на ножке бокала, ее глаза сузились на Амрен. Драгоценности, красное платье — вероятно все для того, чтобы приглушить какую-то темную силу, текущую по ее венам..

— Если кто и пойдет в Тюрьму, — сказал Рис прежде, чем Мор открыла рот, — это я. И Фейра.

— Что? — потребовала Мор, ладони ровно лежали на столе.

— Он не будет говорить с Рисом, — пояснила Амрен другим, — или с Азриэлем. Или с любым из нас. У нас нет ничего, что мы могли бы ему предложить. Но бессмертная со смертной душой... — она посмотрела на мою грудь, словно могла видеть бьющееся внутри сердце... И я снова подумала о том, что она ест. — Костерез может и правда захочет поговорить с ней.

Они взглянули на меня. Словно ждали, что я начну умолять не идти, свернусь в клубочек и съёжусь. Быстрая, жестокая проверка, чтобы увидеть, хотели ли они сами работать со мной, предположила я.

Но Костерез, нага, Аттор, Суриэль, Богги и Мидденгардский Червь... Быть может, они сломали во мне ту часть, что действительно боялась. Или, возможно, страх был теперь единственным, что я ощущала во сне.

— Твой выбор, Фейра, — небрежно сказал Рис.

Увильнуть и скорбеть или встретиться с неизвестным ужасом — выбор был прост.

— Насколько плохо это может быть? — был мой ответ.

— Очень плохо, — сказал Кассиан.

Никто из них не потрудился возразить.

Юриан.

Имя звучало в моей голове даже после того, как мы закончили ужин, после того, как Мор и Кассиан, и Азриэль, и Амрен перестали спорить и рычать о том, кто, где и что будет делать завтра, в то время как мы с Рисом отправимся в Тюрьму — чем бы она ни была.

Рис отнес меня обратно в город по воздуху, ныряя во тьму и свет огней. Я быстро обнаружила, что предпочитаю подъем спуску, и не могла заставить себя смотреть вокруг слишком долго — появлялось ощущение, что мой ужин вот-вот покинет меня. Не страх — всего лишь реакция моего тела.

Мы летели молча, единственный звук — свист зимнего ветра, однако, кокон тепла Риса защищал меня, не давая замерзнуть полностью. Только когда музыка на улицах поприветствовала нас, я взглянула на его лицо — черты лица нечитаемые — он сосредоточился на полете.

— Сегодня я снова почувствовала тебя. Через связь. Я прошла через твои щиты?

— Нет, — ответил он, оглядывая мощные улицы внизу. — Эта связь... живая. Открытый канал между нами, созданный моими силами, созданный... для того, что тебе было нужно, когда мы заключали сделку.

— Мне было нужно не умереть, когда я соглашалась.

— Тебе было нужно не быть одной.

Наши глаза встретились. Было слишком темно, чтобы прочитать все, что таилось в его глазах. Я первой отвела взгляд.

— Я все еще учусь, как и почему мы иногда можем чувствовать то, что другой не хочет, чтобы мы знали, — признался он. — Поэтому у меня нет объяснения тому, что ты почувствовала сегодня.

«Тебе было нужно не быть одной»...

Но что же он сам? Пятьдесят лет он был отделен от своих друзей, семьи...

Я сказала:

— Ты позволил Амаранте и всему миру думать, что ты правишь Двором Кошмаров и наслаждаешься этим. Но это все прикрытие — чтобы сохранить самое важное.

Городские огни золотили его лицо.

— Я люблю свой народ и свою семью. Не думай, что я не стал бы чудовищем, чтобы их защитить.

— Ты уже стал им Под горой, — слова вырвались прежде, чем я смогла их остановить.

Ветер шелестел в его волосах.

— И я подозреваю, что мне скоро придется сделать это вновь.

— Какова цена? — я осмелилась спросить, — чтобы сохранить это место тайным и свободным?

Он устремился прямо вниз — крылья бьют, чтобы держать нас прямо — и мы приземлились на крыше его городского дома. Я хотела сделать шаг назад, но он схватил меня за подбородок.

— Ты уже знаешь ее.

Шлюха Амаранты.

Он кивнул, и я подумала, что, наверное, сказала эти два мерзких слова вслух.

— Когда она обманом лишила меня силы, оставив лишь жалкие объедки, этого все равно было больше, чем у других. И я решил использовать их для того, чтобы проникнуть в сознание каждого пойманного ею жителя Ночного Двора, а также любого, кто мог знать правду. Я создал паутину, соединяющую их всех, контролируя их разум каждую секунду каждого дня, каждое десятилетие, чтобы они забыли о Веларисе, забыли о Мор, и Амрен, и Кассиане, и Азриэле. Амаранта хотела узнать, кто был близок ко мне — кого убивать и пытаться. Но мой настоящий двор был здесь, управляя этим городом и всем остальным. И я использовал остаток моих сил, чтобы скрыть их всех от взгляда и слуха. Меня бы хватило только на один город — одно место. Я выбрал тот, что уже был спрятан из истории. Я выбрал, и теперь должен жить с последствиями, зная, что еще оставались за пределами те, кто страдал. Но для тех, кто был здесь... любой, кто пролетал или проходил рядом с Веларисом, не увидел бы ничего, кроме голого камня, и, даже если бы он попытался пройти через него, то вдруг обнаружил бы себя меняющим это решение. Морские путешествия и торговый обмен были прекращены — моряки стали фермерами и начали работать на земле вокруг Велариса. И потому, что мои силы были направлены на экранирование их всех, Фейра, мне было нечего противопоставить Амаранте. Поэтому я решил, чтобы она не задавала вопросов о людях, которые имели для меня значение, я буду ее шлюхой.

Он сделал все это, совершил ужасные вещи... сделал *все* для своего народа, своих друзей. И лишь единственную часть себя он сумел спрятать, сохранить от порчи, уничтожения, даже если это означало пятьдесят лет в ловушке, в каменной клетке...

Эти крылья теперь были широко расправлены. Сколько людей знало об их существовании за пределами Велариса или иллирийских военных лагерей? Или он стер все воспоминания о них из Прифиана задолго до Амаранты?

Рис отпустил мой подбородок. Но когда он опустил руку, я сжала его запястье, чувствуя его твердую силу.

— Обидно, — сказала я, звуки музыки города почти поглотили мои слова, — что другие в Прифиане об этом не знают. Обидно, что ты позволяешь им думать о тебе худшее.

Он сделал шаг назад, его крылья били воздух, словно могучие барабаны.

— Пока люди, которые мне важны, знают правду, мне нет дела до остальных. Тебе нужно поспать.

Затем он взмыл в небо и растворился во тьме между звездами.

* * *

Я провалилась в тяжелый сон, мои сновидения, словно отлив, потащили меня вниз, вниз, вниз, пока я не уже не могла сбежать от них.

Голая, я лежала ничком на знакомом красном мраморном полу; Амаранта скользила ножом по моим голым ребрам, сталь нежно царапала мою кожу.

— Лживая, подлая человечиска, — промурлыкала она, — с поганым, лживым сердцем. Нож царапает словно прохладная ласка. Я порывалась встать, но мое тело не слушалось. Она оставила поцелуй на впадине моего горла.

— Ты такой же монстр, как и я, — она изогнула нож над моей грудью, наклонив его в сторону соска, как будто могла видеть сердце, бьющееся под ним.

Я начала рыдать.

— Не трать слезы.

Кто-то далеко кричал мое имя, умолял меня.

— Я превращу твою вечность в ад, — пообещала она, кончик кинжала колот чувствительную плоть под моей грудью, ее губы выдыхали воздух рядом с моими, и тут она ударила...

* * *

Руки... руки на моих плечах, трясущие меня, сжимающие. Я боролась с ними, кричала, кричала, кричала...

— *ФЕЙРА!*

Голос был одновременно ночью и рассветом, землей и звездами, и каждый дюйм моего тела успокоился и подчинился первобытному превосходству в нем.

— Открой глаза! — приказал голос.

Я подчинилась.

В горле стоял ком, рот был полон пепла, лицо мокрое и липкое, и Рисанд... Рисанд, склоненный надо мной, его глаза широко распахнуты.

— Это был сон, — сказал он, его дыхание такое же загнанное, как и мое.

Лунный свет, проникающий сквозь окна, освещал темные линии вихрящихся татуировок на его руке, плечах, скульптурной груди. Похожи на те, что были на моей руке. Он вглядывался в мое лицо.

— Сон, — сказал он снова.

Веларис. Я была в Веларисе, в его доме. И я... мой сон...

Простыни, одеяла были разорваны. На кусочки. Но не ножом. И этот вкус пепла, дыма во рту...

Я спокойно подняла свою чуть дрожащую руку — на кончиках пальцев были тлеющие угли. Живые когти пламени, которые прошли сквозь мое постельное белье, словно выжигая на нем раны...

Я резко оттолкнула Рису плечом, упала с кровати и, врезавшись в небольшой комод, умчалась в ванную комнату, упала на колени перед унитазом и вывернула наизнанку свой желудок. Снова. Снова. Мои пальцы зашипели от прикосновения к холодному фарфору.

Спустя мгновение большие, теплые руки откинули мои волосы назад.

— Дыши, — сказал Рис. — Представь, что они меркнут, словно свечи, одна за другой.

Я вновь нагнулась над туалетом, вздрагивая, когда свет и жар достигли пика и вышли из меня, и наслаждалась пустой, холодной тьмой, которая пришла на их место.

— Ну вот, это один из способов сделать это, — сказал он.

Когда я осмелилась взглянуть на мои руки, обхватывающие фарфор, угли погасли. И даже эта сила, струящаяся в моих жилах, вдоль моих костей, снова уснула.

— Мне снится, — сказал Рис, придерживая мои волосы, когда меня снова затошнило. — Что это не я под ней, а Кассиан или Азриэль. Она приколола их крылья к кровати шипами, и я ничего не могу сделать, чтобы остановить это. Она приказала мне смотреть, мне ничего не остается, кроме как смотреть на то, как я подвел их.

Я вцепилась в туалет, сплюнув, и нажала на смыв. Я смотрела, пока водоворот воды полностью не исчезнет, прежде чем повернуть голову и посмотреть на него.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Его пальцы были нежными, но сильными, там, где он держал рукой мои волосы.

— Ты никогда не подводил их, — я прохрипела.

— Я совершил... ужасные вещи для того, чтобы это было так, — его фиалковые глаза почти светились в полумраке.

— Я тоже, — мой пот был липким, словно кровь — кровь тех двух фейри...

Я снова развернулась, едва успев вовремя. Другой рукой он гладил, выводил длинные, мягкие линии вниз по моей изогнутой спине, когда я снова избавлялась от ужина. Когда последние спазмы затихли, я выдохнула:

— Пламя?

— Осенний Двор.

Я не смогла найти, что ответить. В какой-то момент я прислонилась к прохладной ванне и закрыла глаза.

Когда я проснулась, солнце проникало сквозь окна, и я была в своей постели — заправленной свежими, чистыми простынями.

* * *

Я уставилась на крутой травянистый склон небольшой горы, дрожа из-за завесы тумана, что текла вокруг. Позади нас земля сменялась острыми скалами и жестоким оловянным морем. Впереди — ничего, кроме широкой, с плоской вершиной горы из серого камня и мха.

Рис стоял рядом, обоюдоострый меч в ножнах за спиной, кинжалы привязаны к ногам, одет в то, что как я могу только предположить, было иллирийской боевой экипировкой, судя по тому, во что Кассиан и Азриэль были одеты накануне. Темные узкие штаны, чешуевидные пластины из кожи — со следами потертостей и шрамов, повторяющие форму скульптурных ног, которые, как я раньше не замечала, были довольно мускулистыми. Его приталенная куртка была с прорезями вокруг крыльев, которые сейчас были полностью расправлены; темные, поцарапанные доспехи защищали плечи и предплечья.

Если его одежда не достаточно сказала мне о том, что нас ждет сегодня — если мой собственный, похожий наряд не подтвердил это, то достаточно было только раз взглянуть на скалу перед нами, чтобы понять — приятного будет мало. Я была так занята в кабинете час назад тем, что Рис написал — вежливую просьбу посетить Летний Двор — что я не подумала спросить, чего мне ожидать *здесь*. Рис не побеспокоился объяснить, зачем он на самом деле хотел посетить Летний Двор помимо «улучшения дипломатических отношений».

— Где мы? — мои первые слова с момента, как мы появились здесь минуту назад с помощью рассеивания. Веларис был оживленным, солнечным. Это место, где бы он ни было, было замерзшим, пустынным, бесплодным. Только камень и трава, и туман, и море.

— На острове, в самом сердце Западных Островов, — ответил Рисанд, глядя на гигантскую гору. — И это, — сказал он, указывая на нее, — и есть Тюрьма.

Не было ничего — никого вокруг.

— Я ничего не вижу.

— Скала — это Тюрьма. И внутри нее находятся самые дурные, самые опасные твари и преступники, которых ты можешь себе представить.

Войти внутрь — внутрь камня, под другую гору...

— Это место, — сказал он, — было создано еще до появления Высших Лордов. До того, как Прифиан стал Прифианом. Некоторые из заключенных здесь до сих пор помнят те дни. Помнят времена, когда семья Мор, а не моя правила Севером.

— Почему Амрен не пойдет сюда?

— Потому что когда-то она сама была здесь узником.

— Не в этом теле, я полагаю.

Жестокая улыбка.

— Нет. Вовсе нет.

Я поежилась.

— Подъем разогреет твою кровь, — заметил Рис. — Мы не можем рассеяться внутрь или прилететь — стражи хотят, чтобы посетители шли пешком. Долго.

Я не сдвинулась с места.

— Я... — слово застряло в горле. Пойти под другую гору...

— При панике мне помогает, — сказал он тихо, — напоминать себе, что я выбрался.

Что все мы.

— Едва ли, — я пыталась дышать. Я не могла, не могла...

— Мы выбрались. Но все может случиться снова, если мы не зайдем внутрь.

Холод тумана бил мне в лицо. И я попыталась — попыталась — сделать шаг к горе.

Мое тело отказывалось повиноваться.

Я снова попыталась сделать шаг, попыталась ради Элейн и Несты, и мира, который может быть разрушен, но... не смогла.

— Пожалуйста, — я прошептала. Не волнуясь о том, что это означало, что я провалилась в свой самый первый рабочий день.

Рисанд, как и обещал, не стал задавать никаких вопросов, взял меня за руку и вернул нас обратно к зимнему солнцу и насыщенным цветам Велариса.

* * *

Я не вылезала из постели до конца дня.

Амрен стояла у изножья моей кровати.

Я дернулась назад, врезавшись в изголовье, ослепленная яркими лучами утреннего солнца, ища оружие, что-нибудь, чем можно защититься...

— Не удивительно, что ты такая худая, если ты выворачиваешь свой желудок каждую ночь, — она принялась и скривилась, — от тебя воняет.

Дверь в спальню была закрыта. Рис сказал, что никто не войдет без его разрешения, но...

Она бросила что-то на кровать. Маленький золотой амулет из жемчуга и облачно-голубого камня.

— Это вытащило меня из Тюрмы. Носи его, и они никогда не тронут тебя.

Я не прикоснулась к амулету.

— Позволь мне прояснить кое-что, — сказала Амрен, положив обе руки на резные деревянные столбики. — Мне не легко давать тебе этот амулет. Но ты можешь воспользоваться им, чтобы сделать то, что необходимо, и вернуть мне, когда закончишь. Если ты не вернешь его, я найду тебя, и последствия не будут приятными. Но он твой на время вылазки в Тюрму.

К тому времени, как мои пальцы коснулись холодного метала и камня, она уже вышла за дверь.

Рис не ошибся насчет сравнения ее с огнедышащим драконом.

* * *

Рис бросал хмурые взгляды на амулет все то время, что мы поднимались по склону Тюрмы, который был настолько крутым, что нам приходилось порой ползти на руках и коленях.

Когда я поймала взгляд Риса, брошенный на ожерелье в десятый раз, то не выдержала:

— Что?

— Она дала его тебе.

Утверждение.

— В таком случае, это должно быть серьезно, — сказала я. — Риск..

— Не говори ничего, если ты не хочешь, чтобы другие это услышали, — он указал на камень под нами. — Для заключенных нет ничего лучше, чем слушать сплетни через землю и камень. Они продадут любую кроху информации за еду, секс, возможно глоток воздуха.

Я могу сделать это. Я могу перебороть страх.

Амрен выбралась. И не вернулась сюда. Значит этот амулет защитит и меня.

— Прости, — сказала я, — за вчерашнее.

Я оставалась в постели в течение нескольких часов, не в состоянии двигаться или думать.

Рис протянул руку, чтобы помочь мне подняться на особенно крутой выступ, с легкостью подняв меня на вершину, где он сидел. Прошло много времени — слишком много, с тех пор как я была на открытом воздухе, используя свое тело, полагаясь на него. Мое дыхание было прерывистым, даже теперь, с моим бессмертием.

— Тебе не за что извиняться, — сказал он. — Сейчас ты здесь.

Но все равно я струсилась и никогда бы не вернулась сюда без этого амулета. Он подмигнул мне:

— Я не урежу твою зарплату.

Я слишком запыхалась, чтобы даже огрызнуться. Мы поднимались до тех пор, пока верхняя часть горы не превратилась в стену; позади — ничего, кроме травянистых склонов далеко-далеко внизу, перетекающих в беспокойное серое море. Рис молниеносным движением извлек из-за спины меч.

— Не смотри так удивленно, — сказал он.

— Я... я никогда не видела тебя с оружием, — помимо кинжала, который он схватил, чтобы перерезать горло Амаранте и тем самым избавить меня от мучений.

— Кассиан смеялся бы до хрипоты, если бы это услышал. А затем заставил бы меня выйти с ним на тренировочный ринг.

— Он может победить тебя?

— В рукопашном бою? Да. Он бы конечно попотел, но в конце все-таки выиграл.

Ни высокомерия, ни гордости во фразе.

— Кассиан — лучший воин, которого я когда-либо встречал в любом дворе, на любом континенте. Именно поэтому он командует моей армией.

Я не сомневалась в этом. Но остальные иллирийцы...

— Азриэль — его руки. Я имею в виду шрамы, — сказала я. — Откуда они?

Рис притих на мгновение. Затем тихо сказал:

— У его отца было двое законных сыновей, оба старше Азриэля. Оба жестокие и испорченные. Они узнали про Азриэля от своей матери, жены Лорда. На протяжении одиннадцати лет, что Аз жил у своего отца, она заботилась о том, чтобы он сидел в камере без окон, без света. Каждый день они выпускали его ровно на час, и только час в неделю позволяли ему видеться с матерью. Ему не было дозволено тренироваться, летать, любую вещь, что требовали его иллирийские инстинкты. Когда ему было восемь, его братья решили, что будет весело посмотреть, что произойдет, если смешать способность иллирийцев быстро исцеляться и масло с огнем. Воины слышали крики Азриэля. Но не достаточно быстро, чтобы спасти его руки.

Тошнота подступила к горлу. Но он жил с ними еще три года... Какие еще ужасы довелось ему пережить, прежде чем он оказался в горном лагере?

— Были... были ли его братья наказаны?

Лицо Риса было таким же бесчувственным, как камень и ветер, и море вокруг нас, когда он сказал со смертельным спокойствием:

— В конечном счёте.

Было достаточно боли в этих словах, чтобы я переменяла тему:

— А Мор... Чем она занимается?

— Мор та, к кому я обращусь, когда войска будут разгромлены, а Кассиан и Азриэль оба мертвы.

Моя кровь застыла.

— То есть, до тех пор она должна ждать?

— Нет. Как моя Третья, Мор... присматривает за моим Двором. Она следит за взаимоотношениями между Двором Кошмаров и Двором Грез, управляет Веларисом и Вытесанным Городом. Я полагаю, в мире смертных, она могла бы считаться королевой.

— А Амрен?

— Как моя Вторая она выполняет обязанности политического советника, ходячей библиотеки и делает все грязную работу. Я назначил ее после того как занял трон. Но она была моим союзником, и, может быть, другом, задолго до этого.

— Я имею ввиду... На войне, если твои войска будут разбиты, а Кассиан и Азриэль мертвы, и даже Мор... — каждое слово было словно кусочек льда на моем языке.

Риз перестал тянуться к голой скале перед нами.

— Если этот день настанет, то я найду способ разрушить заклинание, сковывающее Амрен, и натравлю ее на этот мир. И попрошу ее прикончить меня первым.

Во имя Матери.

— Что же она такое? — после нашего разговора сегодня утром, пожалуй было глупо спрашивать.

— Нечто иное. Нечто намного хуже, чем мы. И если она когда-нибудь найдет способ вырваться из своей тюрьмы из плоти и крови... Котел спаси нас всех.

Я снова вздрогнула и уставилась на отвесную каменную стену.

— Я не смогу залезть по ней.

— А тебе и не нужно, — сказал Рис, положив руку на плоский камень. Словно мираж он исчез в ряби света.

На его месте стояли светлые резные ворота, настолько высокие, что их вершина терялась в тумане.

Ворота из костей.

* * *

Костяные ворота бесшумно распахнулись, обнажив пещеру настолько черную, что такой чернильной тьмы я в жизни не видела, даже Под Горой.

Я сжала амулет на шее — металл чуть теплел под моей ладонью. Амрен выбралась. И я выберусь тоже.

Рис положил теплую руку мне на спину и повел меня внутрь. Три сферы лунного света возникли перед нами.

Нет, нет, нет, нет, нет...

— Дыши, — сказал он мне на ухо. — Один вдох.

— Где охранники? — мне удалось перебороть скованность легких.

— Они живут в самом камне горы, — пробормотал он. Найдя мою руку, он сжал ее в своей и потянул меня вперед, в вечную тьму. — Они выходят только во время кормления или для того, чтобы разобраться с беспокойными заключенными. Они всего лишь тени мысли и древнего заклинания.

Маленькие огоньки света плыли впереди, и я старалась не смотреть слишком долго на серые стены. Особенно когда они были настолько грубо высеченными, что зубчатые сколы походили на нос или на отвесный лоб, или на насмешливые губы.

На сухом полу не было ничего, кроме гальки. Полнейшая тишина. Мы завернули за угол, и последний свет туманного мира позади нас растворился в чернильном мраке.

Я сосредоточилась на дыхании. Я не могу оказаться здесь в ловушке, я не могу быть заперта в этом ужасном, мертвом месте.

Тропа уходила глубже, в середину горы, и я крепче сжала пальцы Риса, чтобы не

споткнуться и не упасть. Второй рукой он все еще держал меч.

— Все Высшие Лорды могут сюда попасть? — мои слова были настолько тихими, словно и их поглотила тьма. Даже гудящая в моих венах сила исчезла, прячась где-то в моих костях.

— Нет. Тюрьма сама себе закон. Остров вообще можно считать Восьмым Двором. Но он попадает под мою юрисдикцию, и моя кровь является ключом к воротам.

— Ты мог бы освободить заключенных?

— Нет. После того, как вынесен приговор, и узник проходит через эти ворота... Он становится собственностью Тюрьмы. И она никогда его не отпустит. Я отношусь очень, очень серьезно к приговору людей к заточению здесь.

— Ты когда-нибудь...

— Да. Но сейчас не время говорить об этом, — он сжал мою руку.

Мы стали спускаться сквозь мрак.

Не было ни дверей, ни света.

Никаких звуков. Даже журчания воды.

Но я чувствовала их.

Я чувствовала, как они спят, ходят, шаркают руками и когтями с другой стороны стены.

Они были древними, и настолько жестокими, даже хуже чем Амаранта. Они были вечными и терпеливыми, и выучили язык тьмы и камня.

— Сколько, — я выдохнула. — Сколько она пробыла здесь? — Я не решилась произнести ее имя.

— Азриэль однажды заглянул в архивы в наших самых древних храмах и библиотеках. Все, что он нашел, это смутное упоминание, что она вошла сюда еще до того, как Прифиан был разделен на Дворы, а вышла после того, как они были созданы. Ее заключение предшествует письменному слову. Я не знаю, как долго она пробыла здесь — несколько тысячелетий, кажется, будет в самый раз.

Ужас бурлил в моем животе.

— Ты никогда не спрашивал?

— Зачем? Она скажет мне, когда это будет необходимо.

— Откуда она взялась? — брошь, которую он ей подарил — такой скромный подарок для монстра, который когда-то обитал здесь.

— Я не знаю. Однако существуют легенды, согласно которым, когда вселенная зарождалась существовали... разрывы в ткани между мирами. И в хаосе Создания твари из других миров могли пройти через эти разрывы и попасть к нам. Но, в конце концов, разломы затянулись, и существа оказались в ловушке, не имея возможности вернуться домой.

Это было страшнее, чем я могла представить — и то, что монстры прошли между мирами, и ужас остаться запертым в чужом мире.

— Ты думаешь, она была одной из них?

— Я думаю, что она единственная в своем роде, и нет никаких сведений, что подобные ей когда-либо существовали. Даже Суриэли имеют численность, хоть и небольшую. Но она... и заключенные здесь, в Тюрьме... я думаю, они пришли откуда-то извне. И они долго, очень долго искали путь домой.

Я дрожала в подбитой мехом кожаной одежде, мое дыхание клубилось облаком.

Мы спускались все ниже и ниже, и я потеряла счет времени.

Прошли часы, а может и дни, и мы останавливались только когда мое бесполезное тело

требовало воды. Он не отпускал мою руку даже тогда, когда я пила. Как будто камень может поглотить меня навсегда. Я старалась, чтобы эти остановки были быстрыми и редкими.

И мы шли дальше, глубже. Только огни и его рука удерживали меня от чувства свободного падения в темноту. На мгновение я почувствовала вонь своей собственной тюремной камеры и щекой ощутила щекотку и хруст перепревшей соломы..

Рис крепче сжал мою ладонь.

— Еще немного.

— Мы уже должны быть у самого подножия горы.

— Уже прошли. Костерез заперт гораздо ниже основания горы.

— Кто он? Какой он? — меня коротко проинформировали только о том, что говорить — и нечего о том, что ожидать. Несомненно для того, чтобы не дать мне окончательно запаниковать.

— Никто не знает. Он появляется тем, кем хочет появиться.

— Он оборотень?

— И да, и нет. Ты можешь увидеть одно, а я могу стоять рядом и увидеть совсем другое.

Я попыталась не заблестеть как овечка.

— А резьба по кости?

— Увидишь, — Рис остановился перед гладкой каменной плитой. Коридор продолжал уходить вниз, вниз в вечной темноте. Воздух здесь был плотный, сжатый. Даже облачка моего дыхания в прохладном воздухе, казалось, быстро рассеивались.

Рисанд наконец отпустил мою руку, только чтобы еще раз положить свою ладонь на гладкий камень. Он зарядил под его ладонью, превращаясь в дверь.

* * *

Рисанд наконец отпустил мою руку, только чтобы еще раз положить свою ладонь на гладкий камень. Он зарядил под его ладонью, превращаясь в дверь.

Как и предыдущие ворота, она была кремового цвета — из кости. А на ее поверхности были выгравированы бесчисленные изображения: флора и фауна, моря и облака, звезды и луны, младенцы и скелеты, прекрасные и ужасные существа...

Она отворилась. В камере была крошечная тьма, едва отличимая от той, что была в коридоре.

— Я вырезал двери для каждого заключенного здесь, — сказал тихий голос внутри, — но моя собственная остается моей самой любимой.

— Должен с этим согласиться, — сказал Рисанд. Он шагнул внутрь. Сферы света качались впереди, освещая темноволосого мальчика, сидящего у дальней стены. Его невероятные синие глаза остановились сначала на Рисанде, а затем скользнули туда, где я притаилась в дверях.

Рис полез в сумку, которую я не заметила, чтобы он брал с собой — нет, он достал ее из кармана между мирами, который он использовал для хранения. Он бросил предмет в сторону мальчика, которому на вид было не больше восьми. Что-то белое блеснуло и со стуком упало на грубый каменный пол. Еще одна кость — длинная, прочная и с зазубринами на одном конце.

— Берцовая кость, которая добила Мидденгардского Червя, когда Фейра сражалась с ним, — сказал Рис.

Моя кровь застыла в жилах. Там было столько костей — в ловушке, которую я

соорудила, что я не заметила, какая именно добила чудовище. И не думала, что кто другой заметит.

— Входи, — сказал Косторез, и не было в его детском голосе ни невинности, ни доброты.

Я сделала один шаг вперед.

— Прошла вечность, — сказал мальчик, глядя на меня, — с тех пор как что-то новое приходило в этот мир.

— Привет, — я выдохнула.

Улыбка мальчика была насмешкой над невинностью.

— Ты боишься?

— Да, — сказала я. *Ни в коем случае не врать* — было первое, что мне сказал Рис.

Мальчик встал, но остался на другой стороне камеры.

— Фейра, — пробормотал он, склонив голову. Шар фэйского света посеребрил его чернильные волосы. — Фей-ра, — сказал он снова, растягивая слоги, словно пробуя их на вкус. Наконец, он выпрямился. — Куда ты попала, когда умерла?

— Вопрос за вопрос, — ответила я так, как меня проинструктировали за завтраком.

Косторез повернул голову в сторону Рисанда.

— Ты всегда был умнее своих предков. — Но его взгляд вновь остановился на мне. — Расскажи мне, где ты была, что ты видела там, и я отвечу на твой вопрос.

Рис слегка кивнул мне, но его глаза были настороженными. Потому что то, о чем спросил мальчик...

Я старалась успокоить свое дыхание чтобы подумать. Чтобы вспомнить.

Там была кровь, смерть, боль и крики — и она ломала меня, медленно убивая, и там был Рис, ревуший от ярости, когда я умерла, Тамлин, молящийся за мою жизнь, стоя на коленях возле ее трона... Там было слишком много мучений, и я хотела прекратить все это, я хотела чтобы все закончилось...

Рис, следящий за каждым движением Костореза, словно окаменел. Как будто мои воспоминания свободно текли сквозь ментальные щиты, которые, как я проверила утром, были целы. И я хотела бы узнать, считал ли он, что я в тот момент сдалась.

Я сжала руки в кулаки.

Я выжила. Я выбралась оттуда. И сегодня я выберусь и отсюда.

— Я услышала хруст, — сказала я. Риса повернул голову ко мне. — Я услышала хруст, когда она свернула мне шею. Он был не только у меня в ушах, но и внутри моего черепа. Меня не стало прежде, чем я успела почувствовать больше, чем первую волну боли.

Фиалковые глаза Костореза, казалось, засияли ярче.

— А потом тьма. Другая, не такая как здесь. Но еще была... нить, — сказала я. — Привязь. Я рванула ее — и вдруг смогла видеть. Но не своими глазами, а... а его, — сказала я, кивком указывая на Риса. Я разжала пальцы татуированной руки. — И я знала, что была мертва, и этот крошечный клочок души, держащийся за нить нашей сделки — было все, что от меня осталось.

— Но был ли там кто-нибудь, видела ли ты что-то?

— Была только эта связь во тьме.

Лицо Рисанда побледнело, его губы сжались в тонкую линию.

— И когда меня Создали заново, — сказала я, — я последовала за этой связью обратно — в свое тело. Я знала, что дом был на другом конце этой нити. Затем был свет. Словно ты

плывешь сквозь игристое вино.

— Тебе было страшно?

— Все чего я хотела — это вернуться... к людям вокруг меня. Я хотела этого так сильно, что не было места для страха. Худшее уже произошло, и тьма была спокойной и тихой. И это было бы не так уж плохо — раствориться в ней. Но я хотела домой. И я последовала за связью.

— И там не было никакого другого мира, — подтолкнул Костерез.

— Даже если и был, то я не видела.

— Ни света, ни портала?

«Куда ты так хочешь уйти?» — вопрос почти сорвался с моего языка.

— Там было только спокойствие и тьма.

— У тебя было тело?

— Нет.

— Ты...

— Этого для тебя достаточно, — промурлыкал Рисанд — звук был похож на бархат поверх острейшей стали. — Ты сказал «вопрос за вопрос». Теперь ты задал... — он прикинул на пальцах. — Шесть.

Костерез прислонился спиной к стене и присел.

— Не каждый день мне доводится увидеть кого-то, кто вернулся из настоящей смерти. Прости меня за желание узнать, что там за занавесом, — он деликатно махнул рукой в мою сторону. — Спрашивай, девочка.

— Если нет тела — нет ничего, кроме, возможно, кусочка кости, — я сказала это настолько твердо, насколько могла, — есть ли способ воскресить человека? Вырастить новое тело и вложить туда его душу.

Его глаза вспыхнули.

— Была ли душа каким-то образом сохранена? Запечатана?

Я старалась не думать о глазе в кольце, которое носила Амаранта, о душе, которую она заточила в нем, чтобы была свидетелем каждого ужаса, каждого насилия.

— Да.

— Это невозможно.

Я почти вздохнула с облегчением.

— Если только... — мальчик растопырил пальцы, его рука была словно бледное, дергающееся насекомое. — Давно, задолго до появления Высших Фэ, задолго до человечества, был Котел... Говорят, что внутри него была собрана вся магия, и что мир был рожден именно в нем. Но он попал не в те руки. И с его помощью были сделаны великие и ужасные вещи. Выкованы вещи. Настолько опасные, что Котел в конце концов выкрали обратно, но ценой многих жизней. Его нельзя уничтожить, потому что он Создал все, и если его повредить, то жизнь на земле исчезнет. Поэтому он был спрятан. И забыт. Только с помощью Котла можно выковать, воскресить что-то, что мертво.

На лице Рисанда снова была маска спокойствия.

— Где они его спрятали?

— Расскажи мне свой секрет, который никто не знает, Ночной Лорд, и я расскажу свой.

Я внутренне приготовилась услышать любую ужасную правду.

Но Рисанд спокойно сказал:

— Мое правое колено простреливает болью во время дождя. Я повредил его на Войне, и

оно болит с тех пор.

Костерез издал резкий смешок, в то время как я уставилась на Риса.

— Ты всегда был моим любимчиком, — сказал он, улыбаясь так, что эту улыбку ни за что на свете нельзя было назвать детской. — Ладно. Котел был спрятан на дне замерзшего озера в Лапланде...

Рис начал поворачиваться ко мне, как если бы он собрался отправиться туда прямо сейчас, но тут Костерез добавил:

— И исчез оттуда давным-давно.

Рис замер.

— Я не знаю, куда он делся или где он сейчас. За тысячелетия до того, как ты родился, три ножки котла, на котором он стоит, успешно откололи от его основания в попытке разрушить часть его силы. Это сработало — но не полностью. Убрать ножки было равносильно удалению первой фаланги пальца. Неприятно, но с некоторым трудом можно пользоваться дальше. Ножки были спрятаны в трех разных храмах: Цесире, Сангравах и Итике. И если они пропали, то скорее всего Котел снова активен, и это значит, что его обладатель хочет владеть всей мощью Котла, не теряя ее ни капли.

Вот почему храмы были разграблены. Чтобы заполучить ножки, на которых стоял Котел, и вернуть ему всю силу.

Рис уточнил:

— И ты конечно не знаешь, у кого сейчас Котел?

Костерез указал тонким пальчиком на меня.

— Пообещай, что ты отдаешь мне ее кости, когда она умрет, и я подумаю над этим.

Я напряглась, но мальчик засмеялся.

— Хотя нет, я не думаю, что даже ты пообещаешь мне это, Рисанд.

Я могла бы назвать выражение лица Риса предупреждающим.

— Спасибо за помощь, — сказал он, положив руку мне на спину, чтобы вывести меня отсюда.

Но если он знал... Я снова повернулась к существу, выглядящему как мальчик.

— У меня был выбор — в Смерти, — сказала я.

Его глаза горели кобальтовым огнем.

Рука Риса напряглась на моей спине, но осталась. Теплая, надежная. И мне показалось, что это прикосновение было больше для того, чтобы он убедился, что я здесь и все еще дышу.

— Я знала, — продолжила я, — что я могла бы уйти в темноту. Но я решила бороться — чтобы задержаться еще ненадолго. И все же я знала, что если бы захотела, то исчезла бы в темноте. И может быть, это был бы новый мир — царство покоя и тишины. Но я не была к нему готова — не была готова идти туда в одиночку. Я знала, что что-то еще ждет меня вне этой тьмы. Что-то хорошее.

На мгновение эти синие глаза вспыхнули ярче. Затем мальчик сказал:

— Ты знаешь у кого Котел, Рисанд. Кто разграбил храмы. Ты пришел сюда только для того, чтобы подтвердить свою догадку.

— Король Хайберна.

Ужас растекся по моим венам и заполнил меня изнутри. Я не должна была удивляться, должна была знать, но...

Костерез больше ничего не сказал. Ожидая еще одного признания.

И я предложила ему еще одну разрушенную часть меня.

— Когда Амаранта заставила меня убить тех двух фейри, если бы третьим не оказался Тамлин, я бы вонзила последний кинжал в свое сердце.

Рис застыл.

— Я знала, что мне нет пути назад после того, что я сделала, — сказала я, и мне стало интересно, могли ли синие глаза Костереца сжечь мою душу, оставив только пепел. — И как только я разрушила проклятье, как только я узнала, что спасла их, мне просто нужно было достаточно времени, чтобы успеть направить кинжал на себя. И я решила, что хочу жить, только когда она убила меня. Я поняла, что не закончила что-то... что-то, для чего была рождена.

Я осмелилась взглянуть на Риса. Его прекрасное лицо было опустошенным. Мгновение, и это выражение исчезло.

Костерез мягко сказал:

— С Котлом можно не только воскрешать мертвых, но и многое другое. Например, разрушить Стену.

Единственную вещь, охраняющую и отделяющую земли людей — мою семью — не только от Хайберна, но и от других фейри.

— Вполне возможно, что король Хайберна молчал столько лет только потому, что охотился за Котлом и изучал его секреты. Воскрешение конкретного человека вполне может быть первым испытанием сил Котла после того, как ножки были воссоединены — и после этого он обнаружит, что Котел — это чистая энергия, чистая сила. Но как и любая магия, он может истощаться. Король даст ему покой, даст ему время на восстановление — пока будет изучать его тайны, чтобы наполнить его еще большей энергией, большей силой.

— Есть ли способ остановить это? — выдохнула я.

Молчание. Ждущее молчание.

Голос Риса был хриплым, когда он сказал:

— Не давай ему еще больше..

— Когда Котел был создан, — перебил Костерез, — его темный создатель использовал остатки расплавленной руды, чтобы выковать книгу. Книгу Дыханий. В ней между вырезанными словами написаны заклинания, способные свести на нет силу Котла или полностью его подчинить. Но после Войны она была разделена на две части. Одна часть осталась у Фэ, одну отдали шести человеческим королевам. Это было частью Договора, чисто символически, так как Котел был утерян уже на протяжении тысячелетий и превратился в миф. Книга считалась безвредной, потому что подобное притягивает подобное — и только тот, кто был Создан сможет произнести заклинания в ней и призвать ее силу. Ни одно существо на земле не может воспользоваться ей, поэтому Высшие Лорды и смертные хранили ее части как реликвию прошлого, не более. Но если Книга попадет в руки кого-то, выкованного заново... Конечно, вам придется проверить эту теорию, но... это может быть вполне вероятно, — его глаза сузились до довольных щелок, как только я поняла... поняла...

— Теперь Высший Лорд Летнего Двора владеет нашей частью, а другая хранится у правящих смертных королев, погребенная в их сияющем дворце на берегу моря. Часть, хранящаяся в Прифиане, защищена заклинаниями крови, привязанными к самому Летнему Двору. Та, что у смертных королев... О, они были очень изобретательны, когда получили свою часть. Они наложили заклятие на Книгу, привязали ее с помощью нашего же народа — и если ее попытаться украсть, скажем, Высший Лорд рассеется в их замок... Книга

расплавится и будет потеряна. Смертная королева должна отдать ее по собственному желанию, никаких уловок, никакой магии, — смешок. — Какие умные, чудесные создания люди.

Костерез, казалось, потерялся в давних воспоминаниях — затем покачал головой:

— Соединив две части Книги Дыханий можно свести на нет силы Котла. Хотелось бы надеяться, до того, как он войдет в полную силу и разрушит Стену.

Я даже не потрудилась сказать спасибо. После всей информации, что он нас обрушил. После того, как я была вынуждена рассказать все эти вещи — и до сих пор чувствовала сохраняющееся внимание Риса. Как будто он подозревал, но никогда не верил в то, насколько сильно Амаранта меня сломала.

Мы развернулись, его рука соскользнула с моей спины и сжала мою руку.

Прикосновение было легким, нежным. И внезапно, у меня даже не было сил, чтобы сжать ее в ответ.

Костерез поднял кость, которую Рисанд принес ему, и взвесил ее в своих детских руках.

— Я вырежу здесь твою смерть, Фейра.

Мы поднимались выше и выше во тьме, проходя мимо спящего камня и монстров, которые там обитали. Наконец, я спросила у Риса:

— Кого ты видел?

— Сначала ты.

— Мальчик, приблизительно лет восьми, темноволосый и синеглазый.

Рис вздрогнул — самая человеческая реакция, которую я у него видела.

— Что ты видел? — настаивала я.

— Юриана, — ответил Рис. — Таким, каким он был в последний раз, когда я его видел: лицом к лицу с Амарантой, сражаясь с ней на смерть.

Я не хотела знать, откуда Костерез узнал, о чем мы пришли спросить.

— Амрен права, — протянул Рис, появляясь на пороге гостиной своего городского дома в Веларисе, — вы, действительно, как собачки, ждущие хозяина домой. Наверное, мне стоило купить угощение.

Кассиан показал ему неприличный жест, развалившись на диване перед камином, его рука лежала позади спины Мор. И хотя его мощное, мускулистое тело казалось совершенно расслабленным, по его сжатой челюсти и по царящей в воздухе напряженности я поняла, что они ждали нас здесь уже приличное время.

Азриэль стоял у окна, удобно спрятавшись за своими тенями; легкий снегопад укрывал газон и улицу за ним. А Амрен...

Нигде не было видно. Не могу сказать, вздохнула ли я с облегчением. Мне придется срочно найти ее, чтобы вернуть ожерелье — мне достаточно предупреждения Риса и ее собственных слов.

Продрогшая и замерзшая из-за тумана и ветра, преследовавших нас от самой Тюрьмы, я направилась к креслу, стоящему напротив дивана, форма которого, как и большинство мебели здесь, позволяла с комфортом разместить иллирийские крылья. Я вытянула свои затекшие конечности к огню, и едва сдержала стон наслаждения — таким уютным был его жар.

— Как все прошло? — спросила Мор, выпрямляясь рядом с Кассианом. Сегодня на ней было не платье, а практичные черные брюки и толстый синий свитер.

— Костерез, — сказал Рис, — это назойливый сплетник, который очень любит совать свой нос в чужие дела.

— Но? — потребовал Кассиан, сложив руки на коленях, его крылья были сведены вместе.

— Но, — сказал Рис, — он также может быть полезным, когда захочет. И судя по всему, нам пора заняться тем, что у нас получается лучше всего.

Я размяла окоченевшие пальцы, с радостью позволяя остальным обсуждать наш поход — мне был нужен момент уединения — чтобы прийти в себя, чтобы запереть в себе то, что я вытащила на поверхность перед Костерезом.

И то, что я могу сделать с той книгой по мнению Костереза. Способности, которыми я могу владеть.

Итак, Рис рассказал им про Котел и причину резни в храмах — комнату заполнили бесчисленные возгласы и вопросы — но умолчал о том, в чем я призналась ради этой информации. Азриэль выбрался из своих клубящихся теней, чтобы задать больше всего вопросов; его лицо и голос оставались нечитаемыми. Кассиан, что удивительно, молчал — будто генерал позволил говорящему с тенями самому узнать всю необходимую информацию, а сам в это время был занят оценкой того, как ее применить.

Когда Рис закончил, его главный шпион сказал:

— Я свяжусь со своими источниками в Летнем Дворе — они узнают, где спрятана половина Книги Дыханий. А сам могу слетать в мир людей, чтобы выяснить, где они хранят свою часть книги, прежде чем мы спросим их об этом.

— Нет нужды, — сказал Рис. — И я не доверяю информации, полученной даже из твоих источников, от любого за пределами этой комнаты. За исключением Амрен.

— Им можно доверять, — сказал Азриэль с тихой сталью в голосе, сжав израненными руками кожаную отделку по бокам своей одежды.

— Мы не будем рисковать в этом вопросе, — было все, что сказал Рис. Он выдержал взгляд Азриэля, и я почти могла услышать непрозвучавшие слова, которые он добавил: *«Это не осуждение или недоверие к тебе или твоему профессионализму, Аз. Вовсе нет».*

Азриэль кивнул, его руки разжались, но на лице не отразилось ни одной эмоции.

— Так что же ты задумал? — вклинилась Мор, возможно ради Аза.

Рис стряхнул невидимый кусочек грязи со своего боевого облачения. Когда он поднял голову, его фиолетовые глаза были ледяными.

— Король Хайберна разорил наш храм, чтобы получить недостающую часть Котла. Насколько я помню, это акт войны — показатель того, что Его Величество не имеет никакого желания добиваться моего расположения.

— В любом случае, он скорее всего помнит о нашей преданности людям во время Войны, — уточнил Кассиан. — Он не будет рисковать раскрыть свои планы, попытавшись повлиять на тебя, и я уверен, что кто-то из дружков Амаранты уже сообщил ему о событиях Под Горой. О том, чем все это закончилось, я имею в виду, — Кассиан сглотнул.

О том, что Рис попытался убить ее. Я отвела руки от огня.

— Именно. Но это означает, что войска Хайберна уже успешно проникли на наши земли незамеченными. Я хочу вернуть должок. — Сказал Рис.

Святая Мать! Кассиан и Мор улыбнулись, оба в диком восторге.

— Каким образом? — спросила Мор.

Рис скрестил руки на груди.

— Потребуется тщательное планирование. Но если Котел в Хайберне, то и мы должны отправиться в Хайберн. И либо вернуть его обратно... либо использовать книгу, чтобы нейтрализовать его.

Какая-то трусливая, жалкая часть меня уже тряслась от страха.

— Хайберн наверняка защищает столько же охраны и щитов вокруг него, сколько и у нас здесь, — возразил Азриэль. — Сначала нам нужно найти способ пробраться сквозь них незамеченными.

Легкий кивок.

— Поэтому мы приступаем прямо сейчас. Пока ищем Книгу. И как только у нас будут обе части, мы можем быстро выдвигаться — прежде чем поползут слухи, что она вообще у нас.

Кассиан кивнул, но все же спросил:

— Как ты собираешься заполучить Книгу?

Я вся подобралась, когда Рис ответил:

— Поскольку часть Книги привязана заклинанием к конкретному Высшему Лорду, и только он может найти ее с помощью своей силы... То возможно у нас есть свой собственный детектор, который помимо того, что сможет использовать Книгу Дыханий, сможет и найти ее.

Теперь все они смотрели на меня.

Я съежилась.

— Возможно, то, что Костерез сказал в отношении меня, что я могу отследить такие вещи... Вы не знаете... — мои слова растаяли, когда Рис ухмыльнулся.

— В тебе есть ядро всех наших сил — как семь отпечатков. Если мы спрятали что-то,

если мы создали или защитили это с помощью нашей силы... То не важно, где оно спрятано — ты сможешь отыскать это через эту же самую магию.

— Ты не можешь знать это наверняка, — попробовала я еще раз.

— Не могу. Но есть способ это проверить. — Рис по-прежнему улыбался.

— Ну началось, — проворчал Кассиан. Мор бросила на Азриэля предупреждающий взгляд, чтобы в этот раз он не вызывался помочь. В ответ главный шпион послал ей скептический взгляд.

Я бы наверное устроилась поудобнее в кресле, чтобы посмотреть на их перепалку, если бы Рис не сказал:

— С твоими способностями, Фейра, ты можешь найти половину Книги в Летнем Дворе и разрушить ее защиту. Но я не собираюсь полагаться только на слова Костереца или брать тебя с собой, не испытав сначала твои силы. Не убедившись, что в нужный момент когда мы пойдем за книгой, ты... мы не потерпим неудачу. Поэтому сперва мы отправимся в еще одно маленькое путешествие. Чтобы посмотреть, сможешь ли ты найти другую ценную вещь, раньше принадлежавшую мне, и которой мне не хватало достаточно долгое время.

— Вот дерьмо, — сказала Мор, спрятав руки в складках свитера.

— Куда? — выдавила я.

— К Ткачихе, — ответил мне Азриэль.

Риз поднял руку, когда Кассиан открыл рот.

— Испытание, — сказал он, — сможет ли Фейра отыскать мою вещь в сокровищнице Ткачихи. Когда мы доберемся до Летнего Двора, скорее всего узнаем, что Тарквин наложил заклинание, чтобы Книга выглядела по-другому, чувствовалась по-другому.

— Во имя Котла, Рис! — рявкнула Мор, ставя обе ноги на ковер. — Ты в своем ум...

— Кто такая Ткачиха? — настаивала я.

— Древнее, злобное существо, — сказал Азриэль. Я изучала бледные шрамы на его крыльях и шее, и гадала, сколько таких он приобрел за всю свою бессмертную жизнь. Были ли они хуже людей, которые делили с ним кровные узы. — К которому не стоит соваться, — добавил он в сторону Риса. — Найди другой способ, чтобы проверить ее способности.

Рис лишь пожал плечами, посмотрев на меня. Позволяя мне выбрать. Всегда, всегда с ним последний выбор был за мной в последнее время. Однако он не позволил мне вернуться в Весенний Двор за эти два визита — потому что знал, насколько сильно мне хотелось сбежать оттуда?

Я кусала нижнюю губу, взвешивая риски, ожидая любого всплеска страха, эмоций. Но сегодняшней день истощил их запас.

— Костерец, Ткачиха... Вы хоть кого-нибудь зовете по имени?

Кассиан хмыкнул, а Мор откинулась на диванные подушки.

Только Рис, казалось, понял, что это была не совсем шутка. Его лицо было напряженным. Как будто он точно знал, насколько я устала, знал, что я должна была трепетать при мысли об этой Ткачихе, но после Костереца, после того, что я открыла ему... я вообще ничего не чувствовала.

Рис сказал мне:

— Как насчет добавить еще одно название в этот список?

Мне не понравилось, как это прозвучало. Мор сказала то же самое.

— Эмиссар, — сказал Рисанд, игнорируя кузину. — Эмиссар Ночного Двора в царстве людей.

Азриэль заметил:

— Такого не было пятьсот лет, Рис.

— Как не было и человека, ставшего бессмертным. — Рис встретил мой взгляд. — Человеческий мир должен быть готов наравне с нами, особенно если Король Хайберна хочет разрушить Стену и обрушить на них свои силы. Нам нужна и вторая половина Книги от смертных королев, и если мы не можем воспользоваться магией, чтобы повлиять на них, то они должны будут сами принести ее нам.

Опять тишина. За окнами на улице вихри снега проносились мимо, укрывая мостовую.

Рис вскинул подбородок в мою сторону.

— Ты бессмертная фейри с человеческим сердцем. Но даже так, если ты ступишь на континент, на тебя вполне легко... объявят охоту. Поэтому мы разобьем лагерь на нейтральной территории. В месте, где люди поверят нам, поверят тебе, Фейра. И где другие люди могут рискнуть встретиться с тобой. Чтобы услышать голос Прифиана спустя пять столетий.

— Поместье моей семьи, — сказала я.

— Сиськи Матери, Рис! — перебил Кассиан, его крылья так широко расправлены, что вот-вот собьют керамическую вазу со столика рядом с ним. — Неужели ты думаешь, что мы так просто зайдем дом ее семьи и потребуем от них помощи?

Неста никогда не хотела иметь дела с Фэ, а Элейн была такой нежной, такой хрупкой... как я могла взвалить на них все это?

— Земля, — сказала Мор, потянувшись, чтобы вернуть вазу на место, — станет красной от крови, Кассиан, независимо от того, что мы сделаем с ее семьей. Сейчас вопрос в том, где эта кровь прольется и сколько ее будет. Сколько человеческой крови мы сможем спасти.

И возможно это выставило меня трусливой дурой, но я сказала:

— Со Стеной граничит Весенний Двор...

— Стена тянется от самого моря. Мы полетим через нейтральную территорию, — сказал Рис не моргнув глазом. — Я не буду рисковать, чтобы нас раскрыл какой бы то ни было Двор. Однако, как только мы окажемся на месте, слухи могут поползти очень быстро. Я знаю, Фейра, это будет нелегко, но если есть хоть один шанс, что ты убедишь королев...

— Я сделаю это, — сказала я. Сломанное и пригвожденное тело Клэр Беддор мелькнуло перед моими глазами. Амаранта была одним из его командиров. Всего лишь одним из многих. Король Хайберна должно быть чудовище, если он был ее хозяином. И если его люди доберутся до моих сестер... — Они будут не в восторге от этого, но я заставлю Элейн и Несту согласиться.

У меня не хватило смелости спросить Риса, мог ли он силой заставить мою семью помочь нам, если они откажутся. Мне было интересно, подействует ли его магия на Несту, когда даже обаяние Тамлина не смогло пробить ее стальной разум.

— Тогда решено, — сказал Рис. Никто из них не выглядел особенно счастливым. — Как только дорогая Фейра вернется от Ткачихи, мы поставим Хайберн на колени.

* * *

Рис и остальные ушли в ту ночь — куда именно, мне никто не сказал. Но после событий дня я с трудом закончила поглощать пищу, которую Нуала и Керридвен принесли в мою комнату, прежде чем упасть в постель и уснуть.

Мне снилась длинная белая кость, с вырезанным на ней с ужасающей точностью сюжетом: мое лицо, скорченное в агонии и отчаянии; пепельный нож в моей руке, лужа крови, растекающаяся из-под двух тел...

Я проснулась в водянистом свете зимнего рассвета — и мой желудок все еще был полным со вчерашнего вечера.

Меньше чем минуту спустя после того, как я проснулась, Рис постучал в мою дверь. Я едва успела разрешить ему войти, как он ворвался внутрь словно полночный ветер, бросив на мою кровать ремень, увешанный ножами.

— Поспеши, — сказал он, стремительно распахивая двери шкафа и вываливая оттуда мое боевое кожаное облачение. И тоже бросил его на кровать. — Я хочу отправиться прежде, чем солнце полностью встанет.

— Почему? — спросила я отодвигая одеяло. Сегодня он без крыльев.

— Потому что время — это жизнь, — он откопал в шкафу мои носки и сапоги. — Как только Король Хайберна узнает, что кто-то ищет Книгу Дыханий, чтобы нейтрализовать силу Котла, его агенты тоже начнут на нее охоту.

— Однако ты уже подозревал все это какое-то время. — У меня не было возможности обсудить это с ним прошлой ночью. — Котел, Король, Книга... тебе нужно было лишь подтверждение, но ты ждал меня.

— Согласись ты работать со мной на два месяца раньше, я бы сразу взял тебя к Косторезу, чтобы он подтвердил мои подозрения о твоих талантах. Но не всегда вещи идут по плану.

Нет, они точно не идут по плану.

— Чтение, — сказала я, скользнув ступнями в мягкие флисовые, на толстой подошве тапочки. — Вот почему ты настаивал на моих уроках. Если бы твои подозрения оказались правдой, и я могла бы использовать Книгу... Я смогла бы прочесть ее или любой перевод — все, что находится внутри. — Книгу настолько древнюю, что она вообще может быть написана на совершенно другом языке. Другим алфавитом.

— Опять же, — сказал он, теперь направляясь к комоду, — если бы ты начала работать со мной, я бы рассказал тебе причину. А иначе я не мог допустить раскрытия этой информации. — Он застыл, держа руку на ручке. — Ты в любом случае должна была научиться читать. Но да, когда я сказал тебе, что это служит моей цели — это было именно по этой причине. Ты винишь меня за это?

— Нет, — ответила я и имела это в виду. — Но я хочу быть в курсе любых будущих замыслов.

— Принято к сведению, — Рис рывком открыл комод и достал оттуда мое нижнее белье. Он помахал полоской полночного кружева и хмыкнул. — Я удивлен, что ты не потребовала от Нуалы и Керридвен купить тебе что-нибудь другое.

Я подкралась к нему, выхватывая у него кружева.

— Вытри слюни, а то они сейчас зальют ковер. — Я громко хлопнула дверью в ванную, прежде чем он успел ответить.

Он ждал меня, когда я вышла уже в боевой коже, подбитой мехом. Он поднял пояс с ножами, пока я изучала петли и застежки на нем.

— Никаких мечей, луков и стрел, — сказал он. Сам он тоже был одет в свою иллирийскую боевую экипировку, его простой, но впечатляющий меч висел за спиной.

— Но ножи разрешены?

Рис встал на колени и расправил паутину из кожи и стали, подталкивая меня просунуть ногу через одну петлю.

Я сделала, как мне велели, игнорируя прикосновения его уверенных рук к моим бедрам. Я ступила через другую петлю, и он начал затягивать и закреплять пояс.

— Она не заметит нож, так как в ее доме есть ножи для еды и работы. Но вещи, которых там никогда не было... меч, лук и стрелы... она может почувствовать их.

— А что насчет меня?

Он затянул ремень. Сильные, умелые руки — настолько не сочетающиеся с утонченной одеждой, которую он обычно носил, чтобы ослепить весь остальной мир и заставить думать о нем в ином свете.

— Ни звука, и ни в коем случае не трогай *ничего*, кроме вещи, что она у меня забрала.

Рис посмотрел вверх, его руки лежали на моих бедрах.

«Поклонись», однажды приказал он Тамлину. А теперь он сам стоял на коленях. Передо мной. Его глаза вспыхнули, как будто он тоже это вспомнил. Было ли это частью его игры, частью этого фасада? Или это месть за ужасную кровавую распрю между ними?

— Если мы все правильно поняли о твоих способностях, — сказал он, — если Костерез не солгал нам, то и у тебя и у моей вещи будет одинаковый... магический след, благодаря сохраняющим заклинаниям, которые я наложил на вещь давным-давно. Вы одно и то же. Она не заметит твоего присутствия, пока ты коснешься только этой вещи. Ты будешь невидима для нее.

— Она слепая?

Кивок.

— Но другие ее органы чувств смертельны. Так что будь быстрой и тихой. Найти мою вещь и бегом выбирайся оттуда, Фейра. Его руки задержались на моих ногах, обхватывая их сзади.

— А если она заметит меня?

Его руки слегка сжались.

— Тогда мы точно узнаем, на что ты способна.

Жестокий, коварный ублюдок. Я свирепо на него посмотрела.

Рис пожал плечами. — Или ты предпочтешь, чтобы я запер тебя вместе с горой еды в Доме Ветра и заставил носить красивую одежду и заниматься планированием моих вечеринок?

— Иди к черту. Почему бы не забрать эту вещь самому, если она тебе так дорога?

— Потому что Ткачиха знает меня, и если она меня поймает, цена будет очень высокой. Высшие Лорды не связываются с ней даже в самой плачевной ситуации. В ее кладовой есть много сокровищ, некоторые из них она хранила на протяжении тысячелетий. Большинство никогда не будут возвращены владельцам — Высшие Лорды не рискнут быть пойманными, все из-за законов, защищающих ее, и из-за боязни навлечь на себя ее гнев. А воры посланные по их приказу... либо не возвращаются, либо так никогда и не отправляются к ней, из опасений что их след приведет к Высшему Лорду. Но ты... Она не знает тебя. Ты относишься к каждому двору.

— Значит, я твоя охотница и воровка?

Его руки скользнули вниз и обхватили мои колени, и он сказал с лукавой улыбкой:

— Ты мое спасение, Фейра...

Рисанд рассеял нас в лес, который был старше, чем любое место, где мне доводилось побывать, и который словно обладал собственным сознанием.

Корявые буковые деревья плотно переплетались друг с другом, облепленные мхом и лишайником так основательно, что под ними практически невозможно было разглядеть кору.

— Где мы? — выдохнула я, едва осмеливаясь шептать.

Руки Риса находились в зоне досягаемости его оружия.

— В самом сердце Прифиана есть обширная пустая территория, разделяющая Север и Юг. А в ее центре находится наша священная гора.

Мое сердце пропустило удар, и я сосредоточилась на своих шагах сквозь папоротник, мох и корни.

— Этот лес, — продолжил Рис, — лежит на восточной границе этой нейтральной территории. Здесь нет никакого Высшего Лорда. Закон здесь творит тот, кто сильнее, подлее и хитрее. А Лесная Ткачиха находится на вершине пищевой цепи.

Деревья застонали, несмотря на то, что не было ветра, заставившего бы их колыхнуться. Нет, воздух здесь был тяжелым и затхлым.

— Амаранта не истребила их?

— Амаранта не была идиоткой, — сказал Рис, его лицо помрачнело. — Она не трогала этих существ и не тревожила лес. На протяжении многих лет я пытался найти способ манипулировать ею, заставить ее допустить эту глупую ошибку, но она ни разу не купилась на это.

— А сейчас мы тревожим его — и лишь из-за какого-то теста.

Он усмехнулся, звук отразился от серых камней, разбросанных по земле словно мраморные шарики из детской игры.

— Пройлой ночью Кассиан пытался убедить меня не брать тебя сюда. Я думал, он ударит меня.

— Почему? — я едва его знала.

— Кто знает? Кассиан, вероятно, будет больше заинтересован в том, чтобы затащить тебя в постель, а не защитить.

— Ты свинья.

— Ты ведь знаешь, что можешь сделать это, — сказал Рис, придерживая ветку сухого бука, чтобы я могла проскользнуть под ней. — Если ты вдруг захочешь двигаться дальше в физическом плане — я уверен, что Кассиан будет более чем рад помочь.

Это само по себе уже напоминало испытание. И оно меня настолько взбесило, что я пропела:

— Тогда скажи ему прийти ко мне в комнату сегодня вечером.

— Если ты переживешь это испытание.

Я остановилась на вершине небольшого, покрытого коркой лишайника камня.

— Похоже, тебе нравится сама мысль, что я не справлюсь.

— Совсем наоборот, Фейра, — он прокрался туда, где я стояла на камне. Я была практически на одном с ним уровне глаз. В лесу стало еще тише — казалось, деревья еще ближе прильнули друг к другу, словно ловя каждое наше слово. — Я дам знать Кассиану, что

ты... открыта для его заигрываний.

— Прекрасно, — сказала я. Выхолощенный воздух обрушился на меня подобно вспышке мрака. Та сила в моих костях и крови всколыхнулась в ответ.

Я попыталась спрыгнуть с камня, но он схватил меня за подбородок — движение слишком быстрое, чтобы его предотвратить. Его слова были смертельно ласковыми, когда он спросил:

— Насладилась зрелищем того, как я стоял перед тобой на коленях?

Я знала, что он слышал, как мое сердце оглушительно забилося. Я послала ему в ответ маленькую злобную ухмылку, кое-как вырвала подбородок из его хватки и соскочила с камня. Я могла нацелиться на его ноги. А он мог отойти в сторону, чтобы избежать этого.

— В любом случае, разве это не все, на что вы мужчины годитесь? — однако мои слова были напряженными, почти задыхающимися.

Его ответная улыбка вызвала во мне ощущение шелковых простыней и жасминового бриза в полночь.

Опасная черта — к которой Рис толкнул меня, отвлекая от того, с чем я вот-вот столкнусь, от того, какой разбитой я была внутри.

Злость, этот... флирт, раздражительность... Он знал, что они делали меня сильнее, были моей единственной опорой.

Тогда то, с чем я сейчас столкнусь, действительно должно быть ужасным — раз он хотел, чтобы я вошла туда рассерженной, думающей о сексе, о чем угодно, кроме Лесной Ткачихи.

— Хорошая попытка, — хрипло сказала я. Рисанд лишь пожал плечами и направился вперед к деревьям.

Ублюдок. Да, это всего лишь чтобы отвлечь меня, но..

Я устремилась за ним так тихо, как только могла, намереваясь сбить его с ног и ударить кулаком по позвоночнику, но он поднял руку, остановившись перед поляной.

Маленькая, выбеленная хижина с соломенной крышей и наполовину разрушенным дымоходом в ее центре. Обычная, почти как у людей. Здесь был даже колодец, его ведро висело на каменном воротах, а охапка дров лежала под одним из круглых окон хижины. Ни звука или света внутри — не было даже струйки дыма из дымохода.

В лесу затихло несколько птиц. Не полностью, но их щебет сошел к минимуму. И... там.

Льющееся из домика прекрасное, ровное пение.

В таком месте я бы остановилась, чтобы утолить жажду или будучи голодной, или даже в поисках крова на ночь.

Возможно, это была ловушка.

Деревья вокруг поляны находились так близко друг к другу, практически цеплялись ветвями за соломенную крышу, что вполне могли сойти за прутья клетки.

Рис кивнул в сторону хижины, кланяясь с театральной грацией.

Внутрь, наружу — и ни звука. Найти предмет, каким бы ни был, и стащить его из-под носа слепого человека.

А потом бежать сломя голову.

Покрытая мхом земля вела прямо к слегка приоткрытой входной двери. Кусочек сыра. А я была глупой мышью, что вот-вот клюнет на него.

Рис пожелал мне удачи одними губами, его глаза засияли.

Я показала ему неприличный жест и медленно и молча направилась к входной двери.

Казалось, лес наблюдал за каждым моим шагом. Когда я обернулась, Риса уже не было.

Он не сказал, вмешается ли, если я окажусь в смертельной опасности. Пожалуй, мне все же стоило спросить.

Я избегала любых листьев и камней, следуя узору движений, который какая-то часть моего тела — часть, что не было создана Высшими Лордами — все еще помнила.

Словно пробуждаясь. Именно так я это чувствовала.

Я миновала колодец. Ни пятнышка грязи, ни один камень не казался лишним. Идеальная, прекрасная ловушка — предупредила смертная часть меня. Ловушка с тех времен, когда люди еще были добычей; сейчас же она походила на более умную, бессмертную игру.

Я больше не была жертвой, решила я осторожно подходя к двери.

И я не было мышью.

Я была волчицей.

Я обратилась в слух стоя на пороге, его камни были потертыми, словно много-много пар обуви прошло по ним и, скорее всего, больше не вернулось. Слова ее песни теперь стали отчетливыми, ее голос был приятным и красивым, словно солнечный свет в ручье:

*«Жили двери сестры, отправились они играть,
Чтобы за кораблями отца понаблюдать...
Приблизившись к морской волне
Старшая толкнула младшую навстречу ей.»*

Сладко-медовый голос поющий древнюю, ужасную песню. Я слышала ее раньше — немного измененную, но ее пели люди, которые не имели ни малейшего понятия, что она брала своё начало из уст фейри.

Я послушала еще некоторое время, стараясь услышать еще кого-нибудь. Но там был только топот, гудение какого-то устройства и песня Ткачихи.

*«Иногда она тонула, иногда всплывала,
Пока к плотине мельника ее тело не попало.»*

Мое дыхание стало тяжелым, но я выровняла его — тихо вдыхая-выдыхая воздух ртом. Я приоткрыла входную дверь всего на дюйм.

Ни скрипа, ни визга ржавых петель. Еще одна деталь прекрасной ловушки, практически приглашавшая воров внутрь. Когда дверь была достаточно широко открыта, я заглянула внутрь.

Большая комната с маленькой закрытой дверью на противоположном конце. Ряды полок от пола и до потолка образовывали стены, заполненные разными побрякушками: книгами, ракушками, куклами, травами, гончарными изделиями, обувью, кристаллами, еще

книгами, драгоценностями... На потолке на деревянных стропилах висели самые разные цепи, мертвые птицы, платья, ленты, узловатые кусочки дерева, нити жемчуга...

Лавка старьевщика — какой-то бессмертной барахольщицы.

И эта барахольщица...

В сумраке хижины стояло большое прядильное колесо, покрытое трещинами и изношенное временем.

И перед этой древней прялкой спиной ко мне сидела Ткачиха.

Ее густые волосы были цвета насыщенного оникса, они спадали на ее тонкую талию в то время, как она работала за колесом; ее белоснежные руки подавали и накидывали нить вокруг острого как шип веретена.

Она выглядела молодой, ее серое платье было простым, но элегантным и переливалось в тусклом лесном свете, проникающем сквозь окна, когда она пела голосом, полным сверкающего золота:

«Но что он сделал с ее грудиной?

Он создал альт, чтобы на нем поиграть.

Что он сделал с ее маленькими пальчиками?

Он создал колки своему альту под стать.»

Волокно, что она заправляла в колесо, было белым и мягким. Как шерсть, но... Какой-то человеческой частью сознания я знала, что это была не шерсть. И поняла, что мне не хочется знать, с какого существа она это взяла, из кого она пряла эти нити.

Потому что на полке прямо за ней друг на друге стояли катушки нитей — любого цвета и текстуры. А на полке, чтобы была близ нее, протянулось множество рядов этих тканых нитей — тканых, сообразила я, на огромном ткацком станке, практически скрытом во тьме около очага. На ткацком станке Ткачихи.

Я пришла в день прядения — пела ли бы она, явись я в день плетения? Я уже знала ответ, скрытый в этом странном, наполненном ужасом запахе, исходящем от рулонов ткани.

Волчица. Я была волчицей.

Я ступила в хижину, избегая разбросанного по земляному полу мусора. Она продолжала работать; ее колесо весело дребезжало, создавая невероятный контраст с ее ужасной песней:

«И что же он сделал с носовым гребешком?

На корпусе алта подставкой устроил верхом.

Что он сделал с её венами столь голубыми?

Струнами на алте они стали отныне.»

Я осмотрела комнату, стараясь не вслушиваться в текст.

Ничего. Я не чувствовала... ничего, что могло подтолкнуть меня к одному конкретному

предмету. Наверное, было бы настоящим облегчением, если бы я действительно не была той единственной, кто сможет отследить Книгу — если бы сегодня не было началом того, что определенно будет чередом нападений.

Ткачиха сидела там, работая.

Я изучала взглядом полки, потолок. Время истекало. Мое время истекало, и его практически не осталось.

Рис отправил меня на безнадежное дело? Может быть, здесь ничего и не было. Может, этот предмет уже забрали. Такое было бы вполне в его духе. Поддразнить меня в лесу, увидеть какого рода вещи заставят мое тело среагировать.

И может, в тот момент я обижалась на Тамлина достаточно, чтобы насладиться той смертельной долей флирта. Наверное, я была таким же монстром как и женщина, что пряталась передо мной.

Но если я была монстром, тогда и Рис им был, предположила я.

Рис и я были одинаковыми — не только из-за силы, что он мне подарил. Я бы не удивилась, если бы Тамлин тоже возненавидел меня, как только понял, что я и правда ушла.

Затем я почувствовала это — словно хлопок по плечу.

Я повернулась, наблюдая одним глазом за Ткачихой, а другим за комнатой, обходя лабиринт столов и мусора. Он притягивал меня к себе словно маяк — луч света, в котором сквозила полуулыбка Рисанда.

«Здравствуй», казалось, он говорил. *«Ты наконец пришла забрать меня?»*

Да — да, хотелось сказать мне. Даже когда часть меня желала совсем другого.

Ткачиха пела позади меня:

«Что он сделал с глазами столь ясными?

В альт вставил с рассветом красным

Что он сделал с языком столь жестким?

С языком новым и звук стал четким.»

Я последовала за пульсацией — по направлению к висящей у очага полке. Ничего. И на второй полке ничего. Но на третьей, чуть выше уровня глаз... Там.

Я почти почувствовала его солоновато-цитрусовый запах. Костерез был прав.

Я поднялась на цыпочки, чтобы изучить полку. Старый нож для писем, книги, обтянутые кожей, к которым мне не хотелось прикасаться или нюхать, горсть желудей, потускневшая корона из рубинов и яшмы, и...

Кольцо.

Кольцо из переплетенных золотых и серебряных нитей, с вкраплениями жемчуга и украшенное глубоким, насыщенным синим камнем. Словно сапфир, но что-то другое. Я никогда не видела такого сапфира, даже в мастерской моего отца. Этот... Я готова была поклясться, что в этом тусклом свете круглая, непрозрачная поверхность камня излучала очертания шестиконечной звезды.

Рис — на нем стояло имя Риса.

Он отправил меня сюда за кольцом?!

Ткачиха пела:

*«Третья струна зазвучала сперва,
Узрите вон там моего отца-короля».*

Я наблюдала за ней еще мгновение, оценивая расстояние между полкой и открытой дверью. Схвачу кольцо, и через секунду я выберусь. Тихо, тихо, спокойно.

*«Потом зазвучала вторая струна,
Узрите вон там мою мать, что царевной была.»*

Я опустила руку к одному из привязанных к моим бедрам ножу. Когда я вернусь к Рису, возможно, я ударю его им в живот.

Это быстрое, мимолетное воспоминание о фантомной крови, покрывающей мои руки. Я знала какого это — вонзять кинжал в кожу, кости и плоть. Знала, как будет стекать кровь, как он будет стонать от боли...

Я отгородилась от этой мысли, даже когда могла почувствовать кровь тех фейри, стекающую по той моей человеческой части, которая не умерла и не принадлежала никому, кроме несчастной меня.

*«И вот зазвучали три струны:
Узрите вон там мою сестру, что утопила меня, по желанию своему.»*

Моя рука была тихой, словно последний вдох умирающего, когда я схватила кольцо с полки.

Ткачиха перестала петь.

Я замерла. Кольцо теперь покоилось в кармане моей куртки. Она закончила последнюю песню, может быть, она начнёт другую.

Может быть.

Прядильное колесо начало замедляться.

Я сделала шаг в сторону двери. Затем другой.

Все медленнее и медленнее, каждый оборот древнего колеса становился длиннее предыдущего.

Всего десять шагов до двери.

Пять.

Колесо совершило последний оборот, так медленно, что я могла различить каждую его спицу.

Два шага.

Я повернулась к двери в тот момент, когда она дернула белоснежной рукой, хватая колесо и полностью останавливая его.

Дверь с лязгом закрылась передо мной.

Я рванулась к ручке, но ее там не было.

Окно. Нужно добраться до окна..

— Кто в моем доме? — мягко спросила она.

Страх... Чистый, концентрированный страх накрыл меня, заставляя вспомнить. Вспомнить, каково это — быть человеком, слабым и беспомощным. Вспомнить, каково это — сражаться за свою жизнь, за каждый вздох и быть готовой сделать что угодно, лишь бы остаться живой.

Я добралась до окна рядом с дверью. Запечатано. Ни единой защелки, никакой возможности открыть его. Только стекло, но оно не было стеклом. А чем-то крепким и непробиваемым.

Ткачиха повернула свое лицо в мою сторону.

Волчица или мышь — это не имело значения, потому что я стала просто животным, пытающимся выжить.

Под её красивыми черными волосами, её гибкое молодое тело покрывала серая кожа, морщинистая, обвисшая и сухая. А там, где должны были сверкать её глаза, были черные гноящиеся впадины. Её губы иссохли до глубоких, чёрных вертикальных полос вокруг пасти, полной острых пеньков-зубов, будто она перегрызла слишком много костей.

И я знала, что вскоре она будет грызть мои кости, если я отсюда не выберусь.

Её нос — наверное когда-то дерзкий и красивый, а сейчас наполовину ввалившийся — расширился, когда она принюхалась в мою сторону.

— Что ты такое? — сказала она своим молодым и прекрасным голосом.

Выбраться. Выбраться, мне нужно выбраться...

Был другой выход.

Один самоубийственный, безрассудный выход.

Я не хотела умирать.

Я не хотела быть съеденной.

Я не хотела оказаться в той блаженной темноте.

Ткачиха поднялась со своей маленькой табуретки.

И я знала, что отведённое мне время кончилось.

— Что такое как все? — рассуждала она, делая изящный шаг в мою сторону, — но не похожее на всех?

Я была волчицей.

И я могу укусить, если меня загнать в угол.

Я рванулась к единственной зажженной свече на столе в центре комнаты. И швырнула её в стену с ткаными нитями — в эти ничтожные, темные катушки нитей. Сплетенные тела, кожи и жизни. Пусть они будут свободны.

Взметнулся огонь, и визг Ткачихи был таким пронзительным, что я подумала, что моя голова сейчас взорвётся и кровь закипит в жилах.

Она бросилась к пламени, словно пытаюсь потушить его своими безупречными белыми руками; её рот, полный сгнивших зубов, был открыт и издавал такие крики, будто в ней нет ничего, кроме чёрной преисподней.

Я помчалась к затемнённому очагу. Точнее, к камину и дымоходу над ним.

Дымоход узкий, но достаточно широкий для меня.

Недолго раздумывая, я схватилась за выступ и подтянулась вверх, выгибая руки. Сила бессмертных помогла мне преодолеть только часть пути, прежде чем я почувствовала слабость и истощение.

Я сама им *позволила* сделать меня такой слабой. Склонилась, поддалась, словно дикая лошадь со сломленным духом.

Закопченные кирпичи были шаткими и неровными. Идеально, чтобы по ним вскарабкаться.

Быстрее — я должна двигаться быстрее.

Но мои плечи царапались о кирпичи, и здесь воняло — мертвечиной и горелыми волосами, и был маслянистый налёт на камне, будто растопленный жир...

Крик Ткачихи резко прервался, когда я уже проделала половину пути по дымоходу, когда уже почти виднелся солнечный свет и деревья, а каждый мой вздох был практически всхлипом.

Я ухватилась за следующий кирпич, ломая ногти, и подтянулась вверх настолько яростно, что узкое каменное пространство отозвалось болью в руках, и..

И я застряла.

Застряла, когда Ткачиха зашипела откуда-то снизу:

— Что за маленькая мышка ползает по моему дымоходу?

У меня было достаточно места, чтобы посмотреть вниз, как раз в тот момент, когда разлагающееся лицо Ткачихи появилось внизу.

Она положила свою молочно-белую руку на выступ, и я осознала, насколько мизерно расстояние между нами.

Из моей головы исчезли все мысли.

Я попробовала протолкнуться в тисках дымохода, но не смогла сдвинуться с места.

Я здесь умру. Меня стащат вниз эти красивые руки, меня растерзают и съедят.

Возможно я буду еще жива, когда она вцепится в мою плоть своим жутким ртом, и будет грызть и рвать, и кусать..

Черная волна паники накатила на меня, и я снова оказалась в ловушке Под Горой недалёко отсюда, в грязной траншее, и Мидденгардский Червь надвигался на меня. Я почти

сбежала, почти...

Я не могла дышать, не могла дышать, не могла дышать..

Ногти Ткачихи заскребли по кирпичам, когда она начала карабкаться.

Нет. Нет. Нет. Нет. Нет..

Я толкалась и толкалась о кирпичную стену.

— Думаешь, можешь украсть у меня и сбежать, воришка?

Я бы предпочла Мидденгардского Червя. Предпочла бы его огромные, острые зубы, чем её сколотые пеньки.

Прекрати.

Реальность прошла сквозь темноту моего сознания.

И голос был моим.

— Прекрати, — сказал он — сказала я.

Дыши.

Думай.

Ткачиха подбиралась ближе, кроша кирпичи руками. Она ползла как паук, а я была мухой в её паутине..

Прекрати.

И это слово заглушило все остальное.

Я изрекла его.

Прекрати, прекрати, прекрати.

Думай.

Я пережила Червя — пережила Амаранту. И меня одарили способностями. Внушительными способностями.

Такими, как сила.

Я была сильна.

Я ударила рукой по стене дымохода, настолько низко, насколько дотянулась. От посыпавшихся вниз обломков Ткачиха зашипела. Собрав всю силу, я снова ударила кулаком.

Я не домашнее животное, не кукла, и не зверь.

Я выжила, и я сильна.

Я больше не буду слабой и беспомощной. Я *не* сломаюсь, и меня *не* сломят. Не приручат.

Я снова и снова ударяла кулаком по кирпичам, и Ткачиха остановилась.

Остановилась на достаточное время, чтобы расшатанный мною кирпич успел скользнуть прямо в мою ладонь. И чтобы я успела запустить его в её жуткое, ужасное лицо настолько сильно, насколько смогла.

Треснула кость, и она заревела, разбрызгивая черную кровь. Но я вышибала своими плечами стены дымохода, разрывая кожу под курткой. Я продолжала, продолжала и продолжала до тех пор, пока не стала камнем, ломающим камень, до тех пор, пока ничто и никто больше не сдерживал меня, пока я поднималась по дымоходу.

Я не смела останавливаться, добравшись до края трубы и поднявшись наружу, вывалившись на соломенную крышу. Которая вовсе не была покрыта соломой.

Это были волосы.

И весь этот жир, закоптивший дымоход, а теперь блестящий на моей коже... Эти волосы липли ко мне. Комочками, прядями и пучками. К горлу подступила желчь, но в этот момент входная дверь распахнулась.

Нет. Не туда. Не на землю.

Вверх, вверх и вверх.

Ветка дерева висела низко и близко, и я карабкалась по этой отвратительной крыше, стараясь не думать, на кого или на что я наступаю, что прилипает к моей коже, моей одежде. Спустя мгновение я прыгнула на ждущую меня ветку, продираясь сквозь листья и мох, когда Ткачиха закричала:

— *ГДЕ ТЫ?*

Но я уже бежала по дереву — бежала к другому, соседнему. Я перепрыгивала с ветки на ветку, царапая голые руки о кору. Где же Рисанд?

Я бежала дальше и дальше, сопровождаемая ее криками, однако они становились все более отдаленными.

Где ты, где ты, где ты...

И тут, развалившись на ветке дерева прямо передо мной, одной рукой держась за ее край, Рисанд протянул:

— Что, черт возьми, ты сделала?

Меня занесло при остановке, я загнанно дышала. Я думала, что мои легкие истекают кровью.

— *Ты!* — прошипела я.

Но он только поднял палец к своим губам и рассеялся ко мне, затем подхватил меня за талию одной рукой, а другой за шею, и перенес нас подальше отсюда..

В Веларис. Прямо над Домом Ветра.

Мы падали вниз, и у меня не хватило воздуха, чтобы закричать, как в то же мгновение появились его крылья, широко расправляясь, и он выровнял падение. Мы плавно парили... прямо в открытые окна, скорее всего, зала военного совета. Там был Кассиан, спорящий о чем-то с Амрен.

Оба замерли, когда мы приземлились на красный пол.

Позади них, на стене было зеркало, и увидев в нем свое отражение, я поняла, почему они так пялились.

Мое лицо было исцарапано и залито кровью, и я вся была покрыта грязью и жиром — *вареным жиром* — и кирпичной пылью, и прилипшими ко мне волосами, и я пахла...

— Ты пахнешь, как барбекю, — сказала Амрен, сморщившись.

Кассиан расслабил руку на рукояти боевого ножа на его бедре.

Я все еще тяжело дышала, пытаюсь восстановить дыхание. Приставшие ко мне волосы царапались и щекотали, и...

— Ты убила ее? — спросил Кассиан.

— Нет, — ответил за меня Рис, чуть собирая крылья. — Но учитывая то, как кричала Ткачиха, я просто умираю от любопытства, что же дорогая Фейра сделала.

Жир... На мне были жир и волосы *людей*..

Меня стошнило на пол.

Кассиан выругался, но Амрен взмахнула рукой, и все это моментально исчезло как и не бывало — вместе с грязью на мне. Но я все равно ощущала на себе след всей этой грязи, останки людей, кирпичную пыль...

— Она... Каким-то образом обнаружила меня, — смогла произнести я, резко облокотившись о большой черный стол и вытирая свой рот о плечо своей кожаной куртки.

— Она заперла двери и окна. Поэтому мне пришлось выбираться через дымоход. И я

застряла, — добавила я, когда брови Кассиана поползли вверх, — а когда она попробовала лезть за мной, я кинула ей в лицо кирпич.

Молчание.

Амрен посмотрела на Рисанда.

— А где же был ты? — спросила она.

— Ждал, достаточно далеко, чтобы она меня не обнаружила.

Я зарычала на него:

— Мне бы не помешала помощь!

— Ты выжила, — сказал он, — и нашла способ себе помочь.

По твердому блеску в его глазах, я поняла, что он был в курсе моей паники, которая чуть меня не прикончила — то ли через ментальные щиты, которые я забыла поднять, то ли через очередную аномалию нашей связи. Он был в курсе и заставил меня ее выдержать.

Потому как, если бы меня это убило сейчас, то от меня бы не было никакой пользы, если бы это произошло в действительно важный момент — с Книгой. Все в точности, как он и сказал.

— Вот зачем все это было нужно! — я выплюнула. — Не только из-за этого *глупого кольца*! — я залезла в карман и ударила кольцом по столу, — не только чтобы проверить мои *способности*, но чтобы увидеть, смогу ли я обуздать свою панику?!

Кассиан снова выругался глядя на кольцо.

Амрен помотала головой, волна ее черных волос заколыхалась.

— Жестоко, но эффективно.

Рис только сказал:

— Теперь ты знаешь. Ты можешь использовать свои способности в поиске предметов, а значит и в поиске Книги в Летнем Дворе, а также ты можешь себя контролировать.

— Рисанд, ты придурок, — тихо сказал Кассиан.

Рис только сложил свои крылья с изящным хлопком.

— Ты бы сделал то же самое.

Кассиан пожал плечами, будто отвечая, что так бы и было.

Я посмотрела на свои руки, свои ногти — треснутые и в крови. И сказала Кассиану:

— Я хочу, чтобы ты научил меня сражаться. Чтобы стать сильной. Если твое предложение тренировок все еще в силе.

Брови Кассиана поднялись вверх, и он даже не посмотрел на Риса в поисках одобрения.

— Ты будешь называть меня придурком гораздо быстрее, если мы начнем тренировку. И я понятия не имею, как тренировать людей — на сколько ваши тела хрупки. Были хрупки, я имею в виду, — добавил он, поморщившись. — Мы разберемся с этим.

— Я не хочу все время убегать, — сказала я.

— Бегство, — перебила Амрен, — спасло тебе сегодня жизнь.

Я проигнорировала ее.

— Я хочу научиться драться за свою жизнь. Я не хочу ждать кого-то, кто меня спасет. — Я посмотрела на Риса. — Ну? Я себя проявила?

Но он просто поднял кольцо и кивнул мне в знак благодарности.

— Это кольцо моей матери. — Будто это все объясняло и было ответом на все вопросы.

— Как же ты его потерял? — потребовала я.

— Я его не терял. Моя мать подарила его мне на память, но потом забрала обратно, когда я достиг зрелости, и отдала его Ткачихе на хранение.

— Почему?

— Чтобы я его не потерял.

Глупость и идиотизм и... я хотела принять ванну. Я хотела *тишины* и ванну. Мысль об этих вещах была настолько сильна, что мои колени подогнулись.

* * *

Я практически не смотрела на Рису, когда он взял меня за руку, расправил крылья, и мы взмыли, вылетев через окно. Мы падали вниз в течение пяти оглушительных и диких ударов сердца, прежде чем он рассеял нас в мою комнату в городском домике. Горячая ванна уже наполнялась. Пошатываясь, я направилась к ней, ощущая удар истощения, когда Рис спросил:

— А как насчет тренировки других твоих... способностей?

Сквозь поднимающийся от ванны пар я ответила:

— Думаю, ты и я разорвем друг друга на кусочки.

— Да, наверняка. — Он облокотился о косяк двери в ванную комнату. — Но иначе было бы скучно. Считай наши с тобой тренировки официально частью твоих рабочих обязанностей с этого времени. — Он дернул подбородком. — Давай, попробуй пройти сквозь мои щиты.

Я знала, о каких щитах он говорил.

— Я так устала. И ванна остынет.

— Обещаю, это займет пару мгновений, и она все еще будет горячей. Или же, если ты отточешь свои способности, то сможешь позаботиться об этом сама.

Я нахмурилась. Но сделала шаг к нему, потом другой — заставляя его сделать шаг назад, второй, в комнату. Фантомный жир и прилипшие волосы напомнили мне о том, что он сделал...

Я удерживала его взгляд, его фиолетовые глаза мерцали.

— Ты чувствуешь ее, не так ли? — сказал он, заглушая журчащее чирикание птиц в саду. — Силу, перетекающую под твоей кожей, мурлыкающую тебе на ушко?

— И что, если так?

Он пожал плечами.

— Я удивлен, что Ианта до сих пор не вскрыла тебя на алтаре, чтобы узнать, как эта сила выглядит изнутри.

— Каковы конкретно причины такого твоего отношения к ней?

— Я считаю, что образ Высших Жриц стал слишком извращен по сравнению с тем, какими они когда-то были и какими обещали быть. И Ианта одна из самых худших.

Мой желудок стянулся в тугий ком.

— Почему ты так говоришь?

— Пройди сквозь мои щиты, и я покажу тебе.

Теперь мне понятна смена темы разговора. Провокация. Наживка.

Удерживая его взгляд... Я позволила себе утонуть в нем. Я позволила себе представить эту линию между нами — луч сплетенного света... И на другом конце нашей связи был его ментальный щит. Черный, сплошной и непреступный. И никакого пути внутрь. Однако, однажды я уже смогла проскользнуть... не знаю как. — На сегодня с меня достаточно тестов.

Рис пересек расстояние в два шага между нами.

— Высшие жрицы проникли в некоторые Дворы — Рассвета, Дня и Зимы в основном. Они настолько укоренились в них, что их шпионы теперь повсюду, их последователи поклоняются им как фанатики. И все же, в эти пятьдесят лет, им удалось ускользнуть. Спрятаться. Я бы не удивился, если бы узнал, что Ианта специально искала способ пробраться в Весенний Двор и укрепиться в нем.

— Ты хочешь сказать, что все они злодейки с черными сердцами?

— Нет. Некоторые из них. Есть Жрицы милосердные, бескорыстные и мудрые. Но есть и исключительно лицемерные... Впрочем, как раз таких я и считаю самыми опасными.

— А Ианта?

Искра понимания в его глазах.

Он действительно мне не скажет. Он будет вертеть этим, как куском мяса перед моим носом..

Я сделала выпад. Слепо, дико, я отправила свою силу по этой линии между нами.

И вскрикнула, когда она врезалась в его внутренние щиты, отголоски удара эхом отразились во мне, словно я ударила что-то своим телом.

Риз усмехнулся, и я увидела огонь.

— Достоин восхищения... Пока сыро, но это была замечательная попытка.

Немного запыхавшись, я закипела.

Но он сказал:

— Только за старание... — и взял мою руку в свою. Связь натянулась, это пульсирующее нечто под кожей, и..

Там была тьма, и колоссальное ощущение Его по другую сторону мысленной преграды из черного адаманта. Этот щит был бесконечным, результат того, что на него охотились, атаковали и ненавидели половину тысячелетия. Я провела мысленной рукой по этой стене.

Словно горный лев, изгибающий спину при касании, она казалось, заурчала — а потом ослабила защиту.

Его сознание открылось для меня. По крайней мере, его вестибюль. Он выбрал единственное место памяти, которое позволил мне увидеть...

* * *

Комната, вырезанная из обсидиана; огромная кровать с черными как смоль простынями, достаточно большая, чтобы уместить крылья.

А на кровати, раскинувшись в чем мать родила, лежала Ианта.

* * *

Я попятилась назад, понимая, что это его воспоминание, и что Ианта находится в Его постели, в Его Дворе под горой; ее полные груди превратились в острые вершинки от прохлады...

— Еще есть, что стоит увидеть, — сказал голос Риса словно издалека, пока я пыталась выбраться из его головы. Но мое сознание уперлось в щит — с другой его стороны. Он поймал меня здесь в ловушку...

* * *

— Ты заставил меня ждать, — надула щеки Ианта.

Ощущение твердого, вытесанного дерева, впившегося в спину — спину Рисанда — когда он облокотился о дверь в комнату.

— Убирайся.

Ианте слегка надула губы, сгибая колени и разводя ноги шире, открывая себя ему.

— Я вижу, как ты смотришь на меня, Высший Лорд.

— Ты видишь то, что хочешь видеть, — сказал он — сказали мы. Дверь открылась рядом с ним. — Убирайся.

Ее губы кокетливо изогнулись.

— Я слышала, ты любишь поиграть в игры. — Ее стройная рука заскользила ниже, спускаясь ниже ее пупка. — Ты найдешь во мне занимательного напарника по играм.

Ледяная ярость расплзлась во мне — в нем — пока он размышлял о преимуществах и удовольствии размазывания ее по стенке, и сколько проблем это вызовет. Она упорно преследовала его и других мужчин тоже. Азриэлю пришлось уйти прошлой ночью из-за нее. И Мор была в одном шаге, чтобы сломать ей шею.

— Я думал, твоя преданность принадлежит другим Дворам. — его голос был таким холодным. Голос Высшего Лорда.

— Моя преданность принадлежит будущему Прифиана и его настоящей силе... — ее пальцы скользнули между ее ног... и замерли. Ее вскрик пронзил комнату, когда он швырнул в нее щупальце силы, пригвозждая ее руку к кровати — подальше от ее тела. — Представь, что союз между нами мог бы подарить Прифиану, всему миру! — сказала она, пожирая его глазами.

— Ты имеешь ввиду, что он подарит тебе.

— Наши потомки будут править Прифианом!

Жестокое веселье танцевало в нем

— Итак, ты хочешь мою корону и меня в роли жеребца?

Она попыталась изогнуться, но его сила держала ее.

— Я не вижу никого более достойного на эту роль.

Она станет проблемой — и сейчас, и потом. Он знал это. Убить ее сейчас, предотвратить надвигающуюся угрозу и столкнуться с гневом других Высших Жриц, или... посмотреть, что будет дальше.

— Убирайся из моей кровати. Из моей комнаты. И покинь мой Двор.

Он ослабил свою силу, чтобы дать ей возможность это сделать.

Глаза Ианты потемнели, она соскользнула с кровати на ноги, не обращая внимания на ее одежду, висящую на его любимом кресле. Каждый шаг по направлению к нему заставлял ее полные груди колыхаться. Она остановилась меньше, чем в шаге от него.

— Ты даже не представляешь, что я могу заставить тебя почувствовать, Высший Лорд.

Она потянулась к нему рукой, прямо между его ног.

Его сила сомкнулась вокруг ее пальцев, прежде чем она смогла дотронуться до него.

Он послал силу вниз, выворачивая ее.

Ианта закричала. Она попыталась отпрыгнуть, но его сила приковала ее к месту — столько силы, направляемой с такой легкостью, кружащейся вокруг нее, размышляющей, закончить ли ее существование — словно кобра вокруг мыши.

Рис наклонился ближе, чтобы прошептать ей на ухо:

— *Никогда больше не прикасайся ко мне. Никогда больше не смей прикасаться ни к одному мужчине в моем Дворе. — Его сила переломила кости и разорвала сухожилия, и она снова закричала. — Твоя рука заживет, — сказал он, отступая. — Но если в следующий раз ты посмеешь дотронуться до меня или до кого-нибудь на моих землях, ты увидишь, что остальной части тебя так не повезет.*

Слезы муки катились по ее лицу, сменившись ненавистью, вспыхнувшей в ее глазах.

— *Ты пожалеешь об этом, — прошипела она.*

Он мягко рассмеялся — смехом любовника — и вспышка силы вышвырнула ее на задницу в коридор. Через секунду ее одежда полетела вслед за ней. Потом дверь захлопнулась.

* * *

Воспоминание оборвалось, словно натянутая лента под ножницами, щит за мной опустился, и я вырвалась назад, моргая.

— Правило номер один, — сказал мне Рис, его глаза сверкали яростью из-за воспоминаний, — никогда не проникай в чье-то сознание, не оставляя себе пути назад. Дэмати могут оставить свое сознание открытым для тебя, а потом поймать тебя в нем, и превратить в раба.

Мурашки пробежали по моей спине при мысли об этом. Но то, что он мне показал...

— Правило номер два, — сказал он, выражение его лица было твердым как камень, — когда...

— Когда это произошло, — выпалила я. Я знала его достаточно, чтобы не сомневаться в увиденном. — Когда это произошло между вами?

Его глаза оставались ледяными.

— Сто лет назад. Во Дворе Кошмаров. Я позволил ей приехать, после того, как она годами упрашивала, настаивая на том, что хочет создать связи между Ночным Двором и жрицами. Я слышал слухи о ее природе, но она была молодой и не испытанной, и я надеялся, что новая Высшая Жрица может действительно стать тем изменением, которое нужно ее ордену. Оказалось, что она уже была хорошо натренирована одной из ее менее благих сестер.

Я тяжело сглотнула, мое сердце колотилось.

— Она... Она не вела себя так с....

Люсьен.

Люсьен ее ненавидел. Он неясно и зло намекал, что не стоит любить ее, не стоит подпускать ее...

Меня сейчас стошнит. Неужели она... она так же преследовала и его? Сказал ли он... должен ли был сказать «да» из-за ее статуса?

И если я когда-либо вернусь в Весенний Двор... Как я смогу убедить Тамлина прогнать ее? А что, если пока меня нет, она..

— Правило номер два, — в конце концов продолжил Рис, — будь готова увидеть то, что тебе не понравится.

Всего пятьдесят лет спустя пришла Амаранта. И она сделала с Рисом абсолютно то же самое, за что он хотел убить Ианту. Но в этот раз он позволил этому произойти. Чтобы уберечь их всех. Чтобы уберечь Азриэля и Кассиана от кошмаров, которые будут преследовать его всегда, чтобы не обрушить на них еще больше боли, помимо той которой

они натерпелись детьми...

Я подняла голову, чтобы спросить его о большем, но Рис испарился.

В одиночестве я разделась, сражаясь с застёжками и ремнями, которые он на меня надел. Когда это было? Час или два назад?

Такое ощущение, что прошла целая жизнь. И теперь я стала прошедшей проверку ищейкой Книги, судя по всему.

Это лучше, чем быть женой, только и занимающейся планированием вечеринок да вынашиванием маленьких Высших Лордов. Той, кем Ианта хотела меня сделать, для какой бы не была ее цель.

Ванна действительно оказалась горячей, как он и обещал. И я снова и снова размышляла о том, что он мне показал — и ее рука вновь и вновь тянется меж его ног, столько собственничества и высокомерия в этом жесте..

Я прервала мысль, и вода в ванной внезапно стала холодной.

На следующее утро от Летнего Двора все еще не было никаких вестей, поэтому Рисанд решил отправиться в царство смертных.

— Что конкретно носят в землях людей? — спросила Мор, развалившись на моей кровати. Для той, кто утверждал, что она ходила выпить и танцевала одна Мать знает до скольки, она выглядела издевательски бодрой. Тогда как Кассиан и Азриэль ворчали и морщились за завтраком, и выглядели так, словно их переехало повозкой. Несколько раз подряд. Маленькой части меня стало интересно: каково это — пойти гулять с ними — увидеть, что Веларис мог предложить ночью.

Я перебирала одежду в своем гардеробе.

— Многослойность, — ответила я. — Они... все скрывают. Область декольте может быть несколько вызывающей, в зависимости от торжества, но... все остальное должно быть скрыто под юбками, нижними юбками и прочей чепухой.

— Похоже, что женщины не привыкли бегать или сражаться. Не припомню, что так было пять сотен лет назад.

Я остановила свой выбор на туалете бирюзового цвета с золотым вставками — богатый, яркий, царственный.

— Даже с наличием стены, угроза со стороны фейри так и осталась, поэтому... практичная одежда, несомненно, все так же необходима, чтобы бегать, сражаться со всем, чему удалось проскользнуть через стену... Интересно, что же изменилось. — Я достала топ и штаны в поисках ее одобрения.

Мор лишь кивнула — без комментариев, которые бы мне предоставила Ианта, без ее *божественного вмешательства*.

Я отогнала эту мысль и воспоминание о том, что она пыталась сделать с Рисом, и продолжила:

— В наши дни, большинство женщин выходят замуж, рожают детей и планируют их свадьбы. Те, кто победнее возможно работают на полях, и редкие единицы становятся наемниками или наемными солдатами, но... чем они богаче, тем более ограничена их свобода и роль в обществе. Хотя можно подумать, что деньги купят возможность делать все, что душе угодно.

— Некоторые Высшие Фэ, — сказала Мор, теребя вышитые нити моего одеяла, — точно такие же.

Я скользнула за ширму, чтобы развязать халат, который я надела незадолго до того, как она вошла, чтобы составить мне компанию, пока я готовилась к нашему сегодняшнему путешествию.

— Во Дворе Кошмаров, — продолжила она, ее голос снова стал тихим и немного холодным, — женщины... высоко ценятся. Нашу девственность охраняют, а затем продают за самую высокую цену — любому мужчине, который будет полезен нашим семьям.

Я продолжала одеваться, только чтобы занять себя чем-то, чтобы отвлечься от того ужаса, который, как я начала подозревать, заскользил по моим костям и крови.

— Я родилась сильнее, чем кто-либо в моей семье. Даже сильнее мужчин. И я не могла этого скрыть, потому что они могли почувствовать — точно так же как ты можешь учуять Наследника Высшего Лорда до того, как он войдет в силу. Сила оставляет след... отголосок.

Когда мне исполнилось двенадцать, и у меня все еще не было кровотечения, я молилась, чтобы это означало, что ни один мужчина не возьмет меня себе в жены, что мне удастся избежать того, что испытали мои старшие кузины: нелюбимые и нередко наполненные жестокостью браки.

Я натянула блузку через голову, и застегнула бархатные манжеты на запястьях, прежде чем поправить легкие бирюзовые рукава.

— Но спустя несколько дней после того, как мне исполнилось семнадцать, у меня началось кровотечение. И как только пришла моя первая кровь, мои способности проснулись в полную силу, и даже та проклятая богом гора вздрогнула вокруг нас. Но вместо того, чтобы испугаться, каждая правящая семья в Вытесанном Городе увидела во мне призывную кобылу. Увидели эту силу и захотели, чтобы она принадлежала их роду, и передавалась по крови снова и снова.

— А что твои родители? — выдавила я, скользнув ступнями в полночно-синие туфли. В смертных землях будет уже конец зимы — большинство туфель будет непригодно. По правде сказать, весь мой нынешний туалет будет непригоден, но только когда я буду снаружи — укутанная в верхнюю одежду.

— Моя семья была вне себя от радости. Они теперь могли заключить союз с любой другой правящей семьей. Мои мольбы о праве выбора в этом вопросе не были услышаны.

Она выбралась, напомнила я себе. Мор выбралась и сейчас жила с людьми, которые заботились о ней, которые любили её.

— Остальная часть истории, — сказала Мор, когда я вышла из-за ширмы, — длинная и ужасная, и я расскажу ее тебе как-нибудь в другой раз. Я пришла сюда, чтобы сказать, что я не иду с вами — в царство смертных.

— Из-за того, как они обращаются с женщинами?

Ее насыщенные карие глаза были яркими, но спокойными.

— Когда явятся королевы, я буду там. Хотелось бы увидеть, смогу ли я узнать кого-нибудь из своих давно умерших друзей в их лицах. Но... Я не думаю, что смогу... выдержать и вести себя прилично при остальных.

— Рис сказал тебе не идти? — строго спросила я.

— Нет, — сказала она, фыркнув. — На самом деле, он пытался убедить меня пойти с вами. Сказал, что я смешна. Но Кассиан... он понимает. Мы двое взяли его измором прошлой ночью.

Мои брови слегка приподнялись. Причина, по которой они ушли и напились не вызвала сомнений. Чтобы накачать своего Высшего Лорда алкоголем.

Мор пожала плечами на невысказанный вопрос в моих глазах.

— Кассиан помог Рису вытащить меня оттуда. Еще до того, как они оба достигли достаточно высокого воинского положения, позволившего бы безнаказанно сделать это. Для Риса быть пойманным повлекло бы за собой мягкое наказание, возможно изгнание из общества. Но Кассиан... он рисковал всем, чтобы убедиться, что я не вернусь в тот двор. И он смеется над этим, считая, что он, бастард низкого происхождения, не достоин своего звания или жизни здесь. Он понятия не имеет, что стоит дороже, чем любой другой мужчина, который мне встречался в том дворе и за его пределами. Он и Азриэль.

Да... Азриэль, который держался на шаг позади, чьи тени следовали за ним, но, казалось, таяли в ее присутствии. Я открыла было рот, чтобы спросить об их с Азриэлем истории, но часы пробили десять. Время идти.

Еще до завтрака мои волосы были заплетены в веночек вокруг моей головы, небольшая золотая диадема с вкраплениями лазурита покоилась перед ним. Сочетающиеся серьги свисали так низко, что касались моей шеи, и я взяла витиеватые золотые браслеты, оставленные на туалетном столике, надев каждый из них на запястья.

Мор не сделала мне никаких замечаний — и я знала, что даже не надень я ничего кроме нижнего белья, она лишь скажет мне до конца отстаивать свою точку зрения по этому поводу. Я повернулась к ней.

— Я бы хотела, чтобы мои сестры познакомились с тобой. Может не сегодня. Но если у тебя когда-нибудь появится желание...

Она подняла голову.

Я потеряла заднюю часть обнаженной шеи.

— Я хочу, чтобы они слышали твою историю. И знали, что есть особая сила... — пока я говорила, я поняла, что мне тоже необходимо было услышать это, осознать это. — Особая сила в том, чтобы выдержать такие ужасные испытания и тяготы... И все еще оставаться добрым, светлым. Все еще способным доверять и заводить друзей.

Рот Мор сжался, и она несколько раз моргнула.

Я подошла к двери, но замерла, положив руку на ручку двери.

— Мне жаль, что, когда я прибыла в Ночной Двор, я не была столь приветлива к тебе, как ты ко мне. Я была... Я пытаюсь адаптироваться, пытаюсь научиться жить.

Жалкий, невнятный способ объяснить, какой сломленной я стала.

Но Мор прыгнула с кровати, открыла для меня дверь и сказала:

— У меня бывают хорошие дни и тяжелые дни — даже сейчас. Не позволяй тяжелым дням победить.

* * *

Сегодня, казалось, действительно будет еще один трудный день.

Рис, Кассиан и Азриэль были готовы отправляться — Амрен и Мор оставались в Веларисе присматривать за городом и планировать наше неизбежное путешествие в Хайберн — и передо мной стоял только один выбор: с кем лететь.

Рис рассеет нас с берега прямо к невидимой границе, где стена разделяет наш мир напополам. В ее магии была брешь примерно в полумиле от берега — через нее мы и полетим.

Но стоя в том коридоре — все они облаченные в боевую кожу и я, укутанная в тяжелое меховое пальто... я бросила один взгляд на Рису и снова почувствовала его руки на моих бедрах. Почувствовала, каково это было — заглянуть в его разум, ощутить его ледяную ярость, почувствовать, как... он защищал себя, своих людей, своих друзей, используя силу и маски в своем арсенале. Он видел и вытерпел такие... такие неопишуемые вещи, но все еще... его руки на моих бедрах были нежными, прикосновение словно...

Я не позволила себе закончить эту мысль и сказала:

— Я полечу с Азриэлем.

Рис и Кассиан посмотрели на меня так, словно я заявила, что хочу прошестьвоваться по всему Веларису нагишом, но говорящий с теньями лишь кивнул и сказал:

— Конечно.

И, к счастью, на этом было все.

Сперва Рис рассеялся вместе с Кассианом, потом спустя мгновение вернулся ко мне и Азриэлю.

Главный шпион ждал молча. Я старалась не выглядеть неловко, когда он сгреб меня в объятия; эти тени, что шептали ему, поглаживали мою шею, щеки. Рис слегка нахмурился, и я послала ему колкий взгляд и сказала:

— Не позволяй ветру испортить мне прическу.

Он хмыкнул, взял Азриэля за руку, и мы все растворились в темном ветре.

Звезды и чернота, покрытые шрамами руки Азриэля, крепко меня держащие, мои руки, сплетенные вокруг его шеи, обхватывая, ожидая, считая..

Затем ослепляющий солнечный свет, ревущий ветер, крутое падение вниз, вниз..

Потом мы наклонились и устремились вперед. Тело Азриэля было теплым и твердым, его грубые руки были заботливыми, когда он сжал меня. Никаких преследующих нас теней, словно он оставил их в Веларисе.

Снизу, впереди, позади — раскинулось огромное голубое море. Выше плыла крепость из облаков, а слева от меня... темное пятно на горизонте. Суша.

Земля Весеннего Двора.

Я задумалась о том, находился ли сейчас Тамлин на западной морской границе. Он однажды упоминал о проблемах там. Мог ли он сейчас почувствовать меня, почувствовать нас?

Я не позволила себе думать об этом. Не тогда, когда я *ощутила* стену.

Для человека, она была всего лишь невидимым щитом.

Но для фейри... я не могла увидеть ее, но я слышала потрескивание ее силы — этот привкус обволок мой язык.

— Это отвратительно, не правда ли? — спросил Азриэль, ветер почти поглотил его низкий голос.

— Я понимаю почему вы... *мы* были так запуганы все эти века, — призналась я. С каждым сердцебиением мы приближались все ближе к огромному, тошнотворному источнику силы.

— Ты привыкнешь к этому — к формулировке, — сказал он. Я прижималась к нему так крепко, что не могла видеть его лицо. Вместо этого я наблюдала за переливающимся светом внутри сапфирового Сифона, словно он был большим глазом какого-то полудремлющего чудовища из ледяной пустыни.

— Я больше не знаю, где мое место, — призналась я, наверное, только потому, что ветер ревел вокруг нас, а Рис уже рассеялся туда, где впереди парила темная фигура Кассиана — за стеной.

— Я живу почти пять с половиной веков, но тоже в этом не уверен, — ответил Азриэль.

Я попыталась отстраниться, чтобы прочесть прекрасное, ледяное лицо, но он усилил хватку — негласное предупреждение держаться крепче.

Я понятия не имела, как Азриэль узнал, где была расщелина. По мне все было одинаковым: невидимое, открытое небо.

Но я почувствовала стену, как только мы пронеслись сквозь нее. Почувствовала, как она набросилась на меня, словно придя в ярость, когда мы проскользнули через нее, почувствовала вспышку силы, которая попыталась заполнить эту брешь, но потерпела неудачу.

Мы уже были с другой стороны.

Ветер кусался, температура была такой холодной, что у меня перехватывало дыхание. Резкий ветер казался неживым, по сравнению с весенним ветром, который мы оставили позади.

Азриэль сделал вираж, поворачивая в сторону побережья, где Рис и Кассиан уже неслись над землей. Я поежилась в своем меховом пальто, цепляясь за тепло Азриэля.

Мы миновали песчаный пляж у основания белых скал, и плоская, заснеженная суша, усеянная опустошенными зимой лесами, раскинулась за ним.

Земли людей.

Мой дом.

Прошёл год с тех пор, как я охотилась в этом лабиринте из снега и льда и убила фейри с ненавистью в моем сердце.

В конце зимы поместье моей семьи с изумрудной крышей выглядело таким же красивым, как и летом. Другой красотой — бледный мрамор казался теплым на фоне полностью заснеженной округи, и ветки хвойных деревьев и остролиста украшали окна, арки и фонарные столбы. Единственное праздничное украшение, которое использовали люди. После Войны они запретили и прокляли каждый праздник, напоминавший об их бессмертных правителях.

Три месяца с Амарантой уничтожили меня. Потому я даже не могла представить, что может сделать тысячелетие с Высшей Фэ как она — какие шрамы останутся в культуре народа.

Мой народ — тот, что раньше был моим.

С накинутым капюшоном, спрятав пальцы в меховых карманах плаща, я стояла перед двухстворчатой дверью дома, слушая чистый звон дверного колокольчика, за который я дернула секунду назад.

Позади меня, укрытые чарами Риса, невидимые, стояли в ожидании три моих спутника.

Я сказала им, что будет лучше, если вначале я поговорю со своей семьёй сама. Одна.

Я поежилась, с тоской вспоминая о мягкой зиме Велариса и размышляя, каким же образом она была столь умеренной так далеко на севере, но... все в Прифиане было странным. Возможно, если бы не было стены, магия бы свободно перетекала между королевствами, и климатическая разница не была бы столь существенной.

Дверь открылась, и пухленькая экономка с доброжелательным лицом — миссис Лоран, как я припомнила — посмотрела на меня с прищуром.

— Могу я вам помочь... — слова затихли, когда она увидела моё лицо.

Мои уши и диадема были спрятаны под накинутым капюшоном, но это внутреннее свечение, неестественная неподвижность... Она не стала открывать дверь шире.

— Я здесь, чтобы увидеться со своей семьёй, — выдавила я.

— Ваш... ваш отец уехал по делам, но ваши сестры... — она не пошевелилась.

Она знала. Она поняла, что что-то отличалось, что-то было *не так*..

Ее глаза заметались вокруг меня. Ни кареты, ни лошади.

Ни следов на снегу.

Ее лицо побледнело, и я прокляла себя за свою невнимательность..

— Миссис Лоран?

Что-то защемило у меня в груди, когда я услышала голос Элейн, доносящийся из коридора позади.

От кротости, молодости и доброты, нетронутых Прифианом, не знающих, что я сделала, кем я стала.

Я сделала шаг назад. Я не могла этого сделать. Не могла навлечь все это на них.

Затем лицо Элейн возникло за круглым плечом миссис Лоран.

Такая красивая — она всегда была самой красивой среди нас троих. Мягкая и прелестная, словно летний рассвет.

Элейн была такой же, какой я ее помнила, такой, какой я заставила себя ее помнить в

темнице, когда говорила себе, что если проиграю, если Амаранта пересечёт стену, то она станет следующей. И она станет следующей, если король Хайберна разрушит стену, если я не заполучу Книгу Дыханий.

Золотые с коричневым отливом волосы Элейн были наполовину подобраны, на ее светлой кремовой коже играл румянец, и её глаза, словно плавленый шоколад, широко распахнулись при виде меня.

Они наполнились слезами, затем покотившимися вниз по ее прелестным щекам.

Миссис Лоран не сдвинулась с места. Стоит мне не правильно вдохнуть, и она захлопнет дверь перед моим носом.

Элейн поднесла свою тоненькую руку ко рту, когда ее тело сотряслось от рыданий.

— Элейн, — хрипло произнесла я.

Послышались шаги на широкой лестнице позади, и затем..

— Миссис Лоран, приготовьте чаю и подайте его в гостиной.

Экономка посмотрела в сторону лестницы, затем на Элейн, а потом на меня.

На призрака среди снега.

Одарив меня взглядом, сулящим смерть, если я только попробую причинить вред моим сестрам, женщина направилась в дом, оставив меня и все еще тихо плачущую Элейн.

Но я переступила порог и посмотрела на лестницу.

Туда, где стояла Неста, положив руку на перила, и смотрела на меня как на привидение.

* * *

Дом был прекрасен, но было в нем что-то нетронутое. Что-то новое, по сравнению с возрастом и приятной изношенностью и уютom дома Риса в Веларисе.

И сидя перед резным мраморным камином в гостиной, все еще с накинутым капюшоном, и протянув руки к ревущему огню, я чувствовала... чувствовала, будто они впустили в дом волка.

Призрака.

Я стала слишком большой для этих комнат, для этой хрупкой смертной жизни, стала слишком выделяющейся и необузданной, и... могучей.

И я также собиралась надолго привнести все это в их жизнь.

Я не знала, где были Рис, Кассиан и Азриэль. Должно быть, они, как тени, стояли в углу, наблюдая. Или остались снаружи под снегом. Хотя я бы не удивилась, если бы Кассиан и Азриэль сейчас облетали окружающие земли, исследуя окрестности, совершая все более широкие круги до тех пор, пока бы не достигли деревни, моей покосившейся старой хижины или даже самого леса.

Неста выглядела все такой же, но более взрослой. И дело было не в ее лице, как и прежде надменном и прекрасном, а... в ее глазах и в том, как она держалась.

Сидя напротив меня на небольшом диване, мои сестры рассматривали меня и ждали.

— Где отец? — спросила я. Похоже, это было самым безопасным, что я могла спросить.

— В Неве, — ответила Неста, назвав один из крупнейших городов на континенте. — Торгует с какими-то купцами из другой части света. И присутствует на собрании по поводу угрозы за Стеной. Той самой угрозы, о которой, как я предполагаю, ты вернулась нас предупредить.

Ни слов облегчения или любви — никогда от нее.

Элейн взяла свою чашку с чаем.

— Фейра, какова бы не была причина, мы рады видеть тебя. Живой. Мы думали ты...

Я откинула свой капюшон, прежде чем она продолжила.

Чашка Элейн задрезжала о блюдце, когда она заметила мои уши. Мои более длинные, изящные руки... и лицо, которое несомненно было фейским.

— Я была мертва, — резко сказала я. — Я была мертва, но потом я переродилась — я была сотворена.

Элейн поставила трясущуюся чашку на низкий столик между нами. Янтарная жидкость расплескалась по блюдцу.

И когда она подвинулась, Неста слегка развернулась так, чтобы быть между мной и Элейн.

Я сказала глядя на Несту:

— Мне нужно, чтобы вы меня выслушали.

Они обе широко раскрыли глаза.

Но они выслушали меня.

Я рассказала им свою историю. С таким количеством деталей, которое я могла выдержать, я рассказала им о случившемся Под Горой. О моих испытаниях. И Амаранте. Я рассказала им про мою смерть. И о моем перерождении.

Правда, рассказывать о последних прошедших месяцах было труднее.

Поэтому я поведала о них вкратце.

Но я объяснила, что должно было здесь состояться и рассказала об угрозе из Хайберна. Я объяснила, чем этот дом должен был стать, кем мы должны были стать, и что мне требовалось от них.

И когда я закончила, их глаза все еще были широко распахнуты. Молчание.

Наконец Элейн сказала первой:

— Ты... ты хочешь, чтобы другие Высшие Фэ пришли... сюда. И... и королевы Империи?

Я медленно кивнула.

— Найди себе другое место, — сказала Неста.

Я повернулась к ней, уже умоляя и готовясь к ссоре.

— Найди себе другое место, — снова повторила Неста, выпрямляя спину. — Я не хочу их видеть в своем доме. Или рядом с Элейн.

— Неста, пожалуйста, — выдохнула я. — Больше нигде. Мне больше некуда пойти, нет места, где бы на меня не объявили охоту или не распяли..

— А как же мы? Что будет, когда люди из округа узнают, что мы помогаем Фэ? Чем же мы тогда будем лучше Детей Благословенных? Наше положение в обществе, наше влияние — все пропадет. И свадьба Элейн..

— Свадьба? — выпалила я.

Я не сразу заметила кольцо с жемчугом и бриллиантами на ее пальце, темный металлический ободок поблескивал в свете огня.

Однако Элейн побледнела, посмотрев на него.

— Через пять месяцев, — сказала Неста. — Она выйдет замуж за сына лорда. И его отец посвятил всю свою жизнь охоте на *таких, как ты*, если они пересекли Стену.

Таких, как я.

— Поэтому никаких собраний здесь, — отрезала Неста, напрягая плечи. — В этом доме

не появится ни один Фэ.

— Включаешь ли ты и меня в это заявление? — тихо спросила я.

Молчание Несты было достаточным ответом.

Но Элейн возразила:

— Неста.

Моя старшая сестра медленно посмотрела на нее.

— Неста, — снова сказала Элейн, заламывая руки. — Если... если мы не поможем Фейре, то не будет никакой свадьбы. Даже крепостная стена и все люди Лорда Нолана будут не в состоянии спасти меня от... от них. — Неста не шелохнулась. Но Элейн надавила: — Мы будем держать все в секрете — мы отошлем слуг. С наступающей весной они будут рады поехать домой. И если Фейре нужно будет прийти или уйти для ее встреч, она нас заранее предупредит, и мы будем отсылать их из поместья. Придумаем причины, чтобы отправить слуг домой, на выходные. И потом, отец все равно не вернется до лета. Никто ничего не узнает. — Она положила ладонь на колено Несты, фиолетовая ткань платья моей сестры практически поглотила ее светлую руку. — Фейра отдавала и отдавала нам все... годами. Позволь теперь нам помочь ей. Помочь... остальным.

Мое горло свело, и в глазах защипало.

Неста изучала темное кольцо на пальце Элейн, то, как она все еще его прижимала. Леди — вот кем станет Элейн. То, чем она рискует из-за всего этого.

Я встретила взгляд Несты.

— Другого пути нет.

Она слегка приподняла подбородок.

— Мы отошлем всех слуг завтра.

— Сегодня, — настаивала я. — Мы больше не можем терять времени. Прикажи им покинуть поместье прямо сейчас.

— Я сделаю это, — сказала Элейн, глубоко вдыхая и расправляя плечи. Она не стала дожидаться нас и вышла, изящная, словно лань.

Оставшись наедине с Нестой, я спросила:

— Он хороший — сын лорда, за которого она собралась замуж?

— Она думает, что да. И поэтому она его любит.

— А что думаешь ты?

Глаза Несты — мои глаза, глаза нашей матери — встретились с моими.

— Его отец выстроил каменную стену вокруг их поместья, настолько высокую, что даже деревья не дотягиваются. Я думаю, что поместье больше похоже на тюрьму.

— Ты с ней об этом говорила?

— Нет. Сын, Грейсен, достаточно добр. И он также очарован Элейн, как и она им. Но его отец, именно он мне не нравится. В ней он видит деньги, которые она принесет в их поместье и для его похода против Фэ. Но он стар. И скоро должен умереть.

— Надеюсь.

Неста пожалала плечами, а затем спросила:

— Твой Высший Лорд... Ты прошла через все это, — она махнула рукой в мою сторону, указывая на мои уши, мое тело, — и все равно в итоге все не закончилось хорошо?

Мне снова стало тяжело.

— Этот лорд построил стену, чтобы народ Фэ оставался снаружи. Мой Высший Лорд хотел держать меня в клетке.

— Почему? Он же позволил тебе вернуться несколько месяцев назад?

— Чтобы обезопасить и защитить меня. И я думаю... думаю то, что произошло с ним, с нами Под Горой, сломало его. — Возможно даже больше, чем сломало меня. — Жажда защитить любой ценой, даже если это мне во вред... Я думаю, что он хотел подавить это в себе, но не смог. Он не смог перебороть это. — Я поняла, что было... все еще было много вещей, которые я должна была сделать. Чтобы разобраться во всем. Чтобы разобраться в себе.

— И теперь ты при новом Дворе.

Не совсем вопрос, но я сказала:

— Ты бы хотела с ними познакомиться?

Элейн потребовалось несколько часов времени и все ее обаяние, чтобы заставить слуг быстро собрать свои вещи и уехать, а также мешочек с деньгами для каждого, чтобы ускорить этот процесс. Несмотря на то, что миссис Лоран уходила последней, она пообещала сохранить увиденное в тайне.

Я не знала, где ждали Рис, Кассиан и Азриэль, но как только миссис Лоран втиснулась в переполненную карету с оставшимися слугами, направлявшуюся в деревню — там их будет ждать транспорт, который развезет их по домам — раздался стук в дверь.

Дневной свет уже угасал, и мир наполнился синими, белыми и серыми тенями с проблесками золота, когда я открыла входную дверь и обнаружила их на пороге.

Неста и Элейн были в большом обеденном зале — самой просторной комнате в доме.

Взглянув на Риса, Кассиана и Азриэля, я поняла, что была права, выбрав именно этот зал местом для встречи.

Они были огромными — необузданные, грубые, древние.

Брови Риса взметнулись.

— Можно подумать, что им сказали, что в их дом пришла чума.

Я распахнула дверь достаточно широко, чтобы они зашли внутрь, и быстро закрыла обратно, чтобы не впустить холод.

— Моя сестра Элейн несколькими улыбками может убедить любого сделать все, что угодно.

Зайдя внутрь Кассиан присвистнул, изучая парадный холл, вычурную мебель, изысканные картины. За все это заплатил Тамлин в самом начале. Он взял на себя заботу о моей семье, но его собственная семья... Я не хотела думать о его семье, убитой соперничающим двором, по причине, которую мне никто никогда не разъяснил. Не сейчас, когда я жила среди них — он был добрым — в Тамлине была часть, которая была доброй..

Да. Он дал мне все, чтобы я стала сама собой, чтобы чувствовала себя в безопасности. И когда он получил то, что хотел... Он остановился. Он попробовал измениться, но едва ли старался по-настоящему. Он позволил себе остаться слепым к тому, что мне было нужно, после всего того, что сделала со мной Амаранта.

— Твой отец должно быть хороший торговец, — произнес Кассиан. — Я видел замки с гораздо меньшим богатством.

Я заметила, что Рис внимательно смотрит на меня, на его лице застыл немой вопрос. Я ответила:

— Мой отец находится в отъезде по делам и принимает участие в собрании в Неве по поводу угрозы от Прифиана.

— От Прифиана, — переспросил Кассиан, разворачиваясь в нашу сторону, — не от Хайберна?

— Возможно, мои сестры ошиблись — ваши земли чужды для них. Они просто сказали «за стеной». Я допустила, что они имели в виду Прифиан.

Азриэль подошел тихо, как кошка.

— Если люди знают об угрозе, и объединяются против нее, то это может дать нам преимущество при обращении к королевам.

Рис все еще изучал меня, как будто видя невидимый груз, который придавил меня с того

момента, как я здесь появилась. В последний раз, когда я была в этом доме, я была влюблена — такой безумной, отчаянной любовью, что она вернула меня в Прифиан, привела под Гору, меня, простого человека. Такую же хрупкую, какими мне сейчас кажутся мои сестры.

— Идем, — сказал Рис, кивнув мне легко и словно понимающе, прежде чем двинуться вперед. — Давай наконец представимся.

* * *

Мои сестры стояли у окна, их волосы сверкали золотом от света люстр в зале. Такие красивые, молодые, живые — но когда это изменится? Каково будет говорить с ними, когда я останусь такой всегда, в то время как их кожа станет морщинистой и тонкой как бумага, их спины согнутся под бременем лет, а их белые руки покроются пигментными пятнами?

Я только начну свою бессмертную жизнь, когда их жизнь потухнет — как свеча на ветру.

Но до тех пор, я могу подарить им несколько прекрасных лет — безопасных лет.

Я пересекла комнату, трое мужчин шли за мной на шаг позади, отполированные до блеска деревянные полы сверкали под нами как зеркало. Теперь, когда слуги ушли, я наконец сняла свой плащ, и именно на меня, а не на иллирийцев мои сестры посмотрели в первую очередь. На мою одежду Фэ, корону, драгоценности.

Чужая — теперь эта часть меня была для них чужой.

Затем они посмотрели на крылатых мужчин — двоих из них. Крылья Риса исчезли, его кожаное облачение сменилось на его обычный утонченный камзол и штаны.

Обе мои сестры застыли при виде Кассиана и Азриэля, их огромных крыльев, прижатых плотно к мощным телам, их оружия и сокрушительно прекрасных лиц всех трех мужчин.

Элейн, к ее чести, не упала в обморок.

К чести Несты, она не зашипела на них, что было уже хорошо. Она только сделала заметный шаг вперед Элейн и спрятала сжатую в кулак руку в складках простого, но элегантного аметистового платья.

Это движение не осталось незамеченным для моих спутников.

Я остановилась в четырех футах от сестер, предоставляя им свободное пространство в комнате, из которой словно внезапно выкачали весь воздух.

— Мои сестры, Неста и Элейн Арчерон, — обратилась я к мужчинам.

Долгие годы я не вспоминала и не пользовалась своим фамильным именем.

Я не хотела брать фамилию отца, не тогда когда он сидел перед камином, и позволял нам голодать, пока я жертвовала собой и охотилась для них. Он позволял мне ходить в лес одной. Я перестала использовать свою фамилию в тот день, когда убила своего первого кролика и почувствовала его кровь на своих руках. Спустя годы тем же способом я убила тех фейри, и их кровь останется на моих руках словно невидимая татуировка.

Мои сестры не склонились в реверансе. Их сердца бешено стучали, даже сердце Несты, и запах их страха обволакивал мой язык..

— Кассиан, — наклоняя голову влево, произнесла я. Затем я повернулась вправо, мысленно благодаря, что его теней нигде не было видно: — Азриэль. — Еще чуть-чуть повернувшись: — Рисанд, Высший Лорд Ночного двора.

Я поняла, что Рис спрятал и исходящую от него ночную тьму, и волны потусторонней грации, и пульсацию могущества. Но все равно, глядя в его фиолетовые с вкраплением звезд

глаза, любой бы понял, что он необыкновенный.

Он поклонился моим сестрам.

— Спасибо за ваше гостеприимство... и великодушие, — произнес он с теплой улыбкой. Но что-то в нем оставалось напряженным.

Элейн попыталась ответить улыбкой, но у нее не получилось.

Неста посмотрела на них троих, потом на меня и произнесла:

— Повар оставил ужин на столе. Мы должны поужинать, пока еда не остыла. — Она не стала ждать моего одобрения и сразу двинулась во главу отполированного вишневого стола.

— Приятно познакомиться, — отрывисто произнесла Элейн, прежде чем поспешить вслед за Нестой, шелковые юбки ее кобальтового платья зашелестели по паркету.

Мы последовали за ними, Кассиан гримасничал, брови Риса были подняты, а Азриэль выглядел так, словно мечтал раствориться в ближайшей тени, лишь бы избежать совместного разговора.

Неста ждала во главе стола — королева, готовая к приему при дворе. Элейн дрожала в обитом мягкой тканью резном стуле слева от нее.

Я сделала им всем одолжение, заняв стул справа от Несты. Кассиан занял место рядом с Элейн, сжавшей вилку в руке так сильно, будто собираясь пустить ее в ход против него. Рис плавно скользнул на стул рядом со мной, Азриэль занял место с другой стороны от Риса. Легкая улыбка расцвела на губах Азриэля, когда он заметил, что костяшки пальцев Элейн побелели, сжимая эту вилку, но он промолчал, вместо этого глядя на то, как Кассиан пытается исподволь примостить свои крылья вокруг человеческого стула. Котел меня поberi! Я должна была вспомнить об этом. Хотя сомневаюсь, что он будет признателен, если я прямо сейчас принесу еще два стула.

Я вздохнула и сняла крышки с различных блюд и кастрюль.

* * *

Я вздохнула и сняла крышки с различных блюд и кастрюль.

Приготовленный на медленном огне лосось с укропом и лимоном из теплицы, картофельное пюре, жареный цыпленок со свеклой и репой из погреба, горшочки с яйцами, дичью и луком-пореем. В общем, сезонная еда — то, что у них осталось в конце зимы.

Я наложила еду на тарелку, мои сестры и спутники сделали тоже самое — звук наполняемых тарелок в тишине. Я откусила кусочек и едва сдержала гримасу отвращения.

Когда-то такая еда была бы для меня роскошью, вкусной и ароматной.

Теперь же она была словно пепел у меня во рту.

Рис расправлялся со своей курицей без колебаний. Кассиан и Азриэль ели так, будто месяц не видели еды. Возможно, будучи воинами, они смотрели на пищу как на источник силы — и не обращали внимания на ее вкус.

Я заметила, что Неста наблюдает за мной.

— Что-то не так с нашей едой? — спросила она прямо.

Я заставила себя сделать еще один укус, каждое движение моей челюсти было огромным усилием.

— Нет, — я проглотила еду и выпила залпом живительный стакан воды.

— Получается, ты не можешь больше есть обычную пищу... или ты стала слишком хороша для нее? — вопрос, брошенный с вызовом.

Вилка Риса лязгнула по тарелке. Элейн сделала маленький, обеспокоенный вздох.

И хотя Неста позволила мне воспользоваться этим домом, хотя она попыталась пересечь Стену ради меня, и мы заключили временное перемирие, тон которым она это произнесла, полный отвращения, неодобрения...

Я положила ладони рук на стол.

— Я могу есть, пить, трахаться и драться так же хорошо, как и прежде. Пожалуй, даже лучше.

Кассиан поперхнулся водой. Азриэль подвинулся на стуле, готовый разнимать нас, если потребуется.

Неста тихо рассмеялась.

Но я почувствовала огонь в моем рту, услышала его рев в моих жилах, и...

Невидимый, твердый рывок через связь, и прохладная темнота окутала меня изнутри, мой гнев, мои чувства, успокаивая этот огонь...

Я бросилась поднимать свои ментальные щиты. Но они были не тронуты.

Не моргнув глазом Рис ровно пояснил Несте:

— Если ты когда-нибудь приедешь в Прифиан, то поймешь, почему ваша еда кажется нам другой по вкусу.

Неста высокомерно на него посмотрела:

— Я не собираюсь когда-нибудь в своей жизни ступить на вашу землю, так что мне придется поверить тебе на слово.

— Неста, пожалуйста, — пробормотала Элейн.

Кассиан оценивал Несту, по блеску в его глазах я могла только предположить, что воин столкнулся с новым, интересным противником.

Затем, Матерь божья, Неста переключила своё внимание на Кассиана, подметив этот блеск — то, что он означал. Она огрызнулась:

— На что уставился?

Брови Кассиана поднялись — сейчас начнется маленькое представление.

— На ту, что позволила своей младшей сестре рисковать жизнью каждый день в лесу, в то время как она сама не делала ровным счетом ничего. На ту, что позволила своей четырнадцатилетней сестре пойти в лес, который находится так близко к Стене.

Мое лицо начала заливать краска, и я открыла рот, чтобы что-то сказать. Что именно, я не знала.

— Твоя сестра умерла — *умерла*, спасая мой народ. И она готова сделать это снова, чтобы защитить вас от войны. Так что не жди, что я буду сидеть и молчать, пока ты будешь насмехаться над нею, над выбором, которого у нее не было, при этом попутно оскорбляя *мой* народ.

Неста никак не отреагировала и вместо этого изучала черты его красивого лица, его мускулистое тело. Затем развернулась ко мне, показывая, что не воспринимает его всерьез.

Выражение лица Кассиана стало почти диким. Волк, кружащий вокруг лани... которая вдруг оказалась горной кошкой.

Голос Элейн дрогнул, когда она это заметила и быстро сказала ему:

— Это... понимаешь, очень трудно... это принять..

Я осознала, что темный металл ее кольца... это было железо. Даже при том, что я рассказала им о его бесполезности. Подарок от ее жениха, семья которого ненавидела фейри. Элейн бросила умоляющий взгляд на Риса, потом на Азриэля, смертельный страх

отражался на ее лице и в ее запахе.

— Нас так воспитали. На историях о вашем племени, которое пробирается через Стену, чтобы навредить нам. Наша соседка, Клэр Беддор, ее забрали, а семью убили.

Голое тело, прибитое к стене. Сломанное. Мертвое. Оно висело там в течение нескольких месяцев.

Рис уставился в свою тарелку. Не двигаясь. Не мигая.

Это он отдал Амаранте имя Клэр — отдал, несмотря на то, что знал, что я ему соврала.

— Все это очень сбивает с толку, — сказала Элейн.

— Я могу представить, — произнес Азриэль.

Кассиан сверкнул на него взглядом. Но внимание Азриэля было приковано к моей сестре, вежливая, ласковая улыбка играла на его губах. Плечи Элейн слегка расслабились. Я задумалась, часто ли главный шпион Риса добывал необходимую информацию при помощи своих безукоризненных манер, наравне с его тенями и умением оставаться незамеченным.

Элейн села чуть повыше, сказав Кассиану:

— Что касается охоты Фейры все эти годы, то вина не только на одной Несте с ее пренебрежением. Мы были напуганы, нас никто не готовил к такому, у нас отняли все, и мы подвели ее. Мы обе.

Неста ничего не сказала, ее спина была напряжена.

Рис послал мне предупреждающий взгляд. Я сжала руку Несты, привлекая ее внимание к себе.

— Мы можем просто... начать все с начала?

Я почти чувствовала гордость, текущую по ее венам, кричащую ей не отступать назад.

Кассиан, черт бы его побрал, подарил ей ядовитую усмешку.

Но Неста едва слышно прошипела:

— Прекрасно. — И вернулась к своей еде.

Кассиан наблюдал за каждым кусочком еды, что она взяла, за каждым движением ее горла, когда она глотала.

Я заставила себя съесть все, что было у меня на тарелке, осознавая, что внимание Несты приковано к тому, как я ем.

Элейн спросила Азриэля — возможно они вдвоем были единственными цивилизованными людьми из нас всех:

— Вы действительно можете летать?

Моргая, он положил вилку. Я могла бы даже назвать его смущенным.

— Да. Кассиан и я исходим родом из расы фейри, которых называют иллирийцами. Мы рождаемся слушая песню ветра.

— Как красиво, восхитилась Элейн. — Но это не страшно? Летать так высоко?

— Иногда, — ответил Азриэль. Кассиан оторвал свое неослабевающее внимание от Несты только чтобы кивнуть головой в подтверждение. — Если ты попал в шторм, или если воздушный поток пропал. Но нас тренируют так основательно, что страх уходит еще до того, как мы покинем пеленки.

Однако, сам Азриэль не обучался долгое время. *«Ты привыкнешь к формулировкам»*, — сказал он мне чуть раньше. Как часто он напоминает себе использовать такие слова? Слова «мы», «наш» и «нас» кажутся такими же чужими на его языке, как и на моем?

— Ты выглядишь как Высший Фэ, — вмешалась Неста, ее голос резал как острие ножа. — Но ты им не являешься?

— Высшие Фэ только те, кто выглядят как *они*, — протянул Кассиан, махая рукой в сторону меня и Риса, — Какие-либо отличия делают из остальных, как любят говорить, низших фейри.

Рисанд наконец сказал:

— Этот термин стали использовать для простоты, но под его маской тянется длинная и кровавая история несправедливостей. Многие низшие фейри возмущены этим названием и хотят, чтобы всех называли одинаково.

— Именно так, — сказал Кассиан, выпивая воду из своего стакана.

Неста изучала меня.

— Но ты не была Высшей Фэ — не с рождения. Так как же они называют тебя? — Я не могла сказать, было ли это уколом, или нет.

Рисанд ответил за меня:

— Фейра будет той, кем она захочет быть.

Неста, теперь изучала всех нас, то и дело поднимая глаза к моей короне. Но затем сказала:

— Напишите свое послание королевам сегодня вечером. Завтра мы с Элейн пойдем в деревню, чтобы отправить его. И если королевы приедут сюда, — добавила она, бросая ледяной взгляд на Кассиана, — Советую вам готовиться к предрассудкам гораздо большим, чем наши. И размышлять над тем, как вы планируете выгнать отсюда нас всех, если все закончится плохо.

— Мы подумаем над этим, — сказал Рис учтиво.

Неста продолжила, явно не впечатленная ни одним из нас:

— Я полагаю, вы захотите остаться на ночь.

Рис посмотрел на меня, на его лице читался немой вопрос. Мы легко могли уйти, мужчины наши бы дорогу домой в темноте, но... Слишком скоро, возможно, мир покатится в ад. Я сказала:

— Если это не доставит много проблем, то да. Мы уйдем завтра утром после завтрака.

Неста не улыбнулась, но Элейн просияла.

— Отлично. Думаю у нас есть несколько готовых спален.

— Нам нужно две, — перебил Рис спокойно. — Комнаты рядом друг с другом, по две кровати в каждой.

Я сдвинула брови глядя на него.

Рис пояснил мне:

— Магия по другую сторону Стены действует иначе. И наши щиты, наши силы могут работать неправильно. Я не буду рисковать. Особенно находясь в одном доме с женщиной, обрученной с человеком, который подарил ей железное обручальное кольцо.

Элейн слегка покраснела.

— Все спальни, в которых есть две кровати, расположены не рядом друг с другом, — пробормотала она.

Я вздохнула.

— Мы передвинем вещи. Все нормально. Вот этот, — добавила я, стрельнув глазами в направлении Риса, — недовольный и раздражительный только потому, что он старый, и ему уже давно пора спать.

Рис фыркнул от смеха, гнев Кассиана утих настолько, что он усмехнулся, а Элейн, заметив непринужденность Азриэля, как доказательство того, что дела в самом деле не

кончатся плохо, тоже послала улыбку.

Неста поднялась на ноги, словно тонкий стержень из стали, и сказала, обращаясь ни к кому в особенности:

— Если все закончили есть, то ужин окончен.

И на этом было все.

* * *

Рис набросал письмо за меня, Кассиан и Азриэль внесли свои поправки, и только к полуночи у нас был черновик, который нам всем показался звучащим достаточно впечатляюще, доброжелательно и в меру угрожающе.

Мои сестры убрали тарелки, пока мы работали, и отправились спать пару часов назад, перед этим показав, где расположены наши комнаты.

Кассиан и Азриэль будут спать в одной из них, Рис и я другой.

Я нахмурилась при виде большой гостевой спальни, когда Рис закрыл за нами дверь. Кровать была достаточно большой для двоих, но я не стану делить ее с ним. Я развернулась:

— Я не...

Дерево глухо ударило об ковер, и у двери появилась вторая небольшая кровать. Рис плюхнулся на нее, стягивая сапоги.

— Неста просто восторг, кстати.

— Она... сама себе на уме, — сказала я. Это было, пожалуй, лучшее, что я могла о ней сказать.

— Впервые за много столетий кому-то удалось с такой легкостью довести Кассиана до бешенства. Как жаль, что они собираются прикончить друг друга.

Часть меня содрогнулась при мысли, какое наступит опустошение, если они вдвоем вдруг решат прекратить борьбу.

— И Элейн, — вздохнув, сказал Рис, снимая другой сапог, — не стоит выходить замуж за сына лорда по дюжине причин, не последняя из которых тот факт, что тебя не пригласят на свадьбу. Хотя, возможно, это и к лучшему.

Я прошипела:

— Не смешно.

— По крайней мере, тебе не придется отправлять подарок. Сомневаюсь, что ее свекр соизволит его принять.

— И у тебя хватает наглости зубоскалить над моими сестрами, когда твои собственные друзья — это одна сплошная мелодрама? — Его брови приподнялись в немом вопросе. Я фыркнула. — Ах, как это ты еще не заметил, как Азриэль смотрит на Мор? Или как она сама иногда смотрит на него, защищает его? И как у них обоих так хорошо выходит делать из Кассиана преграду между ними большую часть времени?

Рис поднял на меня взгляд.

— Лучше оставь эти наблюдения при себе.

— Считаешь меня сплетницей? Моя жизнь и так никчемна — зачем же распространять лишние страдания вокруг?

— Она никчемная? Твоя жизнь, я имею в виду. — Осторожный вопрос.

— Я не знаю. Все происходит так стремительно, что я не знаю, что чувствую. — Самый честный мой ответ за последнее время.

— Хммм. Пожалуй, когда мы вернемся домой, я дам тебе выходной.

— Какой ты заботливый, *мой Лорд*.

Он фыркнул, расстегивая свой камзол. До меня вдруг дошло, что я стояла в нарядном платье и драгоценностях — и мне совершенно не в чем спать.

Рис щелкнул пальцами, и моя пижама — и какое-то полупрозрачное нижнее белье — оказались на кровати.

— Я не смог решить, какой же клочок кружева я хочу, чтобы ты надела, поэтому дал их тебе несколько на выбор.

— Свинья, — грубо ответила я, схватив одежду и направляясь в соседнюю ванную комнату.

В комнате было тепло и уютно, когда я вышла оттуда. Рис лежал в призванной из ниоткуда кровати, весь свет был потушен за исключением потрескивающих углей в очаге. Даже простыни были теплыми, когда я скользнула под свое одеяло.

— Спасибо, что согрел постель, — сказала я в темноту.

Он лежал ко мне спиной, но я ясно услышала его слова, когда он сказал:

— Амаранта ни разу не поблагодарила меня за это.

Все тепло испарилось.

— Она слишком мало страдала.

Совершенно недостаточно, за все то, что она сделала. Со мной, с ним, с Клэр и многими другими.

Рис не ответил. Вместо этого он сказал:

— Я был уверен, что не смогу выдержать этот ужин.

— Что ты имеешь в виду? — Он держался довольно... спокойно. Сдержанно.

— У твоих сестер добрые намерения, ну или у одной из них. Но глядя на них там, сидя за столом... я не ожидал, что это так сильно по мне ударит. Как юна ты была. И как они не защитили тебя.

— Я отлично справлялась.

— Мы должны поблагодарить их за то, что позволили нам воспользоваться этим домом, — сказал он тихо, — но пройдет долгое время, прежде чем я смогу смотреть на твоих сестер без желания зарычать на них.

— Часть меня думает так же, — призналась я, устраиваясь поудобнее под одеялом. — Но если бы я не ушла в тот лес, если бы они не отпустили меня одну... Вы все еще были бы в рабстве. И возможно прямо сейчас Амаранта готовилась бы, чтобы уничтожить эти земли.

Тишина. Затем:

— Я плачу тебе зарплату, ты знаешь? За все это.

— Не нужно. — Даже если... даже если у меня нет своих денег.

— Каждый член моего внутреннего круга получает ее. У тебя уже есть счет в банке Велариса, где будет храниться твоя заработная плата, а также кредитные линии в большинстве магазинов. Так что, если вдруг у тебя не окажется при себе достаточно денег, когда ты ходишь по магазинам, то ты сможешь послать счет в Дом Ветра.

— Я... Ты не обязан был этого делать. — Я тяжело сглотнула. — И сколько примерно я получаю в месяц?

— Столько же, сколько и другие. — Без сомнения, щедрое — вероятно, слишком щедрое — вознаграждение. Но он вдруг спросил:

— Когда у тебя день рождения?

— Неужели мне все еще придется их считать? — Он просто ждал. Я вздохнула. — В день Зимнего Солнцестояния.

Он промолчал.

— Это было несколько месяцев назад.

— Ммммммм.

— Ты не... я не помню, чтобы ты его отмечала.

Через связь, через мой неэкранированный беспорядочный ум.

— Я никому не сказала. Я не хотела еще одну вечеринку, когда там уже и так было пышное празднование. В любом случае, теперь дни рождения кажутся бессмысленными.

Он молчал долгую минуту.

— Ты действительно родилась в день Зимнего Солнцестояния?

— В это так трудно поверить? Моя мать утверждала, что я такая замкнутая и странная, потому что родилась в самую длинную ночь в году. Один год она попыталась перенести мой день рождения на другой день, но забыла это сделать в следующий раз — наверное, была занята подготовкой другой, более полезной вечеринки.

— Теперь я знаю, в кого пошла Неста. Честно говоря, такая жалость, что мы не можем остаться подольше — только чтобы увидеть, кто победит: она или Кассиан.

— Ставлю на Несту.

Мягкий смешок, который скользнул по моим костям — напоминание о том, как однажды он поставил на меня. Единственный Под Горой, кто поставил на то, что я одолею Мидденгардского Червя.

Он ответил:

— Как и я.

Под сенью покрытых снегом деревьев я вошла в дремлющий лес и удивилась молчанию птиц. Не из-за меня ли они перестали чирикать? Или из-за Высшего Лорда рядом со мной?

— Отмораживать свою задницу первым делом с утра не входило в мои планы на наш выходной, — сказал Рисанд, хмуро глядя на лес. — Я должен взять тебя с собой в иллирийские степи, когда мы вернёмся. Лес там намного интереснее. И теплее.

— Я понятия не имею, где они находятся, — снег скрипел под сапогами, которые Рис материализовал, когда я заявила, что хочу потренироваться с ним. Не физически, а потренировать мои способности, какими бы они ни были. — Ты показал мне пустую карту однажды, помнишь?

— Предосторожность.

— Я увижу когда-нибудь её полную версию или навсегда останусь в неведении?

— А ты сегодня в хорошем настроении, — сказал Рис и поднял руку в воздухе. Сложенная карта появилась в ней, и он не спеша ее расправил. — Не думай, что я не доверяю тебе, Фейра, дорогая... — он указал прямо на юг северных островов. — Это степи. Четыре дня пешком этим путём, — он провел пальцем вверх, в горы вдоль островов, — и ты попадёшь на иллирийскую территорию.

Я взглянула на карту и заметила на ней полуостров, выступающий примерно посередине западного побережья Ночного Двора и название, написанное там же. *Веларис*. Когда-то он показал мне пустую карту — тогда я принадлежала Тамлину и была немногим лучше шпионки и пленницы. Он знал, что я расскажу Тамлину о городах, об их местонахождении.

И тогда Ианта бы тоже узнала об этом.

Я оттолкнула это чувство тяжести в моей груди, животе.

— Здесь, — сказал Рис, складывая карту в карман и указывая на лес вокруг нас. — Мы будем тренироваться здесь. Сейчас мы достаточно далеко.

Достаточно далеко от дома, от кого-либо ещё, чтобы избежать обнаружения. Или несчастных случаев.

Рис вытянул руку, и в ней появилась толстая, короткая свеча. Он положил её на заснеженную землю.

— Зажги её, потуши водой и высуши фитиль.

Я знала, что он имеет в виду без помощи рук.

— Я не могу сделать ничего из этого, — сказала я. — Что насчёт физического щита? — я могу сделать хотя бы это.

— Оставим на другой раз. Сегодня я предлагаю тебе начать тренировать другие стороны твоей силы. Как насчёт изменения формы тела?

Я направила на него свирепый взгляд.

— Значит, огонь, вода и воздух.

Ублюдок. Невыносимый ублюдок.

К счастью, он не стал развивать тему дальше — не стал спрашивать, почему именно эту способность я никогда не стану тренировать. Наверное, по этой же причине я не хотела спрашивать об одном моменте из жизни Риса, не хотела знать, участвовали ли Кассиан и Азриэль в убийстве правящей семьи Весеннего Двора.

Я осмотрела Риса с головы до ног. Иллирийская воинская броня, меч за плечом, крылья, и это подавляющее ощущение силы, которое постоянно исходило от него.

— Наверное, тебе лучше... уйти.

— Почему? Ты ведь так настаивала на том, чтобы именно я потренировал тебя.

— Я не могу сосредоточиться, когда ты рядом, — призналась я. — И уйди... далеко. Я чувствую твоё присутствие даже из другой комнаты.

Его губы намекающее искривились.

Я закатила глаза.

— Почему бы тебе просто не спрятаться ненадолго в одно из этих карманных измерений?

— Не сработает. Там нет воздуха, — я отправила ему взгляд, говорящий, что в этом случае ему нужно все равно поступить именно так, и он засмеялся.

— Прекрасно. Тренируйся в одиночестве так, как хочешь, — он указал подбородком на моё тату. — Крикни через связь, если у тебя что-нибудь получится до завтрака.

Я нахмурилась, глядя на глаз на моей ладони.

— Что, буквально кричать на тату?

— Если хочешь, можешь потерять ею определённые части тела, и тогда я появлюсь быстрее.

Он исчез прежде, чем я смогла кинуть в него свечкой.

Стоя одна в морозном лесу, я проиграла у себя в голове слова Риса, и у меня вырвался тихий смешок.

* * *

Я задумалась, не пострелять ли мне из лука, который я получила до того, как попросила Рисанда уйти. Я ещё не опробовала иллирийские лук и стрелы — я вообще несколько месяцев не стреляла.

Я уставилась на свечу. Ничего не произошло.

Прошёл час.

Я думала обо всём, что меня злило, от чего тошнило; думала об Ианте и о её правах и требованиях. Не появилось даже лёгкого дымка.

Когда мои глаза уже почти кровоточили, я взяла перерыв, чтобы порыться в сумке, которую принесла с собой. Я нашла свежий хлеб, магически согретую тушёную баранину в жестяной коробке и записку от Риса, в которой говорилось: *«Мне скучно. Всё ещё нет ни искорки?»*.

Неудивительно, на дне сумки лежала перьевая ручка.

Я схватила ручку и нацарапала на бумажке свой ответ на коробке с едой, и письмо исчезло прямо из моей руки. Я написала: *«Нет, и не суй нос не в своё дело. У тебя нет занятий поважнее?»*

Бумажка беззвучно появилась секундой позже. В ней говорилось: *«Я наблюдаю за тем, как Кассиан и Неста выясняют отношения за чаем. Вот к чему ты меня приговорила, прогнав с тренировки. Я думал, что это наш выходной»*.

Я фыркнула и написала в ответ: *«Бедный маленький Высший Лорд! Никто тебя не жалеет, а жизнь такая тяжёлая»*.

Записка исчезла и сразу же вернулась. Его ответ был в самом верху бумажки, где

осталось последнее свободное место. Там было написано: *«Жизнь лучше, когда ты рядом. И посмотри, какой у тебя чудный почерк»*.

Я почти могла почувствовать его, ждущего в залитой солнцем комнате за завтраком, уделяющего половину внимания препирательству между моей старшей сестрой и иллирийским воином. Слабая улыбка появилась на моих губах. *«Ты бесстыдный любитель пофлиртовать»*, — написала я.

Страница испарилась, и я смотрела на свою открытую ладонь в ожидании ответа.

Я была так сосредоточена на этом, что не заметила никого за моей спиной, пока чья-то рука не закрыла мне рот, и меня не сбили с ног.

Я выкручивалась, кусалась, царапалась и кричала, пока кто-то тащил меня.

Я пыталась высвободиться, снег поднялся вокруг нас, словно пыль на дороге. Но руки, державшие меня были недвижимы, словно сделанные из железа палки и..

— Прекрати или я сломаю тебе шею, — произнес скрипучий голос мне на ухо.

Я знала этот голос. Он был в моих кошмарах.

Аттор.

Аттор исчез сразу после смерти Амаранты — подозревали, что он перебежал к королю Хайберна. И если он был здесь, в землях смертных..

Я расслабилась в его руках, покупая себе немного времени, чтобы найти хоть что-нибудь, что можно использовать против него.

— Хорошо, — прошипел он мне на ухо. — Теперь скажи мне..

Ночь взорвалась вокруг нас.

Аттор закричал — *закричал* — когда эта тьма поглотила нас, и кто-то вырвал меня из его тонких цепких рук, когти Аттора оставили полосы на моей коже. Я упала лицом в плотный ледяной снег и перекатилась назад, чтобы встать на ноги..

Свет вернулся, и я привстала на полусогнутых.

И увидела Рисанда, приковавшего Аттора к заснеженному дубу двумя извивающимися полосками ночи. Вроде тех, что сломали Ианте руку. Руки Рисанда были в карманах, его лицо — как смерть — холодное и прекрасное.

— Мне было интересно, куда же ты ускользнул.

Аттор пыхтел, сражаясь с оковами.

Рисанд просто послал два копыя вонзиться в его крылья. Аттор завизжал, когда эти копыя встретили плоть и погрузились глубоко в кору дерева за ней.

— Отвечай на мои вопросы, и сможешь уползти обратно к своему хозяину, — сказал Рис таким тоном, будто спрашивал о погоде.

— Шлюха, — Аттор сплюнул. Серебристая кровь сочилась из его крыльев, с шипением капая на снег.

Рис улыбнулся.

— Ты забыл, что мне пожалуй нравятся такие вещи. — Он поднял палец.

Аттор закричал:

— Нет! — палец Риса замер. — Меня послали, — он задышался, — за ней.

— Зачем? — Рис задал вопрос вскользь, с ужасающим спокойствием.

— Это был приказ. Я не задаю вопросов. Король желает ее.

Моя кровь стала такой же холодной, как и лес вокруг нас.

— Зачем? — Рис спросил снова. Аттор начал кричать — в этот раз я не смогла увидеть ничего, кроме вспышки силы. Я вздрогнула.

— *Не знаю, не знаю, не знаю.*

Я верила ему.

— Где сейчас король?

— В Хайберне.

— Армия?

— Скоро придет.

— Насколько большая?

— Бесчисленная. У нас есть союзники на каждой территории, все ждут приказа.

Рис наклонил голову, будто размышляя, о чем спросить дальше. Но выпрямился, когда Азриэль с шумом опустился на снег, который разлетелся вокруг него как вода из лужи. Он прилетел так тихо, что я не услышала хлопанья крыльев. Кассиан должно быть остался в доме защищать моих сестер.

Снег улегся, и на лице Азриэля не было ни тени доброты — застывшая маска говорящего с тенями.

Аттор задрожал, и я почти почувствовала жалость, когда Азриэль шагнул к нему. Почти, но не совсем. Не тогда, когда эти леса были так близко к замку, к моим сестрам.

Рис подошел ко мне, в то время как Азриэль достиг Аттора.

— В следующий раз, когда вы попытаетесь забрать ее, — сказал Рис Аттору, — Я сначала убью, а потом буду задавать вопросы.

Азриэль поймал его взгляд. Рис кивнул. Сифоны над шрамами на руках Азриэля засверкали, словно струящийся синий огонь, когда он потянулся к Аттору. Аттор не успел закричать, как он и главный шпион исчезли.

Я не хотела думать о том, куда они отправились, и что Азриэль с ним сделает. Я даже не знала, что Азриэль способен рассеиваться, или что за силу он направляет сквозь Сифоны. Он позволил Рису рассеять нас обоих день назад — наверное, эта сила была слишком иссушающей, чтобы использовать ее часто.

— Он убьет его? — спросила я, мое дыхание было неровным.

— Нет, — я задрожала от грубой силы, которая покрывала его напряженное тело. — Мы используем его, чтобы отправить послание Хайберну: если они захотят устроить охоту на членов моего двора, им придется придумать что-нибудь получше.

Я вздрогнула — от утверждения в его реплике обо мне и от его слов.

— Ты знал... ты знал, что он охотился за мной?

— Мне было любопытно, кто же набросится на тебя, как только ты останешься одна.

Я не знала с чего начать. Выходит, Тамлин был прав — касательно моей безопасности. В некоторой степени. Но это ничего не меняло.

— Значит, ты в принципе не собирался оставаться рядом со мной, пока я тренировалась?! Ты использовал меня как *приманку*...

— Да, и я бы сделал это снова. Ты была в безопасности все время.

— *Ты должен был рассказать мне!*

— Может быть, в следующий раз.

— *Следующего раза не будет!* — я ударила рукой по его груди, и он сделал шаг назад из-за силы удара. Я моргнула. Я забыла — забыла, какая сила заключается в моей панике. Точно так же, как и с Ткачихой. Я забыла, какой сильной я стала.

— Да, ты забыла, — рассердился Рисанд, прочитав удивление на моем лице, его ледяное спокойствие разбилось вдребезги. — Забыла об этой силе, о том, что можешь сжигать, становиться тьмой и отращивать когти. Ты *забыла*. Ты *перестала бороться*.

Он не имел в виду Аттора. Или Ткачиху.

И гнев поднялся во мне такой мощной волной, что у меня в голове не осталось никакой мысли, кроме ярости: на себя, на то, что меня заставили сделать, что сделали со мной, с ним.

— *И что* если так? — я прошипела и снова толкнула его. — Что если я перестала бороться?

Я приблизилась, чтобы снова толкнуть его, но Рис рассеялся на несколько футов назад.

Я неслась прямо к нему, снег скрипел у меня под ногами.

— Это не так уж просто.

Гнев взял надо мною верх, уничтожил меня. Я подняла руки, чтобы ударить ладонями по его груди..

И он снова исчез.

Он возник позади меня, так близко, что его дыхание щекотало мое ухо, когда он сказал: — Ты понятия не имеешь, как же это непросто.

Я развернулась, пытаюсь схватить его. Он исчез прежде, чем я успела ударить его, сильно ударить.

Рис появился на другом конце поляны, посмеиваясь.

— Старайся лучше.

Я не могла обернуться тьмой и пустотой. А если бы могла — если бы я могла обратиться в дым, в воздух, ночь и звезды, я бы использовала это, чтобы появиться прямо перед ним и стереть эту улыбку с его лица.

Я двинулась, даже если это было бесполезно, когда он растворился во тьме, и я ненавидела его за это — за крылья и способность передвигаться, словно туман на ветру. Он появился в шаге от меня, и я кинулась к нему, руки вперед — *когти* вперед.

И врзалась в дерево.

Он засмеялся, когда я оправилась от удара — скрепя зубами, когти заскрежетали об кору, рассекая дерево. Но я уже сделала выпад вперед, когда он исчез, бросилась так, словно тоже могла исчезнуть в изломах мира, выслеживать его там всю вечность.

И я так и сделала.

Время замедлилось и закружилось. Я видела, как тьма вокруг него стала дымом и изменила свое направление, словно мчись в другую точку на поляне. Я устремилась к этой точке, почувствовав, как моя собственная легкость обращает меня в ветер, тень и пыль, ее свобода исходила от меня, в то время как я устремилась туда, куда он направлялся..

Рисанд появился, цельная фигура в моем мире дыма и звезд.

И его глаза расширились, рот раскрылся в улыбке полного восхищения, когда я рассеялась прямо перед ним и толкнула его в снег.

Я тяжело дышала, растянувшись на Рисе в снегу, пока он хрипло смеялся.

— *Никогда*, — я прорычала ему в лицо, — *не смей*, — я сжала его твердые как скала плечи, мои когти уже прорывались на кончиках пальцев, — *использовать меня снова в качестве приманки!*

Он перестал смеяться.

Я надавила сильнее, когти впивались в его кожаное облачение. — Ты сказал, что я могу стать оружием — так научи меня, как им стать. *Не* делай из меня пешку. И если это часть моей *работы*, тогда с этим покончено. *Покончено*.

Несмотря на снег, его тело было теплым подо мной, и я не была уверена, что понимала, насколько он больше меня до тех пор, пока наши тела не оказались прижаты вплотную — так близко. Слишком, слишком близко.

Рис наклонил голову, стряхнув комок снега, прилипший к его волосам.

— Довольно справедливо.

Я оттолкнула его, снег закрипел, когда я отстранилась. Мои когти исчезли.

Он приподнялся на локтях.

— Сделай это снова. Покажи мне, как ты это сделала.

— Нет.

Свеча, которую он принес, сейчас лежала разломанная на кусочки и наполовину погребенная под снегом.

— Я хочу вернуться в замок. — Мне было холодно, и я устала, и он...

Его лицо стало мрачным.

— Мне жаль.

Интересно, как часто он говорил эти два слова. Впрочем, меня это не касалось.

Я ждала, пока он поднимался на ноги, отряхивал с себя снег и протянул мне руку.

Это не было просто приглашением.

«*Ты забыла*», — сказал он. И это было так.

— Почему король Хайберна желает заполучить меня? Потому что ему известно, что я могу уничтожить силу Котла при помощи Книги?

Тьма замерцала — единственный признак того, что Рисанд снова сдерживает свой гнев.

— Это то, что я собираюсь выяснить.

«*Ты перестала бороться*».

— Мне жаль, — повторил он, его рука все еще была протянута. — Давай позавтракаем, а затем вернемся домой.

— Веларис не мой дом.

Я могла поклясться, что в его глазах промелькнула боль, прежде чем он перенес нас обратно в дом моей семьи.

Мои сёстры завтракали со мной и Рисом, Азриэль же отправился туда, где он держал Аттора. Как только мы вернулись из леса, Кассиан улетел вслед за ним. Он насмешливо поклонился Несте, а та показала ему непристойный жест, который я даже не знала, что она умеет делать.

Кассиан только посмеялся, скользнув хищным взглядом по светло-голубому платью Несты, и учитывая то, как яростно она зашипела, он знал, что этим заставит ее разозлиться. И затем улетел, оставив мою сестру стоять на широком пороге, и подняв прохладный ветер взмахами своих огромных крыльев, взборошивший ее коричневые с золотым волосы.

Мы привели моих сестер в деревню, чтобы отправить наше письмо. Рис зачаровал нас, и мы были невидимы для окружающих, в то время как мои сестры зашли в небольшую лавку, чтобы послать письмо по почте. По возвращению домой наше прощание было быстрым. Я знала, что Рис стремился вернуться в Веларис, дабы узнать, что задумал Аттор.

Я была немногословна с Рисом, пока он переносил нас через Стену, в тепло Прифиана, а затем рассеял нас в Веларис.

Утренний туман все ещё укутывал город и горы вокруг него. Было прохладно, но и близко не сравнить с немилосердным холодом в мире смертных. Рис оставил меня в прихожей, послав горячий воздух на мои заледеневшие ладони и даже не соизволив попрощаться.

Снова проголодавшись, я нашла Нуалу и Керридвен и накинулась на сырно-луковые лепешки, размышляя о том, что я увидела и что сделала.

Меньше чем через час Рис нашел меня в гостиной, где я сидела на диване с книгой на коленях, подставив ноги теплу камина, горячая чашка розового чая стояла на низком столике рядом. Я встала, когда он вошёл, изучая его на предмет каких-нибудь повреждений. И не найдя ничего такого, что-то сковывающее мою грудь успокоилось.

— Мы закончили, — сказал он, проведя рукой по иссиня-черным волосам. — Мы узнали все, что нас интересовало.

Я приготовилась к тому, что больше мне ничего не расскажут, просто добавив, что всё улажено, но Рис продолжил:

— Решай сама, Фейра, сколько ты хочешь узнать о наших методах работы. Сколько ты сможешь выдержать. То, что мы сделали с Аттором — не самое приятное зрелище.

— Я хочу знать все, — сказала я. — Отведи меня туда.

— Аттор не в Веларисе. Он в Высеченном городе, во Дворе Кошмаров, где Азриэль понадобилось меньше часа, чтобы сломать его, — я ждала продолжения, и, решив, что я не рухну в обморок, Рис подошёл ближе, оставляя между нами всего фут узорчатого ковра. Его сапоги, всегда безупречно начищенные... сейчас были забрызганы каплями серебряной крови. И лишь когда я встретилась с ним взглядом, он сказал:

— Я покажу тебе.

Я знала, что он имел ввиду, и приготовилась, отсекая от своего сознания и потрескивание огня, и картину сапог, и расползающийся в моём сердце холод.

Мгновение, и я оказалась на пороге его разума — в уголке памяти, который он подготовил для меня.

Тьма хлынула сквозь меня, мягкая и соблазнительная — отголосок силы, столь

огромной, что она не имела начала и конца.

* * *

— Расскажи мне, как вы выследили ее, — спросил Азриэль тихим голосом, сломавшим множество врагов.

Я — Рис — скрестив руки облокотился о дальнюю стену камеры заключенного. Азриэль нагнулся над стулом в центре комнаты, к которому цепями был прикован Аттор. Несколькими уровнями выше развлекался Двор Кошмаров, не подозревая, что к ним пожаловал их Высший Лорд.

Нужно будет навестить их в скором времени. Напомнить, чьи руки держат их поводок.

Скоро. Но не сегодня. Не тогда, когда Фейра смогла рассеяться самостоятельно.

И она все еще чертовски зла на меня.

И, честно говоря, это заслуженно. Но Азриэль узнал, что небольшая вражеская группа проникла на Север пару дней назад, и мои подозрения подтвердились. С целью добраться до Тамлина или до меня, но им была нужна она. Может быть, для их собственных экспериментов.

Аттор тихо рассмеялся.

— Я получил послание от короля с твоим местонахождением. Я не знаю, как ему удалось это узнать. Я получил приказ и полетел к стене настолько быстро как мог.

Нож Азриэля равномерно лежал на его колене. Говорящий Правду — имя, выгравированное серебряными иллирийскими рунами на ножнах. Он уже узнал, что Аттор и несколько других расположились на окраинах иллирийской территории. Мне даже захотелось подкинуть Аттора в один из военных лагерей и посмотреть, что с ним сделают иллирийцы.

Взгляд Аттора переместился на меня, сверкая ненавистью, к которой я давно привык.

— Желаю удачи в попытке уберечь ее, Высший Лорд.

Азриэль спросил:

— Почему?

Люди часто ошибались, считая Кассиана самым опасным; тем, кого невозможно приручить. Но у Кассиана всегда был вспыльчивый характер — характер, который можно ковать и ваять. Азриэль же был полон ледяной ярости, которую я никогда не мог растопить. За те столетия, что я знал его, он не много рассказал о своей жизни, о тех годах взаперти у его отца, в заточении во тьме. Должно быть, дар говорящего с тенями пришёл к нему именно тогда, возможно, он сам научился языку тени, ветра и камня. Его сводные братья тоже не были обходительны. Я знал, потому что встречал их, спрашивал их и размозжил им ноги, когда они в ответ плюнули в Азриэля.

Они смогли ходить — со временем.

Аттор сказал:

— Ты думаешь, никому не известно, что ты забрал ее у Тамлина?

Я это уже знал. Это было заданием Азриэля в последнее время: следить за ситуацией в Весеннем Дворе и подготовить нашу атаку на Хайберн.

Но Тамлин закрыл свои границы — запечатал их настолько глухо, что даже пролететь над ними ночью стало невозможно. И все глаза и уши, которые были у Азриэля в том дворе,

стали слепыми и глухими.

— Король мог бы помочь тебе уберечь ее — воспринимай это как свою пощаду, если ты согласишься с ним работать...

Пока Аттор говорил, я тщательно исследовал его разум, где каждая мысль была еще более гнусной и отвратительной, чем предыдущая. Он даже не подозревал, что я проник в его разум, но... Вот что там было: картинки собранной армии — близнеца той, против которой я сражался пять столетий назад; берега Хайберна, заполненные кораблями, готовыми к нападению; король, развалившийся на своём троне в полуразрушенном замке. Никаких признаков хмурого Юриана или Котла. Ни намёка на Книгу в их замыслах. Всё, с чём признался Аттор, было правдой. И в нём больше не было ничего ценного.

Аз посмотрел через плечо. Аттор уже сказал ему всё. И сейчас он только заговаривал зубы, чтобы купить себе больше времени.

Я оттолкнулся от стены.

— Сломай ему ноги, разорви крылья и выкинь его на берег Хайберна. Проследи, чтобы он выжил.

Аттор начал извиваться и умолять. Я остановился у двери и сказал ему:

— Я помню каждый момент всего, что было. Скажи спасибо, что я позволил тебе жить. Пока что.

Я не позволил себе посмотреть другую часть памяти о Подгорье: о себе, о других... о том, что он сделал с той человеческой девушкой, которую я отдал Амаранте вместо Фейры. Я не позволил себе увидеть, каково это — избивать Фейру — пытаться и мучить её.

Я бы размазал его по стенке. Но мне было важнее отправить послание, чем получить мою месть.

Когда я покинул камеру, Аттор уже кричал под заточенным лезвием Говорящего Правду.

Воспоминание закончилось. Я отшатнулась назад, возвращаясь в свое тело.

Тамлин закрыл границы.

— Что за *ситуация* с Весенним Двором?

— Никакая. На данный момент. Но ты сама знаешь, насколько далеко зайдёт Тамлин в попытке... защитить то, что считает своим.

Образ краски, стекающей по стене, разрушенного кабинета пронесся в моей голове.

— Я должен был отправить Мор еще в тот день, — сказал Рис с тихой угрозой.

Я возвела свои ментальные щиты. Я не хотела об этом говорить.

— Спасибо, что рассказал мне, — сказала я и, взяв книгу и чай, направилась к себе комнату.

— Фейра, — позвал он. Я не остановилась. — Прости меня за то, что обманул тебя ранее.

И эта возможность проникнуть в его разум... искупительное подношение.

— Мне нужно написать письмо.

* * *

Письмо было коротким и простым. Но каждое слово в нём было словно сражение с самой собой.

И причина была не в моей недавней безграмотности. Нет, теперь я могла хорошо и читать, и писать.

А в самом смысле письма, которое Рис, стоящий в прихожей, сейчас читал:

«Я ушла по своей воле.

Обо мне заботятся, и я в безопасности. Я благодарна за всё, что ты для меня сделал, всё, что ты мне дал.

Пожалуйста, не ищи меня. Я не вернусь».

Он быстро сложил его вдвое, и письмо исчезло.

— Ты уверена?

Возможно, что бы ни происходило сейчас в Весеннем Дворе, моё письмо разрешит ситуацию. Я взглянула на окна за его спиной. Туман, укутавший город, уже отступил, открывая яркое, безоблачное небо. И каким-то образом, мысли в моей голове стали яснее, по сравнению с предыдущими днями, месяцами.

За окном простирался город, который я практически не видела и на который до этого времени мне было почти что всё равно.

И мне захотелось окунуться в него — в его жизнь, людей. Я захотела увидеть и прочувствовать, пропустить его суету сквозь себя. Никаких границ, никаких пределов тому, с чем я столкнусь или что сделаю.

— Я не чьё-то домашнее животное, — сказала я. Лицо Риса было задумчивым, и я гадала, помнит ли он, что однажды сказал мне то же самое — тогда я слишком увязла в своём чувстве вины и безнадежности, чтобы понять это самой. — Что теперь?

— Как бы то ни было, но я на самом деле хотел дать тебе день на отдых..

— Не надо со мной няньчиться.

— Я и не думал. И я бы с трудом назвал наше сегодняшнее утро отдыхом. Но ты меня простишь, если я приму решение, основываясь на твоём физическом состоянии?

— Я сама буду принимать подобные решения. Что насчёт Книги Дыханий?

— Как только Азриэль закончит с Аттором, ему придется применить другой набор навыков, чтобы проникнуть во двор смертных королев и узнать, где они держат книгу, и их возможные планы. А что касается другой половины, что находится в Прифиане... Мы отправимся в Летний Двор через несколько дней, если будет одобрен мой визит. Все становятся нервными, когда Высшие Лорды навещают другие Дворы. А затем мы сможем разобраться где Книга.

Он замолчал, без сомнения ожидая, что я поплетусь наверх, чтобы поразмышлять и поспать.

Хватит — я спала достаточно.

— Ты говорил, что этот город прекраснее всего ночью. Ты так просто болтал или все-таки соизволишь мне его показать?

Он тихо рассмеялся, рассматривая меня. Я не отпрянула от его взгляда.

Когда его глаза снова встретились с моими, он одарил меня улыбкой, которую видели лишь немногие. В ней было настоящее изумление и удовольствие, возможно, толика счастья с некоторой долей облегчения. Лицо мужчины, обычно спрятанное за маской Высшего Лорда.

— Ужин, — сказал он. — Сегодня вечером. Хотелось бы узнать, дорогая Фейра, ты просто болтаешь или же правда позволишь Ночному Лорду пригласить тебя погулять в город...

Амрен заглянула в мою комнату перед ужином. Очевидно, мы *все* вечером идём гулять.

Внизу Кассиан и Мор спорили о том, преодолеет ли Кассиан короткую дистанцию на крыльях быстрее, чем Мор рассеется в ту же точку. Я предположила, что Азриэль был неподалёку, пытаясь найти безопасную обитель в тенях. Надеюсь, он смог отдохнуть после расправы над Аттором и сможет ещё раз отдохнуть, прежде чем отправиться в смертные земли, чтобы следить за королевами.

На этот раз Амрен постучалась, прежде чем войти. Нуала и Керридвен, закончив с укладкой жемчужных гребешков в моих волосах, лишь один раз взглянули на хрупкую женщину и испарились в облачке дыма.

— Пугливые создания, — сказала Амрен, её красные губы изогнулись в зловещей улыбке. — Духи всегда такие.

— Духи? — я развернулась на сиденье перед туалетным столиком. — Я думала, что они Высшие Фэ.

— Наполовину, — ответила Амрен, разглядывая мое бирюзовое, кобальтовое и белое одеяние.

— Духи — это не что иное, как тени и туман, способные проходить сквозь стены, камень — что пожелаешь. Я даже не хочу знать, как эти двое были зачаты. Высшие Фэ засунут свои члены всюду.

Я поперхнулась, что было похоже на смех или кашель.

— Из них получаются хорошие шпионы.

— А ты думаешь, почему они сейчас шепчут Азриэлю на ушко, что я здесь?

— Я думала, они отчитываются перед Рисом.

— Они отчитываются перед обоими, но сперва их тренировал Азриэль.

— Они шпионят за мной?

— Нет. — Она нахмурилась, увидев вылезшую ниточку на её кофточке цвета дождливого облака. Её чёрные, до подбородка волосы колыхнулись, когда она подняла голову. — Рис постоянно говорит им не делать этого, но я думаю, что Азриэль никогда не будет мне до конца доверять. Так что они сообщают о моих передвижениях. И по хорошей причине.

— Почему?

— А почему нет? Я была бы разочарована, если бы главный шпион Риса не следил за мной. Даже если он идёт против самого приказа.

— Рис не наказывает его за неповиновение?

Ее серебряные глаза сверкнули.

— Двор Грэз основан на трёх принципах: защищать, почитать и беречь. Ты ожидала грубую силу и подчинение? Большинство высокопоставленных Рисом лиц обладают малой силой или её нет вообще. Он ценит преданность, хитрость и сострадание. А Азриэль, несмотря на его неповиновение, делает всё для защиты его двора и его людей. Поэтому нет. Рисанд не наказывает за такое. Существуют правила, но они гибкие.

— А что насчет Оброка?

— Какого Оброка?

Я поднялась с маленькой скамейки.

— Оброк — налоги, что угодно. Дважды в год.

— Существуют налоги с городских жителей, но нет никакого Оброка. — Она цокнула языком. — Но таковой ввел Высший Лорд Весеннего Двора.

Я не хотела об этом думать в полной мере, не сейчас, когда моё письмо уже было на пути к нему, если уже не доставлено. Потому я потянулась к маленькой шкатулке на туалетном столике и достала оттуда её амулет.

— Вот, держи, — я передала золотую, инкрустированную драгоценностями вещицу. — Спасибо.

Брови Амрен поднялись вверх, когда я положила его на её протянутую ладонь.

— Ты вернула его.

— Я и не осознавала, что это было проверкой.

Она положила его обратно в шкатулку.

— Оставь его себе. В нём нет никакой магии.

Я моргнула.

— Ты солгала..

Она пожала плечами, направляясь к двери.

— Я нашла его на дне своей шкатулки для украшений. А тебе нужно было что-то, чтобы поверить, что ты выберешься из Тюрьмы снова.

— Но Рис продолжал смотреть на него..

— Потому что это он подарил мне его двести лет назад. Должно быть, он был удивлён снова его увидеть и, наверное, размышлял, зачем я его тебе дала. Скорее всего, *переживая*, почему я это сделала.

Я стиснула зубы, но Амрен уже выходила за дверь с весёлым:

— Не стоит благодарности.

Несмотря на прохладную ночь, все магазины были открыты, когда мы гуляли по городу. Музыканты играли в маленьких скверах, а Дворец Нитей и Драгоценностей был полон покупателей и артистов, Высших и низших Фэ. Но мы шли дальше, к реке. Поверхность воды была такой гладкой, что звёзды и огни города сливались на её тёмной зеркальной поверхности, словно живая лента вечности.

Пятеро из нас замедлились, когда мы прогуливались по одному из широких мраморных мостов через Сидру. Они шли вперёд, изредка возвращаясь назад, чтобы поговорить друг с другом. Фэйский свет витиевато украшенных фонарей, стоящих на каждой из боковых оград моста, отбрасывал золотистые тени на крылья трёх мужчин из нашей компании, позолотив когти на верхушках их крыльев.

Разговор переходил от обсуждений знакомых к матчам и командам самых разных видов спорта, о которых я даже никогда не слышала (оказалось, что Амрен ярая, просто одержимая фанатка одного из них), от новых магазинов к музыке, которую они слышали, к понравившимся клубам. Ни одного упоминания о Хайберне или угрозах, с которыми нам предстояло столкнуться — разумеется, это были секретные сведения, но... Но у меня было чувство, что они не говорили об этом, потому что сегодня, проводя время все вместе... они не хотели вспоминать ужасную реальность. Как если бы все они были обычными горожанами, даже Рис. Если бы они не были самыми могущественными людьми в Ночном Дворе и, возможно, во всём Прифиане. И никто, абсолютно никто из окружающих не бежал от них в страхе, не бледнел от ужаса и не падал ниц. Благоговели — возможно, были удивлены — да, но... не было никакого страха. Это было так необычно для меня, что я молчала и просто смотрела на моих спутников — на их мир. Нормальность, за сохранение которой каждый из них боролся. На которую я злилась, которую ненавидела когда-то.

Я подумала, что нигде в мире нет такого места, как Веларис. Такого же спокойного, безмятежного. Такого любимого своими жителями и правителями.

Другая часть города была ещё больше заполнена людьми в пышных нарядах для посещения многочисленных театров, мимо которых мы проходили. Я никогда раньше не видела театр — не видела пьес, концертов или симфоний. В нашей старой и бедной деревушке мы в лучшем случае смотрели на ряженных и слушали менестрелей, в худшем случае — слушали нищих, воющих на самодельных инструментах.

Мы шли по набережной мимо кафе, магазинов и музыки, льющейся из них. Чуть отстав от остальных, я засунула руки в перчатках в карманы своего тяжелого голубого пальто и думала, что звуки этого города — самая прекрасная вещь, которую я когда-либо слышала: люди, река, музыка, лязг столового серебра на тарелках, скрип отодвигаемых и задвигаемых стульев, крики торговцев, продающих свои товары.

Сколько же я пропустила за эти месяцы отчаяния и оцепенения?

Но так больше не будет. Жизненная сила Велариса гудела во мне, и в редкие моменты тишины, я, клянусь, слышала гул моря — шум волн, снова и снова ударявшихся о скалы вдалеке.

В конце концов, мы вошли в небольшой ресторанчик близ реки, расположенный на нижнем этаже двухэтажного здания. Всё пространство украшали зеленые и золотые цвета. Ресторан едва вместил всех нас, включая три пары иллирийских крыльев.

Владелица ресторана знала моих спутников и поцеловала каждого из них в щёку, даже Рисанда. Ну, за исключением Амрен, ей она лишь поклонилась и заторопилась на кухню, пригласив нас сесть за огромный стол, половина которого была под, а другая половина — вне навеса. Звёздная ночь была свежей, ветер шелестел листьями пальм в горшках, с заботой расставленных вдоль ограды набережной. Они, несомненно, были заговорены от замерзания зимой — точно так же, как и тепло ресторана окружало нас и всех, кто ужинал снаружи на берегу реки, защищая от холода улицы.

На стол хлынули многочисленные яства, дополняя беседы и вино. И так мы ужинали под звёздами у реки. Я ещё никогда не ела такой еды, такой тёплой, пикантной, богатой и пряной. Будто она заполняла не только мой живот, но и дыру в моей груди.

Хозяйка, стройная темнокожая женщина с прекрасными карими глазами, стояла за моим стулом, болтая с Рисом о последних поставках специй во Дворцы.

— Торговцы говорили, что цены вырастут, Высший Лорд, особенно если слухи о пробуждении Хайберна верны.

Я почувствовала, как внимание остальных на другом конце стола повернулось к нам, хотя они и продолжили разговаривать.

Рис откинулся на спинку стула, покручивая бокал вина.

— Мы найдём способ удержать цены на приемлемом уровне.

— Не стоит утруждать себя, — сказала хозяйка, слегка теребя пальцы. — Просто... я очень рада, что эти специи наконец-то снова есть в продаже... когда... все наконец стало хорошо.

Рис одарил её лёгкой улыбкой, которая делала его моложе, и сказал:

— Это не проблема для меня, учитывая то, как я люблю твою готовку.

Хозяйка засияла, зарумянилась и посмотрела на меня, сидящую в пол оборота, чтобы смотреть на нее.

— Вам тоже понравилось? — спросила она.

Счастье на её лице, удовлетворение, которое приходит только после тяжелого дня работы, когда занимаешься любимым делом, ударило меня словно камень.

Я... Я помнила, каково быть такой счастливой. После рисования с утра и до ночи. Когда-то это было всем, чего я хотела. Я посмотрела на угощения, а потом на хозяйку и сказала:

— Я жила в краях смертных, жила в разных Дворах, но я никогда не пробовала такой еды. Она будто... оживляет меня. Я будто чувствую себя очнувшейся.

Я почувствовала, как глупо это прозвучало, вылетев из моего рта, но это было правдой, и я не могла сказать иначе. Однако хозяйка кивнула, будто понимала меня и, сжав моё плечо, сказала:

— Тогда я принесу для вас особый десерт, — а затем ушла на кухню.

Повернувшись, я обнаружила, что взгляд Риса обращён на меня. Выражение его лица было мягче, более задумчивым, чем я когда-либо видела, а его рот был приоткрыт.

Я подняла брови, выражая этим вопрос: «Что?».

Он одарил меня дерзкой усмешкой и переключил свое внимание на рассказываемую Мор историю..

Я забыла о том, что она рассказывала, когда вошла хозяйка с железным кубком, полным тёмной жидкости, и поставила его перед Амрен.

Вторая Риса не прикоснулась к своей тарелке, но водила туда-сюда еду по ней, словно

действительно стараясь быть вежливой. Когда она увидела кубок, поставленный перед ней, то удивлённо подняла брови.

— Вы не обязаны это делать.

Хозяйка пожалала худощавыми плечами.

— Она свежая и горячая, к тому же нам всё равно нужно было зарезать зверя для завтрашнего жаркого.

У меня появилась ужасная догадка о том, что было в кубке.

Амрен покрутила кубок, тёмная жидкость плескалась о его стенки как вино, потом сделала небольшой глоток.

— Вы чудно её приправили, — кровь блестела на её зубах.

Хозяйка кивнула.

— Никто не уходит из моего заведения голодным, — сказала она перед тем, как ушла.

В самом деле, к тому времени как мы закончили ужинать, я была уже готова просить Мор выкатить меня из кафе. Рис заплатил за счёт, несмотря на протесты хозяйки. Мои мышцы ненавидели меня за *тренировку* в лесу смертных ранее, и в какой-то момент ужина, каждая часть меня, помогавшая опрокинуть Риса в снег, начала болеть.

Мор поглаживала живот ленивыми круговыми движениями, когда мы остановились у реки.

— Я хочу танцевать. Не смогу заснуть, пока у меня такой полный живот. Давайте зайдём в «У Риты», это как раз вверх по улице, — сказала она.

Танцы. Каждая моя мышца застонала лишь от мысли о них, и я посмотрела вокруг в поисках союзника, который зарубил бы эту дурацкую идею на корню.

Но Азриэль... Азриэль сказал, глядя только на Мор:

— Я в деле.

— Ну конечно ты согласен, — проворчал Кассиан, насупившись на Аза. — Разве тебе не надо уйти на рассвете?

Теперь лицо Мор в точности копировало Каса, будто она только сейчас вспомнила, где и что он будет делать завтра. Она обратилась к Азриэлю:

— Слушай, нам необязательно...

— Я хочу, — перебил её Аз, пристально удерживая её взгляд достаточно долго, чтобы Мор опустила глаза, повернулась к Касу и спросила:

— Ты снизойдёшь до того, чтобы присоединиться к нам или у тебя есть более важные планы любоваться видом своих мышц в зеркале?

Кассиан фыркнул, взял Мор под руку и пошёл с ней вверх по улице:

— Имей ввиду, ты, засранка, что я иду только ради выпивки. Никаких танцев.

— Слава Матери! В последний раз, когда ты пытался, то почти размозжил мне ногу.

Стоило большого труда оторвать взгляд от Азриэля, глядевшего на эту парочку, с каждым шагом уходившую вдаль рука об руку и препирающуюся друг с другом. Тени стусились вокруг него, будто они действительно шептали ему, возможно, защищали его. Его широкая грудь поднялась от глубокого вдоха, который заставил их расступиться, и затем Азриэль последовал за ними своей лёгкой, грациозной походкой. Если даже Аз идёт с ними, тогда единственное оправдание, которое у меня может быть, чтобы не идти..

Я обратила свой умоляющий взгляд на Амрен, но её уже не было.

— Она у черного входа, набирает с собой ещё крови, — шепнул Рис мне на ухо, и я чуть не подпрыгнула от неожиданности. Его смешок согрел мою шею. — И затем она поспешит

домой, чтобы насытиться ею.

— Почему кровь? — спросила я, пытаясь не дрожать.

— Невежливо это спрашивать.

Я нахмурилась:

— А ты идёшь танцевать?

Он взглянул на своих друзей из-за моего плеча. Они уже почти поднялись по крутой улице, некоторые люди останавливались, чтобы поприветствовать их.

— Я лучше прогуляюсь домой. Это был долгий день.

Мор обернулась, стоя на вершине склона улицы, её фиолетовые одежды развевались на зимнем ветру, и подняла тёмно-золотую бровь в знак вопроса. Рис помотал головой, и Мор помахала рукой, вместе с ней быстро помахали Азриэль и Кассиан, потом вернувшийся к разговору с братом по оружию.

Рис махнул рукой вперёд:

— Пройдёмся? Или ты слишком сильно замёрзла?

* * *

Рис махнул рукой вперёд:

— Пройдёмся? Или ты слишком сильно замёрзла?

Поглощение крови вместе с Амрен на задворках ресторана звучало привлекательнее, но я согласилась и пошла в шаге от негою. Мы шли вдоль реки по направлению к мосту.

Я жадно впитывала город, так же, как Амрен упивалась пряной кровью, и почти споткнулась, увидев мерцание цветов по ту сторону реки.

Радуга Велариса светилась, словно горсть драгоценных разноцветных камней, будто краска с домов стеклась в одно место и ожила в лунном свете.

— Это мой любимый вид в городе, — сказал Рис, останавливаясь у ограды набережной и всматриваясь в квартал художников. — И моей сестры когда-то тоже. Мой отец привык тащить её волоком из Велариса, брыкающуюся и вопящую. Она так сильно любила этот город.

Я искала подходящий ответ на тихую скорбь в его словах. Но вместо этого, как ни на что не годная идиотка спросила:

— Тогда почему оба твоих дома на другом берегу реки? — я наклонилась над перилами и увидела отражение Радуги, колеблющееся на поверхности реки, словно яркие рыбы, бьющиеся друг о друга в общем потоке.

— Потому что мне хотелось жить на тихой улице — чтобы в любой момент я мог побывать здесь среди шума и жизни и затем всегда мог найти покой дома.

— Ты мог бы просто перестроить город.

— Зачем, черт побери, мне менять хоть одну вещь в Веларисе?

— Разве не так поступают Высшие Лорды? — Пар от дыхания клубился передо мной в морозной ночи. — Делают всё, что захотят?

Он всмотрелся в моё лицо.

— Есть много вещей, которые я хотел бы сделать, но не могу.

Я не осознавала, как близко мы стояли.

— Так когда ты покупаешь Амрен драгоценности, это потому, что ты хочешь задобрить её или потому что вы... вместе?

Рис засмеялся.

— Когда я был молод и глуп, я пригласил её к себе в постель однажды. Она лишь рассмеялась мне в лицо. Я покупаю ей украшения, потому что мне нравится делать это для друга, который усердно на меня работает и прикрывает мою спину, когда приходится. Её расположение — приятный бонус.

Что ж, ничего из этого меня не удивило.

— И ты ни на ком не женился.

— Так много вопросов сегодня, — я не сводила с него взгляд, пока он не вздохнул и ответил: — У меня были возлюбленные, но ни разу у меня не возникало желание пригласить кого-нибудь из них разделить со мной жизнь. И честно говоря, думаю, если бы я и спросил, они все бы отказались.

— Я бы подумала, что все они сражались бы за твою руку и сердце. — Как Ианта.

— Выйти замуж за меня — означает жизнь с мишенью на спине, и если бы появились дети, то жизнь со знанием, что на них будут охотиться с момента их зачатия. Все знают, что произошло с моей семьёй. И весь мой народ знает, что за границей Ночного Двора нас ненавидят.

Я всё ещё не знала всей истории, но решила не спрашивать о семье.

— Почему? Почему вас ненавидят? Зачем держать это место в секрете? Несправедливо, что никто не знает о нём — обо всём хорошем, что ты здесь делаешь.

— Было время, когда Ночной Двор и *был* Двором Кошмаров, и управлялся из Высеченного Города. Очень давно. Но древний Высший Лорд имел свою точку зрения, которая отличалась от мнения его предшественников, и чтобы не дать миру увидеть его землю уязвимой во время перемен, он запечатал границы и совершил переворот, уничтоживший худших из придворных и хищников. Он построил Веларис для мечтателей, установил торговые отношения и мир.

Его глаза блестели, будто он вглядывался в прошлое и видел всё это. С его необыкновенными способностями, я бы не удивилась, если бы это было так.

— Чтобы сохранить результат своих стараний, — продолжил Рис, — он держал город в секрете. Так делали его потомки и потомки потомков. Веларис защищает множество заклинаний, наложенных им самим и его наследниками, которые заставляют торговцев молчать о наших секретах и гарантируют им отличные навыки лжи о происхождении их товаров, о кораблях, спрятанных от всего остального мира. Говорят, что этот древний Высший Лорд окропил своей кровью камни и реку, чтобы заклинание стало вечным. Но шли годы и, несмотря на его лучшие намерения, тьма снова возродилась — не такая как раньше, но достаточно могущественная, чтобы навсегда разделить мой Двор. Мы даём миру увидеть тёмную половину, чтобы нагнать страх на врагов, чтобы они никогда не узнали об этом процветающем городе. И мы позволяем Двору Кошмаров существовать, чтобы затмить существование Велариса, потому что знаем, что без этих мер предосторожности некоторые дворы и королевства могут напасть на нас. Могут вторгнуться во Двор, чтобы узнать многие, многие секреты, что мы скрывали от других Высших Лордов тысячелетиями.

— Значит, никто из посторонних не знает? Никто в других Дворах?

— Ни души. Ты не найдёшь Веларис ни на одной карте, не заметишь упоминания о нём ни в одной книге, написанной не здесь. Возможно, есть минусы в том, что мы изолированы ото всех, но... — он взмахнул рукой, указывая на город вокруг нас. — Но мои люди, насколько я знаю, не страдают от этого.

Так и есть. Благодаря Рису и его приближённым.

— Ты беспокоишься насчёт того, что Аз отправляется завтра в земли смертных?

Постукивая по перилам, он сказал:

— Конечно, я беспокоюсь. Но Азриэль проникал в места похуже, чем несколько смертных королевств. Он бы посчитал моё волнение оскорбительным.

— Он задумывается над тем, что делает? Я имею ввиду не шпионство, а например то, что он сделал с Аттором сегодня.

— Сложно сказать. Это же Азриэль, — сказал Рис, вздохнув. — Он никогда не говорил со мной о чём-либо в таком роде. Я видел, как Кассиан разрывал своих противников на части, а потом после расправы его рвало, иногда он даже оплакивал убитых. Но Азриэль... Кассиан пытается, я пытаюсь, но я думаю, что Мор — единственный человек, способный заставить его проявить какие-либо чувства. Причём, только если она будет донимать его так долго, что даже его бесконечное терпение иссякнет.

Я слегка улыбнулась.

— Но он и Мор никогда не...?

— Это между ними... и Кассианом. Я не настолько глуп и самонадеян, чтобы встречать в их отношения. — Какой и я бы однозначно стала, если бы сунула свой нос в их дела.

Мы прошли в тишине по узкому мосту на другую сторону реки. Мои мышцы дрожали от усталости, когда мы поднимались по крутым холмам на пути в городской дом Рисанда.

Я уже почти начала умолять Риса донести меня домой с помощью крыльев, когда услышала отдалённые звуки музыки, льющиеся от группы музыкантов перед рестораном неподалёку.

Мои руки ослабли. Это была укороченная версия симфонии, которую я слышала в холодной темнице. Тогда я была настолько потеряна из-за ужаса и отчаяния, что начала бредить: я слышала эту музыку, льющуюся в мою камеру... и удержавшую меня от того, чтобы окончательно разбиться.

И снова её красота ослепила меня: колебание звука и ее многозвучность, счастье и мир, струящиеся в мелодии.

Такую музыку никогда не играли Под Горой — не такую музыку, и я никогда больше не слышала эту мелодию в своей камере, кроме того единственного раза.

— Ты, — выдохнула я, не отводя взгляд от музыкантов, играющих так умело, что сидящие в кафе неподалеку отложили вилки. — Ты послал эту музыку в мою темницу. Зачем?

— Потому что ты почти сломалась, и я не мог найти другой способ спасти тебя, — хрипло ответил он.

Музыка нарастала и переполнялась чувствами. В бреду я видела дворец в небе, где-то между закатом и рассветом... дом с колоннами из лунного камня.

— Я видела Ночной Двор.

Он посмотрел в мою сторону.

— Я не посылал тебе этих видений.

Мне было всё равно.

— Спасибо. За всё, что ты сделал. Тогда... и сейчас.

— Даже после Ткачихи? Даже после той утренней ловушки для Аттора?

Мои ноздри раздулись, а челюсти сжались на секунду.

— Ты всё разрушаешь.

Рис ухмыльнулся, и я не заметила, изумились ли люди, когда Рис подхватил меня под колени и поднял нас в воздух.

Я поняла, что смогу полюбить... полёт.

* * *

Я читала в постели, слушая веселое потрескивание горящих березовых поленьев в камине. Когда я перевернула страницу, из моей книги выпал листок.

Я бросила один взгляд на кремовую бумагу и почерк на ней, и выпрямилась.

На ней Рисанд написал:

«Я, может быть, и бесстыдный любитель пофлиртовать, но, по крайней мере, у меня не ужасный характер. Ты должна прийти и обработать мне раны, оставшиеся после нашей снежной баталии. Из-за тебя у меня синяки по всему телу».

Что-то щелкнуло о тумбочку, и по полированному красному дереву покатила ручка. Шипя, я схватила ее и нацарапала:

«Иди зализывай свои раны сам и оставь меня в покое».

Бумага исчезла.

Она пропала на некоторое время — гораздо дольше, чем требовалось, чтобы написать несколько слов, что появились на ней, когда она вернулась.

«Я бы предпочел, чтобы ты зализала мои раны».

Мое сердце забилося сильнее, быстрее и быстрее, и странное наслаждение прокатилось по моим венам, когда я перечитала его предложение несколько раз. Вызов.

Я плотно сжала губы, чтобы удержаться от улыбки, и написала:

«Вылизать тебя, где именно?»

Бумага исчезла, прежде чем я успела поставить точку.

Его ответ занял продолжительное время. И затем:

«Везде, где бы ты хотела вылизать меня, Фейра. Я бы хотел начать с «везде», но могу выбрать, если надо».

Я написала в ответ:

«Будем надеяться, что я в этом гораздо лучше, чем ты. Помню, как ужасно у тебя получалось Под Горой».

Ложь. Он слизывал мои слезы, когда я была на грани того, чтобы разлететься осколками.

Он сделал это, чтобы отвлечь меня — рассердить меня. Потому что чувствовать гнев было лучше, чем не чувствовать ничего; потому что гнев и ненависть были несгорающим топливом в бесконечном мраке моего отчаяния. Таким же образом музыка удержала меня от разрыва.

Люсьен приходил несколько раз, чтобы подлатать меня, но никто не рисковал так сильно, пытаясь не только сохранить мою жизнь, но и целостность моего разума — учитывая обстоятельства. Он делал то же самое последние несколько недель — подначивая и дразня меня, чтобы не оставить места пустоте. Он делал то же самое и сейчас.

«Я был под давлением, — была его следующая фраза. — Если ты захочешь, я буду более чем счастлив доказать, что ты права. Мне говорили, что я очень, очень хорош в вылизывании».

Я сжала колени вместе и написала:

«Спокойной ночи».

Мгновение спустя в записке появилось:

«Постарайся не стонать слишком громко, когда я буду тебе сниться. Мне нужно хорошенько отдохнуть».

Я встала, бросила письмо в потрескивающее пламя, и показала вульгарный жест.

Я могла поклясться, что смех прогрохотал по комнате.

* * *

Мне не снился Рис.

Мне снился Аттор, его когти на мне, сжимающие меня и наносящие удар. Мне снились его шипящий смех и отвратительное зловоение.

Но я проспала всю ночь. И ни разу не проснулась.

Кассиан — это нахальные ухмылки и пошлости большую часть времени, но на тренировочном ринге вырезанной из камня площадки на вершине Дома Ветра на следующий день после обеда, он был хладнокровным убийцей. И когда его смертоносные инстинкты были обращены против меня...

Под боевой кожаной броней, даже несмотря на прохладную температуру, моя кожа была скользкой от пота. Каждый вдох насиловал мое горло, и мои руки дрожали так сильно, что каждый раз, когда я пыталась пошевелить пальцами, мизинцы начинали бесконтрольно трястись.

Я смотрела, как они дрожали сами по себе, когда Кассиан сократил расстояние между нами, схватил мою ладонь и сказал:

— Это потому, что ты бьешь неправильно. Верхние два сустава — указательного и среднего пальца — вот, чем нужно бить. Удар этим, — сказал он, проводя мозолистым пальцем по уже синей полоске кожи между моим мизинцем и безымянным пальцем, — принесет больше урона тебе самой, чем твоему противнику. Тебе повезло, что Аттор не захотел начать драку на кулаках.

Мы занимались уже в течение часа, проходя через основные этапы рукопашного боя. И как оказалось, я может и была хороша в охоте, в стрельбе из лука, но в использовании только левой стороны тела? Тошно смотреть. Моя координация была как у новорожденного олененка, пытающегося ходить. Наносить удары с левой стороны и делать шаг с левой ноги мгновенно превратилось в почти невозможную задачу, и я споткнулась о Кассиана чаще, чем ударила его. Удары правой рукой — вот это было просто.

— Выпей воды, — сказал он. — Затем мы поработаем над твоим центром. Нет смысла учить тебя наносить удары, если ты даже не можешь держать стойку.

Я нахмурилась при звуке скрещенных клинков, донесшемся с другого открытого тренировочного ринга напротив нас.

Азриэль, что удивительно, вернулся из мира смертных к обеду. Мор перехватила его первым, но я получила отчет из вторых рук от Риса: Азриэль обнаружил какой-то барьер вокруг дворца королев, и ему пришлось вернуться, чтобы оценить, что можно с этим сделать.

Оценить и, судя по всему, поразмыслить, так как Азриэль едва смог вежливо поздороваться со мной, прежде чем начать поединок с Рисандом, и его лицо оставалось мрачным и напряженным. Они бились уже целый час без остановки, двигаясь и двигаясь, и тонкие лезвия их мечей были словно вспышки ртути. Мне стало интересно, какова была главная цель их тренировки: отточить навыки или таким образом Рис помогал своему куратору шпионской сети выпустить свое раздражение и досаду.

В какой-то момент после того, как я последний раз на них смотрела, несмотря на то, что это был солнечный, но зимний день, они сняли свои кожаные куртки и даже рубашки.

Их загорелые, мускулистые руки были покрыты такими же татуировками, что украшали мою собственную кисть и предплечье, чернила перетекали по их плечам и скульптурным мышцам груди. Линия татуировки бежала между крыльев вниз, вдоль позвоночника, прямо там, где они обычно носили свои мечи.

— Мы наносим татуировки, когда нас иницируют как иллирийских воинов — для удачи и славы на поле боя, — сказал Кассиан, проследив за моим взглядом. Но я не думаю,

что Кассиан упивался представшей перед нами картиной, так же как и я: мышцы их животов, блестящие от пота в ярком солнце, переходящие в мощные бедра, колеблющаяся сила их спин вокруг этих огромных, прекрасных крыльев.

Смерть, несущаяся на быстрых крыльях.

Название пришло из ниоткуда, и, на мгновение, я увидела картину, которую бы нарисовала: тьма этих крыльев, чуть подсвеченная линиями красного и золотого из-за сияющего зимнего солнца, блики лезвий, контраст между суровостью татуировок и красотой их лиц...

Я моргнула, и образ исчез, словно облачко горячего дыхания в холодной ночи. Кассиан дернул подбородком в сторону своих братьев.

— Рис не в форме, но не признает этого, а Азриэль слишком вежлив, чтобы втоптать его в грязь.

Последнее что можно было сказать о Рисе — это то, что он не в форме. Котел сварил меня, что черт возьми они едят, чтобы так выглядеть?

Мои колени слегка тряслись, когда я подошла к табурету, где Кассиан поставил кувшин воды и два стакана. Я наполнила один, мой мизинец снова бесконтрольно дрожал.

Моя татуировка, я поняла, была сделана с иллирийскими отметками. Возможно, это был своеобразный способ Риса пожелать мне удачи и славы перед лицом Амаранты.

Удача и слава. В последние дни мне бы не помешало немного.

Кассиан наполнил свой стакан и чокнулся с моим, что странно расходилось с образом жестокого надсмотрщика, который пару минут назад заставлял меня пройти через удары, чтобы поразить его подушки для спарринга; из-за которого я едва не рухнула на землю и не начала молить о смерти. Расходилось с образом мужчины, который вышел один на один против моей сестры, не в силах устоять перед искушением померяться силами против духа Несты из стали и пламени.

— Итак, — сказал Кассиан, глотая воду. Позади нас Рис и Азриэль схлестнулись, разошлись, и снова схлестнулись. — Когда ты собираешься рассказать о том, как написала письмо Тамлину, сказав, что ты ушла навсегда?

Вопрос ударил меня так жестоко, что я съязвила:

— Как насчет того, когда ты расскажешь, как дразнишь и подначиваешь Мор, чтобы скрыть, что ты к ней что-то чувствуешь? — Я не сомневалась, что он был в курсе того, какую роль играл в их маленькой запутанной паутине.

Ритм хруста шагов и звона клинков позади сбился, а затем возобновился снова.

Кассиан удивленно и грубо засмеялся: — Это в прошлом.

— У меня такое ощущение, что именно это наверное она говорит о тебе.

— Возвращаемся на ринг, — сказал Кассиан, отставляя пустой стакан. — Никаких основных упражнений. Только кулаки. Раз ты такая умная — докажи это.

Но вопрос, который он задал, копошился в моей голове. *«Ты ушла навсегда, ты ушла навсегда, ты ушла навсегда».*

Я... я имела это в виду. Но не зная, что он сам думал по этому поводу, вообще волнует ли это его... Нет, я знаю, что волнует. Он, наверное, разрушил усадьбу в гневе. Если одно мое упоминание о том, что он душит меня, заставило его разнести кабинет, то это... я страшилась его проявлений чистой ярости, была запугана ими. И это была любовь — я любила его так глубоко, так сильно, но...

— Рис сказал тебе? — спросила я.

Кассиану хватило мудрости выглядеть несколько нервничающим при виде выражения моего лица. — Он сообщил Азриэлю, который... держит вещи под наблюдением и должен знать. Аз сказал мне.

— Полагаю, что это было тогда, когда вы ходили пить и танцевать. — Я допила воду и вернулась на ринг.

— Эй, — сказал Кассиан, лоя мою руку. Его глаза цвета лесного ореха сегодня были больше зелеными, чем коричневыми. — Извини. Я не хотел ударить по больному. Аз сказал мне только потому, что я сказал ему, что мне нужно это знать для моих собственных действий, чтобы знать, чего ожидать. Никто из нас... не относится к этому как к шутке. То, что ты сделала, было тяжелым выбором. На самом деле, чертовски сложным выбором. Это просто был мой хреновый способ спросить, нужно ли тебе поговорить об этом. Прости. — Повторил он, отпуская меня.

Спотыкающиеся слова, искренность в его глазах... я кивнула, занимая свое место.

— Все в порядке.

Хотя Рисанд продолжал сражаться с Азриэлем, я могла бы поклясться, что его глаза были прикованы ко мне — были прикованы ко мне с момента, когда Кассиан задал мне этот вопрос.

Кассиан засунул руки в подушки для спарринга и поднял их.

— Тридцать один двойной удар; затем сорок, затем пятьдесят. — Я поморщилась, бинтуя руки. — Ты не ответила на мой вопрос, — сказал он с осторожной улыбкой — я сомневалась, что его солдаты или иллирийские собратья когда-нибудь ее видели.

Это была любовь, и я испытывала ее — счастье, желание, умиротворение... Я чувствовала все эти вещи. Однажды.

Я расположила ноги на двенадцать и пять часов и подняла руки к лицу. Но, наверное, все эти вещи и ослепили меня. Наверное, они были словно покрывало на моих глазах, не дающее увидеть его настоящий характер. Его потребность контролировать, потребность защищать, которые укоренились так глубоко, что он запер меня.словно заключенную.

— Я в порядке, — сказала я, делая шаг и нанося удар с левой стороны. Подвижная — перетекающая, словно шелк, как будто мое бессмертное тело наконец перестроилось.

Мой кулак врезался в спарринговую подушку Кассиана и метнулся обратно, быстро, словно змеиный укус, и я ударила справа, плечо и нога повернулись.

— Один, — Кассиан считал. Я опять ударила, раз-два. — Два. И в порядке — это хорошо, в порядке — это замечательно.

Снова, снова, снова. Мы оба знали, что «в порядке» было ложью.

Я сделала все — абсолютно все ради этой любви. Я разорвала себя в клочья, я унижалась и убивала невинных, а он просто сидел рядом с Амарантой на том троне. И он ничего не сделал, ничем не рискнул ради меня — не рискнул быть пойманным, пока не настала последняя ночь, и все, чего он пожелал — это не освободить меня, а поймать, и..

Снова, снова, снова. Один-два; один-два; один-два..

И когда Амаранта сокрушила меня, когда она переломала мои кости и заставила мою кровь закипеть в жилах, он просто стоял на коленях и молил ее. Он не попытался убить ее, не подполз ко мне. Да, он боролся за меня — но я боролась за него сильнее.

Снова, снова, снова, каждый удар моих кулаков о подушки для спарринга — словно вопрос и ответ.

И после того, как его сила вернулась, он имел наглость посадить меня в клетку. Имел наглость заявить, что я теперь бесполезна, что должна быть заточена для его же спокойствия. Он дал мне все, что мне было нужно, чтобы я стала собой, чтобы почувствовала себя в безопасности, но когда он получил, что хотел — когда он получил свою силу, свои земли назад... он перестал пытаться. Он все еще был хороший, все еще Тамлин, но он был просто... неправильным.

И затем я рыдала сквозь стиснутые зубы, слезы вымывали эту воспаленную рану, и меня не заботило, что здесь были Кассиан или Рис, или Азриэль.

Звон стали прекратился.

И затем мои кулаки соединились с голой кожей, и я поняла, что пробила подушки для спарринга насквозь — нет, прожгла их, и... И я тоже остановилась.

Обернутая вокруг моих рук ткань теперь была лишь пятнами сажи. Руки Кассиана остались поднятыми передо мной — готовые принять на себя удар, если я его сделаю. — Я в порядке, — сказал он тихо. Мягко.

И наверное, я была истощена и разбита, и потому выдохнула:

— Я убила их.

Я не произносила этого вслух, с того момента, как все произошло.

Кассиан сжал губы.

— Я знаю. — Ни осуждения, ни похвалы. Лишь мрачное понимание.

Мои руки ослабли, когда меня сотряс еще один всхлип.

— На их месте должна была быть я.

И вот оно. Стоя там под безоблачным небом — зимнее солнце, бьющее мне на голову, и ничего вокруг меня, кроме голого камня, ни тени, в которой можно спрятаться, и не за что зацепиться... вот оно.

Тьма охватила меня, успокаивающая, нежная тьма — нет, тень — и влажное от пота мужское тело возникло передо мной. Нежные пальцы подняли мой подбородок, пока я не подняла глаза... на лицо Рисанда.

Его крылья обернулись вокруг нас, словно кокон, из-за солнечного света кожистая мембрана отливала золотым и красным.

Вокруг нас, за пределами кокона, возможно, в другом мире, звуки стали о сталь возобновились — Кассиан и Азриэль начали поединок.

— Ты будешь чувствовать это каждый день до конца своей жизни, — сказал Рисанд. Мы были настолько близко, что я чувствовала запах пота на его коже и еще аромат моря и цитруса. Его взгляд был мягким. Я попыталась отвести глаза, но он твердо держал меня за подбородок. — Я знаю, потому что чувствую то же самое с того самого дня, когда мою маму и сестру убили, и мне пришлось хоронить их самому, и даже возмездие ничего не изменило. — Он стер мои слезы сначала на одной щеке, потом на другой. — Все, что ты можешь сделать — это либо позволить этому разрушить тебя, позволить убить тебя, как это почти произошло с Ткачихой, либо научиться, как с этим жить.

Долгое мгновение я просто смотрела на его открытое, спокойное лицо — может быть, его истинное лицо, обычно скрытое под всеми масками, которые он носит, чтобы сохранить свой народ в безопасности.

— Я сожалею... о твоей семье, — сказала я сорвавшимся голосом.

— Я сожалею, что не нашел способ спасти тебя от того, что произошло Под Горой, —

ответ Рис так же тихо. — От смерти. От *желания* умереть.

Я хотела покачать головой, но он сказал:

— У меня бывает два вида кошмаров: те, где я снова шлюха Амаранты или мои друзья вместо меня... и те, когда я слышу хруст, с которым ломается твоя шея, и вижу, как свет покидает твои глаза.

Я не знала, что ответить на это — на ужас в его красивом, глубоком голосе. Вместо этого я рассматривала татуировки на его груди и руках, сияние его смуглой кожи, которая сейчас была такой золотистой, когда он больше не был в клетке внутри горы.

Я прекратила свое изучение, когда уперлась взглядом в треугольник косых мышц живота, исчезающих за поясом его кожаных штанов. Вместо этого, я согнула руку перед собой, моя кожа была теплой от жара, который прожег подушки.

— А, — сказал он, крылья за его спиной выгнулись, когда он изящно сложил их за спиной, — это.

Я прищурила глаза из-за потока солнечного света.

— Осенний Двор, верно?

Он взял мою руку, рассматривая ее, синяки от спарринга уже наливались на коже. — Верно. Дар от Высшего Лорда Берона.

Отец Люсьена. Люсьен... Что же он подумал обо всем этом? Скучает ли он по мне? Продолжает ли Ианта... охоту на него?

Продолжая сражаться, Кассиан и Азриэль старались изо всех сил сделать вид, что не подслушивают.

— Я не очень хорошо разбираюсь в тонкостях стихийных способностей других Высших Лордов, — сказал Рис, — но мы можем выяснить это — день за днем, если понадобится.

— Если ты самый могущественный Высший Лорд в истории... это значит, что доля силы, которую я получила от тебя, имеет больше власти, чем другие? — Как у меня получилось проскользнуть к нему в голову в тот раз?

— Давай попробуем. — Он вскинул подбородок в мою сторону. — Посмотрим, сможешь ли ты вызвать темноту. Я не буду просить тебя рассеяться, — добавил он с усмешкой.

— Начнем с того, что я не знаю, как это сделать.

— Пожелай чтобы она появилась.

Я послала ему плоский взгляд.

Он пожал плечами.

— Попробуй думать обо мне — какой я красивый. Какой талантливый..

— Какой наглый.

— И это тоже, — он скрестил руки на голой груди, движение заставило мускулы на его животе заблестеть.

— Надень рубашку, пока ты тут, — колко сказала я.

Кошачья улыбка.

— Я тебя смущаю?

— Удивлена, что в доме нет еще больше зеркал, поскольку ты, кажется, так любишь собой любоваться.

У Азриэля начался приступ кашля. Кассиан просто отвернулся, зажав рукой рот. Губы Риса дернулись в улыбке.

— Вот Фейра, которую я обожаю.

Я нахмурилась, но закрыла глаза и попыталась заглянуть внутрь себя — в поисках любого темного уголка. Их было очень много. Слишком много. И прямо сейчас — прямо сейчас в каждом из них было письмо, что я написала вчера.

Прощание. Для моего собственного душевного равновесия, *моей собственной безопасности*..

— Тьма бывает разной, — сказал Рис. Я стояла с закрытыми глазами. — Есть тьма, что пугает, тьма, что успокаивает, тьма, что дает отдохнуть. — Я представляла каждую. — Есть темнота влюбленных и темнота убийц. Она становится той, какой ты хочешь, чтобы она была. Сама по себе она не плохая и не хорошая.

Я видела только темноту моей тюремной камеры и мрак логова Костереца.

Кассиан выругался, но Азриэль пробормотал мягкий вызов, и их клинки снова скрестились.

— Открой глаза. — Я подчинилась.

И нашла тьму вокруг меня. Не мою — Риса. Как будто тренировочный ринг стерли, как если бы мир еще не начал существовать.

Тихо. Мягко. Безмятежно.

Вокруг зажглись огни — маленькие звезды — словно цветущие ирисы, синие, фиолетовые, белые. Я потянулась рукой в сторону одного из них, и звездный свет затанцевал на моих руках.

Где-то далеко, возможно, в другом мире, Азриэль и Кассиан сражались в темноте, без сомнения используя ее в качестве упражнения.

Я подвинула звезду между пальцев, словно монетку в руке мага. Здесь, в спокойной, сверкающей темноте, ровное, уверенное дыхание наполняло мои легкие. Я не могла вспомнить последний раз, когда это делала. Дышала полной грудью.

Затем тьма раскололась и исчезла быстрее, чем дым на ветру. Я нашла себя снова моргающей из-за слепящего солнца, со все еще вытянутой рукой, Рисанд все еще стоял передо мной.

Все еще без рубашки.

Он сказал:

— Мы поработаем над этим позже. А сейчас... — Он повел носом. — Иди прими ванну.

Я показала ему особенно вульгарный жест — и попросила Кассиана отнести меня домой.

— Не пляши так на цыпочках, — услышала я от Кассиана. Четыре дня спустя был необычайно теплый день, который мы провели на тренировочном ринге. — Ноги устойчивые, кинжалы выше. Глаза на меня. Если бы ты сейчас была на поле боя, то, сделав так, была бы уже мертва.

Амрен фыркнула. Она подпиливала ногти, развалившись на шезлонге.

— Она слышала, когда ты об этом сказал предыдущие десять раз, Кассиан.

— Продолжишь трепаться, Амрен, и я вытащу тебя на ринг, чтобы посмотреть, как часто ты тренируешься на самом деле.

Амрен лишь продолжила чистить ногти. И я поняла чем — тоненькой костью.

— Тронешь меня, Кассиан, и я отделю от тебя твою любимую часть. Какой бы маленькой она ни была.

Он отпустил низкий смешок. Я стояла между ними на тренировочном ринге наверху Дома Ветра с кинжалом в каждой руке, и пот скользил по моему телу. Я раздумывала, не найти ли мне способ, чтобы исчезнуть. Может, рассеяться. Хотя после того утра в мире смертных мне не удавалось повторить это снова, не смотря на тихие старания в уединении своей спальни.

Четыре дня — тренировок с ним, а после — попыток призвать пламя или тьму с Рисом. Неудивительно, что мне начало удаваться первое.

Известия из Летнего Двора еще не приходили. Как и из Весеннего Двора относительно моего письма. Я не решила, хорошо ли это. Азриэль продолжал попытки проникнуть во двор человеческих королей, сеть его шпионов сейчас ищет точку, через которую можно попасть внутрь. Ему это пока не удалось, и он сделался тише обычного, холоднее.

Серебряные глаза Амрен оторвались от ногтей.

— Хорошо. Можешь играть с ней.

— Играть с кем? — спросила Мор, выйдя из тени лестничной клетки.

Ноздри Кассиана раздулись.

— Куда ты ушла в ту ночь? — спросил он, даже не кивнув Мор в знак приветствия. — Я не видел, чтобы ты уходила от Риты, — место для танцев, где они обычно пили и веселились.

Они вытащили меня туда пару ночей назад. Большую часть времени я провела сидя за столиком, попивая вино и разговаривая о музыке с Азриэлем. Он прибыл в настроении поразмышлять, но все же неохотно присоединился к моему наблюдению за тем, как Рисанд приветствует поклонников у бара. Женщины и мужчины со всего зала не отрывали глаз от Рисанда, и мы с говорящим с тенями заключали пари, кто именно наберется смелости и пригласит Высшего Лорда домой.

Неудивительно, что Аз выиграл каждый раунд. Но, по крайней мере, он улыбался под конец вечера, что привело Мор в восторг, когда она, спотыкаясь, подошла к нашему столику, чтобы осушить еще один бокал перед тем, как снова унести обратно на танцпол.

Рис не принял ни одно из приглашений — не важно, насколько они были красивыми, как улыбались или смеялись. Его отказ был вежливым — твердым, но вежливым.

Был ли он с кем-то после Амаранты? Хотел ли он кого-то у себя в постели после Амаранты? Даже вино не придало мне достаточно смелости, чтобы спросить об этом у

Азриэля.

Казалось, что Мор бывала у Риты чаще, чем где-либо еще — на самом деле, она практически жила там.

В ответ на вопрос Кассиана она повела плечами, и материализовала еще один, такой же как у Амрен, шезлонг.

— Я просто... ушла, — сказала она, плюхнувшись на него.

— С кем? — нажал Кассиан.

— На сколько я помню, — ответила Мор, откидываясь в кресле, — Я не получаю приказов от тебя, Кассиан. И не отчитываюсь перед тобой. Так что, где я была и с кем, не твое собачье дело.

— Азриэлю ты тоже не сказала.

Я остановилась, оценивая эти слова и напряженные плечи Кассиана. Натянутость между ним и Мор, конечно, была, и она вылилась в эту перебранку. Но... возможно... возможно, Кассиан принял роль буфера не для того, чтобы разделить их, а для того, чтобы уберечь говорящего с теньями от боли. От возможности стать прошлым, старой новостью, как я назвала его.

Наконец-то Кассиан вспомнил, что я стою перед ним. Он заметил тень понимания на моем лице и послал в ответ предостерегающий взгляд. Все ясно.

Я пожала плечами и уличила момент, чтобы отбросить кинжалы и восстановить дыхание. На одно мгновение мне захотелось, чтобы Неста оказалась здесь и увидела их столкнувшимися лбом ко лбу. Ничего не было слышно от моих сестер или от смертных королев. Я задавалась вопросом, когда мы отправим еще одно письмо или попробуем пойти другим путем.

— Что конкретно, — Кассиан обратился к Амрен и Мор, даже не пытаясь звучать вежливо, — вы двое, *леди*, здесь забыли?

Мор закрыла глаза, откинув голову. Она подставила солнцу позолоченное лицо с такой же непочтительностью, с какой Кассиан стремился оградить Азриэля. Возможно, таким же способом пыталась оградить Азриэля и сама Мор.

— Скоро появится Рис и, скорее всего, поделится с нами новостями. Разве Амрен тебе не сказала?

— Я забыла, — ответила Амрен, все еще занятая своими ногтями. — Я слишком увлеклась, наблюдая, как Фейра уклоняется от проверенных и надежных техник Кассиана заставить людей делать то, что он хочет.

Брови Кассиана взметнулись вверх.

— Ты пробыла здесь целый *час*!

— Упс, — ответила Амрен.

Кассиан всплеснул руками.

— Подними свою задницу и сделай двадцать выпадов...

Злобное, жуткое, взвизгивающее рычание не дало ему договорить.

Но на лестничной клетке, не спеша, показался Рис. Я не могла решить, стоит мне вздохнуть с облегчением или же расстроиться, что схватка «Кассиан против Амрен» прервалась неожиданным образом.

На нем была нарядная одежда, а не воинская броня, крыльев не было видно. Рис посмотрел на остальных, на меня, на кинжалы, оставленные в грязи, и сказал:

— Прошу прощения, что прервал вас на самом интересном месте.

— К счастью для яиц Кассиана, — ответила Амрен, устраиваясь обратно в шезлонге, — ты прибыл вовремя.

Кассиан зарычал на нее в пол голоса.

Рис рассмеялся и ответил, обращаясь ни к кому конкретно:

— Ну что, вы готовы к летним каникулам?

Мор спросила:

— Летний Двор пригласил тебя?

— Конечно же, они меня пригласили. Мы отправляемся завтра, я, Фейра и Амрен.

Только трое из нас? Похоже, Кассиан подумал о том же. Когда он скрестил руки и развернулся к Рису, его крылья напряглись.

— Летний Двор кишит горячими сорвиголовами и надменными ублюдками, — предупредил он, — Я должен присоединиться.

— Ты бы туда вписался, — промурлыкала Амрен, — Жаль, что, несмотря на это, ты все равно не поедешь.

Кассиан пригрозил ей пальцем:

— Берегись, Амрен.

Она обнажила зубы в пугающей улыбке:

— Я бы тоже предпочла не принимать участия в этом, поверь.

Не знаю, почему я сжала губы со всей силы — чтобы не засмеяться или чтобы не сгримасничать.

Рис потер виски:

— Кассиан, учитывая, что твой последний визит закончился не совсем удачно...

— Я разрушил только *одно* здание...

— И, — Рис прервал его, — Учитывая то, что милая Амрен приводит их в полный ужас, *она* более мудрый выбор.

Есть ли хоть одно живое существо, которое бы она не повергла в ужас? Не уверена.

— Это легко может оказаться ловушкой, — настаивал Кассиан, — Кто сказал, что задержка с ответом не кроется в том, что они за это время связались с нашими врагами, чтобы устроить для тебя засаду?

— Амрен едет и по этой причине тоже, — просто ответил Рис.

Амрен хмурилась — скучающая и раздраженная.

Рис обронил ненароком:

— Также в Летнем Дворе есть большая сокровищница. Амрен, если Книга спрятана тебе могут прийти по вкусу и другие найденные там вещи.

— Дерьмо, — проговорил Кассиан, снова всплеснув руками, — Рис, ты серьезно? Уже и так плохо, что мы собираемся украсть у них Книгу, но обобрать их вот так...

— Рисанд *прав*, — ответила Амрен, — Их Высший Лорд молод и неопытен. Сомневаюсь, что у него было достаточно времени с тех пор, как его короновали Под Горой, для того, чтобы составить список всего наследства. Я сомневаюсь, что он заметит, что что-то потерялось. Хорошо придумано, Рисанд, я — за.

Она была не лучше огнедышащего дракона, охраняющего свой клад. Мор бросила мне едва заметный взгляд, обозначающий ту же мысль — и я проглотила смешок.

Кассиан снова начал возражать, но Рис тихо ответил:

— В мире смертных мне нужен будешь ты, а не Амрен. Летний Двор отлучил тебя навечно. Хотя твое присутствие и было бы хорошим отвлекающим маневром, пока Фейра

будет делать то, что должна, ты можешь навлечь больше неприятностей, чем оно того стоит.

Я напряглась. Буду делать то, что должна — означало найти Книгу Дыханий и украсть ее. Фейра, Разрушительница Проклятья... и воришка.

— Просто придержи коней, Кассиан, — промолвила Амрен. Ее глаза блеснули — она, несомненно, уже представляла сокровища, которые сможет украсть из Летнего Двора. — Без твоей чванливости и рычания на всех подряд мы будем в порядке. Высший Лорд Летнего Двора должен Рису услугу за спасение его жизни Под Горой и... за хранение его секретов.

Крылья Кассиана дернулись, но вмешалась Мор:

— Вероятно также, что Высший Лорд захочет выяснить, какую позицию мы займем относительно любого предстоящего конфликта.

И снова крылья Кассиана осели. Он повел подбородком в мою сторону:

— А Фейра? То, что она находится здесь, и все об этом знают, это одно. Но совсем другое привести ее в другой двор и отрекомендовать как подданную нашего двора.

Если моего письма оказалось недостаточно, это будем дополнительным сообщением для Тамлина.

Но Рис закончил. Он склонил голову в сторону Амрен и вышел через сводчатый проход. Кассиан порывался пойти за ним, но Мор подняла руку и пробормотала:

— Оставь, — Кассиан бросил свирепый взгляд, но послушался.

Я воспользовалась этим, чтобы последовать за Рисом. Внутри Дома Ветра меня ослепил теплый мрак. Мое фейское зрение мягко подстроилось, но первые несколько шагов вниз по узкому коридору я следовала за Рисом по памяти.

— Будут еще ловушки, о которых мне стоит знать, перед тем, как мы отправимся завтра? — сказала я ему в спину.

Рис посмотрел через плечо, задержавшись на ступеньке.

— Я вот раздумываю над твоими посланиями прошлой ночью. Они означают, что ты простила меня.

Я охватила взглядом его полуулыбку и грудь, которую я могла бы предложить облизать, и на которую избегала смотреть вот уже четыре дня подряд, и остановилась на безопасном расстоянии от него.

— Кажется, у Высшего Лорда должны быть более важные занятия, чем ночные переписки.

— У меня есть более важные дела, — промурлыкал он, — но я понял, что не могу противиться искушению. Точно так же как и ты не можешь противиться желанию смотреть на меня, где бы мы ни находились. Это так по-собственнически.

У меня во рту пересохло. Но, флиртовать с ним, бороться с ним... Это было легко. Весело.

Возможно, я достойна и того, и другого.

Так что я сократила расстояние между нами, мягко остановилась рядом с ним и промолвила:

— Кажется, это ты не в состоянии держаться от меня подальше еще со времен Каланмэя.

Что-то заструилось в его глазах, но я не успела понять что именно, как он щелкнул меня по носу. Так сильно, что я зашипела и отбросила его руку.

— Сгораю от нетерпения увидеть, что этот острый язычок сделает в Летнем Дворе, — не отрывая взгляд от моего рта, сказал он и исчез в тени.

В конечном счете, только Амрен и я присоединились к Рису. Кассиан не смог повлиять на решение Высшего лорда, Азриэль был занят наблюдением за своей сетью шпионов и изучением человеческого королевства, а на Мор была возложена задача охранять Веларис. Рис рассеет нас прямо в Адриату, город-замок Летнего Двора. Мы планировали оставаться там столько, сколько мне потребуется, чтобы найти и украсть первую половину Книги.

Как новоприобретенное домашнее животное Риса, меня ожидают экскурсии по городу и личная резиденция Высшего Лорда. Если нам повезет, то никто из них и не догадается, что болонка Риса на самом деле является гончей-ищейкой. И это будет очень и очень хорошей маскировкой.

На следующий день Рис и Амрен стояли в фойе таунхауса, великолепный утренний солнечный свет лился через окна, растекаясь по изысканному ковру на полу. На Амрен была ее обычная одежда серых оттенков: свободные штаны, достигающие чуть ниже пупка, свободного покроя дымчатый топ, оголяющий полоску кожи под грудью. Само очарование, словно тихое море под облачным небом.

Рис был одет в черное с головы до ног с отделкой серебряной нитью, и никаких крыльев. Невозмутимый, галантный мужчина — такой, каким я его увидела в нашу первую встречу. Его любимая маска.

Для себя я выбрала летящее сиреневое платье с поясом, инкрустированным серебром и жемчугом. Юбки платья развевались на призрачном ветру. На платье были вышиты серебряные ночноцветы, поднимающиеся от подола и обхватывающие мои бедра, и еще несколько вышитых цветов обвивало складки ткани на моих плечах. Идеальное платье против жары Летнего двора.

Оно шелестело и шуршало, когда я спускалась по лестнице в фойе. Рис долго рассматривал меня нечитаемым, блуждающим взглядом, начиная с серебряных туфель, заканчивая прической и обратно. Нуала завила мне локоны, не поднятые в прическу, и они проявили золото моих волос, мягкой спиралью ниспадая на плечи.

Рис бросил:

— Отлично. Выдвигаемся.

Я открыла было рот, но Амрен пояснила с широкой кошачьей улыбкой:

— Сегодня утром он в паршивом настроении.

— Почему? — спросила я, следя за тем, как Амрен берет протянутую руку Риса. Ее тонкие маленькие пальчики контрастировали с его большой ладонью. Другую руку он протягивал мне.

Рис ответил за нее:

— Потому что я допоздна сидел с Кассианом и Азриэлем, и они ободрали меня до нитки в карты.

— Больно быть проигравшим? — Я взяла его за руку. Мозоли на ней задевали мою кожу — единственное напоминание о том, что под утонченной одеждой и внешним лоском скрывается тренированный воин.

— Больно, когда мои братья объединяются в команду против меня, — проворчал он. И без предупреждения с его стороны мы исчезли в полночном ветру, а затем...

Затем я щурила глаза от яркого солнца, отражающегося от бирюзового моря, пытаюсь

адаптироваться к сухой удушливой жаре — даже охлаждающий морской бриз не особо от нее спасал.

Я моргнула несколько раз — это была единственная реакция, которую я осмелилась показать, забирая руку из хватки Риса.

Оказалось, что мы стояли на площадке у основания желто-коричневого каменного дворца, сам дворец был расположен на вершине острова-горы в самом сердце залива в виде полумесяца. Город раскинулся вокруг нас и ниже нас по направлению к сверкающему морю. Большинство зданий были выстроены либо из того же камня, что и дворец, либо из мерцающего белого материала, который возможно был кораллом или жемчугом. Над многочисленными башенками и шпилями порхали чайки, и на небе не было ни одного облачка, ничего, кроме соленого морского бриза и шума города внизу.

Различные мосты соединяли шумный остров с большой землей, окружавшей его с трех сторон, один из них сейчас был поднят, чтобы мог проплыть большой многомачтовый корабль. В самом деле, тут было больше кораблей, чем я могла сосчитать — торговые суда, рыболовные, а какие-то, как мне показалось, переправляли людей с острова на материк, берега которого были забиты еще большим количеством зданий и людей.

Людей, похожих на полдюжины перед нами, стоящих у дверей из морского стекла, за которыми был сам дворец. С небольшого балкончика, на котором мы стояли, не было иного выхода — разве что рассеяться... либо выйти в те двери. Или, предположила я, нам предстоял прыжок на красные крыши нарядных домов, что были на целую сотню футов ниже нас.

— Добро пожаловать в Адриату, — сказал высокий мужчина в центре группы.

И я знала его — помнила его.

Но не из своих воспоминаний. Я помнила, что у этого прекрасного Высшего Лорда Летнего была насыщенная бронзовая кожа, белые волосы и потрясающие глаза цвета дробленой бирюзы. Я также помнила о том, как его вынудили наблюдать за тем, как Рисанд сначала проник в разум его придворного, а затем отнял у того жизнь. О том, как Рисанд солгал Амаранте о том, что ему стало известно, и как избавил мужчину от судьбы, которая, возможно, была хуже, чем сама смерть.

Нет — каким-то образом я помнила Высшего Лорда Летнего Двора, но не могла этого объяснить, словно некая крупница меня знала, что она была частью его и частью этого места. Будто какая-то часть меня говорила: *«Я помню, я помню, я помню. Мы одно целое, ты и я»*.

— Рад видеть тебя снова, Тарквин, — сказал Рис, растягивая слова.

Остальные пятеро человек, стоявшие позади Высшего Лорда Летнего двора, перекинулись хмурыми взглядами, выразившими различную степень тревоги. Как и у их лорда, их кожа была темной, а волосы были различных оттенков от белого до серебристого, как будто всю свою жизнь они провели под палящим солнцем. Их глаза, однако, были различных цветов. И сейчас они металась между мной и Амрен.

Рис засунул одну руку в карман, а другой указал в сторону Амрен.

— Думаю, Амрен ты знаешь. Несмотря на то, что вы не виделись с момента твоего... повышения. — Холодная, расчетливая любезность, обрамленная сталью.

Тарквин подарил ей свой самый короткий кивок.

— С возвращением в город, леди.

Амрен не кивнула, не поклонилась и уж тем более не отвесила реверанс.

Она посмотрела на Тарквина, высокого и мускулистого, облаченного в голубое, золотое

и цвет морской волны, и сказала:

— По крайней мере, ты гораздо симпатичнее своего кузена. Он был словно бельмо на глазу.

Женщина, стоящая за Тарквином, свирепо посмотрела на нее. Алые губы Амрен растянулась в широкой улыбке.

— Мои соболезнования, разумеется, — добавила она с такой же искренностью, как это бы сделала змея.

Безнравственные, жестокие — вот какими были Амрен и Рис... вот какой я должна была быть с этими людьми.

Рис жестом указал в мою сторону.

— Не уверен, что вы двое когда-либо были официально представлены Под Горой. Тарквин, Фейра. Фейра, Тарквин. — Никаких титулов — либо для того, чтобы позлить их, либо Рис счел это бесполезной тратой времени.

Глаза Тарквина, такие поразительные, кристально-голубые, устремились на меня.

«Я помню тебя, я помню тебя, я помню тебя».

Высший лорд не улыбался.

Я постаралась придать лицу равнодушное, скучающее выражение.

Его взгляд скользнул по моей груди, устремившись к широкому треугольному вырезу моего платья, как если бы он мог видеть, куда ускользнула искра его жизни, его силы.

Рис проследил за его взглядом.

— Ее грудь довольно эффектна, не правда ли? Отменная, как спелые яблоки.

Я поборола желание бросить на него сердитый взгляд и вместо этого переключила свое внимание на него, так же лениво, как он смотрел на меня и на остальных.

— Ну вот, а я было думала, что ты восхищен моим ртом.

Сияющее изумление озарило глаза Риса всего на секунду, а затем исчезло.

Мы оба оглянулись на хозяев этого двора, по-прежнему стоявших напряженно и с каменными лицами.

Казалось, Тарквин взвешивал атмосферу между мной и моими спутниками, а затем осторожно произнес:

— Похоже, у вас есть что мне рассказать.

— У нас есть немало историй для рассказа, — ответил Рис, кивнув подбородком в сторону стеклянных дверей позади них. — Так почему бы не послушать их в более комфортной обстановке?

Женщина, стоящая на пол шага позади Тарквина, чуть выдвинулась вперед.

— Закуски уже готовы.

Казалось, только сейчас Тарквин вспомнил о ее присутствии и положил ладонь на ее тонкое плечо.

— Крессида — принцесса Адриаты.

Управляющая его городом или жена? Ни на одном из их пальцев не было кольца, и я не помнила, чтобы она была Под Горой. Соленый бриз развеивал ее длинные серебристые волосы, и я бы никогда не спутала блеск ее карих глаз ни с чем другим — блеск хитрости, острой как бритва.

— Очень приятно, — пробормотала она мне хрипло. — Это честь для меня.

Завтрак в моем желудке перевернулся, но я не позволила ей увидеть, что со мной сделало ее низкопоклонство; я не позволила ей понять, что ее слова были оружием. Вместо

этого я подарила ей свое лучшее пожатие плечами в стиле Рисанда.

— Это честь для меня, принцесса.

Нам торопливо представили оставшихся: трех советников, следящих за городом, двором и торговлей. И лишь потом красивого, широкоплечего мужчину по имени Вариан, младшего брата Крессиды, капитана охраны Тарквина и принца Адриаты. Его внимание было полностью сосредоточено на Амрен, как будто он знал, от кого исходила самая большая угроза. И он был бы рад убить ее, представься ему такая возможность.

За то короткое время, что я знала Амрен, она никогда не выглядела более довольной, чем сейчас.

Нас провели во дворец с дорожками и стенами, искусно вымощенными дроблеными раковинами, с бесчисленными окнами, открывавшими вид на бухту, материк или открытое море. Люстры из морского стекла раскачивались на теплом бризе бурлящих источников и фонтанов свежей пресной воды. Высшие фэ — слуги и придворные — проходили вокруг в спешке, большинство из них были с бронзовой кожей и одеты в свободную легкую одежду. Все они были слишком погружены в собственные заботы, чтобы обратить внимание или проявить интерес к нашим персонам. Низших фейри не встретилось на нашем пути — ни одного.

Я шагала в ногу позади Рисанда, который шел рядом с Тарквином, могучая сила Риса была приглушена и на привязи, остальные следовали за нами. Амрен оставалась в пределах досягаемости, и я задавалась вопросом, была ли она также моим телохранителем. Тарквин и Рис непринужденно разговаривали, оба уже звучали скучающе, о приближающемся Нинсаре — о местных цветах, которые выставят оба двора на второстепенный, короткий праздник.

И вскоре после него последует Каланмэй.

Мой живот скрутило. Если Тамлин намеревался соблюдать традиции, и поскольку я больше не была с ним... Я не позволила своим мыслям заходить так далеко в будущее. Это было бы несправедливо. Ни по отношению ко мне, ни к нему.

* * *

Нас провели во дворец с дорожками и стенами, искусно вымощенными дроблеными раковинами, с бесчисленными окнами, открывавшими вид на бухту, материк или открытое море. Люстры из морского стекла раскачивались на теплом бризе бурлящих источников и фонтанов свежей пресной воды. Высшие Фэ — слуги и придворные — проходили вокруг нас в спешке, большинство из них были с бронзовой кожей и одеты в свободную легкую одежду. Все они были слишком заняты собственными заботами, чтобы обратить внимание или проявить интерес к нашим персонам. Низших фейри не встретилось на нашем пути — ни одного.

Я шагала в ногу позади Риса, который шел рядом с Тарквином, могучая сила Рисанда была приглушена и на привязи, остальные следовали за нами. Амрен оставалась в пределах досягаемости, и я задавалась вопросом, была ли она также моим телохранителем. Тарквин и Рис непринужденно разговаривали, оба уже звучали скучающе, о приближающемся Нинсаре — о местных цветах, которые выставят оба двора на второстепенный, короткий праздник.

И вскоре после него последует Каланмэй.

Мой живот скрутило. Если Тамлин намеревался соблюдать традиции, и поскольку я больше не была с ним... Я не позволила своим мыслям заходить так далеко в будущее. Это было бы несправедливо. Ни по отношению ко мне, ни к нему.

— На моей земле есть четыре главных города, — сказал мне Тарквин, обернувшись через мускулистое плечо. — Последний месяц зимы и первые весенние месяцы мы проводим в Адриате — в это время город прекраснее всего.

В самом деле, я предположила, что с бесконечным летом не было никаких ограничений тому, как наслаждаться своим временем. За городом, у моря или в городе под звездами... Я кивнула.

— Здесь очень красиво.

Тарквин смотрел на меня достаточно долго, так что Рис произнес:

— Восстановительные работы идут хорошо, я полагаю?

Слова Риса переключили внимание Тарквина.

— В основном. Нам еще многое предстоит сделать. Задняя половина замка все еще лежит в руинах. Но, как видите, внутреннюю отделку мы уже почти завершили. Однако в первую очередь мы сосредоточили свое внимание на восстановлении города, и там ремонтные работы все еще продолжаются.

Амаранта разграбила город? Рис ответил:

— Я надеюсь, что никакие ценности не были утрачены во время оккупации?

— Спасибо Матери, все самое ценное на месте, — ответил Тарквин.

Крессида напряглась позади меня. Три советника отделились от нашей группы — другие обязанности требовали их внимания. Они пробормотали прощания, бросая напряженные взгляды в сторону Тарквина. Такое ощущение, что он впервые был в роли хозяина, и они наблюдали за каждым движением своего Высшего Лорда.

Он улыбнулся им сдержанной улыбкой, которая не затронула его глаз, и не произнес ни слова, пока не привел нас в сводчатую комнату из белого дуба и зеленого стекла, из которой открывался вид на залив и бесконечное море.

Я никогда не видела воду столь же многоцветной, пульсирующей и полной жизни. Она переливалась зеленым, кобальтовым попеременно с полночным. И на мгновение, в моей голове мелькнула палитра красок, которые бы мне потребовались, чтобы запечатлеть этот момент: синий, желтый, белый, черный...

— Это мой любимый вид, — сказал Тарквин, стоя рядом со мной. В этот момент я поняла, что не заметив подошла к широким окнам, тогда как остальные расселись вокруг перламутрового стола. Горстка слуг раскладывала на тарелках горкой фрукты, листовую зелень и приготовленные на пару морепродукты.

— Вы должно быть очень горды владеть такими ошеломляющими землями, — произнесла я.

Глаза Тарквина, напоминаящие море перед нами, вернулись ко мне.

— Как они конкурируют с теми, которые ты уже видела? — такой тщательно подобранный вопрос.

— Все в Прифиане прекрасно по сравнению с землями смертных, — ответила я отрешенно.

— Быть бессмертным прекраснее, чем человеком?

Я почувствовала кожей всеобщее внимание к нашей беседе, несмотря на то, что Рис увлек Крессида и Вариана легкой дискуссией о положении дел на их рыбных рынках. Высший Лорда Летнего Двора изучающе смотрел на меня, и я окинула его взглядом — нагло и без тени вежливости, а затем произнесла:

— Это вы мне скажите.

Глаза Тарквина смеялись.

— Ты настоящая жемчужина. Хотя я понял это еще в тот день, когда ты бросила в Амаранту ту кость, забрызгав ее любимое платье грязью.

Я отгородилась от воспоминаний, от ослепляющего ужаса своего первого испытания.

Что он понял об этой связи между нами — догадался ли, что это была его собственная сила или подумал, что это просто связь, своего рода непонятное влечение?

И если я должна была украсть у него половину Книги... Возможно, это подразумевало более тесный контакт.

— Я не помню, чтобы Под Горой вы были таким же красивым. Солнце и море вам идут.

Возможно, меньшие мужчины и распустили бы хвост от гордости. Но Тарквин был более благоразумным — он знал, что я была с Тамлином, а теперь приехала сюда с Рисом. Наверное, он подумал обо мне не лучше, чем об Ианте.

— Как, кстати, ты вписываешься в двор Рисанда?

Такой прямой вопрос, после стольких обходных — несомненно, чтобы выбить меня из колеи.

И это почти сработало, я чуть было не призналась: «*Я не знаю*». Но Рис как будто слышал каждое слово нашего разговора и ответил вместо меня:

— Фейра — член моего Внутреннего Круга и мой Эмиссар в землях смертных.

Крессида, сидящая рядом с ним, спросила:

— У вас много контактов со смертными?

Я восприняла это как предложение присесть и уйти от слишком тяжелого взгляда Тарквина. Для меня оставили свободным место рядом с Амрен, напротив Риса.

Высший лорд Ночного Двора принялся к своему вину — белое, игристое — и я задалась вопросом, пытался ли он таким образом взбесить их, подразумевая, что оно могло быть отравлено. Между тем Рис продолжил:

— Я предпочитаю быть готовым к любой возможной ситуации. И, учитывая тот факт, что Хайберн собирается устроить нам неприятности, в наших интересах начать диалог с людьми.

Вариан переключил свое внимание с Амрен, только чтобы небрежно спросить:

— Так значит это действительно правда? Хайберн готовится к войне?

— Они уже готовы, — ответил Рис растягивая слова и наконец-то пригубив свой бокал. Амрен не притронулась к еде, как обычно поковырявшись в тарелке для видимости. Я задумалась, чем именно — кем — она будет питаться, пока мы будем находиться здесь. Пожалуй, Вариан подойдет в качестве закуски.

— Война неминуема.

— Да, ты упомянул об этом в своем письме, — сказал Тарквин, занимая место во главе стола между Рисом и Амрен. Храбрый шаг с его стороны — расположиться между двух столь могущественных личностей. Высокомерие или попытка установить дружеские отношения? Взгляд Тарквина опять скользнул по мне, прежде чем сфокусироваться на Рисе. — И ты знаешь, что мы будем сражаться против Хайберна. Мы потеряли достаточно хороших людей Под Горой, и я абсолютно не заинтересован в том, чтобы снова быть рабом. Но если ты здесь, чтобы просить меня принять участие в другой войне, Рисанд...

— Это невозможно, — мягко перебил Рис, — и мысль об этом даже не приходила мне в голову.

Должно быть, проблеск моего замешательства стал заметен, потому что Крессида

промурлыкала мне:

— Ты знаешь, Высшие Лорды воевали и за меньшее. Нет ничего неожиданного в том, если они развяжут ее из-за такой... необычной женщины, как ты.

Вот почему они приняли наше приглашение, хорошо это или плохо. Чтобы прощупать нас.

Если... Если Тамлин развяжет войну, чтобы вернуть меня... Нет. Нет, это невозможно.

Я написала ему, написала ему, чтобы он держался подальше. И он не настолько глупец, чтобы начинать войну, которую ему ни за что не выиграть. Не тогда, когда ему предстоит сражаться не с Высшими Фэ, а с иллирийскими воинами во главе с Кассианом и Азриэлем. Это была бы настоящая бойня.

Так что я произнесла ровно и скучающе:

— Принцесса, постарайтесь не выглядеть такой возбужденной. Высший Лорд Весеннего двора не собирается развязывать войну против Ночного Двора.

— Ты поддерживаешь контакт с Тамлином? — спросила она с сахарной улыбкой.

Мои следующие слова были тихими, медленными. И я решила, что ни капли не возражаю против того, чтобы обокрасть их.

— Есть вещи, которые являются достоянием общности, а есть те, которые таковыми не являются. Мои взаимоотношения с Тамлином всем хорошо известны. Однако, текущее состояние наших отношений не ваше дело. И не чье-либо еще. Но я знаю Тамлина, и между дворами не будет никакой междоусобной войны, во всяком случае не из-за меня или моих решений.

— Что ж, какое облегчение, — сказала Крессида, потягивая белое вино из своего бокала, и затем отломав клешню от большого краба с бело-розовым мясом. — Значит, мы не укрываем украденную невесту и нам нет необходимости беспокоиться о ее возвращении хозяину, как того требует закон. И как должен поступить любой мудрый человек, который хочет отвести беду от своего дома.

Амрен замерла совершенно неподвижно.

— Я ушла по своему собственному желанию, — ответила я, — и мне никто не хозяин.

Крессида пожалала плечами.

— Думай все, что хочешь, леди, но закон есть закон. Ты его невеста, была ею. И клятва верности, данная другому Высшему Лорду не изменит это. Так что очень хорошо, что Тамлин уважает твои решения. А иначе, одно его письмо, адресованное Тарквину с просьбой о твоём возврате, и мы должны будем подчиниться. Или навлечь на себя угрозу войны.

Рисанд вздохнул.

— Ты всегда просто прелесть, Крессида.

— Осторожнее, Высший Лорд. Моя сестра говорит правду, как она есть, — сказал Варин.

Тарквин положил руку на светлый стол.

— Рисанд наш гость, и его придворные тоже. И мы будем обращаться с ними соответственно. Мы будем относиться к ним, Крессида, как мы относимся к людям, спасшим наши шкуры, когда нужно было всего одно их слово — и мы были бы глубоко, глубоко мертвы.

Тарквин изучающе смотрел на меня и Рисанда, чье лицо оставалось потрясающе безразличным. Высший лорд Летнего Двора покачал головой и сказал Рису:

— У нас есть что обсудить только между нами, но чуть позже. Сегодня вечером я

устраиваю празднество для вас всех на моем прогулочном корабле в заливе. После него вы вольны бродить по городу, куда вам вздумается. Прости принцессе этот выпад, она защищает свой народ. Восстановление было очень долгим и трудным за эти месяцы. И мы не хотим повторения истории в ближайшее время.

Глаза Крессиды потемнели, словно она увидела призраков прошлого.

— Крессида принесла много жертв ради своего народа, — Тарквин ласково пояснил для меня, — не принимай ее предостережение на свой счет.

— Мы все принесли много жертв, — сказал Рисанд, его ледяная скука превратилась во что-то острое как бритва. — И вы сейчас сидите за этим столом со своей семьей благодаря тем жертвам, которые принесла Фейра. Так что это ты прости меня, Тарквин, если я скажу вашей принцессе, что если она пошлет Тамлину сообщение о местонахождении Фейры или кто-то из твоих людей попытается отправить ее ему, они поплатятся за это жизнью.

Даже морской бриз умер в зале.

— Не угрожай мне в моем же доме, Рисанд, — произнес Тарквин. — Моя благодарность не распространяется так далеко.

— Это не угроза, — возразил Рис, клешни краба на его тарелке треснули и раскрылись под невидимыми руками, — это обещание.

Все они посмотрели на меня, ожидая какого-либо ответа. Поэтому я подняла свой бокал с вином, посмотрела каждому из них в глаза, задержав взгляд на Тарквине, и произнесла:

— Не удивительно, что бессмертие никогда не наскучивает.

Тарквин усмехнулся, и я подумала, что его дыхание было выдохом глубокого облегчения.

И через связь между нами я почувствовала вспышку одобрения Рисанда.

Нам предоставили апартаменты из смежных комнат, расположенных на большом, просторном этаже, с которого открывался вид на море и город под нами. Моя комната была выполнена в цветах морской пены и светло-голубого с крапинками золота, подобно позолоченной раковине моллюска на моем комоде из светлого дерева. Я только положила ее обратно, как белые двери позади меня щелкнули, открываясь, и Рис проскользнул внутрь.

Закрыв ее, он прислонился к двери. Верх его черной туники был расстёгнут, обнажая часть завитков татуировки, охватывающих всю его грудь.

— Проблема, как я понял, будет состоять в том, что мне нравится Тарквин, — сказал он вместо приветствия. — Мне даже нравится Крессида. Без Вариана я мог бы прожить, не готов поспорить, что пару недель с Кассианом и Азриэлем — и он станет их закадычным другом, и тогда мне придется научиться принимать и его. Или же Амрен будет вить из него веревки, и я должен буду оставить его в покое или же прочувствовать на себе всю ее ярость.

— И? — я встала около комода, где меня ожидала сложенная не мною одежда, которая, несомненно, была из Ночного Двора.

Пространство комнаты — большая кровать, окна, солнечный свет — заполнили тишину, стоявшую между нами.

— И, — сказал Рис, — я хочу, чтобы ты нашла способ сделать то, что должна, не нажив при этом из них врагов.

— Так ты говоришь мне не попасться?

Кивок. А затем:

— Тебе нравится, что Тарквин не может оторвать от тебя глаз? Не могу понять, это потому что он желает тебя или потому что знает, что ты обладаешь его силой и хочет увидеть, как много ее у тебя?

— Разве не может быть оба варианта сразу?

— Конечно может. Но Высший Лорд, который смотрит на тебя с вожделием — это опасная игра.

— Сначала ты подначиваешь меня Кассианом, теперь Тарквином? Что, не можешь найти другой способ позлить меня?

Рис приблизился ко мне, и его запах, его тепло, воздействие его силы успокоили меня. Он оперся руками о комод по обе стороны от меня. Я не отстранилась.

— Ты здесь с одним заданием, Фейра. Одним заданием, о котором никто не должен узнать. Поэтому сделай все что угодно, чтобы выполнить его, но заполучи эту книгу. И не попадись.

Я не была какой-то глупой дурочкой. Я знала риск. И этот тон, те взгляды, что он всегда бросал на меня...

— *Все что угодно?*

Его брови поднялись.

— Что бы ты сделала, если бы я переспала с ним за нее? — выдохнула я.

Его зрачки расширились, а взгляд опустился на мои губы. Деревянный комод застонал под его руками.

— Ты говоришь такие отвратительные вещи. — Я ждала, мое сердце неровно билось. Он наконец снова встретился со мной взглядом. — Ты вольна делать все, что пожелаешь, с кем

захочешь. Поэтому, если хочешь оседлать его — вперед.

— Может, я так и сделаю, — однако часть меня хотела возразить. *Лгунья*.

— Отлично, — его дыхание ласкало мои губы.

— Отлично, — сказала я, чувствуя каждый дюйм между нами, расстояния все меньше и меньше. С каждой секундой, что мы не двигались, напряжение между нами возрастало.

— Не рискуй, — мягко сказал он, его глаза были словно звезды, — этой миссией.

— Я знаю цену.

Мощь его силы охватила меня, встряхивая и пробуждая.

Соль, море и бриз потянулись ко мне, запели мне.

И словно Рис тоже их услышал — он наклонил голову в сторону незажжённой свечи на комод.

— Зажги ее.

Я хотела возразить, но все же взглянула на свечу, призывая огонь, призывая тот пылающий гнев, что ему удалось во мне разбудить...

Свечу смыло с комода сильным потоком воды, как будто кто-то выплеснул на нее заполненное до краев ведро.

Я изумленно смотрела на воду, залившую комод, стекающие на мраморный пол капли были единственным звуком.

Рис тихо засмеялся, его руки все еще находились по обе стороны от меня.

— Ты можешь хоть когда-нибудь последовать приказу?

Но чем бы это ни было... Будучи здесь, так близко к Тарквину и его силе... Я могла почувствовать, как вода отзывалась мне. Почувствовать, как она покрывает пол, почувствовать пенящееся и спокойное море в бухте, ощутить вкус соли на ветру. Я встретила взглядом с Рисом.

Никто не был моим хозяином, но я могла быть хозяйкой всего, если бы пожелала. Если бы посмела.

Словно необъяснимый дождь, вода поднялась с пола, и я пожелала, чтобы она стала подобием тех звезд, что Рис призвал в облаке тьмы. Я заставила капельки воды отделяться до тех пор, пока они не закружили вокруг нас, ловя свет и сияя, будто кристаллы на люстре.

Рис прервал наш взгляд, чтобы изучить их.

— Я советую, — пробормотал он, — не показывать Тарквину этот маленький трюк в спальне.

Я послала каждую из этих капелек в лицо Высшего Лорда.

Слишком сильно, слишком быстро для него, чтобы успеть защититься. Некоторые из них обрызгали меня саму, отлетев от него рикошетом.

Сейчас мы оба были мокрыми, Рис слегка раскрыл рот в изумлении, а затем улыбнулся.

— Отличная работа, — сказал он, наконец, отталкиваясь от комода. Он не потрудился вытереть воду, поблескивающую на его коже. — Продолжай тренироваться.

Но я сказала:

— Начнет ли он войну? Из-за меня?

Он знал, кого я имела в виду. Горячий нрав, что отражался на лице Риса несколько секунд назад, сменился смертельным спокойствием.

— Я не знаю.

— Я... Я вернусь. Если до этого дойдет, Рисанд. Я скорее вернусь, чем заставлю тебя сражаться.

Его все еще мокрая рука скользнула в карман.

— Ты бы *хотела* вернуться? Заставит ли война от твоего имени снова полюбить его? Будет ли это широким жестом, чтобы завоевать тебя?

Я тяжело сглотнула.

— Я устала от смерти. Я не хочу больше видеть чью-либо смерть — и меньше всего из-за меня.

— Это не ответ на мой вопрос.

— Нет. Я бы не хотела возвращаться. Но я вернусь. Боль и убийства не завоюют меня.

Рис смотрел на меня еще мгновение, на его лице невозможно было ничего прочесть, а затем направился к двери. Его пальцы остановились на ручке в форме морского ежа.

— Он запер тебя, потому что знал — этот ублюдок знал, какое ты сокровище. Что ты стоишь больше чем вся земля, золото и драгоценности. Он знал и хотел, чтобы ты была только его.

Слова ударили по мне, и одновременно успокоили некий оборванный кусочек моей души.

— Он любил... Любит меня, Рисанд.

— Проблема не в том, что он любил тебя, а в том, насколько сильно. Слишком сильно. Любовь бывает ядом.

И затем он ушел.

* * *

Бухта была довольно спокойной, вероятно, убаюканная волей ее лорда и хозяина — прогулочная яхта едва ли раскачивалась в те часы, что мы обедали и пили на ее борту.

Сработанная из самого дорогого дерева и золота, огромная яхта была достаточно просторна для ста или более Высших Фэ, всеми силами старающихся не следить за каждым шагом Риса, Амрен и моим.

Главная палуба была уставлена низкими столами и креслами для приема пищи и отдыха, а на верхнем уровне под навесом из плитки, украшенной перламутром, располагался наш длинный стол. Тарквин был воплощением лета в своем бирюзовом и золотом одеянии, с сияющими изумрудами на пуговицах и пальцах. На его волосах цвета морской пены покоилась корона из сапфиров и белого золота, выполненная подобно гребням волн — настолько изысканная, что я часто ловила себя на том, что пристально рассматриваю нее.

Как и сейчас, когда он повернулся туда, где я сидела по правую от него руку, и заметил мой взгляд.

— С нынешними искусными ювелирами, они могли бы создать корону слегка покомфортнее. Эта ужасно впивается.

Довольно приятная попытка завести беседу, ведь я молчала уже на протяжении часа, вместо этого наблюдая за островным городом, водой, материком — забрасывая сеть сознания, слепой силы прямо туда, чтобы увидеть, ответит ли мне что-нибудь. Действительно ли Книга дремала где-то там.

Ничего не отозвалось на мой немой призыв. Поэтому я решила, что сейчас не самое плохое время, чтобы спросить:

— Как тебе удалось скрыть корону от нее?

Произнести имя Амаранты здесь, среди таких счастливых, празднующих людей, было бы сродни приглашению дождевой тучи.

Сидящий слева от него Рис, погруженный в разговор с Крессидой, даже не взглянул на меня. Более того, он практически не разговаривал со мной ранее и даже не отметил мой наряд.

Необычно, учитывая, что даже я сама была довольна тем, как я выглядела и опять сама выбрала себе образ: распущенные волосы, обруч из розового золота, не позволяющий им падать на лицо, шифоновое платье цвета розового заката, лишенное рукавов, облегчающее грудь и талию — практически идентичное тому фиолетовому, что я носила этим утром. Женственное, мягкое, прекрасное. Уже очень давно я не чувствовала себя такой. Не хотела этого.

Но здесь можно было позволить себе быть такой, и это не означало путевку в жизнь, посвященную планированию званных вечеров. Здесь, на вечерней заре я могла быть нежной и милой, а утром проснуться, чтобы скользнуть в иллирийскую боевую кожу.

— Когда наша земля пала, нам удалось переправить большую часть наших сокровищ. Нострус, мой предшественник, был моим кузеном. Я в то время был принцем другого города. Поэтому я получил указание спрятать клад в глухую ночь, так быстро насколько возможно, — сказал Тарквин.

Амаранта убила Ноструса, когда он восстал против нее, и в наказание казнила всю его семью. Если сила перешла к нему, Тарквин должно быть был одним из немногих выживших ее членов.

— Я не знала, что Летний Двор так высоко ценит сокровища, — сказала я.

Тарквин рассмеялся.

— Лишь самые первые Высшие Лорды. По большей части сейчас мы делаем это из традиции.

— Что ж, тогда золото и драгоценности — это то, что вы цените? — сказала я осторожно, небрежно.

— Среди прочих вещей.

Я пригубила вино, дабы выиграть время для того, чтобы обдумать, как задать вопрос, не вызвав при этом подозрений. Но, быть может, откровенность была лучшим способом.

— Позволено ли посторонним увидеть эту коллекцию? Мой отец был торговцем, и я провела большую часть детства в его лавке, помогая ему с товарами. Было бы интересно сравнить богатства смертных и те, что были созданы руками Фэ.

Рис продолжал беседовать с Крессидой, ни намек на одобрение или удивление не прошло по нашей связи.

Тарквин наклонил голову, и драгоценности на его короне засверкали.

— Конечно. Может быть, завтра после обеда?

Он не был глупцом, и, возможно, ему было известно об этой игре, но... Его приглашение было искренним. Я слегка улыбнулась, кивая. Я посмотрела в сторону толпы, слоняющейся внизу по палубе, на воду вокруг, освещенную светом фонарей, ощущая на себе взгляд Тарквина.

— Каким он был? Мир смертных? — спросил он.

Яковыряла клубничный салат на своей тарелке.

— Я видела лишь малую его часть. Моего отца звали Принцем Торговцев, но я была слишком юна, чтобы путешествовать с ним в другие части мира людей. Когда мне было одиннадцать, он потерял свое состояние на партии грузов, отправленных в Бхарат. Мы провели следующие восемь лет в нищете, в захолустной деревушке рядом со Стеной. Именно

поэтому я не могу сказать за весь мир смертных, но когда я говорю, что видела там... это было сложно. Жестоко. Здесь, кажется, классовые различия более размыты. А там все определяется деньгами. Они у тебя либо есть, и ты не делишься ими, либо ты брошен голодать и бороться за выживание. Мой отец... Он восстановил свое богатство, как только я оказалась в Прифиане. — Мое сердце сжалось, а затем опустилось в желудок. — А те самые люди, которые оставили нас умирать от голода, снова стали нашими друзьями. Я скорее встречу лицом к лицу с каждым созданием в Прифиане, чем с теми монстрами по другую сторону стены. Без магии, без силы, деньги стали единственной вещью, которая что-то значит.

Губы Тарквина были сжаты, но глаза оставались задумчивыми.

— Если придет война, ты бы пощадила их?

Такой опасный, двусмысленный вопрос. Я не расскажу ему, что мы делали за стеной — не до тех пор, пока Рис не даст указаний на это.

— Мои сестры живут с отцом в поместье. Ради них я буду сражаться. Но ради тех льстецов и павлинов... Я не прочь увидеть, как их спокойствие будет разрушено.

Включая нагнетающую ненависть семью жениха Элейн.

— Некоторые в Прифиане думают точно так же о других дворах, — очень тихо сказал Тарквин.

— Что... избавиться от Высших Лордов?

— Возможно. Но в основном, устранить прирожденные привилегии Высших Фэ над низшими фейри. Даже сами названия подразумевают неравенство. Может быть, это больше похоже на человеческий мир, чем ты себе это представляешь, и на самом деле наш мир не такой размытый, каким он может казаться. В некоторых дворах, у самых низких слуг, по происхождению Высших Фэ, больше прав, чем у самых состоятельных низших фейри.

Я вдруг осознала, что мы были не единственными на этой яхте, за этим столом. И то, что мы были окружены Высшими Фэ с животным-острым слухом.

— Вы согласны с ними? Что это должно измениться?

— Я молодой Высший Лорд, — сказал он. — Едва ли восемьдесят лет отроду. — значит, ему было тридцать, когда Амаранта пришла к власти. — Возможно, другие могут назвать меня неопытным или глупцом, но я видел эти зверства не понаслышке и знаю множество низших фейри, которые страдали лишь из-за того, что родились по другую сторону власти. Даже в пределах моих собственных владений, рамки традиций заставляют меня соблюдать правила моих предшественников: во время работы низших фейри не должно быть ни слышно, ни видно. Однажды я бы хотел увидеть Прифиан, в котором у них будет право голоса, как в моем дворе, так и за его пределами.

Я изучала его в поисках какого-либо обмана, хитрости. Но ничего не нашла.

Украсть у него — и я украду у него. Но что, если вместо этого я бы попросила? Дал ли бы он ее мне, или же традиции его предков пустили корни слишком глубоко?

— Скажи мне, что означает этот взгляд, — сказал Тарквин, кладя мускулистые руки на золотую скатерть.

— Я думаю о том, что вас было бы легко полюбить. И еще легче назвать моим другом, — сказала я прямо.

Он улыбнулся мне — широко и без сдержанности.

— Я не против любого варианта.

Легко — очень легко влюбиться в такого доброго, серьезного мужчину.

Но я бросила взгляд на Крессида, которая сейчас практически сидела на коленях Рисанда. А Рисанд улыбался как кот, одним пальцем выводя круги на тыльной стороне ее ладони, в то время как она кусала губу и сияла. Я встретилась взглядом с Тарквином, мои брови поползли вверх в немом вопросе.

Он состроил гримасу и покачал головой.

Я надеялась, что они пойдут в ее комнату.

Потому что если я должна буду слушать, как Рис ублажает ее... Я не позволила себе закончить эту мысль.

— Прошло много лет с тех пор, как я видел ее вот такой, — размышлял вслух Тарквин.

Мои щеки обдало жаром — стыд. За что мне должно быть стыдно? За желание задушить ее без веской на то причины? Рисанд дразнил и насмеялся надо мною, но он никогда не... соблазнял меня такими долгими внимательными взглядами, полуулыбками, которые были чистым иллирийским высокомерием.

Я подумала, что однажды мне уже был дарован этот дар, и я истратила его, боролась за него и потеряла его. И я решила, что за все, что Рисанд сделал и чем пожертвовал... Он заслужил это так же, как и Крессида.

Даже если... Даже если на какой-то миг я хотела этого.

Я хотела почувствовать это снова.

И... Я была одинокой.

Я осознала, что была одинокой уже очень и очень давно.

Рис наклонился, чтобы услышать то, что говорила Крессида, ее губы касались его уха, ее рука переплелась с его.

И это не было печалью или отчаянием, или ужасом, что ударило по мне, это было... Несчастье. Такое мрачное, острое несчастье, что я поднялась на ноги.

Глаза Риса метнулись в моем направлении, наконец вспоминая о моем существовании, но на его лице не отражалось ни намек на то, что он почувствовал хоть что-либо из того, что я послала сквозь нашу связь. Мне было все равно, стоял ли у меня щит или нет, были ли мои мысли открыты и прочел ли он их словно книгу. Похоже, его это тоже не волновало. Он вернулся, посмеиваясь, к тому, что говорила ему Крессида, прижимаясь к нему ближе.

Тарквин поднялся на ноги, изучая меня и Риса.

Я была несчастной — не просто разбитой. А несчастной.

Эмоция, осознала я. Это было эмоцией, а не бесконечной пустотой или ужасом, направленным на выживание.

— Мне нужно немного свежего воздуха, — сказала я, несмотря на то, что мы были на открытом пространстве. Но эти золотые огни, люди вверху и внизу стола... Мне нужно было найти место на этой большой яхте, где я могла бы немного быть побыть одной, не важно, была у меня миссия или нет.

— Если хочешь, я могу пойти с тобой?

Я взглянула на Высшего Лорда Летнего Двора. Я не лгала. Было бы легко влюбиться в такого мужчину, как он. Но я не была окончательно уверена, что даже с теми тяготами, с которыми он столкнулся Под Горой, Тарквин мог понять тьму, которая, возможно, навсегда останется во мне. Не только из-за Амаранты, но и из-за лет проведенных в голоде и отчаянии.

Что я, возможно, всегда буду немного сломленной и беспокойной. Что я всегда буду желать мира, но никогда клетку уюта.

— Я в порядке, благодарю, — сказала я и направилась к широкой лестнице, которая вела вниз к корме — ярко освещенной, но более тихой, чем главные области на носу корабля. Рис даже не посмотрел в мою сторону, когда я уходила. Скатертью дорога.

Я была на полпути, спускаясь по деревянным ступеням, когда заметила Амрен и Вариана — оба прислонились к соседним колоннам, оба пили вино и игнорировали друг друга. Даже если они ни с кем другим и не разговаривали.

Возможно, это было еще одной причиной, почему она пришла: чтобы отвлечь сторожевого пса Тарквина.

Я достигла главной палубы, обнаружив место около деревянных перил, которые были притенены больше, чем остальные и прильнула к ним. Магия вела корабль — ни одного лодочного весла, ни паруса. Таким образом мы плыли в бухту, тихо и гладко, почти не оставляя за собой пенный след.

Я не осознавала того, что ждала его, до тех пор пока яхта не вошла в док у основания островного города, и я каким-то образом провела весь последний час в одиночестве.

Когда я спустилась на сушу с остальной толпой, Амрен, Вариан и Тарквин ждали меня у причала, все они выглядели несколько напряженно.

Рисанда и Крессиды нигде не было видно.

К счастью, из его закрытой спальни не было слышно ни звука. Ни звука не доносились в течение всей ночи, даже когда я вскочила от кошмара, в котором меня насаживали на пики, и не могла вспомнить, где находилась.

Из моих открытых окон было видно, как лунный свет танцевал на поверхности моря, и стояла тишина — звенящая тишина.

Оружие. Я была оружием в поисках этой книги, в попытке остановить короля от разлома Стены, пресечь любые его планы касательно Юриана и войны, которая могла разрушить мой мир. Уничтожить это место и... Высшего Лорда, который вполне мог изменить порядок вещей.

На мгновение, мне стало не хватать Велариса, его огней, музыки, и Радуги. Я скучала по уютному теплу городского дома, приветствующего меня морозной зимой, скучала по... по чувству, каково это было — быть частью их маленькой команды.

Быть может, оборачивая крылья вокруг меня, писав мне записки — все это было своеобразным способом Риса убедиться в том, что его оружие не сломается окончательно.

Что было хорошо — довольно справедливо. Мы ничего не были должны друг другу, кроме обещания вместе работать и сражаться.

Он все еще мог быть моим другом. Компаньоном — что бы ни было между нами. И то, что он лег с кем-то в постель не меняет этих вещей.

И настоящим облегчением была мысль, что, на мгновение, он мог быть таким же одиноким, как и я.

* * *

У меня не хватило духу выйти из своей комнаты и явиться на завтрак, чтобы увидеть, вернулся ли Рис.

Увидеть, с кем он мог спуститься к завтраку.

Мне не чем было заняться, говорила я себе лежа в кровати и коротая время до обеденного визита с Тарквином. Поэтому я оставалась там до тех пор, пока не пришли слуги, извиняясь за то, что потревожили меня, и собираясь уйти. Я остановила их, сказав, что пока они убирают комнату, я приму ванну. Они были вежливы — если не нервничали — и лишь кивнули, когда я отправилась выполнять то, что сказала.

В ванной я совсем не торопилась. За запертой дверью я позволила себе призвать крупницу силы Тарквина — сначала повелевая воде подняться из ванны и затем принять форму маленьких животных и существ.

Я была очень близка к трансформации, когда дала волю чувствам. Понимание того, что я могла придать себе животные черты, заставило меня дрожать и вызвало тошноту. Я могла проигнорировать это, проигнорировать привычное царапание когтей в моей крови некоторое время.

Я была сосредоточена на порхающих по всей комнате водных бабочках, когда поняла, что пробыла в ванне уже довольно долгое время, и она остыла.

Как и предыдущей ночью, Нуала прошла сквозь стены оттуда, где она находилась во дворце, и одела меня, каким-то образом настроившись чувствовать, когда я готова. Керридвен, сказала она мне, не повезло вытянуть короткую соломинку, и она отправилась к

Амрен. Спросить о Рисе мне не хватило духу.

Нуала выбрала цвет зеленой морской пены и розовое золото, завивая, а затем заплетая мои волосы в густую, свободную косу, сверкающую каплями жемчуга. Если Нуала и знала, почему я здесь, чем я буду заниматься, она ничего не сказала. Но она уделила больше, чем обычно внимания моему лицу, выделяя мои губы малиново-розовым цветом и слегка припудривая скулы розоватым румянцем. Я могла бы выглядеть невинной, обаятельной, если бы не мои серо-голубые глаза. Более впалые, нежели прошлым вечером, когда я последний раз любовалась собой в зеркале.

Я видела достаточно дворца, чтобы самой найти, где Тарквин сказал мы встретимся, прежде чем мы пожелали друг другу спокойной ночи. Главный зал был расположен этажом выше, примерно на полпути отсюда — идеальное место встречи тех, кто обитал в башнях и тех, кто работал внизу, невидимые и неслышимые.

Этот этаж вмещал все многочисленные залы заседаний, бальные, обеденные и многие другие залы, которые могли быть необходимы для гостей, торжеств и собраний. Доступ к жилым уровням, с которых я и пришла, охранялся четверью солдатами на каждой лестничной клетке — все они внимательно наблюдали за мной, пока я ждала их Высшего Лорда около колонны из морских раковин. Я задавалась вопросом: мог ли он почувствовать, как я играла с его силой в ванной, и что частица его силы, что он отдал, была теперь здесь и отвечала мне.

Когда часы пробили два, Тарквин появился из одной из соседних комнат в сопровождении двух моих спутников.

Взгляд Рисанда скользнул по мне, отметив одежду, которая очевидно была в честь нашего хозяина и его людей. Отметив то, как я избегала смотреть на него или Крессиду и смотрела исключительно на Тарквина и Амрен рядом с ним — Вариан прямо сейчас шагал к солдатам на лестнице — и подарила им обоим мягкую, сдержанную улыбку.

— Ты сегодня прекрасно выглядишь, — сказал Тарквин, склоняя голову.

Похоже, что Нуала была невероятно хорошим шпионом. Туника Тарквина цвета олова подчеркивалась таким же оттенком зеленой морской пены, как и моя одежда. Мы могли бы быть сочетающейся парой. Я предположила, что с моими русо-золотыми волосами и бледной кожей я была его противоположным отражением.

Я чувствовала, как Рис все еще оценивающе смотрел на меня.

Я заблокировала его. Может быть, позже я отправлю гавкающего водного пса за ним — пусть он укусит его за задницу.

— Я надеюсь, что не прерываю вас, — сказала я Амрен.

Амрен пожала тонкими плечами. Сегодня на ней была одежда цвета серой каменной плиты.

— Мы заканчивали довольно оживленный спор касательно военного флота и того, кто мог бы быть ответственен за единый фронт. Ты знала, — спросила она, — что перед тем, как они стали столь великими и могущественными, Тарквин и Вариан заправляли морским флотом Ноструса?

Вариан, стоящий на несколько шагов позади, напрягся, но не обернулся.

Я встретила взглядом с Тарквином.

— Ты не упоминал, что был моряком.

Было настоящим усилием звучать заинтригованной, поскольку меня это нисколько не волновало.

Тарквин потер шею.

— Я планировал рассказать тебе сегодня во время нашей экскурсии. — Он протянул мне руку. — Пойдем?

Ни единого слова — я не произнесла ни единого слова Рисанду. И не собиралась, лишь обвила руку Тарквина и бросила никому из них в частности:

— Увидимся позже.

Что-то коснулось моего ментального щита, гул чего-то темного, мощного.

Вероятно, предостережение быть осторожной.

Несмотря на то, что это было похоже на темную, мерцающую эмоцию, которая преследовала меня — она была приятной, поэтому я ступила чуть ближе к Тарквину. А затем подарила Высшему Лорду Летнего Двора очаровательную, легкомысленную улыбку, которую я *никому* не дарила уже очень и очень давно.

Эта легкое прикосновение эмоции затихло по другую сторону моих щитов.

Хорошо.

* * *

Тарквин привел меня в полный драгоценностей и сокровищ зал, такой бескрайний, что я глазела на него, разинув рот, добрую минуту. Минуту, которую я использовала для того, чтобы изучить полки на проблеск какого-либо чувства — что-то приятно, что было бы похоже на мужчину, стоящего рядом со мной, на силу, которую я призвала в ванной.

— И это... лишь одна из коллекций? — Комната была высечена глубоко под дворцом, за тяжелой свинцовой дверью, которая открылась, только когда Тарквин положил на нее ладонь. Я не осмелилась подойти достаточно близко к замку, чтобы убедиться, мог ли он сработать от моего прикосновения — его поддельного отпечатка.

Лиса в курятнике. Вот кем я была.

Тарквин испустил смешок.

— Мы предки были жадными ублюдками.

Я покачала головой, направляясь к полкам, встроенным в стену. Твердый камень — ни шанса пробраться сюда, если только я не проложу туннель под самой горой. Или если только кто-то не рассеет меня. Хотя здесь, вероятно, могла быть защита аналогичная той, что была в городском домике и в Доме Ветра.

Сундуки, переполненные драгоценностями, жемчугом и нешлифованными драгоценными камнями, золото, возвышающееся в сундуках так высоко, что оно сыпалось на мощеный булыжником пол. Ряды богато украшенных доспехов стояли у одной стены, тканые одеяния из кружева и звездного света прилегали к другой. Здесь были всевозможные мечи и кинжалы. Но не было книг. Ни одной.

— Тебе известна история, таящаяся за каждым сокровищем?

— Отчасти, — сказал он. — У меня не было много времени для изучения всего этого.

Хорошо... Может быть, он не узнает о Книге, не хватится ее.

Я повернулась.

— Что здесь самое ценное?

— Подумываешь о краже?

Я подавила смешок.

— Не сделал бы меня этот вопрос слишком паршивым вором?

Лгущей, двуличной негодяйкой — вот кем сделал меня этот вопрос.

Тарквин изучал меня.

— Я бы сказал, что прямо сейчас я смотрю на самую драгоценную вещь здесь.

Мой румянец смущения не был поддельным.

— Ты... очень любезен.

Его улыбка была мягкой. Словно его положение еще не убило сострадание в нем. Я надеялась, что это никогда не изменится.

— По правде, я не знаю, какая вещь здесь является самой ценной. Все они бесценные реликвии моего дома.

Я подошла к полке, изучая. На вельветовой подушечке лежало кольцо из рубинов — каждый из них был размером с яйцо малиновки. Лишь потрясающая женщина надела бы это ожерелье, затмив драгоценные камни, а не наоборот.

На соседней полке — жемчужное ожерелье, затем сапфировое.

На другой полке... ожерелье из черных бриллиантов.

Каждый из темных камней был загадкой — и ответом. Каждый из них дремал.

Тарквин приблизился ко мне сзади, смотря через мое плечо на то, что привлекло мое внимание. Его взгляд скользнул к моему лицу.

— Возьми его.

— Что? — Я повернулась к нему.

Он потер затылок.

— Как благодарность. За то, что произошло Под Горой.

«Спроси его сейчас — вместо этого спроси его о Книге».

Но это потребует доверия и... каким бы он ни был добрым, но он оставался Высшим Лордом.

Он достал шкатулку с ее места и закрыл крышку, передавая мне.

— Ты была первым человеком, кто не расхохотался над моей идеей о стирании границ классовой принадлежности. Даже Крессида рассмеялась, когда я рассказал ей. Если ты не примешь ожерелье за то, что спасла нас, тогда прими его за это.

— Это хорошая идея, Тарквин. Ее оценка не означает, что ты мне что-то должен.

Он покачал головой.

— Просто прими это.

Мой отказ оскорбит его, поэтому я взяла шкатулку в руки.

— Оно пойдет тебе в Ночном Дворе, — сказал Тарквин.

— Возможно, я останусь здесь и помогу тебе изменить мир.

Уголок его рта дернулся в сторону.

— Мне бы пригодился союзник на севере.

Вот почему он привел меня сюда? Почему дал мне этот подарок? Я не осознавала, что мы были одни здесь внизу, глубоко под землей, в месте, которое с легкостью могло быть запечатано.

— Тебе не нужно бояться меня, — сказал он, и я задалась вопросом, был ли мой страх таким видимым. — Но я имел в виду... у тебя есть влияние на Рисанда. А с ним, как известно, чертовски трудно иметь дело. Он получает то, что захочет, у него есть планы, о которых он никому не рассказывает до тех пор, пока не осуществит их, и он никогда не извиняется ни за один из них. Будь его эмиссаром в людских землях, но будь и нашим. Ты видела мой город. У меня есть еще три таких. Амаранта уничтожила их практически сразу

после того, как захватила власть. Все, чего мои люди сейчас хотят — это лишь мира, безопасности и больше не дрожать, и не оглядываться через плечо. Другие Высшие Лорды рассказали мне о Рисе и предупредили о нем. Но он помиловал меня Под Горой. Брутиас был моим кузеном, и мы собрали в наших городах все силы для штурма Подгорья. Они поймали его, пробирающегося тайком в туннелях для встречи с ними. Рис видел это в разуме Брутиаса — я знаю, что он видел. Но все же он солгал ей в лицо и бросил ей вызов, когда она отдала приказ превратить его в живое подобие призрака. Быть может, это было ради его собственных планов, но я знаю, что это было милосердием. Он знает, что я молод и неопытен, и он помиловал меня. — Тарквин покачал головой, по большей части, сам себе. — Иногда я думаю, что Рисанд... Я думаю, что он мог стать ее шлюхой для того, чтобы не дать ей обратить все свое внимание на нас.

— Тебе не нужно бояться меня, — сказал он, и я задалась вопросом, был ли мой страх таким очевидным. — Но я имел в виду... У тебя есть влияние на Рисанда. А с ним, как известно, чертовски трудно иметь дело. Он получает то, что захочет, строит планы, о которых никому не рассказывает до тех пор, пока не осуществит их, и никогда не извиняется ни за один из них. Будь его эмиссаром в людских землях, но будь и нашим. Ты видела мой город. У меня есть еще три таких. Амаранта уничтожила их практически сразу после того, как захватила власть. Все, чего мои люди сейчас хотят — это лишь мира, безопасности и больше не дрожать, и не оглядываться через плечо. Другие Высшие Лорды рассказали мне о Рисе и предостерегли на его счет. Но он помиловал меня Под Горой. Брутиас был моим кузеном, и мы собрали в наших городах все силы для штурма Подгорья. Его поймали, пробирающегося тайком по туннелям для встречи с ними. Рис увидел это в разуме Брутиаса — я знаю, что он видел. Но все же он солгал ей в лицо и бросил ей вызов, когда она отдала приказ превратить его в живое подобие призрака. Быть может, это было ради его собственных планов, но я уверен, что это было милосердием. Он знает, что я молод и неопытен, и он помиловал меня. — Тарквин покачал головой, по большей части, сам себе. — Иногда я думаю, что Рисанд... Я думаю, что он мог стать ее шлюхой для того, чтобы не дать ей обратить все свое внимание на нас.

Я бы никогда не предала то, что мне было известно. Но я подозревала, что он видел это в моих глазах — печаль этой мысли.

— Я знаю, что должен смотреть на тебя, — сказал Тарквин, — и видеть, что он превратил тебя в своего питомца, монстра. Но я вижу в тебе доброту. И я думаю, что это заставляет поразмыслить о нем больше, чем что-либо другое. Я думаю, это показывает, что у него и тебя может быть много тайн.

— Прекрати, — выпалила я. — Просто... прекрати. Ты знаешь, что я не могу ничего рассказать тебе. И ничего не могу обещать. Рисанд — Высший Лорд. И я служу его двору.

Тарквин опустил взгляд на пол.

— Извини меня, что был так напорист. Я все еще учусь, как играть в игры дворов — к огорчению моих советников.

— Я надеюсь, что ты никогда не научишься играть в эти игры.

Тарквин посмотрел мне в глаза, на его лице было осторожное, но несколько мрачное выражение.

— Тогда позволь задать тебе прямой вопрос. Это правда, что ты ушла от Тамлина, потому что он запер тебя в своем доме?

Я постаралась отогнать воспоминания, ужас и страдания моего разбитого сердца. Но я

кивнула.

— И это правда, что ты была спасена из заточения Ночным Двором?

Я снова кивнула.

— Весенний Двор — мой южный сосед. У нас с ними тесные связи. Но если меня не спросят напрямую, я не упомяну, что ты была здесь.

Вор, лгунья и манипулятор. Я не заслуживала союза с ним.

Но я склонила голову в знак благодарности.

— Покажут ли мне и другие коллекции сокровищ?

— Золото и драгоценности не достаточно впечатлили тебя? Что же твой глаз торговца?

Я постучала по шкатулке.

— О, я получила то, что хотела. Сейчас мне любопытно увидеть, насколько ценен союз с тобой.

Тарквин засмеялся, звук отразился от камня и сокровищ вокруг нас.

— Я в любом случае не горел желанием идти сегодня на свои заседания.

— Какой безрассудный, непослушный юный Высший Лорд!

Тарквин снова взял меня под локоть, поглаживая мою руку и выводя из комнаты.

— Знаешь, я думаю, что тебя тоже было бы очень легко полюбить, Фейра. И еще легче стать твоим другом.

Я заставила себя смущенно отвернуться, пока он запирает дверь позади нас, положив ладонь на поверхность над дверной ручкой. Я услышала щелканье замков, скользящих на свое место.

Он привел меня в другие комнаты под замком — одни заполненные драгоценностями, другие оружием, третьи одеждой предыдущих эпох. Он показал мне одну, что была заполнена книгами, и мое сердце ёкнуло, но там ничего не оказалось. Ничего кроме кожи, пыли и тишины. Никакой струйки силы, что была бы похожа на мужчину рядом со мной — ни намека на книгу, которая была мне нужна.

Тарквин привел меня в последнюю комнату, полную ящиков и стеллажей, завешенных тканью. И когда я увидела все произведения искусства, маячащие за открытыми дверями, то сказала:

— Я думаю, что увидела достаточно на сегодня.

Он запер комнату и не задавая вопросов отвел меня обратно на гудящие, залитые солнцем верхние этажи.

Должны быть другие места, где она может храниться. Если только она не находится в другом городе.

Я обязана была найти ее. Скоро. Рис и Амрен не могли растягивать свои политические дебаты вечно, и рано или поздно нам придется вернуться домой. Я только молилась, что найду ее достаточно быстро — и не буду ненавидеть себя за это еще больше, чем сейчас.

* * *

Рисанд лежал, развалившись на моей кровати так, словно она ему принадлежала.

Я бросила один взгляд на его руки, скрещенные за головой, длинные ноги, свисающие с края матраса, и стиснула зубы.

— Чего ты хочешь? — Я хлопнула дверью достаточно громко, чтобы подчеркнуть холод моих слов.

— Как я понимаю, заигрывание и хихиканье с Тарквином ничего хорошего не принесли?

Я бросила шкатулку на кровать рядом с ним.

— Это у тебя надо спросить.

Его улыбка дрогнула, когда он сел, открывая крышку.

— Это не Книга.

— Нет, но это прекрасный подарок.

— Если ты хочешь, чтобы я покупал тебе драгоценности, Фейра, тогда просто скажи.

Хотя, я думал, ты в курсе, что весь твой гардероб был куплен для тебя.

Я не осознавала этого.

— Тарквин хороший мужчина — хороший Высший Лорд. Тебе следовало бы просто попросить эту чертову Книгу.

Рис захлопнул крышку.

— Итак, он задобрил тебя драгоценностями и напел тебе в уши сладкие речи, и сейчас ты чувствуешь себя виноватой?

— Он хочет союза с тобой — отчаянно хочет. Хочет доверять тебе, положиться на тебя.

— Что ж, Крессида полагает, что ее кузен довольно амбициозен, поэтому я был бы осторожен, читая между строк.

— Да? Она рассказала тебе это до, во время или после того, как ты лег с ней в постель?

Рис встал грациозным, ленивым движением.

— Вот почему ты не хотела смотреть на меня? Потому что думала, что я переспал с ней ради информации?

— Ради информации или удовольствия, мне все равно.

Он обошел кровать, а я стояла не двигаясь, даже когда он остановился возле меня на расстоянии меньше вытянутой руки.

— Ревнуешь, Фейра?

— Если я ревную, тогда и ты ревнуешь к Тарквину и его сладким речам.

Зубы Рисанда сверкнули.

— Ты думаешь, что мне особенно нравится флиртовать с одинокой женщиной, чтобы выведать информацию о ее дворе, ее Высшем Лорде? Считаешь, я горжусь собой, делая это? Думаешь, я получаю удовольствие, делая это для того, что бы ты получила простор строить Тарквину милые глазки и очаровывать его улыбками, чтобы мы могли заполучить Книгу и вернуться домой?

— Прошлой ночью, казалось, тебе это нравится.

Его рык был тихим — злым.

— Я не тащил ее в постель. Она хотела, но я не сделал ничего, кроме как поцеловал ее. Я повел ее выпить в город, позволил рассказывать о своей жизни, тревогах и тяготах, и затем отвел ее в ее комнату, но не двинулся дальше ее двери. Я ждал тебя за завтраком, но ты проспала. Или, скорее всего, избегала меня. И я пытался привлечь твое внимание в полдень, но ты была так хороша, полностью заблокировав меня.

— Это то, что тебя так раздосадовало? Что я выставила тебя вон, или что Тарквину было так легко попасть внутрь?

— Меня раздосадовало, — сказал Рис, его дыхание было прерывистым, — что ты улыbnулась ему.

Весь остальной мир растворился в тумане, когда до меня дошел смысл его слов.

— Ты ревнуешь.

Он покачал головой, затем отошел к небольшому столу у дальней стены и выпил залпом стакан янтарной жидкости. Он уперся руками в стол, мощные мышцы его спины задрожали под рубашкой, когда тень его крыльев изо всех сил попыталась принять истинную форму.

— Я слышал, что ты сказала ему, — прошептал он. — Что ты думаешь, что в него было бы легко влюбиться. И ты сказала это искренне.

— И что? — единственное, что я придумала, чтобы ответить.

— Я позавидовал... этому. Что я не... такой человек. Ни для кого. Летний Двор всегда сохранял нейтралитет, они проявили мужество лишь один раз в период тех лет Под Горой. Я спас жизнь Тарквина, потому что слышал, как он хотел уравнивать права между Высшими Фэ и низшими фейри. Я пытался сделать это на протяжении многих лет. Безуспешно, но... Я спас его именно поэтому. И Тарквин с его нейтральным двором... Ему никогда не придется беспокоиться о ком-то, покидающем тебя из-за угрозы ее жизни, жизни ее детей, которая всегда будет существовать. Поэтому, да, я позавидовал ему, потому что для него это всегда будет легко. И он никогда не узнает, каково это — смотреть на ночное небо и мечтать.

Двор Грез.

Люди, которые знали, что была цена, и ее надо было заплатить за эту мечту. Незаконнорожденные воины, иллириец-полукровка, монстр, заключенный в ловушку прекрасного тела, мечтательница, рожденная во дворе кошмаров... И охотница с душой художницы.

И, возможно, потому что это была самая ранимая вещь, которую он когда-либо мне сказал, возможно, потому что из-за нее мне жгло в глазах, я подошла туда, где он стоял около маленького бара. Я не смотрела на него, взяв графин с янтарной жидкостью и сначала плеснув себе немного, а затем снова наполнив его стакан.

Но я встретила его пристальный взгляд, чокнувшись с его стаканом — хрустальный звон был четким и звонким, по сравнению с шумом моря внизу, и сказала:

— За людей, что смотрят на звезды и мечтают, Рис.

Он поднял стакан, и его взгляд был настолько пронзительным, что я задалась вопросом, почему вообще трудилась краснеть для Тарквина.

Рис чокнулся стаканом с моим.

— За звезды, что внемлют и мечты, которые исполняются.

Прошло два дня, каждое мгновение которых было подобно балансированию на грани правды и лжи. Рис позаботился, чтобы я не была приглашена на заседания, которые он и Амрен устраивали, чтобы отвлечь моего добродушного хозяина и подарить мне время, чтобы я прочесала город в поиске любого намёка на Книгу.

Но не со слишком большим рвением, не слишком тщательно. Я не должна была выглядеть чересчур заинтересованной, блуждая по улицам и докам, не могла задавать слишком много наводящих вопросов о сокровищах и легендах Адриаты у встреченных мною прохожих. Даже проснувшись с рассветом, я заставила себя дожидаться подходящего времени, прежде чем отправиться в город, и перед этим принять ванну дольше обычного, чтобы тайно попрактиковать водную магию. И хотя спустя час создание водных животных мне наскучило... это стало получаться легко. Возможно, благодаря моей близости к Тарквину, благодаря какой-то тяге к воде, что уже присутствовала в моей крови и душе... В любом случае, мне определенно нельзя было об этом его спрашивать.

Как только завтрак был наконец-то подан и съеден, я придала себе слегка скучающий и бесцельный вид, идя по сияющим коридорам дворца в направлении выхода в пробуждающийся город.

Маловероятно, что кто-нибудь узнал меня, пока я мимоходом проверяла магазинчики, дома и мосты на любой отблеск заклинания, которое бы показалось мне похожим на Тарквина, и я сомневалась, что у кого-то вообще могли быть основания узнать меня. То были Высшие Фэ, благородная знать, кого удерживали Под Горой, а живущих здесь людей бросили... для истязаний.

Глубокие повреждения покрывали здания, улицы — кара за их восстание: следы пожаров, обрушенные куски камня, целые здания, обращенные в руины. Задняя часть замка, как и уверял Тарквин, была лишь на полпути восстановления. Три башни были наполовину разрушены, песочно-коричневый камень был обуглен и крошился. Никаких следов Книги. Рабочие в башнях и во всём городе усиленно трудились, чтобы восстановить разрушенные районы.

Все, кого я видела — Высшие Фэ и фейри с чешуей, жабрами и длинными перепончатыми пальцами — казалось, все они постепенно исцелялись. Тех, у кого были шрамы и отсутствовали конечности, было больше, чем я могла сосчитать. Но в их глазах... В их глазах горел свет.

Я спасла и их тоже.

Освободила их от всевозможных кошмаров, творившихся здесь в течение пяти десятилетий.

Чтобы спасти их, я совершила ужасный поступок... но я их спасла.

Этого никогда не будет достаточно, чтобы искупить вину, но... Я больше не чувствовала себя так подавленно, несмотря на то, что пока не нашла отголоска присутствия Книги, возвращаясь на третью ночь во дворец на вершине холма, чтобы дожидаться рассказа Риса о заседаниях днем и узнать, удалось ли ему самому что-нибудь обнаружить.

Поднимаясь по ступенькам дворца и проклиная себя за то, что так и осталась не в форме даже после всех уроков Кассиана, я заметила Амрен, усевшуюся на край балкона башни и чистящую свои ногти.

Вариан облокотился о подоконник другого балкона на расстоянии одного прыжка — и я задумалась, не размышляет ли он о том, что сможет преодолеть его достаточно быстро, чтобы столкнуть её вниз.

Кошка, играющая с собакой — вот чем это было. Амрен практически подставляла себя, без слов провоцируя его приблизиться достаточно близко, чтобы обнюхать. Я сомневалась, что Вариану понравились бы её коготки.

Если только это не было причиной его слезки за ней днём и ночью.

Я потрясла головой, продолжая подниматься по ступенькам и наблюдая за отливом.

Небо, окрашенное в закат, отражалось в воде и прибрежном иле. Лёгкий вечерний бриз прошелестел возле меня, и я подалась к нему, позволяя остудить свое взмокшее тело. Однажды были времена, когда я боялась конца лета и молилась, чтобы оно задержалось как можно дольше. Теперь же мысль о бесконечном тепле и солнце... утомляла меня. И беспокоила.

Я как раз собиралась повернуться обратно к ступенькам, когда заметила клочок суши, открывшийся рядом с перешейком в приливно-отливной зоне. Небольшая постройка.

Немудренно, почему я не замечала ее раньше, ведь я никогда не находилась так высоко во время отлива... А в остальное время суток, судя по блеску ила и водорослей на ней, постройка была полностью скрыта под водой.

Даже сейчас она была наполовину затоплена. Но я не могла отвести от нее глаз.

Словно маленький кусочек дома, хоть и мокрый, и убого выглядящий — и мне всего лишь нужно было ринуться по илистому перешейку между тихой частью города и материком — быстро, быстро, быстро, чтобы я могла добраться до нее, прежде чем она снова исчезнет среди волн.

Но местность была слишком открытой глазу, а с расстояния я не могла точно определить, была ли Книга скрыта внутри.

Мы должны быть абсолютно уверены, прежде чем идти внутрь — чтобы оправдать риск, связанный с ее поиском. Абсолютно уверены.

Как бы мне этого не хотелось, но я осознала, что у меня в голове уже сложился план действий.

* * *

Мы ужинали с Тарквином, Крессидой и Варианом в их фамильном обеденном зале — точный признак того, что Высший Лорд действительно желал с нами союза, неважно, ради амбиций или нет.

Вариан изучал Амрен, словно пытаюсь разгадать загадку, которую она для него представляла, тогда как она абсолютно не обращала на него никакого внимания, обсуждая с Крессидой различные переводы какого-то древнего текста. Я плавно подводила Тарквина к своему вопросу, рассказывая о том, что видела в его городе в тот день и о свежей рыбе, которую купила себе в доках.

— Ты прямо там ее и съела? — изумился Тарквин, поднимая брови.

Рис подпёр голову кулаком, когда я ответила:

— Они обжарили её вместе с обедом других рыбаков. И не взяли с меня никакой дополнительной платы за это.

Впечатлённый Тарквин засмеялся.

— Моряк я или нет, но не могу сказать, что мне доводилось делать подобное.

— Ты должен попробовать, — честно сказала я, — было очень вкусно.

Я надела ожерелье, подаренное им, вместе с Нуалой подобрав наряд ему под стать. Мы остановили свой выбор на сером цвете нежного сизого оттенка, чтобы подчеркнуть сверкающий черный. Я не надела больше никаких украшений — ни серёг, никаких браслетов и колец. Тарквин остался доволен, несмотря на то, что Вариан прямо поперхнулся, увидев меня с фамильной ценностью его двора. Удивительно, но Крессида сказала, что оно мне идёт, и что оно всё равно никогда не вписывалось в это место. Сомнительный комплимент, но достаточно хвалебный.

— Тогда, возможно, я отправлюсь завтра. Но только если ты ко мне присоединишься.

Я улыбнулась Тарквину, осознавая каждую из улыбок, что я дарила ему, теперь, когда Рис упомянул об этом. Помимо коротких ночных вестей об отсутствии какого-либо прогресса в поисках Книги, мы не разговаривали с того самого вечера, когда я наполнила его бокал — и дело было не в неловкости, а в насыщенности делами дней.

— Мне бы этого хотелось, — ответила я. — Возможно, мы могли бы прогуляться утром через перешеек, когда будет отлив. Я там заметила небольшую постройку, она выглядит очаровательно.

Крессида перестала разговаривать, но я продолжила, отпив немного вина.

— Я подумала, раз уж я уже увидела большую часть города, то могла бы осмотреть и ее тоже по пути на материк.

Взгляд Тарквина на Крессида был единственным подтверждением, что мне требовалось. Это каменное строение действительно охряняло то, что мы искали.

— Это руины храма, — вежливо сказал Тарквин — ложь гладкая, словно шёлк. — Там только грязь и водоросли. Мы уже несколько лет хотим его отреставрировать.

— Тогда мы можем отправиться через мост. С меня достаточно грязи.

«Вспомни, что я спасла тебя, что я сражалась с Мидденгардским Червём — забудь об угрозе»...

На слишком долгое мгновение Тарквин удержал мой взгляд.

В мгновение ока я выбросила свою тихую, скрытую силу — копьё, направленное к его разуму, к его подозревающим глазам.

Там был возведён щит — щит из морского стекла, кораллов и вздымающегося моря.

Я стала этим морем, стала шелестом волн о камни, блеском лучей на белых крыльях чаек. Я стала им — стала этим мысленным щитом.

А потом я прошла сквозь него. Отчетливая тёмная привязь указывала мне путь назад, если он мне понадобится. Я позволила инстинктам, несомненно подаренным мне Рисом, вести меня вперед. К тому, что я хотела увидеть.

Мысли Тарквина ударили в меня словно галька. *«Почему она спрашивает про храм? Из всех вопросов, что можно задать»...*

Вокруг меня все продолжали есть. И я продолжала есть. Я заставила своё лицо, в другом теле, другом мире, мило улыбаться.

«Почему они так сильно хотели сюда приехать? Почему спрашивали о моих сокровищах?»

Будто накатывающие волны, я направила свои мысли смыть его.

«Она безобидна. Она добрая, печальная и сломленная. Ты видел её со своим народом — ты видел, как она к ним относится. Как она относится к тебе. Амаранта не сломала эту

доброту».

Я влила свои мысли в него, окрашивая их морской водой и криками крачек — окутывая их сущностью, что была Тарквином, сущностью, которую он мне подарил.

«Отведи её завтра на материк. Это отвлечёт её от вопросов о храме. Она спасла Прифиан. Она твой друг».

Мои мысли прижились в нём, как камень, брошенный в бассейн. И с угасающим подозрением в его глазах, я поняла, что моя работа закончена.

Я вытянула себя обратно, обратно, обратно, проскользнув сквозь стену из океана и жемчуга, возвращая себя назад, пока мое тело не сомкнулось клеткой вокруг меня.

Тарквин улыбнулся.

— Встретимся после завтрака. Если конечно Рисанд не захочет видеть меня на очередной встрече. — Ни Вариан, ни Крессида даже не взглянули на него. Рис позаботился об их собственных подозрениях?

Молния пронеслась сквозь мою кровь, даже когда она застыла от понимания того, что я сделала.

Рис лениво взмахнул рукой.

— Конечно, Тарквин, проведи день с моей леди.

Моя леди. Я проигнорировала эти два слова. Но я скрыла мое собственное потрясение от того, что мне удалось сотворить, а также медленно нарастающий ужас невидимого вторжения в разум, о котором Тарквин никогда не узнает.

Я подалась вперед, облокотившись своими обнаженными руками о прохладный деревянный стол.

— Расскажи мне, что можно посмотреть на материке, — сказала я Тарквину, уводя его мысли от храма на приливно-отливном перешейке.

* * *

Рис и Амрен дождались, пока дворцовые огни притушат, прежде чем явиться в мою комнату.

Я сидела на кровати, отсчитывая минуты и продумывая план. Ни из одной из гостевых комнат не было видно перешеек — словно они не хотели, чтобы кто-либо обратил на него внимание.

Рис пришёл первым, опершись о закрытую дверь.

— Какая же ты способная ученица! Большинству дэмати требуются годы тренировок, чтобы достигнуть такого уровня проникновения.

Мои ногти впились в ладони.

— Ты знал, что я сделала это? — произнося эти слова вслух, всё ощущалось слишком, слишком... реальным.

Лёгкий кивок.

— А как мастерски ты использовала его сущность, чтобы обмануть его щиты и проскользнуть мимо них... Умная леди.

— Он никогда меня не простит, — вздохнула я.

— Он никогда не узнает. — Рис наклонил голову, его шёлковые чёрные волосы закрыли брови. — Ты привыкнешь. К чувству, что пересекаешь границы, что преступно нарушаешь их. И если тебе от этого будет легче, то и я не особо наслаждался убеждением Вариана и

Крессиды, что им нужно занять себя более интересными делами.

Я опустила взгляд на бледный мрамор пола.

— И если бы ты не позаботилась о Тарквине, — продолжил он, — вероятнее всего, сейчас мы бы были по колено в дерьме.

— В любом случае, это моя вина, это я спросила его о храме. Я только исправляла свою ошибку. — Я встряхнула головой. — Это ощущается неправильным.

— Это никогда не будет правильным. И не должно быть. Слишком многие дэматри теряют это чувство. Но здесь, сегодня... польза перевешивает цену.

— Ты себе говорил тоже самое, когда проникал в мой разум? Какова же была польза тогда?

Рис оттолкнулся от двери, подойдя туда, где я сидела на кровати.

— Есть части твоего разума, которые я оставил нетронутыми, то, что принадлежит только тебе, и так будет всегда. А в отношении остального... — Он стиснул зубы. — Ты до смерти меня пугала на протяжении долгого времени, Фейра. Проверять таким образом... Не мог же я просто прогуляться в Весенний Двор и спросить, как ты поживаешь? — Лёгкие шаги послышались в коридоре — Амрен. Рис посмотрел мне в глаза и сказал: — Остальное я объясню в другой раз.

Дверь отворилась.

— Мне кажется, что спрятать Книгу там было бы слишком глупо, — сказала Амрен вместо приветствия, войдя и плюхнувшись на кровать.

— И самое последнее место, где бы ее искали, — ответил Рис, отходя от меня, чтобы сесть на банкетку у туалетного столика вблизи окна. — Они легко могли зачаровать ее от сырости и разрушения. Островок, видимый только на короткое время в течение дня, на местности у всех на виду? Нельзя найти места лучше. За нами будут наблюдать тысячи глаз.

— Тогда как нам пробраться внутрь? — спросила я.

— Скорее всего оно зачаровано от рассеивания, — сказал Рис, уперев руки в бедра. — Я не буду рисковать, проверяя наличие сигнализации. Поэтому отправимся ночью, действуя по старинке. Я могу перенести вас обеих, а потом нести дозор, — добавил он, когда я подняла брови.

— Как любезно, — сказала Амрен, — сделать лёгкую часть работы, а нас, беспомощных женщин, оставить копать в грязи и водорослях.

— Кто-то должен будет кружить достаточно высоко, чтобы увидеть, если кто-то приблизится или поднимет тревогу. И скрыть вас от обзора.

Я нахмурилась.

— Замки отвечают на его прикосновение, будем надеяться, они отзовутся и мне.

Амрен спросила:

— Когда мы начинаем?

— Завтра ночью, — сказала я. — Сегодня мы проследим за сменой караула при низком приливе, разузнаем, где стоит стража. И от кого нам нужно будет избавиться прежде, чем мы сделаем наш ход.

— Ты думаешь как иллириец, — пробормотал Рис.

— Я так понимаю, это должен был быть комплимент, — заверила Амрен.

Рис фыркнул, и тени сгустились вокруг него, когда он ослабил контроль над своей силой.

— Нуала и Керридвен уже проверяют дворец. Я осмотрю с неба. А вы двое должны

выйти на ночную прогулку, учитывая, как здесь жарко. — Затем он исчез с шелестом невидимых крыльев и теплым, тёмным бризом.

Губы Амрен были кроваво-красными при свете луны. Я знала, кому достанется обязанность по зачистке шпионящих глаз, и кого ждет обед. У меня во рту слегка пересохло.

— Прогуляемся?

Следующий день был пыткой. Медленной, нескончаемой и жаркой, как ад.

Изображать притворный интерес к владениям во время прогулки с Тарквином, встречать его подданных, улыбаться им, стало еще труднее, когда солнце обогнуло небо и наконец медленно поползло вниз, к морю. Лгунья, вор и предательница — совсем скоро они будут называть меня именно так.

Я надеюсь, что они узнают — Тарквин узнает — что мы сделали это во имя их спасения.

Думать таким образом, конечно же, было верхом высокомерия, но... Это было правдой. Учитывая то, как быстро Тарквин и Крессида переглянулись между собой, уводя меня прочь от этого храма... Держу пари, что они бы не отдали эту книгу. По каким-то только им понятным причинам, книга была им нужна.

Возможно, этот новый мир Тарквина мог быть выстроен только на доверии... Но если армия короля Хайберна сотрет его с лица земли, у Тарквина не будет шанса, чтобы сделать это.

Я повторяла себе это снова и снова, гуляя по городу и вынужденно принимая приветствия его подданных. Возможно, они были не столь радостными, как в Веларисе, но... Робкая и выстрадавшая теплота от людей, которые перенесли худшее, и теперь пытаются идти дальше.

Как и я должна идти дальше вопреки собственной тьме.

Когда, наконец, солнце ускользнуло за горизонт, я призналась Тарквину, что устала и проголодалась. Он, будучи добрым и любезным, отвел меня обратно и купил мне по дороге домой запеченный рыбный пирог. В этот вечер он даже съел жареную рыбу в доках.

За ужином было хуже.

Мы уйдем еще до завтрака, но они не знали об этом. Рис упоминал о возвращении в Ночной Двор завтра после обеда, так что, возможно, столь раннее отбытие не покажется слишком подозрительным. Он оставит записку, сообщающую о неотложных делах и благодарящую Тарквина за гостеприимство, а потом мы исчезнем, рассеемся домой, в Веларис. Если все пойдет по плану.

Мы изучили размещение часовых и графики их смен, а также размещение их постов на материке.

Когда Тарквин поцеловал меня в щеку на ночь и сказал, что он бы хотел, чтобы этот вечер не был для меня последним... И что, возможно, он подумает о визите в Ночной Двор в ближайшее время... Я чуть не упала на колени, моля его о прощении.

Рука Рисанда на моей спине была твердым предостережением держать себя в руках, хотя его лицо и не выражало ничего, кроме прохладной заинтересованности.

Я ушла в свою комнату. И нашла там свою иллирийскую боевую броню с ремнем иллирийских ножей вокруг.

Итак, я снова оделась для битвы.

* * *

Рис перенес нас по воздуху как можно ближе к отмели и сбросил нас на землю, прежде

чем подняться в небо. Пока мы ищем Книгу, Рис будет следить за стражей на острове и на материке, кружа в небе.

Грязь воняла, хлюпала и тормозила каждый наш шаг по узкой дороге до небольших руин храма. Ракушки, водоросли и морские улитки облепили темно серые камни, и при каждом шаге вглубь уединенного храма нечто отзывалось и шептало в моей груди: «Где ты, где ты, где ты?».

Рис и Амрен проверили это место на наличие охраны, но никого не обнаружили. Странно, но удачно. Из-за открытого входа в храм, мы не рискнули зажечь свет, но было достаточно и лунного освещения сверху, из пробоин в камне.

По колена в грязи и приливной воде, что просачиваясь, накрывала камни, мы с Амрен изучили помещение. Оно было не более сорока футов в ширину.

— Я чувствую ее, — выдохнула я, — будто когтистая рука проводит вниз по моему позвоночнику.

Мою кожу действительно покалывало, а волосы под теплой броней стали дыбом.

— Она спит.

— Не удивительно, что они спрятали ее под камнями, илом и морем, — пробормотала Амрен, и грязь хлюпнула, когда она повернулась на месте.

Я дрожала. Иллирийские ножи, что были на мне, сейчас казались такими же бесполезными, как и зубочистки. Я снова повернулась на месте:

— Я ничего не чувствую в стенах, но она здесь.

Мы одновременно посмотрели вниз и скривились.

— Нужно было принести лопату, — сказала она.

— Нет времени, чтобы идти за ней, — начинался прилив. На счету была каждая минута. Не только из-за прибывающей воды, но и из-за восхода солнца, который был не так далеко.

При каждой попытке пробиться сквозь твердые тиски грязи, меня изводило это чувство, этот зов. Я остановилась в центре комнаты — ровно в центре. «Здесь, здесь, здесь», — прошептала она.

Я наклонилась, содрогаясь от холодной грязи и царапающих голую кожу рук обломков ракушек и всякого мусора, и начала отгребать их в сторону.

— Быстрее.

Амрен зашипела, но ссутулилась и начала разгребать когтями тяжелый вязкий ил. Крабы и нечто скользкое щекотали мои пальцы. Я запретила себе думать о том, что это могло быть.

Мы копали и копали, пока не покрылись с ног до головы соленой грязью, из-за которой наши бесчисленные мелкие порезы жгло огнем, а сами мы задыхались на каменном полу. Перед свинцовой дверью.

Амрен выругалась:

— Свинец нужен, чтобы удержать и сохранить внутри всю ее силу. Они покрывали им саркофаги своих самых выдающихся правителей, считая, что однажды те очнутся.

— Они вполне могут, если короля Хайберна не остановить с Котлом.

Амрен содрогнулась и подметила:

— Дверь запечатана.

Я вытерла руку о шею — единственную чистую часть моего тела, а другой убрала прочь последнюю грязь с круглой двери. Каждое легкое прикосновение к свинцу отзывалось уколами холода. Но вот показалось резное кольцо в центре двери.

— Эта штука пролежала здесь долгое время, — пробормотала я.

Амрен кивнула.

— Я не удивлюсь, если вопреки отпечатку силы Высшего Лорда, здесь никогда не ступала нога Тарквина и его предшественников. И если охранное родовое заклятье передается им с принятием власти.

— Тогда зачем прятать Книгу?

— А ты бы не хотела запереть вещь устрашающей силы? Так, чтобы никто другой не смог ее использовать во имя зла или ради своих корыстных целей? Или, возможно, они заперли ее на случай необходимости в качестве главного козыря в рукаве. Я не имею ни малейшего представления, почему изначально именно они среди всех прочих дворов получили половину Книги.

Я кивнула и положила свою руку прямо на кольцо внутри свинца.

Меня пронзил удар, словно молния, и я зарычала, налегая на дверь.

Мои пальцы примерзли к ней, как будто эта сила высасывала мою сущность, пила меня, как Амрен пьет кровь. Я ощутила ее сомнение, возникший вопрос...

«Я — Тарквин. Я — лето. Я — тепло. Я — море, небо и засеянное поле».

Я стала каждой улыбкой, что он подарил мне. Стала кристальной синевой его глаз и его бронзовой кожей. Я ощутила, как моя кожа меняется, как кости вытягиваются и приобретают другую форму. Пока я не стала им, и сейчас на дверь давили мои мужские руки. Пока моя сущность не превратилась в то, что я почувствовала за внутренним ментальным щитом Тарквина — море, солнце и морскую воду. Я не позволила себе даже подумать о том, какую силу я только что использовала. Не позволила ни одной части меня, что была не Тарквином, проявиться хоть на мгновение.

«Я твой хозяин, и ты позволишь мне пройти».

Замок тянул все сильнее и сильнее, я едва могла дышать...

Потом послышался щелчок и тяжелый скрип.

Я вернулась в свою собственную кожу, и вскарабкалась на кучу грязи как раз в тот момент, когда дверь провалилась и отодвинулась в сторону. Она скрылась под камнями, открывая глазам винтовую лестницу, зияющую первобытной угрюмостью. Влажный соленый бриз снизу принес вихри силы.

Из-за открывшейся лестницы лицо Амрен стало бледнее обычного, а серебристые глаза ярко засверкали.

— Я никогда не видела Котел, — промолвила она, — но если даже песчинка его силы ощущается именно так, тогда он должен быть действительно устрашающим.

В самом деле, эта сила заполнила зал, мою голову и легкие — удушающая, топящая и искушающая.

— Быстрее, — сказала я, и небольшая сфера фэйского света осветила поворот лестницы и серые изношенные ступеньки, покрытые слизью.

Я вытащила охотничий нож и стала спускаться, упираясь одной рукой в замерзшую каменную стену, чтобы не поскользнуться.

Я спустилась на один пролет, Амрен шла следом, пока фэйская сфера не затанцевала над гнилой водой высотой по пояс. Я оглядела проход у подножья лестницы.

— Впереди холл, а за ним еще помещение. Все чисто.

— Тогда давай быстрее, черт побери, — промолвила Амрен.

Собравшись, я шагнула в темную воду и прикусила губу, чтобы не закричать от

температуры воды, близкой к замерзанию, и от ее вязкости. Амрен закрыла рот, вода почти доходила до ее груди.

— Без сомнений, это место быстро заполнится водой, когда придет прилив, — заметила она, глядя на множество дренажных отверстий в стенах, пока мы двигались в воде.

Мы двигались достаточно медленно, чтобы Амрен смогла распознать любой намек на охрану или ловушку, но ничего подозрительного не происходило. Вообще ничего. Хотя кто вообще спустится сюда, в такое место?

Глупцы, отчаянные глупцы — вот кто.

Длинный каменный холл закончился еще одной свинцовой дверью. За ней бурлила сила, затмевая отпечаток Тарквина.

— Она здесь.

— Очевидно.

Я сердито посмотрела на нее. Мы обе дрожали. Холод был настолько зверским, что я задумалась, была ли бы я уже мертва, будь я человеком. Возможно, я была бы близка к этому.

Я положила ладонь прямо на дверь. В этот раз ощущать, как тебя выпивают, истощают и допрашивают, было еще сложнее. Во много раз сложнее. Настолько хуже, что мне пришлось опереться о дверь рукой с татуировкой, чтобы не упасть на колени и не закричать, пока она истязает и обыскивает меня.

«Я — лето, я — лето, я — лето».

В этот раз я не превратилась в Тарквина — не было необходимости. Щелчок, скрип и свинцовая дверь отъехала в стену. Вода сливалась и разбрызгивалась, когда я отшатнулась назад, в ожидающие руки Амрен.

— Гадкий, гадкий замок, — зашипела она, содрогаясь не только из-за воды.

У меня кружилась голова. Еще один замок, и я могу легко потерять сознание.

Но фэйский свет запрыгал в комнату перед нами, и мы обе остановились.

Вода не хлынула в комнату, замерев у невидимого порога. Комната перед нами была сухой и пустой, за исключением круглого возвышения с пьедесталом.

И маленькой свинцовой коробки поверх его.

Амрен осторожно провела рукой в воздухе, где вода просто застыла. Затем, убедившись, что никаких ожидающих стражей или уловок не было, она шагнула в комнату, капая водой на серые камни. Слегка морщась, она помахала мне.

Как можно быстрее я последовала за ней, почти падая на пол, пока мое тело приспособлялось к неожиданному воздуху. Я обернулась — и в самом деле, вода стояла черной стеной, словно на месте ее удерживала стеклянная плотина.

— Давай покончим с этим как можно быстрее, — сказала она, и я была полностью согласна.

Мы осторожно осмотрели камеру: пол, стены и потолки. Никак признаков скрытых механизмов или рычагов.

Не больше обычной книги, свинцовая коробка, казалось, поглотила фэйский свет, а изнутри доносился шепот... Отпечаток силы Тарквина и Книга.

И сейчас я слышала ее так же ясно, как слышала бы шепот Амрен: *«Кто ты? Что ты? Подойди ближе — дай почувать тебя, дай увидеть»*...

Мы остановились возле противоположных сторон пьедестала. Фэйский свет застыл над крышкой.

— Никакой охраны, — сказала Амрен голосом, не громче шороха ее сапог о камни, — Никаких заклинаний. Ты должна снять ее — перенести.

Мысль о том, что к этой коробке нужно прикоснуться, приблизиться к этой штуке внутри...

— Прилив возвращается, — добавила Амрен, исследуя потолок.

— Так быстро?

— Может, море знает. Может, оно служит Высшему Лорду.

Если мы будем здесь, когда поднимется вода...

Не думаю, что мои маленькие водяные зверушки помогут. Меня накрыла паника, но я справилась с ней, превратившись в сталь и запрокинув подбородок.

Должно быть, коробка тяжелая и холодная.

«Кто ты, кто ты, кто ты?»

Я размяла пальцы и хрустнула шеей.

«Я — лето. Я — море, солнце и зелень».

— Давай, давай же, — пробормотала Амрен. Над нами вода стекала по камням.

— Кто ты, кто ты, кто ты?

— Я — Тарквин. Я — Высший Лорд. Я — твой хозяин.

Коробка замолчала. Будто этого ответа оказалось достаточно.

Я сорвала коробку с пьедестала. Метал обжигал мои руки, а сила жирной смолой поползла по моей крови.

Древний, безжалостный голос зашипел:

— *Лгунья.*

И дверь захлопнулась.

— *НЕТ!* — закричала Амрен, мгновенно оказавшись у двери, ее кулак с искрами ударил о свинец, как о наковальню — один раз, два.

И сверху — прилив и бульканье воды, падающей вниз, заполняющей комнату. Нет, нет, нет...

Я достигла двери, засовывая коробку в широкий внутренний карман моей кожаной куртки, пока Амрен ярко сияющей ладонью наносила удары по двери, сжигая, раскаляя металл; вихри и завитки проходили сквозь него, словно были ее собственным языком, набором символов, и затем...

Дверь распахнулась. Только для того, чтобы впустить водопад.

Я схватилась за порог, но не смогла удержаться, когда вода отбросила меня назад, увлекая под темную, ледяную поверхность. Холод сковал мне дыхание. Найти пол, найти пол...

Мои ноги коснулись его, и я оттолкнулась вверх, жадно глотая воздух и ища в темноте комнаты Амрен. Она держалась за порог, смотря на меня и подавая руку — ярко светящуюся.

Вода уже поднялась до моей груди, и я бросилась к Амрен, сражаясь с сильным потоком, заполнявшим комнату и призывая эту новую силу в моем теле, моих руках. Вода утихла, словно ядро силы во мне успокоило ее мощь, ее ярость, и Амрен уже взбиралась на порог.

«Она у тебя?» — закричала она сквозь шум воды.

Я кивнула и вдруг осознала, что ее протянутая рука была не для меня, а для двери, которую она вдавливала обратно в стену, держа ее до тех пор, пока я не выйду. Я протолкнулась сквозь арочный проем, и Амрен скользнула через порог — как раз тогда, когда дверь, грохоча, вновь захлопнулась. Так сильно, что я задумалась, с помощью какой силы Амрен удерживала ее.

Единственным недостатком было то, что воде теперь осталось гораздо меньше места для заполнения.

— Иди, — сказала она, но я, не дожидаясь ее одобрения, схватила Амрен, цепляя ее ноги вокруг моего живота, и закинула ее себе на спину.

— Просто делай то, что должна, — прохрипела я, вытягивая шею над поднимающейся водой. До лестницы было не так далеко — лестницы, которая сейчас превратилась в водопад. Где же, черт бы его побрал, Рисанд?

Но Амрен вытянула кисть перед нами, и вода вспенилась и задрожала. Не полностью чистый путь, но хотя бы разрыв в течении. Я направила частицу силы Тарквина — теперь моей силы — по направлению к ней. Вода еще больше успокоилась, сжимаясь в повиновении моему приказу.

Я бежала, сжимая бедра Амрен, возможно, слишком сильно, и после этого у нее останутся синяки. Шаг за шагом вода подступала: к моему подбородку, затем ко рту... Но я добралась до лестницы, почти поскользнувшись на нижней ступени, однако выдох Амрен остановил меня, заставив похолодеть.

Выдох не от шока, а для того, чтобы глотнуть воздух за мгновение до того, как стена из воды хлынет вниз по лестнице. Как если бы могучая волна захлестнула всю площадку. Даже

моя собственная власть над стихией не могла ничего поделать.

У меня было время, чтобы жадно глотнуть воздух, сжать ноги Амрен и приготовиться. И смотреть, как дверь наверху лестницы, скользя, закрылась, запечатывая нас в водяной гробнице.

Я погибла. Я знала, что я погибла, и отсюда не было никакого выхода.

Я израсходовала мой последний вдох и осознавала каждую секунду до тех пор, пока мои легкие не выдержали, и тело не предало меня, и я сделала губительный глоток воды, наполнившей рот.

Амрен колотила меня по рукам, пока я не отпустила ее. Я поплыла следом за ней, пытаюсь успокоить панически бьющееся сердце и легкие, пытаюсь убедить их, что каждая секунда была на счету, когда Амрен достигла двери и ударила по ней ладонью. Символы загорелись — снова и снова. Но дверь держалась. Я добралась до нее, толкаясь телом в дверь, вновь и вновь, оставляя вмятины в свинце под моими плечами. Затем у меня появились длинные, длинные когти, и я рассекала и пробивала ими отверстия в металле.

Мои легкие горели. Мои легкие задыхались.

Амрен колотила по двери, все тот же фэйский свет лился от нее, словно отсчитывая ее сердцебиение. Я должна была сделать вдох, должна была открыть рот и сделать вдох, должна была облегчить это горение.

Затем дверь сорвалась.

И остался свет, достаточно яркий для меня, чтобы увидеть три красивых, неземных лица, шипящих сквозь рыбы зубы, когда их длинные и тонкие перепончатые пальцы подхватили нас с лестницы в их покрытые лягушачьей кожей объятия.

Водные призраки. Но я не могла выдержать больше. И как только эти худощавые руки схватили мои, я открыла рот, и вода полилась в него, обрывая мысли, звуки и дыхание. Мое тело не двигалось, длинные когти исчезли. Обрезки железа, водоросли и вода пронеслись мимо меня, и у меня возникло неопределенное чувство, что меня несет сквозь воду так быстро, что она обжигала мои веки. И затем — горячий воздух. Воздух, воздух, воздух, но мои легкие были полны воды будто...

Кулак врезался мне в живот, и меня вырвало водой на волны. Я жадно глотала воздух, щурясь на иссиня-фиолетовое и розовеющее утреннее небо.

Отплевывание и затрудненное дыхание раздалось неподалеку от меня, и я оттолкнулась в воде, поворачиваясь к бухте, чтобы увидеть Амрен, тоже выворачивающую желудок, но живую.

И на волнах между нами, с прилипшими, словно шлемы к их странным головам волосами цвета оникса, плыли водные призраки, пристально смотря на нас темными, большими глазами.

Солнце поднималось позади них — окружающий нас город оживал.

Одна из призраков сказала: «Долг нашей сестры оплачен». И затем они пропали.

Амрен уже плыла к отдаленному берегу большого острова. Молясь, чтобы они не вернулись и не превратили нас в перекус, я поспешила за ней, стараясь сохранить свои движения незаметными, чтобы избежать обнаружения. Мы обе достигли тихой, песчаной отмели у скал и рухнули без сил.

* * *

Тень заслонила солнце, и носок сапога коснулся икры моей ноги.

— Что, — сказал Рисанд, все еще одетый в черный боевой костюм, — вы обе наделали?

Я открыла глаза, чтобы найти Амрен, приподнявшуюся на локтях.

— Где, черт возьми, тебя носило? — требовательно спросила она.

— Вы двое привели в действие каждый чертов сигнальный механизм в том месте. Я ловил каждого охранника, который отправлялся на звук тревоги.

Мое горло немилосердно саднило, а песок щекотал щеки и голые руки.

— Я думаю, ты возьмешь это на себя, — сказал он ей.

Амрен прошипела:

— Это *место* или эта чертова книга практически нейтрализовали мою силу. Мы едва не утонули.

Его взгляд переметнулся ко мне. — Я не почувствовал этого сквозь связь..

— Возможно, ее нейтрализовало тоже, ты, глупый ублюдок, — резко ответила Амрен.

Его глаза вспыхнули. — Вы достали ее? — ни тени беспокойства о том, что мы наполовину утонули и были на волосок от смерти.

Я дотронулась до куртки: тяжелый металл образовал ком внутри нее.

— Хорошо, — сказал Рис, и внезапная настойчивость в его тоне заставила меня посмотреть ему за спину.

Конечно же, в замке на той стороне бухты, шныряли люди.

— Я упустил несколько стражников, — проскрежетал зубами он, хватая нас обеих за руки, и рассеиваясь.

Темный ветер был холодным и завывающим, и у меня едва хватало сил, чтобы держаться за Риса. Они полностью иссякли, как и у Амрен, когда мы приземлились в фойе городского дома и обе рухнули на деревянный пол, разбрызгивая на ковер песок и воду. Из столовой позади нас Кассиан вскрикнул: — Что за черт?

Я свирепо посмотрела на Рисанда, который просто направился к столу для завтрака. — Я тоже жду объяснений, — просто сказал он широко раскрывшим глаза Кассиану, Азриэлю и Мор.

Но я повернулась к Амрен, которая все еще шипела на полу. Ее покрасневшие глаза сузились: — Как?

— Во время Оброка эмиссар водных призраков сказала, что у нее нет ни золота, ни еды, чтобы заплатить. Они голодали, — каждое слово причиняло боль, я думала, что меня может снова вырвать. Он заслужил это, если меня вытошнит прямо на ковер. Хотя, возможно, он вычтет его стоимость из моего жалования, — поэтому я дала ей пару своих украшений, чтобы выплатить ее долг. Она поклялась, что она и ее сестры никогда не забудут этого.

— Может кто-нибудь, пожалуйста, объяснить? — подала голос Мор из комнаты позади.

Мы все еще оставались на полу, когда Амрен начала тихо смеяться, ее маленькое тело сотрясалось.

— Что? — требовательно спросила я.

— Только бессмертный с сердцем смертного дал бы одному из этих ужасных существ деньги. Это так... — Амрен снова засмеялась, ее темные волосы были покрыты песком и водорослями. На мгновение она даже выглядела человеком. — Какая бы удача не вела тебя по жизни, девочка... Благодарю за нее Котел.

Остальные смотрели на нас, но я почувствовала, как из меня вырвался сдавленный смешок. А следом — смех, такой же резкий и сырой, как мои легкие. Настоящий смех,

возможно, граничащий с истерикой — и глубоким облегчением. Мы посмотрели друг на друга и засмеялись снова.

— Леди, — промурлыкал Рисанд — молчаливый приказ. Я застонала, поднимаясь на ноги (песок падал отовсюду), и предложила Амрен руку, чтобы помочь встать. Ее хватка была твердой, но взгляд ее глаз цвета ртути был неожиданно мягким, когда она сжала мою руку, прежде чем щелкнуть пальцами. Мы обе мгновенно стали чистыми и согревшимися, а наша одежда сухой. За исключением влажного клочка вокруг моей груди, где ждала коробка.

На лицах моих собеседников отразилось торжество, когда я приблизилась и сунула руку внутрь кармана. Металл вгрызлся в мои пальцы — таким холодом он горел. Я уронила коробку на стол. Она упала на него с глухим стуком, и все они отскочили, бранясь. Рис поманил меня пальцем:

— Одно, последнее задание, Фейра. Открой ее, пожалуйста.

Мои колени подгибались, голова кружилась, а рот совершенно высох и был полон соли и песка, но... Я хотела покончить со всем этим. Поэтому я скользнула в кресло, с усилием подтаскивая ненавистную коробку к себе и кладя руку на ее поверхность.

«Привет, лгунья», — промурлыкала она.

— Привет, — сказала я мягко.

«Ты будешь читать меня?»

— Нет.

Остальные не произносили ни слова, хотя я чувствовала их замешательство, растекающееся по комнате. Только Рис и Амрен пристально наблюдали за мной.

«Откройся», — произнесла я беззвучно. «Скажи «пожалуйста»».

«Пожалуйста», — сказала я. Коробка — Книга — молчала. Затем она сказала:

«Подобное притягивает подобное».

«Откройся», — проскрежетала я зубами.

«Несотворенное и Сотворенное; Сотворенное и Несотворенное — это круг. Подобное притягивает подобное».

Я надавила рукой сильнее, усталая настолько, что не волновалась о выскакивающих мыслях, частицах и кусочках, которые одновременно были и не были частью меня: жар, вода, лед, свет и тьма.

«Разрушительница проклятья», — сказала она мне, и коробка щелкнула, открывшись. Я сгорбилась в кресле, благодарная за трещащий в камине неподалеку огонь. Ореховые глаза Кассиана потемнели:

— Я никогда не хочу слышать этот голос снова.

— Ну, придется, — ласково сказал Рисанд, поднимая крышку, — потому что ты пойдешь с нами на встречу к смертным королевам, как только они снизойдут до визита.

Я была слишком уставшей для того, чтобы думать об этом — о том, что нам осталось сделать. Я всмотрелась в коробку. Это была не книга: не из бумаги и кожи. Она была сделана из темных металлических пластин, соединенных тремя кольцами, одно из золота, другое серебра, третье из бронзы. Каждое слово было вырезано с кропотливой точностью буквами алфавита, которого я не знала. Да, это в самом деле делало мои уроки чтения ненужными.

Рис оставил ее внутри коробки, в то время как мы все внимательно в нее всматривались, а затем отпрянул. Только Амрен все еще внимательно смотрела на нее. Кровь полностью отхлынула от ее лица.

— Что это за язык? — спросила Мор.

Я подумала, что руки Амрен должно быть трясутся, но она засунула их в карманы. — Это язык не из этого мира.

Только Рис остался невозмутим от шока на ее лице. Словно он догадывался, что за язык это мог быть. Вот почему он выбрал ее частью этой охоты.

— Что это тогда? — спросил Азриэль.

Амрен все еще пристально смотрела на Книгу, словно та была привидением, чудом, и сказала: — Это Лашон Хакодеш. Святой Язык, — она подняла свои глаза цвета ртути на Рисанда, и я осознала, что она тоже поняла, почему была с нами.

Рисанд сказал: — Я слышал легенду, что она была написана на языке могущественных существ, которые боялись власти Котла и сделали книгу для того, чтобы противостоять ему. Могущественных существ, которые были здесь... и затем исчезли. Ты единственная, кто может расшифровать ее.

Мор предостерегла его: — Не играй в такого рода игры, Рисанд.

Но он покачал головой.

— Это не игры. Это была лишь ставка на то, что Амрен сможет прочитать ее — и счастливая ставка.

Ноздри Амрен изящно расширились, и на миг мне стало интересно, задушит ли она его за то, что он не сказал ей о своих подозрениях, о том, что Книга может быть больше, чем ключом к нашему спасению.

Рис улыбнулся ей, словно говоря, что хотел бы посмотреть, как она попытается. Даже Кассиан скользнул рукой по направлению к боевому ножу. Но затем Рисанд сказал: — Я думал также, что Книга может содержать заклинание, которое может освободить тебя и отправить домой. Если, конечно, они были теми, кто написал это.

Горло Амрен слегка подскочило.

Кассиан выругался: — Черт.

Рис продолжал: — Я не говорил тебе о моих подозрениях, потому что не хотел зря обнадеживать. Но если легенды об этом языке все-таки правда... Возможно, ты сможешь найти то, что ищешь, Амрен.

— Мне нужна другая часть, прежде чем я смогу начать расшифровку, — ее голос был срывающимся.

— Надеюсь, мы скоро получим ответ на свою просьбу к смертным королевам, — сказал он, хмурясь на песок и воду, запачкавшие фойе. — И, надеюсь, следующая встреча пройдет лучше, чем эта.

Ее губы сжались, но глаза горели ярко: — Спасибо.

Десять тысяч лет в изгнании — одной.

Мор вздохнула — громкий, драматичный звук, который, без сомнения, был призван нарушить тягостное молчание — и выразила недовольство по поводу того, что хотела бы услышать полную историю того, что произошло.

Однако Азриэль сказал: — Даже если Книга способна обезвредить Котел... Мы должны будем сразиться с Юрианом.

Мы все посмотрели на него.

— Это кусочек, который не вписывается в мозаику, — пояснил он, коснувшись покрытым шрамами пальцем стола. — Почему его воскрешение было первостепенно? И как король будет держать его под контролем? Что у короля есть на Юриана, чтобы заставить его

хранить верность?

— Я обдумывал это, — сказал Рис, усаживаясь за стол напротив меня, прямо между двумя его братьями. Ну конечно, он обдумывал это. Рис пожал плечами. — Юриан был... одержимым в своем стремлении к некоторым вещам. Он умер, оставив многие из его целей недостигнутыми.

Лицо Мор слегка побледнело.

— Если он подозревает, что Мириам жива...

— Вполне может быть, что Юриан считает, что Мириам умерла, — сказал Рисанд, — и кто, кроме короля с Котлом, способен воскресить из мертвых его бывшую возлюбленную?

— Выходит, что Юриан будет союзником Хайберна только из-за того, что считает Мириам мертвой и хочет ее вернуть? — спросил Кассиан, складывая руки на столе.

— Он сделает это для того, чтобы отомстить Дрейкону за то, что тот завоевал ее сердце, — сказал Рис. — Мы обсудим это позже.

Я мысленно сделала себе заметку спросить у него о том, кем были эти люди и какова их история — спросить у Риса, почему Под Горой он никогда даже не намекал на то, что знает человека, заключенного в кольце Амаранты. После того, как я приму ванну. И выпью воды. И вздремну.

Но они все посмотрели на меня и Амрен снова, все еще ожидая полную историю событий. Стряхнув несколько зерен песка, я позволила Амрен начать рассказ, каждое слово которого было более невероятным, чем предыдущее.

Я подняла глаза от своей одежды, чтобы взглянуть через стол, и увидела, что Рис на меня смотрит. Я слегка наклонила голову и ненадолго опустила щит, только чтобы сказать сквозь связь: *«За желания, которые исполняются»*.

Мгновением позже чувственное, ласковое прикосновение вдоль моих щитов — вежливая просьба. Я позволила им опуститься, позволила ему войти, и его голос заполнил мою голову. *«За охотниц, которые помнят и помогают тем, кому повезло меньше. И водных привидений, которые плавают очень, очень быстро»*.

Амрен забрала Книгу с собой туда, где она жила в Веларисе, оставив нас пятерых за едой. Пока Рис рассказывал остальным о нашем визите в Летний Двор, я быстро доела завтрак, а затем истощение от бессонной ночи, открытия тех огромных дверей и близости смерти навалилось и сморило меня. Когда я проснулась, дом был пуст, из окон лился золотистый и согревающий предвечерний свет, а сам день был таким приятным и непривычно тёплым, что я решила почитать книгу в небольшом садике позади дома.

Постепенно солнце село, снова погружая сад в тень и холод, но мне не хотелось отпускать солнце еще немного, так что я поднялась на три этажа вверх, чтобы там, в дворике на крыше, насладиться закатом.

Конечно — ну, конечно — Рисанд уже расположился в одном из побеленных железных кресел. Одну руку он положил под голову, а во второй лениво держал бокал с каким-то спиртным, на столике перед ним стоял наполненный хрустальный графин.

Крылья Рисанда свешивались сзади на плиточный пол. Мне стало интересно, использовал ли он этот необычайно тёплый вечер, чтобы погреть их на солнышке. Я прочистила горло.

— Я знаю, что ты здесь, — сказал Рис, не отрываясь от вида на Сидру и отливающее золотом море за ней.

Я нахмурилась.

— Если ты хочешь побыть один, то я могу уйти.

Он указал подбородком на пустое место за железным столиком. Не самое радушное приглашение, но... я присела.

Позади графина стояла деревянная коробка. Я подумала было, что внутри лежит что-то к напитку, но заметила на крышке кинжал, украшенный перламутром.

Я могла бы поклясться, что почувствовала запах моря, жары и земли. Это был запах Тарквина.

— Что это? — спросила я о шкатулке.

Рис осушил бокал, поднял руку, и графин подлетел к нему на призрачном ветру. Опять налив себе изрядное количество напитка, Рисанд сказал:

— Знаешь, я раздумывал об этом какое-то время, — Рис вглядывался в свой город. — Должен ли я просто попросить Тарквина отдать Книгу. Но я подумал, что он легко может отказать мне, а затем продать информацию тому, кто больше заплатит. Если же он всё-таки согласился бы, то людей знающих о наших планах стало бы ещё больше, и возможность утечки информации возросла бы. И к концу дня мне нужна была причина, чтобы и дальше сохранять наш секрет как можно дольше, — он ещё раз отпил из бокала, проводя рукой по иссиня-чёрным волосам. — Я не рад красть у него. Я не рад, что пришлось навредить его страже. Я не рад исчезнуть без единого слова, когда, из амбиций или нет, но он действительно хотел заключить союз, может даже предложить дружбу. Ни один Высший Лорд до него не захотел утруждать себя этим — или не был так смел. Но я думаю, что Тарквин хотел быть моим другом.

Я посмотрела на него, а затем на шкатулку и повторила:

— Так что же это?

— Открой её.

Я осторожно откинула крышку.

Внутри, на подушке из белого бархата угнездились три сверкающих рубина, каждый из которых был размером с куриное яйцо. Все они были настолько чистого и богатого оттенка, что казалось, были сделаны из...

— Кровавые рубины, — сказал Рис.

Я хотела дотронуться, но одернула себя.

— В Летнем Дворе есть обычай, согласно которому, в случае, если их Двору нанесено смертельное оскорбление, то обидчику посылают кровавый рубин. Это официальное заявление, что за его голову назначена цена — что за ним теперь идёт охота, и он скоро попросится с жизнью. Шкатулка прибыла во Двор Кошмаров час назад.

Святая мать.

— Полагаю, на одном из них моё имя. И твоё. И Амрен.

Темный ветер захлопнул крышку.

— Я совершил ошибку, — сказал он. Я открыла рот, чтобы ответить, но он продолжил. — Я должен был стереть память стражам и оставить их в покое. Вместо этого я вырубил их. Прошло уже порядочное время с тех пор, как я использовал физическую... защиту вроде этой, и я был так сосредоточен на своих иллирийских тренировках, что забыл о наличии других вариантов в моём арсенале. Стражи наверняка очнулись, и сразу же пошли к Тарквину.

— Он бы всё равно очень скоро заметил отсутствие Книги.

— Мы могли бы отрицать все подозрения в нашу сторону и представили бы пропажу совпадением, — Рис осушил бокал. — Я совершил ошибку.

— Это не конец света, если ты иногда ошибаешься.

— Тебе сказали, что ты отныне враг Летнего Двора номер один, а тебе всё равно?

— Нет, но я не виню тебя.

Он вздохнул и просто продолжал смотреть на свой город, пока дневное тепло снова не превратилось в кусающий холод. Ему это было не важно.

— Может, ты ещё вернёшь Книгу, когда мы обезвредим Котёл, и извинишься.

Рис хмыкнул.

— Нет, эта Книга книга останется у Амрен столько, сколько будет ей нужна.

— Тогда объясни Тарквину всё как есть. Ведь, очевидно, ты хотел быть его другом так же сильно, как и он хотел быть твоим. В ином случае ты не был бы так сильно расстроен.

— Я не расстроен. Я раздражён.

— Смысл один и тот же.

Он слегка улыбнулся.

— Междоусобицы, подобные этой, могут длиться веками — даже тысячелетиями. Но если такова цена за предотвращение войны и помощь Амрен... Я готов её заплатить.

Я поняла, что он мог бы отдать всё, что у него есть. Все личные надежды и собственное счастье.

— Остальные знают о кровавых рубинах?

— Эту шкатулку принёс Азриэль. Я сейчас думаю над тем, как сказать Амрен.

— Почему?

Тьма заполнила его изумительные глаза.

— Потому что если я расскажу ей, то она решит пойти в Адриату и стереть город в порошок.

Я вздрогнула.

— Именно, — сказал Рис.

Я стала смотреть на Веларис вместе с Рисом, вслушиваясь в звуки уходящего дня и наступающей ночи. По сравнению с этим видом Адриата казалась никчёмной.

— Я понимаю, — сказала я, потирая руки, пытаюсь их согреть, — почему ты сделал то, что должен, чтобы защитить этот город. — При одной мысли о таких же разрушениях в Веларисе, как в Адриате, кровь застыла в моих жилах. Его взгляд обратился ко мне, печальный и настороженный. Я сглотнула. — И я понимаю, почему ты пойдёшь на всё, чтобы сохранить город в безопасности и в будущем.

— И что ты предлагаешь?

Плохой день, я поняла, это определённо был плохой день для него. Я не обиделась на злость в его словах.

— Пройди через эту войну, Рисанд, и тогда начинай беспокоиться о Тарквине и кровавых рубинах. Обезвредь Котёл, не дай Королю разрушить Стену и вновь поработить людей. После мы решим все остальные проблемы.

— Звучит так, будто ты собираешься задержаться здесь на какое-то время, — Рис задал вежливый, но острый вопрос.

— Я могу найти себе собственное жильё, если это то, на что ты намекаешь. Может, я воспользуюсь тем щедрым жалованием и куплю себе что-нибудь роскошное.

Давай. Подмигни мне. Поиграй со мной. Что угодно, только перестань выглядеть так.

Но он лишь сказал:

— Прибереги свои деньги. Твоё имя уже добавлено в список тех, кто может тратить деньги с моего счёта. Покупай всё, что хочешь. Купи себе хоть целый чёртов дом, если пожелаешь.

Я скрипнула зубами, а затем — возможно, это была паника или безысходность — я сладко протянула:

— На днях я увидела милый магазинчик по ту сторону Сидры. Там продают много всяких очаровательных кружевных вещичек. Могу я и их купить на твои деньги или мне расплачиваться самой?

Его фиолетовые глаза снова скользнули на меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я не в настроении.

Не было ни тени юмора, ни озорства в его словах. Я могла бы уйти в дом греться у камина, но...

Он остался. Он боролся за меня.

Неделя за неделей, он боролся за меня, даже когда в ответ не получал никакой реакции, когда я едва разговаривала и мне было абсолютно всё равно, жива я или мертва, ела или голодала. Я не могла оставить его наедине с его тёмными мыслями, его чувством вины. Он нес их один на своих плечах уже достаточно долго.

Так что я удержала его взгляд.

— Я не знала, что иллирийцы такие унылые, когда напиваются.

— Я не пьян, я пью, — ответил он, и его зубы чуть сверкнули.

— И снова смысл один и тот же, — я откинулась в кресле, жалея о том, что не надела пальто. — Наверное тебе все-таки стоило переспать с Крессидой — чтобы вы оба могли быть грустными и одинокими вместе.

— Значит, тебе можно иметь сколько угодно плохих дней, а я не могу позволить себе даже пару часов?

— О, хандри сколько хочешь. Я просто хотела позвать тебя на совместный шоппинг упомянутых кружевных вещей, но... оставайся здесь навсегда, если хочешь.

Он не ответил.

Я продолжила:

— Может быть, я отправлю что-нибудь из купленного Тарквину — с предложением продемонстрировать ему это на мне, если он за это простит нас. Может, тогда он сразу заберёт свои кровавые рубины назад.

Уголки губ Риса совсем чуть-чуть приподнялись.

— Он воспримет это как насмешку.

— Я пару раз улыбнулась ему, и он отдал мне семейную реликвию. Могу поспорить, что он отдаст мне ключи от своих земель, если я покажусь ему в нижнем белье.

— Кто-то явно слишком много о себе думает.

— А почему бы и нет? Кажется, для тебя проблема не смотреть на меня днём и ночью.

Одновременно зерно правды и вопрос.

— Я должен отрицать, — спокойно ответил Рис, но что-то блеснуло в его глазах, — что считаю тебя привлекательной?

— Ты никогда не говорил этого.

— Я говорил тебе много раз и довольно часто о том, как ты красива.

Я вздрогнула, вспомнив все те разы, когда я пропускала его комментарии мимо ушей, считая, что он меня дразнит и только.

— Что ж, возможно, тебе нужно пытаться лучше.

Блеск в его глазах превратился в что-то хищное. Мурашки пробежали по моей коже, когда он опёрся своими сильными руками о стол и промурлыкал:

— Это вызов, Фейра?

Я выдержала его хищный взгляд — взгляд самого могущественного мужчины в Прифиане.

— Разве?

Его зрачки расширились. Ушла тихая грусть, было забыто изолированное чувство вины. Остался только этот взгляд сконцентрированный на мне. На моих губах. На движении моей шеи, когда я пыталась не дышать слишком часто. Он сказал медленно и мягко:

— Почему бы нам, Фейра, прямо сейчас не отправиться в тот магазин, чтобы ты примерила кружевное бельё, а я помог тебе выбрать, что именно отправить Тарквину.

Пальцы ног сами собой согнулись в моих флисовых тапочках. Мы оба подошли к опасной черте. Поцелованный льдом ночной ветер развеивал наши волосы.

Но взгляд Риса переместился на небо, где мгновением позже из-за облаков спикировал Азриэль, летящий стремительно, словно копьё из тьмы.

Я не знала, следует ли мне вздохнуть с облегчением или нет, но я ушла с крыши до того, как Азриэль приземлился, чтобы Высший Лорд и его управляющий шпионской сетью могли поговорить наедине.

Как только я вошла в полумрак лестничного пролёта, от меня начал исходить жар, оставляя лёгкое прохладное ощущение в животе.

Мы флиртовали, а затем... это.

Я любила Тамлина. Любила так сильно, что без тени сомнений разрушила себя ради

этого... ради него. Потом так много всего произошло, и сейчас я здесь, и... и я могла бы пойти в тот милый магазинчик вместе с Рисандом.

Я уже почти могу представить, как это будет.

Продавщицы в магазине будут вежливыми, но немного нервничающими и оставят нас наедине, как только Рис присядет на небольшой диванчик в глубине магазина, а я зайду в занавешенную комнату, чтобы примерить красный кружевной комплект белья, на котором я остановила взгляд уже трижды. А затем я выйду, собрав в кулак всю свою храбрость. Рис окинет меня взглядом сверху вниз. Дважды.

И он будет продолжать прожигать меня взглядом, сообщая продавщицам, что магазин уже закрыт, на работу им следует вернуться завтра, а чек мы оставим на прилавке.

Я буду стоять там абсолютно голая, за исключением пары лоскутков красного кружева, пока мы слушаем, как работницы быстро и тихо собираются и уходят.

И он будет смотреть на меня не отрываясь всё это время: на мою грудь, проглядывающую сквозь кружево, на мой плоский живот, который наконец стал выглядеть подтянутым и не заморенным голодом, на изгиб моих бёдер и ног. Затем он снова встретится со мной взглядом и поманит к себе пальцем, прошептав всего два слова:

— Иди сюда.

И я подойду к нему, считая каждый шаг, пока не остановлюсь напротив. Меж его ног.

Его руки скользнут мне на талию, чуть царапая кожу мозолистыми ладонями. И затем он притянет меня еще ближе, и склонится, чтобы поцеловать мой пупок, а его язык...

Я выругалась, впечатавшись в стойку лестницы.

Я моргнула — моргнула, возвращаясь к реальности, и поняла...

Я посмотрела на татуированный глаз на моей ладони и зашипела и вслух, и через самую связь:

— Придунок.

На задворках моего сознания чувственный мужской голос тихо рассмеялся полночным смехом.

Моё лицо горело, и я проклинала Риса за видение, которое он послал мне сквозь мои ментальные щиты. Я укрепила их и вошла в свою комнату. И приняла очень и очень холодную ванну.

* * *

Тем вечером я ужинала вместе с Мор у потрескивающего огня в столовой в городском доме. Рис и все остальные куда-то ушли, и когда Мор наконец спросила, почему я сердито хмурюсь каждый раз при упоминании имени Рисанда, я рассказала ей о видении, которое он мне послал. Она хохотала, пока вино не потекло у нее из её носа. Когда я сердито посмотрела теперь уже на неё, она сказала, что я должна собой гордиться: когда Рис погружается в состояние тягостных раздумий, вытащить его оттуда способно лишь настоящее чудо.

Я пыталась не обращать внимания на лёгкое чувство триумфа — даже когда забиралась в постель.

Несколько часов напролет до поздней ночи мы с Мор просидели на диване в гостиной, болтая обо всех удивительных и ужасных местах, в которых она когда-либо побывала. Примерно после двух часов ночи я уже погружалась в сон в своей кровати, когда внезапно

дом застонал.

Как будто кто-то сминал само дерево, дом застонал и задрожал, разноцветные стёкла фонарей в моей комнате зазвенели.

Я резко поднялась в кровати и выглянула в открытое окно. Чистое небо, ничего не...

Ничего кроме тьмы, проникающей в мою комнату из холла.

Я узнала эту тьму. Её частичка жила во мне.

Она просачивалась сквозь трещины в двери, затапливая комнату, словно наводнение.

Дом снова содрогнулся.

Я выпрыгнула из кровати, дёрнула дверь — и тьма пронеслась мимо меня на невидимом ветру... Она была полна звёзд, хлопающих крыльев и... боли.

Так много боли, отчаяния, вины и страха.

Я помчалась в холл, ничего не различая в непроглядной тьме. Но между нами была нить связи, и я следовала за ней — туда, где как я знала, была комната Риса. Я неловко нащупала дверную ручку, а затем...

Ещё больше ночи, звёзд и ветра вырвалось наружу. Мои волосы разлетелись и хлестали на ветру, и я подняла руку, прикрывая лицо, и вошла в комнату.

— Рисанд!

Никакого ответа. Но я чувствовала его присутствие — чувствовала эту спасительную нить между нами.

Я следовала за ней, пока мои ноги не ударились о что-то, что наверное было его кроватью.

— *Рисанд*, — сказала я сквозь шум ветра и тьмы.

Дом трясся, доски пола грохотали под моими ногами. Я провела руками по кровати, нащупывая простыни и одеяло, а потом...

Потом я коснулась твёрдого, подтянутого мужского тела. Но кровать была огромной, и я не могла схватить его.

— *Рисанд!*

Тьма вихрем кружилась вокруг нас — начало и конец мира.

Я забралась на кровать, стремясь к нему, наощупь определяя, что вот его рука, вот его живот и его плечи. Его кожа была ледяной, когда я схватила его за плечи и прокричала его имя.

И снова никакого ответа. Я скользнула рукой к его шее, губам — чтобы убедиться, что он все еще дышит, что это все не означает, что его сила покидает его тело...

Ледяное дыхание обожгло мою ладонь. Взяв себя в руки, я привстала на коленях и, целясь вслепую, отвесила ему пощёчину.

Мою ладонь обожгло от удара — но он всё ещё не двигался. Я ударила его снова, напирая на связь между нами, крича по ней его имя, будто это был тоннель, колотя по этой стене из чёрного адаманта, окружавшей его разум, и рыча на неё.

Трещина во тьме.

А затем его руки схватили меня, в мгновение ока переворачивая и вжимая меня в матрас с убийственной скоростью и точностью. Рука с когтями была на моем горле.

Я не двигалась.

— Рисанд, — выдохнула я. «*Рис*», — сказала я через нашу связь, кладя руку на его внутренний щит.

Тьма задрожала.

Я высвободила собственную силу — чёрное к чёрному, успокаивая его тьму, сглаживая резкие границы, всей душой желая, чтобы она успокоилась и расслабилась. Моя тьма пела его тьме колыбельную — песню, которую напевала мне няня, когда мать спихивала меня ей в руки, чтобы уйти заниматься очередной вечеринкой.

— Это был сон, — сказала я. Его рука была такой холодной. — Это просто сон.

Снова тьма приостановилась. Я послала собственную вуаль ночи навстречу ей, в форме рук, усыпанных звёздами-крапинками.

И, на мгновение, чернильная тьма расступилась достаточно, чтобы я увидела лицо Риса надо мной: изможденное, губы бескровные, фиолетовые глаза широко распахнуты и изучают меня.

— Фейра, — сказала я. — Я Фейра.

Его дыхание неровным, прерывистым. Я обхватила запястье его руки, которая держала моё горло. Держала, но не делала больно.

— Ты спал и видел сон.

Я пожелала, чтобы тьма внутри меня вторила моему успокаивающему тону, усыпляя неистовый испуг, нежно и мягко глядя адамантовую стену вокруг его разума.

И внезапно, словно снег, упавший с веток дерева, его тьма растворилась, забирая с собой и мою.

Лунный свет и звуки города наполнили помещение.

Его комната была похожа на мою, с огромной кроватью, скорее всего для того, чтобы было удобно разместить иллирийские крылья. Все в комнате было оформлено комфортно и со вкусом. И он был голым надо мной. Совершенно голым. Я не осмелилась смотреть ниже татуировок на его груди.

— Фейра, — сказал он. Его голос был хриплым, будто он кричал.

— Да, — ответила я.

Он взгляделся в моё лицо — когтистая рука всё ещё лежала на моём горле, и в тот же момент меня отпустил.

Я лежала, глядя на ту часть кровати, где он сейчас согнулся на коленях, потирая руками лицо. Мои предательские глаза всё-таки посмели опуститься ниже его груди, однако мой взгляд задержался на двух одинаковых татуировках на его коленях: возвышающаяся гора с короной из трех звёзд. Прекрасная, но в то же время суровая.

— Тебе приснился кошмар, — сказала я, садясь. В этот момент словно какая-то плотина разверзлась в моей голове, и я взглянула на свою руку, пожелав, чтобы та превратилась в тень. Так и произошло.

Еще одно желание, и тьма снова рассеялась.

Руки Риса по-прежнему заканчивались длинными чёрными когтями... такие же были и на его ногах. Его крылья были выпущены, опав позади него. И мне стало интересно, как близко Рис был к превращению в чудовище, которое, как он однажды мне признался, он ненавидел.

Он опустил руки, и его когти стали пальцами.

— Прости.

— Вот почему ты остаёшься здесь, а не в Доме Ветра. Ты не хочешь, чтобы остальные увидели это.

— Обычно мне удается сдерживать это в пределах моей комнаты. Прости, что разбудил тебя.

Я сжала руки в кулак на коленях, чтобы не дать себе прикоснуться к нему.

— Как часто такое случается?

Его фиолетовые глаза встретили мои, и я знала ответ прежде, чем он его озвучил.

— Так же часто, как и твои кошмары.

Я тяжело сглотнула.

— Что тебе снилось сегодня?

Он потряс головой, глядя в окно, туда, где снег покрывал прилегающие крыши.

— Есть воспоминания о Подгорье, Фейра, с которыми лучше ни с кем не делиться.

Даже с тобой.

Он уже рассказал мне достаточно ужасающие вещи, так какими же должны быть эти? Я взяла его за локоть, ведь он всё ещё был голым и всё такое.

— Если ты захочешь поговорить, дай мне знать. Я не расскажу остальным.

Я уже хотела соскользнуть с кровати, но он схватил мою руку, прижимая к своей.

— Спасибо.

Я посмотрела на его руку, на его опустошённое лицо. Столько боли... и истощения скользило на нем! Лицо, которое он никому никогда не показывает.

Я привстала на коленях на кровати и поцеловала его в щёку, его кожа была тёплой и мягкой под моими губами. Поцелуй закончился прежде, чем начался, но... сколько ночей я хотела, чтобы кто-нибудь сделал то же самое для меня?

Его глаза слегка расширились, когда я отодвинулась, но он не остановил меня, когда я встала с кровати. Я уже почти вышла из комнаты, но у двери вновь обернулась к нему.

Рис всё ещё стоял на коленях, его крылья поникли на белых простынях, голова склонена, татуировки выделялись на золотистой коже. Тёмный, падший принц.

Идея для картины пришла мне в голову.

Сверкающая, она пришла и задержалась там, перед тем, как раствориться.

Но она осталась, слегка мерцая, в этой дыре у меня в груди.

И эта дыра начала постепенно затягиваться.

— Как думаешь, ты сможешь расшифровать ее, как только мы добудем вторую половину? — спросила я Амрен, задержавшись около входной двери в ее апартаменты на следующий день.

Она была владелицей верхнего этажа трехэтажного здания, где наклонные потолки с двух сторон завершались внушительными окнами. Одно из них выходило на Сидру, а другое на деревья вдоль городской площади. Апартаменты состояли из одной огромной комнаты: выцветшие дубовые полы были покрыты в равной степени изношенными коврами, мебель стояла вразброс тут и там, будто Амрен постоянно ее передвигала по какой-либо причине.

Лишь ее кровать — просторная, с четырьмя столбиками и чудовищно огромным балдахином из легкой шелковой ткани, казалось, постоянно стояла на своем месте у стены. Здесь не было кухни — лишь длинный стол и горящий камин, пышущий жаром достаточно, чтобы в комнате стало почти душно. Изморозь, что появилась прошлой ночью, исчезла под сухим зимним солнцем уже к утру, температура на улице была низкой, но достаточно мягкой, что бы прогулка сюда оказалась бодрящей.

Сидя на полу перед низким столом, заваленным бумагами, Амрен оторвалась от блестящего металла книги. Ее лицо было бледнее обычного, губы серые.

— Прошло много времени с тех пор, как я пользовалась этим языком — я хочу снова овладеть им перед тем, как братья за Книгу. Будем надеяться, что к тому времени те заносчивые королевы отдадут нам свою половину.

— И как долго займет его изучение?

— Разве Его Темнейшество не рассказал тебе? — Она снова вернулась к Книге.

Я подошла к длинному деревянному столу и положила принесенный с собой сверток на поцарапанную поверхность. Несколько пинт крови — прямо от мясника. Я практически бежала сюда, чтобы она не успела остыть.

— Нет, — сказала я, доставая содержимое. — Он не сказал мне. — На завтраке Риса уже не было, однако одна из его записок лежала на прикроватной тумбочке.

«Спасибо... за прошлую ночь», — и это все, что было в ней сказано. Никакой ручки для ответа.

Но я все же раздобыла ее и написала ответ: *«Что означают вытатуированная гора и звезды на твоих коленях?»*

Бумага исчезла спустя секунду. Когда она не вернулась, я оделась и спустилась к завтраку. Я была на середине трапезы, состоящей из яиц и тостов, когда аккуратно сложенная бумага появилась около моей тарелки.

«Что я не преклоню колени ни перед кем и ни перед чем, кроме моей короны».

В этот раз появилась и ручка. Я всего лишь написала: *«Как драматично»*. И могла поклясться, что сквозь нашу связь по другую сторону моих ментальных щитов, я слышала его смех.

Улыбаясь воспоминанию, я открутила крышку первой банки, и резкий запах крови заполнил мои ноздри. Амрен глубоко вздохнула, а затем кивнула головой в сторону кружки.

— Ты... о, ты мне нравишься.

— Это ягненок, если это имеет какое-то значение. Тебе подогреть ее?

Она оторвалась от Книги, и я просто наблюдала, как она сжала банку обеими руками и

осушила ее, словно внутри была вода.

Что ж, по крайней мере, мне не пришлось беспокоиться по поводу поисков чайника.

Амрен выпила половину за один присест. Струйка крови побежала по ее подбородку, и она позволила ей упасть на свою серую рубашку — такой мятой рубашку мне еще никогда не доводилось видеть. Причмокнув губами, она поставила банку на стол с глубоким вздохом. Кровь сияла на ее зубах.

— Спасибо.

— У тебя есть та, что тебе нравится больше?

Она резко дернула подбородком, а затем, когда поняла, что выпачкалась, вытерла его салфеткой.

— Ягненок всегда был моим любимцем. Как бы это не было ужасно.

— Не... человек?

Она скривилась.

— Водянистые и очень часто на вкус напоминают то, что они ели в последний раз. И поскольку у людей отвратительный вкус, в этом слишком много риска. Но ягненок... я бы также выбрала еще и козла. Их кровь чище. Насыщеннее. Напоминает мне о... другом времени. И месте.

— Интересно, — сказала я и имела это в виду. Мне стало интересно, про какой именно мир она говорила.

Она осушила оставшуюся часть, цвет уже вернулся на ее лицо, и поставила банку в маленькую раковину у стены.

— Я думала, что ты живешь где-то, где более... роскошно, — призналась я.

И в самом деле, вся ее прекрасная одежда висела на вешалках рядом с кроватью, а ее украшения были горой рассыпаны на нескольких столах и шкафах. И здесь было столько драгоценностей, что хватило бы на выкуп императора.

Она пожала плечами, присаживаясь снова рядом с Книгой.

— Однажды я пыталась. Но мне это наскучило. И мне не нравится держать слуг. Слишком шумно. Я жила во дворцах, хижинах, в горах и на пляже, но почему-то мне больше всего нравятся эти апартаменты вблизи реки. — Она нахмурилась солнечным лучам, что усеяли потолок. — И это также означает, что мне никогда не придется устраивать вечера или принимать гостей. Ведь все это я ненавижу.

Я усмехнулась.

— Тогда я постараюсь не задерживаться.

Она изобразила удивленную оскорбленность, скрестив ноги под собой.

— Почему ты здесь?

— Кассиан сказал, ты проводишь здесь дни и ночи напролет с тех пор, как мы вернулись, и я подумала, что ты могла быть голодна. И... мне не чем было заняться.

— Кассиан любит совать нос в чужие дела.

— Он беспокоится о тебе. Обо всех вас. Вы единственная семья, что у него есть. — Все они были единственной семьей друг у друга.

— Ах, — сказала она, изучая лист бумаги. Но, тем не менее, казалось, что это ей польстило. Мое внимание привлек цветной блеск на полу рядом с ней.

Она использовала свой кровавый рубин как пресс-папье для бумаг.

— Рис уговорил тебя не уничтожать Адриату из-за кровавого рубина?

Глаза Амрен метнулись вверх, полные штормов и необузданных морей.

— Он этого не делал. *Это* убедило меня не уничтожать Адриату, — она указала на свой комод.

На самом его верху подобно змее лежало знакомое кольцо из бриллиантов и рубинов. Я видела его раньше... в сокровищнице Тарквина.

— Как... откуда?

Амрен улыбнулась про себя.

— Его мне отправил Вариан. Чтобы смягчить заявление Тарквина о нашей кровавой вражде.

Я тогда подумала, что эти рубины может носить лишь могущественная женщина — и не могла подумать ни о какой другой, кроме той единственной, что сидела передо мной.

— Ты и Вариан...?

— Заманчиво, но нет. Этот болван не может определиться: хочет он меня или ненавидит.

— Почему не может быть оба варианта сразу?

Низкий смешок.

— И правда.

* * *

Таким образом потянулись недели ожидания. Ожидание того, когда Амрен заново освоит язык, на котором не говорит никто другой в нашем мире. Ожидание ответа смертных королей на нашу просьбу встретиться.

Азриэль продолжал попытки проникнуть в их дворы — однако все еще безрезультатно. Я слышала об этом в основном от Мор, которая всегда знала, когда он возвращался из Дома Ветра, и всегда считала своей обязанностью присутствовать в момент, когда он приземлялся.

Она рассказала мне не много деталей — и еще меньше о том, что невозможность проникновения его или его шпионов в те дворы тяжело сказывалась на Азриэле. Те стандарты, которые он установил для себя, призналась она мне, граничили с садизмом.

Заставить Азриэля потратить хоть каплю времени на него самого, что не включало работу или тренировки, было практически невозможно. И когда я заметила, что он все же ходил с ней «К Рите» когда бы она ни попросила, Мор просто сказала, что на это потребовалось *четыре века*, чтобы заставить его сделать нечто подобное. Иногда мне было интересно, что же происходило наверху в Дома Ветра, пока Рис и я оставались в городском домике.

В Доме Ветра я бывала лишь по утрам, когда проводила первую половину дня тренируясь с Кассианом, который так же, как и Мор, указывал какую еду мне следует есть, чтобы набрать потерянный мною вес для того, чтобы снова стать сильной и быстрой. И по прошествии дней, от физической обороны я перешла к тренировкам с иллирийским клинком — оружием настолько совершенным, что я едва ли не лишила Кассиана руки.

Но я училась владеть им — медленно. Болезненно. У меня был лишь один перерыв от жестоких тренировок с Кассианом — одно единственное утро, когда он улетел в человеческие земли для того, чтобы убедиться, не получали ли мои сестры каких-либо известий от королей и чтобы доставить еще одно письмо от Риса, адресованное тем.

Я предположила, что встреча с Нестой прошла настолько ужасно, насколько это можно себе представить, потому что на следующий день мой урок был длиннее и тяжелее, чем это было в последние несколько дней. Я спросила, что именно сказала ему Неста, раз это так

задело его. Но Кассиан всего лишь злобно зарычал и сказал мне не лезть в не в свои дела, а также что моя семья состоит из сплошь властных и упрямых женщин, которые считают, что знают все лучше всех.

Часть меня подумала, что Кассиану и Вариану возможно не помешало бы обменяться впечатлениями.

Большую половину послеобеденного времени ... Если Рис был поблизости, я тренировалась с ним. Сознание к сознанию, сила к силе. Мы медленно отработывали те способности, что были мне дарованы — пламя и вода, лед и тьма. Мы знали, что были и другие, которые оставались нераскрытыми, ненайденными. Рассеивание все еще оставалось невозможным. Я больше не получалось сделать этого с того самого снежного дня с Аттором.

«Это займет некоторое время», — говорил мне каждое утро Рис, когда я в очередной раз срывалась на нем — время необходимое для того, чтобы изучить и отточить каждую из моих способностей.

Каждый урок он сопровождал информацией о Высший Лордах, чью силу я украдала: о Бероне, жестоком и тщеславном Высшем Лорде Осеннего Двора; о Каллиасе, спокойном и хитром Высшем Лорде Зимнего Двора; и Гелионе Рассекающем Чары, Высшем Лорде Дневного Двора, чью тысячу библиотек лично разграбила Амаранта, и чьи талантливые люди преуспели в магии чар и сохранили знания Прифиана.

Рис говорил, что знания о том, от кого пришла моя сила, были такими же необходимым, как и изучение самой их природы. Но мы никогда не разговаривали о изменении формы тела — о длинных когтях, которые мне иногда удавалось призывать. Переплетения нитей, связывающих нас с этим даром были слишком запутанными, а не высказанная история — слишком жестокой и кровавой.

Так я изучала политику других дворов и их историю, оттачивала силы их хозяев до тех пор, пока часы бодрствования и сна не сопровождались палящим пламенем у меня во рту и скрипом инея меж моих пальцев. И каждой ночью, утомленная дневной тренировкой моего тела и сил, я проваливалась в глубокий сон, окруженная тьмой с запахом жасмина.

Даже мои кошмары слишком утомились, чтобы преследовать меня.

В те дни, когда Рис был куда-то отозван для того, чтобы разобраться с внутренними делами своего двора, чтобы напомнить, кто правил ими и кто вершит правосудие, или чтобы подготовиться к нашему неизбежному визиту в Хайберн, я обычно читала или сидела вместе с Амрен, пока та работала над Книгой, или же гуляла по Веларису с Мор. Последнее, наверное, было моим любимым времяпрепровождением, и эта женщина определенно преуспевала в нахождении способов, как потратить деньги. Я лишь однажды одним глазком взглянула на тот банковский счет, что Рис создал для меня — и поняла, что он чрезвычайно, чрезвычайно много переплачивал мне.

Я старалась не грустить в те вечера, когда его не было рядом, пыталась не признаваться, что я начала с нетерпением ждать этого — оттачивания моих сил и... перебранок с ним. Но даже когда его не было рядом, он все равно общался со мной — записками, которые стали нашей общей странной тайной.

Однажды, он написал мне из Цесира, маленького города на северо-востоке, где он встречался с несколькими выжившими жрицами, чтобы обсудить восстановление их храма, уничтоженного войсками Хайберна. Он заверил меня, что ни одна из них не была похожа на Ианту.

«Расскажи мне о животиси».

Я написала ответ, сидя в своем кресле в саду, фонтан там наконец ожил с возвращением мягкой погоды.

«Здесь не о чем рассказывать».

«Все равно расскажи».

У меня заняло некоторое время, чтобы придумать ответ, поразмышлять о той маленькой пустоте во мне, и чем она раньше была, и каково это было чувствовать. Но потом я все же написала:

«Было время, когда все, чего я хотела — это достаточно денег, чтобы я и моя семья были сыты, а я могла проводить дни за рисованием. Вот и все, что мне было нужно. Больше ничего.»

Пауза. Затем он написал:

«А сейчас?»

«Сейчас», — ответила я, — «Я не знаю, чего хочу. Я больше не могу рисовать»

«Почему?»

«Потому что эта часть меня пуста.»

Хотя, возможно, той ночью, когда я увидела его на коленях на кровати... это немного изменилось. Я раздумывала над следующим предложением, а затем написала:

«Ты всегда хотел быть Высшим Лордом?»

Слишком долгая пауза.

«И да, и нет. Я видел, как правил мой отец, и с самого юношества знал, что я не хотел быть таким как он. Поэтому я решил, что буду другим Высшим Лордом; я хотел защищать моих людей, изменить взгляды об иллирийцах, и избавиться от коррупции, что досаждала этим землям.»

На какой-то момент я не могла остановить себя и не сравнивать: Тамлин не хотел быть Высшим Лордом. Он ненавидел быть Высшим Лордом — и может быть... может быть это было одной из причин, почему его двор стал таким, каким он был сейчас. Но Рисанд, с его взглядами, с его волей и желанием, и страстью к тому, что он делает... Он построил нечто другое.

А затем ввязался в войну, чтобы отстоять это.

Это было то, что он увидел в Тарквине, и почему те кровавые рубины задели его так сильно. Еще один Высший Лорд с таким же взглядом — радикальным взглядом о будущем Прифиана.

Поэтому я написала в ответ:

«По крайней мере, ты компенсируешь свой бесстыдный флирт будучи потрясающим Высшим Лордом».

Этим вечером он вернулся, самодовольно улыбаясь, как кот, и вместо приветствия сказал:

— Потрясающий Высший Лорд?

Я направила воду, которой хватило бы на полное ведро, прямо ему в лицо.

Рис не потрудился укрыться от нее. И вместо этого он потряс мокрыми волосами, как собака, обрызгивая меня пока я не завизжала и не устремилась прочь. Его смех достиг меня на ступеньках.

Зима медленно ослабляла свою хватку, и проснувшись одним утром, я обнаружила письмо от Риса около моей кровати. Без ручки.

«Этим утром не будет никакой тренировки с твоим вторым по счету любимым»

иллирийцем. Королевы наконец-то удосужились ответить нам. Завтра они придут в твое семейное поместье».

У меня не было времени для переживаний. Мы отправились сразу же после ужина, паря над оттаивающими людскими землями под покровом тьмы, сильный ветер ревел в то время, как Рис прижимал меня к себе очень крепко.

* * *

Следующим утром мои сестры были готовы, обе были одеты в роскошные убранства, достойные любой королевы, Фэ или смертной.

Я предположила, что и я тоже.

Я надела белое платье из шифона и шелка, выполненное в привычной моде Ночного Двора, обнажавшее мою кожу, золотая отделка на платье переливалась в утреннем свете, струящимся через окна гостиной. К счастью, мой отец остался на континенте еще на два месяца — по причине какой-то чрезвычайно важной сделки, которую он стремился заключить во всех королевствах.

Я стояла у камина подле Рисанда, который был одет в привычный черный, крылья были скрыты, а лицо было спокойной маской. Лишь черная корона поверх его головы была другой — металл был выкован в форме перьев ворона. Корона была под стать моей золотой диадеме.

Кассиан и Азриэль следили за всем у дальней стены, оружия на них не было видно.

Но их Сифоны сверкали так ярко, что мне стало интересно, какое именно оружие они могли точно воссоздать с помощью них, если бы на то была нужда. Одним из требований, что установили королевы для этой встречи, было: никакого оружия. Несмотря на то, что иллирийские войны сами по себе были оружием.

Мор, в красном платье похожем на мое, хмурилась, глядя на часы над белой каминной аркой, ее нога постукивала по витиеватому ковру. Вопреки моему желанию познакомиться ее со своими сестрами, Неста и Элейн были такими напряженными и бледными, когда мы прибыли, что я мгновенно решила, что это было не подходящим временем для такого знакомства.

Однажды — однажды я познакомлю их. Если только мы не умрем в этой войне первыми. Если королевы решат помочь нам.

Часы пробили одиннадцать.

У них было еще два требования.

Встреча должна была состояться в одиннадцать. Не раньше. Не позже.

И они хотела знать точное географическое расположение дома. Схему и размер каждой комнаты. Где стояла мебель. Где размещались окна и двери. В какой комнате мы будем приветствовать их.

Азриэль устроил все это с помощью моих сестер.

Бой часов над каминной аркой был единственным источником звука.

И когда прозвучал последний удар, я поняла, что третье требование не было лишь ради безопасности.

Нет, когда ветер пронесся по комнате, и в ней возникло пять фигур, каждую из которых сопровождало два гвардейца, я поняла, что это было потому, что королевы могли рассеиваться.

Смертные королевы составляли весьма пёструю группу, как по возрасту, так и по цвету, комплекции и темпераменту. Старшая была одета в шерстяное вышитое платье глубокого синего цвета, у неё была очень смуглая кожа и острые холодные глаза, держалась она очень прямо, несмотря на возраст, который выдавали покрывающие её лицо морщины.

Две королевы среднего возраста выглядели двумя полными противоположностями: одна тёмная, другая светлая; лицо одной обаятельное, у другой же будто вытесанное из гранита; одна улыбалась, другая была угрюма. Они даже были одеты в черное и белое и, казалось, двигались по собственной схеме противоречий. Я задумалась, каковы их королевства, какие отношения между этими двумя противоположностями. И связывали ли их каким-либо образом серебряные кольца-близнецы, что обе носили на пальцах.

И две младшие королевы... Одна из них, возможно, была чуть старше меня, темноволосая и темноглазая; осторожность и хитрость проскальзывали в каждом её движении, пока она неспешно нас разглядывала.

И последняя королева, та, что заговорила первой, была прекрасна... единственная красавица среди них. Не смотря на изысканные одеяния, казалось, этих женщин мало волновал их облик, им было не важно, были они молоды или стары, стройны или толсты, высоки или нет. Это были глупости, ничтожные мелочи. Однако эта королева была по-настоящему красива, ей могло быть не больше тридцати лет....

Вьющиеся волосы золотистые, как у Мор, глаза удивительного, чистейшего янтарного цвета. Даже ее смугловатая кожа с россыпью веснушек казалась усыпанной золотой пылью. Одежда умело подчеркивала все прелести гибкого, подвижного и грациозного тела. Это была львица в человеческом облике.

— Добро пожаловать, — сказал Рисанд и замер в неподвижности, пока охранники оглядывали нас и комнату с каменными лицами. Королевы также изучающе нас рассматривали.

Гостиная была огромна, и по одному кивку золотой королевы охрана бегом рассредоточилась вдоль стен и в дверях. Мои сёстры, в молчании стоявшие у окна, постороились, давая им возможность занять свои позиции.

Рис приблизился к ним. Королевы вздохнули, как одна, как будто собираясь с духом. Охранники положили одну руку на рукояти мечей, жест привычный хотя немного глупый, их мечи были такими большими и неуклюжими в сравнении с иллирийскими клинками... Неужели они полагали, что у них есть шанс... хоть один... против любого из нас. Включая меня, я осознала это, и на мгновение мне стало немного страшно.

Но это Кассиан и Азриэль выступали в роли нашей охраны сегодня... они должны были отвлечь внимание.

Рис медленно склонил голову и проговорил:

— Мы благодарны Вам за то, что откликнулись на наше приглашение, — он приподнял одну бровь, — но где же шестая?

Старшая из королев, в тяжелом синем платье, коротко пояснила:

— Она нездорова, и не смогла отправиться в путешествие. — И поглядев на меня: — Ты — эмиссар?

Я вся напряглась. Под этим тяжелым взглядом моя корона показалась мне насмешкой,

глупостью, однако я ответила:

— Да. Я Фейра.

Королева бросила острый взгляд на Рисанда.

— Это ты Высший Лорд, что написал нам столь любопытное письмо после того, как мы не ответили на все предшествующие?

Я не посмела взглянуть на него. Он отправил много писем через моих сестёр.

«Ты не спрашивала меня, что я в них писал», — сказал он мне через нашу ментальную связь, и я ощутила лёгкую улыбку, пробежавшую от него ко мне. Я позволила упасть моему ментальному щиту... на случай, если возникнет необходимость поговорить без слов.

— Да, — ответил Рисанд и с легким кивком проговорил, — А это моя кузина, Морриган.

Мор приблизилась к нам, ее ярко алое платье, казалось, колышется от невидимого ветерка. Золотая королева следила за каждым её шагом, каждым вздохом. Угроза... смесь красоты, мощи и превосходства. Мор подошла ко мне и слегка поклонилась им.

— Уже очень давно я не встречалась со смертными королевами.

Королева в тёмном платье, скрестила белые, как луна руки и произнесла:

— Морриган... *Та самая* Морриган времён Войны.

Все замерли, пораженные, ощущая восхищение, и может быть страх. Мор снова поклонилась.

— Прошу, присаживайтесь. — Она указала на стулья, расставленные на значительном расстоянии друг от друга, достаточном, чтобы охрана могла броситься на защиту королев, если это покажется им необходимым.

Все королевы уселись почти одновременно. Охрана осталась на своих местах, замыкая круг вдоль стен зала.

Королева с золотыми волосами расправила свои пышные юбки и произнесла:

— Я полагаю, что это наши любезные хозяйки. — Острый взгляд в сторону моих сестёр.

Неста стояла, гордо распрямившись, в то время как Элейн присела в реверансе в своем пышном розовом платье.

— Мои сёстры. — пояснила я.

Янтарные глаза задержались на мне. На моей короне. Затем на короне Рисанда.

— Эмиссар в золотой короне. Это такая традиция в Прифиане?

— Нет, — мягко ответил Рисанд — Но ей так идёт, что я не смог удержаться.

Золотая королева без улыбки заметила:

— Человек, обращенный в Высшую Фэ... и сейчас стоит рядом с Высшим Лордом на почетном месте. Очень любопытно.

Я держалась прямо, приподняв подбородок. Все эти недели Кассиан учил меня правильно держаться перед противником, чувствовать его. Чем были её слова, как не выпадом в другом виде боя?

Старшая обратилась к Рису:

— У вас есть час нашего времени. Докажите, что мы не потеряем его напрасно.

— Как вы смогли рассеяться? — спросила Мор со своего места рядом со мной.

Золотая королева насмешливо усмехнулась и ответила:

— Это наш секрет и наш дар; нам даровали его Фэ.

Отлично. Рис посмотрел на меня, и я сглотнула, наклоняясь вперед в моем кресле.

— Война вот-вот начнётся. Мы позвали вас, чтобы предупредить... и чтобы попросить

вас об услуге.

Не могло быть и речи об обмане, краже или внушении. Рис не мог рисковать даже заглянув в их мысли, так как это могло активировать чары, окружающие книгу и тем самым разрушить её.

— Мы знаем, что грядёт война, — сказала старшая, голосом ломким, будто шелест опавших листьев. — Мы готовимся к этому уже долгие годы.

Было ясно, что остальные три королевы присутствовали лишь как зрители, тогда как старшая и золотая королевы были уполномочены вести переговоры.

Итак, я проговорила голосом четким и по возможности спокойным:

— Люди, живущие на этих землях, похоже ничего не знают об этой угрозе. Мы не видели никаких признаков подготовки к войне. — Азриэль говорил об этом в последние недели, и это очень меня пугало.

— Эта территория, — холодно сказала золотая королева — лишь малая часть в сравнении с необъятным континентом. Мы не станем сражаться за нее. Нет смысла тратить силы и средства.

Нет. Нет. Нет...

Рис произнёс очень медленно:

— Уверен, что потеря даже одной невинной жизни уже трагедия...

Старшая королева сложила худые морщинистые руки поверх юбок.

— Да. Даже одна невинная жертва — это страшно. Но на войне, как на войне. Если возникнет необходимость принести в жертву эту небольшую территорию, чтобы спасти значительно большую, мы готовы.

Я не смела взглянуть на сестёр. Оглядеть этот дом, которому вероятно предстоит стать руинами. Я произнесла охрипшим голосом:

— На этих землях живёт много хороших людей.

Золотая королева насмешливо заметила:

— Так пусть их защитят Высшие Фэ Прифиана.

Тишина.

Неста прошипела со своего места позади нас:

— У нас здесь слуги. С семьями. Есть *дети* на этих землях. И вы хотите бросить нас на милость Фэ?!

Лицо старшей слегка смягчилось.

— Это очень непростой выбор, дитя...

— Это выбор *трусов*! — прорычала Неста.

Я прервала её, нельзя допустить, чтобы трещина между нами превратилась в пропасть.

— Вы предлагаете нам защитить ваших подданных не смотря на то, что так нас ненавидите?

— Разве не ясно, что Фэ должны защитить их? — спросила золотая королева, и каскад золотистых локонов скользнул по её плечу, когда она вскинула голову. — Разве не их долг оградить людей от опасности, пришедшей с их стороны? — и фыркнула. — Ужель не справедливо, пролить немного крови Фэ, чтобы заплатить за все преступления совершенные ими за все эти годы?

— Ни одна сторона не может считать себя невиновной, — ответил Рис спокойно. — Однако мы могли бы защитить их. Вместе.

— Вот как? — воскликнула старшая; морщины на её лице углубились, стали

заметнее. — Высший Лорд Ночного Двора просит нас объединиться с ним, предлагает спасти жизни вместе! Сражаться во имя мира! А что насчет жизней, что он отнял за время своего существования, столь долгого, столь чудовищного? Высший Лорд, что подкрадывается во тьме и разрушает сознание по своему капризу? — Её смех напоминал воронье карканье. — Мы слышаны о тебе, да, твоя слава докатилась и до континента, Рисанд. Мы слышали, что творится в Ночном Дворе, как ты поступаешь со своими врагами. *Мир*? Ты чудовище, что плавит сознание и пытается ради удовольствия... не знала, что тебе знакомо это слово.

Ярость закипела в моей крови; всполохи огня бились в ушах. Однако я обуздала пожар, постепенно набирающий во мне силу последние недели, и попыталась начать снова:

— Если вы не хотите отправлять военных на защиту ваших земель, быть может артефакт, который мы у вас просим...

— Наша половина Книги, дитя, — оборвала меня старшая, — не покинет нашего священного дворца. Она не покидала своего места в его стенах с того момента, как нам ее передали, как часть Договора. И не покинет его никогда, пока существует необходимость в нашей защите от ужасов с Севера.

— Пожалуйста, — все что я прошептала.

В ответ лишь тишина.

— Пожалуйста, — повторила я. Эмиссар. Я была эмиссаром; Рис выбрал меня для этого. Чтобы быть голосом обоих миров. — Причина, по которой я превратилась в это — стала бессмертной фейри в том... Меня *убила* одна из главнокомандующих Хайберна.

Я могла поклясться, что почувствовала через связь, как Рис внутренне сжался от этих слов.

— В течение пятидесяти лет, — продолжила я — Эта главнокомандующая терроризировала Прифиан, и когда я её победила, когда освободила их, она убила меня. Однако раньше, я увидела все ужасы, которые она совершала над людьми и бессмертными. Одна, она одна оказалась способна сотворить столько зла и разрушений, принести столько страданий... Только представьте, на что способно целое войско подобных ей! И прямо сейчас их король планирует разрушить Стену и уничтожить нас всех. Всех. Война будет быстрой и чудовищной. И вам в ней не победить. И нам тоже. Выжившие станут рабами и дети их детей тоже... Пожалуйста, пожалуйста, передайте нам вашу часть Книги.

Старшая королева взглянула на золотую, прежде чем ответить мне достаточно мягко, успокаивающе:

— Ты слишком молода, девочка. Тебе ещё многое надо понять об этом мире...

Рис произнёс с ледяным спокойствием:

— Не смейте говорить с ней снисходительно.

Старшая королева, которая была лишь маленькой девочкой в сравнении с ним, с веками его существования... почувствовала себя неловко. Глаза Риса сверкали; его лицо полыхало гневом, как и его голос. — Не смейте принижать Фейру за то, что она говорит от всего сердца, из сострадания к незащитным; ведь в отличие от нее, вами движет лишь эгоизм и трусость.

Старшая королева вся подобралась.

— Я пекусь об общем благе...

— Не мало было совершено преступлений во имя общего блага, — пробормотал Рис.

Ни одна, даже самая маленькая часть меня не была под впечатлением от того, что

королева выдержала взгляд Риса. И лишь ответила:

— Книга останется у нас. Мы переживём эту беду...

— Достаточно, — прервала Мор и встала. Она поглядела в глаза каждой королеве, обращаясь к ним:

— Я Морриган. Вы меня знаете. Знаете, кто я. Знаете, что я всегда говорю правду. Так что сейчас вы выслушаете меня и будете знать, что всё сказанное мной правда... как знали и ваши предки.

Молчание.

Мор указала на меня.

— Вы думаете, это случайность, что вновь обычного человека превратили в бессмертную в то же время, как наш давний враг проявил себя? Я плечом к плечу сражалась с Мириам на Войне, сражалась вместе с ней, когда честолюбие и жажда крови Юриана свели его с ума и разъединили их. Из-за этого он запытал Клитию до смерти, и потом сражался с Амарантой, пока сам не пал от её руки. — Она глубоко вздохнула, и мне показалось, что Азриэль придвинулся к ней ближе. Мор продолжила, будто вышедший из-под контроля пожар: — Я отправилась в Чёрные Земли вместе с Мириам, чтобы освободить рабов, которые были брошены в раскалённых песках, освободить их из рабства, которого она сама избежала. Рабов, которым она обещала вернуться. Я отправилась с ней, с моей подругой. Вместе с войском Принца Дрэйкона. Мы с Мириам были *подругами*, как теперь с Фейрой. И ваши предки — королевы подписавшие Договор... Они также были моими подругами. И когда я смотрю на вас... — Мор зарычала, — Когда я смотрю на вас, я не нахожу *никакого* сходства с теми великими женщинами. Смотрю на вас и понимаю, что им было бы *стыдно* за вас. Вы смеетесь над возможностью мира? Над тем, что мы можем установить его между двумя нашими мирами? — Голос её сорвался, и Азриэль незаметно подошел ещё ближе к ней, хотя его лицо ничего не выражало. — Есть затерянный остров в открытом, штормовом океане. Обширный остров, плодородный и защищенный от времени и взора врагов. Там живут Мириам и Дрэйкон. С их детьми. И с обоими народами в мире. Фэ и люди, и все, что между ними, живут бок о бок. Процветают на этом острове уже пять веков, позволив миру считать себя погибшими и...

— Мор, — мягко проговорил Рис.

Секрет, поняла я, секрет который хранился в течение этих пятисот лет.

Секрет, давший толчок мечтам Риса, мечтам о его Дворе.

Земля, где два мечтателя нашли воплощение своих снов о мире меж двумя народами.

Земля, где не было Стены. Не было ни железных талисманов, ни стрел из ясеня.

Старая королева и золотая вновь обменялись взглядами.

Глаза старшей сверкали, когда она сказала:

— Нам необходимы доказательства. Если ты не такой Высший Лорд, как утверждает молва, докажи это. — Докажи, что ты такой, как говоришь — мужчина, мечтающий о мире.

Был лишь один способ. Только одна возможность доказать это. Показать им.

Веларис.

Всё моё тело содрогнулось в ужасе перед необходимостью открыть этот секрет этим... паучихам, рассказать правду об этом дивном городе, этом сокровище...

Рис поднялся одним плавным движением. Королевы тоже встали. Голос его звучал словно темная безлунная ночь, когда он произнёс:

— Хотите доказательств? — Я задержала дыхание, моля, моля чтобы он ничего им не

говорил. Он вдрогнул, серебряные нити его камзола отразили солнечный свет. — Я их предоставлю. Подождите моего письма и вернитесь, когда я позову.

— Никто не смеет нам приказывать явиться, ни люди, ни бессмертные — отрезала золотая королева.

Возможно, поэтому они так тянули с ответом на наши письма. Это были их игры во власть.

— Тогда, приходите, когда захотите, — прорычал Рис с такой яростью, что охрана все как один сделали шаг вперёд. Кассиан лишь усмехнулся в их сторону, лишь улыбнулся, и те из них, что были самыми мудрыми, побледнели.

— Мы подумаем над вашей просьбой только когда получим подтверждение. — Старшая королева практически выплюнула эти слова. Часть меня напомнила, что она всего лишь старуха и к тому же королевского рода, и стереть кулаками с её лица эту насмешливую ухмылку нам точно не поможет. — Эта Книга наша и находилась под нашей защитой пятьсот лет. Мы не отдадим её не подумав дважды.

Охрана окружила их, будто эти слова являлись заранее оговоренным сигналом. Золотая королева жеманно улыбнулась мне и сказала:

— Удачи.

И они исчезли. Гостиная вдруг показалась слишком просторной, слишком тихой.

И это Элейн, *тихоня Элейн*, вздохнув, произнесла:

— Гореть им всем в аду.

Мы молчали почти все время полета и когда рассеивались в Веларис. Амрен уже ждала нас в городском доме, ее одежда была измятой, а лицо мертвенно бледным. Я отметила про себя, что ей нужно немедленно дать больше крови.

Но вместо того, чтобы собраться в столовой или гостиной, Рис прошел вниз по холлу, держа руки в карманах и минуя кухню, и вышел в сад на заднем дворе.

Остальные задержались в фойе, глядя ему в след — молчание исходило от него. словно затишье перед бурей.

— Я полагаю, все прошло хорошо, — сказала Амрен. Кассиан бросил на нее взгляд и последовал за другом.

Солнце и сухой день согрели сад, ростки зелени проклюнулись тут и там в бесчисленных клумбах и горшках. Рис присел на край фонтана, сложив руки на коленях и глядя на покрытую мхом плитку у его ног.

Мы все расселись в окрашенные в белый цвет железные кресла, расставленные вокруг. Если б только люди могли сейчас видеть их: фейри, сидящие на железе. Они повыбрасывали бы те смешные безделушки и украшения. Возможно, даже Элейн получила бы обручальное кольцо, которое не было выковано ненавистью и страхом.

— Если ты вышел сюда хандрить, Рис, — сказала Амрен со своего места на небольшой скамейке, — то так и скажи, и позволь мне вернуться обратно к работе.

Фиолетовые глаза встретились с ее. Холодные, без тени веселья.

— Люди хотят получить доказательство наших добрых намерений, что нам можно доверять.

Внимание Амрен переключилось на меня:

— Фейры было недостаточно?

Я попыталась не дать словам уязвить меня. Нет, меня было недостаточно; возможно, я даже провалилась в роли эмиссара..

— Ее было более чем достаточно, — сказал Рис с убийственным спокойствием, и я задумалась, не послала ли ему свои жалкие мысли через связь. Я укрепила свой щит еще раз. — Они идиоты. Хуже — испуганные идиоты.

Он снова уставился на землю, словно сухой мох и камень образовали рисунок, который никто кроме него не мог видеть.

— Мы можем... свергнуть их. Посадить новых, более разумных королей на трон. Тех, кто пойдет на соглашение, — сказал Кассиан.

Рис тряхнул головой.

— Во-первых, это займет слишком много времени. У нас его нет, — я подумала о прошедших потраченных впустую неделях, о том как усердно Азриэль пытался проникнуть в их дворы. Если даже его тени и шпионы не смогли пробить брешь, тогда я сомневаюсь, сможет ли ассасин. Подтверждающий кивок Азриэля Кассиану сказал о многом.

— Во-вторых, — продолжал Рис, — кто знает, повлияет ли это как-то на магию, наложенную на их часть Книги. Она должна быть отдана добровольно. Возможно, магия на ней достаточно сильная, чтобы распознать наши интриги. — Он втянул воздух через зубы. — Мы застряли с ними.

— Мы попробуем снова, — сказала Мор. — Позволь мне поговорить с ними, позволь

поехать в их дворец.

— Нет, — сказал Азриэль. Мор подняла бровь, и загорелое лицо Азриэля слегка покрылось пятнами румянца. Но выражение его лица было твердым, а ореховые глаза непреклонными. — Ты не ступишь и шагу в это человеческое королевство!

— Я сражалась на Войне, если тебе необходимо напомнить.

— Нет, — Азриэль сказал снова, не отрывая от нее пристального взгляда. Его беспокойные крылья скребли о спинку стула. — Они вздернут тебя и сделают из этого пример для других.

— Они должны будут поймать меня сначала.

— Дворец — смертельная ловушка для нашего вида, — возразил Азриэль, его голос был низким и грубым. — Он был построен руками Фэ для того, чтобы защитить людей от нас. Ты ступишь внутрь, Мор, и не сможешь выйти обратно. Почему, ты думаешь, у нас было столько проблем пробраться туда?

— Если идти на их территорию это не выход, — я вмешалась прежде, чем Мор могла высказать все, что крылось в ее характерном шипении, чтобы парировать и, конечно, ранить говорящего с теньями больше, чем она собиралась, — а обман или любые мысленные манипуляции могут заставить магию разрушить Книгу... Какое мы можем предложить доказательство?

Рис поднял голову.

— Кто такая Мириам? Кем она была Юриану, и кто такой принц, о котором вы говорили — Дрейкон? Возможно, мы... возможно, они могли бы стать доказательством. Если бы поручились за тебя.

Жар исчез из взгляда Мор, когда она поставила ступню на мох и плитку.

Но Рис расцепил пальцы рук, которые он опустил между коленями и сказал:

— Пять сотен лет назад, в годы, предшествующие войне, в южной части континента существовало королевство Фэ. Это было королевство песка, окруженного буйной дельтой реки. Черная Земля. Не было более жестокого места для тех, кому не посчастливилось родиться человеком — потому как ни один из них не рождался свободным. Они все были их рабами, принужденными строить великие храмы и дворцы для правящих Высших Фэ. У них не было шанса сбежать, не было возможности выкупить свободу. И королева Черной Земли... — Воспоминания отразились на его лице.

— По сравнению с ней, Амаранта была такой же милой, как Элейн, — пояснила Мор с чуть заметной ненавистью.

— Мириам, — продолжил Рис, — была полу-Фэ, рожденной от человеческой матери. И так как ее мать была рабыней, а ее зачатие случилось... против воли ее матери, поэтому Мириам тоже родилась в оковах, и считалась таким же человеком — без каких-либо прав на признание ее принадлежности к Фэ.

— Расскажешь полную историю в другое время, — прервала Амрен. — Суть в том, девочка, — обратилась она ко мне, — что Мириам преподнесли в качестве свадебного подарка ее суженому, иностранному принцу Фэ по имени Дрейкон. Он был в ужасе и помог Мириам сбежать. Боясь гнева королевы, она бежала через пустыню, море, в еще одну пустыню... и была найдена Юрианом. Она влилась в его мятежную армию, стала его возлюбленной и лекарем для его воинов. До разоряющей битвы, которая обнаружила ее склонность к Фэ, новым союзникам Юриана, включая принца Дрейкона. Оказалось, Мириам раскрыла Дрейкону глаза на монстра, на котором он собирался жениться. Он

разорвал свою помолвку, объединил свою армию с союзной армией людей, и искал ту красивую рабыню три года. Юриан даже не подозревал, что его новый союзник мечтает о его возлюбленной. Он был слишком сосредоточен на том, как выиграть Войну, разбить Амаранту на севере. Его навязчивая идея так овладела им, что он был слеп, чтобы увидеть Мириам и Дрейкона, которые полюбили друг друга за его спиной.

— Это не было за его спиной, — огрызнулась Мор. — Мириам порвала с Юрианом прежде, чем она даже пальцем дотронулась до Дрейкона.

Амрен пожала плечами:

— Если говорить короче, девочка, когда Амаранта безжалостно убила Юриана, и в течение многих веков после, она рассказала ему, что случилось с его любимой. Что та предала его из-за мужчины Фэ. Но все, включая Амаранту, верили, что Мириам и Дрейкон погибли во время освобождения людей из Черной Земли в конце Войны.

— Но они не погибли, — сказала я. Рис и Мор кивнули. — Это был их единственный способ сбежать. Начать все сначала где-то в другом месте, вместе с двумя их народами? — Еще одна партия кивков. — Почему бы не показать королевам это? Ты начала рассказывать им...

— Потому что, — прервал Рис, — во-первых, это ничего не говорит о моем характере, который, кажется, самый главный сдерживающий фактор для королей, а во-вторых, это будет смертельным предательством наших друзей. Их единственного желания оставаться ненайденными, мирно жить с их народом. Они достаточно сражались, истекали кровью и пострадали ради этого. Я не буду впутывать их в этот конфликт.

— Воздушная армия Дрейкона, — задумчиво произнес Кассиан, — была так же хороша, как и наша. Возможно, нам придется связаться с ним в конце концов.

Рис только тряхнул головой. Разговор окончен. И, наверное, он был прав: разоблачение мирного существования Дрейкона и Мириам ничего не объясняло о его собственных намерениях. О его собственных достоинствах и характере.

— В таком случае, что мы можем предложить им вместо этого? — спросила я. — Что мы покажем им?

Лицо Риса было мрачным:

— Мы покажем им Веларис.

— Что? — вскрикнула Мор, но Амрен шикнула на нее.

— Ты не можешь привести их сюда, — сказала я.

— Конечно, нет. Риск слишком велик, поразвлекать их в Веларисе даже одну ночь может обернуться кровопролитием, — сказал Рис. — Поэтому я планирую всего лишь показать им.

— Они могут расценить это как умственный трюк, — возразил Азриэль.

— Нет, — сказал Рис, вставая на ноги. — Я имею в виду показать им, играя по их же правилам.

Амрен щелкнула ногтями друг о друга:

— Что ты имеешь в виду, Высший Лорд?

Но Рис лишь сказал Мор:

— Отправь словечко своему отцу. Мы собираемся навестить его и мой другой двор.

Мою кровь сковало льдом. Двор Кошмаров.

Как выяснилось, существовал магический шар, который принадлежал семье Мор тысячами — Веритас. Он был наполнен магией правды, которой по ее словам она владеет, как и многие в её родословной. И Веритас был одним из их самых ценных и охраняемых артефактов.

Рис не тратил времени на планирование. Мы отправимся во Двор Кошмаров, расположенный в Вытесанном городе завтра днём. Рассеемся неподалёку от массивной горы, внутри которой он был построен, а затем пролетим остаток пути.

Мор, Кассиан и я были всего лишь призваны отвести подозрения от внезапного визита Риса, в то время как Азриэль выкрадет шар из покоев отца Мор.

Как сказал мне Рис за тихим ужином в ту ночь, шар был известен и среди людей, поскольку использовался во время Войны. Королевы должны узнать его. Знать, что шар был носителем абсолютной правды, не иллюзией и не уловкой, когда мы используем шар для того, чтобы показать им, как на картине, что Веларис и его мирные жители существуют.

Остальные предложили показать любые другие места в пределах Ночного Двора, чтобы доказать, что Ночной Лорд не какой-то жаждущий войны садист, однако Рис заявил, что ни одно из них не возымеет столь же сильный эффект как Веларис. Ради своего народа, ради всего мира, он готов предложить королевам этот кусочек правды.

После обеда, прогуливаясь по улицам, я обнаружила, что в итоге оказалась на самом краю Радуги. Ночь была в полном разгаре, покупатели и художники, а также обычные горожане спешили от одного магазина к другому, заглядывая в галереи и покупая товары.

По сравнению со сверкающими огнями и яркими красками небольшого холма, спускающегося вниз к реке впереди, улицы позади меня были наполненными тенью, сонными.

Я жила здесь уже почти два месяца, но так и не набралась смелости, чтобы зайти в квартал художников.

Но это место... Рис рискнет этим прекрасным городом, этими чудесными людьми — всем ради шанса на мир.

Может быть, им двигала вина из-за того, что Веларис жил защищённым, в то время как остальная часть Прифиана страдала; возможно, преподнесение Велариса королевам на серебряном блюде было его попыткой облегчить этот груз вины. Я потёрла грудь, чувствуя боль разросшуюся в ней.

Я сделала шаг по направлению к кварталу... и замерла.

Возможно, я должна была попросить Мор пойти со мной. Но она ушла сразу после обеда, бледная и нервная, игнорируя попытку Кассиана заговорить с ней. Азриэль поднялся в небо, чтобы связаться со своими шпионами. Он тихо пообещалходящему из угла в угол Кассиану, что найдёт Мор, когда закончит с делами.

А Рис... На него и так слишком много всего свалилось. И он не возражал, когда я заявила, что собираюсь на прогулку. Он даже не предостерег меня, чтобы я была осторожной. Было ли это доверие или абсолютная вера в безопасность своего города, или же он просто знал, как плохо я бы отреагировала, если бы он попытался предупредить меня и посоветовать не идти, я не знала.

Я тряхнула головой, чтобы очистить мысли, когда снова посмотрела вниз, на главную улицу Радуги.

Я чувствовала проблески света в этой дыре внутри моей груди последние несколько недель — проблески картин, но ничего цельного. Ничего требующего, взывающего к жизни.

Не так, как это случилось той ночью, когда я увидела его стоящим на коленях на кровати, обнаженного, с татуировками и крыльями.

Было бы глупо решиться забрести в этот квартал, во всяком случае тогда, когда он легко может быть разрушен в предстоящем конфликте. Было бы глупо влюбиться в него, когда его могут забрать у меня.

Поэтому, как трус, я развернулась и пошла домой.

Рис ждал в фойе, опираясь о лестничные перила. Его лицо было мрачным.

Я замерла на середине ковра на входе:

— Что случилось?

Его крыльев не было видно, не было даже тени от них.

— Я размышляю, попросить ли тебя остаться завтра.

Я скрестила руки.

— Я думала, что я иду.

«Не запирай меня в этом доме, не отталкивай меня в сторону».

Он провел рукой по волосам.

— Кем я должен быть завтра, в кого должен буду превратиться, это... это не то, что я хотел бы, чтобы ты увидела. Как я должен буду относиться к тебе, к другим...

— Маска Высшего Лорда, — сказала я тихо.

— Да, — он присел на нижнюю ступеньку лестницы.

Я все ещё стояла в центре фойе и осторожно спросила:

— Почему ты не хочешь, чтобы я это видела?

— Потому что ты едва перестала смотреть на меня так, словно я монстр, и я не могу смириться с мыслью, что то, что ты увидишь завтра, будучи под этой горой, вернёт тебя обратно туда, где я нашёл тебя.

Под горой — под землёй. Да, я и забыла об этом. Забыла, что я увижу Двор, по подобию которого Амаранта создала свой собственный, забыла, что я окажусь в ловушке под землёй...

Но с Кассианом, Азриэлем, Мор. С ним.

Я ждала паники, прошибающего холодного пота... Но ничего не было.

— Позволь мне помочь. Любым возможным путём.

Мрак затуманил звёздный свет в его глазах.

— Роль, которую тебе придётся сыграть не самая приятная.

— Я доверяю тебе, — я села на ступеньку рядом с ним, достаточно близко для того, чтобы жар его тела согрел прохладный ночной воздух, цепляющийся к моему пальто. — Почему Мор выглядела такой обеспокоенной, когда уходила?

Его горло дернулось. Я была уверена, что гнев и боль были тем, что удержало его от того, чтобы ответить сразу, а не недоверие. Через некоторое время он сказал:

— Я был там, в Высеченном городе, в тот день, когда её отец объявил, что продал её для женитьбы Эрису, старшему сыну Высшего Лорда Осеннего Двора.

Брат Люсьена.

— Эрис был известен своей жестокостью, и Мор... умоляла меня не дать этому случиться. Несмотря на всю её силу, на все её неистовство, она не имела голоса, не имела прав среди этих людей... а моего отца не особенно волновало, если его двоюродные братья использовали своё потомство в качестве племенного скота.

— Что произошло? — я затаила дыхание.

— Я отнёс Мор в лагерь иллирийцев на несколько дней. Там она увидела Кассиана и решила, что сделает единственную вещь, которая способна разрушить её ценность для этих людей. Я узнал об этом уже после того, как все произошло... И это был скандал. С Кассианом, с ней, с нашими семьями. Но это уже другая история, и если вкратце, то Эрис отказался жениться на ней. Сказал, что она была запятнана ублюдком низших фэ, и он скорее трахнет свинью. Её семья... Они...

Я никогда не видела его неспособным найти слов. Рис прочистил горло:

— Когда они закончили, то бросили ее на границе Осеннего Двора с прибитой к её телу гвоздями запиской, где говорилось, что теперь она была проблемой Эриса.

Приколоченной гвоздями... Они *прибывали к ней гвозди*.

Рис сказал с тихой яростью:

— Эрис оставил её умирать среди лесов. Азриэль нашёл её днём позже. Это было единственное, что я мог сделать для того, чтобы удержать его и не дать пойти в любой из этих двух Дворов и вырезать их всех.

Я подумала об этом весёлом лице, легкомысленном смехе, о женщине, которой не требуется чьё-либо одобрение. Быть может, потому что она видела самых уродливых, самых худших из всех представителей её вида. И выжила.

И я поняла, почему Рис не мог выдержать Несту дольше, чем несколько мгновений, не мог отпустить гнев, который в нем вызывали её недостатки, даже если я могла.

Огонь Берона начал потрескивать в моих венах. Мой огонь, не его. Ни, тем более, его сына.

Я взяла руку Риса, и его большой палец коснулся задней части моей ладони. Я постаралась не думать о чувстве облегчения от этого прикосновения, когда произнесла твёрдым и спокойным голосом, который сама едва узнала:

— Расскажи мне, что я должна делать завтра.

Нет, я не была напугана.

Ни из-за той роли, которую Рис попросил меня исполнить сегодня. Ни из-за ревущего ветра, когда мы рассеялись к знакомой, укрытой шапками снега горной цепи, упорно отказывающей поддаться пробуждающему поцелую весны. Ни из-за резкого пикирования, когда Рис пролетал мимо горных пиков и долин, изящно и стремительно. Кассиан и Азриэль прикрывали нас с флангов; Мор встретит нас у врат, расположенных у самого основания горы.

Лицо Риса застыло, его плечи под моими руками были напряжены. Я знала, чего ожидать впереди, и всё же... даже после того, как он объяснил мне, что я должна делать, даже после того, как я согласилась, он всё ещё был... отстранённым. Обеспокоенным.

Я поняла, что он волнуется обо мне.

И из-за этого напряжения, лишь для того, чтобы стереть это выражение с его лица, хотя бы на эти несколько минут, что нам оставались до того, как мы лицом к лицу столкнёмся с его ужасающим царством под этой горой, я сказала сквозь свист ветра:

— Амрен и Мор рассказали мне, что размах крыльев иллирийского воина может многое рассказать о размере... некоторых других частей его тела.

Его глаза метнулись ко мне, а затем опустились на поросшие елями склоны внизу.

— Вот как....

Я сжалась в его объятьях, стараясь не думать о его обнаженном теле той ночью несколько недель назад... хотя я увидела не так уж и много.

— А ещё они сказали, что размах крыльев у Азриэля самый большой.

Шаловливый огонёк заиграл в его прекрасных фиолетовых глазах, смывая прочь холодную отстраненность, разделявшую нас, стирая напряжение с его лица. Командир шпионов сейчас был лишь тёмной точкой в ясном синем небе.

— Когда вернёмся домой, найдем мерную палку и выясним это. Что думаешь?

Я ущипнула его за предплечье, мышцы были твёрдые, будто гранит. Рис одарил меня коварной улыбкой, прежде чем начать молниеносно снижаться...

Горы и снег, и деревья, и стремительное свободное падение сквозь завихрения облаков...

Придушенный стон вырвался из меня во время этого резкого падения. Обвить руками его шею было инстинктом. Его негромкий смех пощекотал мой затылок.

— Ты готова столкнуться с тьмой, окружающей меня и вызвать свою собственную, готова шагнуть в смертельную подводную ловушку и лицом к лицу сойтись с Ткачихой, однако небольшое свободное падение заставляет тебя кричать?

— В следующий раз, когда тебе приснится кошмар, я оставлю тебя задыхаться в нём, — прошипела я, мои глаза всё ещё были зажмурены, и всё тело напряжено, когда он расправил крылья, чтобы мягко спланировать.

— Не думаю, что ты так поступишь, — пропел он, — тебе слишком нравится любоваться моим обнаженным телом.

— Придурик.

Его смех рокотал у моего уха. Я закрыла глаза, ветер ревел вокруг нас будто дикий зверь; я устроилась поудобнее и сильнее прижалась к Рису. Мои пальцы слегка коснулись

одного крыла... мягкого и прохладного, будто шелк, но твердого, словно камень, когда оно туго натянуто.

Восхитительно. Я снова потянулась... и осмелилась провести кончиком пальца по внутренней стороне крыла.

Рис вздрогнул, и тихий стон коснулся моих ушей.

— Это, — сказал он глухо, — заставляет меня чувствовать очень многое.

Я отдернула руку и отстранилась, чтобы увидеть его лицо. Из-за порывов ветра мне пришлось прищуриться, и мои волосы разлетались во все стороны, но... его лицо было полностью сосредоточенно на горах вокруг нас.

— Это щекотно?

Он скользнул взглядом по мне, а затем опять на нескончаемый снег и ели.

— Это похоже вот на это, — промурлыкал Рис склоняясь ко мне так низко, что его губы задели мочку моего уха, посылая легкий выдох к моей шее. Моя спина инстинктивно выгнулась, а подбородок вскинулся вверх, послушно подставляя шею ласке этого дыхания.

— Оу, — едва смогла выдохнуть я. Я почувствовала как он улыбнулся у моего уха и отстранился.

— Если хочешь привлечь внимание иллирийца, лучше уж схвати его за яйца. Мы натренированы защищать свои крылья любой ценой. Если прикоснуться к крыльям иллирийца без разрешения, многие из них сначала атакуют, а потом будут разбираться.

— А во время секса? — вопрос вырвался у меня совершенно неожиданно.

Лицо Риса выражало лишь изумление и кошачий восторг, когда он изучал окружающие нас горы.

— Во время секса иллириец может достичь разрядки от одного лишь прикосновения к его крыльям в нужном месте.

Моя кровь загудела. Мы ступили на опасную территорию, более опасную, чем падение вниз.

— Ты убедился в этом на собственном опыте?

Его глаза раздевали меня.

— Я никогда и никому не позволял увидеть мои крылья во время секса. Это делает уязвимым в такой форме... которая мне не нравится.

— Какая жалость, — сказала я, слишком непринужденно разглядывая величественную гору, появившуюся на горизонте и возвышающуюся над остальными. И на самой ее вершине я заметила сияющий дворец из лунного камня.

— Отчего же? — осторожно спросил Рис.

Я пожала плечами, и едва сдерживая улыбку, проворковала:

— Готова поспорить, что ты можешь принять весьма интересные позы с этими крыльями.

Рис расхохотался и очертил кончиком носа раковинку моего уха. Я почувствовала, что он приоткрыл рот, чтобы прошептать что то, как вдруг...

Нечто тёмное, быстрое и вёрткое едва не задело нас, Рас выругался и спикировал вниз.

Нас атаквали вновь и вновь.

И я поняла, что это были не обычные стрелы, когда Рис, увернувшись, сумел схватить одну из них. Другие стрелы отскочили, не задев нас, от невидимого щита, которым он мгновенно нас окружил.

Рис осмотрел стрелу в своей руке и с шипением отбросил её. Стрелы из ясеня.

Изготовленные, чтобы убивать бессмертных.

И сейчас я тоже была одной из них...

Быстрее ветра, быстрее смерти, Рис метнулся к земле. Летел, а не рассеивался, потому что хотел разглядеть, где прячутся наши враги, не хотел потерять их след. Ветер бил меня по лицу, оглушительно ревел в ушах и будто когтями рвал волосы.

Азриэль и Кассиан уже неслись к нам. Вокруг обоих мерцали полупрозрачные щиты, синий и красный... стрелы отскакивали от них. Отличная работа Сифонов.

Поток стрел, летящий в нас из елового леса, покрывающего гору, внезапно иссяк.

Рис с силой ударился о землю при приземлении, и снег широким веером разлетелся вокруг нас, смертельный гнев исказил его лицо, такого гнева я не видела с того последнего памятного дня при дворе Амаранты. Я почувствовала этот гнев рядом с собой, почувствовала, что им пропитан сам воздух прогалины, на которой мы сейчас стояли.

Азриэль и Кассиан приземлились рядом с нами через мгновение, цветные щиты сжались, возвращаясь в Сифоны. Все трое казались мощью самой природы, находясь здесь, среди древних сосен; Рисанд не взглянул на меня, отдавая приказ Кассиану:

— Отнеси её во дворец и оставайся там, пока я не вернусь. Аз, ты со мной.

Кассиан сделал шаг ко мне, но я увернулась.

— Нет.

— Что? — прорычал Рис, слова почти застредали в его горле.

— Возьми меня с собой, — ответила я. Ни за что не отправлюсь в этот дворец из лунного камня метаться из угла в угол и заламывать руки в тревожном ожидании.

Кассиан и Азриэль мудро не проронили ни слова. И Рисанд, благослови его Мать, лишь сложил крылья и скрестил на груди руки — в ожидании моих аргументов.

— Я имела дело со стрелами из ясеня, — сказала я, задыхаясь, — я смогу понять, где они были сделаны. И распознаю, если они побывали в руках кого-либо из Высших Лордов... — И если их послал Тарквин... — Я смогу распознать их запах в воздухе и на земле не хуже любого из вас... — Исключая Азриэля, наверное, — Так что ты и Кассиан ведите поиск с воздуха, — продолжила я, все еще ожидая, что Рис прервет меня и отдаст приказ меня запереть, — а я поищу на земле с Азриэлем.

Гнев, витавший в морозном воздухе поляны сменился ледяной, слишком спокойной яростью. Но Рис приказал:

— Кассиан... необходимо организовать воздушные патрули на морских границах, по окружностям на расстоянии в две мили, от самого Хайберна и до наших земель. Поставь патрули из пехотинцев на всех горных перевалах вдоль южной границы и убедись, что сигнальные огни на всех горных пиках в полном порядке. Мы не можем уповать на магию. — Он повернулся к Азриэлю. — Когда закончишь, предупреди своих шпионов, что возможно они раскрыты и подготовь для них безопасный отход. Отправь других на их место. Мы будем держать все в секрете. Никому при этом дворе не рассказывать о том, что только что здесь произошло. Если кто-либо заговорит об этом, скажите, что это были учения.

Я понимала: мы не можем никому позволить обнаружить нашу слабость, даже среди его подданных.

Глаза Риса наконец встретились с моими.

— У нас есть всего час до того, как нам нужно быть при дворе. Используем его с пользой.

Мы искали всюду, но упавшие стрелы исчезли, нападавшие забрали их... и ни тени, ни ветер ничего не рассказали Азриэлю, как будто наши враги были скрыты даже от них.

Уже во второй раз враг точно знал, где находимся я и Рис.

Мор нашла меня и Азриэля спустя двадцать минут, желая знать, что за чертовщина произошла. Мы коротко рассказали ей о происшествии, и она рассеялась обратно ко двору, чтобы наплести любую убедительную историю для своей ужасной семьи, чтобы ни у кого не закралось подозрений по поводу нашей задержки.

Однако спустя час поисков мы так и не обнаружили ни следа. И дольше задерживаться нам было нельзя.

Двор Кошмаров располагался за массивными воротами, выточенными в толще скал, и прямо от входа гора вздымалась так высоко, что я не могла разглядеть дворец на ее вершине. Лишь снег и камень, и кружащие высоко в небе птицы. Снаружи никого не было: никаких поселений, никаких признаков жизни. Ничего, указывающего на то, что за этими воротами раскинулся целый город.

Однако я не позволила ни любопытству, ни волнению отразиться на моём лице, входя внутрь вместе с Мор. Рисанд, Кассиан и Азриэль появятся через несколько минут после нас.

Каменные ворота охраняли стражи, однако они были одеты не в чёрное, как я могла предположить, а в серое и белое — чтобы доспехи сливались с окружающим ландшафтом. Мор даже не взглянула на них, молча уводя меня вглубь горы-города.

Всё мое тело напряглось, когда меня окутала тьма, запах камня, огня и жарящегося на открытом пламени мяса. Я была здесь раньше... страдала здесь...

Это не Под Горой. Это не Под Горой.

В самом деле, двор Амаранты был лишь детской забавой.

Двор Кошмаров был творением божества.

Подгорье Амаранты состояло лишь из нескольких коридоров, залов и комнат, расположенных в нескольких уровнях, но это... это был настоящий город.

Путь, которым Мор вела нас вниз, был настоящей широкой улицей, и вокруг нас по обе стороны в сумрачных тенях высились здания и спиральные лестницы, дома и мосты. Настоящая столица, высеченная прямо из тёмного камня горы, и всё было сплошь покрыто резьбой, прекрасной и ужасной одновременно. Фигуры, движущиеся в танце и прелюбодействующие, умоляющие и пирующие. Колонны были как будто увиты вьющимися стеблями ночных цветов, вырезанных из камня. Вода бежала в небольших ручьях и речках, берущих начало в самом сердце горы.

Высеченный Город. Место красоты столь ужасающей, что мне стоило огромного труда сдержать восхищение и страх, и сохранить на лице отсутствующее выражение. Где-то уже звучала музыка, но наши хозяева всё ещё не вышли, чтобы поприветствовать нас. Проходящие мимо — сплошь Высшие Фэ — были богато одеты, но их лица были смертельно бледными и холодными. Никто не остановил нас, никто не улыбнулся, не поклонился.

Мор проигнорировала их всех. Мы с ней не обменялись ни словом. Рис предупредил меня не делать этого, сказал, что в этом месте даже у стен есть уши.

Мор вела меня вниз по улице к другим каменным воротам, распахнутым и ведущим в замок, высеченный внутри горы. Официальная резиденция Высшего Лорда Ночного Двора.

На этих воротах были вырезаны огромные чешуйчатые существа черного цвета,

сплетенные вместе в клубок, ошетилившийся когтями и клыками. Одни из них спали или сражались, некоторые сцепились в замкнутый круг, пожирая друг друга. Между ними всеми вились стебли жасмина и лунных цветов. Я могла поклясться, что существа, казалось, извиваются в серебристом свете фэйских огней, качающихся над городом-горой. Врата Вечности — так бы я назвала картину, промелькнувшую у меня в голове.

Мор вошла в ворота, словно вспышка цвета и жизни в этом странном, холодном месте.

Её наряд был глубокого красного цвета, газовая ткань и кисея платья без рукавов подчеркивали её грудь и бедра, а умело продуманные вырезы, оголяли спину и живот. Её волосы ниспадали свободными локонами, золотые обручи охватывали запястья. Королева... королева, которая не склонится ни перед кем, королева, бросившая вызов всем им и победившая. Королева и хозяйка своему телу, своей жизни, своей судьбе, та, что никогда не будет извиняться за это.

Моё одеяние — Мор улучила момент в еловом лесу, чтобы натянуть его на меня — было таким же, нет, пожалуй практически идентичным тому, что мне приходилось носить Под Горой. Две полоски ткани, которые едва прикрывали мою грудь, перетекали вплоть до пупка, где пояс на моих бедрах соединял их в одну длинную полоску, которая струилась меж моих ног, и едва закрывала мой зад.

Однако в противоположность лёгкой ткани и ярким расцветкам тех нарядов, это платье было сделано из чёрной, сверкающей ткани, которая мерцала при каждом движении моих бёдер.

Мор уложила мне волосы в виде короны... позади чёрной диадемы, украшенной бриллиантами, сияющей, словно звёздное небо. Она подкрасила мне ресницы, сделав их темнее и длиннее, и подвела глаза, проведя элегантную, дьявольскую линию сурьмой с внешнего уголка глаз. Мои губы она покрасила в цвет крови.

Итак, мы шли дальше в замок под горой. Здесь было ещё больше Фэ, слоняющихся в бесчисленных залах, пристально следящих за каждым нашим вдохом. Некоторые походили на Мор, золотоволосые и прекрасные лицом. Они даже шипели ей вслед.

Мор оскалилась им в ответ. Часть меня желала, чтобы она переломала им шеи.

Наконец, мы вошли в тронный зал из отшлифованного до блеска черного дерева. Еще больше змей с парадных ворот было вырезано здесь — они обвивали бесчисленные колонны, что поддерживали потолок из оникса. Его свод был настолько высок, что мрак скрывал наиболее тонкие детали, однако я знала, что там, наверху, всё тоже было украшено резьбой. В виде огромных существ, наблюдающих за всеми кознями и интригами, происходящими в этом зале. За самим тронном было вырезано еще несколько таких фигур, их головы извивались позади него с двух сторон... казалось, что они охраняют Высшего Лорда.

Здесь собралась целая толпа, и, на мгновение, я будто вновь оказалась в тронном зале Амаранты, столь же схожей была атмосфера — витающая в воздухе злоба и порочность. Таким же знакомым казалось и возвышение напротив.

Золотоволосый, красивый мужчина преградил нам путь к этому черному как смоль трону, и Мор мягко остановилась. Без слов мне стало ясно, что это был её отец.

Он был одет в чёрное, голову венчал серебряный обруч. Его карие глаза были словно старая земля, абсолютно безжизненными, когда он бросил ей:

— Где он?

Никакого приветствия, никакой формальности. Меня и вовсе проигнорировали.

Мор пожала плечами.

— Он прибудет, когда захочет.

И прошла дальше.

Тогда её отец взглянул на меня. И я натянула на лицо холодную маску, как у Мор. Скучающую. Надменную.

Он осмотрел мое лицо, тело... я ожидала насмешек и похотливой гримасы, но лицо его не выражало ничего. Ни малейших эмоций. Лишь холодное бессердечие.

Я поспешила вслед за Мор раньше, чем отвращение прорвалось бы сквозь мою собственную ледяную маску равнодушия.

Вдоль чёрных стен располагались пиршественные столы, уставленные мясистыми, сочными фруктами, кругами золотистого хлеба, перемежающимися с мясом, жаренным на открытом огне, кувшинами с сидром и элем, пирогами и тортами и выпечкой всевозможного размера и вида.

Возможно, у меня бы потекли слюнки при виде всего этого... если бы не эти Высшие Фэ вокруг в своих лучших нарядах. Если бы не тот факт, что никто из них не прикоснулся к еде — демонстрация власти и богатства — оставить всё это великолепие нетронутым, приготовленным напрасно.

Мор направлялась прямо к обсидиановому возвышению, и я осталась стоять у подножия его ступеней, пока она устраивалась на своем месте возле трона и затем возвестила толпу голосом громким, жестоким и хитрым:

— Ваш Высший Лорд приближается. И он в дурном настроении, так что мой вам совет: ведите себя очень, очень хорошо, если конечно не хотите стать его вечерним развлечением.

И прежде, чем по рядам собравшихся успел пробежать шепот, я почувствовала его. Почувствовала... Его.

Сам каменный пол, казалось, задрожал под моими ногами — пульсирующие, ровные удары.

Его шаги. Будто сама гора содрогалась при каждом его шаге.

Все в зале в одно мгновение затихли, воцарилась смертельная тишина. Будто парализованные страхом, что даже лёгкий вздох, малейшее движение, может привлечь внимание хищника, неспешно приближающегося к нам.

Плечи Мор были расправлены, подбородок высоко поднят — почти животная, зверская гордость из-за появления своего хозяина.

Вспомнив свою роль, я склонила голову, наблюдая из-под опущенных ресниц.

Кассиан и Азриэль появились первыми. Генерал и говорящий с тенями Высшего Лорда — два самых могущественных иллирийца в истории.

Они были не теми мужчинами, которых я знала.

Затянутые в чёрные боевые доспехи, подчеркивающие мощь их мускулов, в чешуйчатую, замысловатую броню. Невозможно, но плечи мужчин казались как-будто еще шире, а их лица словно были портретом бесчувственной жестокости. Чем-то иллирийцы напомнили мне чудовищ, выточенных на колоннах, мимо которых они сейчас проходили.

Еще несколько мерцающих Сифонов, как я заметила, добавились к тем, что обычно располагались поверх их рук. По одному Сифону в центре груди, по одному на каждом плече и колене.

На мгновение, у меня задрожали колени, и я поняла, почему лорды лагерей были от них в ужасе. Если один Сифон — это все, что большинству иллирийцев требовалось, чтобы усмирить и направить свою боевую мощь... У Кассиана и Азриэля их было по семь у

каждого. Семь.

Придворные имели мудрость отступить на шаг назад, освобождая Кассиану и Азриэлю путь к трону. Их крылья блестели, а когти на их концах были так остры, что, казалось, разрезают воздух... будто они специально их отточили.

Внимание Кассиана переместилось прямо на Мор, Азриэль бросил на нее лишь короткий взгляд, а затем стал изучать собравшихся. Большинство из них избегали встречаться взглядом с командиром шпионов... и задрожали при виде Говорящего Правду на его бедре, и иллирийского меча, перекинутого через его левое плечо.

Азриэль со своей маской прекрасной смерти на лице, молчаливо обещал им бесконечные, невыносимые муки ада, и даже тени дрогнули под его шагами. Я знала почему, знала из-за кого он с огромным удовольствием выполнил бы это обещание.

Они попытались продать семнадцатилетнюю девушку, выдать её замуж за садиста... а потом подвергли её такому насилию, что я даже не могла и не хотела представлять. И теперь эти люди жили в страхе и ужасе перед тремя моими спутниками, что стояли на возвышении.

Хорошо. Им следует их бояться.

Как и меня.

И затем появился Рисанд. Сейчас он не пытался сдерживать свою мощь, свою сущность. Его сила заполнила весь тронный зал, весь замок, саму гору. Весь мир. Она не имела ни конца, ни начала.

Не было крыльев. Никакого оружия. Ни одного признака воина. Ничего, лишь Высший Лорд, элегантный, жестокий, каким его представлял весь мир. Его руки были в карманах, а черная туника, казалось, поглощала свет. И его голову венчала корона из звезд.

Ни следа мужчины, который пил на крыше; ни единой черты падшего принца, стоящего на коленях на кровати. Ничем не сдерживаемая мощь его присутствия грозила смести меня, смять меня.

Вот он... вот самый могущественный Высший Лорд, который когда-либо родился на земле.

Воплощение снов и кошмаров.

Глаза Риса мимолетом встретили мой взгляд с другого конца зала, пока он шел между колоннами. К трону, который был его по крови, и жертве, и воле. Моя собственная кровь пела перед силой, что сходила от него, пульсировала в нем, перед его совершенной, абсолютной красотой.

Мор спустилась с возвышения и грациозно опустилась на одно колено. Кассиан и Азриэль поступили также.

Как и все присутствующие в зале.

Также как и я.

Чёрный как смоль пол был так отполирован, что я увидела в отражении свои губы, окрашенные в ярко красный цвет, и свое безучастное выражение лица. В зале царила такая тишина, что я слышала каждый шаг Риса по направлению к нам.

— Так, так, — сказал он, ни к кому не обращаясь, — похоже, в этот раз все явились вовремя.

Подняв голову, всё еще коленапреклоненный, Кассиан бросил Рису полуухмылку — воплощение главнокомандующего Высшего Лорда, готового пролить за него кровь.

Сапоги Риса остановились прямо перед моими глазами.

Его пальцы били ледяными, когда он приподнял мою голову за подбородок.

Все в зале не спускали с меня глаз, всё ещё не вставая с колен. Но такова была моя роль сегодня. Отвлекать внимание и быть новой забавой. Губы Риса приподнялись в подобии улыбки.

— Добро пожаловать в мой дом, Фейра Разрушительница Проклятия.

Я опустила глаза, и тяжелые от косметики ресницы защекотали щёки. Он цокнул языком и сильнее сжал мой подбородок. Все заметили, каким сильным было нажатие его пальцев и каким хищным наклон головы, когда он приказал:

— Следуй за мной.

Он потянул меня за подбородок, и я поднялась с колен. Рис неспешно оглядел меня, и я подумала, был ли блеск в его глазах лишь частью спектакля.

Он повёл меня по ступеням на возвышение, к трону. Затем сел, чуть улыбаясь при виде своего чудовищного двора. Ему принадлежал каждым дюйм этого трона. И каждый подданный.

Одним рывком за талию он усадил меня к себе на колени.

Шлюха Высшего Лорда. Та, кем я стала Под Горой... та, кем весь мир предполагал, что я была. Опасная новая игрушка, которую отец Мор захочет прощупать.

Рис скользнул одной рукой вокруг моей голой талии, другая его рука двинулась вниз по моему обнаженному бедру. Холодные, его руки были настолько холодными, что я едва сдержала вскрик.

Рис наверняка почувствовал, как я безмолвно содрогнулась. Секундой позже его руки нагрелись. Большой палец, кружащий около внутренней части моего бедра, очертил неспешную, длинную линию, будто молчаливое «*прости*».

Рис в самом деле наклонился и приблизил губы к моему уху, прекрасно осознавая, что его подданные всё ещё не поднялись с пола. Как будто однажды в прошлом они уже раз поднялись без разрешения, и с тех пор помнили о последствиях такой неосмотрительности. Рисанд прошептал мне, другой рукой теперь лаская оголенную кожу моих ребер, выводя на ней медленные, ленивые круги:

— Постарайся не брать в голову.

Я знала, что все его слышат. И он тоже это знал.

Я посмотрела на склоненные головы подданных, моё сердце учащенно билось, но я спросила мягким, полночным шепотом:

— Что именно?

Дыхание Риса коснулось моего уха, нежная ласка, точная копия той, что он подарил мне менее часа назад в небе.

— Что каждый мужчина здесь раздумывает, что готов отдать, чтобы почувствовать на своем теле твой прелестный красный ротик.

Я ожидала, что сейчас мои щёки вспыхнут, и меня захлестнёт смущение.

Но я *была* красивой. И сильной.

Я выжила и победила. Как и Мор выжила в этом страшном, ядовитом месте...

Так что я лишь слегка улыбнулась, первая улыбка, тронувшая моё лицо-маску. Позволяя всем рассмотреть свой прелестный красный ротик и белые ровные зубы.

Его рука скользнула выше по моему бедру — собственнический жест мужчины, знающего, что он является хозяином чьего-то тела и души. Рис заранее попросил у меня прощения за это — за эту нашу игру, наши роли, которым мы должны будем следовать.

Однако я позволила себе поддаться этому касанию, прижаться к его сильному, тёплому

телу. Я была так близко к нему, что почувствовала телом, как глубоко пророкотал его голос, когда он наконец бросил подданным:

— Поднимитесь.

Все встали, как один. Я ухмыльнулась некоторым из них, восхитительно скучающая и бесконечно забавляющаяся.

Рис провёл костяшками пальцев по внутренней стороне моего колена, и каждый нерв моего тела напрягся, а весь мир сузился лишь до этого касания.

— Развлекайтесь, — проронил он присутствующим.

Все подчинились и рассеялись по залу, а в дальнем углу зазвучала музыка.

— Кейр, — позвал Рис, и его голос разрезал зал будто молния тёмную ночь.

Одно это слово, и отец Мор поспешил к подножию трона. Кейр снова преклонил колена, хотя его лицо выражало холодную неприязнь, когда он посмотрел на Риса, и затем на меня... и бросил быстрый взгляд на Мор и обоих иллирийцев. Кассиан медленно кивнул ему, давая знать, что помнит... и никогда не забудет, что сделал со своей собственной дочерью наместник Вытесанного Города.

* * *

Но это был Азриэль, перед кем Кейр съежился в страхе. При виде Говорящего Правду.

Однажды, я вдруг осознала это, Азриэль использует этот клинок на отце Мор. И будет разделять того на кусочки очень, очень медленно.

— Отчитайся, — приказал Рис, продолжая проводить костяшками пальцев по моим ребрам. Кивком головы он отпустил Кассиана, Мор и Азриэля, и троица затерялась в толпе. За одно мгновение Азриэль растворился в тенях и исчез. Кейр даже не оглянулся.

Рядом с Рисом Кейр выглядел угрюмым мальчишкой. Но я знала, что отец Мор был гораздо, гораздо старше. Уже далеко не юноша. И судя по всему, наместник льнул к власти...

А Рис был воплощением власти.

— Добро пожаловать, милорд, — промолвил Кейр глубоким мягким голосом. — Рады приветствовать и вашу... гостью.

Рука Риса замерла на моем бедре, когда он повернул голову, чтобы посмотреть на меня.

— Она просто прелесть, не правда ли?

— В самом деле, — согласился Кейр, опуская глаза. — У нас не много новостей, милорд. Всё спокойно со времени Вашего последнего визита.

— И что, даже наказывать некого? — кот, играющий с едой.

— Нет. Разве что вы желаете, чтобы я выбрал кого-нибудь из присутствующих, милорд.

Рис прищелкнул языком.

— Какая жалость, — затем он вновь посмотрел на меня, склонился и прикусил зубами мне мочку уха.

И провалиться мне в ад, но я еще сильнее прильнула спиной к нему, ощущая, как он сомкнул зубы в тот же момент, когда его большой палец, поднимающийся по моему бедру, провел по нежной, чувствительной коже долгим, роскошным касанием. Мое тело ослабло, и одновременно напряглось, а мое дыхание... Котёл побери меня еще раз! Запах Рисанда, цитрус и море, мощь, исходящая от него... мое дыхание сбилось...

Я знала, что он заметил, ощутил эту перемену во мне.

Его пальцы замерли на моем бедре.

Кейр принялся говорить о незнакомых мне придворных, скучных сообщениях о браках и союзах, кровавых расправах. Рис позволил ему говорить.

Его большой палец вновь коснулся меня... в этот раз вместе с указательным.

Приглушенное рычание наполняло мои уши, и в этом звуке тонуло всё, кроме этого скользкого прикосновения к внутренней стороне моего бедра. Музыка в зале была пульсирующей, древней, дикой, и люди прижимались друг к другу, танцуя под нее.

Не спуская глаз с наместника, Рис неопределённо кивал ему время от времени. В то время как его пальцы продолжали ласкать мои бедра, медленно, уверенно, постепенно поднимаясь всё выше.

Все смотрели на нас. Они ели и пили, некоторые танцевали по кругу, но все они не отрывали от нас глаз. Я сидела на его коленях, его личная игрушка, и каждое его движение, каждая ласка была видна всем... и всё же я чувствовала, будто мы здесь одни.

Кейр показал счета и затраты на управление двором, и Рис опять кивнул ему. На этот раз я почувствовала, как его нос задел чувствительную кожу между моей шеей и плечом, и вот ту же лёгкую ласку повторяют его губы.

Моя грудь напряглась, отяжелела, налилась желанием — желанием, которое сейчас разлилось в самом центре моего тела. Жар залил мне лицо, запылал в крови.

И наконец, будто его самоконтроль внезапно сорвался с поводка, Кейр произнёс:

— Я слышал разговоры и не мог поверить, — он уперся в меня взглядом, на мою грудь, проглядывающую сквозь полосы платья, на мои ноги, расставленные чуть шире, чем несколько минут назад, и руку Риса, лежащую на опасной территории моего тела. — Но похоже это правда: у питомца Тамлина теперь новый хозяин.

— Видел бы ты, как я заставляю её умолять, — промурлыкал Рис, и кончиком носа провел по моей шее.

Кейр сложил руки за спиной.

— Полагаю, ты привёл её, чтобы этим сделать какое-то заявление.

— Ты знаешь, что всё что я делаю, это заявление.

— Конечно. Вот это заявление, судя по всему, тебе нравится обряжать в паутину и короны.

Рука Риса замерла, и я выпрямилась из-за безразличия в тоне Кейра. Голосом вовсе не похожим на мой, я сказала:

— Пожалуй, я решу одеть поводок на тебя.

Одобрение Риса коснулось моего ментального щита, рука на моих ребрах вновь выписывала ленивые круги.

— Она любит поиграть, — мечтательно произнёс он у моего плеча. А затем повернул голову к наместнику: — Принеси ей вина.

Чистый приказ. Ни тени вежливости.

Кейр напрягся, однако пошел выполнять.

Рис не мог выйти из образа, но невесомый поцелуй под моим ушком сказал мне достаточно. Извинение и благодарность... и ещё извинения. Ситуация нравилась ему не больше, чем мне. Однако для достижения нашей цели, чтобы выиграть время для Азриэля... он был готов продолжать. И я тоже.

Ощущая его руки под моей грудью и меж моих ног, я спрашивала себя, есть ли такая часть себя, которую Рис не отдал бы. Спрашивала себя, что... что если высокомерие и бахвальство... прятали под собой мужчину, считающего, что на самом деле он ничего не

стоит.

В зале зазвучала другая песня, текущая, словно мёд... обернувшийся стремительным ветром, прерываемым зажигающим, беспощадным ритмом барабанов.

Я повернулась, всматриваясь в лицо Риса. Не было тепла в этих глазах, ничего от друга, котором он мне стал. Я приоткрыла мысленный щит, чтобы впустить его.

«*Что?*» — его голос прозвучал в моей голове.

Я скользнула по нашей связи на другую сторону, ласково коснулась стены из чёрного адаманта. Приоткрылась крошечная трещинка... лишь для меня. И я сказала сквозь нее:

«*Ты хороший, Рис. Ты добрый. Эта маска не пугает меня. Я вижу тебя под ней.*»

Его руки крепче сжали меня, а глаза удерживали мой взгляд, когда он склонился и поцеловал меня в щёку. Это было достаточным ответом... и... тем, что спустило меня с цепи.

Я прижалась к нему еще чуть ближе, разведя колени слегка шире.

«*Почему ты остановился?*» — спросила я его мысленно.

Едва слышное рычание отдалось напротив меня. Его руки снова ласкали меня, подчиняясь ритму музыки, поднимаясь всё выше, его большой палец вот-вот коснется нижней части моей груди.

Я запрокинула голову на его плечо.

Я отпустила ту часть меня, что слышала шепот всех вокруг: *шлюха, шлюха, шлюха...*

Отпустила часть меня, что вторила им: *предательница, лгунья, шлюха...*

Я позволила себе быть.

Быть этой музыкой, барабанами и чем-то диким, темным в руках Высшего Лорда.

Глаза его полностью затуманились, и не силой или яростью. Что-то обжигаяще красное вперемешку со сверкающей тьмой взорвалось в моей голове.

Я провела рукой по его бедру, ощущая скрытую силу воина. Провела еще раз в медленном, томном касании, ощущая необходимость дотронуться до него, почувствовать его.

Я ощутила нестерпимый жар, чувствовала, что вот-вот вспыхну как факел. Я была готова загореться прямо здесь, перед всеми.

«Спокойно, — сказал он с дьявольским удивлением и восторгом сквозь трещину в моем ментальном щите. — *Если ты превратишься в живой пылающий факел, бедняга Кейр впадет в истерику. И ты испортишь всем веселье.*»

Потому как огонь покажет им всем, что я не была такой как все... и Кейр без сомнения об этом расскажет своим почти что союзникам — Осеннему Двору. Либо это сделает любой другой из этих чудовищ.

Рис переместил бедра, и, на мгновение, прижал меня к себе так крепко, что для меня потеряли значение и Кейр, и Осенний Двор, и что делает сейчас Азриэль, чтобы выкрасть шар.

Мне было так холодно, так одиноко уже так давно, и мое тело молило о об этой близости, трепетало от радости прикосновений и объятий, от радости ощущать себя *живой*.

Рука Риса, лежавшая на моей талии, скользнула по моему животу, цепляясь за пояс на моих бедрах. Я опустила голову на его плечо у его шеи, и взглянула на толпу, которая глядела на нас, на все те точки соприкосновения между мной и Рисом, жадно ловила каждый наш жест, и жаждала: ещё, ещё, ещё.

Наконец, когда кровь моя уже кипела, когда костяшки пальцев Риса скользили по

нижней части моей груди, я посмотрела туда, где стоял Кейр, разглядывая нас с позабытым вином в руках.

Мы оба посмотрели.

Наместник разглядывал нас без тени смущения, опершись о стену. Не зная, можно ли прервать нас. На половину не осмеливаясь это сделать. Мы должны были его отвлечь. *Мы* были уловкой фокусника, пока Азриэль ищет шар.

Я знала, что Рис все еще удерживает взгляд Кейра, проводя кончиком языка по моей шее.

Я выгнула спину, глаза томно прикрыты, а дыхание сбилось. Я загорюсь, загорюсь, загорюсь...

«*Думаю, он испытывает такое отвращение, что отдал бы мне шар по своей воле, только бы отсюда уйти*», — сказал Рис в моей голове, а другая его рука двинулась в опасном направлении к моему центру. Но во мне тянуло и росло такое невыносимое желание, и под платьем на мне больше ничего не было, ничего, что могло бы скрыть чертово доказательство моего желания, и если он скользнет рукой еще на хоть на дюйм выше..

«*Ты и я устроили здесь прекрасное шоу*», — ответила я. Особа, что произнесла эти слова, звучала хрипло и страстно... я никогда не слышала свой голос таким до этого. Даже мысленно.

Его рука скользнула выше по моему внутреннему бедру.

Я изогнулась на нем, пытаюсь стряхнуть его руки, не дать ему узнать, что...

И внезапно я ощутила его каменную твердость под собой.

Все мысли улетучились из моей головы. Остался лишь трепет силы, когда я дернулась, ощущая эту внушительную выпуклость. Рис издал низкий, грубоватый смешок.

Кейр смотрел, смотрел, смотрел на нас. Пораженный. В ужасе. Вынужденный стоять здесь, пока Рис не позволит ему удалиться... Он стоял, не задумываясь, зачем мы устроили этот спектакль, и куда исчез командир шпионов.

Так что я снова повернулась, встретила взглядом с полыхающими глазами Риса и провела языком по его шее. Ветер и море, и цитрус, и пот. Я почти разлетелась на осколки из-за этого вкуса.

Я развернулась обратно вперед, а губы Риса скользнули по моей шее вдоль позвоночника, и я снова ощутила твердость, упирающуюся в меня настойчиво, властно. Ровно в тот самый момент, когда его рука скользнула по моему внутреннему бедру слишком высоко.

Я почувствовала, как его хищное внимание мгновенно переключилось к влаге, которую он там почувствовал. Неопровержимое доказательство моего предательского тела. Его руки сжались вокруг меня, и мое лицо вспыхнуло... возможно немного от смущения, но...

Рис ощутил мое напряжение, мой огонь.

«*Всё хорошо*, — сказал он мысленно, но его голос в моей голове прозвучал сбившимся, задыхнувшимся. — *Это ничего не значит. Это лишь реакция твоего тела*»...

«*Потому что ты такой неотразимый?*» — моя попытка отвлечь его, прозвучала натянуто, я и сама это ощутила.

Он рассмеялся, наверняка, чтобы успокоить меня.

Мы танцевали друг вокруг друга, подшучивали, провоцировали не один месяц. И, возможно, это была реакция моего тела, может быть реакция его тела, но его вкус грозил уничтожить, поглотить меня и...

Другой мужчина. Руки другого мужчины касались моего тела, когда я и Тамлин едва...

Борясь с подступившей волной тошноты, я изобразила полусонную затуманенную страстью улыбку на лице. И как раз в этот момент в зале появился Азриэль и слегка кивнул Рису. Шар был у него.

Мор скользнула к главному шпиону, обняла его за плечи и провела рукой по груди жестом собственницы, и повернулась, чтобы заглянуть ему в лицо. Покрытая шрамами рука Азриэля обвила её талию, касаясь обнаженной кожи, и слегка сжала. Подтверждение, которого она также ожидала.

Мор одарила его улыбкой, которая без сомнения вызовет толки, и снова растворилась в толпе. Ослепительная, завораживающая, заставляя всех поверить, что командир шпионов был там всё это время, и что теперь, возможно, она пригласила его в свою постель.

Азриэль лишь смотрел Мор в след, отстраненно, скучающе. И я задалась вопросом, был ли он на самом деле так же выбит из равновесия и взволнован, как я.

Рис поманил пальцем Кейра, и тот, спотыкаясь, приблизился, при этом скалясь вслед своей дочери. Едва Кейр приблизился к возвышению, магия Риса подхватила вино, и бокал подлетел к нам. Рис поставил его на пол рядом с тронном, это было глупое, ненужное задание, данное им наместнику, чтобы напомнить тому его место. У него нет власти, и этот трон не его.

— Должен ли я проверить, что вино не отравлено? — протянул Рис, одновременно бросив мне по нашей ментальной связи: *«Кассиан ждёт. Иди»*.

* * *

Рис всё еще сохранял на лице след потухшей страсти... однако его глаза... я не могла прочитать, что означали тени, блуждавшие в его глазах.

Быть может... быть может, несмотря на все наши подначки, после Амаранты, он больше не хотел, чтобы какая-либо женщина касалась его подобным образом. Быть может, он не получал удовольствия от того, что его кто-либо желал.

Меня пытали и мучили, но ужасы, пережитые им, были совсем другого уровня.

— Нет, милорд, — проворчал Кейр. — Я никогда бы не посмел причинить Вам вред. — Этот разговор также был лишь отвлекающим маневром. Я воспользовалась этим моментом, поднялась и направилась к Кассиану, который стоял у колонны и хищно улыбался всем, кто оказывался поблизости.

Я чувствовала взгляды всех придворных на мне, чувствовала, как они исподтишка принимают к тому, что было явно начертано на моем теле. И когда я прошла мимо Кейра, даже учитывая, что за моей спиной был Высший Лорд, наместник едва слышно прошепел:

— Ты ещё получишь, что заслуживаешь, шлюха.

Ночь взорвала тронный зал.

Люди закричали. И когда тьма рассеялась, Кейр стоял на коленях.

Рис оставался на троне. Его лицо застыло в ледяной ярости.

Музыка смолкла. Из толпы появилась Мор, черты ее лица исказила довольная ухмылка. И тут же рядом с ней оказался Азриэль, стоявший слишком близко, чтобы это могло быть случайностью.

— Извинись, — приказал Рис. Мое сердце трепетало от власти этого голоса, отдающего

прямой приказ, от этой чистой ярости.

Мышцы напряглись на шее Кейра, над губой выступила испарина.

— Я сказал, — проговорил Рис с ужасающим спокойствием, — извинись.

Наместник застонал. И через мгновение...

Раздался хруст треснувшей кости. Кейр закричал.

И я смотрела... смотрела, как его рука переломилась, не в двух, не в трех, а сразу в четырех местах, кожа в этих местах натянулась и просела...

Снова хруст. Раздроблен локоть. Мой желудок сжался.

Кейр зарыдал, по его лицу потекли слёзы — наполовину злоба, наполовину боль, судя по ненависти, что плескалась в его глазах, когда он посмотрел на меня, потом на Риса. Но его губы вытолкнули слова:

— *Прости меня.*

Кости второй руки затрещали, ломаясь. Мне стоило огромных усилий не дрогнуть.

Рис улыбнулся, когда Кейр снова закричал, и обратился к присутствующим:

— Убить его, за то, что он сделал?

Тишина.

Рис усмехнулся. Потом сказал наместнику:

— Когда очнёшься, не смей обращаться к лекарю. Если я узнаю, что ты ослушался... —

Снова хруст. Мизинец Кейра резко выгнулся неестественным образом. Мужчина взвыл. Жар, пульсировавший в моей крови обратился в лёд. — Если узнаю, что ты меня ослушался... разорву тебя на куски и закопаю в разных местах, так что никто никогда не соберёт.

Глаза Кейра расширились от чистого ужаса. И будто невидимая рука оборвала его сознание, он рухнул на пол.

Не обращаясь ни к кому лично, Рис сказал:

— Бросьте его в его покои.

Двое мужчин, которые по виду могли быть кузенами или братьями Мор, метнулись вперед, поднимая наместника. Мор глядела на них, чуть насмешливо улыбаясь, однако ее лицо было бледным.

Он очнется. Рис сказал, что он очнется.

Я заставила себя идти, пока Рис расспрашивал другого придворного о каких-то мелочах.

Но всё мое внимание оставалось прикованным к трону за моей спиной, даже когда я остановилась рядом с Кассианом, словно давая окружающему меня двору осмелиться подойти ко мне, поиграть со мной. Но никто не посмел.

И долгий час последовавший за этим, я не сводила глаз с Высшего Лорда, чьи руки, губы и тело внезапно заставили меня чувствовать себя такой живой... заставившие меня пылать. Это не помогло мне забыть, не залечило раны, не утолило боль, просто заставило почувствовать себя... живой. Будто я целый год спала, заключенная в хрустальный гроб, а он только что разбил его и встряхнул меня, заставил очнуться.

Высший Лорд, чья сила не пугала меня. Чья ярость не разбивала меня на осколки.

И теперь... теперь я не знала, что мне со всем этим делать.

Вдруг подумалось — отныне я по уши в проблемах.

Ветер бушевал вокруг Риса и меня, когда он рассеял нас в небе над его двором. Но нас встречал не Веларис.

Мы стояли у залитого лунным светом горного озера, окольцованного соснами, высоко над миром. Мы покинули Двор Кошмаров так же, как и вошли в него — с высокомерным и угрожающим видом. Куда делись Кассиан, Азриэль и Мор с шаром, я не имела не малейшего представления.

Мы были одни у кромки озера, и Рис заговорил чуть хриплым голосом:

— Прости меня.

Я моргнула.

— За что ты извиняешься?

Его руки дрожали — как будто следствие ярости из-за того, как Кейр назвал меня, как угрожал мне. Наверное, Рис рассеял нас сюда, прежде чем отправиться домой для того, чтобы поговорить наедине, чтобы его друзья нам не помешали.

— Я не должен был позволять тебе идти с нами. Не должен был дать тебе увидеть эту часть нашей жизни. Эту часть меня.

Я никогда не видела его таким ранимым, таким... запинаящимся.

— Я в порядке.

Я не знала, что делать с тем, что произошло. Между нами обоими. С Кейром. Но это был мой выбор. Сыграть эту роль, надеть эту одежду. Позволить ему прикоснуться ко мне. Но... Я медленно произнесла:

— Мы знали, что от нас потребуется этим вечером. Пожалуйста... пожалуйста, не начинай... опекать меня. Не таким образом.

Он знал, что я имела в виду. Он защитил меня Под Горой, но эта первобытная, мужская ярость, которую он только что выплеснул на Кейра... Перед моими глазами промелькнуло воспоминание — разрушенный кабинет, залитый краской.

Рис сказал отрывисто:

— Я никогда — никогда — не запру тебя, не оставлю тебя в стороне. Но когда Кейр выплюнул в твой адрес угрозу, когда он назвал тебя...

Шлюхой. Так они называли его самого. На протяжении пятидесяти лет, все шипели ему это вслед. Я слышала, как Люсьен бросил ему прямо в лицо эти слова.

Рис прерывисто выдохнул.

— Трудно заставить замолчать свои инстинкты.

Инстинкты. Так же как... как кто-то другой, движимый инстинктами, хотел защитить меня, спрятать.

— Тогда тебе самому следовало лучше подготовиться, — огрызнулась я. — Ты, кажется, справлялся со всем просто прекрасно, пока Кейр не сказал..

— Я *убью* любого, кто навредит тебе! — зарычал Рис. — Я *убью* их всех, и сделаю это очень медленно. — Он тяжело дышал. — Давай! Ненавидь меня, презирай меня за это!

— Ты мой *друг*, — сказала я, и мой голос надломился на этом слове. Я ненавидела слезы, заструившиеся по моему лицу. Я даже не знала, почему я плачу. Может быть, потому что там, на троне рядом с ним, пусть даже на мгновение, для меня все ощущалось настоящим, но... скорее всего, это было не всерьёз. Не для него.

— Ты мой друг, и я понимаю, что ты Высший Лорд. Я понимаю, что ты будешь защищать свой истинный двор, и наказывать за угрозы в его адрес. Но я не могу... Я не хочу, чтобы ты перестал делиться всем со мной или брать меня с собой куда-то, только потому, что это может угрожать мне.

Тьма дрогнула, и крылья за его спиной раскрылись.

— Я не он, — выдохнул Рис. — Я никогда не буду им, никогда не буду поступать как он. Он запер тебя и позволил угасать и умирать.

— Он пытался..

— Перестань сравнивать! Перестань сравнивать меня с ним!

Его слова оборвали меня. Я заморгала.

— Ты думаешь, я не знаю, как пишутся истории? Как будет записана эта история?

Рис скрестил руки на груди, и я никогда не видела его лицо более открытым и страдающим.

— Я темный лорд, который похитил невесту весны. Я демон, я ночной кошмар, и я встречу плохой конец. Он золотой принц — герой, который получит тебя как награду за то, что не умер из-за своей глупости и высокомерия.

«Все, что я люблю имеет тенденцию быть отнятым у меня», — признался он мне Под Горой.

Но его слова разожгли мой нрав, и неважно, что в глубине души мне было страшно.

— А что насчет моей истории? — прошипела я. — Что насчет моей награды? Что насчет того, чего хочу я?

— А чего ты *хочешь*, Фейра?

У меня не было ответа. Я не знала. Больше не знала.

— Чего ты хочешь, Фейра?

Я молчала.

Его смех был горьким, тихим.

— Я так и думал. Пожалуй, тебе стоит потратить свободные дни на выяснение этого.

Я просто кипела.

— Возможно, я не знаю, чего хочу, но, во всяком случае, я не скрываюсь за маской как ты! По крайней мере, я позволяю всем видеть какая я — разбитая на части, сломленная и все такое. Да, ты носишь эту маску, чтобы спасти свой народ. Но что насчет других твоих масок, Рис? Как насчет того, чтобы позволить своим друзьям увидеть твое настоящее лицо? Но, конечно, проще этого не делать. Ведь что будет, если тыпустишь кого-то? Что будет, если они увидят *все*, и все равно уйдут? Кто сможет обвинить их в этом, ведь кто захотел бы разбираться со всем этим хаосом?

Он вздрогнул.

Самый могущественный Высший Лорд в истории вздрогнул. И я поняла, что я ударила его жестоко — и глубоко.

Слишком жестоко. И слишком глубоко.

— Рис... — протянула я.

— Идем домой.

Слова повисли между нами, и я задавалась вопросом, возьмет ли он их обратно — даже когда ждала, что мои губы сами произнесут, что Веларис не мой дом. Но сама мысль о ясном, бодряще-синем закатном небе Велариса, о сверкающих огнях города...

Прежде чем я успела сказать да, он схватил меня за руку, не встречаясь со мной

взглядом, и рассеял нас прочь.

Ветер, ревуший вокруг нас, был словно опустошенным, а темнота холодной и чужой.

* * *

Кассиан, Азриэль и Мор действительно ждали в городском доме.

Я пожелала им всем доброй ночи. В то время как они решили ждать Рисанда в засаде, желая узнать, что же такого сказал Кейр, чтобы так спровоцировать Рису.

Я все еще была в том же платье — в огнях Велариса я чувствовала себя в нем вульгарно, но обнаружила себя направляющейся в сад, как будто лунный свет и прохлада могли очистить мои мысли.

Хотя, если быть совсем честной... Я ждала его. Что я ему наговорила...

Это я была ужасна. Он раскрыл мне свои тайны, доверил свои слабые места. А я бросила ему их в лицо.

Потому что я знала, что это причинит ему боль. И я знала, что на самом деле я говорила не о нём.

Минуты текли, ночь все еще была достаточно прохладной, как бы напоминая, что весна еще не полностью вступила в свои владения, и я дрожала, потирая плечи и глядя, как на небе всходит луна. Я слушала журчание фонтана, музыку города... Он не пришел. Я даже не была уверена в том, что бы я ему сказала.

Я знала, что он и Тамлин были разными.

Знала, что сегодня защищающий гнев Рисанда был оправданным, и что у меня на его месте была бы такая же реакция. Малейшая деталь о причиненных Мор страданиях вызывала во мне жажду крови, я хотела бы жестоко наказать их всех за это.

Я знала риск. Я знала, что буду сидеть у него на коленях, прикасаться к нему, использовать его. Я использовала его уже долгое время. И может быть, я должна сказать ему, что я не... что я не хочу или не жду от него ничего.

Возможно, Рисанду было необходимо флиртовать со мной, дразнить меня, в той же мере, как это было необходимо и мне — для отвлечения и ощущения нормальности.

И, наверное, я сказала ему, что сказала, потому что... потому что поняла, что я, скорее всего, и есть тот человек, который никого к себе не впускает. И сегодня ночью, когда он отпрянул от меня, когда увидел, какое возымел на меня воздействие... И из-за этого что-то сковало в моей груди.

Я ревновала... к Крессиде. Я была так глубоко несчастна на том корабле, потому что хотела быть той единственной, кому он так улыбается.

И я знала, что это неправильно, но... Я не думаю, что Рис назвал бы меня шлюхой, если бы я хотела... *хотела его*. И не важно, как скоро это произошло после Тамлина.

И никто из его друзей не назвал бы меня так. Не тогда, когда их называли так же или еще похуже.

И они научились жить с этим и любить, несмотря на это. Вопреки этому.

Что ж, наверное пришло время сказать Рису. Объяснить, что я не хочу притворяться. Я не хочу выдавать то, что произошло, за шутку или план, или отвлечение для Кейра.

И это будет тяжело, и я боялась, и с этим будет трудно иметь дело, но... Я хотела попытаться... быть с ним. Попытаться... стать чем-то. Вместе. Будет ли это просто сексом или чем-то большим, или чем-то средним, я не знала. Но мы бы выяснили это.

Я исцелилась — или исцелялась — достаточно, чтобы захотеть попробовать.

Если он тоже хотел попробовать.

Если он не уйдет, когда услышит, чего я хочу: его.

Не как Высшего Лорда, не как самого могущественного мужчину в истории Прифиана.

Просто... просто его. Человека, который послал музыку в мою темницу; который поднял тот нож в тронном зале Амаранты, чтобы бороться за меня, когда больше никто не осмелился, и который продолжает бороться за меня с тех пор каждый день, отказываясь позволять мне разрушиться и исчезнуть, превратиться в ничто.

Так что я ждала его в холодном, залитом лунным светом саду.

Но он не пришел.

* * *

Рис не пришел на завтрак. И на обед. Его вообще не было в городском доме.

Я даже написала ему записку на листке бумаги, который мы использовали последний раз.

«Я хочу поговорить с тобой».

Я прождала пол часа, чтобы записка исчезла.

Но она осталась лежать на моей ладони — пока я не бросила ее в огонь.

Я была достаточно зла, чтобы отправиться на улицу, едва замечая, что день был благоухающим, солнечным, и сам воздух был пронизан ароматами цитрусовых, свежей травы и полевых цветов. Теперь, когда у нас был шар, Рис несомненно выйдет на контакт с королевами. Которые, несомненно, будут тянуть время, просто чтобы подчеркнуть, что они тоже важные персоны, что они тоже имеют власть.

Часть меня желала, чтобы Рис переломал им кости так же, как и Кейру прошлой ночью.

Я направилась через реку в апартаменты Амрен, страстно нуждаясь в прогулке, которая прояснила бы мысли.

Зима действительно уступала весне. К тому времени как я была уже на пол пути, мое пальто было перекинуло через руку, а тело было мокрым от пота под теплым свитером кремового цвета.

Я нашла Амрен в той же позе, в которой видела ее в последний раз: сгорбленной над Книгой и с разбросанными бумагами вокруг. Я поставила кровь на стол.

Она сказала не отрываясь от книги:

— А, вот и она — причина, по которой Рис нахамил мне утром.

Я оперлась о стол, хмурясь.

— Куда он ушел?

— Выслеживать тех, кто вчера напал на вас.

Если в их арсенале были ясеневые стрелы... Я старалась унять беспокойство, которое глубоко меня ударило.

— Думаешь, это был Летний Двор?

Кровавый рубин все еще валялся на полу, все еще использовался в качестве папье-маше для бумаги, чтобы та не разлеталась из-за речного ветерка, дующего в распахнутые окна. Ожерелье от Вариана теперь лежало на столике рядом с ее кроватью. Как будто она засыпала глядя на него.

— Возможно, — ответила Амрен, водя пальцем вдоль строчек текста. Она должно быть

была по-настоящему поглощена книгой, раз даже не прервалась выпить крови. Я уже подумывала уйти и не мешать ей, но она продолжила:

— В любом случае, похоже, что у наших врагов есть след магии Риса. Это означает, что они могут выследить его, где бы он не рассеялся, и если он применит магию. — Она наконец-то подняла голову. — Вы все покидаете Веларис через два дня. Рис хочет, чтобы вы разместились в одном из иллирийских военных лагерей — оттуда вы полетите в человеческие земли, как только королевы ответят.

— Почему не сегодня?

— Потому что Звездопад завтра ночью — мы будем праздновать его все вместе впервые за последние пятьдесят лет. Риса будут ждать здесь, среди его народа, — ответила Амрен.

— Что за Звездопад?

Глаза Амрен заблестели.

— За пределами нашей земли все остальные дворы празднуют завтра Нинсар, День Семян и Цветов.

От этого я почти вздрогнула. Я не замечала, насколько много времени прошло с тех пор, как я очутилась здесь.

— Но Звездопад, — продолжила Амрен, — можно увидеть лишь в Ночном Дворе — только на нашей земле празднуется Звездопад вместо пирушки Нинсара. Почему так, и все остальное, ты узнаешь сама. Пусть это будет сюрпризом.

Что ж, это объясняло, почему горожане уже готовились к какому-то празднованию: Высшие Фэ, и фейри спешили домой с букетами ярких полевых цветов, ленточными гирляндами и едой, подметали и мыли улицы, заклеивали витрины магазинов на скорую, опытную руку.

— Вернемся ли мы сюда, после того как уйдем? — спросила я.

Она вернулась к книге.

— Не скоро.

В моей груди что-то упало. Для бессмертного «не скоро» может означать... долгое, долгое время.

Я приняла эти слова как приглашение покинуть ее и направилась к двери, но Армен сказала:

— Когда Рис вернулся сюда, после Амаранты, он был словно призрак. Он притворился, что это не так, но он был как призрак. А ты заставила его вернуться к жизни.

Слова повисли в воздухе, и я не хотела задумываться над ними, не тогда, когда все хорошее, что я сделала — все хорошее, что мы сделали *друг для друга*, возможно было перечеркнуто мной, тем что я сказала ему.

И я произнесла:

— Ему повезло, что у него есть все вы.

— Нет, — произнесла она мягко, так мягко, какой я ее никогда раньше не слышала, — это нам повезло, что он у нас есть, Фейра.

Я обернулась у двери.

— Я знала многих Высших Лордов, — продолжила Амрен, склонившись над бумагами, — жестоких, хитрых, слабых, могущественных. Но никто из них не мечтал. Никто не мечтал так, как это делает он.

— Мечтает о чем? — выдохнула я.

— О мире. О свободе. О едином мире, о процветающем мире. О чем-то лучшем — для

всех нас.

— Он думает, что его запомнят злодеем в этой истории.

Амрен фыркнула.

— Но я забыла сказать ему, — тихо продолжила я, открывая дверь, — что злодеем обычно оказывается тот, кто запирает девушку и выбрасывает ключ.

— Вот как.

Я пожала плечами.

— А он был тем, кто освободил меня.

* * *

«Если ты переехал в другой дом, — написала я ему после того, как вернулась от Амрен, — то мог бы хотя бы оставить мне ключи от этого дома. Я постоянно оставляю дверь незакрытой, когда ухожу. Это становится слишком привлекательным для местных грабителей».

Ответа не было. Письмо даже не исчезло.

Я попробовала еще раз после завтрака на следующий день, в праздничное утро Звездопада.

«Кассиан сказал, что ты дуешься в Доме Ветра. Вот это поведение, достойное Не-Высшего-Лорда. Что насчет моих тренировок?»

Снова никакого ответа.

Моя вина — и что-то еще другое — начала шевелиться во мне. Я едва удержалась, чтобы не порвать в клочья бумагу, когда после ланча написала свое третье письмо.

«Это наказание? Или люди из твоего Внутреннего круга не получают второго шанса, если вдруг разозлили тебя? Ты противный трус».

Я выходила из ванной, город за окном гудел в подготовке к празднованию на заходе солнца, когда я бросила взгляд на стол, где оставила письмо.

И увидела, как оно исчезло.

Нуала и Керридвен пришли, чтобы помочь мне одеться, и я старалась не смотреть на стол в ожидании — я ждала, ждала и ждала ответа.

Но его не последовало.

Но, несмотря на то письмо, несмотря на неразбериху, царившую между нами, я не могла поверить своему отражению, когда часом спустя взглянула на себя в зеркало.

Я испытала такое облегчение за последние несколько недель, засыпая без каких-либо трудностей, что совсем позабыла о том, как благодарна была за то, что могла наконец принимать пищу без угрозы рвоты.

Моему лицу и телу вернулись былые объемы, что заняло бы намного больше времени, будь я человеком, которому не доставало чуда бессмертной крови. А мое платье...

Я никогда в жизни не носила ничего подобного и сомневалась, что когда-либо надену что-то сродни этому вновь.

Сшитое из мельчайших, светло-голубых, драгоценных камней, казавшихся почти белыми, платье подчеркивало каждый изгиб и ложбинку моего тела и ниспадало на пол, словно водопад звездного света. Длинные рукава плотно облегли мои руки, а их завершением стали манжеты из чистых бриллиантов. Неглубокий вырез на шее обнажал мои ключицы, но его скромность не соответствовала тому, как платье выгодно подчеркивало те области тела, которыми, как я полагала, женщина была бы рада похвастаться. Волосы были собраны с моего лица двумя гребнями из серебра и бриллиантов, и изящно струились по моей спине. Стоя в одиночестве в своей комнате, я подумала, что выгляжу, словно падающая звезда.

Когда я набралась смелости выйти в сад на крыше, Рисанда нигде не было. Вышивка из драгоценностей на моем платье звенела и шелестела каждый раз, когда я ступала в полумраке доме, где все огни померкли, либо были погашены.

Более того, во всем городе потушили свет.

Крылатая, мускулистая фигура стояла поверх крыши, и мое сердце пропустило удар.

Но затем он повернулся, как раз тогда, когда я ощутила его запах. И, когда Кассиан тихо присвистнул, что-то в моей груди слегка оборвалось.

— Мне стоило позволить Нуале и Керридвен принарядить и меня.

Я не знала улыбнуться ли мне или соорудить гримасу.

— Ты и так выглядишь прекрасно.

И это было правдой. Сегодня на нем не было боевого облачения и доспехов — вместо этого он красовался в черной тунике с глубоким вырезом, представляющем в выгодном свете его тренированное тело воина. Его черные волосы были расчесаны и приглажены, и даже крылья выглядели чище.

Кассиан протянул руки вперед. Его Сифоны остались на месте — металлическая, без пальцев перчатка выглядывала из-под выкроенных рукавов его камзола.

— Готова?

Он составлял мне компанию последние два дня, тренируя меня каждое утро. Пока он демонстрировал мне особенности использования иллирийского клинка — в основном, как выпотрошить кого-либо с его помощью — мы болтали обо всем: о наших в равной степени жалких жизнях будучи детьми, об охоте, о еде... Обо всем, за исключением темы Рисанда.

Лишь однажды Кассиан упомянул, что Рис находится в Доме Ветра, но то, как изменилось выражение моего лица, предположила я, сказало ему достаточно о том, что я не хочу слышать что-либо еще. А сейчас он ухмылялся мне.

— Тебя Наверное будет слишком тяжело нести со всеми этими драгоценностями и бисером. Надеюсь, что ты тренировалась в рассеивании на случай, если я тебя уроню.

— Очень смешно.

Я позволила ему подхватить меня на руки, и мы взмыли в небо. Рассеивание все еще не давалось мне, но я вдруг поняла, что мечтала бы, чтобы у меня были крылья. Величественные, могучие крылья, с которыми я могла бы летать, как они; с которыми я могла бы повидать мир и все, что он мог предложить.

Каждый запоздалый мерцающий огонек погас внизу под нами. На небе не было луны, не было музыки, наполняющей улицы. Тишина — словно ожидание чего-то.

Кассиан высоко парил сквозь умиротворенную тьму, туда, где вдали нечетко вырисовывался Дом Ветра. Я смогла различить толпы, собравшиеся на многочисленных балконах и верандах лишь по слабому мерцанию звездного света на их волосах, а затем по звону стаканов и тихой беседе, когда мы приблизились.

Кассиан опустил меня на многолюдной веранде недалеко от обеденного зала, и лишь несколько гуляк потрудились взглянуть на нас. Слабо сияющие чаши фэйского света внутри Дома Ветра освещали разнообразие еды и бесконечные ряды зеленых бутылок игристого вина на столе. Кассиан ушел и вернулся еще до того, как я успела соскучиться по нему, вручая мне бокал вина. Никакого намека на Рисанда.

Быть может, он будет избегать меня весь вечер.

Кто-то прокричал имя Кассиана с нижней веранды, и он похлопал меня по плечу и спрыгнул вниз. Высокий мужчина с лицом, скрытым в тени, обменялся пожатием предплечья с Кассианом, его белые зубы сияли во тьме. Азриэль уже стоял рядом с незнакомцем, его крылья были плотно прижаты, чтобы никто из гуляющих их случайно не коснулся. Он, Кассиан и Мор сегодня весь день были тихими — по вполне понятным причинам, разумеется. Я поискала глазами следы присутствия других моих...

Друзей.

Слово прозвучало у меня в голове. Было ли это тем, кем они являлись?

Амрен нигде не было видно, но я заметила золотую шевелюру в тот самый момент, когда она заприметила и меня, и Мор скользнула в мою сторону. Она надела девственно-белое платье из скользящего шелка, явственно облегающее все пышные изгибы ее тела. Более того, один взгляд через ее плечо разоблачал Азриэля, беззастенчиво рассматривающего ее вид сзади. Кассиан и незнакомец уже слишком увлеченно беседовали, чтобы заметить, что же так привлекло внимания командира шпионов. На долю секунды, хищный голод на лице Азриэля заставил мой желудок сжаться.

Я вспомнила чувство, подобное этому. Вспомнила, каково это было поддаться ему. Как близко я была к этому прошлой ночью.

— Осталось совсем немного, — сказала Мор.

— До чего? — никто так и не рассказал мне, чего ожидать, так как не хотели испортить изумление от Звездопада.

— До веселья.

Я посмотрела на празднество вокруг нас.

— Это разве не весело?

Мор выгнула бровь.

— В действительности никому нет дела до этой части праздника. Как только все начнется, ты поймешь, — она пригубила игристого вина. — Вот это платье! Тебе повезло,

что Амрен прячется на своем маленьком чердаке, иначе она наверное ukrала бы его прямо с тебя. Тщеславный дракон.

— Она не сделает перерыв от расшифровки?

— И да, и нет. Она утверждает, что что-то в Звездопаде тревожит ее. Кто знает? Может быть, она говорит это из духа упрямства.

Даже когда она говорила, ее слова, казалось, доносились словно издали, а лицо было слегка напряженным.

— Ты... готова к завтрашнему дню? — спросила я тихо. Завтра, когда мы покинем Веларис для того, чтобы никто не мог заметить наши передвижения в этом районе. Мор, как поведал мне Азриэль во время завтрака, вернется во Двор Кошмаров, чтобы проверить, как продвигается у ее отца... выздоровление.

Вероятно, это не самое лучшее место, чтобы обсуждать наши планы, но Мор пожала плечами.

— У меня нет другого выбора, кроме как быть готовой. Я отправлюсь вместе с вами в лагерь, а позже двинусь дальше в путь.

— Кассиан будет счастлив, — сказала я. Даже учитывая, что Азриэль был единственным, кто прилагал все усилия, чтобы не паялься на нее.

— Возможно, — фыркнула Мор.

Я выгнула бровь.

— Значит вы двое...?

Еще одно пожатие плечами.

— Однажды. Скорее, даже нет. Мне было семнадцать, ему было не намного больше.

Когда все произошло.

Но когда она вздохнула, на ее лице не было печали.

— Котел, это было так давно! Я гостила у Риса в течение двух недель, когда он тренировался в военном лагере, и Кассиан, Азриэль и я стали друзьями. Одной ночью Рис и его мама были вынуждены вернуться в Ночной Двор, и Азриэль отправился с ними, поэтому Кассиан и я остались одни. И той ночью, слово за слово, и... мне захотелось, чтобы Кассиан стал тем, кто сделает это. Мне хотелось иметь право выбора. — Третье пожатие плечами. Я задумалась, мечтал ли Азриэль когда-нибудь быть на месте того, кого она тогда выбрала. Признавался ли он когда-нибудь в этом Мор — или Рису. Злился ли он, что отсутствовал в ту ночь, когда Мор не учла его.

— Рис вернулся на следующее утро, и когда он узнал о том, что произошло... — она тихо рассмеялась, — мы стараемся не говорить о том Инциденте. Он и Кассиан... Я никогда не видела, чтобы они так дрались. Будем надеяться, что больше и не увижу. Я знаю, что Риса разозлила не моя девственность, а скорее опасность, в которую ее потеря могла меня привести. Азриэль был разъярен еще сильнее — хотя он и уступил Рису право задать Кассиану трепку. Они знали, что сделает моя семья за связь с незаконнорожденным низшим фейри. — Она легко коснулась своего живота, словно могла почувствовать гвоздь, которым они пронзили его. — И они были правы.

— Поэтому ты и Кассиан, — сказала я, желая уйти от этой темы, этой тьмы, — вы никогда не были вместе вновь после этого?

— Нет, — сказала Мор, тихо смеясь. — В ту ночь я была отчаянной и безрассудной. Я выбрала его не просто лишь за его доброту, но также потому, что хотела, чтобы мой первый раз был с одним из легендарных иллирийских воинов. По правде, я хотела возлечь с самым

великим иллирийским воином. И лишь один раз взглянув на Кассиана, я это знала. После того, как я получила, что хотела, после... всего, мне не хотелось, чтобы это стало причиной раздора между ним и Рисандом, или даже Азриэлем, поэтому... больше никогда.

— И после этого ты ни с кем не была?

Не была с холодным и прекрасным говорящим с тенями, так сильно пытающимся не смотреть на нее с вожделением?

— У меня были любовники, — внесла ясность Мор. — Но... мне они наскучили. И у Кассиана они тоже были, поэтому не ведись на этот образ «неразделенной любви с мечтательно-страстным выражением лица». Он просто хочет того, чего не может иметь, и его уже на протяжении веков раздражает тот факт, что я ушла и никогда не оглядывалась назад.

— О, это сводит его с ума, — сказал Рис позади меня, и я подпрыгнула от неожиданности. Высший Лорд обошел вокруг меня. Я скрестила руки на груди, когда он остановился, усмехнувшись. — Ты снова стала похожа на женщину.

— Ты действительно знаешь, как дарить девушкам комплименты, братец, — сказала Мор и похлопала его по плечу, затем заметила какого-то знакомого и ушла поприветствовать того.

Я старалась не смотреть на Риса, одетого в черный камзол, небрежно расстегнутый на несколько пуговиц сверху так, что белая рубашка под низом — также расстегнутая в области шеи — обнажала татуировки на его груди. Пыталась не смотреть — и потерпела неудачу.

— Собираешься игнорировать меня и дальше? — спросила я прохладно.

— Я сейчас здесь, ведь так? Не хотелось бы, чтобы ты назвала меня противным трусом снова.

Я открыла было рот, но почувствовала, как все неподходящие слова начинают рваться наружу. Поэтому я закрыла его и начала искать глазами Азриэля или Кассиана, или любого другого, кто мог бы вместо этого поговорить со мной. Подойди к незнакомцу стало казаться вполне заманчивым, но Рис сказал чуть хрипло:

— Я не наказывал тебя. Мне просто... нужно было время.

Мне не хотелось вести эту беседу здесь — не с таким большим количеством слушающих вокруг. Поэтому я махнула рукой в сторону празднующих и спросила:

— Не мог бы ты быть так добр и объяснить мне, в честь чего это... сборище?

Рисанд ступил на шаг позади меня, громко втягивая воздух, и прошептал мне на ухо:

— Взгляни вверх.

И действительно, когда я посмотрела ввысь, толпа стихла.

— Никакой речи для твоих гостей? — пробормотала я. Непринужденно — я просто хотела, чтобы между нами все снова было непринужденно.

— Сегодняшний вечер не в мою честь, хотя мое присутствие ценят и замечают, — сказал он. — Сегодняшний вечер — ради этого.

И когда он сказал это...

Звезда обогнула небо, ярче и ближе, чем любая другая, что мне доводилось видеть. Толпа и горожане внизу приветственно заплотировали, поднимая бокалы, когда она пролетела прямо над их головами, но лишь когда она исчезла за границей горизонта, они выпили залпом.

Я сделала шаг назад к Рису — и также быстро отошла в сторону, подальше от его жара, силы и запаха. Мы и так причинили друг другу достаточно проблем в схожей позе во Дворе

Кошмаров.

Еще одна звезда пересекла небо, кружась и извиваясь вокруг самой себя, словно упиваясь своей сверкающей красотой. За ней последовала другая, и еще одна и еще до тех пор, пока их скопление не вспыхнуло из-за границы горизонта, словно тысячи лучников выпустили их из своих могучих луков.

Звезды посыпались дождем, заполняя мир белым и голубым светом. Они были словно живые фейерверки, и мой вздох застрял у меня в горле, когда звезды начали падать и падать вниз.

Я никогда не видела ничего настолько прекрасного.

И в тот миг, когда небо было заполнено ими, когда звезды быстро вращались и танцевали, и текли по всему миру, полилась музыка.

Где бы люди ни находились, они начали танцевать, раскачиваясь и кружась, некоторые держались за руки и кружились, кружились, кружились под звук барабанов, струн, сверкающих арф. Не сумбурно топчась на месте, как во Дворе Кошмаров, а... радостно, спокойно танцую. Во имя любви к музыке, движению и жизни.

Я оставалась с Рисандом слегка в стороне, оказавшись между танцующими с поднятыми вверх руками людьми на веранде и льющимся мимо потоком звезд, который был все ближе и ближе, пока я не была готова поклясться, что могла бы прикоснуться к ним, если бы подалась вперед.

И там были Мор и Азриэль... и Кассиан. Они танцевали вместе, голова Мор была откинута навстречу небу, руки подняты вверх, звездный свет мерцал на ее девственно-белом платье. Она танцевала так, словно сегодня мог быть ее последним разом, двигаясь между Азриэлем и Кассианом, словно они трое были одним целым, одним существом.

Я обернулась, обнаружив наблюдающего за ними Риса, его лицо было мягким. Печальным.

Разлученный с ними на пятьдесят лет и воссоединившийся — лишь для того, чтобы расстаться вновь так скоро для битвы за их свободу.

Рис поймал мой взгляд и сказал:

— Пойдем. Есть место, где вид лучше. И там тише, — он протянул мне руку.

Печаль, тяжесть промелькнула в его глазах. И мне было больно видеть ее, так же, как было больно смотреть на то, как трое моих друзей танцуют вместе, словно это был их последний раз.

* * *

Рис привел меня на небольшой уединенный балкон, выступающий с верхнего этажа Дома Ветра. На верандах ниже все еще играла музыка, люди все еще танцевали, а звезды, кружась, пролетали мимо, близко и стремительно.

Он отошел, когда я присела на перила балкона. И тотчас представила свое долгое падение вниз и решила не испытывать судьбу, отступив на приличный шаг назад.

Рис усмехнулся.

— Если ты упадешь, я потружусь спасти тебя прежде, чем ты коснешься земли.

— Но не до тех пор, пока я не буду близка к смерти?

— Возможно.

Я протянула руку за границы перил, глядя на звезды, проносящиеся мимо.

— В качестве наказания за то, что я сказала тебе?

— Я тоже наговорил тебе ужасных вещей, — пробормотал он.

— Я не всерьез сказала то, что сказала тогда, — выпалила я. — Я скорее имела в виду себя, чем тебя. Прости меня.

Он наблюдал за звездами какой-то момент, а потом ответил:

— Но все же ты была права. Я держался в стороне, потому что ты была права. Однако, я рад слышать, что мое отсутствие походило на наказание.

Я фыркнула, но была благодарна за его юмор — за то, как ему всегда удавалось забавлять меня. — Есть какие-нибудь новости касательно шара или королев?

— Пока ничего. Мы ждем их снисхождения до ответа.

Мы снова замолчали, и я изучала звезды.

— Это... Это совсем не звезды.

— Не звезды. — Рис подошел к поручням рядом со мной. — Наши предки думали, что они ими и были, но... Это просто духи, ежегодно переселяющиеся куда-то. Почему они выбирают этот день, чтобы показаться здесь, никто не знает.

Я почувствовала его взгляд, обращенный на меня, и отвела глаза от падающих звезд. Свет и тень промелькнули на его лице. Веселье и музыка города где-то далеко-далеко внизу были едва различимы из-за толпы, собравшейся в Доме Ветра.

— Должно быть их сотни, — нашлась сказать я, снова возвращая взгляд к падающим звездам.

— Тысячи, — поправил он. — Они будут появляться до самой зари. Я надеюсь, что будут. В последний раз, когда я был свидетелем Звездопада, их было все меньше и меньше.

До того, как Амаранта заперла его.

— Что с ними происходит? — я посмотрела как раз тогда, когда он пожал плечами. Что-то дрогнуло у меня в груди.

— Хотелось бы мне знать. Но, несмотря на все это, они продолжают появляться.

— Почему?

— Почему что-либо остается верным чему-то? Возможно, они любят то место, куда они отправляются так сильно, что это стоит того. Возможно, они продолжают появляться до тех пор, пока не останется лишь одна звезда. Возможно, у той одинокой звезды путь займет всю вечность, в надежде, что когда-нибудь — если она продолжит возвращаться довольно часто — другая звезда снова ее встретит.

Я нахмурилась, глядя на вино в моей руке.

— Это... очень печальная мысль.

— И правда. — Рис положил ладони на перила балкона рядом с моими, достаточно близко, чтобы коснуться их, если бы я осмелилась.

Умиротворенная, полная тишина накрыла нас. Слишком много слов — у меня было не высказано еще слишком много слов.

Я не знаю, сколько прошло времени, но должно быть достаточно, потому что, когда он заговорил снова, я дернулась.

— Каждый год, когда я был Под Горой и наступал Звездопад, Амаранта следила за тем, чтобы я... ублажал ее. Всю ночь. Звездопад не является тайной, даже для посторонних — даже Двор Кошмаров выползает из Высеченного Города, чтобы полюбоваться небом. Поэтому она знала... знала, что это значило для меня.

Я перестала слышать празднество вокруг нас.

— Мне жаль.

Это было все, что я могла сказать.

— Я прошел через все это, напоминая самому себе, что мои друзья были в безопасности; что Веларис был в безопасности. Ничто остальное не имело значение, пока у меня было это. Она могла использовать мое тело сколько ей было угодно. Мне было все равно.

— Тогда почему же ты не там, внизу, с ними? — задала вопрос я, спрятав осознание кошмара того, что с ним сделали, глубоко в сердце.

— Они не знают, что она делала со мной в Звездопад. Я не хочу, чтобы это испортило их ночь.

— Я не думаю, что это так. Они будут счастливы, если ты позволишь им облегчить твою ношу.

— Так же, как и ты полагаешься на других, чтобы помочь с твоими собственными проблемами?

Мы смотрели друг на друга, достаточно близко, чтобы наши дыхания слились в единое целое.

И, возможно, все те слова, что я скрывала в себе... Возможно, я не нуждалась в них прямо сейчас.

Мои пальцы коснулись его руки. Теплая и сильная — спокойная, словно ждущая: что еще я могу сделать. Быть может, дело было в вине, но я ласково провела пальцами по его руке.

И когда я полностью к нему повернулась, нечто ослепительное со звоном врезалось мне в лицо. Я отшатнулась, крича, наклонившись вперед и укрывая лицо от света, который я все еще видела, несмотря на закрытые глаза.

Рис издал удивленный смешок.

Смех.

И когда я убедилась, что мои глаза не вывалились из орбит, я повернулась к нему.

— Я могла ослепнуть! — прошипела я, толкая его. Он взглянул на мое лицо и снова разразился смехом.

Настоящий смех, открытый, счастливый и прекрасный.

Я провела по лицу руками, и, посмотрев на них, была поражена. Бледно-зеленый свет — словно капельки краски — сиял блестками на моей ладони.

Забрызганная звездным духом. Я не знала, следовало ли мне прийти в ужас или же рассмеяться. Или испытывать отвращение.

Когда я начала вытирать это с себя, Рис поймал мои руки.

— Не надо, — сказал он, все еще смеясь. — Выглядит так, словно твои веснушки сияют.

Мои ноздри раздулись и я снова толкнула его, не заботясь о том, что моя новая сила могла сбросить его с балкона. Он мог бы призвать крылья; с этим он бы справился.

Он обошел меня, направляясь в сторону балконных перил, но недостаточно быстро, чтобы избежать мчащейся звезды, столкнувшейся с его лицом.

Он отпрянул назад, разразившись проклятьями. Я засмеялась, звук вырвался чуть резким. Не смешок, не фырканье, а звонкий смех.

И я смеялась снова и снова, когда он убрал руки со своих глаз. Под удар попала вся левая половина его лица.

Словно небесная боевая раскраска, вот на что это было похоже. Теперь я видела, почему

он не хотел, чтобы я стирала свою.

Рис изучал свои руки, покрытые звездной пылью, и я сделала шаг к нему навстречу, глядя на то, как она сияла и переливалась.

Он замер как вкопанный, когда я взяла его за руку и начала выводить звезду на тыльной стороне его ладони, играя со свечением и тенями до тех пор, пока она не стала похожа на одну из тех звезд, что врезалась в нас.

Его пальцы крепче сжали мои, и я подняла взгляд. Он улыбался мне. И выглядел таким не похожим на Высшего Лорда, стоя с мерцающей пылью на лице, что я улыбнулась в ответ.

Я сама не поняла, что сделала, пока его улыбка не потухла и губы слегка не приоткрылись.

— Улыбнись еще раз, — прошептал он.

Я не улыбалась ему. Никогда. И никогда не смеялась. Под Горой я никогда не улыбалась, не фыркала от смеха. И даже после...

И этот мужчина передо мною... мой друг ...

За все, что он сделал, я никогда не дарила ему ничего в ответ. Даже когда только что... только что нарисовала что-то. На нем. Для него.

Я... только что снова рисовала.

Поэтому я улыбнулась ему, широко и без сдержанности.

— Ты восхитительна, — выдохнул он.

Воздух был слишком напряженным, слишком интимным между нашими телами, между нашими переплетенными руками. Но я сказала:

— Ты задолжал мне две мысли — с того дня, когда я впервые пришла сюда. Расскажи мне, о чем ты сейчас думаешь.

Рис потер шею.

— Ты хочешь знать, почему я не разговаривал и не виделся с тобой? Потому что был уверен, что ты выгонишь меня пинком. Я просто... — он провел рукой по своим волосам и обиженно рассмеялся. — Я посчитал, что затаиться было прекрасной альтернативой.

— Кто бы мог подумать, что Высший Лорд Ночного Двора будет бояться безграмотного человека? — промурлыкала я.

Он усмехнулся, толкая меня локтем.

— Это одна, — подытожила я. — Расскажи мне еще об одной.

Его взгляд опустился на мои губы.

— Я мечтал бы забрать обратно тот наш поцелуй Под Горой.

Я иногда забывала о том поцелуе — он сделал это, чтобы скрыть от Амаранты правду о том, что Тамлин и я были вместе в позабытом коридоре, в объятиях друг друга. Поцелуй Рисанда был груб, требователен, но все же...

— Почему?

Его взгляд остановился на руке, что я разрисовала, словно на нее было легче смотреть.

— Потому что он не был приятен тебе, я был зол и ревновал, и знал, что ты возненавидела меня.

Опасная территория, предупредила себя я.

Нет. Правда, вот чем это было. Правдой и доверием. И у меня никогда ни с кем этого не было.

Рис поднял голову, встречаясь со мной взглядом. И что бы ни было написано на моем лице — я думаю, что оно отразилось на его собственном: голод, желание и изумление.

Я глубоко сглотнула и провела еще одну линию звездной пыли вдоль его крепкого запястья. Не думаю, что он дышал в этот момент.

— Ты ... ты хочешь потанцевать со мной? — прошептала я.

Он молчал достаточно долго, так что я подняла голову для того, чтобы изучить его лицо. Но его глаза сияли — лучом света.

— Ты хочешь танцевать? — хрипло спросил он, его пальцы переплелись вокруг моих.

Я указала подбородком в сторону торжества внизу.

— Там, внизу, вместе с ними.

Там, куда манила музыка, куда манила жизнь. Где ему следовало провести ночь вместе со своими друзьями, и где я тоже хотела провести ее вместе с ними. Даже в компании незнакомцев.

Я была не против выйти из тени, не возражала даже оставаться в этой самой тени, до тех пор, пока он был рядом со мной. Мой друг сквозь столько опасностей — который боролся за меня, когда никто другой не стал, даже я сама.

— Конечно, я потанцую с тобой, — сказал Рис, его голос был все еще сорванным. —
Всю ночь, если того пожелаешь.

— Даже если наступлю тебе на ногу?

— Даже тогда.

Он подался вперед, легко касаясь губами моей вспыхнувшей щеки. Я закрыла глаза при шелесте поцелуя, голода, что он пробуждал во мне, голода, способного наверное уничтожить весь Прифиан. И вдруг вокруг нас, словно мир действительно раскалывался на части, дождем посыпались звезды.

Он отстранился, и частички звездной пыли засияли на его губах. Я смотрела на него, боясь сделать вдох, а он улыбался. Улыбкой, которую скорее всего мир никогда не увидит, улыбкой, которой он пожертвовал ради своего народа, своей земли. Он сказал нежно:

— Я... очень рад, что встретил тебя, Фейра.

Я сморгнула жжение в своих глазах.

— Давай же, — сказала я, потянув его за руку, — пойдём присоединимся к танцу.

Иллирийский военный лагерь оказался холодным местом в дальних северных горах. Очевидно, весна в этих местах все еще была словно едва ощутимый шепот.

Мор рассеяла нас всех, Рисанд и Кассиан охраняли фланги.

Мы танцевали в ночь Звездопада. Все вместе. И я никогда не видела Риса таким счастливым, он смеялся с Азриэлем, пил с Мор, шутил с Кассианом. Я танцевала с каждым из них, а когда ночь постепенно стала уступать место рассвету, когда музыка зазвучала мягче и будто налилась мёдом, я позволила Рису заключить меня в объятия, и мы медленно танцевали, пока все не разошлись, а Мор задремала на кушетке в столовой, пока золотой диск солнца не осветил Веларис.

Он отнес меня обратно в городской дом сквозь розовые, пурпурные и серые всполохи утренней авроры, мы оба молчали, и он поцеловал меня в лоб, прежде чем уйти через холл в свою комнату.

Я не лгала самой себе о причинах, по которым около получаса ждала, не распахнется ли дверь в мою комнату, или, по крайней мере, раздастся стук. Но нет. Ничего.

Несколькими часами позже, за обедом, у всех глаза были покрасневшими, но все в хорошем настроении. Мор и Кассиан были, против обыкновения, притихшими и разговаривали в основном с Амрен и Азриэлем, которые пришли попрощаться с нами.

Амрен продолжит работать над Книгой, пока мы не получим вторую часть... если мы её получим, а говорящий с тенями отправится собирать информацию и свяжется со своими шпионами в других дворах в попытке пробраться в земли людей. Я смогла поговорить с ними, но почти все мои силы уходили на то, чтобы удержаться и не смотреть на Рисанда, не думать об ощущениях прикосновения его тела к моему, пока мы танцевали на протяжении долгих часов, о лёгком касании его губ к моей коже.

Я едва смогла заснуть из-за этого.

Предательница. Хотя я и оставила Тамлина, я была предательницей. Я покинула его всего два месяца назад, только два. В бессмертном понимании времени, наверное, это считалось как один день.

Тамлин столько для меня сделал, для меня и моей семьи... И вот она я, переполненная желанием к другому мужчине, хоть я и ненавидела Тамлина за то, что он сделал, за то как он подвёл меня.

Предательница.

Это слово эхом звучало в моих мыслях, пока я стояла рядом с Мор — Рис и Кассиан были на шаг впереди — и пыталась рассмотреть лагерь в порывах ветра. Мор лишь быстро обняла Азриэля, прежде чем с ним попрощаться. И во всех отношениях командир шпионов выглядел так, будто его это ничуть не заботило, однако затем он бросил на меня предостерегающий взгляд. Я разрывалась между удивлением и досадой от того, что он мог предположить, будто я стану совать нос в его дела. Это же надо!

Построенный недалеко от вершины поросшей лесом горы, иллирийский лагерь представлял собой сплошь голые скалы и грязь, среди которых по кругу были разбросаны палатки, которые можно было легко разобрать, рядом с большими ямами, приготовленными для разведения огня. У самой кромки леса располагалась дюжина постоянных построек из серого горного камня. Из труб поднимался дым, выделяющийся на фоне прохладного,

облачного утра, и клубился на ветрах, пролетающих в вышине.

Столько крылатых воинов постоянно взмывало вверх, направляясь в другой лагерь или на тренировки!

В самом деле, боевые площадки для спарринга и тренировок находились по другую сторону лагеря, среди скал, которые резко обрывались бездной, оканчивающейся у самого подножья горы. Было много оружия, разложенного по местам и попросту брошенного, на площадках, очерченных мелом, мужчины всех возрастов тренировались на палках, мечах, щитах и копьях. Быстрые, смертоносные, жестокие. Не было слышно ни жалоб, ни криков боли.

Здесь не было ни тепла, ни радости. Даже дома по другую сторону лагеря не имели признаков уюта... будто их использовали лишь как убежище на ночь или склад.

И именно здесь выросли Рис, Азриэль и Кассиан, здесь был брошен Кассиан выживать совсем один, как сумеет. Здесь было так холодно, что я дрожала, не смотря на свою подбитую мехом кожаную экипировку. Я не могла себе даже вообразить маленького ребенка — скудно и недостаточно тепло одетого, бездомного хоть на одну ночь — мальчишку младше восьми лет.

Лицо Мор было бледным, напряженным.

— Ненавижу это место, — сказала она глухим голосом, и произнесённые слова обратились облачком пара в морозном воздухе, — нужно бы сжечь его дотла.

Кассиан и Рис молчали, и не проронили ни слова, когда к нам подошел высокий, широкоплечий мужчина, в сопровождении ещё пяти иллирийцев — крылья сложены, однако руки недалеко от оружия.

Несмотря на то, что Рис мог бы уничтожить их разум, не шевельнув и пальцем.

У всех были Сифоны разных цветов на тыльной стороне рук, камни меньше, чем у Азриэля и Кассиана. И лишь по одному. Не по семь, как использовали мои друзья, чтобы направлять свою колоссальную мощь.

Иллириец, подошедший первым, произнёс:

— Ещё одна проверка лагеря? Твой пёс, — он указал подбородком на Кассиана, — был здесь на прошлой неделе. Девчонки тренируются.

Кассиан скрестил руки.

— Не вижу их на площадке.

— У них есть дела по дому, которые надо сделать в первую очередь, — ответил тот, расправляя плечи, и его крылья чуть раскрылись. — Будут тренироваться, когда закончат.

Тихий ядовитый смешок вырвался из губ Мор, и мужчина развернулся к нам и напрягся. Мор зло улыбнулась ему.

— Здравствуй, лорд Девлон.

Значит это начальник лагеря.

Он безразлично взглянул на неё и вновь повернулся к Рису. Предупреждающее рычание Кассиана отдалось вибрацией у меня в животе.

Наконец Рис процедил:

— Как всегда приятно увидеть тебя, Девлон, но у нас есть два текущих вопроса: во-первых, как тебя вполне четко проинформировал Кассиан, женщины будут тренироваться раньше всех прочих дел, а не после. Пусть отправляются на площадку. Прямо сейчас. — Я задрожала от его абсолютного, командного тона. Он продолжил: — Во-вторых, пока что мы останемся здесь. Освободи старый дом моей матери. Экономка не нужна. Мы обойдемся

сами.

— Дом занят моими лучшими воинами.

— Ну так освободи его, — сказал Рисанд спокойно, — и пусть приберут за собой.

Голос Высшего Лорда Ночного Двора... наслаждающегося болью других и заставляющего дрожать своих врагов.

Девлон принялся к моему запаху. Я собрала все осколки моего разбитого усталостью тела и выдержала его взгляд.

— Снова такая... такое создание, что однажды уже приводил к нам? Я думал, она уникальна в своем роде.

— Амрен, — сказал Рис вкрадчиво, — шлёт вам привет. А что касается её... — я изо всех сил старалась держаться прямо под его взглядом. — Она моя. — Он произнес спокойно, но достаточно угрожающе, чтобы Девлон и его воины его поняли. — И если кто-либо прикоснётся к ней, то потеряет руку. А потом и голову. — Я старалась не дрожать, так как Кассиан и Мор сохраняли равнодушный вид. — А когда Фейра закончит убивать посягнувшего, — ухмыльнулся Рис, — я обращу в прах его кости.

Я чуть не рассмеялась. Однако воины казалось, оценивали угрозу с моей стороны, на которую намекнул Рис... и не находили ответа. Я улыбнулась им скромной улыбкой, копируя улыбку Амрен, которую подмечала у неё тысячу раз. Приглашая их поразмыслить, что я могла сделать, если меня спровоцировать.

— Мы отправляемся, — сказал Рис Кассиану и Мор, не позаботившись попрощаться с Девлоном, и двинулся в сторону кромки деревьев. — Вернёмся к вечеру, — он посмотрел на свою кухню, — постарайся не ввязываться в проблемы, пожалуйста. Девлон — военачальник, который ненавидит нас меньше других, и мне не хотелось бы искать другой лагерь.

Святая Мать, если Девлон самый лояльный из них, остальные военачальники должны быть очень... очень неприятными.

Мор подмигнула нам обоим.

— Я постараюсь.

Рис лишь покачал головой и сказал Кассиану:

— Проверь боевую готовность войска, а затем убедись, что женщины тренируются, как положено. Если Девлон или кто-либо ещё возразят, делай то, что должен.

Кассиан ухмыльнулся так, что стало ясно, он будет более чем счастлив, если представится возможность исполнить приказ. Он генерал Высшего Лорда... и несмотря на это Девлон назвал его псом. Мне не хотелось представлять, каково было для Кассиана вырасти здесь без этого звания.

Наконец Рис взглянул на меня, чуть прикрыв глаза.

— Идём.

— У тебя есть новости от моих сестёр?

Он отрицательно покачал головой.

— Нет. Азриэль проверит сегодня, получили ли они ответ. Ты и я... — Ветер трепал его волосы, когда Рис самодовольно улыбнулся, — отправимся тренироваться.

— Куда?

Он махнул рукой в сторону простирающихся вокруг земель — поросших лесом степей, которые он когда-то упоминал.

— Подальше, где не будет потенциальных жертв, которые мы можем устроить, — он

протянул мне руку, расправляя крылья, тело готово к полету.

Однако, единственное, что я слышала, были два слова, произнесённые им ранее, звучащие, будто отголосок постоянно пульсирующего «предательница, предательница»:

«Она моя».

* * *

Вновь оказаться в объятиях Риса, ощущать его тело было еще одной проверкой на упрямство. Для нас обоих. Чтобы выяснить, кто же заговорит об этом первый.

Мы летели над самыми прекрасными горами, которые мне доводилось видеть — заснеженными и поросшими соснами — направляясь к холмистым степям, когда я спросила:

— Тренируешь иллирийских женщин как воинов?

— Пытаюсь, — Рис глядел на простирающийся внизу суровый пейзаж. — Давно, уже очень давно я запретил обрезать им крылья, однако... в наиболее фанатичных лагерях далеко в горах это продолжают делать. А когда Амаранта пришла к власти, эти зверства вновь стали твориться и в более лояльных лагерях. Чтобы защитить своих женщин, так они говорили. В течение последних ста лет Кассиан пытается создать воздушный отряд из женщин, чтобы доказать, что они тоже могут участвовать в битвах. Он смог обучить несколько убежденных воительниц, но мужчины сделали их жизнь настолько невыносимой, что многие ушли. А что касается тех, кто ещё тренируется... — Он глубоко вздохнул. — Это очень долгий путь... Однако Девлон один из немногих, кто позволяет женщинам тренироваться, не закатывая при этом слишком много скандалов.

— Я бы не сказала, что неподчинение приказу можно назвать «не закатывает скандалы».

— В некоторых лагерях объявили, что любая женщина, уличенная в том, что она тренируется, будет расценивается как неподходящая для замужества. Я не могу бороться с этим. Только если убить всех лидеров мятежных лагерей и самому вырастить их наследников.

— И всё же... твоя мать любила их... и вы трое нанесли на своё тело татуировки лагеря.

— Я сделал татуировки отчасти ради матери, отчасти в честь моих братьев, боровшихся каждый день своей жизни за право носить их.

— Почему ты позволяешь Девлону так говорить с Кассианом?

— Потому что знаю, когда не стоит лезть на рожон с Девлоном, и знаю, что Кассиан взбесится, если я вмешаюсь и расплющу Девлону мозг, как виноградину... когда Кассиан может сам разобраться с этим.

По моему телу пробежал холодок.

— Ты думал поступить так?

— Только что. Однако большинство лордов военных лагерей не позволило бы нам принять участие в Кровавом Обряде. Девлон же позволил полукровке и двум незаконнорожденным участвовать... и признал нашу победу.

Укрытые свежим снегом сосны расплывались под нами.

— Что за Кровавый Обряд?

— Столько вопросов от тебя сегодня... — я с силой сжала его плечо, и он рассмеялся. — Воин отправляется безоружным в горы, магия запрещена, никаких Сифонов, крылья связаны, никаких припасов, никакой одежды, кроме той, что на себе. Через это

проходят все иллирийские мужчины, желающие из новичков заслужить звание настоящего воина. Сотни уходят в горы в начале недели... и не все из них возвращаются к ее концу.

Покрытый инеем пейзаж казался бесконечным, вечным, столь же непримиримым, как и воины, правившие здесь.

— Они... Они убивают друг друга?

— Большинство пытаются. Чтобы добыть пищу и одежду, из мести, из-за славы и вражды между кланами. Девлон позволил нам участвовать в Обряде, но постарался, чтобы Кассиан, Азриэль и я были заброшены в разных местах.

— И что произошло?

— Мы нашли друг друга. Пересекли горы, убивая на своем пути, чтобы встретиться. Оказалось, что порядочное количество иллирийцев желали доказать, что они сильнее и умнее нас. Как оказалось в итоге, они ошибались.

Я осмелилась взглянуть ему в лицо. На мгновение я будто увидела его: окровавленного, неистового, сражающегося и убивающего в стремлении добраться к своим друзьям, защитить и спасти их.

Рис приземлился на прогалине, где сосны были такие высокие, что они, казалось, ласково касались низких серых облаков, подгоняемых быстрым ветром.

— Значит, ты не используешь магию, но я да? — спросила я, отходя от него на несколько шагов.

— Наши враги сосредоточены на отслеживании моей магии. Ты, напротив, остаешься невидимкой. — Он взмахнул рукой. — Посмотрим, чего мы достигли со всеми твоими тренировками.

Мне не хотелось. Я просто спросила:

— Когда... когда ты познакомился с Тамлином?

Я знала, что сделал отец Рисанда. Я старалась не думать об этом.

О том, как он убил отца и братьев Тамлина. И мать.

Но сейчас, после прошлой ночи, после Двора Кошмаров... Я должна была знать.

Лицо Риса застыло маской терпения.

— Покажи мне что-нибудь впечатляющее, и я расскажу. Магия в обмен на ответы.

— Я знаю, в какую игру ты играешь... — Я остановилась, глядя на его насмешливую улыбку. — Отлично.

Я вытянула руку перед собой, ладонью вверх, и приказала тишине и покою разлиться по моим венам, в моем сознании.

Тишина и покой, и тяжесть, будто нахожусь под водой.

И над моей ладонью затанцевала, взмахивая крыльями, бабочка из воды.

Рис улыбнулся, однако его улыбка погасла, когда он произнес:

— Тамлин был моложе меня... он родился, когда началась Война. Но после войны, когда он повзрослел, мы виделись при нескольких дворах. Он... — Рис сжал челюсти. — Для сына Высшего Лорда он казался... порядочным. Лучше выводка Берона в Осеннем Дворе. Однако братья Тамлина были столь же ужасными, как и семья Берона. Даже хуже. Они знали и боялись, что однажды титул перейдет к Тамлину. И, так как я сам был иллирийцем-полукровкой, вынужденным доказывать и защищать свои права, я понимал, что чувствует Тамлин, и через что ему приходится проходить... Я стал его другом. Искал с ним встречи каждый раз, когда получалось покинуть двор или военный лагерь. Может это была жалость или сострадание, но... я показал ему некоторые приемы иллирийцев.

— Кто-либо знал об этом?

Он приподнял бровь и намекающе взглянул на мою руку.

Я скорчила гримасу и создала из воды несколько певчих птиц, отпустив их порхать над поляной, как они летали вокруг меня в ванной комнате в Летнем Дворе.

— Кассиан и Азриэль знали, — продолжил рассказывать Рис, — и моя семья. И не одобряли этого. — Его фиолетовые глаза казались застывшими кусочками льда. — Однако отец Тамлина почувствовал в этом угрозу. Из-за меня. И, так как он был слабее меня и Тамлина, он решил доказать всему миру, что это не так. Моя мать и сестра собирались прибыть в иллирийский военный лагерь, чтобы повидать меня. Я должен был встретить их на полпути, но был занят, тренируя новую группу, и решил остаться.

Я ощутила, как всё внутри переворачивается снова и снова, и снова, и почувствовала необходимость опереться о что-нибудь, когда Рис произнес:

— Отец Тамлина, его братья и он сам отправились в иллирийскую глушь, узнав от Тамлина — от меня — где будут находиться мои мать и сестра; они знали, что я должен встретить их. Я должен был там быть. Но меня не было. И они все равно зверски убили мою мать и сестру.

Я начала трясти головой, глаза жгло. Я не знала, что я пыталась отрицать или стереть, или проклинать.

— Это должен был быть я, — сказал он, и я поняла — поняла его слова, сказанные, когда я разрыдалась перед Кассианом на тренировочной площадке. — Они сложили их головы в ящики и пустили плыть по реке... до ближайшего лагеря. Отец Тамлина оставил себе их крылья в качестве трофея. Удивлён, что ты не увидела их пришпиленными в кабинете.

Кажется, меня сейчас стошнит, и я упаду на колени, и заплачу.

Но Рис глядел на зверинец водных животных, который я создала и сказал:

— Что ещё?

Может из-за холода, может из-за его рассказа, но изморозь пробежала по моим венам, и зимний ветер завыл яростную песню в самом моем сердце. И я почувствовала вдруг... как легко я могла овладеть ими, объединить все мои способности.

Все мои создания замерли в воздухе... и превратились в идеально вырезанные из льда фигуры.

Одна за другой они рухнули вниз и разбились на кусочки.

Мои способности объединились в одно. Они происходили из одного тёмного источника, зародились в одном вечном колодце магической силы. Однажды, очень давно... раньше, чем родилось слово, и когда мир был совсем юн.

Рис продолжил:

— Когда я узнал... когда узнал мой отец... я не был абсолютно честен с тобой тогда, Под Горой, я сказал тебе, что мой отец убил отца и братьев Тамлина. Я был с ним. Помог ему. Мы перенеслись к границам Весеннего Двора в ту ночь, потом пешком преодолели оставшийся путь... до особняка. Я растерзал братьев Тамлина, едва увидев. Захватил их сознание и так, беззащитных, изрубил в куски, расплавил их мозг прямо в черепе. Когда я вошел в спальню Высшего Лорда... он был мёртв. И мой отец... мой отец убил и мать Тамлина тоже.

Я не могла перестать трясти головой. Нет, нет.

— Мой отец пообещал не трогать её. Уверял, что мы не такие чудовища. Но он солгал

мне, и всё равно убил её. И затем отправился в комнату Тамлина.

Я не могла дышать, не могла вдохнуть, когда Рис сказал:

— Я пытался удержать его. Он не слушал. Он собирался убить и его. Но я не мог... После всех этих смертей, я больше не мог. Для меня было уже не важно, что Тамлин был там, что позволил убить моих мать и сестру, что пришел убить меня, потому что не рискнул пойти против своей семьи. Но с меня хватило смертей. Так что я задержал отца у двери. Он пытался пройти мимо меня. Тамлин открыл дверь, увидел нас... почувствовал запах крови, уже пропитавшей всё вокруг... И я не успел сказать ни слова, как он убил моего отца одним ударом. Я почувствовал, как магия перешла ко мне, увидел, как она перешла и к нему. Мы взглянули друг на друга — в одночасье внезапно мы оба стали Высшими Лордами — и затем я сбежал.

Тамлин убил семью Рисанда. Высший Лорд, которого я любила... уничтожил семью своего друга, и когда я спросила, как погибла его собственная семья, он сказал лишь, что это сделал один из вражеских дворов. Что это сделал Рисанд, и...

— Он не рассказывал тебе об этом.

— Я... я так сожалею, — выдохнула я охрипшим голосом.

— Отчего? Ты ничего не сделала.

— Я не знала. Не знала, что он...

И Рис думал, что я сравниваю их... сравниваю его с Тамлином, принимая Тамлина за какой-то эталон...

— Почему ты остановилась? — спросил Рис, глядя на ледяные осколки, рассыпанные на ковре из сосновых игл.

Те, кого он любил больше всех... погибли. Были хладнокровно растерзаны. Растерзаны Тамлином.

Поляна запылала в огне.

Сосновые иглы исчезли, деревья застонали, и даже Рис выругался, когда огонь взметнулся над поляной, взорвал мое сердце и поглотил всё на своем пути.

С полным правом он заставил тогда Тамлина умолять на коленях, в день, когда я формально познакомилась с ним. Не удивительно, что он использовал каждую возможность, чтобы задеть Тамлина. Быть может, и мое присутствие здесь...

Нет. Я знала, что это неправда. Я знала, что мое присутствие здесь не имело отношения к тому, что произошло между ними, хотя Рис, без сомнения, наслаждался в полной мере, сорвав нашу свадьбу. На самом деле, он спас меня в тот день.

— Фейра, — позвал Рис, когда огонь потух.

Нет, на самом деле нет. Огонь полыхал внутри... жег мои вены. Рядом с венами изо льда и воды.

И тьмы.

В воздухе вокруг нас кружились хлопья пепла, и я послала выдох успокаивающей тьмы, выдох льда и воды, будто порыв ветра... освежающий утренний бриз, очищающий мир.

Эта сила уже не принадлежала Высшим Лордам. Больше нет.

Она была моей... как и я принадлежала лишь себе, как и мое будущее, и только я могла решать и создавать его.

Теперь, когда я открыла и научилась управлять тем, что мне досталось от Высших Лордов, я могла сплести их магию вместе — преобразуя в нечто новое, нечто, что имело отношение к каждому двору Прифиана, но вместе с тем было ничьим.

Огненные всполохи зашипели и исчезли полностью, не оставив даже дыма.

Я встретила взгляд Риса, глаза его были чуть расширены от того, что я сделала. Я произнесла охрипшим голосом:

— Почему ты не рассказал мне раньше?

Образ его, в иллирийских воинских доспехах, крылья, расправленные во всю ширь поляны, клинок, виднеющийся из-за плеча...

Там, в этой зияющей пустоте моего сердца — там запечатлелся этот образ. На первый взгляд, он будет казаться ужасающим — воплощение ярости и мести. Но если приблизиться... картина покажет совершенную красоту на его лице, крылья, раскрытые не для атаки, а чтобы унести меня подальше от опасности, чтобы укрыть меня.

— Не хотел, чтобы ты думала, будто я пытаюсь настроить тебя против него, — ответил он.

Эта картина... Я видела её, чувствовала. Я хотела нарисовать её.

Я хотела рисовать.

Я не стала ждать, когда он протянет мне руку, и подошла сама. Взглянула в его глаза и произнесла:

— Я хочу нарисовать тебя.

Он нежно поднял меня на руки.

— Обнаженн ым лучше всего, — прошептал он мне на ухо.

Я так замерзла, что, казалось, никогда не смогу согреться снова. Даже во время зимы в королевстве смертных мне удавалось найти в себе хоть какую-то крупицу тепла, но после того, как сегодня в обед я опустошила почти весь свой запас магии, даже ревущий в камине огонь не мог растопить холод вокруг моих костей. Приходит ли вообще *когда-нибудь* весна в это проклятое место?

— Они выбрали эти места, — сказал Кассиан, сидевший напротив меня, пока мы обедали бараньим рагу, собравшись у стола, стоящего в углу в передней части каменного дома, — чтобы убедиться, что выживут только самые сильные из нас.

— Ужасные люди, — проворчала Мор в свою глиняную миску. — Не виню Аза, что он никогда не хочет возвращаться сюда.

— Полагаю, обучение девушек прошло хорошо, — протянул Рис, сидящий рядом со мной. Его бедро было так близко, что его тепло касалось моего собственного.

Кассиан осушил кружку эля.

— Я заставил одну из них признаться, что они не получали уроков в течение десяти дней. Они все были слишком заняты «обязанностями», очевидно.

— В этой партии нет прирожденных бойцов?

— На самом деле, их три, — сказала Мор. — Три из десяти это совсем не плохо. Что касается остальных, то я буду счастлива, если они научатся защищать хотя бы самих себя. Но те трое... У них есть врожденные инстинкты — когти. Это все их глупые семьи, которые хотят, чтобы им подрезали крылья и заставили вынашивать потомство.

Я встала из-за стола, чтобы отнести свою миску к раковине у стены. Дом был простой, но все же больше и в лучшем состоянии, чем наш старый коттедж. Передняя комната служила одновременно кухней, гостиной и столовой, и имела три двери в задней части: одна вела в тесную ванную комнату, другая в кладовую, а третья служила черным входом, поскольку, как сказал Рис, ни один настоящий иллириец не построит дом лишь с одним выходом.

— Когда именно завтра ты отправляешься в Вытесанный город? — спросил у нее Кассиан достаточно тихо, и я поняла, что, наверное, пора мне подняться наверх.

Мор поскребла по дну своей миски. Скорее всего, тушеное мясо приготовил Кассиан, так оно было не таким уж плохим.

— После завтрака. До него. Я не знаю. Может быть, во второй половине дня, когда все они только просыпаются.

Рис был на шаг позади меня, держа миску в руке и жестом приглашая меня поставить мою грязную тарелку в раковину. Он повернул голову в сторону крутой, узкой лестницы в задней части дома. Она была достаточно широкой лишь для одного иллирийского воина за раз — еще одна мера безопасности — и я взглянула на стол последний раз, прежде чем уйти наверх.

Мор и Кассиан оба смотрели в свои пустые миски, на это раз тихо переговариваясь.

С каждым шагом наверх я ощущала Риса за моей спиной, чувствовала исходящий от него жар, приливы и отливы его силы. И в этом тесном пространстве его запах захлестнул меня, манил меня.

Наверху было темно, лунный свет струился лишь через одно маленькое окно в конце

коридора, проникая сквозь зазоры между сосен вокруг дома. Здесь было только две двери, и Рис указал на одну из них.

— Ты и Мор можете занять эту комнату сегодня. Просто скажи ей замолчать, если она будет болтать слишком много.

Я бы не стала этого делать. Если ей нужно будет поговорить, отвлекись и подготовиться к тому, что должно было произойти завтра, я готова была слушать ее до рассвета.

Он положил руку на ручку двери своей комнаты, но я прислонилась спиной к деревянной поверхности своей двери.

Было бы так легко сделать три шага, чтобы пересечь коридор.

Пробежаться руками по его груди, провести по его прекрасным губам своими собственными.

Я сглотнула, когда он повернулся ко мне.

Я не хотела думать о том, что это значит, о том, что я делаю. О том, что это было — что бы это ни было — между нами.

Потому что происходящее между нами никогда не было обычным, с момента самой первой нашей встречи на Каланмэй. Я была не в силах уйти от него тогда, когда думала, что он смертоносен, опасен, а сейчас...

Предательница, предательница, предательница...

Он открыл было рот, но я уже скользнула в свою комнату и закрыла дверь.

* * *

Ледяной дождь стекал сквозь сосновые сучья, в то время как я шагала сквозь туман, облаченная в иллирийскую боевую кожу, вооруженная луком, колчаном и ножами, и дрожа как мокрая собака.

Рис шел в нескольких футах позади меня, неся наши пожитки. Мы улетели вглубь лесостепи достаточно далеко, чтобы пришлось потом заночевать здесь. Достаточно далеко для того, чтобы никто и ничто не могло увидеть еще один «восхитительный взрыв пламени и нрава», как Рис назвал это. Азриэль так и не принес вестей от моих сестер по поводу встречи с королевами, поэтому у нас было свободное время. Хотя по Рису этого не было заметно, когда он сообщил мне об этом утром. Но, по крайней мере, нам не придется ночевать под открытым небом. Рис пообещал, что поблизости мы найдем постоянный двор для путников.

Я повернулась к Рису, который плелся следом за мной, сначала замечая его массивные крылья. Мор отправилась в Вытесанный город прежде, чем я успела проснуться, и Кассиан был в препаршивом настроении во время завтрака... Настолько паршивом, что я была рада уйти сразу же, как покончила со своей кашей. И слегка посочувствовала иллирийцам, которым придется иметь с ним дело в этот день.

Рис остановился, только нагнав меня, и даже среди деревьев и стены дождя между нами, я могла видеть, как его брови поднялись в молчаливом вопросе о том, почему я остановилась. Мы не обсуждали случившееся во время Звездопада или во Дворе Кошмаров... и прошлой ночью, когда я крутилась и ворочалась в маленькой кровати, я решила: пусть это будет веселье и отвлечение. Это не должно быть сложно. Оставить все это только на уровне просто физического влечения... Ну, кажется, это не будет таким уж предательством.

Я подняла руку, давая Рису знак, чтобы он стоял там, где стоит. После вчерашнего я не хотела, чтобы он был слишком близко, иначе я могла сжечь и его. Или хуже. Он изобразил

драматичный поклон, и я закатила глаза, направляясь к ручью впереди, размышляя, где на самом деле могла бы попытаться поиграть с огнем Берона. Моим огнем.

С каждым своим шагом я чувствовала, как Рис пожирает меня взглядом. Или, быть может, это проскальзывало сквозь нашу связь, задевало мои ментальные щиты — вспышки голода настолько ненасытного, что мне потребовалось приложить усилие, чтобы сосредоточиться на предстоящей задаче, а не на ощущении того, какими были его руки, поглаживающие мои бедра, прижимающие меня к нему.

Я могла бы поклясться, что почувствовала вспышку удивления по другую сторону своих ментальных щитов. Я зашипела и показала неприличный жест через плечо, и одновременно позволила своим щитам совсем немного упасть.

Легкое веселье превратилось в полный восторг, а затем — во вспышку удовольствия, прокатившуюся вниз по моему позвоночнику. Ниже.

Мое лицо вспыхнуло, а под ботинком громко, словно молния, треснул сучок. Я стиснула зубы. Земля впереди обрывалась серым, хлещущим потоком, настолько быстрым, что его, должно быть, питали возвышающиеся вдаль, укрытые снегом горы.

Хорошим — это место было хорошим. Дополнительный запас воды, чтобы потушить любые языки пламени, вышедшие из-под контроля, много открытого пространства. Ветер обдувал меня, унося мой запах на юг, все глубже в лес, когда я открыла рот, чтобы сказать Рису держаться позади.

С таким ветром и ревушим совсем рядом потоком, не удивительно, что я не услышала их, пока они не окружили меня.

— Фейра.

Я молниеносно развернулась, накладывая стрелу и направляя острие на источник голоса.

Четверо стражей Весеннего Двора шагнули из-за деревьев позади меня, словно привидения, вооруженные до зубов и с широко раскрытыми глазами. Двоих из них я знала: Брон и Харт.

И между ними стоял Люсьен.

Если я хотела сбежать, то мне придется столкнуться либо с потоком, либо с ними. Но Люсьен...

Его рыжие волосы были собраны назад, и не было ни намека на роскошные убранные: лишь кожаные доспехи, мечи, ножи... Его металлический глаз изучал меня, а обычно золотистая кожа была бледной.

— Мы выслеживали тебя два месяца, — выдохнул он, теперь оглядывая лес, ручей, небо.

Рис. Котел спаси меня. Рис остался слишком далеко позади, и..

— Как ты меня нашел? — мой уверенный, холодный голос был мне не знаком. Но... они *выслеживали* меня. Как будто я на самом деле была добычей.

Если Тамлин был здесь... Моя кровь внезапно замерзла и стала холоднее, чем ледяной дождь, струящийся вниз по моему лицу и проникающий под одежду.

— Кое-кто подсказал нам, что ты здесь, но это была чистая удача, что мы поймали твой запах на ветру, и... — Люсьен сделал шаг ко мне.

Я отступила назад. Между мной и потоком воды оставалось всего три фута.

Глаза Люсьена слегка расширились.

— Нам нужно убираться отсюда. Тамлин... он не в себе. Я отведу тебя прямо к..

— Нет, — выдохнула я.

Слово прогремело сквозь дождь, ручей, сосновый лес.

Четверо стражей переглянулись, а потом посмотрели на стрелу, которую я все еще держала нацеленной на них.

Люсьен снова окинул меня взглядом.

И я знала, на что он теперь изумленно смотрел: иллирийское боевое облачение. Цвет и полнота, что вернулись моему лицу и телу.

И молчаливая сталь в моих глазах.

— Фейра, — сказал он, протягивая руку, — пойдём домой.

Я не сдвинулась с места.

— То место перестало быть моим домом в тот день, когда ты позволил ему запереть меня внутри.

Губы Люсьена сжались.

— Это было ошибкой. Мы все совершили ошибку. Он сожалеет... сожалеет больше, чем ты себе представляешь. Как и я. — Он шагнул ко мне, и я попятилась назад еще на несколько дюймов.

Совсем немного места осталось между мной и бурлящей водой внизу.

Передо мной всплыли тренировки с Кассианом, как будто все уроки, что он вдалбливал мне в голову каждое утро превратились в спасительную сеть, подхватившую меня и не давшую провалиться в пропасть все возрастающей паники. Как только Люсьен коснется меня, он рассеет нас прочь. Не далеко — он не настолько сильный — но он был быстрым. Мы перепрыгнем на мили отсюда, затем все дальше и дальше, пока Рис не сможет достигнуть меня. Он знал, что Рис был здесь.

— Фейра, — взмолился Люсьен и решил сделать еще шаг, его рука оставалась протянута.

Моя стрела изменила наклон и нацелилась на него, тетива лука застонала от натяжения.

Я никогда не осознавала, что в то время как Люсьен был обучен как воин, Кассиан, Азриэль, Мор и Рис были Воинами. Кассиан мог стереть Люсьена с лица земли лишь одним ударом.

— Опустит стрелу, — прошептал Люсьен, будто успокаивая дикое животное.

За его спиной четверо стражей двинулись ближе. Загоняя меня в угол.

Домашнее животное Высшего Лорда и его собственность.

— Не, — выдохнула я, — Прикасайся. Ко мне.

— Ты не понимаешь, в какой мы неразберихе, Фейра. Нам... мне нужно, чтобы ты вернулась домой. Сейчас.

Я не хотела это слышать. Глядя на поток внизу, я подсчитывала свои шансы.

Этот взгляд в сторону обошелся мне дорого. Люсьен бросился вперед, протягивая руку. Одно касание — это все, что было нужно...

Я больше не была домашним животным Высшего Лорда.

И, может быть, пора миру узнать, что у меня действительно есть клыки.

Палец Люсьена задел рукав моей кожаной куртки.

И я стала дымом и пеплом, и ночью.

Мир замер и изогнулся, и там был Люсьен, стремящийся с такой медленной скоростью туда, где теперь было пусто, потому что я обогнула его и помчалась к деревьям позади стражников.

Я остановилась, и время вернулось к своей естественной скорости. Люсьен пошатнулся, сумев остановиться прежде, чем упал с обрыва, и развернулся — глаза широко открытые — чтобы увидеть, что я теперь стояла позади его стражей. Брон и Харт вздрогнули и попятнулись. От меня.

И от Рисанда рядом со мной.

Люсьен замер как вкопанный. Я превратила свое лицо в ледяное зеркало — бесчувственный близнец выражения жестокого развлечения на лице Рисанда, когда он стряхнул пушинку со своей темной туники.

Темная, элегантная одежда — никаких крыльев, никаких боевых кожаных доспехов.

Выглаженная, красивая одежда... Еще одно оружие. Чтобы скрыть, насколько тренированным и сильным он был; скрыть, откуда он родом и что он любил. Дорогое оружие, стоящее того, чтобы использовать магию, чтобы скрыть его — даже если это подвергнет нас опасности быть отслеженными.

— Малыш Люсьен, — промурлыкал Рис. — Разве Леди Осеннего Двора никогда не рассказывала тебе, что когда женщина говорит нет, она имеет это в виду?

— Придурок, — Люсьен зарычал, пронесшись мимо стражи, но не решаясь прикоснуться к оружию. — Ты грязный, шлюшный придурок!

Я зарычала.

Глаза Люсьена скользнули на меня, и он спросил с тихим ужасом:

— Что ты сделала, Фейра?

— Больше не пытайся искать меня снова, — сказала я с той же жесткостью.

— Он никогда не перестанет искать тебя; никогда не перестанет ждать твоего возвращения домой.

Слова больно ударили меня — как и намеревалось. Должно быть, это промелькнуло на моем лице, потому что Люсьен надавил:

— Что он с тобой сделал? Он захватил твой разум и...

— Хватит, — оборвал Рис, чуть наклонив голову с обычной грацией. — Мы с Фейрой заняты. Возвращайтесь в свои земли, иначе я отправлю ваши головы как напоминание моему старому другу о том, что происходит, когда лакеи Весеннего Двора ступают на мою территорию.

Ледяной дождь затекал за ворот моей одежды, тек по моей спине. Лицо Люсьена было мертвенно-бледным.

— Ты доказала свою точку зрения Фейра — а теперь идем домой.

— Я не ребенок, играющий в игры, — процедила я сквозь зубы. Вот какой они видели меня: нуждающейся в няньках, объяснениях, защите...

— Осторожнее, Люсьен, — протянул Рисанд. — Или дорогая Фейра вышлет обратно пс кускам и тебя тоже.

— Мы не враги тебе, Фейра, — умолял Люсьен. — Все стало плохо, Ианта отбилась от рук, но это не значит, что ты должна сдаваться..

— Это ты сдался, — выдохнула я.

Я почувствовала, что даже Рис замер от моих слов.

— Это *ты* отказался от меня, — сказала я чуть громче. — Ты был моим другом. И ты выбрал *его* — выбрал повиноваться ему, даже когда видел, что его приказы и правила делают со мной. Даже когда ты видел, как я чахну *день ото дня*.

— Ты просто *не представляешь*, насколько шаткими были те первые несколько месяцев, — рявкнул Люсьен. — Нам *нужно было* представить единый, послушный приказам фронт, и я должен был быть примером, которому последуют все остальные в нашем Дворе.

— Ты видел, что со мной происходит. Но ты слишком боялся его, чтобы действительно что-нибудь с этим сделать.

Это был страх. Люсьен перечил Тамлину, но лишь до определенного момента. И всегда уступал в конце.

— Я умоляла тебя, — произнесла я, и слова были режущими и сорванными. — Я столько раз умоляла тебя помочь мне, выгнать меня из дома хоть на час. А ты либо бросал меня одну или заталкивал в комнату с Иантой, или приказывал терпеть.

Люсьен спросил слишком тихо:

— Я полагаю, что Ночной Двор оказался намного лучше?

Я вспомнила — вспомнила, что, как предполагалось, я должна была знать и испытывать в Ночном Дворе. Что Люсьен и остальные не должны были никогда узнать, даже если бы на кону была моя жизнь.

И я бы отдала ее. Чтобы сохранить Веларис в безопасности, чтобы Мор и Амрен, и Кассиан, и Азриэль, и... *Рис* были в безопасности.

И я ответила Люсьену, голосом низким и спокойным, и таким же пугающим, как и длинные когти, образовавшиеся на кончиках моих пальцев, таким же устрашающим, как и чудесная тяжесть, раскинувшаяся между клинками, висящими у меня за спиной:

— Когда ты проводишь столько времени запертым во тьме, Люсьен, тьма начинает глядеть в ответ.

Своим ментальным щитом я ощутила пульс удивления и дьявольского восторга при виде темных, перепончатых крыльев, которые, как я знала, теперь раскрылись над моими плечами. Каждый ледяной поцелуй дождя посылал мурашки холода по моему телу. Чувствительные, они такие чувствительные, эти иллирийские крылья.

Люсьен попятился на шаг назад.

— Что ты с собой сделала?

Я послала ему маленькую улыбку.

— Смертная девушка, которую ты знал, умерла Под Горой. Я не собираюсь провести бессмертие в качестве домашней зверушки Высшего Лорда.

Люсьен затряс головой.

— Фейра..

— Скажи Тамлину, — произнесла я, поперхнувшись на его имени, на мысли о том, что он сделал с Рисом и его семьей, — что если он пошлет еще кого-нибудь в эти земли, я выслежу каждого из вас. И продемонстрирую, чему именно меня научила тьма.

Его лицо, казалось, исказила искренняя боль.

Меня это не заботило. Я просто наблюдала за ним, непреклонная, холодная, темная. Существо, которым я могла бы стать, если бы осталась в Весеннем Дворе, если бы оставалась сломанной на протяжении десятилетий, веков... пока не научилась бы спокойно направлять эти осколки боли наружу, научилась смаковать чужую боль.

Люсьен кивнул охране. Брон и Харт, с широко распахнутыми глазами и трясущиеся, исчезли вместе с двумя другими.

Люсьен на мгновение задержался, между нами не было ничего, кроме воздуха и дождя. Он тихо бросил Рисанду:

— Ты покойник. Ты и весь твой проклятый Двор.

Потом он исчез. Я уставилась на пустое место, где он был, и ждала, ждала, ждала, не стирая это выражение со своего лица, пока теплый, сильный палец не прочертил линию по краю моего правого крыла.

Это было словно... словно дыхание, приласкавшее мое ухо.

Я вздрогнула, выгибаясь, и из меня вырвался вздох.

А затем Рис был уже передо мной, изучая мое лицо, крылья за моей спиной.

— Как?

— Изменение формы тела, — выдавила я, глядя на капли дождя, скользящие вниз по его загорелому лицу. И это отвлекло мои мысли достаточно, чтобы когти, крылья и струящаяся тьма растворились, и я осталась светлой и замерзшей в своем собственном теле.

Изменение формы тела... при упоминании той части моей истории, мужчины, которого я не вполне позволяла себе вспоминать. Изменение формы тела — дар от Тамлина, который я не хотела, в котором не нуждалась... до сих пор.

Глаза Риса смягчились.

— Это было очень убедительное представление.

— Я дала ему то, что он хотел увидеть, — прошептала я. — Нам нужно найти другое место.

Он кивнул, и его туника и штаны исчезли, сменившись на знакомую боевую кожу, крылья, меч. Мой воин..

Не мой никто.

— Ты в порядке? — спросил он и поднял меня на руки, чтобы отнести нас в другое место.

Я угнездилась в его тепле, наслаждаясь им.

— Тот факт, что это было так легко, и что я почувствовала так мало, расстраивает меня больше, чем сама встреча.

Возможно, в этом и была вся моя проблема. Почему я не решилась сделать тот

последний шаг на Звездопаде. Я чувствовала себя виноватой из-за того, что не ощущаю себя ужасно, не по-настоящему. Желая его.

Несколько могучих взмахов, и мы взмыли сквозь деревья и низко поплыли над лесом, дождь лил мне в лицо.

— Я знал, что все было плохо тогда, — произнес Рисанд с тихой яростью, едва слышный из-за ледяных укусов ветра и дождя, — но я думал, что Люсьен хотя бы вмешается.

— Я тоже так думала, — сказала я, и мой голос прозвучал тише, чем я того хотела.

Он нежно сжал меня в своих объятиях, и я моргнула, глядя на него сквозь дождь. На этот раз, его глаза были прикованы ко мне, а не к местности внизу.

— Тебе идут крылья, — сказал он и поцеловал мой лоб.

Даже дождь перестал быть таким холодным.

По всей видимости, ближайший «постоялый двор» был не более чем шумной таверной с парой комнат для съёма — с почасовой оплатой, как правило.

И, более того, свободных комнат не было. Кроме крошечной, *по-настоящему крошечной* комнатухи, бывшей когда-то частью чердака.

Рис не хотел, чтобы кто-то узнал его, узнал, кто именно находился среди Высших Фэ, фейри, иллирийцев и еще бог весть какого народа, набившегося на постоялый двор. Даже я едва узнала его — без магии и с другой осанкой — он заглушил свою невероятную силу, так что теперь ее нельзя было почувствовать, и превратился в обычного, очень симпатичного иллирийского воина, раздраженного из-за того, что ему придется занять последний свободный номер, в котором не было ни гостиной, ни других комнат, и располагался тот так высоко наверху, что туда вела лишь одна узкая лестница. Если мне нужно будет попасть в ванную комнату, мне придется спуститься этажом ниже, что... учитывая запахи и звуки, проникающие из полдюжины комнат на том этаже... Я сделала пометку в уме быстро воспользоваться ею по дороге наверх и затем поклясться не посещать ее вновь до самого утра.

Целый день игр с водой, огнем, льдом и тьмой под ледяным дождем настолько меня вымотали, что в городской таверне никто даже не взглянул в мою сторону, ни один даже самый пьяный и самый одинокий завсегдагай. Несколько постоялых дворов, лавка со снаряжением, продуктовая лавка и бордель — это все, что было в этом маленьком городке. Все ориентировано на охотников, воинов и путешественников, проходящих через эту часть леса на пути в иллирийские земли или покидая их. Или просто для фейри, которые жили здесь в уединении и радовались этому. Слишком малочисленные и отдаленные для Амаранты или ее приспешников, чтобы те ими когда-либо заинтересовались.

Честно говоря, мне было все равно, где мы находились, пока здесь было сухо и тепло. Рис открыл дверь нашей комнатки на чердаке и посторонился, пропуская меня вперед.

Ну, по крайней мере, это была одна из тех вещей.

Потолок был настолько раскосым, что чтобы добраться до другой стороны кровати, мне придется ползти по тюфяку; в комнате было так тесно, что было почти невозможно обойти вокруг кровати к крошечному шкафу у другой стены. Я могла легко открыть его сидя на кровати.

Кровать.

— Я тут ни при чем, я просил две, — сказал Рис, притворно вскидывая руки вверх.

Его дыхание клубилось перед ним облачком. Даже камина нет. И совсем нет места, чтобы потребовать, чтобы он спал на полу. Я не доверяю своей власти над пламенем, чтобы попытаться согреть помещение. У меня скорее выйдет сжечь все это отвратительно место дотла.

— Если ты не можешь рисковать, используя магию, то нам придется согревать друг друга, — сказала я и сразу пожалела об этом. — Тепло тела, — уточнила я. И просто чтобы стереть этот взгляд с его лица, добавила:

— Моим сестрам и мне приходилось делить постель, так что мне не привыкать.

— Постараюсь держать руки при себе.

В моем рту слегка пересохло.

— Я хочу есть.

Он перестал улыбаться.

— Я схожу вниз и принесу нам еды, пока ты переоденешься.

Я приподняла бровь.

— Несмотря на то, что мои выдающиеся способности спрятаны от взора, мое лицо все еще могут узнать. Я бы не хотел задерживаться внизу слишком долго, чтобы это произошло, — сказал он.

В самом деле, он вынул плащ из сумки и набросил его поверх крыльев — он не рискнул применить магию, чтобы убрать их. Он сказал, что уже использовал силу сегодня, но совсем чуть-чуть, чтобы это заметили, и мы в любом случае не вернемся в ту часть леса в ближайшее время.

Он натянул на голову капюшон, и я жадно впитывала вид теней вокруг его лица и исходящей от него угрозы, и крыльев.

«Смерть на быстрых крыльях». Так я назову картину.

— Я люблю, когда ты так смотришь на меня, — сказал он мягко.

Мурлыканье его голоса заставило мою кровь вскипеть.

— Как именно?

— Так, словно моя сила это не то, от чего нужно бежать без оглядки. Словно ты видишь меня настоящего.

Мужчина, который вырос, зная, что он был самым сильным Высшим Лордом в истории Прифиана, что он может разорвать разумы других в клочки, если не будет осторожен, и что он был один — один со своей силой, со своим бременем. Но этот страх был его сильнейшим оружием против угроз для его народа... Я задела его за живое, когда мы поссорились после Двора Кошмаров.

— Я боялась тебя поначалу.

Его белые зубы сверкнули в тени капюшона.

— Нет, не правда. Нервничала, возможно, но никогда не боялась. Я чувствовал неподдельный ужас достаточного количества людей, чтобы знать разницу. Может быть, поэтому я не смог держаться от тебя подальше.

Когда? Прежде чем я успела спросить, он ушел вниз, закрыв за собой дверь.

Было настоящим мучением сдирать с себя наполовину заледеневшую одежду, которая к тому же прилипла к мокрой от дождя коже, и я ударилась о косой потолок, соседние стены, и ушибла колено о латунный столбик кровати пока переодевалась. В комнате было так холодно, что мне пришлось раздеваться постепенно: заменяя заледеневшую рубашку на сухую, штаны на флисовые леггинсы, мокрые носки на толстые и милые, ручной вязки, доходившие мне до щиколоток. Нырнув в объемный свитер, который едва уловимо пах Рисом, я села на кровати, скрестив ноги, и стала ждать.

Кровать была не маленькой, но, конечно, недостаточно большой для меня, чтобы притворяться, что я не сплю рядом с ним. Особенно с его крыльями.

Дождь барабанил по крыше всего в нескольких дюймах сверху — ровный ритм для мыслей, которые сейчас пульсировали в моей голове.

Один Котел знал, о чем прямо сейчас Люсьен докладывал Тамлину, если уже не пару часов назад.

Я послала ту записку Тамлину... и он решил проигнорировать ее. Точно так же, как проигнорировал или отверг практически все мои просьбы, и действовал из своего

искаженного понимания того, что он считал правильным для моего благополучия и безопасности. И Люсьен был готов забрать меня против моей воли.

Мужчины Фэ были собственническими, доминирующими, высокомерными, но конкретно мужчины Весеннего Двора... что-то прогнило в их воспитании, потому что глубоко внутри я знала: Кассиан мог давить на меня, испытывая мой предел, но если я скажу нет, тот он в тот же момент отступит. И я знала, что если... что если бы я постепенно чахла, и Рис ничего бы не сделал, чтобы остановить это, то Кассиан или Азриэль вытащили бы меня оттуда. Они бы забрали меня куда-нибудь, куда я захочу, а потом разобрались бы с Рисом.

Но Рис... Рис никогда бы не закрыл глаза на то, что со мной происходит, никогда бы не был таким заблудшим в своих суждениях, таким высокомерным и поглощённым только собой. Он понял, что из себя представляет Ианта с первого момента встречи с ней. И он понимал, каково это — быть в плену, быть беспомощным, и бороться, каждый день бороться с ужасом того и другого.

Я полюбила Высшего Лорда, который показал мне комфорт и чудеса Прифиана; я полюбила Высшего Лорда, который подарил мне свободное время и еду, и безопасность, чтобы я могла рисовать. Может быть, какая-то часть меня всегда будет заботиться о нем, но... Амаранты сломала нас обоих. Или сломала меня настолько, что новая я больше не подходила тому, кто он есть.

И я смогу это отпустить. Я смогу принять это. Может быть, будет сложно какое-то время, но... возможно, потом станет лучше.

Шаги Риса были почти бесшумными, их выдавал лишь легкий стон деревянных ступенек. Я поднялась, чтобы открыть дверь прежде, чем он успел постучать, и нашла его с подносом в руках. На нем стояли две стопки накрытых тарелок вместе с двумя бокалами и бутылкой вина, и..

— Скажи мне, что это пахнет тушеным мясом, — я вдохнула запах, отступив в сторону и закрыв за собой дверь, пока он ставил поднос на кровать. Точно, здесь же даже нет места для стола.

— Тушеный кролик, если верить повару.

— Я могла бы жить и без этого знания, — сказала я, и Рис усмехнулся. Эта улыбка задела что-то глубоко в моем животе, и я отвела взгляд, садясь есть, осторожно, чтобы не перевернуть поднос. Я открыла крышку верхней посуды: две тарелки с рагу. — Что там снизу?

— Мясной пирог. Я не осмелился спросить, что за мясо.

Я выстрелила в него взглядом, но он уже пробирался вокруг кровати к шкафу с сумкой в руке.

— Давай, ешь, — сказал он, — я сначала переоденусь.

Действительно, он промок и, наверно, замерз и устал.

— Нужно было переодеться, прежде чем идти вниз, — я взяла ложку и помешала рагу, вздыхая от теплых завитков пара, который поднимался от еды и ласкал мое замерзшее лицо.

Звуки стаскиваемой мокрой одежды наполнили комнату. Я старалась не думать о его голой, загорелой груди, татуировках. Тугих мускулах.

— Ты та, кто тренировался весь день. Добыть тебе горячий ужин — это меньшее, что я мог сделать.

Я съела кусочек. Пресно, но съедобно и, самое главное, горячо. Я ела в тишине, слушая

шелест надеваемой одежды и стараясь думать о ледяных ваннах, зараженных ранах, о грибок на пальцах ног — о чем угодно, кроме его обнаженного тела так близко... и кровати, на которой я сидела. Я налила себе бокал вина, а затем и ему.

Наконец, Рис протиснулся между кроватью и выступающим углом стены, его крылья были плотно прижаты. На нем были свободные тонкие штаны и облегающая рубашка из, на вид, нежнейшего хлопка.

— Как тебе удалось надеть ее через крылья? — спросила я, пока он погрузился в свою тарелку с рагу.

— Задняя часть выполнена из половинок, которые застегиваются на скрытые пуговицы... но в нормальных обстоятельствах я просто использую магию.

— Похоже, ты постоянно используешь большое количество магии.

Он пожал плечами.

— Это помогает моей силе снять напряжение. Магию нужно выпускать — осушать — иначе сила будет накапливаться и сведет с ума. Вот почему мы называем иллирийские камни сифонами — они помогают сузить поток силы и осушить ее при необходимости.

— В самом деле свести с ума? — я отложила пустую тарелку и сняла крышку с мясного пирога.

— В самом деле свести с ума. По крайней мере так меня предупреждали. Но я могу чувствовать ее — тягость, если не высвободить силу слишком долго.

— Это ужасно.

Еще одно пожатие плеч.

— Все имеет свою цену, Фейра. Если цена за то, чтобы быть достаточно сильным, чтобы суметь защитить свой народ, заключается в том, что мне приходится бороться с этой силой, то я не возражаю. Амрен достаточно рассказала мне о том, как ее контролировать, и за это я перед ней в большом долгу. К этому относится и нынешний щит вокруг моего города, пока мы находимся здесь.

Все вокруг него приносили пользу, обладали могущественной силой. А я... была не больше чем странный гибрид. Приношу больше неприятностей, чем пользы.

— Это не так, — сказал он.

— Не читай мои мысли.

— Я и не читаю, ты просто иногда кричишь их через связь. И, кроме того, обычно все написано у тебя на лице, если конечно знать, куда смотреть. Что делает твое выступление перед Люсьеном сегодня еще более впечатляющим.

Он отложил в сторону свое рагу, а я закончила поглощать мясной пирог, и скользнула назад, к подушкам на кровати, держа бокал вина в замерзших ладонях. Потягивая вино, я смотрела, как он ест.

— Ты подумал, что я уйду с ним?

Он перестал жевать и опустил вилку.

— Я слышал каждое ваше слово и знал, что ты сможешь позаботиться о себе, но все же... — он вернулся к пирогу, проглотив кусок, прежде чем продолжить. — Но все-же я решил для себя в тот момент, что если ты примешь его руку, я найду способ жить с этим. Это будет твоим выбором.

Я отпила вина.

— А если бы он схватил меня?

В его глазах не осталось ничего, кроме непреклонной воли.

— Тогда я бы разрушил весь мир, чтобы вернуть тебя.

Дрожь пробежала по моей спине, и я не смогла отвести от него взгляд.

— Я бы выстрелила в него, — выдохнула я, — если бы он попытался причинить тебе вред.

Я не призналась в этом даже самой себе.

Его глаза вспыхнули.

— Я знаю.

* * *

Он доел, отставил пустой поднос в угол, и посмотрел на меня на кровати, наполняя мой бокал, прежде чем потянуться к своему. Он был таким высоким, что ему приходилось пригибаться, чтобы не удариться головой о косою потолок.

— Одна мысль в обмен на другую, — попросила я. — И, пожалуйста, никаких тренировок на этот раз.

Смешок сорвался с его губ, и он осушил свой бокал, ставя его на поднос.

Он наблюдал за мной, пока я делала большой глоток из своего.

— Я думаю, — сказал он, следя за движением моего языка по нижней губе, — что я смотрю на тебя и чувствую, будто умираю. Словно не могу дышать. Я думаю, что хочу тебя так сильно, что не могу сосредоточиться половину времени из того, что нахожусь рядом с тобой, и что эта комната слишком мала для того, чтобы как следует уложить тебя в постель. Особенно с этими крыльями.

Мое сердце пропустило удар. Я не знала, куда мне деть руки, ноги, куда спрятать лицо. Я допила остаток вина и бросила бокал рядом с кроватью, ответив:

— Я думаю, что не могу перестать думать о тебе. И это длится уже очень давно. Даже до того, как я покинула Весенний Двор. И, может быть, это делает меня предательницей, лживой мерзавкой, но...

— Это не так, — сказал он, и его лицо было серьезным.

Но это было так. Я хотела увидеть Рисанда все те недели между визитами в его двор. И меня не волновало, что Тамлин перестал приходить ко мне в спальню. Тамлин перестал за меня бороться, но и я тоже перестала бороться за него. И поэтому я была лживой мерзавкой.

— Нам нужно спать, — тихо сказала я.

Стук дождя был единственным звуком в течение продолжительного мгновения, прежде чем он сказал:

— Хорошо.

Я поползла по кровати на ту сторону, что практически упиралась в скошенный потолок, и забралась под стеганое одеяло. Холодные, хрустящие простыни обернулись вокруг меня, словно ледяная рука. Но моя дрожь была от чего-то абсолютно другого, когда матрас рядом со мной прогнулся, одеяло сдвинулось, а затем две горящие возле кровати свечи потухли.

Тьма накрыла меня в тот же миг, что и тепло его тела. Было усилием не прильнуть к нему ближе. Однако никто из нас не шевельнулся.

Я уставилась в темноту, слушая шум ледяного дождя, пытаюсь похитить у него часть тепла.

— Ты дрожишь так сильно, что кровать трясется, — сказал он.

— У меня мокрые волосы, — ответила я. Это не было ложью.

Рис молчал, а затем вдруг матрас застонал, проседая прямо позади меня, и в этот момент тепло его тела накрыло меня.

— Никаких ожиданий, — сказал он. — Просто тепло тела.

Я нахмурилась при звуке смеха в его голосе.

Но его широкие ладони скользнули под и поверх меня: одна легла на мой живот, притягивая меня к твердому теплу его тела, а другая скользнула под мои ребра и руки, окружая меня кольцом, прижимая меня к его груди. Он переплел свои ноги с моими, а затем над нами раскрылась более густая и теплая тьма, пахнувшая цитрусовыми и морем.

Я подняла руку к этой тьме и коснулась чего-то нежного, шелковистого — его крыло, окутывало меня и согревало. Я провела пальцем по нему, и Рис содрогнулся, его руки сжались вокруг меня.

— Твой палец... очень холодный, — проскрежетал он, его дыхание было горячим на моей шее.

Я старалась не улыбаться и выгнула шею чуть сильнее, в надежде, что его дыхание вновь обласкает ее. Я провела пальцем вдоль его крыла, нежно царапая ногтем по гладкой поверхности. Рис напрягся, его рука шевельнулась на моем животе.

— Ты жестокая злодейка, — промурлыкал он, его нос коснулся моей шеи, которую я выгнула под ним. — Никто не научил тебя хорошим манерам?

— Никогда не знала, что иллирийцы такие чувствительные крохи, — сказала я, скользя еще одним пальцем по внутренней стороне его крыла.

Что-то твердое уперлось в меня сзади. Жар затопил меня, и я в один миг одновременно напряглась и расслабилась. Я снова погладила его крыло, уже двумя пальцами, и он дернулся позади меня одновременно с моей лаской.

Его пальцы, лежащие на моем животе начали выписывать медленные, ленивые круги. Он провел пальцем вокруг моего пупка, и я незаметно прижалась к нему чуть ближе, потершись об него, выгибаясь чуть больше, чтобы дать его другой руке доступ к моей груди.

— Ненасытная, — пробормотал он, его губы нависли над моей шеей. — Сначала ты терзаешь меня своими холодными руками, а теперь хочешь... чего ты хочешь, Фейра?

Большого, большого, большого, я почти умоляла его, когда его пальцы двинулись вниз по моей груди, а другая рука продолжала свои ленивые поглаживания моего живота, медленно... неопишимо медленно... спускаясь к низкому поясу моих штанов и моему растущему желанию под ними.

Рисанд провел зубами по моей шее в ленивой ласке.

— Чего ты хочешь, Фейра? — Он прикусил мою мочку уха.

Я чуть слышно застонала, полностью выгибаясь рядом с ним, как будто эта рука могла скользнуть прямо туда, куда я хотела. Я знала, что он хотел от меня услышать. Но я не подарю ему такое удовольствие. Еще нет.

Поэтому я сказала:

— Я хочу отвлечься, — это прозвучало почти сорванно, — Я хочу... повеселиться.

Его тело вновь напряглось за моей спиной.

И я вдруг задумалась, что он каким-то образом не принял эти слова за ложь, коей она и была, что он подумал... подумал, что это и есть все, чего я на самом деле хочу.

Но его руки возобновили свое движение.

— Тогда позволь мне отвлечь тебя.

Он скользнул рукой под мой свитер, прямым под мою рубашку. Кожа к коже, мозоли

на его руке заставили меня застонать, когда его пальцы царапнули вершину моей груди и закружили вокруг налившегося соска.

— Я люблю их, — выдохнул он мне в шею, а его рука скользнула к другой груди. — Ты не представляешь, как сильно я люблю их.

Я застонала, когда он провел, лаская, костяшкой пальца по моему соску, и выгнулась к этому прикосновению, молча умоляя его. Он был тверд, как гранит позади меня, и я потерлась об него, заставив его издать приглушенное, злое шипение.

— Прекрати это, — прорычал он в мою кожу, — ты испортишь мое веселье.

Я бы не сделала ничего подобного. Я начала извиваться, пытаюсь дотронуться до него, нуждаясь лишь почувствовать его, но он цокнул языком и прижался ко мне так крепко, что моя рука не смогла бы проскользнуть внутрь.

— Я хочу первым прикоснуться к тебе, — сказал он, его голос стал таким низким, что я едва узнала его. — Просто... позволь мне прикоснуться к тебе. — Он накрыл ладонью мою грудь, как бы подчеркивая свои слова.

В этой фразе настолько слышалась сорвавшаяся мольба, что я замерла, уступая, и его другая рука вновь вырисовывала ленивые линии на моем животе.

Я не могу дышать, когда смотрю на тебя...

Позволь мне прикоснуться к тебе...

Потому что я ревновал и злился...

Она моя.

Я отогнала мысли, кусочки и обрывки правды, которые он дал мне.

Рис опять скользнул пальцем вдоль полоски моих штанов — кот, играющий со своим ужином.

Снова.

Снова.

— Пожалуйста, — это все, что мне удалось сказать.

Он улыбнулся мне в шею.

— А вот и пропавшие манеры.

Его рука наконец скользнула под мои штаны. Первое прикосновение его руки ко мне заставило глубокий стон вырваться из моего горла.

Он зарычал от удовлетворения, обнаружив влажность, что ждала его там, большой палец кружил вокруг этого места на вершине моих внутренних бедер, дразня, чуть лаская, но почти не...

Другая его рука нежно сжала мою грудь в то же мгновение, когда его большой палец опустился точно туда, куда я хотела. Я двинула бедрами, запрокидывая голову назад, на его плечо, задыхаясь, когда его палец чуть ударил...

Я вскрикнула, и он рассмеялся, низко и мягко.

— Нравится?

Стон был моим единственным ответом.

Больше, больше, больше.

Его пальцы скользнули вниз, медленно и нагло, прямо к моему центру, и каждая клетка, каждый нерв моего тела, моего разума, моей души, сузились до ощущения его пальцев, остановившихся там, будто у него в запасе было все время мира.

Ублюдок.

— *Пожалуйста,* — повторила я, потершись о него задом, подчеркивая этим свои слова.

Он зашипел от этого движения, и скользнул пальцем внутрь меня. И выругался.

— Фейра...

Но я уже начала двигаться на нем, и он снова выругался на долгом выдохе. Его губы прижались к моей шее, проводя дорожки поцелуев выше, выше к моему уху.

Я застонала так громко, что заглушила шум дождя, когда он скользнул в меня вторым пальцем, настолько наполняя меня, что я больше ни о чем не могла думать, не могла даже дышать.

— Вот так, — прошептал он, его губы двигались по моему уху.

Мне до смерти надоело, что моя шея и ухо получают столько внимания. Я изогнулась, как могла, и увидела, что он пожирает меня взглядом, глядя на меня, на руку в моих штанах, на то, как я двигаюсь на нем.

Он все еще не отрывал от меня взгляд, когда я поймала его губы своими, слегка кусая его за нижнюю губу.

Рис застонал, погружая пальцы глубже. Сильнее.

Меня не заботило — ни капельки не заботило, что я, кто я, и где я; я полностью сдалась ему, раскрывая губы. Его язык ворвался в мой рот, словно показывая мне своими движениями, что именно он будет делать, если окажется между моих ног.

Его пальцы погрузились в меня и вышли, медленно и сильно, и все мое существо сузилось до ощущения их во мне, напряженности во мне, возрастающей с каждым глубоким проникновением, с каждым вторящим ему ударом его языка в моем рту.

— Ты не представляешь, насколько я... — Он замолчал на полуслове и снова застонал. — Фейра.

Звук моего имени на его губах стал последней каплей. Разрядка растеклась вниз вдоль моего позвоночника, и я вскрикнула, но его губы накрыли мои, словно он мог жадно поглотить этот звук. Его язык ласкал мое небо, пока я содрогалась на нем, тесно сжимаясь. Он снова выругался, тяжело дыша, его пальцы ласкали меня сквозь последние волны спазмов, пока я не замерла, обмякшая и дрожащая, в его руках.

Я не могла вдохнуть достаточно глубоко и часто, когда Рис вытянул пальцы, откидываясь назад, так, чтобы я могла встретиться с ним взглядом. Он прошептал:

— Я хотел сделать это тогда, когда почувствовал твою влажность во Дворе Кошмаров. Я хотел взять тебя прямо там на глазах у всех. Но больше всего я хотел сделать лишь это. — Он, удерживая мой взгляд, поднес пальцы ко рту и втянул в себя, пробуя их на вкус.

Пробуя меня на вкус.

Я собиралась съесть его живьем. Я скользнула рукой к его груди, чтобы опрокинуть его назад, но он перехватил мое запястье.

— Когда ты будешь вылизывать меня, — сказал он грубо, — я хочу быть наедине с тобой, далеко-далеко ото всех. Потому что, когда ты будешь вылизывать меня, Фейра, — сказал он, оставляя кусающие поцелуи на моем подбородке, шее, — я собираюсь позволить себя рычать так громко, что могу обрушить гору.

Я мгновенно вновь стала мокрой, и он рассмеялся себе под нос.

— А когда я буду вылизывать тебя, — сказал он, оборачивая руки вокруг меня и притягивая ближе к себе, — я хочу, чтобы ты растянулась на столе, словно мой личный пир.

Я захныкала.

— У меня было много, очень много времени, чтобы обдумать, как и где я хочу тебя, — сказал Рис, оставляя жар дыхания на моей шее, его пальцы скользнули под полоску моих

штанов, но не двинулись дальше. Их дом на этот вечер. — У меня нет желания сделать это все за одну ночь. Или в комнате, где я даже не могу взять тебя у стены.

Я вздрогнула. Он оставался длинным и твердым напротив меня. Я должна была почувствовать его, должна была заполучить эту внушительную длину внутрь себя...

— Спи, — сказал он. С тем же успехом он мог бы приказать мне дышать под водой.

Но он вновь начал гладить мое тело — не возбуждая, но успокаивая — длинные, приятные движения по моему животу, бокам.

Сон настиг меня быстрее, чем я думала.

И может быть, это было из-за вина или последствие удовольствия, что он выжал из меня, но мне не приснилось ни одного кошмара.

Я проснулась, согретая, отдохнувшая и безмятежная.

В безопасности.

Солнечный свет проникал через грязное окно, высвечивая красным и золотым обнимающее меня крыло — укрывавшее меня так всю ночь, защищая от холода.

Руки Риса обвились вокруг меня, его дыхание было глубоким и ровным. И я знала, что для него также необычен, как и для меня, столь глубокий и мирный сон.

То, что мы сделали прошлой ночью...

Осторожно я повернула к нему лицо, и его руки слегка напряглись, словно подсознательно удерживая меня, чтобы я не исчезла вместе с утренним туманом.

Его глаза распахнулись, когда я опустила голову на сгиб его руки. Мы смотрели друг на друга, укрытые его крыльями.

И я вдруг поняла, что именно это мне хочется делать всю вечность.

Я тихо спросила:

— Почему ты тогда заключил эту сделку со мной? Зачем попросил проводить с тобой неделю каждого месяца?

Яркие фиолетовые глаза закрылись.

Я не смела подумать, какой ответ ожидала услышать, но уж точно не тот, что прозвучал:

— Потому что мне было необходимо разумное объяснение для Амаранты, потому что хотел разозлить Тамлина, и потому что я должен был сохранить тебе жизнь, но чтобы при этом это не выглядело милосердным.

— А...

Рот его напрягся.

— Ты ведь знаешь... ты знаешь, что нет ничего, чего бы я ни сделал ради своего народа, ради своей семьи.

И я была лишь пешкой в этой игре...

Его крылья сложились за спиной, и я заморгала от влажного воздуха.

— Хочешь помыться? — спросил он.

Я вся сжалась при воспоминании о грязной, смердящей уборной этажом ниже. Даже справить там нужду было отвратительно.

— Предпочитаю помыться в ручье, — ответила я и постаралась отогнать тревожное предчувствие.

Рис засмеялся низким голосом и выбрался из постели.

— Тогда пойдём отсюда.

На секунду я подумала, что мне приснилось то, что произошло прошлой ночью. Однако лёгкая, приятная боль меж моих ног была ясным доказательством обратного, но...

Может быть лучше сделать вид, что ничего не было.

А иначе, мне наверное не хватит сил вынести альтернативу.

* * *

Мы летели почти весь день по краю поросших лесами степей, поднимавшихся и плавно переходивших в Иллирийские Горы. Мы не говорили о прошедшей ночи... мы практически

вовсе не разговаривали.

Вновь на поляне. Ещё один день тренировок. Снова я учусь рассеиваться, призывать крылья, огонь, лед и воду, а теперь ещё и... ветер. Ветер и лёгкий бриз, что овевают раскинувшиеся долины и пшеничные поля Дневного Двора, а после сдувают снежные шапки с самых высоких гор.

Я почти чувствовала слова, готовые сорваться с его губ с каждым проходящим часом. Каждый раз, когда я останавливалась передохнуть, я ловила на себе его взгляд, видела, как он уже открывает рот... и снова закрывает.

В какой-то момент начался дождь, становилось всё холоднее и холоднее, и надвинулись тучи. Нам пришлось остаться в лесу до вечера, и я задумалась, что за твари могут красться в этих дебрях.

Солнце уже садилось, когда Рис подхватил меня и поднял в небеса.

Вокруг были лишь ветер и тепло его тела, и удары мощных крыльев.

Я осмелилась спросить:

— Что такое?

Его внимание оставалось прикованным к тёмным соснам, пронсящимся внизу. Он ответил:

— Есть еще одна история, которую мне нужно рассказать тебе.

Я ждала. Но больше он ничего не сказал.

Я коснулась ладонью его щеки — первое интимное прикосновение за весь день. Кожа его была такой холодной, а глаза смотрели на меня с печалью.

— Я не уйду — только не от тебя, — тихо поклялась я.

Его взгляд потеплел.

— Фейра...

И вдруг он заревел от боли, его тело изогнулось.

Я почувствовала удар — ощутила слепящую боль, прокатившуюся через нашу связь, боль, прорвавшуюся сквозь мои ментальные щиты, ощутила удар дюжины стрел, пронзивших его тело, выпущенных из невидимых луков, спрятанных под кроной деревьев.

И затем мы рухнули вниз.

Рис сжал меня в объятьях, его магия окутала нас тёмным ветром, готовясь рассеять нас подальше... и не смогла.

Не смогла, потому что это были стрелы из ясеня, что пронзили его. Пронзили его крылья. Нас выследили... та малая доля магии, что он использовал вчера, чтобы противостоять Люсьену, каким-то образом они *отследили* ее и нашли нас, хотя мы и улетели так далеко...

Ещё стрелы...

Рис высвободил силу. Слишком поздно.

Стрелы изорвали его крылья. Изранили ноги.

Кажется, я кричала. Не из-за страха падения, а из-за него, видя его кровь и зелёный отблеск, покрывающий стрелы. Не просто яшень... а еще и яд...

Тёмный ветер — магия Риса — ударил в меня с невероятной силой и отбросил далеко-далеко — я падала, кружась и кувыркаясь в воздухе, за границу разящих стрел...

Рев ярости Риса сотряс лес и горы за ним. Птицы поднялись, тёмной волной закрывая небо, испуганные этим звуком.

Я врезалась в густую крону деревьев, тело сжалось в агонии под натиском дерева,

сосновых иголок и листьев. Я падала вниз, вниз...

Сконцентрируйся, сконцентрируйся, сконцентрируйся.

Я создала волну сжатого воздуха, которая однажды защитила меня от гнева Тамлина. И бросила её вниз будто сеть.

Я ударилась о стену такую твёрдую, что чудом не сломала правую руку.

Зато... я перестала падать вниз через ветви.

В тридцати футах внизу земля еле просматривалась в наступающей тьме.

Я не слишком доверяла своему щиту, долго он мой вес не удержит.

Я поползла по нему, стараясь не смотреть вниз, и преодолела оставшиеся несколько футов, прыгнув на широкую ветку сосны рядом. Протиснувшись сквозь сучья, я ухватилась за ствол, хрипя и пытаясь не обращать внимание на боль, и пресекая желание спуститься и почувствовать твердую землю под ногами.

Я прислушалась... пытаюсь услышать Риса, хлопанье его крыльев, его рычание. Ничего.

Ни следа лучников, в руки которых он упал. Лучников, от которых он меня отбросил далеко, так далеко как мог. Дрожа, я вонзила ногти в кору и вновь попыталась услышать его.

Ясеновые стрелы. Смазанные ядом ясеновые стрелы.

В лесу стало еще темнее, деревья как будто сжались, превращаясь в тёмные скелеты. Даже птицы смолкли.

Я вгляделась в ладонь, в глаз, выведенный на ней чернилами татуировки, и послала мысль, направляя её через нашу связь.

«Где ты? Скажи мне, и я приду к тебе. Я найду тебя».

На другом конце нашей связи не было никакой стены из черного алмаза. Лишь бесконечная тень.

Я заметила движение в лесу — существа большие, огромные, двигались в чаще.

«Рисанд». Никакого ответа.

Последний луч солнца исчез.

«Рисанд, пожалуйста».

Ни звука. И наша связь... тоже лишь тишина. Я всегда чувствовала ее, ощущала, как через неё меня защищали, соблазняли, подсмеивались надо мной по другую сторону моих щитов. А сейчас... все исчезло.

Мучительный вой долетел издалека, будто камни, трущиеся друг о друга.

Вмиг встали дыбом все волоски на моем теле. Мы никогда не оставались в лесу после заката.

Я несколько раз глубоко вздохнула, успокаиваясь, и заправила в лук одну из немногих оставшихся у меня стрел.

По земле проскользило нечто тёмное и извивающееся, и листья зашуршали под огромными лапами, заканчивающимися иглами-когтями.

Кто-то закричал. Высокие, ужасающие завывания. Будто это существо живьём рвали на части. Не Рис, нечто другое.

Я снова начала дрожать, и кончик моей стрелы посверкивал, подрагивая вместе со мной.

«Где ты где ты где ты».

«Позволь мне найти тебя позволь мне найти тебя позволь мне найти тебя».

Я опустила лук. Любой отблеск мог выдать меня.

Тьма была моей союзницей; возможно, тьма укроет и защитит меня.

Ярость помогла мне рассеяться в самый первый раз — ярость помогла и во второй.

Рис ранен. Они *ранили* его. Поджидали в засаде. И теперь... теперь...

Не горячая злость затопила мое тело.

А нечто древнее и ледяное, и столь свирепое, что оно обострило все мои чувства до бритвенной остроты.

И если я хочу найти Риса, если собираюсь вернуться к тому месту, где видела его в последний раз... я сама должна стать частью окружающей меня тьмы.

Я бежала по ветвям, когда нечто вломилось в кустарники рядом, шипя и рыча. Но я обратилась дымкой и звёздным светом, и рассеялась на соседнее дерево напротив. Существо, поджидавшее меня внизу, завывло, но я не обратила внимания.

Я была ночью; я была ветром.

Я рассеивалась с дерева на дерево, так быстро, что чудища, рыскавшие внизу, едва ли успевали заметить моё присутствие. И раз уж я могла создать себе крылья и когти... то могла изменить и свои глаза.

Я достаточно часто охотилась в сумерках, чтобы заметить, как устроены глаза ночных животных, как они светились.

Я приказала, и мои глаза стали шире, изменились... и на мгновение я ослепла в момент перемещения на другое дерево, пробежала по широкой, толстой ветке и вновь рассеялась...

Я приземлилась, и в этот момент ночной лес стал светлым. И твари там, внизу... Нет, я не стала приглядываться.

Я сконцентрировалась на рассеивании с дерева на дерево, приближаясь к месту, где на нас напали, все время пытаясь тянуть за эту ментальную связь, постоянно пытаюсь нащупать такую родную стену по другую сторону... И затем...

Я заметила стрелу, торчащую из толстой ветки высоко над моей головой. Я рассеялась на широкую ветвь рядом.

И когда я высвободила стрелу, вырвав её из дерева, увидела, какой она устрашающей длины, и почувствовала дрожь своего бессмертного тела от контакта с ней, глухой стон сорвался с моих губ.

Я не смогла сосчитать, сколько стрел вонзилось в тело Риса. От скольких он заслонил меня, закрыв собой, как щитом.

Я закинула стрелу в колчан и продолжила путь, прочесывая местность, пока не увидела ещё одну... внизу, у ковра из сосновых иголок.

Лёгкая изморозь прочертила мою траекторию, когда я рассеялась туда, откуда могла прилететь эта стрела и нашла ещё и ещё. Я собрала их все.

Пока не добралась до места, где ветви сосен были изломаны и примяты на земле. И здесь, наконец, я почувствовала запах Риса. Всё вокруг сковало льдом, когда я увидела его кровь на ветвях, на земле.

Увидела рассыпанные вокруг ясеневые стрелы.

Из этой засады были выпущены сотни стрел, слишком быстро, чтобы он мог заметить и укрыться от них. Особенно если был невнимателен, отвлечен мною. Отвлечен весь день.

Я обшарила полянку, постоянно рассеиваясь со вспышками, не задерживаясь на земле слишком долго, чтобы меня смогли учуять наводнившие лес ночные создания.

Рис ударился о землю очень сильно — я поняла это по следам. И его тащили по земле, быстро.

Они попытались скрыть следы крови, но, хоть его разум и не отвечал на мой призыв, я

могла почуять этот запах где угодно. Я найду этот запах где угодно.

Может они и умели хорошо замечать следы, но я выслеживаю еще лучше...

Я продолжила свою охоту, читая следы, ясеневая стрела теперь лежала на тетиве.

Его забрала группа, не менее двух дюжин, но во время самой атаки их было больше. Остальные рассеялись, оставив небольшую группу, чтобы оттащить его к горам... туда, где кто-то наверное ждал его.

Они двигались быстро. Углубляясь всё дальше и дальше в лес, туда, где виднелись очертания гигантских пиков Иллирийских Гор, высившихся за лесом. Его кровь лила всю дорогу.

Он жив, кричала мне эта кровь. Он был жив... однако если раны не закрываются... Это означало, что ясеневые стрелы продолжают свое дело.

Я убила стража Тамлина всего одной такой стрелой, выпущенной в нужное место. Я старалась не думать о том, что могут сделать шквал таких стрел... В моей памяти вновь прозвучал полный боли рев Риса.

И сквозь жгучую, беспощадную, неутихающую ярость я решила, что если Рис мёртв, если он неизлечимо ранен... То мне все равно, кто они и почему сотворили с ним это.

Они все мертвецы.

Часть следов отделилась от основной группы — наверняка разведка для поиска места для ночлега. Я стала рассеиваться медленнее, более короткими переходами, изучая следы более тщательно. Они разделились на две группы, пытаюсь сбить со следа. Запах Риса был в обеих группах.

Значит, они взяли с собой что-то из его одежды. Потому что знали, что я буду их преследовать, видели меня с ним. Знали, что я приду за ним. Ловушка — скорее всего это ловушка.

Я остановилась на высокой ветке, с которой ясно просматривалось место, где разошлись обе группы. Я осмотрелась. Одна группа направилась напрямиком к горам. Другая пошла параллельно им, но на некотором расстоянии.

Горы были иллирийской территорией — в горах они рисковали наткнуться на патруль. Они наверняка предположили, что я ни за что не поверю, будто они рискнут сунуться туда. Что я подумаю, что они предпочтут держаться леса, не охраняемого патрулями.

Я взвесила все варианты, принялась к следам обеих групп.

Они не учли присутствие ещё одного запаха, указавшего мне правильный путь, запаха переплетённого с запахом Риса.

Я не позволила себе размышлять об этом, быстрее ветра рассеиваясь по следу, ведущему к горам. Не позволила себе думать о том, что мой запах остался на Рисе, переплёлся с его собственным после прошлой ночи. Он переоделся утром... но запах на его теле... Не имея возможности принять ванну, мой запах остался на нем повсюду.

Итак, я последовала за этой группой. Преследуя *собственный* запах. И когда у подножия гор появилась узкая пещера с едва заметным отблеском огня, разведённого в ее недрах... Я остановилась.

Послышался звук удара кнутом.

И из моей головы улетучились все слова, мысли и чувства. Снова удар... и ещё.

Я закинула лук на плечо и вытащила из колчана ещё одну ясеневую стрелу.

Мне не потребовалось много времени, чтобы связать их вместе, так, что бы один наконечник сверкал с каждой стороны — так же я поступила и с ещё двумя стрелами. И

когда я закончила, когда посмотрела на получившиеся самодельные кинжалы, зажатые в каждой руке, когда звук удара кнутом повторился еще раз... Я рассеялась внутрь пещеры.

Они выбрали пещеру с узким входом, переходящим в широкий, извилистый тоннель, разбив лагерь за поворотом, чтобы свет их не выдал.

Разведчики у входа — два высших Фэ, которых я не знала, в доспехах и вооруженные, но без знаков отличия — не заметили меня, когда я прошла мимо них. Ещё двое охраняли внутренний проход, глядя на тех, что охраняли вход. Я появилась и исчезла раньше, чем они заметили мое присутствие. Повернула за угол, появляясь и исчезая во времени и искажая его. Свет ослепил мои приспособленные к ночи глаза. Я вновь изменила их в одно мгновение, рассеиваясь мимо ещё двух часовых.

И когда я увидела четверых, что находились в пещере, увидела крошечный костёр и то, что они успели сделать с Рисом... Я надавила на нашу ментальную связь и едва не заплакала, ощутив адамантовую стену... Но там, за ней ничего не было. Только тишина.

Они заковали его в странные оковы из голубоватого камня, эти цепи удерживали его руки, разводя их в стороны, приковывая к стенам пещеры. Его тело висело над полом, спина — окровавленный кусок мяса. А его крылья....

Они оставили стрелы из ясеня в его крыльях... Семь стрел.

Спина Риса была повёрнута ко мне, и только по тому, как кровоточили раны, я поняла, что он всё ещё жив.

И этого хватило — этого хватило, чтобы я взорвалась.

Я рассеялась к двум воинам, сжимавшим одинаковые кнуты.

Другие завопили, когда я вспорола этим двум горло ясеновыми стрелами, вонзив их глубоко и яростно, так же как делала это сотни раз во время охоты. Один, другой, и они уже лежат на земле, кнуты безжизненно выпали из их рук. Раньше, чем остальные успели отреагировать, я рассеялась к тем, что были ближе ко мне.

Кровь хлестнула фонтаном.

Рассеяться, ударить; рассеяться, ударить.

Его крылья... его прекрасные, могучие крылья....

Прибежали часовые из переднего тоннеля.

Они умерли последними.

И кровь, покрывавшая сейчас мои руки, вызывала у меня совсем иные чувства, чем тогда Под Горой. Эта кровь... этой кровью я упивалась. Кровь за кровь. Кровь за каждую пролитую ими каплю крови Риса.

Тишина разлилась в пещере, когда стихло последнее эхо их криков, и я рассеялась прямо перед Рисом, засовывая окровавленные кинжалы из ясеня себе за пояс. Я обхватила его лицо руками. Бледное, слишком мертвенно-бледное.

Но его глаза приоткрылись совсем чуть-чуть, и он застонал.

Я молча бросилась к сковывающим его цепям, стараясь не замечать кровавые отпечатки моих рук на его теле. Оковы были ледяными — даже хуже льда. От них веяло *злом*. Я отогнала боль, слабость и странное ощущение, возникшие при прикосновении к ним, сковавшие мой позвоночник, и открыла замок, освобождая его.

Его колени ударились о камень пещеры, и я вся сжалась, но подбежала к другой руке, всё ещё закованной и вытянутой вверх. Кровь текла по его спине, груди, скапливаясь в углублениях его мышц.

— Рис, — выдохнула я. Я едва не упала на колени, ощутив слабый проблеск *Его* позади

ментальных щитов. Боль и истощение словно сузили его бесконечный щит до толщины оконного стекла. Его крылья, пронзенные стрелами, лежали распластанными... настолько невыносимо поврежденные, что я содрогнулась.

— Рис... Рис, мы должны рассеяться домой...

Его глаза вновь приоткрылись и он тяжело выдохнул:

— Не могу.

Что же это за яд был на стрелах... его магия... его сила....

Но мы не можем оставаться здесь, второй отряд совсем рядом.

— Держись, — сказала я, взяв его за руку и швырнула нас в ночь и дымку.

Рассеиваться было так тяжело, словно весь его вес, вся его мощь и сила тянули меня назад. Это было словно продираться через трясину, но я сконцентрировалась на лесе, на поросшей мхом пещере, которую я заметила раньше днем, когда пила из ручья, пещере, притаившейся на берегу реки. Я заглянула в неё тогда и не увидела ничего, кроме опавших листьев. Место это было влажноватым, но зато надёжным. Все лучше чем оставаться на виду... и это был наш единственный вариант.

Каждая миля стоила мне невероятных усилий. Но я крепко сжимала его руку, в ужасе от мысли, что если отпущу его, то потеряю где-то, где больше не смогу его отыскать и....

Наконец мы очутились там, в той пещере, и Рис задохнулся от боли, когда мы врезались в мокрый, холодный, каменный пол.

— Рис, — взмолилась я, спотыкаясь в темноте, в абсолютно непроницаемой темноте, но со всеми этими тварями, рыщущими в лесу, я не посмею разжечь огонь...

Но он был таким ледяным... и продолжал истекать кровью.

Я заставила свои глаза вновь измениться, и у меня перехватило дыхание, когда я разглядела его раны. Рубцы от кнута на его спине всё ещё кровоточили, но крылья...

— Я должна вытащить стрелы...

Он снова застонал, опершись руками о пол. Видеть его таким, не способным даже отпустить ехидную реплику или полуулыбнуться...

Я приблизилась к крылу.

— Будет больно, — я сжала челюсти, осматривая изувеченную прекрасную мембрану. Придётся переломить стрелы пополам и вытащить оба конца...

Нет... не переломить. А распилить их осторожно, мягко, без спешки, чтобы мелкие и острые обломки не нанесли ещё больше вреда. Кто знает, что может случиться, если в теле останется заноза из ясеня?

— Сделай это, — прошептал он хриплым голосом.

Всего было семь стрел: три в одном крыле и четыре в другом. По какой-то причине они достали стрелы, пронзившие ему ноги — и теперь раны уже наполовину перестали кровоточить.

Кровь капала на пол.

Я вытащила нож, который всегда носила у бедра, осмотрела входную рану и осторожно взялась за стрелу. Он зашипел. Я замерла.

— Давай, — повторил Рис, костяшки его пальцев побелели, когда он сжал их в кулаки на полу.

Я опустила острый край ножа на древко и начала пилить, так осторожно, как могла. Залитые кровью мышцы на спине Риса дернулись и напряглись, его дыхание стало быстрым и неровным. Слишком медленно... я продвигалась слишком медленно.

Но если поспешить, боюсь, я пораню его ещё сильнее, поврежу чувствительные крылья...

— Знаешь, — сказала я, перекрывая звук ножа, — однажды летом, когда мне было семнадцать, Элейн купила мне немного краски. У нас было достаточно денег, чтобы купить что-то лишнее, и она купила мне и Несте подарки. Ей не хватило на всю палитру, но она купила мне красный, синий и желтый цвет. И я использовала краску до последней капли, растягивая их как могла, и разрисовала всё в доме...

Он резко втянул воздух, и я наконец закончила распиливать стрелу. Не предупреждая его, я вытянула обрубки древка мягким движением.

Он выругался, его тело напряглось, кровь брызнула из раны и затем остановилась.

Я едва не вздохнула с облегчением. И занялась следующей стрелой.

— Я разрисовала стол, шкафчики, дверной проем... И у нас был старый, чёрный комод в нашей спальне... по одному выдвигаемому ящику для каждой из нас. Все равно одежды было не много, чтобы туда ее складывать. — Со второй стрелой я справилась быстрее, и Рис внутренне приготовился, когда я вытащила её. Кровь пошла сильнее, а потом остановилась. Теперь третья стрела. — Я нарисовала цветы для Элейн на её ящике, — продолжила я, распиливая древко. — Маленькие розы и бегонии, и ирисы. Для Несты... — обломок стрелы упал на пол, и я вынула вторую половинку.

Я смотрела, как кровь полилась и затем остановилась... смотрела, как он медленно опустил крыло к земле, его тело била дрожь.

— Для Несты, — сказала я, переместившись к другому крылу, — я нарисовала всполохи огня. Она всегда злилась, всегда пылала. Думаю, Неста и Амрен легко бы подружились. Мне кажется, что не смотря на её характер, ей бы понравился Веларис. И думаю Элейн... Элейн он тоже бы понравился. Хотя, возможно, она держалась бы поближе к Азриэлю, просто чтобы чувствовать себя увереннее и спокойнее.

Я улыбнулась этой мысли — представляя, как мило бы они смотрелись вместе. Если конечно воинственный Азриэль перестанет в тайне вздыхать по Мор. В чём я сомневаюсь. Азриэль будет любить Мор, пока не превратится в шепот тьмы среди звёзд.

Я покончила с четвёртой стрелой и принялась за пятую.

Голос Риса прозвучал хрипло, когда он спросил, глядя в пол:

— Что ты нарисовала для себя?

Я вынула пятую и подошла к шестой, прежде чем ответить:

— Я нарисовала ночное небо.

Он замер. Я продолжила:

— Я нарисовала звёзды и луну, и облака, и бесконечное, тёмное небо. — Я закончила с шестой стрелой, и, распиливая седьмую, добавила: — Никогда не понимала почему. Я редко выходила по ночам... чаще всего была слишком уставшая после охоты и засыпала. Но теперь я думаю... — Я вытащила седьмую, последнюю стрелу. — Я спрашиваю себя, может какая-то часть меня знала тогда, что меня ждёт впереди. Что я никогда не стану милой садовницей или кем-то, кто пылает как огонь — но стану спокойной и несокрушимой, и многогранной как сама ночь. Что я буду прекрасной для тех, кто знает, куда смотреть, но если никто не захочет взглянуть на меня, а лишь станет бояться... Что ж, мне не будет до этого дела. Я спрашиваю себя, что если при всем своем отчаянии и безысходности, я никогда не была по-настоящему одна. Что если я всегда искала это место... искала всех вас.

Кровь остановилась, и второе крыло устало опустилось на пол. Очень медленно, но

раны на его спине стали рубцеваться. Я обошла вокруг его склоненного тела, рук, вцепившихся в камни, и опустилась на колени.

Он поднял голову. Глаза полны боли, в губах ни кровинки.

— Ты спасла меня, — прошептал он надтреснутым голосом.

— Расскажешь кто это был позже.

— Засада, — все равно произнес Рис, вглядываясь в моё лицо, ища признаки того, что я не ранена. — Солдаты Хайберна, вооруженные древними цепями от самого короля, чтобы подавить мою силу. Скорее всего они отследили магию, которую я использовал вчера... Мне так жаль. — Его речь была прерывистой. Я пригладила рукой его чёрные волосы. Вот почему он не мог использовать нашу связь. Не откликнулся на мой мысленный призыв.

— Отдохни, — прошептала я и потянулась достать одеяло из своей походной сумки. Он поймал мое запястье, прежде чем я поднялась. Его ресницы опустились — сознание покидало его... стремительно. Слишком быстро и тяжело.

— Я тоже искал тебя, — прошептал Рис.

И потерял сознание.

Я спала возле него, согревая, как могла. Отдавая свое тепло, я всю ночь следила за входом в пещеру. Чудища в лесу бродили нескончаемым парадом, их рычание и шипение начало утихать только с предрассветными серыми бликами.

Солнечный свет окрасил акварелью стены пещеры, но Рис все еще не пришел в себя, а его кожа была липкой. Я осмотрела его раны и обнаружила, что они лишь совсем немного затянулись, и из них сочилась маслянистая жидкость.

Положив руку ему на лоб, я выругалась, почувствовав, что у него сильный жар.

Те стрелы были покрыты ядом, и он все еще оставался в теле Риса.

Иллирийский лагерь был слишком далеко, и моих сил, ослабших после прошлой ночи, не хватит, чтобы перенести нас на такое расстояние.

Но если их ужасные оковы были для того, чтобы отобрать его силу, ясеновые стрелы — чтобы повергнуть его, значит яд мог...

Прошел час, но ему не стало лучше. Золотая кожа стала бледной и становилась все бледнее, дыхание было поверхностным.

— Рис, — позвала я мягко.

Он не двигался. Я начала его тормошить. Если бы он сказал мне, какой именно это был яд, я бы попробовала найти, чем помочь... Но он не очнулся.

Ближе к обеду меня сковала паника.

Я ничего не знала о ядах и противоядиях. Да еще и здесь, так далеко ото всех... Кассиан сумеет найти нас вовремя? Мор рассеется сюда? Я не переставала будить Риса.

Яд все глубже затягивал его в бессознательную бездну. Я не стану рисковать им и ждать помощи.

Я не буду рисковать Рисом.

Я завернула его в столько слоев, на сколько у меня хватило лишней одежды, взяла с собой плащ, поцеловала его в лоб и ушла.

Мы были лишь в нескольких сотнях ярдов от того места, где я охотилась позапрошлой ночью. Выйдя из пещеры, я попыталась не смотреть на следы, оставленные зверями, прямо над нами. Бессчетное количество ужасных, огромных следов.

Но то, что я собираюсь поймать, будет еще ужаснее.

Мы были возле проточной воды, поэтому ловушку я соорудила недалеко от нее. Устанавливая силки, я приказала рукам не дрожать.

Я разместила плащ — почти новый, дорогой и красивый — в центре силков. И стала ждать.

Прошел час, потом второй.

Я уже была готова начать торговаться с Котлом и Матерью, когда хорошо знакомая ужасающая тишина накрыла лес.

Птицы, что проносились над моей головой, умолкли, а ветер перестал завывать между верхушек сосен.

В лесу послышался треск и зловещий крик, который просто оглушил меня. Я наложила стрелу на тетиву и повернулась навстречу Суриэлю.

Он был таким же страшным, каким я его запомнила.

Рваное отрепье едва прикрывало тело без кожи, состоящее из изношенных, старых костей. Безгубый рот обнажал слишком большие зубы, а его пальцы — длинные и тонкие — стучали друг о друга, пока он взвешивал в руке плащ, который я положила в центр ловушки так, будто одежду принесло сюда порывом ветра.

— Фейра, Разрушительница Проклятья, — сказал он, поворачиваясь ко мне, и в его голосе звучало множество других голосов.

— Ты очень нужен мне, — произнесла я мрачно.

Время — я теряла время. По ту сторону связи я ощущала ее, крайнюю необходимость, умоляющую меня поторопиться.

— Как ошеломляюще прошедший год изменил тебя и мир, — произнес он.

Целый год. Все верно, с тех пор как я впервые пересекла стену, прошел уже год.

— У меня есть несколько вопросов, — сказала я.

Суриэль улыбнулся так, что стало видно каждый слишком большой, грязный коричневый зуб.

— У тебя есть два вопроса.

И ответ, и приказ.

Я не стала терять время. Не с Рисом, не сейчас, когда окружающий лес может быть кишит охотящимися на нас врагами.

— Какой яд был на этих стрелах?

— Кровавая погибель, — ответил он.

Я не знала, что это за яд, никогда о нем не слышала.

— Где мне найти противоядие?

Суриэль постучал костяными пальцами друг о друга, как будто в этом звуке был ответ.

— В лесу.

Я зашипела, а мои брови выровнялись.

— Пожалуйста... Пожалуйста, не будь таким таинственным. *Что* является противоядием?

Суриэль наклонил голову, и кость заблестела на свету.

— Твоя кровь. Дай ему своей крови, Разрушительница Проклятья. В ней таится исцеляющая сила Высшего Лорда Рассвета. Она усмирит ярость кровавой погибели.

— И это все? — настаивала я. — *Сколько именно* крови?

— Несколько глотков будет достаточно, — мое лицо обдул завывающий, сухой ветер, не похожий на влажные и прохладные здешние ветра.

— Однажды я помог тебе. И сегодня я помог тебе снова. Не испытывай мое терпение и освободи меня прежде, чем я его потеряю, Разрушительница Проклятья.

Какая-то первобытная, все еще сохранившаяся во мне человеческая часть дрожала от ужаса, когда я взглянула на силки на ногах Суриэля, привязавшие его к земле. Возможно, в этот раз Суриэль позволил себя поймать. Он знал, как освободиться — запомнил в тот же миг, когда я освободила его от нага.

Проверка чести — и одолжение за стрелу, которую я выпустила, чтобы спасти его в прошлом году.

Но я наложила ясеневую стрелу на тетиву, съезжившись при виде наконечника, покрытого ядом.

— Спасибо за помощь, — ответила я, приободряя себя и готовясь к бежать, если он бросится на меня.

Покрытые пятнами зубы Суриэля щелкнули друг о друга.

— Если ты хочешь ускорить исцеление своего мейта, то вдобавок к своей крови используй траву с розовыми цветами, что растет возле реки. Заставь его прожевать ее.

Я выпустила стрелу в силки прежде, чем дослушала до конца его слова.

Ловушка раскрылась. И слово пронзило меня насквозь.

Мейт.

— Что ты сказал?

Суриэль поднялся во весь свой рост, возвышаясь надо мной даже через поляну. Я даже не могла представить, что несмотря на кости, он был на самом деле сильным.

— Если ты хочешь... — Суриэль замолчал и ослабился, показывая все свои коричневые, гнилые зубы. — Так ты не знала.

— Говори, — проскрипела я.

— Высший Лорд Ночного Двора твой мейт.

Я не была уверена, дышу ли я.

— Интересно, — промолвил Суриэль.

Мейт.

Мейт.

Мейт.

Рисанд был моим мейтом.

Не любимым, не мужем, а большим, гораздо большим, чем подразумевают эти понятия. Связь настолько глубокая и настолько прочная, что она ценилась превыше всего. Столь редкая и заветная.

Мейт не Тамлина.

А Рисанда.

«Я ревновал и злился..»

«Ты моя».

Глухие и перекошенные, слова вырвались из меня:

— Он знает?

Суриэль сжал мантию своего нового плаща костяными пальцами.

— Да.

— Долго?

— Да. С тех пор, как ...

— Нет. Он сам расскажет мне. Я хочу услышать это из его губ.

Суриэль наклонил голову.

— В тебе слишком быстро меняются сильные чувства, я не могу их уловить.

— Разве это возможно, чтобы я была его мейтом? — Мейты были равными, под стать друг другу, хотя бы в некоторых аспектах.

— Он самый могущественный Высший Лорд, когда-либо ступавший на эту землю. Ты же... нечто новое. Ты сотворена из семи Высших Лордов. Непохожая ни на что другое. Разве в этом вы не похожи? Неужели вы не под стать друг другу?

Мейт. И Рис знал — он знал.

Я посмотрела через реку, будто могла увидеть дорогу к пещере, в которой спал Рисанд.

Когда я оглянулась, Суриэль исчез.

* * *

Я нашла траву с розовыми цветами, вырвала ее из земли, и вернулась в пещеру.

К счастью, Рисанд был в полусознанном состоянии. Слои одежды, в которые я укутала его, разметались по одеялу. Он выдавил из себя улыбку, когда я вошла.

Я бросила в него траву, обсыпав его голую грудь землей.

— Прожуй это.

Он сонно моргнул.

Мейт.

Он все же послушался, бросив нахмуренный взгляд на растение, оторвал несколько листиков и начал жевать. Он поморщился, проглатывая. Я сняла свою куртку, закатала рукав и направилась к нему. Он знал и скрыл это от меня.

Остальные знают? Догадываются?

Он... он обещал не врать и ничего не скрывать от меня.

А это — *самая важная вещь в моей бессмертной жизни...*

Я провела кинжалом по запястью — образовался длинный и глубокий порез, и упала перед ним на колени. Я не ощущала боли.

— Пей. Сейчас же.

Рис снова моргнул, вскинув удивленно брови, но я не дала ему возможности пререкаться. Я схватила его затылок, приблизила к его рту свою руку и толкнула его к своей коже.

Он замер, когда моя кровь коснулась его губ. Затем открыл рот, касаясь языком моей руки и втянул кровь. Один глоток. Второй. Третий.

Я отдернула руку, рана на ней уже начала заживать, и опустила рукав.

— Тебе не разрешено задавать вопросы, — сказала я, и он посмотрел на меня. Его лицо было изможденным и искаженным болью, а на губах сверкала моя кровь. Часть меня ненавидела произнесенные мною слова, то, как я с ним поступаю, пока он весь израненный, но меня это не волновало.

— Ты можешь лишь отвечать на них. И ничего больше.

Обеспокоенность наполнила его глаза, но он кивнул в знак согласия, откусывая еще немного растения и жуя.

Я смотрела вниз, на него, воина и полу-иллирийца, с душой которого была соединена моя душа.

— Как долго ты знаешь, что я твой мейт?

Рис застыл. Вместе с ним застыл и весь окружающий мир.

Он сглотнул.

— Фейра..

— Как долго ты знаешь, что я твой мейт?

— Ты... Ты поймала Суриэля? — ума не приложу, как он догадался.

— Я же сказала, тебе не разрешено задавать вопросы.

Мне показалось, что нечто похожее на панику отразилось на его лице. Он снова прожевал траву — как будто она мгновенно помогала, как будто он понял, что ему нужно вернуть все свои силы, чтобы выдержать это, выдержать этот разговор со мной. Цвет постепенно возвращался его щекам, возможно причиной была исцеляющая сила моей крови.

— Некоторое время я догадывался, — ответил Рисанд, сглотнув еще раз. — Но знал уже точно, когда Амаранта убивала тебя. А когда мы стояли на балконе Под Горой, сразу после того, как все закончилось, я *почувствовал*, как эта связь установилась между нами. Я думаю, что когда тебя Воссоздали, это... это усилило запах связи. Я взглянул на тебя тогда, и ее сила оглушила меня, словно ударом.

Тогда его глаза расширились и он попятился назад, словно был шокирован, даже напуган. И затем исчез.

Это случилось больше полугода назад.

Кровь пульсировала у меня в ушах.

— Когда ты собирался мне рассказать?

— Фейра..

— *Когда ты собирался мне рассказать?*

— Я не знаю. Я хотел вчера. Или в любой другой момент, когда ты бы заметила, что это не просто сделка между нами. Я надеялся, что ты поймешь, когда ты была в постели со мной, и ...

— Остальные знают?

— Амрен и Мор знают. Азриэль и Кассиан догадываются.

Мое лицо горело. Они знали. Они...

— Почему ты не сказал мне?

— Ты была влюблена в него, собиралась выйти за него замуж. А потом ты... Ты столько натерпелась, что я не чувствовал, что будет правильно, если я расскажу тебе.

— Я заслужила знать.

— Одной ночью ты сказала мне, что хочешь отвлечься и повеселиться. А не связь мейтов. И конечно же не с таким, как я — живущим в хаосе. — Значит, слова, которые я выплонула ему в лицо после ночи во Дворе Кошмаров до сих пор не отпускали его.

— Ты обещал. Ты обещал, что больше никаких секретов, никаких игр. Ты *пообещал*.

Что-то в моей груди начало обрушиваться. Часть, которую я считала давно исчезнувшей.

— Я знаю, что обещал, — ответил Рис, его лицу вернулось сияние, — Думаешь, я не хотел тебе рассказать? Думаешь, мне приятно было услышать, что ты хочешь меня только, чтобы развлечься и расслабиться? Ты думаешь, это не свело меня с ума так, что эти ублюдки подстрелили меня в небе, потому что я был слишком занят мыслями, должен ли я просто сказать тебе или нужно подождать, или просто принять любые крохи, что ты мне предложила и довольствоваться ими? Или, может, я должен отпустить тебя, чтобы ты не провела всю свою жизнь в беггах от убийц и Высших Лордов, которые будут охотиться на тебя за то, что ты со мной?

— Я не хочу это слышать. Я не хочу слышать, как ты объясняешь мне, что решил, что знаешь лучше меня, с чем я не смогу справиться...

— Я так не решил...

— Я не хочу слышать о том, что ты решил держать меня в неведении, в то время, как твои друзья знали, в то время как вы все решили, как будет лучше для меня...

— Фейра ...

— Верни меня обратно в иллирийский лагерь. Сейчас же.

Он глотал воздух большими прерывающимися вдохами

— Прощу.

Но я налетела на него и ухватила за руку.

— *Сейчас же верни меня обратно.*

В его глазах я увидела боль и сожаление. Увидела, но мне было все равно. Не сейчас, когда что-то в моей груди скручивалось и ломалось. Не тогда, когда мое сердце... Мое *сердце* болело, настолько сильно, что я осознала — в последние пару месяцев оно каким-то чудом исцелилось. Он его исцелил.

Теперь оно болело.

Рис увидел это и даже больше на моем лице. Но я не видела на его лице ничего, кроме страдания, когда он собрал все свои силы и, хрипя от боли, рассеял нас в иллирийский лагерь.

По колени в снегу Мор продолжила пробираться к дому.

— Ты сама догадалась или он сказал тебе?

— Мне сказал Суриэль. После того, как я поймала его и узнала, как вылечить Риса.

Она выругалась.

— Он... С ним все хорошо?

— Жить будет, — ответила я. И Мор больше не задавала никаких вопросов. И я не была в том настроении, чтобы рассказывать что-то еще. Мы подошли к двери домика, и она открыла ее, взмахнув рукой.

Главная комната была обшита деревянными панелями и состояла из кухни справа и гостиной с кожаным диваном, покрытым меховым пледом слева. В задней части дома находился небольшой коридор, ведущий к двум спальням и общей ванной. Ничего лишнего в доме не было.

— Когда мы были моложе, нас отправляли сюда для «размышлений». Рис приносил для меня сюда контрабандой выпивку и книги.

Я съежилась при звуке его имени, но лишь коротко ответила:

— Тут замечательно.

По взмаху руки Мор в камине вспыхнул огонь, и тепло от огня затопило комнату. Еда появилась на столешнице в кухне, и что-то застонало в трубах.

— Необходимости в дровах нет. Он будет гореть до тех пор, пока ты не уйдешь.

Мор выгнула бровь, как бы задавая немой вопрос, через сколько времени это случится.

Я отвела взгляд в сторону.

— Пожалуйста, не говори ему, где я.

— Он попытается найти тебя.

— Скажи ему, что я не хочу, чтобы меня нашли. Какое-то время.

Мор прикусила губу.

— Это не мое дело...

— Тогда не говори ничего.

Но она продолжила:

— Он хотел сказать тебе. И это убивало его — молчать. Но... я никогда не видела его таким счастливым, каким он становится, когда он с тобой. И я не думаю, что это имеет какое-то отношение к тому, что он твой мейт.

— Мне все равно.

Она затихла, и я могла почувствовать слова, которые она хотела сказать. Поэтому сказала, вежливо откланявшись:

— Спасибо что привела меня сюда.

Мор наклонила голову.

— Я вернусь проверить как ты через три дня. Одежда в спальне, горячая вода есть. На дом наложены чары заботиться о гостях — необходимо просто пожелать или произнести, и все будет исполнено.

Я хотела лишь тишины и покоя, но... горячая ванна была бы неплохим началом.

Мор покинула коттедж до того, как я успела сказать что-нибудь еще.

Одна, и никого вокруг на много миль, я стояла в тишине дома и смотрела в никуда.

Часть 3

ДОМ ТУМАНА

В пол в доме была встроена глубокая ванна, достаточно большая, чтобы вместить иллирийские крылья. Я наполнила её почти обжигающей водой, не заботясь о том, каким магическим образом она туда текла, и забралась внутрь, щурясь и шипя от высокой температуры внутри.

После трёх дней без ванны я чуть не плакала от её приятного тепла и чистоты, хотя когда-то проводила недели без этой роскоши. Я и моя семья не могли себе этого позволить. Обеспечение горячей воды в доме приносило больше хлопот, чем пользы — в нашем домике и ванны то не было, а само мытьё требовало бесчисленного множества вёдер с водой.

Я помылась тёмным мылом, пахнущим дымом и соснами, а когда закончила, то села в воде, глядя как пар поднимается между несколькими свечами.

Мейт.

Это слово пришло в мою голову быстрее, чем я рассчитывала после расслабляющей ванны. Оно преследовало меня, когда я надела одежду, которую нашла в шкафу в спальне. Тёмные леггинсы, огромный, кремовый свитер, свисающий до бёдер и толстые носки. Мой живот заурчал, и я поняла, что не ела со вчерашнего дня, потому что...

Потому что он был ранен, и я сошла с ума, совершенно спятила, когда его забрали у меня, сбили в небо, словно птицу.

Я действовала инстинктивно, из стремления защитить его, произрастающего глубоко во мне...

Настолько глубоко во мне..

Я нашла миску с супом на деревянной столешнице, который наверняка оставила Мор, и вылила его в железную кастрюлю, чтобы подогреть. Свежий, хрустящий хлеб лежал около духовки, и я съела половину, пока ждала, пока нагреется суп.

Рис подозревал это все ещё до того, как я освободила нас от Амаранты.

Моя свадьба... Он вмешался, чтобы удержать меня от величайшей ошибки в моей жизни или ради собственной выгоды? Потому что я его мейт, и позволить мне связать себя с кем-либо ещё было бы неприемлемо?

Я ужинала в тишине, только треск огня составлял мне компанию.

И под грузом мыслей вдруг почувствовался слабый пульс облегчения.

Мои отношения с Тамлином были обречены на провал с самого начала. Я ушла только чтобы найти своего мейта. Прийти к моему мейту.

Если бы я искала способ, как избежать неловкости и слухов, то единственным ответом было бы найти моего настоящего мейта.

Я не была лживой предательницей. Даже близко нет. Даже если... Даже если Рис знал о том, что я его мейт с самого начала.

Когда я делила постель с Тамлином долгими месяцами, он знал, что я с Тамлином, и не сказал ничего. Или, может быть, ему было всё равно.

Может, он не хотел этой связи, может, он надеялся на то, что она исчезнет.

Тогда я ничего не была должна Рису, мне не было за что извиняться.

Но он знал, что я плохо отреагирую, что это навредит мне больше, чем поможет.

А что если бы я знала?

Что если бы я *знала*, что я мейт Риса, пока любила Тамлина?

Это не извиняло его за то, что он не сказал мне. Не извиняло его за те недели, когда я винила и ненавидела себя за то, что так сильно его хотела... когда он должен был сказать мне. Но... теперь я поняла его.

Я помыла посуду, убрала крошки с небольшого обеденного стола между кухней и пространством гостиной, и забралась в одну из кроватей.

Ещё прошлой ночью я лежала, свернувшись рядом с ним, считая его вдохи и выдохи, чтобы убедиться, что они не оборвутся. Позапрошлой ночью я была в его руках, его пальцы скользили между моих ног, его язык наполнял мой рот. А сейчас... Несмотря на то, что в доме было тепло, простыни оставались холодными. Кровать была огромной — и пустой.

Через небольшое окно я смотрела, как покрытая снегом земля светится голубым под лунным светом. Ветер гулко стонал, поднимая прекрасные, сверкающие хлопья снега снаружи.

Я думала о том, сказала ли ему Мор, где я была.

Думала о том, придёт ли он в самом деле сюда в поисках меня.

Мейт.

Мой мейт.

* * *

Солнечный свет, отражающийся от снега, разбудил меня, и я, шурясь из-за его яркости, проклинала себя за то, что не закрыла шторы вечером. Мне потребовалось мгновение, чтобы вспомнить, где я, и почему нахожусь в этом изолированном домике, глубоко в горах... На самом деле я не знала, где эти горы находятся.

Рис однажды упомянул какое-то любимое место для уединения, которое Мор и Амрен как-то сожгли дотла в пыли сражения. Я задавалась вопросом: было ли это то самое место, отстроили ли его заново. Всё здесь было комфортным и изношенным, но в относительно хорошем состоянии.

Мор и Амрен знали.

Я не могла решить, ненавидела ли я их за это.

Разумеется, Рис приказал им молчать, и они уважают его желания, но...

Я застелила кровать, приготовила завтрак, помыла посуду, а потом осталась в центре гостиной.

Я убежала.

Именно этого и ожидал Рис, как однажды я сама ему сказала, что любой в здравом уме убежал бы от него. Как трус, как дура, я оставила его раненого в холодной грязи.

Я ушла от него, хотя за день до этого я сказала ему, что он единственный, от кого я никогда не уйду.

Я просила честности, но при первой же проблеме даже не позволила ему сказать проявить ее. Я даже не выслушала его.

Ты видишь меня.

Я отказывалась видеть его. Возможно, я отказывалась видеть то, что было прямо передо мной.

Я ушла.

И, наверное... Наверное, я не должна была.

* * *

Скука преследовала меня весь оставшийся день.

Ужасная, неумолимая скука. Спасибо заточению внутри, пока снег медленно таял под тёплыми лучами мягкого весеннего дня. Оставалось только слушать бесконечную капель.

Скука сделала меня любопытной. И, когда я обследовала все шкафы и полки обеих спален, (где я нашла одежду, старые обрывки лент, ножи и оружие, спрятанные и перемешанные с остальным, будто кто-то положил их внутрь и забыл об этом) все кухонные шкафчики, (там оказалась еда, кастрюли и сковороды, и испачканная книга с рецептами) и гостиную (нашлись одеяла, несколько книг и ещё больше оружия, спрятанного буквально везде), я зашла в кладовку.

Для места отдыха Высшего Лорда этот дом был... необычным, слишком простым. Он был обустроен с заботой, но вещи были повседневными, не было никакой роскоши. Будто это было местом для души, куда Рис и его круг могли прийти, завалиться на кровати или диван и не притворяться кем-то ещё, а лишь спорить из-за того, чья очередь готовить, охотиться или убираться...

Семья.

Весь этот дом наполнял меня внутренним теплом семьи, которого у меня, по сути, никогда и не было, на который я и надеяться не могла. Я перестала его ожидать, свыкнувшись с этикетом и формальностями жизни в поместье Тамлина. Свыкнувшись с ролью символа для сломленного народа, с ролью золотого идола и марионетки Высшей Жрицы.

Я открыла дверь, и меня встретил лёгкий холод, но свечи почти мгновенно зажглись и осветили, и согрели пространство вокруг, благодаря магии, поддерживающей дом в приемлемом состоянии. На полках не было пыли (наверняка благодаря все той же магии), сверкали изобилием запасы еды, книги, спортивное оборудование, свертки, верёвки и, вот сюрприз, еще оружие. Я навела порядок среди этих свидетельств приключений прошлого и будущего. Я так погрузилась в это занятие, что почти прошла мимо...

Полдюжины банок с краской.

Бумага и несколько холстов. Кисти, старые и измазанные краской. Кто-то явно поленился их почистить.

Там было и много других художественных принадлежностей: пастель, акварели, нечто, похожее на уголь для набросков, но... Я взглянула на краску, кисти.

Кто из них мог пользоваться всем этим, застряв здесь, как и я, или, наоборот, наслаждаясь выходными вместе с остальными?

Я убедила себя в том, что мои руки трясутся из-за холода, а не из-за того, что впервые за долгое время я приоткрываю крышку краски.

Всё ещё свежая. Возможно, помогла всё та же магия.

Я взглянула на тёмную, бликующую жидкость в банке: синяя.

И тогда я начала собирать остальные принадлежности.

* * *

Я рисовала весь день. А когда солнце зашло, я рисовала и всю ночь.

Луна исчезла к тому времени, как я помыла руки, лицо и шею, и пошла спать, не

потрудившись даже раздеться, упала на кровать и заснула, будто мёртвая.

Я проснулась с кисточкой в руках, до того, как весеннее солнце не продолжило было заставлять горы оттаивать.

Я останавливалась только чтобы поесть. Солнце снова зашло, уставшее от проделанной работы: глубоких и многочисленных вмятин в снегу, когда я услышала стук в переднюю дверь.

Измазанный в краске, мой кремовый свитер был совершенно испорчен. Я застыла.

Ещё один стук, лёгкий, но настойчивый.

— Пожалуйста, будь живой, — послышалось из-за двери.

Я не знаю было это облегчение или разочарование, которое опустилось в моей груди, когда я открыла дверь и обнаружила Мор, выдыхающую облачка пара в её замёрзшие руки.

Она посмотрела на краску на моей коже, в волосах, на кисточку в моей руке.

А потом на то, что я сделала.

Мор вошла в дом из морозной весенней ночи и тихо присвистнула, закрывая дверь.

— Определенно, тебе было чем заняться.

В самом деле.

Я раскрасила почти каждую поверхность в главной комнате.

И не просто широкими разноцветными полосами, но маленькими изображениями. Некоторые были простыми: череда сосуллек, свисающая с прохода. Сначала они таяли под первыми лучами весны, потом взрывались, превращаясь в летние цветы, перед свечением и трансформацией в осенние листья. Я нарисовала кольцо из цветов вокруг кофейного столика у окна, листья и языки пламени вокруг обеденного стола.

Но между всеми этими замысловатыми рисунками я нарисовала их. Частички и обрывки Мор и Кассиана, и Азриэля, и Амрен... и Риса.

Мор подошла к огромному очагу, где я разрисовала каминную полку в чёрный с золотыми и красными прожилками. Глядя вблизи, это казалось просто красивой краской, но глядя с дивана...

— Иллирийские крылья, — произнесла она. — О, они никогда не перестанут ликовать и восхищаться этим.

Она подошла к окну, которое я украсила ниспадающими прядями золота, латуни и бронзы. Мор потрогала свои волосы и наклонила голову.

— Мило, — сказала она и вновь оглядела комнату.

Её взгляд упал на открытый проход в коридор спальни. И она, поморщившись, спросила:

— Почему там глаза Амрен?

Действительно, прямо над аркой я нарисовала пару светящихся серебряных глаз.

— Потому что она всегда наблюдает.

Мор фыркнула.

— Так не пойдет. Нарисуй мои глаза рядом с её, чтобы наши мужчины всегда знали, что мы обе наблюдаем за ними, в следующий раз, когда они будут напиваться здесь целую неделю.

— Они такое могут?

— Бывало. — *До Амаранты.* — Каждую осень все трое из них закрывались здесь дней на пять, а потом пили и пили, охотились и охотились, а затем возвращались обратно в Веларис чуть живые, но улыбаясь до ушей. Знание того, что теперь им придётся делать это

под нашими пристальными взглядами, согревает мое сердце.

Улыбка растянулась на моём лице.

— Кому принадлежала эта краска?

— Амрен, — сказала Мор, закатывая глаза. — Однажды летом мы все были здесь, и она захотела научиться рисовать. Она пыталась два дня, а потом ей надоело, и она решила охотиться на бедных созданий вместо этого.

Из меня вырвался тихий смешок. Я подошла к столу, который я использовала, как главную поверхность для смешивания и хранения красок, и, возможно, я была трусом, но я стояла к Мор спиной, когда спросила:

— Есть какие-нибудь новости о моих сёстрах?

Мор осматривала шкафчики, наверное оценивая запас еды и необходимых мне вещей, она ответила мне через плечо:

— Нет, ещё нет.

— Он... ранен? — я оставила его в холодной грязи, раненого и борющегося с ядом в крови. Я пыталась не задумываться над этим, пока рисовала.

— Всё ещё выздоравливает, но уже в порядке. Злитесь на меня, конечно, но тут он бессилен.

Я соединила золотой цвет, который использовала для волос Мор и красный от иллирийских крыльев, и смешивала, пока не получился ярко-оранжевый.

— Спасибо, что не сказала ему, что я здесь.

Мор только пожала плечами. На столешнице начала появляться еда: свежий хлеб, фрукты, миски с чем-то, чей приятный аромат я слышала через всю комнату, и это почти заставило меня рычать от голода.

— Но ты всё равно должна с ним поговорить. Сначала, конечно, немного потомить его, но... ты должна выслушать его, — она не смотрела на меня, пока говорила. — У Риса всегда на все есть свои причины, и он может быть чертовски заносчивым, но он обычно прав в своих инстинктах. Он совершает ошибки, но... Просто выслушай его.

Я уже решила, что так и сделаю, но сказала:

— Как прошёл твой визит в Двор Кошмаров?

Она молчала какое-то время, её лицо стало неопределимо бледным.

— Нормально. Всегда приятно увидеть моих родителей, как ты, наверное, понимаешь.

— Твой отец поправляется? — я добавила кобальтовый цвет сифонов Азриэля к оранжевому и смешивала, пока не получила богатый оттенок коричневого.

Небольшая, лукавая улыбка.

— Медленно. Я должно быть случайно сломала ему еще пару костей во время своего визита. Моя мать после этого прогнала меня из их личных комнат. Какой позор.

Какая-то животная часть меня засияла в жестоком восторге от этого.

— Да, действительно жаль, — сказала я. Я добавила немного снежно-белого, чтобы осветлить коричневый, сверила получившийся оттенок с цветом ее глаз, взяла стул, встала на него и начала раскрашивать проход. — Рис действительно заставляет тебя делать это так часто? Терпеть визиты к ним?

Мор оперлась о столешницу.

— Рис разрешил мне убить их, когда я пожелаю, тот же день, когда стал Высшим Лордом. Я забочусь об этих визитах, хожу во Двор Кошмаров, чтобы... напоминать им об этом время от времени и поддерживать связь между двумя дворами, какой бы натянутой она

ни была. Если бы я пошла туда завтра и выпотрошила своих родителей, он бы даже глазом не моргнул. Возможно, у него возникли бы некоторые неудобства из-за этого, но... он был бы рад.

Я сосредоточилась на карамельно-коричневом наброске, который нарисовала рядом с глазами Амрен.

— Мне жаль, что тебе пришлось столько всего вынести.

— Спасибо, — сказала она, подходя, чтобы наблюдать за моей работой. — Визиты к ним всегда выбивают меня из колеи.

— Кассиан казался обеспокоенным, — ещё один любопытствующий вопрос.

Она пожала плечами.

— Кассиан, я думаю, тоже наслаждался бы возможностью порезать весь Двор Кошмаров на кусочки, начав с моих родителей. Возможно однажды, вместо подарка, я позволю ему сделать это. Ему и Азриэлю. Обоим. Это стало бы прекрасным подарком к солнцестоянию.

Я спросила, возможно, слишком обыденным тоном:

— Ты рассказала мне о ваших отношениях с Кассианом, но вы с Азриэлем никогда не...?

Резкий смех.

— Нет. Азриэль? После того случая с Кассианом я зареклась быть в отношениях с кем-то из друзей Риса. Однако у Азриэля не было нехватки в возлюбленных, так что не беспокойся. Он, конечно, скрывает свои связи получше нас, но тем не менее, они у него есть.

— Значит, если бы он был заинтересован, то ты...?

— Проблема, на самом деле была бы не во мне, а в нём. Я могу сбросить свою одежду прямо перед ним, но он и на дюйм не пошевелится. Может он и бросил вызов и доказал свою силу всем этим иллирийским придуркам, но какая разница. Даже если Рис сделает его принцем Велариса, то Аз все равно будет считать себя незаконнорождённым никем, недостаточно хорошим для кого-либо. Особенно для меня.

— Но... ты *заинтересована*?

— Почему ты спрашиваешь? — её голос стал жёстким и резким, более настороженным, чем я когда-либо слышала.

— Я всё ещё разбираюсь в том, как вы вместе работаете и уживаетесь.

Фырканье с её стороны означало, что настороженность ушла. Я старалась не показывать облегчение слишком сильно.

— Наша запутанная история насчитывает пятьсот лет, так что удачи.

Действительно. Я закончила рисовать ее глаза — медово-коричневые рядом с серебряными глазами Амрен. Словно это был ответ, Мор предложила:

— Нарисуй глаза Азриэля. Рядом с моими. И глаза Кассиана рядом с глазами Амрен.

Я подняла брови.

Мор одарила меня невинной улыбкой:

— Так все мы сможем присматривать за тобой.

Я лишь потрясла головой и спрыгнула со стула, чтобы начать думать над тем, как нарисовать ореховые глаза.

— Это настолько ужасно, — тихо спросила Мор, — быть его мейтом? Быть частью нашего Двора, нашей семьи, нашей запутанной истории и всего остального?

Я смешала краски в маленькой миске, и они, смешиваясь, были похожи на водоворот из сплетённых жизней.

— Нет, — выдохнула я. — Нет, это не так.
И у меня появился мой ответ.

Мор осталась на ночь и даже нарисовала несколько простеньких фигур на стене около двери, ведущей в кладовую. Три женщины с несуразно длинными ниспадающими волосами, каждая из которых напоминала ее саму; трое крылатых мужчин, которых ей каким-то образом удалось изобразить преисполненными чувством собственного превосходства. Я смеялась всякий раз, смотря на них.

Она ушла после завтрака, вынужденная выйти за пределы действия щита против рассеивания, а я помахала ее отдаленной, дрожащей фигуре прежде, чем она рассеялась и исчезла.

Я посмотрела через сверкающую белую гладь, растаявшую достаточно, чтобы проглядывающие через нее проплешины обнажали небольшое количество белоснежной травы, тянущейся навстречу небесно-голубому небу и горам. Обнаружив удочки и рыболовные снасти, которые, похоже, использовались в хорошую погоду, я поняла, что в конечном счете лето настигнет и эту таявшую страну грез, однако мне сложно было вообразить, что снег и лед вскоре вновь превратятся в мягкую траву и полевые цветы.

На краткий миг, подобно стремительным мерцающим водным брызгам, я представила себя там: как я бегу через дремлющий под тонкой коркой снега луг, как плескаюсь в ручьях, что и без того затопили лесной настил, как пирую крупными, летними ягодами в то время, как солнце скрывается за горами...

А затем я вернусь домой в Веларис, где наконец отправлюсь на прогулку по кварталу художников и побываю во всех тех лавках и галереях, и узнаю все то, что им было известно. А возможно, возможно в один прекрасный день я открою и свою собственную лавку. Но не для того, чтобы продавать свои работы, а чтобы обучать других.

Возможно, чтобы обучить других таких, как я: сломленных и пытающихся бороться с этим, пытающихся понять, окруженные тьмой и болью, кем они являются. И в конце каждого дня я бы шла домой уставшая, но довольная... удовлетворенная.

Счастливая.

Каждый день я бы шла в городской домик к своим друзьям, наполненный историями о их былых деньках, и мы бы сидели за столом и ужинали вместе.

А Рисанд ...

Рисанд ...

Он был бы там. Он бы дал мне денег для того, чтобы открыть свою собственную лавку, а я бы продавала свои картины, возвращая тем самым ему долг, поскольку не в моих правилах было быть кому-либо обязанной. Я бы вернула ему этот долг, и неважно, был он моим мейтом или нет.

И он был бы здесь в течение лета, паря над лугом, преследуя меня, начиная с небольших ручьев и заканчивая верхушкой горы с наклонным и травянистым склоном. Он сидел бы со мной под звездами, кормя меня крупными, сочными ягодами. И он бы восседал за тем самым столом в городском домике, заливаясь смехом — и никогда больше не был бы безучастным, жестоким и мрачным. Никогда не был бы чьим-либо рабом или шлюхой вновь.

А ночью... Ночью мы бы поднялись наверх вместе, и он нашептывал бы мне свои истории, полные приключений, а я бы делилась рассказами о своем дне, и...

Вот на что это было похоже.

На будущее.

Я видела для себя будущее, яркое, словно восход солнца над Сидрой.

Я видела направление, цель и стимул к тому, что еще могло предложить мне бессмертие. Это более не казалось мне таким бессмысленным и скучным.

И за него я бы боролась до последнего вздоха, стараясь заполучить это — защитить это. Поэтому я знала, что должна буду сделать.

* * *

Прошло пять дней, и я разрисовала каждую комнату в коттедже. Мор заколдовала дополнительных красок, прежде чем вновь скрылась, наряду с большим количеством еды, больше чем я могла бы съесть.

Но спустя пять дней, я была сыта по горло собственными мыслями, что были моей компанией — сыта ожиданием, сыта тающими и стекающими каплями снега.

К счастью, Мор вернулась этой ночью, барабаня в дверь громко и нетерпеливо.

За час до этого я приняла ванну, очищая себя от краски в тех местах, в каких я даже не предполагала о ее нахождении, и когда я бросилась открывать дверь, впуская ворвавшийся холодный воздух, мои волосы все еще были мокрыми.

Но на пороге стояла не Мор.

Я смотрела на Риса.

Он смотрел на меня.

Его щеки были слегка розоватыми от холода, темные волосы взъерошены, и по правде говоря, стоя там, он выглядел так, словно совсем замерз. Его крылья были плотно сжаты.

И я знала, что всего лишь одно произнесенное мной слово, и он улетит навстречу морозной ночи. Что если я захлопну дверь, он уйдет и не будет давить на меня.

Его ноздри раздулись, улавливая краску позади меня, но он не разрывал взгляда. Ожидая.

Мейт.

Мой — мейт.

Этот прекрасный, сильный, самоотверженный мужчина... Который пожертвовал и уничтожил себя ради своей семьи, своих людей и считал, что это все равно недостаточно, чтобы *он* не был достойным кого-либо... Азриэль полагал, что он не заслуживает такую как Мор. И я подумала, а что, если Рис... что, если Рис каким-то образом чувствовал нечто подобное по отношению ко мне. Я отошла в сторону, держа перед ним распахнутую дверь.

Я готова была поклясться, что почувствовала через нашу связь волну облегчения, от которой подкашивались колени.

Но Рис окинул взглядом открывшуюся перед ним картину — яркие краски, которые сейчас наполняли этот дом жизнью, и сказал:

— Ты нарисовала нас.

— Надеюсь, ты не возражаешь.

Он изучил порог в коридоре спальни.

— Азриэль, Мор, Амрен и Кассиан, — сказал он, указывая на нарисованные мной глаза. — Ты ведь знаешь, что однажды один из них нарисует усы под глазами того, кто разозлит его.

Я сжала губы, стараясь скрыть улыбку.

— О, Мор уже пообещала сделать это.

— А как же мои глаза?

Я тяжело сглотнула. Все хорошо. Больше никакого хождения вокруг да около.

Мое сердце билось так неистово, и я знала, что он слышал это.

— Мне было страшно рисовать их.

Рис повернулся, посмотрев мне в прямо глаза.

— Почему?

Больше никаких игр, никаких подшучиваний.

— Сперва потому, что я была зла на тебя за то, что ты мне ничего не рассказал. Затем потому, что волновалась, что полюблю их так сильно, но узнаю, что ты... не чувствуешь того же. Однако потом я боялась, что если нарисую их, то начну мечтать о том, чтобы ты оказался здесь рядом со мной так сильно, что просто буду смотреть на них весь день. И это казалось довольно жалким времяпровождением.

Его губы дрогнули.

— И правда.

Я бросила взгляд на закрытую дверь.

— Ты летел сюда.

Он кивнул.

— Мор не сказала мне куда ты ушла, но таких безопасных мест как это, не много. Поскольку я не хотел, чтобы дружки Хайберна следовали за мной, я вынужден был выбрать этот старомодный способ. Это заняло... некоторое время.

Тебе лучше?

— Полностью исцелен. Быстро, учитывая кровавую гибель. Благодаря тебе.

Я уклонилась от его взгляда, направляясь в сторону кухни.

— Должно быть ты голоден. Я что-нибудь подогрею.

Рис выпрямился.

— Ты... приготовишь мне еду?

— Подогрею, — сказала я. — Я не умею готовить.

Похоже, что в этом не было особой разницы. Чем бы это ни было, но сам факт того, что я предложу ему еду... Я плеснула немного холодного супа в кастрюлю и зажгла конфорку.

— Мне незнакомы обычаи, — сказала я, стоя спиной к нему. — Поэтому мне нужно, чтобы ты их разъяснил.

Он остановился посреди коттеджа, наблюдая за каждым моим движением. Он сказал сиплым голосом:

— Когда... женщина предлагает своему мейту еду — это важный этап. Это восходит еще к тому времени, когда мы были животными. Но это до сих пор имеет значение. Первый раз важен. Некоторые связанные между собой пары делают из этого целое событие — устраивают празднество лишь для того, чтобы женщина могла официально предложить своему мейту еду... Это в основном происходит среди знати. Но это означает, что женщина... принимает связь.

Я безотрывно смотрела на суп.

— Расскажи мне свою историю — расскажи мне все.

Он понял мое предложение: рассказать мне во время готовки, а в конце я решу, предлагать ему еду или нет.

Когда он сел за стол, стул скрипнул по деревянному полу. Всего долю секунды стояла лишь тишина, перерываемая звоном моей ложки о кастрюлю.

Но затем Рис сказал:

— Я был взят в плен во время Войны. Армией Амаранты.

Я прекратила перемешивать, мой желудок сжался.

— Кассиан и Азриэль находились в разных легионах, поэтому они не имели ни малейшего понятия, что я и мои войска были взяты в плен. И что полководцы Амаранты удерживали нас в камерах неделями, пытая и безжалостно убивая моих воинов. Они вонзили ясеновые стрелы в мои крылья и с той ночи использовали все те же цепи, чтобы подавить меня. Эти цепи были одним из величайших достояний Хайберна — камень, добытый из недр их земли, способный свести на нет силы Высших Фэ. Даже мои. Поэтому они приковали меня цепями к двум деревьям, били меня, когда им это было угодно, пытались заставить меня рассказать, где были сконцентрированы войска Ночного Двора, воспользовавшись моими войнами — их смертями и болью — чтобы сломать меня.

— Вот только я не сломался, — сказал он небрежно, — а они были слишком глупы, не зная, что я иллириец, и все что им нужно было сделать, чтобы заставить меня сдаться, это отрезать мои крылья. И быть может, мне повезло, но они никогда не пытались этого

сотворить. А Амаранта... Ей было все равно, что я был там. Я был всего лишь еще одним сыном Высшего Лорда, а Юриан как раз тогда убил ее сестру. Все, что ее заботило, было лишь добраться до него — убить его. С каждой секундой, с каждым глотком воздуха я продумывал ее смерть. Я хотел сделать это моей последней битвой: убить ее любой ценой, даже если это и означало разорвать свои крылья на мелкие кусочки, чтобы вырваться на свободу. Я наблюдал за стражей и запомнил ее распорядок дня, поэтому я знал, где она будет находиться. Я назначил день и время. И был готов — я был, черт возьми, готов покончить со всем этим и подождать Кассиана, Азриэля и Мор по другую сторону. В моей душе не было места ничему, кроме ярости, и облегчения от того, что моих друзей здесь не было. Но за день до того, как я собирался убить Амаранту, вступить в последний бой и встретить свой конец, она и Юриан столкнулись лицом к лицу на поле боя.

Он сделал паузу, тяжело сглатывая.

— Я был скован цепью в грязи, вынужденный наблюдать за тем, как они сражались. Наблюдать, как Юриан наносит мой смертельный удар. Только она убила его. Я наблюдал за тем, как она вырвала его глаз, отрезала палец, и, когда он лежал неподвижно, потащила его обратно в лагерь. Затем я слушал, как она медленно, день за днем разрывала его на куски. Его крики не имели конца. Она так сосредоточилась на его пытках, что не заметила прибытие моего отца. В порыве паники она убила Юриана, чтобы не увидеть то, как он станет свободным и спасется бегством. Таким образом, отец спас меня и сказал своим людям, сказал Азриэлю оставить ясеневые пики в моих крыльях в качестве наказания за то, что меня поймали. Я был так сильно ранен, что целители сообщили, что я никогда не смогу летать вновь, если попытаюсь сражаться до того, как мои крылья исцелятся. Я был вынужден вернуться домой для восстановления в то время, как велись финальные битвы.

Они заключили Договор, и так была возведена Стена. Мы давным-давно освободили рабов Ночного Двора, поскольку не доверяли наши секреты людям, не тогда, когда они размножались так быстро и с такой периодичностью, что мои предки не могли управлять их сознаниями одновременно. Но, тем не менее, наш мир изменился. Война изменила нас всех. Кассиан и Азриэль вернулись другими; я вернулся другим. Мы пришли сюда — в этот домик. Я все еще был ранен, поэтому они несли меня сюда между собой. Мы оставались здесь, когда прибыли вести об окончательных условиях Договора. Они остались со мной, когда я истошно кричал звездам, что Амаранта за все, что она сотворила, за каждое совершенное ей преступление, так и останется безнаказанной. Что Король Хайберна останется безнаказанным. Поговаривали, что для всех — по обе стороны, произошло слишком много убийств, чтобы взывать к правосудию. Даже мой отец отдал мне приказ отступить — готовиться к будущему совместному сосуществованию. Но я никогда не прощал Амаранту за то, что она сделала с моими воинами. И я также никогда об этом не забывал. Отец Тамлина — он был ее другом. И когда мой отец убил его, я был черт побери таким самодовольным, надеясь, что она вероятно будет иметь хоть слабое представление того, что я чувствовал, когда она убила моих солдат.

Мои руки тряслись, когда я помешивала суп. Я никогда не знала... никогда бы не подумала...

— Когда спустя несколько веков Амаранта вернулась к этим берегам, я все еще хотел убить ее. Самой ужасной частью было то, что она не знала, кем я был. Она даже не помнила, что я был сыном Высшего Лорда, которого она держала в плену. Для нее, я был всего лишь сыном мужчины, который убил ее друга — я был всего лишь Высшим Лордом Ночного

Двора. Другие Высшие Лорды были убеждены, что она желала мира и торговых отношений между нами. Лишь Тамлин не доверял ей. Я ненавидел его, но он знал лично Амаранту — и если он не доверял ей... Я знал, что она не изменилась.

Поэтому я планировал убить ее. Я никому ничего не рассказал. Даже Амрен. Я позволил Амаранте думать, что был заинтересован в сотрудничестве, в альянсе. Я решил отправиться на празднество в Подгорье для всех дворов, чтобы отпраздновать наше торговое соглашение с Хайберном... и когда она бы опьянела, я бы проник в ее разум, заставил признаться в каждой лжи и преступлении, что она совершила, а затем превратил бы ее мозг в жидкость до того, как кто-либо смог бы отреагировать. За это я был готов идти на войну.

Я повернулась, прислонившись к кухонным шкафчикам. Рис смотрел на свои руки, словно эта история была книгой, которую он читал.

— Но она думала быстрее — действовала быстрее. Ее тренировали против такой категории навыков как у меня, и она имела мощные ментальные щиты. Я был так занят, пробираясь сквозь них, что и не подумал о напитке в своей руке. Я не хотел, чтобы Кассиан, Азриэль или кто-либо еще был там в ту ночь, стал свидетелем того, что я должен был сделать — поэтому не было никого, кто потрудился бы проверить мой напиток.

И когда я почувствовал, что чары, наложенные на тот тост, уносят мои силы, я в последний раз бросил их, чтобы стереть память о Веларисе, его щитах, обо всем хорошем из сознаний подданных Двора Ночных Кошмаров — единственных, кому я позволил пойти со мной. Я создал щит вокруг Велариса, связывая его с моими друзьями так, чтобы они оставались на месте, а иначе рисковали разрушением защиты, и использовал последние остатки силы для того, чтобы рассказать им о том, что произошло, чтобы они держались подальше от этого места. В течение нескольких секунд моя сила всецело принадлежала Амаранте.

Его глаза опустились к моим. Мрачные, преследуемые призраками прошлого.

— Она убила половину Двора Ночных Кошмаров прямо там на месте. Чтобы доказать мне, что она могла сделать это. Как месть за смерть отца Тамлина. И я знал... в тот момент я знал, что нет ничего, чего бы я не сделал, чтобы не дать ей взглянуть на мой двор еще раз. Взглянуть слишком пристально на то, кем я был и что я любил. Поэтому я сказал себе, что теперь это было новой войной, иной разновидностью битвы. И в ту ночь, когда она продолжала обращать свое внимание на себя, я знал, чего она хотела. Я знал, что по большей части дело было не в том, чтобы спать со мной, а скорее местию призраку моего отца. Но если это было тем, чего она хотела, тогда это было тем, что она и получила. Я заставлял ее умолять, кричать и делал это медленно, чтобы ублажить ее, чтобы заставить хотеть большего. Желать большего.

Я ухватилась за край стойки, пытаюсь удержаться на ногах.

— Затем она прокляла Тамлина. И мой еще один заклятый враг стал единственной лазейкой, способной нас освободить. Каждую ночь, что я проводил с Амарантой, я знал, что ей всегда было любопытно, попытаюсь ли я убить ее. Я не мог использовать свои силы, чтобы навредить ей, а она защищалась против физических атак. Но на протяжении пятидесяти лет — всякий раз, когда я был внутри нее, я думал о том, как убью ее. Она не имела никакого понятия. Никакого. Поскольку я был так хорош в своем деле, что она думала, будто я наслаждался этим в равной степени. По этой причине она начала доверять мне — больше чем другим. В особенности, когда я доказал, что могу сотворить с ее врагами. Но я был рад делать это. Я ненавидел себя, но делал это я с радостью. Спустя десятилетие, я вновь

перестал ждать того дня, когда увижу лица своих друзей или народа. Я забыл, как выглядели их лица. И прекратил надеяться.

Серебро заблестело в его глаза, и он сморгнул его.

— Три года назад, — тихо сказал он. — Я начал видеть эти... сны. Сначала они были мимолетными проблесками, словно я смотрел сквозь чьи-то глаза. Потрескивающий очаг в мрачном доме. Стог сена в амбаре. Кроличий сад. Изображения были туманными, словно я смотрел через матовое стекло. Они были короткими — редкие вспышки каждые несколько месяцев. Я о них даже не думал до тех пор, пока одним из изображений не была рука... Прекрасная, человеческая рука. Держащая кисть. Рисующая — цветы на столе.

Мое сердце замерло.

— И в тот раз, я отправил обратную мысль. О ночном небе — об изображении, что доставляло мне счастье, когда я в этом особенно нуждался. Открытое ночное небо, звезды и луна. Я не знал, было ли оно получено, но в любом случае попытался.

Я не была уверена, дышала ли я.

— Эти сны — вспышки этого человека, этой женщины... я ценил их как воздух. Они были напоминанием того, что где-то там на земле царил мир, был свет. Что существовало место и человек, который был в достаточной безопасности, чтобы рисовать цветы на столе. Они продолжались еще несколько лет, до... минувшего года. Я спал рядом с Амарантой и резко проснулся от того сна... этот сон был четче и ярче, словно туман наконец отступил. Она — ты спала. Я был в твоём сне, наблюдая за твоим кошмаром, в котором некая женщина перерезала твоё горло в то время, как тебя преследовал Богги... Я не мог окликнуть тебя, поговорить с тобой. Но ты видела наш вид. И понял, что туман вероятно был Стеной, а ты... сейчас ты была в Прифиане.

Я видел тебя сквозь твои сны — и в тайне хранил эти изображения, снова и снова проглядывая их, пытаясь понять, где и кем именно ты была. Но тебя мучали ужасные кошмары, и эти существа принадлежали всем дворам. Я просыпался вместе с твоим запахом, и он преследовал меня весь день на каждом шагу. Но одной ночью тебе снилось, как ты стоишь среди зеленых холмов, наблюдая за костром в честь Каланмэя.

В моей голове не было ни единой мысли.

— Я знал, что было лишь одно масштабное празднество подобное этому; я узнал те холмы — как и знал, что ты вероятнее всего будешь там. Поэтому я рассказал Амаранте... — Рис тяжело сглотнул. — Я сказал ей, что хочу отправиться в Весенний Двор на праздник, чтобы пошпионить за Тамлином и посмотреть, посмеет ли кто-либо появиться там, чтобы заключить с ним союз. Мы были так близки к концу действия проклятия, что у нее началась непрерывная паранойя. Она сказала мне привести предателей. Я пообещал ей сделать это.

Он снова поднял глаза на меня.

— Попав туда, я смог учуять тебя. Поэтому я последовал за этим запахом и... и там ты и была. Человек — всего лишь человек, которого уводили те ничтожества, желавшие... — он покачал головой. — Я размышлял о том, чтобы убить их прямо там, но они толкнули тебя, и я просто... двинулся вперед. Я начал говорить, не имея ни малейшего понятия о том, чем были мои слова, важно было лишь то, что ты была там, и я прикоснулся к тебе, и... — он издал тяжелый вздох.

Вот ты где. Я искал тебя.

Его первые слова мне — ни капли лжи, никакой угрозы тем фейри держаться подальше.

Спасибо, что нашли ее для меня.

У меня было смутное ощущение того, что мир ускользал из-под моих ног подобно песку, исчезающему с берега.

— Ты посмотрела на меня, — сказал Рис, — и я знал, что ты не имела понятия, кто я такой. Что я мог видеть твои сны, но мои ты не видела. И ты была лишь... человеком. Ты была такой юной и ранимой, и совсем не заинтересованной во мне, и я знал, что, если задержусь слишком долго, то кто-нибудь может увидеть нас и сообщить об этом ей, и тогда она бы нашла тебя. Поэтому я пошел прочь, размышляя о том, что ты будешь рада избавиться от меня. Но тогда ты окликнула меня, словно не могла отпустить, понимала ты это или нет. И я знал... я знал, что мы каким-то образом вышли на очень опасную тропу. Я знал, что могу никогда с тобой больше не заговорить или увидеться, или даже подумать о тебе снова.

Я не хотел знать причины, по которой ты была в Прифиане; я даже не хотел знать твое имя. Потому что видеть тебя в моих снах было одним, но вживую ... Прямо тогда, глубоко внутри я думаю мне было известно, кем ты была. И я не позволял себе признать это, поскольку если и была доля малейшего шанса, что ты мой мейт... Они бы сотворили с тобой невообразимые вещи, Фейра.

По этой же причине я позволил тебе уйти. После того как ты ушла, я сказал себе, что быть может... быть может Котел был милостив, а не жесток, позволив мне увидаться с тобой. Лишь раз. Награда за то, что я вытерпел. И когда ты ушла, я нашел тех троих ублюдков. Я ворвался в их сознания, изменил их жизни, их истории и притащил Амаранте. Я заставил их признаться в участии в заговоре касательно поиска других мятежников той ночью. Я заставил их солгать и заявить, что они ненавидели ее. Я наблюдал за тем, как она их резала, пока они еще были живыми, моля о своей невиновности. Я наслаждался этим — потому что знал, что они хотели сделать с тобой. И знал, что это было ничем в сравнении с тем, что Амаранта сделала бы с тобой, если бы обнаружила.

Я обвила рукой свое горло.

«У меня были свои причины на то, чтобы быть там», — однажды сказал он мне Под Горой.

«Не думай, Фейра, что мне это ничего не стоило.»

Заговорив вновь, Рис продолжал смотреть на стол:

— Я не знал, что ты была с Тамлином. Что ты гостила в Весеннем Дворе. На следующий день после Летнего Солнцестояния Амаранта отправила меня в поместье, потому что я был так удачлив в день Каланмая. Я приготовился к тому, чтобы поиздеваться над ним, возможно затеять драку. Но когда вошел в комнату, и стоявший там запах был мне знаком, хоть и скрыт... А затем я увидел тарелку и почувствовал чары и... Ты была там. Жила в доме второго моего заклятого врага. Ужинала с ним. Источала его запах. Смотрела на него так... словно любила его.

На его сжатых кулаках выступили прожилки.

— И я решил, что должен был припугнуть Тамлина. Я должен был напугать тебя и Люсьена, но по большей части Тамлина. Ведь я видел, как он смотрел на тебя. То, что я сделал в тот день... — его губы были бледными, поджатыми. — Я ворвался в твоё сознание и пробыл там достаточно долго, чтобы ты это почувствовала, чтобы это напугало тебя, сделало больно. Я заставил Тамлина умолять — как Амаранта заставила умолять меня, показав ему, каким беспомощным он был, чтобы спасти тебя. И я молился, что моего выступления было достаточно, чтобы заставить его отправить тебя обратно. Обратно в людские земли, подальше от Амаранты. Потому что она собиралась найти тебя. Если бы ты

разрушила то проклятье, она бы нашла и убила тебя.

Но я был слишком эгоистичен — я был так глуп и эгоистичен, что не мог уйти, не узнав твоего имени. И ты смотрела на меня, словно я был монстром, поэтому я убедил себя, что это в любом случае не имело значения. Но когда я спросил, ты солгала. Я знал это. Твой разум был в моих руках, и ты презрительной предусмотрительностью солгала мне в лицо. Поэтому я снова ушел от тебя. Меня вырвало, как только я скрылся.

Мои губы дрожали, и я сжала их.

— Я снова проверил дом, чтобы убедиться, что ты ушла. Я пошел с ними в тот день, когда они разгромили поместье — дабы завершить мое выступление. Я сказал Амаранте имя той девушки, подумав, что ты его придумала. Я не знал... Я не знал, что она отправила своих прихвостней за Клэр. Но если бы я признался во лжи... — он тяжело сглотнул. — Когда они привела ее в Подгорье, я пробрался в ее голову. Я забрал ее боль и сказал кричать тогда, когда они этого будут ждать. А они... они творили страшные вещи, а я пытался это исправить, но... Спустя неделю, я не мог более позволять им этого делать. Вредить ей так, как никому другому. Поэтому пока они пытали ее, я вновь проник в ее разум и покончил с этим. Она не почувствовала никакой боли. Она не чувствовала ничего из того, что они делали с ней даже в самом конце. Но... но я все еще вижу ее. Как и моих людей. И тех других, что я убил для Амаранты.

Две слезы покатались по его щекам, стремительные и холодные.

Он не вытер их, когда сказал:

— Я думал, что после того с этим было покончено. После смерти Клэри, Амаранта считала тебя умершей. Ты была в безопасности, как и мои люди, и находилась очень далеко, Тамлин проиграл, поэтому... с этим было покончено. С нами было покончено. Но затем... Я был в конце тронного зала в тот день, когда Аттор привел тебя. Я никогда не знал того ужаса, Фейра, как тогда, когда наблюдал за тем, как ты заключила ту сделку. Противоречивый здравому смыслу, глупый ужас — я не знал тебя. Я даже не знал твоего имени.

Но я подумал о тех руках художницы, цветах, что ты создала. И как бы Амаранта наслаждалась, ломая твои пальцы. Я должен был бы стоять и наблюдать за тем, как Аттор и его дружки избивали тебя. Я был вынужден наблюдать за отвращением и ненавистью на твоём лице, когда ты смотрела на меня, видела, как я угрожал уничтожить разум Люсьена. И тогда — тогда я узнал твое имя. Услышать его... было подобно ответу на вопрос, которым я задавался уже как пять сотен лет.

Прямо там я решил, что буду бороться. И буду драться грязно, и убивать, и пытаться и манипулировать, но я был готов сражаться. Если и был человек, способный освободить нас от Амаранты, так это была ты. Я думал... Я думал, что Котел посылал мне те сны, чтобы сказать, что ты будешь той, кто спасет нас. Спасет мой народ.

Поэтому я наблюдал за твоим первым испытанием. Притворяясь — всегда притворяясь тем человеком, которого ты ненавидела. Когда ты ужасно пострадала в схватке со Змеем... Я нашел способ помочь тебе. Шанс бросить вызов Амаранте, посеять семена надежды для тех, кто знал, как прочесть послания, шанс поддерживать тебя в живых, не попадая при этом под подозрения. И шанс отомстить Тамлину... Использовать его против Амаранты, да, но и... отомстить ему за мою мать и сестру и... за тебя. Когда мы заключили ту сделку, ты так меня ненавидела, что я знал, что свою работу я выполнил хорошо.

Мы справились с этим. Я заставил тебя одеться так, чтобы Амаранта ничего не

заподозрила, и обязал пить то вино, чтобы ты ничего не запомнила из ночных ужасов, творившихся Под Горой. И за ночь до этого, когда я обнаружил вас двоих в коридоре... Я приревновал. Я позавидовал ему и разозлился, что он использовал единственную возможность остаться незамеченными не для того, чтобы вытащить тебя, а, чтобы быть с тобой, и... Амаранта увидела эту ревность. Она увидела, как я поцеловал тебя, чтобы скрыть доказательства, но она не видела почему. Впервые, она не видела почему. Поэтому той ночью, после того, как ты ушла, я должен был... обслужить ее. Она держала меня дольше чем обычно, пытаюсь вытащить ответы из меня. Но я дал ей то, что она хотела услышать: что ты была ничем, что ты была человеческим мусором, что я использовал тебя и выбросил. После всего этого... Я захотел увидеть тебя. В последний раз. Наедине. Я подумал, что расскажу тебе все — но то, кем я стал, то, что ты обо мне думала... Я не осмелился разрушить этот обман.

Но наступило твое финальное испытание и... лишь увидев, как ты истекаешь кровью и кричишь, когда она стала пытаться тебя, что-то, что я не мог объяснить, встало на свое место, раскрыло меня. Это сломало меня в последний раз. И когда я поднял нож, чтобы убить ее, я знал... Я знал в тот миг, кем ты была. Я знал, что ты была моим мейтом, и то, что ты была влюблена в другого мужчину и уничтожила себя, чтобы спасти его и что... что мне было плевать на это. Если бы ты умерла, я бы умер с тобой. Я не мог перестать думать и думать об этом, когда ты кричала, когда я пытался убить ее: ты была моим мейтом, моим мейтом, моим мейтом.

Но затем она сломала тебе шею.

Слезы покатались по его лицу.

— И я почувствовал, как ты умерла, — прошептал он.

Слезы текли и по моим щекам.

— И эта прекрасная, волшебная вещь, что вошла в мою жизнь, эта награда Котла... Она ушла. В отчаянии, я *потянул* за эту связь. Не сделку — сделка была ничем, сделка была словно нитью паутины. Но я ухватился за эту связь между нами и потянул, я заставил тебя задержаться, остаться со мной, потому что если бы мы освободились... Если бы мы смогли освободиться, тогда все семеро из нас были бы там. Мы могли бы вернуть тебя. И мне было плевать, если я и должен был бы проникнуть в их разум, чтобы сделать это. Я бы *заставил* их спасти тебя. — Его руки дрожали. — Ты освободила нас с последним вздохом, а моя сила... Я обернул всю свою силу вокруг этой связи. Связи мейтов. Я чувствовал, как ты мерцала там, держась.

Дом. Дом был в конце связи, как я и сказала Костерезу. Не Тамлин, не Весенний Двор, а... Рисанд.

— Таким образом умерла Амаранта, и я проник в сознание каждого Высшего Лорда, убеждая его подойти, предложить искру своей силы. Никто из них не воспротивился. Я думаю, все они были слишком шокированы, чтобы задуматься об отказе. И... я снова должен был наблюдать, как Тамлин держал тебя. Целовал тебя. Я хотел уйти домой в Веларис, но должен был остаться, чтобы убедиться, что все снова встало на свои места, что ты была в порядке. Я ждал сколько мог, а затем потянул за связь. Тогда ты и пришла, чтобы найти меня.

Еще чуть-чуть, и я рассказал бы тебе тогда все, но... ты была такая печальная и уставшая. И ты впервые смотрела на меня так... словно я стоил чего-то. Поэтому я пообещал себе, что в следующий раз, когда увижусь с тобой, я освобожу тебя от сделки. Все потому,

что я был слишком эгоистичен, и знал, что, если я освобожу тебя прямо там, он запрет тебя и никогда не позволит увидеть вновь. Когда я почти покинул тебя... Я думаю, превращение в Фэ уже прочно закрепило связь на своем месте. Я знал о ее существовании, но именно тогда она *накрыла* меня — накрыла меня так сильно, что я запаниковал. Я знал, останься я секундой дольше, я бы наплевал на последствия и забрал тебя с собой. И ты бы возненавидела меня навсегда.

Я приземлился в Ночном Дворе как раз тогда, когда Мор ждала меня, и я был так взбудоражен, в таком... смятении, что рассказал ей обо всем. Я не видел ее пятьдесят лет и моими первыми словами ей были: «Она мой мейт». И на протяжении трех месяцев... на протяжении трех месяцев я пытался убедить себя, что тебе было лучше без меня. Я пытался убедить себя, что все, что я сделал, заставило тебя возненавидеть меня. Но я чувствовал тебя через связь, через твои открытые ментальные щиты. Я чувствовал твою боль, печаль и одиночество. Я чувствовал, как трудно тебе было укрыться от тьмы Амаранты, так же, как и мне. Я слышал, что ты собиралась выйти за него, и сказал себе, что ты была счастлива. Мне стоило позволить тебе быть счастливой, даже если это убивало меня. Даже если ты и была моим мейтом, ты заслужила это счастье.

В день твоей свадьбы я планировал напиться в хлам с Кассианом, который понятия не имел зачем, но... Но затем я снова почувствовал тебя. Я ощутил твою панику, отчаяние, и услышал, как ты умоляла кого-то — кого-угодно — спасти тебя. Я сорвался. Я рассеялся на свадьбу и едва помнил о том, кем я должен был быть, какую роль я должен был сыграть. Все что я видел — была лишь ты, в твоём дурацком свадебном платье — такая худая. Такая, такая худая и бледная. И мне хотелось убить его за это, но я должен был вытащить тебя. Должен был потребовать исполнения сделки лишь раз, чтобы вызволить тебя, увидеть все ли с тобой в порядке.

Рис взглянул на меня, его глаза были несчастными.

— Меня убивало, Фейра, отправлять тебя назад. Видеть то, как ты чахнешь месяц за месяцем. Меня убивало осознание того, что он делил с тобой постель. Не только потому что ты мой мейт, но потому что я... — он опустил глаза, а затем снова посмотрел на меня. — Я знал... Я знал, что полюбил тебя в тот самый момент, когда поднял нож, чтобы убить Амаранту.

Когда в конце концов ты пришла сюда... Я решил, что не расскажу тебе. Ничего из этого. Я не освободил тебя от сделки, поскольку твоя ненависть была лучше, чем стоящие передо мной альтернативы: что ты ничего бы не чувствовала ко мне, или что ты... ты могла почувствовать нечто подобное, и, если бы я позволил себе полюбить тебя, тебя могли бы отнять у меня. Так же, как и мою семью — так же, как и моих друзей. Поэтому я не рассказал тебе. Я наблюдал за тем, как ты угасала. До того дня... того дня, когда он запер тебя.

Я бы убил его, будь он там. Но я нарушил несколько очень и очень фундаментальных правил, забрав тебя. Амрен сказала, что, если бы я заставил тебя признать, что мы мейты, у нас не было бы никаких неприятностей, но... я не мог заставить тебя принять эту связь. Я также не мог попытаться искусить тебя этой связью. Даже если это и давало Тамлину право начать войну против меня. Ты уже через столько прошла. Я не хотел, чтобы думала, будто все, что я сделал было для того, чтобы завоевать тебя и сохранить свои земли нетронутыми. Но я не мог... не мог перестать быть рядом с тобой, любить и желать тебя. Я все еще не могу.

Он откинулся назад, делая долгий глубокий вдох.

Я медленно повернулась туда, где сейчас кипел суп, и зачерпнула его в миску.

Он наблюдал за каждым моим шагом к столу, за испускающей пар миской в моих руках.

Я остановилась перед ним, смотря на него сверху вниз. И произнесла:

— Ты любишь меня?

Рис кивнул.

И я задумалась, была ли любовь слишком слабым словом того, что он чувствовал, что он сделал для меня. Того, что я чувствовала к нему.

Я поставила миску прямо перед ним.

— Тогда ешь.

Я смотрела, как он доел каждую ложку супа, его взгляд метался то на меня, то на суп. Когда он закончил есть, то отложил ложку.

— Ты не собираешься ничего сказать? — вымолвил он наконец.

— Я собиралась сказать тебе о своем решении в тот же момент, когда увидела тебя на пороге.

Рис повернулся ко мне.

— А сейчас?

Осознавая каждый свой вдох, каждое движение, я присела к нему на колени. Его ладони нежно обняли мои бедра, а я всматривалась в его лицо.

— А сейчас я хочу, чтобы ты знал, Рисанд, что я люблю тебя. Я хочу, чтобы ты знал, что... — его губы задрожали, и я смахнула слезу, покотившуюся вниз по его щеке. — Я хочу, чтобы ты знал, — прошептала я, — что я была сломлена и все еще исцеляюсь, но каждый кусочек моего сердца принадлежит тебе. И я горжусь, *горжусь* тем, что я твой мейт.

Его руки обвились вокруг меня, и он прижался лбом к моему плечу, его тело затряслось. Я погладила рукой по его шелковистым волосам.

— Я люблю тебя, — повторила я. Я не осмелилась произнести эти слова в моей голове. — И я вновь вытерпела бы каждую секунду того, что произошло, ради того, чтобы найти тебя. И если начнется война, мы встретим ее. Вместе. Я никому не позволю забрать меня у тебя. И никому не позволю забрать тебя у меня.

Рис поднял голову, его лицо блестело от слез. Он замер, когда я наклонилась, сцеловывая одну слезинку. Затем другую. Так же, как он когда-то сцеловывал мои.

Когда мои губы стали мокрыми и солеными, я отстранилась настолько, чтобы увидеть его глаза.

— Ты мой, — выдохнула я.

Его тело содрогнулось как будто от всхлипа, но его губы нашили мои.

Поцелуй был мягким — нежным. Поцелуй, который он мог бы подарить мне, если бы нам было даровано время и мир, чтобы встретиться друг друга в наших разделенных мирах. Чтобы добиваться и ухаживать друг за другом. Я обхватила руками его плечи, раскрывая губы, и его язык скользнул внутрь, лаская мой. Мейт — мой мейт.

Он затвердел подо мной, и я застонала ему в губы.

Этот звук будто спустил Рисанда с цепи, на которой он держал себя, и он подхватил меня плавным движением, укладывая на стол — прямо посреди и поверх красок.

Он углубил поцелуй, и я скрестила ноги вокруг его спины, притягивая его ближе. Он оторвал губы от моего рта и переместился на шею, где провел зубами и языком вниз по моей коже, в то время как его ладони скользнули под мой свитер и двинулись вверх, вверх, пока не накрыли мою грудь. Я выгнулась от этого прикосновения и подняла руки, позволяя ему стянуть с меня свитер одним легким движением.

Рис отстранился, чтобы оглядеть меня, мое тело, обнаженное до пояса. Краска испачкала мои волосы, руки. Но все, о чем я могла думать — был его рот, когда он опустил к моей груди и пососал ее, его язык щелкнул по моему соску.

Я погрузила пальцы в его волосы, а он уперся рукой в стол рядом с моей головой — прямо в палитру с краской. Он низко засмеялся, и я смотрела, затаив дыхание, как он провел

этой рукой, рисуя круг вокруг моей груди, потом ниже, ниже, и затем нарисовал стрелку вниз чуть пониже моего пупка.

— Чтобы не забыла, где все закончится, — произнес он.

Я зарычала на него — молчаливый приказ — и он снова засмеялся, находя ртом другую мою грудь. Он потерся бедрами о меня, дразня — дразня меня настолько ужасно, что я ощутила, что просто обязана прикоснуться к нему, просто должна почувствовать *больше* его. Все мои руки были в краске, но мне было все равно, когда я схватилась за его одежду. Он чуть подвинулся, чтобы позволить мне снять ее, и оружие, и боевая кожа упали на пол, обнажая его прекрасное, татуированное тело, мощные мускулы и крылья, раскрытые над его плечами.

Мой мейт... мой мейт.

Его губы врезались в мои, его голая кожа была такой теплой под моими руками, и я обхватила его лицо, размазывая краску и на нем тоже. Размазывая ее в его волосах, и теперь в них виднелись пряди синего, красного и зеленого цвета. Его руки нашли мою талию, и я приподняла бедра, чтобы помочь ему стянуть с меня носки и леггинсы.

Рис снова отстранился, и я испустила звук протеста — который превратился в возглас, когда он схватил меня за бедра и дернул к краю стола, через ворох красок, кистей и чашек с водой, затем забросил мои ноги к себе на плечи так, чтобы они покоились с двух сторон на этих прекрасных крыльях, и встал на колени передо мной.

Встал на звезды и горы, выведенные чернилами у него на коленях. Он не склонится ни перед кем, и ни перед чем..

Кроме своего мейта. Равного ему.

Первое скользящее движение языка Рисанда заставило меня запылать, словно пожар.

Я хочу, чтобы ты растянулась на столе, словно мой личный пир.

Он одобритительно зарычал в ответ на мой стон, мой вкус, и набросился на меня в полную силу.

Одной рукой прижимая мои бедра к столу, он двигал языком широкими, размашистыми мазками. А когда его язык скользнул внутрь меня, я потянулась, чтобы схватиться за край стола, схватиться за край света, с которого я вот-вот сорвусь.

Он вылизывал и выцеловывал путь к вершине между моих ног. Его пальцы заменили его рот, скользнув внутрь меня, в то время как он посасывал, слегка задевая кожу зубами..

Я без сил свесилась со стола, когда освобождение пронеслось по моему телу, расщепляя сознание на миллион осколков. Он продолжал лизать меня, пальцы все еще двигались во мне.

— Рис, — хрипло произнесла я.

Сейчас. Я хотела его сейчас.

Но он остался стоять на коленях, пируя надо мной, прижимая меня рукой к столу.

Я сорвалась за грань еще раз. И лишь когда я уже тряслась, почти всхлипывая, обмякшая от удовольствия, Рис поднялся с пола.

Он оглядел меня, голую, всю выпачканную в краске так же, как и его лицо и тело, и послал мне медленную, довольную мужскую улыбку.

— *Ты моя*, — прорычал он и поднял меня на руки.

Я хотела у стены — я хотела, чтобы он просто взял меня у стены, но он отнес меня в комнату, в которой я спала, и уложил меня на постель с пронзающей сердце нежностью.

Абсолютно голая, я смотрела, как он расстегнул пуговицы на своих штанах, выпуская

наружу внушительную длину. При виде его у меня пересохло во рту. Я хотела его, хотела чтобы каждый великолепный дюйм его оказался во мне, хотела царапать его тело, пока наши души не будут скованы вместе.

Он не произнес ни слова, нависая надо мной, его крылья были сложены вместе. Он никогда не был с материализованными крыльями в постели с женщиной. Но я была его мейтом. Он сдастся лишь мне одной.

И я хотела прикоснуться к нему.

Я потянулась через его плечо, чтобы погладить мощный изгиб его крыла.

Рис вздрогнул, и я увидела, как его член дернулся.

— Поиграем позже, — выдавил он.

Действительно.

Его рот нашел мой, поцелуй был открытым и глубоким — сражение языков и зубов. Он уложил меня на подушки, и я скрестила ноги вокруг его спины, осторожно избегая крыльев.

Хотя я перестала заботиться об этом, когда он коснулся моего входа. И замер.

— *Поиграем позже*, — прорычала я ему в рот.

Он засмеялся так, что звук его смеха пронесся вдоль моих костей, и затем Рис скользнул внутрь меня. И внутрь. И внутрь.

Я почти не могла дышать, почти не могла думать о чем-то, кроме того, где наши тела соединялись. Он замер внутри меня, позволяя мне привыкнуть, и я открыла глаза, и увидела, что он смотрит на меня.

— Скажи это еще раз, — пробормотал он.

Я поняла, что он имел в виду.

— Ты мой, — выдохнула я.

Рис слегка вышел и медленно скользнул обратно. Так мучительно медленно.

— Ты мой, — произнесла я, задыхаясь.

И снова он вышел, и скользнул внутрь.

— Ты мой.

Еще раз — теперь быстрее и глубже.

И в этот момент я почувствовала это — связь между нами, словно неразрывную цепь, словно яркий, негасимый луч света.

С каждым плавным движением связь разгоралась ярче и сильнее.

— Ты мой, — прошептала я, запуская руки в его волосы, проводя вниз по его спине, крыльям.

Мой друг через множество опасностей.

Мой любимый, исцеливший мою разбитую и измученную душу.

Мой мейт, который ждал меня вопреки всякой надежде, несмотря на все напасти.

Я двигала бедрами в такт с ним. Он целовал меня снова и снова, и наши лица сделались мокрыми.

Каждый дюйм моего тела горел и сжимался, и мой контроль растворился целиком, когда он прошептал:

— Я люблю тебя.

Разрядка прошла через мое тело, и он врвался в меня, жестко и быстро, растягивая мое удовольствие, пока я не почувствовала и увидела, и ощутила запах этой связи между нами, пока наши запахи не *слились* в одно, и я стала его, и он стал моим, и мы были началом, серединой и концом. Мы были песней, которая лилась с момента, когда зажегся самый

первый уголек света в этом мире.

Рис зарычал, достигая пика, врываясь глубоко до конца. Где-то снаружи задрожали горы, и последний укрывавший их снег сорвался сверкающе-белой лавиной, чтобы быть проглоченным ночью, ждущей внизу.

Наступила тишина, прерываемая лишь нашим загнанным дыханием.

Я взяла его измазанное краской лицо в свои цветные ладони и заставила его посмотреть на меня.

Его глаза сияли, словно звезды, которые я нарисовала когда-то давным-давно.

И я улыбнулась Рису, позволяя связи мейтов между нами сиять ясно и ярко.

* * *

Я не знаю, сколько мы так пролежали, лениво касаясь друг друга, словно у нас действительно было все время в мире.

— Я думаю, что влюбился в тебя, — пробормотал Рис, поглаживая пальцем мою руку, — в тот самый миг, когда понял, что ты расщепляла те кости, чтобы сделать ловушку для Мидденгардского Змея. Или, может быть, в тот момент, когда ты парировала мою насмешку в твой адрес. Это так напомнило мне Кассиана. Впервые за десятилетия мне захотелось *засмеяться*.

— Ты влюбился в меня, — спросила я, обомлев, — потому что я напомнила тебе твоего друга?

Он щелкнул меня по носу.

— Я влюбился в тебя, зазнайка, потому ты была одной из нас — потому, что ты меня не боялась и решила закончить свою эффектную победу, бросив кусок кости в Амаранту, словно копьё. Я почувствовал дух Кассиана рядом со мной в тот момент, и мог бы поклясться, что слышал, как он произнес: *«Если ты не женишься на ней, ты тупой придурок, то это сделаю я»*.

Я фыркнула от смеха, проводя вымазанной в краске ладонью по его татуированной груди. Краска, точно.

Мы оба были в ней с ног до головы. Как и кровать.

Рис проследил за моим взглядом и послал мне улыбку, которая точно была дьявольской.

— Как удобно, что ванна достаточно велика, чтобы уместить двоих.

Моя кровь вскипела и я поднялась с кровати, но он был быстрее и подхватил меня на руки. Он был весь забрызган краской, она покрывала его волосы засохшей коркой, а его бедные, прекрасные крылья... были покрыты отпечатками моих ладоней. Полностью обнаженный, он отнес меня в ванну, где вода уже наполнялась сама собой — магия дома выполняла наше желание.

Он спустился по ступенькам в воду, и его выдох удовольствия прошелестел возле моего уха. И я, наверное, сама чуть слышно простонала, когда горячая вода накрыла меня, когда он усадил нас обоих в ванну.

На каменном бортике появилась корзина с мылом и маслами, и я оттолкнулась от Рисанда, чтобы погрузиться глубже в воду. Между нами клубился пар, и Рис взял кусок того мыла, пахнущего сосновой смолой, и протянул его мне вместе с мочалкой.

— Кажется из-за кого-то мои крылья теперь грязные.

Мое лицо запылало, а нутро сжалось. Иллирийские мужчины и их крылья... такие чувствительные.

Я покрутила пальцем, командуя ему повернуться. Он повиновался, раскрывая эти великолепные крылья достаточно, чтобы я могла найти пятна краски. Я намылила мочалку и осторожно, очень осторожно начала смывать с него красный и синий, и фиолетовый цвета.

Свет от свечей танцевал на его бесчисленных, чуть виднеющихся шрамах, почти незаметных, кроме тех мест, где мембрана была более твердой. Он содрогался при каждом моей касании, схватившись руками о кромку ванны. Я заглянула через его плечо, чтобы воочию увидеть доказательство этой чувствительности крыльев, и произнесла:

— По крайней мере, слухи о сопоставлении размаха крыльев с размерами других частей тела не врал.

Мышцы его спины напряглись, когда он засмеялся.

— Такой грязный, бесстыдный рот.

Я представила все места на его теле, куда бы хотела поместить этот рот, и слегка покраснела.

— Я думаю, что была влюблена в тебя уже какое-то время, — сказала я, и мои слова были едва слышны из-за плеска воды, когда я мыла его прекрасные крылья. — Но поняла это на Звездопаде. Или подошла ближе к пониманию, но так испугалась, что не захотела приглядеться ближе. Я была трусихой.

— У тебя были вполне веские причины, чтобы избегать этого.

— Нет, это не так. Может быть, благодаря Тамлину, да. Но это *никак* не связано с тобой, Рис. Никогда не связано. Я никогда не боялась последствий решения быть с тобой. Даже если каждый убийца в мире будет охотиться на нас... это того стоит. Ты того стоишь.

Он чуть опустил голову и произнес хрипло:

— Спасибо.

И в этот миг мое сердце разбилось из-за него — за годы, что он провел, думая обратное. Я поцеловала его в шею, и он потянулся, чтобы провести пальцем по моей щеке.

Я закончила с крыльями и схватила его за плечи, чтобы развернуть его ко мне лицом.

— Что теперь?

Молча он взял мыло из моих рук и развернул меня, проводя мочалкой вниз по моей спине, слегка потирая ее тканью.

— Что ты захочешь, — сказал Рис. — Мы можем вернуться к Веларис и заверить нашу связь с помощью жрицы — не такой, как Ианта, я обещаю — и официально провозгласить себя Мейтами. Мы можем устроить небольшую вечеринку, чтобы отпраздновать это — ужин с нашей... компанией. Если только ты не захочешь большое празднество, хотя я уверен, что ты разделяешь мое отвращение к ним. — Его сильные руки разминали мои зажатые и слегка побаливающие мышцы спины, и я простонала от наслаждения. — Мы можем быть не только мейтами, но также стать мужем и женой, прежде чем пойти к жрице, если ты хочешь называть меня более привычным человеческим понятием.

— А как *ты* будешь называть меня?

— Мейт, — сказал он. — Хотя называть тебя моей женой звучит тоже безумно заманчиво. — Его пальцы массировали вдоль моего позвоночника. — Или если ты хочешь подождать, мы можем не делать ничего из этого. Между нами связь мейтов, и неважно, известно об этом всему миру или нет. Нет нужды спешить с решением.

Я повернулась к нему.

— Я спрашивала о Юриане, короле, королевах и Котле, но я рада знать, что есть так много вариантов развития наших отношений. И что ты сделаешь все, что я пожелаю. Должно

быть, я могу полностью вить из тебя веревки.

В его глазах танцевало кошачье изумление.

— Жестокая, красивая штучка.

Я фыркнула. Мысль о том, что он в принципе находил меня красивой..

— Это так, — сказал он. — Ты самое прекрасное создание, которое я когда-либо встречал. Я подумал это с самого первого мгновения, как увидел тебя на Каланмэй.

И это было глупо, глупо придавать красоте хоть какое-то значение, но... Мои глаза жгло от его слов.

— Что хорошо, — добавил он, — потому что ты подумала, что я самый красивый мужчина, которого ты когда-либо видела в жизни. Так что мы квиты.

Я скорчила гримасу, и он рассмеялся, скользнув руками, чтобы схватить меня за талию и притянуть к себе. Он присел на встроенную в пол ванны лавку, и я оседлала его, лениво поглаживая его мускулистые руки.

— Завтра, — сказал Рис, и его лицо помрачнело. — Завтра мы отправляемся в поместье твоей семьи. Королевы прислали ответ, что придут через три дня.

Я опешила.

— И ты говоришь мне это только *сейчас*?

— Я отвлекся, — ответил он, и его глаза мерцали.

И этот свет в его глазах, это тихое счастье... от них у меня перехватывало дыхание. Будущее — у нас будет будущее вместе. У меня будет будущее. *Жизнь*.

Его улыбка растаяла, сменившись выражением благоговения... трепета, и я потянулась, чтобы накрыть его лицо ладонями..

И обнаружила, что моя кожа светится.

Не ярко, а как будто какой-то внутренний свет засиял под моей кожей, просачиваясь наружу. Теплый и белый свет, словно солнце — словно звезда. Его изумленные глаза встретили мои, и Рис провел пальцем по моей руке.

— Что ж, теперь я могу ликовать, что в буквальном смысле заставляю своего мейта светиться от счастья.

Я засмеялась, и сияние вспыхнуло чуть ярче. Он наклонился ко мне, нежно целуя, и я полностью растаяла, обернув руки вокруг его шеи. Он был твердым, как камень подо мной, упираясь в меня прямо там, где я сидела верхом на нем. Все что нужно — это одно плавное движение, и он окажется внутри меня..

Но Рис поднялся из воды — с нас обоих ручьем стекала вода — и так и пошел обратно в спальню, а я держалась ногами за его пояс. Магия дома сменила простыни, и они были теплыми и гладкими под моим обнаженным телом, когда он опустил меня на них и посмотрел на меня. Светилась, я светилась ярким и чистым светом, словно звезда.

— Дневной Двор? — спросила я.

— Мне все равно, — ответил он грубо и сорвал с себя маскирующие чары.

Он однажды сказал мне, что это было небольшое волшебство, чтобы скрывать то, кто он есть, то, как выглядит его сила.

И когда все его величие вырвалось наружу, он наполнил комнату, мир, мою душу переливающейся черной силой. Звезды и ветер, и тени; мир и мечты, и острый край кошмаров. Тьма струилась от него, словно завитки пара, когда он протянул руку и положил ее плашмя на сияющую кожу моего живота.

Эта рука, сотканная из ночи, раскрылась, свет проникал сквозь струящиеся тени, и я

приподнялась на локтях, чтобы поцеловать его.

Дым и туман, и свежесть.

Я застонала, ощутив его вкус, и он открыл рот, позволяя мне скользнуть языком по его языку, зубам. Все, чем он являлся, сейчас было раскрыто передо мной — один финальный вопрос.

Я хотела все это.

Я схватила его за плечи, утягивая на кровать. И когда он очутился на спине, я увидела вспышку протеста из-за прижатых и обездвиженных крыльев.

— Иллирийский кроха, — пропела я и провела руками по его мускулистому животу — и дальше. Он перестал возражать.

Он был огромным в моей руке — таким твердым, но в то же время настолько шелковистым, что я просто провела пальцем вниз по нему в изумлении. Он зашипел, и его член чуть дернулся, когда я провела пальцем по его головке. Я ухмыльнулась, сделав так еще раз.

Он потянулся ко мне, но я заморозила его взглядом.

— Моя очередь, — сказала я ему.

Рис послал мне ленивую, мужскую улыбку и откинулся на спину, положив руку за голову. В ожидании.

Нахальный ублюдок.

Поэтому я склонилась и накрыла его ртом.

Он дернулся из-за прикосновения с сорвавшимся хрипло «*черт*», и я засмеялась, не отстраняясь от него, и вобрала его глубже в рот.

Теперь его руки на простынях были сжаты в кулаки до побелевших костяшек, когда я скользнула языком по нему, чуть касаясь зубами. Его стон был словно пожар для моей крови.

Честно говоря, я была удивлена, что он продержался целую минуту, прежде чем прервать меня.

Набросился — вот подходящее слово для того, что Рис сделал.

Одну секунду назад он был у меня во рту, мой язык щелкал по широкой головке — в следующую секунду его руки были уже на моей талии, и меня перевернули на живот. Он раздвинул мои ноги коленями и схватил за бедра, приподнимая их, а затем ворвался в меня одним глубоким ударом.

Я простонала в подушку от ощущения каждого восхитительного дюйма, приподнимаясь на локтях и вцепившись в простыни.

Рис вышел и погрузился обратно, и вечность взорвалась вокруг меня в этот миг, и я подумала, что могу разлететься на части от невозможности им насытиться.

— Взгляни на себя, — пробормотал он, двигаясь во мне и целуя меня вдоль позвоночника.

Мне удалось приподняться достаточно, чтобы посмотреть туда, где наши тела соединялись — и увидеть мое мерцание солнечного света рядом с рябью его ночи — сливающиеся, смешивающиеся. И это зрелище настолько меня ошеломило, что я кончила с его именем на губах.

Рис поднял меня к себе, одной рукой накрыв мою грудь, а другой лаская и теребя этот комок нервов между моих ног, и я не могла сказать, где закончился один оргазм и начался другой, и он толкался бедрами еще раз, и еще, не переставая целовать мою шею, ухо.

Я поняла в тот момент, что могу умереть от этого. От желания его, от удовольствия быть с ним.

Он сменил позу, ненадолго выйдя из меня, чтобы лечь на спину и привлечь меня сверху.

Был проблеск в темноте — вспышка затыжной боли, душевный шрам. И я поняла, почему он хотел меня в этой позе, почему хотел закончить все именно так, чтобы я была сверху.

Осознание этого разбило мне сердце. Я наклонилась, чтобы поцеловать его, мягко, трепетно.

В тот момент, когда наши губы встретились, я опустилась на него, наполненность теперь была гораздо глубже, и он прошептал мое имя в мои губы. Я целовала его снова и снова, и нежно двигала бедрами. Позже, в другой раз — еще будет время, чтобы сделать это жестко и быстро. Но сейчас... я не буду думать о том, почему эта поза была той, в которой он хотел закончить, хотел, чтобы я затмила пятна тьмы своим светом.

Но я буду сиять — для него, я буду сиять. Для своего собственного будущего, я буду сиять.

Поэтому я уперлась руками в его широкую грудь, и выпустила наружу этот свет во мне, позволяя ему разогнать тьму того, что с ним сделали, сделали с моим мейтом, моим другом.

Рис прохрипел мое имя, толкая бедрами вверх. Звезды кружились, в то время как он глубоко врывался.

Я думаю, что свет, льющийся из меня, мог быть звездным. Или, быть может, это мое зрение преломилось, когда разрядка накрыла меня еще раз, и Рис достиг своей, произнося, задыхаясь, мое имя снова и снова, и пролился во мне.

Когда мы закончили, я осталась на нем, впившись кончиками пальцев в его грудь, и любуясь им.

Нами.

Он потянул за мои влажные волосы.

— Нам придется найти способ заглушить этот свет.

— Я довольно легко могу держать тени скрытыми.

— Ага, но ты теряешь контроль над ними, когда злишься. И поскольку у меня есть все намерения сделать тебя самой счастливой в мире... я чувствую, что нам нужно будет научиться контролировать это дивное свечение.

— Всегда думает, всегда подсчитывает.

Рис поцеловал уголок моих губ.

— Ты не представляешь, сколько вещей я придумал насчет тебя.

— Я помню упоминание о стене.

Его смех был чувственным обещанием.

— В следующий раз, Фейра, я трахну тебя у стены.

— Так сильно, что все картины попадают.

Рис расхохотался.

— Покажи мне еще раз, что ты умеешь делать этим нечестивым ртом.

Я повиновалась.

* * *

Это было бы неправильно сравнивать, потому что, наверное, каждый Высший Лорд мог

заставить женщину не спать всю ночь, но Рисанд был... ненасытным. Я, наверное, спала всего лишь час в ту ночь, хотя думаю, что в том была и моя вина в равной степени.

Я не могла остановиться, не могла насытиться его вкусом во рту, его ощущением внутри меня. Больше, больше, больше, до тех пор, пока я не почувствовала, что могу выскочить из кожи от удовольствия.

— Это нормально, — сказал Рис, жуя кусок хлеба, когда мы сидели за столом и завтракали. Мы еле добралась на кухню. Он сделал всего один шаг из постели, открывая мне прекрасный вид на его величественные крылья, мускулистую спину и красивый зад, и я прыгнула на него. Мы оба рухнули на пол, и он изорвал когтями милый маленький коврик, когда я двигалась на нем верхом.

— Что нормально? — переспросила я. Я едва могла смотреть на него без желания воспламениться.

— Это... безумие, — произнес он осторожно, как будто опасаясь, что одно неверное слово может подстегнуть нас опять наброситься друг на друга, прежде чем мы успеем восполнить запас сил едой. — Когда пара принимает связь мейтов, это... всепоглощающе. Опять же, это берет начало из тех времен, когда мы были животными. Наверное, чтобы позаботиться о том, чтобы женщина наверняка забеременела. — Мое сердце сбилось с ритма на этой его фразе. — Некоторые пары не выходят из дома целую неделю. Мужчины становятся настолько неуравновешенными, что, так или иначе, им может быть опасно появляться на людях. Я видел, как обычно разумные и образованные мужчины разносят комнату лишь из-за того, что другой мужчина посмотрел слишком долго в направлении их мейта, если это произошло вскоре после того, как была закреплена связь мейтов.

Я выдохнула со свистом. Другая разрушенная комната пронеслась в моей памяти.

Рис знал, что преследовало меня в воспоминаниях, и поэтому произнес мягко:

— Я хочу верить, что я контролирую себя лучше, чем обычный мужчина, но... будь терпимой ко мне, Фейра, если я несколько взвинчен.

То, что он признал это все...

— Ты не хочешь уходить отсюда.

— Я хочу остаться в этой спальне и трахать тебя, пока мы оба не охрипнем.

В мгновение ока я была готова принять его, жаждала его, но... но нам надо было идти. Королевы. Котел. Юриан. Война.

— Насчет... беременности, — произнесла я.

И могла с тем же успехом вылить ведро ледяной воды на наши головы.

— Мы не... Я не пью тоник. Не пила, я имею в виду.

Он отложил свой хлеб.

— Хочешь начать принимать его снова?

Если бы я это сделала, если бы начала сегодня, это было бы отрицанием того, что мы сделали прошлой ночью, но...

— Если я мейт Высшего Лорда, значит я должна выносить тебе наследника, так ведь? Тогда, наверное, мне не стоит.

— Ты не должна мне абсолютно *ничего*, — прорычал он. — Дети — это редкость, да. Столь редки и столь драгоценны. Но я не хочу, чтобы они появились до тех пор, пока ты не захочешь этого — пока мы оба не захотим. И прямо сейчас, учитывая грядущую войну и Хайберн... Признаю, что я в ужасе при мысли, что мой мейт забеременеет, когда вокруг нас такое количество врагов. Я в ужасе от того, что я могу сделать, если тебе беременной что-то

или кто-то будет угрожать. Или причинит вред.

Что-то тугое в моей груди расслабилось, но холодок прошел вниз по моей спине, когда я представила, как эта сила, эта ярость, которую я видела в Ночном Дворе будет выпущена на весь свет.

— Тогда я начну принимать его сегодня, как только мы вернемся.

Мои колени подкашивались, когда я поднялась из-за стола и направилась в спальню. Мне нужно было принять ванну — я вся была покрыта им, и у меня во рту оставался его вкус, даже несмотря на завтрак. Рис мягко произнес у меня за спиной:

— Но я был бы счастлив сверх меры, если бы однажды ты оказала мне честь, подарив детей. Счастлив разделить это с тобой.

Я повернулась к нему.

— Сначала я хочу пожить, — сказала я. — С тобой. Хочу увидеть мир и отправиться навстречу приключениям. Я хочу узнать, каково это — быть бессмертной, быть твоим мейтом, частью твоей семьи. Я хочу быть... готовой к ним. И я эгоистично хочу, чтобы ты был только моим на какое-то время.

Его улыбка была нежной, милой.

— Ты можешь не торопиться. Если ты будешь только моей весь остаток вечности, тогда я вовсе не против.

Я успела добраться до края ванны, когда Рис поймал меня, отнес в воду, и занялся со мной любовью, медленно и глубоко, среди клубящегося пара.

Рис рассеял нас в иллирийский лагерь. Мы не пробудем здесь долго, чтобы не подвергаться лишней раз риску, и с десятью тысячами иллирийских воинов, размещенных вокруг нас на различных горных вершинах, Рис сомневался, что кто-то будет настолько глупым, чтобы напасть.

Как только мы появились в грязи возле небольшого дома, Кассиан лениво протянул у нас за спинами:

— Ну наконец-то.

Звериный, животный рык, вырвавшийся из Риса, не был похож ни на что, что я прежде слышала, и я схватила его за руку, когда он метнулся к Кассиану.

Генерал взглянул на него и засмеялся.

Но иллирийские воины в лагере начали стремительно взмывать в небо, забирая вместе с собой женщин и детей.

— Тяжелая езда верхом? — Кассиан собрал свои темные волосы, скрепив их поношенным кожаным ремешком.

Сверхъестественная тишина лилась теперь из Риса, оттуда, где еще секунду назад вырывалось рычание. И не желая видеть, как он обращает лагерь в щебенку, я произнесла:

— Когда он повыбивает тебе зубы, Кассиан, не прибегай ко мне плакать.

Кассиан скрестил руки на груди.

— Связь мейтов слегка раздражает, а, Рис?

Рис молчал.

Кассиан прыснул от смеха.

— Фейра что-то не выглядит слишком усталой. Может быть, она могла бы оседлать разок и меня...

Рис взорвался.

Крылья и мышцы, и клацающие зубы, и они покатались по грязи, размахивая кулаками, и...

И Кассиан абсолютно точно знал, что он говорит и делает — поняла я, когда он пинком сбросил Рисанда с себя, и Рис не прикоснулся к той силе, которая могла бы превратить эти горы в равнину.

Он увидел в глазах Риса, что тот на грани, и знал, что ему необходимо выплеснуть это, прежде чем мы сможем двинуться дальше.

Рис тоже это знал. И потому рассеял нас сначала сюда, а не в Веларис.

Это было настоящее зрелище — два иллирийца, борющиеся среди грязи и камней, задыхаясь и сплевывая кровь. Ни один другой иллириец не посмел опуститься на землю.

И не осмелится — поняла я — пока Рис не выпустит пар или не уйдет из лагеря. Если среднему мужчине требовалась неделя, чтобы привыкнуть... Сколько потребуется Рисанду? Месяц? Два? Год?

Кассиан засмеялся, когда Рис впечатал кулак ему в лицо, разбрызгивая кровь. Кассиан послал в ответ аналогичный удар, и я сжалась при виде того, как голова Риса мотнулась в сторону. Я видела прежде, как Рис сражается, контролирующий и изящный, и я видела его в ярости, но никогда таким... диким.

— Это затянется на некоторое время, — сказала Мор, прислонившись к дверному

проему. Она придержала дверь открытой. — Добро пожаловать в семью, Фейра.

И я подумала в тот миг, что это, возможно, самые прекрасные слова, которые я когда-либо слышала.

* * *

Рис и Кассиан целый час избивали друг друга до изнеможения, и когда они наконец притазились в дом, окровавленные и грязные, мне потребовался лишь один взгляд на моего мейта, чтобы возжаждать его запах и ощутить нестерпимое желание почувствовать его.

Кассиан и Мор мгновенно нашли куда испариться, и Рис даже не потрудился полностью снять с меня одежду, прежде чем нагнул меня над кухонным столом и заставил меня выстанывать его имя настолько громко, что иллирийцы, все еще кружащие в вышине, непременно это услышали.

Но когда мы закончили, скованность его плеч и напряженность в его глазах исчезли... И стук в дверь от Кассиана подстегнул Риса вручить мне влажную тряпицу, чтобы я привела себя в порядок. И мгновение спустя четверо из нас рассеялись к музыке и свету Велариса.

Домой.

* * *

Солнце едва опустилось за горизонт, когда Рис и я рука об руку вошли в столовую Дома Ветра, и увидели уже сидящих там Мор, Азриэля, Амрен и Кассиана. Ждущих нашего появления.

Как один, они поднялись.

Как один, посмотрели на меня.

И как один, они поклонились.

И это была Амрен, кто произнес:

— Мы будем служить и защищать.

Каждый из них положил руку на сердце.

Ожидая моего ответа.

Рис не предупредил меня об этом, и я задалась вопросом, предполагалось ли в таком случае, что мои слова должны идти от сердца, произнесенные без умысла или хитрости. Поэтому я озвучила их.

— Спасибо вам, — ответила я, приказав своему голосу звучать ровно. — Но я бы предпочла, чтобы прежде чем служить и защищать, вы были в первую очередь моими друзьями.

Мор ответила, подмигнув мне:

— Мы и есть. Но мы будем служить и защищать.

Выражение моего лица стало более теплым, и я улыбнулась им. Моей семье.

— Теперь, когда мы уладили это, — Рис протянул за моей спиной, — мы можем, пожалуйста, поесть? Я умираю с голоду.

Амрен открыла было рот с кривой улыбкой, но он добавил:

— Не произноси то, что ты собралась сказать, Амрен. — Рис бросил на Кассиана острый взгляд. Они оба были все еще в синяках, но быстро исцелялись. — Если только не хочешь выйти и обсудить это со мной на крыше.

Амрен щелкнула языком и вместо этого повернулась ко мне.

— Я слышала, что в лесу ты отрастила клыки и убила пару зверей из Хайберна.

Молодец, девочка.

— Она спасла его жалкую задницу, если быть точнее, — сказала Мор, наполняя свой бокал вином. — Бедный маленький Рис дал себя скрутить.

Я протянула свой бокал, чтобы Мор наполнила и его.

— С ним действительно нужно просто невероятно нянчиться.

Азриэль поперхнулся вином, и я встретилась с его взглядом — теплым на этот раз. Даже мягким. Я почувствовала, как Рис напрягся рядом со мной и быстро отвела взгляд от командира шпионов.

Вина в глазах Риса сказала мне о том, что он сожалел. И пытался бороться с собой. Такие странные, эти Высшие Фэ с их мейтством и первобытными инстинктами. Настолько противоречивы их древние традиции и знания.

Мы отправились в земли смертных вскоре после ужина. Мор несла шар, Кассиан нес ее, Азриэль летел рядом с ними, а Рис... Рис крепко держал меня, его руки были сильными и незыблемыми вокруг меня. Мы молчали, проносясь над темной водой.

Потому что мы летели, чтобы открыть королевам тайну, за сохранение которой в секрете они все так много и долго страдали.

Весна наконец добралась до земель смертных, и крокусы и нарциссы поднимали свои головы с талой земли.

Только старшая и золотоволосая королевы прибыли в этот раз, хотя и в сопровождении такого же количества охранников.

Я снова была в своем струящемся платье цвета слоновой кости и в короне из золотых перьев, снова стояла рядом с Рисандом, когда королевы и их охрана рассеялись в гостиную. Однако, в этот раз Рис и я стояли рука об руку, и мы были неустрашимы, словно песня без начала и конца.

Старшая королева оглядела нас своим хитрым взглядом, наши руки, наши короны, и присела без нашего приглашения, раскладывая юбку изумрудного платья вокруг себя. Золотая королева осталась стоять на мгновение дольше, слегка покачивая своей сияющей, кудрявой головой. Ее красные губы чуть подернулись, когда заняла место рядом со своей спутницей.

Рис не более чем слегка преклонил перед ними голову, когда произнес:

— Мы ценим, что вы вновь нашли время для встречи с нами.

Молодая королева слегка кивнула, а ее янтарный взгляд метался между нашими друзьями позади нас. Кассиан и Азриэль расположились по обе стороны от окна, где стояли Элейн и Неста в своих нарядах, сад Элейн цвел позади них. Плечи Несты были уже напряжены, а Элейн закусил губу.

Мор стояла по другую сторону от Риса, в этот раз в сине-зеленом платье, которое напоминало мне о спокойных водах Сидры, и держа в своих загорелых руках коробку из оникса с Веритасом внутри.

Старшая королева посмотрела на нас, прищурившись, и произнесла с раздражением:

— После того, как нас так глубоко оскорбили в прошлый визит... — она кинула гневный взгляд на Несту. Моя сестра ответила ей взглядом, в котором пылало чистейшее, непреклонное пламя.

Старуха щелкнула языком:

— Мы обсуждали много дней, стоит ли нам возвращаться и, как вы можете видеть, трое из нас нашли оскорбление непростительным.

Лгунья. Обвиняя Несту, она пыталась натравить нас друг на друга лишь за то, что Неста пыталась защитить... С удивительным спокойствием я произнесла:

— Если это самое худшее оскорбление, которое вы перенесли в своей жизни... Я бы сказала, что вы все будете в тихом ужасе, когда придет война.

Губы молодой королевы снова дернулись, а янтарные глаза светились, словно она была львицей во плоти. Она промурлыкала мне:

— Значит, он все-таки выиграл твое сердце, Разрушительница Проклятья.

Я удерживала ее взгляд, пока мы с Рисом присаживались на свои стулья. Мор скользнула на место рядом с ним.

— Я не думаю, — сказала я, — что это простое совпадение, что Котел позволил нам найти друг друга накануне возвращения войны между двумя нашими народами.

— Котел? Два народа? — Золотоволосая королева играла со своим рубиновым кольцом на пальце. — *Наш* народ не взывает к Котлу, у *нашего* народа нет магии. На мой взгляд, есть

ваш народ и есть наш народ. И *ты* сама немогим лучше Детей Благословенных. — Она подняла свою ухоженную бровь. — Что происходит с ними, когда они пересекают Стену? — Она повела головой в сторону Риса, Кассиана и Азриэля. — За ними охотятся? Или их используют и выбрасывают, оставляя их немощно стареть, пока вы остаетесь вечно молодыми? Какая жалость... Как несправедливо, что ты, Разрушительница Проклятья, получила все, о чем эти идиоты, без сомнения, умоляли. Бессмертие, вечная молодость... Что бы сделал Лорд Рисанд, если бы ты старела, пока он оставался прежним?

Рис спокойно произнес:

— Есть ли смысл в ваших вопросах, кроме как желание послушать саму себя?

Она низко усмехнулась и повернулась к старшей королеве, шурша своим желтым платьем. Старуха просто протянула свою морщинистую руку в сторону коробки, находящуюся в тонких пальцах Мор.

— Это то доказательство, о котором мы просили?

«Не делай этого» — простонало мое сердце. *«Не показывай им»*.

Прежде чем Мор успела кивнуть, я произнесла:

— Неужели моя любовь к Высшему Лорду не является достаточным доказательством наших добрых намерений? Неужели присутствие моих сестер здесь ни о чем вам не говорит? На пальце моей сестры надето железное обручальное кольцо, но она все равно стоит с нами.

Элейн, казалось, боролась с желанием спрятать руку за юбкой ее бледного, розовоголубого платья, но все же осталась неподвижна, пока королевы разглядывали ее.

— Я бы сказала, что это является доказательством ее идиотизма, — насмехаясь сказала золотая королева. — Быть помолвленной с человеком, который ненавидит Фэ... и рисковать этим союзом общаясь с вами.

— Не суди то, — Неста прошипела с тихой злобой, — о чем ты *ничего* не знаешь.

Золотая королева скрестила руки на коленях.

— Гадюка снова шипит, — она подняла свои брови глядя на меня, — Конечно, было бы мудрым решением оставить ее вне этой встречи.

— Она предоставила свой дом и рискует своим социальным положением ради нас, чтобы эти встречи состоялись, — сказала я. — У нее есть право слышать, о чем мы говорим на этой встрече, как и выступать в качестве представителя народа этих земель. У них у обеих есть это право.

Старуха прервала молодую королеву прежде, чем она смогла ответить и снова махнула морщинистой рукой в сторону Мор.

— Тогда покажите нам. Докажите, что мы не правы.

Рис слегка кивнул Мор. Нет, нет, это не правильно. Не показывай им, не раскрывай сокровище, которым является Веларис, которым является мой дом...

«Война — это жертва.» — произнес Рис у меня в голове сквозь небольшую щелку в моем ментальном щите, которую я теперь оставляю для него. *«Если мы не сделаем ставку на Веларис, мы рискуем потерять Прифиан и не только его.»*

Мор подняла крышку черной коробки. Серебряный шар внутри мерцал, словно звезда под стеклом.

— Это Веритас, — сказала Мор голосом, который одновременно казался и молодым, и старым. — Дар первого предка нашей родословной. Лишь несколько раз за всю историю Прифиана мы использовали его, открывали его правду всему миру.

Она подняла шар с его бархатного гнезда. Он был не больше, чем спелое яблоко, и

настолько вписывался в ее сложенные ладони, словно все ее существование было лишь для него.

— Правда смертельна. Правда является свободой. Правда может сломать, соединить и связать. Веритас содержит в себе правду мира. Я Морриган, — сказала она, и ее глаза были словно нечто неземное. У меня пробежали мурашки по рукам. — Вы знаете, что я говорю правду.

Она опустила Веритас на ковер между нами и обе королевы наклонились. Затем Рис произнес:

— Вы желаете доказательства нашей доброты, наших намерений, чтобы вы смогли доверить нам Книгу? — Веритас начал пульсировать, распространяя паутину света с каждым биением. — Существует место в моих землях. Город мира, искусства и процветания. И так как я сомневаюсь, что вы или ваша охрана осмелятся пересечь Стену, я покажу вам его, покажу истину своих слов, покажу это место с помощью шара.

Мор протянула руку, бледное облако закружилось вокруг шара, сливаясь с его светом, и оно пронеслось мимо наших ног.

Королевы вздрогнули, а их стражи подались вперед, держа руки на оружии. Облака продолжали кружиться, когда правда о Веларисе просачивалась из шара — откуда бы она ни взялась: от Мор, от Риса или от истины этого мира.

И в сером мраке появилась картина.

Это был Веларис, вид сверху — таким его видел Рис, когда летал. Пятнышко на побережье, но когда он опустился ниже, город и река стали более ясными, более живыми.

Затем изображение исказилось и свернуло, словно Рис пролетал через город только этим утром. Он промчался мимо лодок и пирсов, мимо домов, улиц и театров. Пролетел по Радуге Велариса, такой красочной и прекрасной в этом новом весеннем солнце. Люди счастливые и заботливые, добрые и гостеприимные помахали ему рукой. Изображения сменяли друг друга: дворцы, рестораны, Дом Ветров. Все это было тайной этого чудесного города, моего дома.

Я могла бы поклясться, что в этом изображении была любовь. Я не могу объяснить, как Веритас передал это, но цвета... Я поняла, что цвета и свет, которые шар показывал, были каким-то образом связаны с воспоминаниями Риса.

Иллюзия исчезла, а цвета, свет и облако затянулись обратно в шар.

— Это Веларис, — сказал Рис. — Пять тысяч лет мы хранили этот секрет в тайне от посторонних. Теперь вы знаете о нем. Это то, что я защищаю с помощью всех слухов, шепотов и страхов. Я боролся на стороне ваших людей в Войне, только чтобы начать свое правление, как все предполагали, с террора. И чтобы как только я займу свой трон, убедиться, что все услышат легенды об этом. Если цена защиты моего города и народа заключается в презрении всего мира ко мне, то пусть будет так.

Две королевы смотрели в изумлении на ковер, словно все еще могли видеть город там. Мор прочистила горло. Золотая королева вздрогнула, словно Мор прорычала, и уронила богато украшенный кружевной платочек на пол. Она наклонилась, чтобы поднять его, а ее щеки немного покраснели.

Старуха подняла глаза на нас.

— Ваше доверие... ценится.

Мы ждали.

Лица королев стали серьезны и неподвижны, и я была рада, что сижу, когда старшая

королева, наконец, проговорила:

— Мы подумаем над этим.

— У нас нет на это времени, — возразила Мор. — Каждый потерянный день — это день, когда Хайберн подбирается ближе к разрушению Стены.

— Мы обсудим это с другими королевами и проинформируем вас, когда нам будет удобно.

— Неужели вы не понимаете риск, на который идете, поступая так? — произнес Рис без капли снисходительности, возможно лишь с легким шоком. — Вам нужен этот союз так же, как и нам.

Старшая королева пожала плечами.

— Неужели ты думал, что мы будем тронуты твоим письмом, твоей мольбой? — она дернула подбородком в сторону ближайшего охранника, и тот достал из-за пазухи сложенное письмо. Королева начала читать:

«Я пишу Вам не как Высший Лорд, но как мужчина, влюбленный в женщину, которая когда-то была человеком. Я пишу Вам и умоляю Вас действовать быстро, чтобы спасти ее народ и мой собственный. Я пишу Вам, чтобы однажды мы могли познать настоящий мир. Чтобы однажды я мог жить в мире, где женщина, которую я люблю, могла бы навещать свою семью, не опасаясь ненависти и мести. В лучшем мире.»

Она отложила письмо.

Рис написал это письмо много недель назад... до того, как мы соединились связью мейтов. Это не было требованием встретиться с королевами, это было любовным письмом. Я потянулась через пространство между нами и взяла его руку, чуть сжимая. Пальцы Риса сжались вокруг моей руки.

Затем старшая королева сказала:

— Кто может сказать, что все это не какая-то великолепная манипуляция?

— Что? — выпалила Мор.

Золотая королева кивнула, соглашаясь, и осмелилась высказать Мор:

— Очень многие вещи поменялись со времен Войны, с твоих, так называемых, дружественных отношений с нашими предками. Может ты не та, за кого себя выдаешь. Возможно, Высший Лорд пробрался в наш разум и заставил нас поверить, что ты — та самая Морриган.

Рис молчал, как и все мы. Пока Неста не проговорила слишком мягко:

— Это речь женщин, выживших из ума. Высокомерных, тупых дур.

Элейн схватила Несту за руку, призывая молчать, но Неста шагнула вперед с лицом бледным от ярости.

— Отдайте им Книгу.

Королевы моргнули, оцепенев. Моя сестра отрезала:

— *Отдайте им Книгу.*

Старшая королева прошипела:

— Нет.

Слово прозвенело во меня.

Неста продолжила, вскидывая руки, словно хотела охватить нас, комнату и весь мир.

— Здесь живут невинные люди. Если вы не будете рисковать своей шеей против сил, которые нам угрожают, тогда хотя бы дайте этим людям реальный шанс. Отдайте моей сестре Книгу.

Старуха резко втянула воздух носом.

— Эвакуация может быть возможна...

— Вам потребуется десять тысяч кораблей, — сказала Неста, ее голос срывался. — Вам будет нужна армада. Я сделала подсчеты. И если вы готовитесь к войне, то не будете посылать свои корабли к нам. Мы брошены здесь.

Старуха сжала полированные подлокотники кресла до скрипа, наклоняясь немного вперед.

— Тогда почему бы вам не попросить одного из ваших крылатых мужчин перенести вас через море, девочка.

Горло Несты сжалось.

— Пожалуйста. — Я не думаю, что когда-либо слышала это слово из ее уст. — Пожалуйста, не оставляйте нас лицом к лицу с этим в одиночку.

Старшая королева оставалась непоколебимой. У меня не было слов.

Мы показали им... мы... мы сделали все. Даже Рис молчал, его лицо было нечитаемым.

Затем Кассиан подошел к Несте. Охранники застыли, когда иллириец прошел мимо них, словно они были стеблями пшеницы в поле.

Он долго и внимательно посмотрел на Несту. Она все еще глядела на королев, с глазами, полными слез, слез ярости и отчаяния, от огня, который сжигал ее изнутри. Когда она наконец заметила Кассиана, то посмотрела на него снизу вверх.

Его голос звучал грубо, когда он сказал:

— Пятьсот лет назад я воевал на полях сражений не далеко от этого дома. Я сражался среди людей и фейри, истекал кровью рядом с ними. Я буду стоять на поле боя снова, Неста Арчерон, чтобы защитить этот дом, твой народ. Я не мог бы придумать лучшего способа закончить свое существование, чем защищая тех, кто нуждается в этом больше всего.

Я наблюдала за слезой, которая скатилась по щеке Несты. И я наблюдала, как Кассиан потянулся рукой, чтобы стереть эту слезу.

Она не вздрогнула от его прикосновения.

Не знаю почему, но я посмотрела на Мор.

Ее глаза были широко раскрыты, не с ревностью или раздражением... но, возможно, с неким ужасом.

Неста сплотнула и наконец отвернулась от Кассиана. Он смотрел на мою сестру еще немного, перед тем как повернуться к королевам.

Две женщины поднялись без сигнала. Мор так же поднялась и спросила:

— Есть сумма, которая вас интересует? Тогда назовите свою цену.

Золотая королева фыркнула, когда охранники закрылись вокруг них.

— У нас есть все необходимые нам богатства. Теперь мы вернемся в наш дворец, чтобы обсудить все с нашими сестрами.

— Вы уже собираетесь сказать нет, — надавила Мор.

Золотая королева ухмыльнулась.

— Возможно, — она взяла иссохшую руку старухи.

Старшая королева вздернула подбородок.

— Мы высоко ценим жест вашего доверия.

Потом они исчезли.

Мор выругалась. Я посмотрела на Риса. Мое сердце разрывалось и я была готова потребовать ответа, почему он не надавил сильнее на них, почему не сказал больше...

Но его глаза были прикованы к стулу, на котором сидела золотая королева. Под ним, каким-то образом скрытая ее объемными юбками, пока она сидела, была коробка.

Коробка... которую она Наверное достала оттуда, где бы она ее ни скрывала, когда наклонилась поднять свой носовой платок.

Рис знал это. Он прекратил разговаривать, чтобы они как можно скорее ушли.

Как и где она тайком пронесла эту свинцовую коробочку не интересовало меня абсолютно.

Не тогда, когда голос второй и последней части Книги наполнил комнату и пропел мне.

«Жизнь, и смерть, и перерождение,

Солнце, и луна, и темнота,

Гниль, и расцвет, и кости.

Привет, сладенькая. Привет, леди ночи, принцесса разрушений. Привет, клыкастый зверь и дрожащий олененок. Люби меня, прикоснись ко мне, спой мне.»

Безумие. Первая половина Книги была холодной хитростью, но эта коробка... это был хаос, беспорядок, беззаконие, потеха и отчаяние.

Рис плавно поднял ее и положил на стул золотой королевы. Ему не нужны были мои силы, чтобы открыть коробку, потому что никакое из заклинаний Высших Лордов не лежало на ней. Рис поднял крышку. Поверх золотого метала книги лежала записка.

«Я прочитала ваше письмо. Письмо о женщине, которую вы любите. Я верю вам. И я верю в мир.

Я верю в лучший мир.

Если кто-нибудь спросит, вы украли это во время встречи.

Не доверяйте другим. Шестая королева не была больна.»

Вот что было в записке.

Рис взял Книгу Дыханий.

«Свет и тьма и мрак и свет и тьма и мрак...»

Кассиан держался ближе к Несте, когда Рис сказал моим сестрам:

— Это ваш выбор, дамы, хотите ли вы остаться здесь, или хотите пойти с нами. Вы слышали все о текущем положении вещей из первых уст. Вы подсчитали возможность эвакуации, — он кивнул с одобрением, встретив серо-голубой взгляд Несты. — Если вы решите остаться, подразделение моих солдат будет здесь в течение часа, чтобы охранять это место. Если вы пожелаете жить с нами в городе, который мы только что им показали, я бы предложил начать собираться прямо сейчас.

Неста посмотрела на Элейн, которая до сих пор молчала с широко раскрытыми глазами. Чай, что она приготовила, лучший и самый экзотический чай, который можно купить за деньги, так и остался стоять на столе нетронутым.

Элейн потрогала железное кольцо на своем пальце.

— Это твой выбор, — сказала Неста с необычной нежностью. Ради нее Неста пошла бы в Прифиан.

Элейн сглотнула, словно лань, пойманная в ловушку.

— Я... я не могу. Я...

Но мой мейт кивнул, доброжелательно и с пониманием.

— Охранники будут здесь и будут оставаться невидимыми и неощутимыми. Они позаботятся о себе. Если вы передумаете, один из них будет ждать в этой комнате каждый день в полдень и в полночь, чтобы вы могли говорить. Мой дом — ваш дом. Его двери всегда

открыты для вас.

Неста посмотрела на Риса и Кассиана, а затем на меня. Отчаяние еще бледнело на ее лице, но... Она склонила голову и сказала мне:

— Вот почему ты нарисовала звезды на своем ящике.

Мы без промедления вернулись в Веларис, не рассчитывая на то, что королевы долго не заметят пропажу Книги. Особенно учитывая тот факт, что шестая вскользь упомянула о том, что остальные уже давно играют нечестно.

Амрен получила вторую половину через несколько минут после нашего прибытия. Она даже не потрудилась спросить о том, как прошла наша встреча, ускользнув в столовую городского дома и закрыв за собой дверь. Так что мы стали ждать.

И ждать.

* * *

Прошло два дня.

Амрен все еще не разгадала шифр.

Примерно в полдень Рис и Мор отправились во Двор Кошмаров, чтобы незаметно вернуть Веритас Кейру и удостовериться, что Наместник действительно готовит войска. Кассиану поступали отчёты, что легионы иллирийцев встали лагерем в горах, ожидая приказа вылетать туда, где может начаться первый бой.

А ведь он начнётся, осознала я. Даже если я нейтрализую магию Котла Книгой, даже если я смогу помешать королю разрушить с его помощью Стену и весь мир, король собрал армии. Возможно, нам придётся вступить в схватку с ним после того, как Котел будет нейтрализован.

От моих сестёр не было ни весточки, солдаты Азриэля также не прислали нам сообщения о том, что сестры передумали. А мой отец, как я вспомнила, всё ещё торгует на континенте, одна Мать знает какими, товарами. Ещё один неизвестный фактор.

От королев тоже не было вестей. Именно о них я думала чаще всего. В частности, об одной из них — о двуличной, златоглазой королеве с внешностью львицы... и львиным сердцем в груди.

Я надеялась увидеть её снова.

Когда Рис и Мор ушли, Кассиан и Азриэль осели в городском доме и начали планировать наш неизбежный визит в Хайберн. После первого ужина, когда Кассиан вскрыл одну из очень старых бутылок с вином из запасов Рисанда, чтобы как следует отметить нашу с Рисом связь мейтов, я осознала, что они пришли, чтобы составить мне компанию, поужинать со мной и... иллирийцы решили сами за мной присмотреть.

Рис подтвердил мои мысли тем вечером, когда я написала ему письмо и увидела, как оно исчезло. Очевидно, что он не был против, чтобы наши враги узнали, что сейчас он во Дворе Кошмаров. Если Хайберн попытается выследить его там... Что ж, удачи им.

Я написала Рису: *«Как мне дать понять Азриэлю и Кассиану, что я не хочу, чтобы они оставались здесь для моей защиты? Я не против их компании, но мне не нужны стражники».*

Он ответил: *«Никак. Прочерти границу, если они будут стараться слишком сильно, но ты их друг и мой мейт. Это их инстинкт — защищать тебя. Так что даже если ты вышвырнешь их из дома, они просто усядутся на крышу».*

Я нацарапала: *«Вы, иллирийские мужики, просто невыносимы».*

Рис только ответил: *«Хорошо, что мы компенсируем это внушительным размахом крыла».*

Даже учитывая то, что он был далеко от меня, моя кровь кипела, а пальцы на ногах подогнулись. Я едва могла держать ручку достаточно долго, чтобы писать.

«Я скучаю по этому впечатляющему «размаху крыла» в своей постели. Во мне».

«Разумеется, скучаешь», — ответил он.

Я зашипела и бегло написала ответ: *«Нахал».*

Я практически почувствовала его смех сквозь нашу связь — связь мейтов. Он написал в ответ: *«Когда я вернусь, мы сходим в тот магазин на другом берегу Сидры, и там ты перемеришь всё те чудесные кружевные вещички для меня».*

Я засыпала, думая об этом, мечтая о том, чтобы моя рука принадлежала ему. Молясь, чтобы он поскорее закончил свои дела во Дворе Кошмаров и вернулся ко мне. Весна цвела на всех горах и холмах вокруг Велариса. Я хотела проплыть над жёлтыми и фиолетовыми цветами вместе с ним.

В полдень на следующий день Рис всё ещё отсутствовал, Амрен по-прежнему была поглощена книгой, Азриэль улетел патрулировать город и ближайшее побережье, а мы с Кассианом, из всех возможных занятий, только что закончили слушать исполнение одной древней, почитаемой фейской симфонии. Амфитеатр располагался на другом берегу Сидры и, несмотря на то, что он предложил долететь туда, я решила пройти пешком. Даже если мои мускулы протестующе ныли после нашей беспощадной утренней тренировки.

Эта музыка была прелестной. Странной, но прелестной. Она была написана в те времена, как сказал Кассиан, когда люди ещё не ходили по земле. Ему она казалась беспорядочной и сбивающей с толку, но я нашла ее завораживающей.

Возвращаясь назад по одному из главных мостов, соединяющих берега реки, мы молчали. Мы завезли ещё немного крови для Амрен, которая поблагодарила нас и выставила вон, и теперь направлялись во Дворец Нитей и Драгоценных камней, где я хотела купить своим сёстрам подарки в благодарность за помощь. Кассиан пообещал отправить их со следующим же разведчиком, посланным доставить свежий отчёт. Я гадала, собирается ли он что-нибудь послать Несте, когда тот прибудет.

Я остановилась в центре мраморного моста, и Кассиан замер позади меня, пока я вглядывалась в сине-зелёную воду, лениво текущую мимо. Я чувствовала течение потока, бегущего далеко внизу, столкновение солёной и пресной воды, сливающейся друг с другом, качающиеся водоросли на покрытом ракушками дне, беготню маленьких и юрких существ на камнях и в иле. Мог ли Тарквин чувствовать такое? Спал ли он в своём островном дворце на берегу моря, плавая во сне вместе с рыбами?

Кассиан оперся локтями на широкую каменную балюстраду, его красные сифоны походили на ожившие озёра огня.

Я сказала, видимо потому, что была занудой, которая любила совать нос в чужие дела:

— Это очень важно для меня — то, что ты пообещал моей сестре в тот день.

Кассиан пожал плечами, что вызвало шелест его крыльев, и ответил:

— Я бы сделал это для каждого.

— Для неё это тоже много значит, — ответила я.

Его карие глаза слегка сузились. Но я продолжила спокойно наблюдать за рекой.

— Неста отличается от большинства людей, — объяснила я. — Она показывает себя жестокой и злой, но, мне кажется, это лишь способ отгородиться от остальных. Это щит,

подобный тому, что есть и в разуме Риса.

— Для защиты от чего?

— От чувств. Мне кажется, Неста чувствует всё, что видит — и видит слишком много. И часто обжигается об это. Эта невидимая стена защищает её от потрясений, от чрезмерного беспокойства за всё подряд.

— Едва ли, она заботится о ком-то, кроме Элейн.

Я встретила с ним взглядом, рассматривая красивое загорелое лицо.

— Она никогда не станет похожей на Мор, — сказала я. — Она никогда не будет любить открыто и дарить эту любовь каждому, кто повстречается ей на пути. Но за тех, кто ей действительно дорог... Мне кажется, Неста разорвёт весь мир на части ради них. И себя вместе с ним. У нас с ней есть... некоторые разногласия. Но Элейн...

Кончики моих губ слегка изогнулись:

— Кассиан, она никогда не забудет, что ты пообещал защитить Элейн. Защитить её людей. Всю свою жизнь она будет помнить эту доброту.

Он выпрямился, постукивая костяшками пальцев по гладкому мрамору:

— Зачем ты рассказываешь мне все это?

— Мне просто показалось, что ты должен это знать. Потому что когда-нибудь ты увидишь ее снова, и она будет тебя раздражать, что, я уверена, и случится. Просто знай, что в глубине души она благодарна, хоть и не обладает способностью сказать об этом прямо. Но чувства — сердце — у нее есть.

Я сделала паузу, приготовившись начать с ним спорить, но река под нами дрогнула.

Не физически. Но... дрожь на поверхности, на дне, в юрких существах, ползающих по нему. Как капля чернил, упавшая в воду.

Кассиан мгновенно перешел в состояние боевой готовности, пока я осматривала реку и противоположный берег.

— Что это, чёрт возьми? — пробормотал он и постучал пальцами по сифонам на своих руках.

Широко разинув рот, я смотрела, как черные доспехи, скользя и разворачиваясь, покрывали его запястья, его руки, заменяя тунику, которая была на нем. Слой за слоем они покрывали его как вторая кожа, стремясь к плечам. Появились дополнительные сифоны, и на нём возникло ещё больше брони — она перетекла на шею, плечи, торс и талию. Я моргнула, и она уже покрыла его ноги и ступни.

Небо было безоблачным, а на улицах кипела жизнь и суета.

Кассиан продолжал тщательный осмотр, медленно окидывая взглядом Веларис.

Река подо мной оставалась спокойной, но я чувствовала, как она вздымается, словно пытаюсь убежать от...

— От моря, — выдохнула я.

Взгляд Кассиана был устремлен вперед, прямо к реке перед нами, к возвышающимся вдалеке скалам, которые встречали бушующие волны, приходящие из океана.

И там, на горизонте, черное пятно. Быстро летящее, становящееся всё шире по мере приближения.

— Скажи мне, что это птицы, — сказала я. Мои вены наполнились силой, и я сжала пальцы в кулаки, пытаюсь успокоиться.

— Здесь не должно быть иллирийского патруля, они не знают об этом месте... — сказал он так, словно это был ответ. Его взгляд остановился на мне: — Мы немедленно

возвращаемся в дом.

Чёрное пятно разделилось, превращаясь в бесчисленные силуэты. Слишком большие для птиц. Намного больше.

— Ты должен поднять тревогу, — сказала я.

Но люди уже заметили. Некоторые показывали на силуэты, некоторые кричали.

Кассиан потянулся ко мне, но я отскочила. Лед танцевал на кончиках моих пальцев, а в крови завывал ветер. Я собиралась убить их всех, одного за другим:

— Приведи Азриэля и Амрен.

Силуэты уже достигли скал у моря. Бесчисленные существа с длинными конечностями, некоторые из которых несли в своих лапах солдат... Войско захватчиков.

— Кассиан.

Но в руке Кассиана появился иллирийский клинок, точно такой же как тот, что висел у него за спиной. Боевой нож сверкнул в другой руке. Он отдал их мне:

— Возвращайся в дом. Прямо сейчас.

Безусловно, я бы не пошла. Если они летят, то я могу использовать свою силу как преимущество: заморозить их крылья, сжечь их, сломать их. Даже если их было так много, даже если...

Так быстро, как если бы их принёс беспощадный ветер, вражеские силы достигли внешних границ города. И начали стрелять по людям на улицах, которые тут же бросились в укрытие.

Я схватила предложенное мне оружие. Его холодные металлические рукояти зашипели под моими раскалёнными ладонями.

Кассиан поднял в воздух руку. Красный свет вырвался из его сифона, расходясь вверх и в стороны — формируя твердую стену в небе над городом, прямо на пути прибывающей армии.

Он стиснул зубы, кряхтя, пока крылатый легион врезался в его щит. Так, словно он чувствовал каждый удар.

Полупрозрачный красный щит распространялся дальше, отбрасывая их назад.

Мы оба в тихом ужасе наблюдали за тем, как существа бросились к щиту, вытаскивая оружие.

Они были не простыми фейри. Вся растущая во мне магия бурлила и вырывалась наружу при виде их.

Они все были как Аттор.

* * *

Все длиннорукие и длинноногие, с серой кожей, змеиными мордами и острыми, как бритва, зубами. И когда легион ему подобных прорвал щит Кассиана, как паутину, я разглядела на их тонких серых руках перчатки с теми синими камнями, которые я видела на Рисе. Они заблестели на солнце.

Камни, которые ломали и отражали магию. Прямо из нечестивой сокровищницы Короля Хайберна.

Один за другим они прорывались сквозь щит.

Кассиан послал к ним ещё одну пружинящую стену. Некоторые из существ были выброшены из строя и приземлились за окраинами города, став уязвимыми. Жар, который нарастал в моих ладонях, стих и превратился в холодный и влажный пот.

Люди кричали и бежали прочь. И я знала, что щиты Кассиана долго не продержатся.

— *БЕГИ!* — закричал он. Я вздрогнула, зная, что он задерживается потому, что я осталась, что ему нужны Азриэль и Амрен и...

Прямо над нами трое из существ врезались в купол красного щита, царапая его, отрывая слой за слоем своими перчатками из камня.

Так вот что задержало Короля на месяцы — сбор арсенала. Поиск оружия, способного бороться с магией и с Высшими Фэ, которые так полагаются на неё.

В щите образовалась дыра, и Кассиан бросил меня на землю, толкая к мраморным перилам. Его крылья широко раскинулись надо мной, его ноги стали твёрдыми, словно кромка резных скал у меня за спиной.

На мосту раздались крики, шипящий смех, а затем...

Влажный, глухой стук.

— Вот чёрт — сказал Кассиан. — *Чёрт.*

Он немного отодвинулся, и я вынырнула из-под него, чтобы посмотреть, что это было, кто это был...

Кровь сияла на белом мраморном мосту, сверкая, словно рубины, на солнце.

И там, на одном из возвышающихся элегантных фонарных столбов по краям моста...

Её тело было скручено, спина выгнулась от удара, как будто в пылу страсти.

Её золотые волосы были срезаны до черепа. Её золотые глаза были вырваны.

Она ещё дёргалась на столбе, планка которого проходила прямо через её тонкий торс, запёкшаяся кровь присыхала к металлу над ней.

Кого-то на мосту стошнило от страшного зрелища.

Но я не могла отвести взгляда от золотой королевы. И от Аттора, который проскользнул сквозь сделанную им дыру в щите и взлетел на вершину покрытого кровью фонаря.

— С наилучшими пожеланиями, — прошипел он, — от смертных королев. И Юриана.

Затем он спрыгнул и полетел, быстро и ровно, в сторону театрального района, из которого мы ушли.

Кассиан снова прижал меня к мосту, а затем бросился вслеж за Аттором. Он остановился, вспоминая о моём существовании, но я произнесла:

— *Иди.*

— Беги домой. *Сейчас же.*

Это был одновременно и его последний приказ, и прощание, когда он взмыл в небо за Аттором, который уже исчез среди охваченных криками улиц.

Вокруг меня в щите образовывались дыра за дырой, крылатые существа сыпались внутрь, сбрасывая солдат Хайберна, которых они несли через море.

Солдат всех форм и размеров — низших Фэ.

Раскрытый рот золотой королевы открывался и закрывался, как у рыбы, выброшенной на сушу. Спасти её, помочь ей...

Моя кровь. Я могу...

Я шагнула вперёд. Её тело упало.

И через неизвестно откуда взявшуюся во мне силу я почувствовала, как шёпот смерти унёс её.

Крики, биение крыльев, свист и стук стрел прервали неожиданную тишину.

Я побежала, понеслась на свою сторону Сидры по направлению к городскому домику. Я не могла доверить себе рассеяться: я едва могла думать сквозь панику, кричащую в моей

голове. Возможно, у меня оставались считанные минуты до того, как они доберутся до моей улицы. Минуты на то, чтобы добраться туда и привести с собой столько подкрепления, сколько смогу. Дом защищён. Никто не мог попасть внутрь, даже эти существа.

Фэ пронеслись мимо, ища убежище друзьям и семьям. Я достигла конца моста, где передо мной раскинулись крутые холмы...

Солдаты Хайберна уже были на вершине холма, в двух Дворцах, смеясь над криками и мольбами, когда они штурмовали здания, вытаскивая из них людей. Кровь стекала по мостовой маленькими реками.

Они сделали это. Эти королевы сдали... Продали этот город музыки и искусства этим... монстрам. Видимо, Король использовал Котёл, чтобы сломать его защиту.

Ошеломительный *грохот* раздался с другой стороны города, и я побежала в сторону источника звука. Клинки летали, руки разрывались на части и падали на мостовую. Я понеслась к реке, карабкаюсь наверх, хватаясь за своё оружие.

Кассиан и Азриэль уже оба были в небесах. И там, где они пролетали, падали мёртвые тела этих существ. Стрелы красного и синего цвета исходили от них, а их щиты...

Двойные щиты красного и синего цвета слились, шипя, и ударили по остальным воздушным силам. Тела и крылья рвались, кости таяли...

Пока их руки, заключенные в камень, не начали падать с неба. Только руки. Стучащие по крышам домов, падающие в воду. Это всё, что от них осталось — так два иллирийских воина пробивали себе путь.

Но бесчисленное множество существо уже приземлилось. Слишком много. Крыши домов были вырваны, двери сломаны, поднимались, а затем стихали крики...

Эта атака была не для того, чтобы захватить город. Она была призвана его уничтожить.

И расстилавшаяся передо мной на расстоянии всего нескольких кварталов Радуга Велариса тонула в крови.

Туда стекались Аттор и ему подобные.

Как будто королевы сказали ему, куда наносить удар. Туда, где Веларис будет наиболее уязвим. В самое его сердце.

От огня шла рябь, черный дым окрасил небо...

Где же Рис, где же мой мейт...

На другой стороне реки снова раздался грохот.

И это были не Кассиан или Азриэль, которые вели бой по ту сторону реки. Это была Амрен.

Её тонким рукам было нужно лишь показать на цель, и солдаты падали. Падали так, словно их подвели собственные крылья. Они врывались на улицы, падали, задыхались, царапали себя и визжали — так же, как визжали горожане Велариса.

Я повернулась к Радуге в нескольких кварталах от меня. Она оставалась беззащитной.

Улица передо мной была пустой, единственный безопасный путь сквозь ад.

Женщина кричала внутри квартала художников. И я знала, куда мне идти.

Я взяла свой иллирийский клинок и рассеялась в горящую и покрытую кровью Радугу.

Это был мой дом. Это были мои люди.

И если я умру, защищая их, защищая тот маленький кусочек мира, где процветало искусство...

Так тому и быть.

И я стала тьмой, тенью и ветром.

Я рассеялась на край Радуги как раз в тот момент, когда солдаты Хайберна окружили её дальний угол, рассыпаясь по бульвару возле реки, громя кафе, в которых я отдыхала и смеялась. Они не замечали меня до тех пор, пока я не оказалась прямо над ними.

Пока мой иллирийский клинок не прошёл сквозь их головы, вонзаясь в одну за другой.

Шестеро пали на моём пути, и когда я остановилась у подножия Радуги, глядя на огонь, кровь и смерть, я подумала — много. Слишком много солдат.

У меня ничего не выйдет, я никогда не смогу перебить их всех...

Но там была девушка с тонкой зеленой кожей, держащая старый ржавый кусок трубы у своего плеча. Она защищала свою территорию — магазин-галерею. Люди, спрятавшиеся в её магазине, плакали.

Перед ними, смеясь над юной Фэ, над её поднятым куском металла, кружком собрались пятеро крылатых воинов. Они играли с ней, дразнили её.

Но она всё равно держала оборону. Всё равно её лицо не обмякло. Вокруг неё были разрушенные картины и гончарные изделия. И всё больше солдат приземлялись, ломали и грабили...

На другой стороне реки снова раздался громкий звук. Было ли это дело рук Амрен, Азриэля или Кассиана, я не знала.

Река.

Три солдата заметили меня на холме. Понеслись ко мне.

Но я бежала быстрее обратно к реке у основания холма, к поющей Сидре.

Я добралась до края причала — река уже была наполнена кровью — и изо всех сил ударила по нему ногой.

И, словно в ответ, Сидра поднялась.

Я уступила силе, дрожащей внутри моих костей, крови и дыхании. Я стала Сидрой, глубокой и древней. И подчинила её своей воле.

Я подняла свои клинки, заставляя реку подняться, придавая ей форму, выковывая её.

Солдаты Хайберна замерли в страхе смерти и прекратили преследование, когда я повернулась к ним.

Водяные волки появились из-за моей спины.

Солдаты развернулись, убегая.

Но мои волки были быстрее. Я была быстрее и бежала с ними, словно вожак стаи.

Волк за волком выпрыгивали из Сидры, такие же огромные, как и тот, кого я однажды убила. Они наполняли улицы и мчались вперёд.

Я успела сделать пять шагов перед тем, как стая настигла ту пятёрку солдат, которая дразнила владелицу магазина.

Я успела сделать семь шагов перед тем, как волки повалили их наземь, наполняя их глотки водой, топя в самих себе...

Я настигла солдат, и мой клинок отделил их задыхающиеся головы от тел.

Владелица магазина заплакала, когда узнала меня, её ржавый кусок металла всё ещё был поднят. Но она кивнула — лишь единожды.

Я побежала снова, теряясь в своей водяной стае. Некоторых солдат снова забрали в небо, унося на крыльях навверх, отступая.

И тогда мои волки отрастили крылья и когти, превратившись в соколов, ястребов и орлов.

Они врезались в тела и броню солдат, смачивая их. Воздушные солдаты, осознавая, что

их не утопили, прекратили полёт и рассмеялись — издевательски.

Я подняла руку к небу и сжала её в кулак.

Вода, которая впиталась в их броню и лица... превратилась в лёд.

Лёд настолько холодный, словно он существовал еще до самого света, до того, как солнце согрело землю. Лёд из земель вечной зимы, лёд из тех уголков моей души, которые не знали пощады и сочувствия к этим тварям за то, что они сделали и продолжают делать с моими людьми.

Замерзая, дюжины солдат мигом падали на землю и разбивались о камни.

Мои волки носились вокруг меня, разрывая, топя и охотясь. А те, кто избежал их и устремился в небо — те замерзали и разбивались, замерзали и разбивались. Пока улицы не покрылись льдом, кровью и сломанными кусками крыльев и камней.

Пока крики моих людей не прекратились, а крики солдат не превратились в песню для моих ушей. Один из солдат поднялся из раскрашенного в яркий цвет здания... Я знала его.

Аттор неистово хлопал крыльями, кровь невинных жертв покрывала его серую кожу, его каменные перчатки. Я послала водяного орла ему навстречу, но он был быстрее, проворнее.

Он избежал моего орла, и моего ястреба, и моего сокола, паря высоко, прорывая себе путь в воздухе. От меня и моей силы — от Кассиана и Азриэля, защищавших реку и большую часть города, от Амрен, использующей свою неведомую тёмную магию, чтобы заставить целые толпы разбиться насмерть без единого физического воздействия.

Никто из моих друзей не видел Аттора, свободно парящего в небесах.

Он бы улетел обратно в Хайберн — к Королю. Он решил прилететь сюда, чтобы возглавить войско. Назло. И я не сомневаюсь, что золотая королева-львица страдала в его руках. Как страдала Клэр.

«Где ты?»

Голос Риса прозвучал в моей голове, словно издали, сквозь щель в моем щите.

«ГДЕ ТЫ?»

Аттор уходил. С каждым ударом моего сердца он поднимался всё выше и выше...

«ГДЕ...»

Я убрала в ножны иллирийский клинок и боевой нож и нагнулась, чтобы поднять стрелы, которые лежали на улице. Которыми стреляли в моих людей. Ясеновые стрелы, смазанные уже знакомым мне зеленоватым ядом. Кровавой порчей.

«Я именно там, где и должна быть,» — ответила я Рису.

А затем растворилась в небесах.

Я рассеялась на соседнюю крышу, стиснув в обеих руках ясеневую стрелу и высматривая, как высоко в небо взмыл Аттор...

— ФЕЙРА!

Я закрылась адамантовым щитом от его голоса, от него.

Не сейчас, не в этот момент.

Я смутно ощущала, как он бился об мой щит. Кричал на него. Но даже он не мог проникнуть сквозь него.

Потому что Аттор — мой.

Вдалеке, рвясь вперёд, ко мне, к Веларису, мир накрывала всепоглощающая тьма. Солдаты, встающие на её пути, больше не поднимались.

Мой мейт. Воплощенная смерть. Торжествующая ночь.

Я снова заметила Аттора, поворачивающего к морю, к Хайберну, но всё ещё летящего над городом.

Я рассеялась, бросая своё сознание прямо к нему, как сеть, соединяющую наши умы, используя связь, как нить, которая вела меня сквозь время, расстояние и ветер.

Я зацепилась за жирное пятно его злобы, концентрируя свою сущность, фокусируясь на самом его ядре. Настоящий маяк извращённости и мерзости.

Когда я возникла из ветра и тени, то оказалась прямо над Аттором.

Он вскрикнул, а его крылья изогнулись, когда я врезалась в него. Когда я всадила отравленные ясеневые стрелы в каждое из крыльев. Прямо в главную мышцу.

Аттор изогнулся от боли, его раздвоенный язык рассёк воздух между нами. С высоты город внизу казался лишь пятном, а Сидра — тонким ручейком.

В мгновение между ударами собственного сердца я обернулась вокруг Аттора. Я стала живым пламенем, которое сжигало всё, к чему я прикасалась; стала нерушимой, как непреодолимая стена в моем сознании.

Пронзительно вскрикнув, Аттор обрушился на меня, но его крылья, с ясеневыми стрелами в них, с моей хваткой...

Свободное падение.

К миру внизу. К крови и боли. Ветер рвал нас на части.

Аттор не мог освободиться от моей пылающей хватки. Или от моих отравленных стрел, пронзавших его крылья. Калечивших его. Его горящая кожа обожгла мне нос.

Пока мы падали, я смогла дотянуться рукой до кинжала.

Темнота, поглощающая горизонт, приближалась, будто заметила меня.

Ещё не всё.

Пока не всё.

Я нацелила кинжал на костлявую, вытянутую грудную клетку Аттора.

— Это за Риса, — прошипела я в его заострённое ухо.

Вибрация от соприкосновения костей и стали резко отозвалась в моей руке.

Серебристая кровь согрела мои пальцы. Аттор закричал.

Я выдернула кинжал, и серебристая кровь струйкой брызнула мне в лицо.

— Это за Клэр.

Я снова вонзила лезвие, проворачивая его.

Здания начали обретать форму. Сидра все еще была красной, но солдат в небе уже не было. Как и на улицах.

Аттор кричал и шипел, проклинал и умолял пока я выдёргивала клинок.

Я уже различала очертания людей внизу. Земля расширилась, готовая нас встретить. Аттор сопротивлялся столь яростно, что всем, что я могла сделать, было держать его в своей раскалённой хватке. Сожжённая кожа отрывалась и улетала вверх.

— А это, — сказала я, наклоняясь поближе к нему, чтобы прошептать на ухо, прямо в его прогнившую душу. Я вонзила свой кинжал в третий раз, наслаждаясь хрустом костей и плоти. — Это за меня.

Я уже могла сосчитать камни на мостовой. Видела Смерть, раскрывающую объятия, чтобы принять нас.

Я прижалась ртом к его уху близко, как любовница, в тот момент, когда стало можно разглядеть наше отражение в луже крови.

— Увидимся в аду, — прошептала я и оставила клинок в его теле.

Лужи шли рябью от ветра всего в нескольких дюймах от нас.

И я рассеялась, оставляя Аттора позади.

* * *

Я слышала удар и хлопанье, даже когда рассеялась из реальности, двигаясь со скоростью, которую успело набрать моё тело. Я возникла в нескольких футах неподалёку — моё тело просто не поспевало за разумом.

Мои ступни и ноги подвели меня, и я врезалась в большое здание розового цвета позади меня. Настолько жёстко, что шпукатурка потрескалась и осыпалась мне на спину и плечи.

Я задыхалась и дрожала. А на улице впереди лежало нечто сломанное и растёкшееся по камням. Крылья Аттора превратились в скрюченные куски. Чуть дальше лежали ошметки брони, раздробленные кости и сгоревшая плоть. Это всё, что от него осталось.

Волна тьмы, сила Рисанда, наконец-то достигла моей стороны реки.

Никто не вскрикнул, когда наполненный звёздами каскад ночи закрыл собой свет.

Мне показалось, что я услышала смутные кряхтящие и царапающие звуки, словно эта тьма выискивала солдат, укрывшихся внутри Радуги, но затем...

Волна ушла, и появился солнечный свет.

Звук шагов передо мной и шелест могучих крыльев.

Рука на моём лице, приподнявшая мой подбородок, пока я упорно глядела на разбрызганные останки Аттора. Фиолетовые глаза посмотрели на меня.

Рис. Рис был здесь.

А я... Я...

Он наклонился ко мне, его лоб был покрыт потом, а дыхание постоянно сбивалось. Он нежно поцеловал меня в губы.

Чтобы напомнить нам обоим. Кто мы, кем мы были. Моё ледяное сердце оттаяло, огонь внутри меня утих от извивающихся прикосновений тьмы, а вода струйкой покинула мои вены и вернулась в Сидру.

Рис отстранился и погладил меня по щеке большим пальцем. Люди плакали. Причитали.

Но больше не было криков ужаса. Не было кровопролития и разрушений.

Мой мейт пробормотал:

— Фейра Разрушительница Проклятия, Защитница Радуги.

Я обвила руками его талию и всхлипнула.

И, даже несмотря на то, что его город скорбно кричал, Высший Лорд Ночного Двора держал меня в объятиях до тех пор, пока я не стала готова встретиться лицом к лицу с новым миром, насквозь пропитанным кровью.

— Веларис в безопасности, — сказал Рис, когда в городе стояла уже глубокая ночь. — Магические щиты, которые разрушил Котел, были восстановлены.

Мы не останавливались на отдых до сих пор. В течение нескольких часов мы работали вместе с остальной частью города, исцеляя горожан, латая здания и выискивая ответы всеми доступными способами. И лишь когда на часах пробило три часа ночи, мы собрались все вместе снова.

Я не знала, как Рису удавалось держаться на ногах, когда он стоял, облокотившись, на облицовку камина посреди комнаты. Я была почти без сил, сидя на диване возле Мор. Мы обе были покрыты грязью и кровью. Как и все остальные.

Кассиан, развалившись, сидел в кресле, приспособленном для иллирийских крыльев. Его лицо было разбито и залечивалось достаточно медленно, так, что я понимала: большая часть его сил ушла на то, чтобы защищать город в одиночку в первые долгие минуты. В его карих глазах по-прежнему пылали угли ярости.

Амрен выглядела немногим лучше. Серое одеяние этой миниатюрной женщины в большинстве мест свисало лоскутами ткани, а ее кожа была бледной, как снег. Задремав на кушетке, стоящий напротив дивана, где сидела я, она прислонилась к Азриэлю, который продолжал бросать на нее встревоженные взгляды. Его собственные раны при этом тоже несколько кровоточили, а сифоны на исцарапанных руках были тусклыми, приглушенными. Совершенно опустошенными.

Все то время, пока я помогала выжившим Радуги ухаживать за ранеными, подсчитывать мёртвых и начинать восстановление города, Рис постоянно присматривал за мной, восстанавливая щиты вокруг города с помощью всех, оставшихся в его арсенале, сил. Во время одного из наших недолгих перерывов он рассказал мне, что делала Амрен на другой стороне реки.

С помощью своей темной силы она посылала иллюзии в сознание солдат. Они верили, что упали в Сидру и тонут; им казалось, что они пролетают над городом на тысячу футов выше, чем необходимо, и стремительно бросались вниз, чтобы встретиться с улицей в нескольких шагах от них и размозжить череп. На самых жестоких, самым мерзких из них она насылала их собственные кошмары — до тех пор, пока их сердца не выдерживали такого ужаса.

Некоторые из них падали в реку и захлёбывались собственной кровью, пока тонули. Некоторые просто полностью исчезали.

— Веларис, может быть, и в безопасности, — ответил Кассиан, даже не потрудившись поднять голову, которой упирался в спинку стула, — но надолго ли? Благодаря этим змеям-королевам Хайберн знает об этом месте. Кому ещё они продадут эту информацию? Сколько времени успеет пройти, прежде чем остальные дворы об этом пронюхают? Или пока Хайберн не решит снова использовать Котёл, чтобы разрушить наши щиты?

Рис закрыл глаза, его плечи были напряжены. Я практически чувствовала тяжелый груз, упавший на его голову.

Я ненавидела себя за то, что взваливала на него еще большее бремя, но сказала:

— Если мы все отправимся в Хайберн, чтобы разрушить Котел... Кто защитит город? Молчание. Горло Риса дернулось.

— Я останусь, — сказала Амрен. Кассиан открыл было рот, чтобы возразить, но Рис медленно оглядел свою Вторую. Амрен выдержала этот пристальный взгляд, добавляя: — Если Рису нужно отправиться в Хайберн, то я единственная из вас, кто в силах удерживать город, пока не подоспеет помощь. Случившееся сегодня было сюрпризом. Плохим сюрпризом. Когда вы уйдёте, мы будем лучше подготовлены. Новые щиты, которые мы возвели сегодня, так легко не падут.

— И что же нам делать сейчас? — вздохнула Мор.

— Поспать и поесть, — просто сказала Амрен.

И это был Азриэль, кто добавил своим хриплым после яростной битвы голосом:

— А после мы отомстим.

* * *

Рис не ложился спать.

И когда я вышла из ванной, оставив в воде всю кровь и грязь, его нигде не было.

Но я почувствовала его сквозь связь между нами и поплелась наверх. Мои отяжелевшие ноги ныли от боли.

Он сидел на крыше в полной темноте. Его величественные крылья раскинулись за его спиной, укрывая черепицу.

Я скользнула к нему на колени, обвив руками его шею.

Он смотрел на город вокруг нас:

— Так мало огней. Так мало огней осталось.

Я не смотрела. Я лишь прочертила линии на его лице, а затем коснулась большим пальцем его губ.

— Это не твоя вина, — сказала я тихо.

Его взгляд, едва различимый в темноте, перешел на меня:

— Разве? Я выдал им этот город. Я сказал, что готов им рискнуть, но... Я не знаю, кого ненавижу больше: короля, королев или себя.

Я отбросила волосы с его лица. Он схватил мою руку, сжимая пальцы.

— Ты закрылась от меня, — выдохнул он. — Ты. Выставила щит против меня. Полностью. И я никак не мог проникнуть за него.

— Извини.

Рис издал горький смешок:

— Извини? Я впечатлен. Этот щит... То, что ты сделала с Аттором... — он покачал головой. — Тебя могли убить.

— Ты собираешься отругать меня за это?

Он нахмурил брови. А затем уткнулся лицом мне в плечо.

— Как я могу ругать тебя за то, что ты защищала мой народ? Да, я хочу придушить тебя за то, что ты не вернулась в дом, но... Ты предпочла сражаться за них. За Веларис, — он поцеловал меня в шею. — Я не заслуживаю тебя.

Моё сердце замерло. Он подразумевал именно это — он по-настоящему чувствовал это. Я снова погладила его по волосам, и сказанные мной слова были единственным звуком, раздавшимся в этом тихом, темном городе:

— Мы заслуживаем друг друга. И мы заслуживаем того, чтобы быть счастливыми.

Рис слегка отстранился от меня. И когда его губы нашли мои, я позволила ему уложить

меня на черепицу крыши и заняться со мной любовью прямо под звездами.

* * *

Амрен расшифровала код на следующее утро. И это не было хорошей новостью.

— Чтобы нейтрализовать силы Котла, — сказала она вместо приветствия, когда мы столпились вокруг обеденного стола, оторвавшись от ремонта, из-за которого практически не спали, — ты должна прикоснуться к нему и сказать эти слова.

Она записала их для меня на клочке бумаги.

— Ты в этом уверена? — сказал Рис. Он все еще был опустошенным после нападения, излечения и помощь своим людям в течение всего дня.

Амрен прошипела:

— Постараюсь не оскорбиться, Рисанд.

Мор проскользнула между ними, глядя на две лежащие рядом части Книги Дыханий.

— Что произойдет, если мы соединим обе половины?

— Не соединяйте их, — просто сказала Амрен.

Голоса из каждой выложенной на стол части смешивались, пели и шипели: зло, добро и безумие; тьма, свет и хаос.

— Если вы соберете их вместе, — уточнила она, когда Рис бросил на неё вопрошающий взгляд, — взрыв их силы отразится в каждом уголке и щели земли. Вы не просто привлечете внимание короля Хайберна. Вы притянете врагов намного старше и страшнее. Вы притянете вещи, которые давно спят и которые должны таковыми и остаться.

Я немного съёжилась. Рис положил руку мне на спину.

— Тогда мы отправляемся немедленно, — сказал Кассиан. Его лицо исцелилось, но он немного хромал от травмы, которую я не могла видеть под его боевым кожаным облачением. Он дернул подбородком в сторону Риса: — Поскольку ты не можешь рассеяться без того, чтобы быть обнаруженным, Мор и Аз рассеют нас всех на место. Фейра разрушит Котел, и мы уберемся оттуда. Мы уйдем оттуда прежде, чем кто-нибудь нас заметит и у короля Хайберна появится новая утварь.

Я сглотнула:

— Котел может быть где угодно в замке.

— Мы знаем, где он, — возразил Кассиан.

Я моргнула. Азриэль сказал мне:

— Мы смогли сузить поиск до нижних уровней.

Результат его шпионажа, их планирования этой поездки все эти месяцы.

— Каждый дюйм замка и прилегающей к нему территории тщательно охраняется, но это не значит, что внутрь попасть невозможно. Мы выяснили время, когда нашей небольшой группе будет возможно проникнуть в замок и покинуть его, быстро и тихо, и уйти, прежде чем они поймут, что происходит.

Мор сказала ему:

— Но Король Хайберна почувствует присутствие Риса, как только тот появится. И если Фейре понадобится время, чтобы нейтрализовать Котёл, его у нас не будет. Это очень рискованно.

Кассиан сказал:

— Мы учли это. Ты и Рис рассеете нас на свободную часть побережья. Мы полетим в Хайберн, а он останется вне его.

Они должны будут рассеять меня, осознала я, поскольку все еще училась делать это на большие дистанции. По крайней мере, не с таким количеством остановок.

— Что касается заклинания, — продолжил Кассиан, — то это риск, который нам придется принять.

Молчание повисло в комнате, пока все ждали решения Риса. Мой мейт изучал мое лицо, его глаза расширились.

Азриэль надавил:

— Это основательный план. Король не знает наших запахов. Мы разрушим Котел и исчезнем прежде, чем он заметит... Это нанесет ему большее оскорбление, чем прямое и кровожадное нападение, которое мы рассматривали, Рис. Мы разбили их вчера, поэтому когда мы войдем в замок...

Жажда мести, действительно, танцевала на его обычно спокойном лице.

— Мы оставим несколько напоминаний о том, что не просто так выиграла последнюю чертову войну.

Кассиан мрачно кивнул. Даже Мор слегка улыбнулась.

— Вы просите меня, — наконец сказал Рис слишком спокойно, — остаться снаружи, пока мой мейт входит в его крепость?

— Да, — с равнодушным видом сказал Азриэль, и Кассиан слегка сдвинулся, оказываясь между ними. — Если Фейра не сможет обезвредить Котёл легко или быстро, мы украдём его, и отправим по кусочкам обратно, когда найдём способ разрушить. В любом случае, Фейра призовет тебя через связь, когда мы закончим, и вы с Мор рассеете нас отсюда. Они не смогут отследить тебя так быстро, если ты придешь только для того, чтобы нас забрать.

Рисанд упал на диван рядом со мной, почти не дыша. Его глаза скользнули ко мне:

— Если ты хочешь пойти, тогда иди, Фейра.

Если бы я не влюбилась в него до этого, то сделала бы это сейчас — за то, что не настаивал на том, чтобы я осталась, даже если его инстинкты, сводя с ума, взывали меня запереть после всего, что случилось вчера.

И я осознала, как плохо со мной обращались раньше, если мои стандарты так опустились. Если свободу, которую мне подарили, я воспринимала как привилегию, а не как свое неотъемлемое право.

Взгляд Риса потемнел, и я знала, что он прочел, почувствовал мои мысли.

— Ты мой мейт, — сказал он, — но при этом ты остаешься самостоятельной личностью. Ты сама решаешь свою судьбу и делаешь свой выбор. Не я. Ты выбрала вчера. Ты выбираешь каждый день. Всегда.

И, может быть, он понял меня только потому, что и сам был беспомощным и не имел выбора. Его заставляли делать ужасные вещи, запирали. Я пропустила свои пальцы сквозь его и сжала их. Вместе, вместе мы обретем наше мирное будущее. Вместе мы будем бороться за него.

— Пойдемте на Хайберн, — сказала я.

* * *

Часом позже, когда я уже миновала больше половины лестницы наверх, то вдруг осознала, что не знаю, в какую комнату мне идти. Я остановилась в своей после возвращения из горного домика, но... что насчет него?

Тамлин оберегал от меня свою комнату и всегда спал в моей. И я предположила... Предположила, что, должно быть, сейчас будет так же.

Я практически добралась до двери моей спальни, когда за моей спиной Рисанд протянул:

— Мы можем использовать твою комнату, если хочешь, но... — он прислонился к открытой двери, ведущей в его спальню. — Либо твоя комната, либо моя, но теперь мы делим одну на двоих. Просто скажи мне, должен ли я перенести свою одежду или твою. Если ты, конечно, не возражаешь.

— Разве ты... Разве тебе не нужно личное пространство?

— Нет, — сказал он прямо. — Если, конечно, оно не нужно тебе. Мне нужно, чтобы ты защищала меня от врагов своими водяными волками.

Я фыркнула. Он заставлял меня рассказывать эту часть истории снова и снова. Я дернула подбородком в сторону его спальни:

— Твоя кровать больше.

И дело было решено.

Я вошла внутрь и заметила, что моя одежда была уже там, во втором гардеробе после его собственного. Я уставилась на массивную кровать, а потом оглядела открытое пространство вокруг нас.

Рис закрыл дверь и подошёл к маленькой коробочке на столе — затем тихо протянул её мне.

Моё сердце дрогнуло, когда я открыла крышку.

Звёздный сапфир блестел в свете свечей так, словно внутри был заключён один из духов Звездопада.

— Это кольцо твоей матери?

— Моя мать дала мне его, чтобы я помнил, что она всегда рядом, даже во время самых жёстких тренировок. А когда я достиг зрелости, она забрала его. Это была семейная реликвия, которая передавалась от женщины к женщине через поколения уже много, много лет. Моя сестра тогда ещё не родилась, поэтому мама не отдала его ей... А отдала Ткачихе. И сказала мне, что если я соберусь жениться или найду своего мейта, то моя женщина должна быть достаточно умной или сильной, чтобы вернуть его. А если она не способна на такое, то брак точно не переживёт. И я пообещал матери, что каждая потенциальная избранница пройдёт эту проверку. И так кольцо лежало там веками.

Мое лицо вспыхнуло:

— Ты сказал, что это что-то ценное...

— Для меня. И для моей семьи.

— То есть мое путешествие к Ткачихе...

— Нам было важно знать, сможешь ли обнаружить такой объект. Но... предмет я выбрал из чистого эгоизма.

— Итак, я выиграла свое обручальное кольцо, даже не будучи спрошенной, хочу ли я выйти за тебя замуж.

— Возможно.

Я подняла голову:

— Ты хочешь, чтобы я надела его?

— Только если этого хочешь ты.

— Когда мы отправимся в Хайберн... Если все пойдет плохо... Кто-нибудь сможет

заметить, что мы связаны? Могут ли они использовать это против тебя?

Ярость вспыхнула в его глазах:

— Если они увидят нас вместе и смогут учуять нас обоих, то они узнают.

— А если я появлюсь одна, но с обручальным кольцом Ночного Двора на руке?

Он тихо зарычал.

Я закрыла коробку, оставляя кольцо внутри.

— После того, как мы обезвредим Котёл, я хочу все это сделать. Мы объявим о связи мейтов, поженимся, устроим дурацкую вечеринку и пригласим на неё весь Веларис — всё население города.

Рис взял коробку из моих рук и положил ее на тумбочку, прежде чем потянуть меня к кровати:

— А если я хочу сделать ещё один шаг вперёд?

— Я слушаю, — промурлыкала я, пока он укладывал меня на простыни.

Я никогда еще не носила так много стали. Лезвия были пристегнуты по всему телу, спрятаны в сапогах, во внутренних карманах, и еще был иллирийский клинок внизу моей спины.

Всего несколько часов назад я познала ошеломляющее счастье после такого ужаса и горя. Всего несколько часов назад он держал меня в своих руках, пока мы занимались любовью.

А теперь Рисанд, мой мэйт, Высший Лорд и партнер, стоял рядом со мной в фойе. Мор, Азриэль и Кассиан были вооружены и готовы к отправлению в их похожей на чешую броне. Мы все были слишком тихими.

Амрен сказала:

— Король Хайберна стар, Рис, очень стар. Не задерживайтесь.

Голос рядом с моей грудью прошептал: «Привет, милая, злая лгунья».

Две половинки Книги Дыханий были спрятаны в разные карманы. В одном из них лежало заклинание, которое я должна была произнести, оно было четко написано. Я не посмела произносить его вслух, хотя и прочитала десятки раз.

— Мы сходим туда и вернемся прежде, чем ты соскучишься, — сказал Рисанд. — Охраняй Веларис хорошо.

Амрен рассматривала мои руки в перчатках и оружие.

— По сравнению с Котлом, — сказала она, — Книга совершенно безобидна. Если заклинание не сработает, или если вы не сможете передвинуть его — *уходите*.

Я кивнула. Она снова осмотрела всех нас.

— Хорошего полета.

Мне кажется, это было все беспокойство, которое она могла показать.

Мы повернулись к Мор, которая протянула руки, ожидая меня. Кассиан и Рис рассеются вместе с Азриэлем, мой мэйт высадится на побережье до того, как иллирийцы найдут нас с Мор мгновением позже.

Я двинулась в направлении Мор, но Рис встал передо мной, его лицо было напряжено. Я поднялась на носочки и поцеловала его.

— Я буду в порядке. Мы все будем в порядке.

Его глаза были прикованы к моим во время поцелуя, и когда я оторвалась от него, он перевел взгляд на Кассиана.

Кассиан поклонился.

— Ценой своей жизни, Высший Лорд. Я буду защищать ее ценой своей жизни.

Рис посмотрел на Азриэля. Он кивнул и поклонился, произнося:

— Ценой обеих наших жизней.

Это было достаточно удовлетворительным ответом для моего мейта, который наконец повернулся к Мор. Она кивнула и сказала:

— Я знаю свой приказ.

Мне стало интересно, что это был за приказ и почему мне никто ничего о нем не сказал, но Мор схватила меня за руку и, прежде чем я успела попрощаться с Амрен, мы исчезли.

Мы исчезли, ныряя сквозь воздух по направлению к ночной тьме моря.

Теплое тело врезалось в мое, ловя меня прежде, чем я могла запаниковать и рассеять себя куда-нибудь самостоятельно.

— Полегче, — сказал Кассиан, держась правее. Я посмотрела ниже и увидела Мор, которая все еще падала, а затем снова рассеялась вникуда.

Никаких признаков или проблесков присутствия Риса рядом или позади нас. В нескольких метрах впереди Азриэль был стремительной тенью над черной водой, двигаясь по направлению к клочку суши, к которому мы сейчас приближались.

Хайберн.

Здесь не было никаких огней, но он чувствовался... старым, словно это был большой паук, который ждал в своей паутине очень, очень долгое время.

— Я был здесь дважды, — пробормотал Кассиан. — Оба раза я считал минуты до того, когда смогу покинуть это место.

Я могла понять почему. Стена из белых, цвета кости, скал возникла перед нами. Их вершины были плоскими и травянистыми, уводя к покатой местности бесплодных холмов. И подавляющему чувству пустоты.

Амаранта вырезала всех своих рабов, лишь бы не освободить их. Она была здесь командиром, одним из многих. Если те силы, что атаковали Веларис, были первым авангардом... Я сглотнула, сжимая руки в перчатках.

— Это его замок впереди, — сказал Кассиан сквозь стиснутые зубы, сворачивая.

Вокруг изгиба побережья, встроенный в скалы и расположенный высоко над морем стоял покосившийся, разрушавшийся замок из белого камня. Не из властного мрамора или изящного известняка... И не совсем белый. Цвета кости. Возможно, дюжина шпилей царапала ночное небо. Несколько огней мерцали в окнах и на балконах замка. И не было никакого патруля снаружи.

— Где все?

— Смена стражей.

Они спланировали все вокруг этого.

— Внизу, у моря, есть небольшая дверь. Мор будет ждать нас там. Это ближайший вход на нижние уровни.

— Я полагаю, она не может рассеять нас внутрь.

— Слишком много защиты, чтобы рисковать временем, пока она сможет пробиться сквозь нее. Рис, может, и смог бы это сделать, но мы встретимся с ним у двери на обратном пути.

Я почувствовала сухость во рту. Над моим сердцем Книга проговорила: *«Дом... Отнеси меня домой»*.

И я действительно могла почувствовать это. С каждым шагом мы летели все быстрее и быстрее, опускаясь вниз так, что я почувствовала брызги океана, охладившие меня до самых костей. Древний и жестокий, без преданности кому-либо, кроме самого себя.

Котел. Им необязательно было узнавать, в какой части замка он находился. Я была уверена, что меня приведут прямо к нему. Я вздрогнула.

— Полегче, — снова сказал Кассиан. Мы приземлились на платформу рядом с дверью у подножия скал. Мор ждала с мечом наготове и открытой дверью.

Кассиан выдохнул, но Азриэль добрался до нее первым, приземлившись быстро и

бесшумно, и сразу же направился в замок, чтобы разведать зал впереди.

Мор ждала нас. Ее глаза были прикованы к Кассиану, когда мы приземлились. Они не разговаривали, но их взгляды были слишком долгими и были какими угодно, только не случайными.

Я задалась вопросом, что обнаружили их натренированные и отточенные чувства.

Проход впереди был темным и безмолвным. Азриэль появился мгновением позже.

— Охрана обезврежена.

На его ноже была кровь — ноже, сделанном из ясеня. Холодные глаза Аза встретились с моими.

— Поторопись.

* * *

Мне не нужно было концентрироваться, чтобы отследить Котел до места, где он был спрятан. С каждым моим вздохом он притягивал меня, утаскивая в свои темные объятия. Каждый раз, когда мы подходили к перекресткам коридоров, Кассиан и Азриэль разделялись, обычно возвращаясь с окровавленными ножами и мрачными лицами и тихо предупреждая меня поторопиться.

Они работали все эти недели, действуя через все имеющиеся у Азриэля источники, чтобы это вторжение произошло точно по графику. Если мне понадобится больше времени, чем они рассчитали, если Котел не может быть перемещен... все это могло быть зря. Кроме этих смертей. Я совсем не против них.

Эти люди — эти люди причинили боль Рису. Они принесли *орудия*, чтобы покалечить его. Они послали этот легион, чтобы разрушить и безжалостно истребить мой город.

Я спустилась сквозь древнее подземелье, камни были темные и испачканные. Мор держалась рядом со мной, постоянно наблюдая.

Последняя линия обороны.

Я осознала, что, если Кассиану и Азриэлю навредят, она должна была убедиться, что я выбралась отсюда любым способом. Чтобы затем вернуться.

Но в подземелье не было никого, с кем я могла бы столкнуться, поскольку иллирийцы уже разделались с ними. Они сделали это мастерски. Мы нашли еще одну лестницу, ведущую вниз, вниз, вниз...

Меня мутило от тошноты, когда я указала туда.

— Там. Это внизу.

Кассиан взял на себя лестницу, его иллирийское лезвие было окрашено темной кровью. Казалось, ни Мор, ни Азриэль не дышали, пока тихий свист Кассиана не отразился от камней снизу.

Мор положила руку на мою спину, и мы спустились в темноту.

«Дом», — вздохнула Книга Дыханий. «Дом».

Кассиан стоял в круглой камере под замком, шар из света Фэ плавал над его плечом.

В центре комнаты, на вершине небольшого помоста, находился Котел.

Котел был отсутствием и присутствием. Тьмой и... всем тем, откуда бы не пришла эта тьма. Но он не был жизнью, радостью, светом или надеждой.

Он был размером примерно с ванну, кованый из темного железа. Три ножки, которые король нашел, когда разграбил храмы, были выкованы, словно ползучие ветви, покрытые шипами.

Я никогда не видела что-то столь же отвратительное... и одновременно притягательное. Краски отхлынули от лица Мор.

— Поторопись, — она сказала мне. — У нас есть несколько минут.

Азриэль осмотрел комнату, лестницу по которой мы пришли, Котел и его ножки. Я попыталась подойти к помосту, но он протянул руку в мою сторону.

— Послушай.

Так мы и сделали.

Это были не слова... это были пульсации... словно кровь пульсировала по комнате. Слово у Котла было сердцебиение.

«Подобное притягивает подобное».

Я подошла к помосту. Мор была за моей спиной, но она не остановила меня, когда я ступила на него.

Внутри Котла не было ничего, кроме крошечной, бурлящей тьмы. Возможно, целая вселенная брала свое начало отсюда.

Азриэль и Кассиан напряглись, когда я положила руку на край Котла. Боль... боль и иступление, сила и слабость хлынули в меня. Все, что было и чего не было, огонь и лед, свет и тьма, потоп и засуха.

Карта для создания.

Придя обратно в себя, я приготовилась читать заклинание. Записка дрожала у меня в руках, когда я вытащила ее из кармана и мои пальцы коснулись половинки книги внутри.

«Сладкозвучная лгунья, леди множества лиц...»

Одна рука на Книге Дыханий, другая на Котле... я вышла за рамки себя, когда толчок энергии прошел через мою кровь, словно я была не более, чем громоотводом.

«Да, теперь ты видишь, принцесса падали... ты видишь, что ты должна сделать...»

— Фейра, — предупреждая пробормотала Мор.

Мой рот был чужим, мои губы сейчас были так же далеки, как Веларис, когда Котел и Книга Дыханий протекали сквозь меня беседуя.

«Другая...» — прошипела Книга. *«Достань другую половину... дай нам воссоединиться, дай нам освободиться.»*

Я вытащила Книгу из моего кармана, придерживая ее в сгибе руки, и потянулась за второй половиной.

«Милая девушка, прекрасная птица... Такая сладенькая, такая щедрая... Вместе, вместе, вместе...»

— Фейра, — голос Мор прорезался сквозь песню двух половинок Книги.

Амрен была не права. Раздельно, их силы были расщеплены, недостаточны чтобы обуздать бездну могущества Котла. Но вместе... Да, если соединить половины вместе, заклинание бы сработало, когда я его произносила.

В целом, я бы стала не связующей частью между ними, я бы стала их хозяином. Мы не могли переместить Котел — все должно было произойти сейчас.

Понимая, что я собиралась сделать, Мор кинулась в мою сторону с проклятием.

Но слишком медленно.

Я положила вторую половину книги поверх первой. Тихая волна силы оглушила меня, согнула мои кости.

Затем ничего.

Издали Мор сказала:

— Мы не можем рисковать...

— Дай ей минуту, — оборвал ее Кассиан.

Я была Книгой и Котлом, звуком и тишиной. Я была живой рекой, через которую одна вытекала в другую, приливами и отливами, снова и снова, волна без конца и начала.

Заклинание... Слова...

Я смотрела на записку в моей руке, но мои глаза не видели ее, мои губы не могли пошевелиться.

Я не была инструментом или пешкой. Я не буду проводником или лакеем для этих вещей... Я должна была вспомнить заклинание. Я бы произнесла его, вдохнула его, подумала бы о нем...

Из закров моей памяти возникло первое слово. Я изо всех сил потянулась, пытаюсь добраться до одного этого слова, которое было бы моей дорогой обратно в себя, в того, кем я являюсь...

Сильные руки потянули меня назад, резко разворачивая.

Мрачный свет и заплесневелый камень врезались в меня. Комната кружилась, когда я ловила ртом воздух. Азриэль тряс меня и его глаза были так широко раскрыты, что я могла видеть белок вокруг них. Что случилось, что...

Выше прозвучали шаги. Азриэль мгновенно оттолкнул меня за свою спину, поднимая окровавленный клинок.

Движения вернули моей голове ясность достаточно, чтобы почувствовать, как что-то мокрое и теплое стекало по моей губе и подбородку. Кровь... у меня текла кровь из носа.

Шаги становились все громче, и мои друзья держали оружие наготове, когда красивый темноволосый мужчина спускался вниз по ступенькам.

Это был человек... его уши были округлыми, но глаза... Я знала цвет этих глаз. Я смотрела на один из них, заключенный в кристалле, на протяжении трех месяцев.

— Глупая дурочка, — сказал он мне.

— Юриан, — вздохнула я.

Я прикинула расстояние между моими друзьями и Юрианом, сравнивая размеры моего меча и двух, скрещенных за его спиной. Кассиан сделал шаг к спускающемуся воину и прорычал:

— Ты.

Юриан хихикнул:

— Получил повышение в звании? Поздравляю.

Я почувствовала, как он рванулся к нам. Словно пульсация ночи и гнева, Рис появился рядом со мной. Книга мгновенно исчезла. Его движения были настолько ловкими, когда он взял ее у меня и засунул в свой камзол, что даже я едва заметила, как это случилось.

Но как только металл покинул мои руки... Матерь небесная, что случилось? Я провалилась, провалилась по всем статьям, будучи так жалко подавлена Книгой...

— Ты хорошо выглядишь, Юриан, — сказал Рис, подходя к Кассиану и будто случайно оказываясь между мной и древним воином. — Для трупа.

— В последний раз, когда я видел тебя, — усмехнулся Юриан, — ты согревал простыни Амаранты.

— Значит, ты помнишь, — задумчиво произнес Рисанд, в то время как во мне вспыхнула ярость. — Интересно.

Глаза Юриана скользнули к Мор:

— Где Мириам?

— Она мертва, — сказала Мор решительно. Ложь, повторяемая на протяжении пятисот лет. — Она и Дрейкон утонули в Эритрийском море.

Бесстрастное лицо принцессы кошмаров.

— Лгунья, — пропел Юриан. — Ты всегда была такой лгуньей, Морриган.

Азриэль зарычал. Никогда раньше я не слышала от него подобного звука.

Юриан проигнорировал его, грудь начала вздыматься.

— Куда ты дела Мириам?

— Подальше от тебя, — выдохнула Мор. — Я отвела ее к Принцу Дрейкону. Они были мейтами и поженились в тот день, когда ты убил Клитию. И она больше никогда не думала о тебе.

Гнев исказил его смуглое лицо. Юриан — герой человеческих легионов... который где-то в пути превратился в монстра, ужаснее тех, с которыми он сражался.

Рис отошел назад, чтобы взять меня за руку. Мы увидели достаточно. Я снова схватилась за край Котла, желая подчинить его и забрать с нами. Я приготовилась к ветру и темноте.

Только они не пришли.

Мор схватила руки Кассиана и Азриэля — и так и осталась на месте.

Юриан улыбнулся.

Рисанд протянул, сжимая мою руку:

— Новый трюк?

Юриан пожал плечами:

— Меня послали, чтобы отвлечь вас, пока он работал над своим заклинанием, — его улыбка превратилась в оскал. — Ты не покинешь этот замок, пока он не позволит. Или покинешь по кусочкам.

Моя кровь заледенела. Кассиан и Азриэль приняли боевые стойки, но Рис поднял голову. Я почувствовала его темную силу, которая все возрастала и возрастала, будто он хотел размазать Юриана прямо здесь и сейчас.

Но ничего не произошло. Даже легкого дуновения, сотканного из частиц ночи и ветра.

— Ну, вот и оно, — сказал Юриан. — Разве ты не помнишь? Возможно, ты забыл Хорошо, что я был там, осознавая каждое мгновение, Рисанд. Амаранта украла принадлежащую ему книгу заклинаний, чтобы забрать твои силы.

Внутри меня, как ключ, щелкнувший в замке, расплавленное ядро силы просто... замерло. Какая бы связь с ним не существовала между моим умом и душой, она была обрезана — нет, так сильно сжата чьей-то невидимой рукой, что не могла больше течь.

Я потянулась к разуму Риса, к нашей связи...

И уперлась в жесткую стену. Не алмазную, как обычно, а из чужого, бесчувственного камня.

— Он удостоверился, — продолжил Юриан, когда я ударила об эту внутреннюю стену и попыталась воззвать к своим собственным способностям, но безуспешно, — чтобы эта книга вернулась к нему в целостности и сохранности. Она не знала, как использовать добрую половину самых опасных заклинаний. Знаете ли вы, каково это — быть неспособным спать, пить или есть, дышать или чувствовать самого себя в течение пятисот лет? Вы понимаете, каково это — быть постоянно в сознании и быть вынужденным смотреть на все, что она делала?

Это сделало его безумным — терзало его душу, пока он не сошел с ума. Именно поэтому в его глазах был этот острый блеск.

— Это не могло быть настолько плохо, — сказал Рис, хотя я знала, что он высвобождает каждую унцию воли из этого заклинания, объединяя нас, связывая нас, — если сейчас ты работаешь на ее хозяина.

Белоснежные зубы сверкнули:

— Твои страдания будут долгими и всеобъемлющими.

— Звучит восхитительно, — сказал Рис, отходя в комнату. Тихий крик о *побеге*.

Но кто-то появился наверху лестницы.

Я знала его — в моих костях. Черные волосы до плеч, румяная кожа, одежда более практичная, чем нарядная. К моему удивлению, он был среднего роста, но мускулистый, как молодой человек.

Но его лицо — человека лет сорока... Привлекательно бледное. Скрывающее бездонные, полные ненависти черные глаза, горящие на нем.

Король Хайберна сказал:

— Ловушка была такой простой. Честно говоря, я немного разочарован, что ты не увидел ее.

Быстрее, чем кто-либо из нас мог заметить, Юриан прострелил ясеновой стрелой грудь Азриэля.

Мор закричала.

* * *

У нас не было другого выбора, кроме как пойти вместе с королем.

Ясеновая стрела была покрыта кровью, которая, как утверждал король Хайберна, текла,

когда он того хотел. Если бы мы сражались, если бы мы не пошли с ним наверх, яд проник бы в сердце Азриэля... И с нашей заблокированной магией, без возможности рассеяться...

Если бы я могла как-то подобраться к Азриэлю и дать ему глотнуть своей крови... Но это займет слишком много времени, потребует слишком много движений.

Кассиан и Рис тащили Азриэля между ними. Его кровь брызгала на пол позади нас, когда мы поднимались наверх по извилистым лестницам королевского замка.

Я старалась не наступать на нее, когда Мор и я шли сзади, с Юрианом за нашими спинами. Мор тряслась — старалась не делать этого, но дрожала, когда смотрела на торчащий конец стрелы, видимый между крыльями Азриэля.

Никто из нас не осмелился напасть на короля Хайберна, когда он пошел вперед, показывая путь. Он взял Котел с собой, рассеяв его щелчком пальцев и криво взглянув на меня.

Мы знали, что король не блефует. Требовалось всего одно его движение, чтобы Азриэль умер.

Вышла стража. И придворные. Высшие Фэ и существа, — я не знала, откуда они подходят — которые улыбались так, словно мы были их следующей трапезой. Их глаза были мертвыми. Пустыми.

Здесь не было мебели, не было картин. Будто этот замок был скелетом какого-то могущественного существа.

Двери тронной залы были открыты, и я задержалась. Тронный зал — тот самый тронный зал, который отточил склонность Амаранты к публичным проявлениям жестокости. Свет Фэ скользнул по бетонным стенам, окна которых выходили на грохочущее далеко внизу море.

Король поднялся на помост, вырезанный из одного блока темного изумруда. Его трон был собран из костей... Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Человеческие кости. Коричневые и гладкие от времени.

Мы остановились перед ним, и Юриан бросил злобный взгляд за наши спины. Двери тронной залы закрылись.

Король сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Теперь, когда я выполнил свою часть сделки, я надеюсь, вы выполните свою.

В тени у боковой двери появились две фигуры.

Я начала трясти головой, словно это помогло бы мне не видеть, что это Люсьен и Тамлин вышли на свет.

Рисанд замер, словно увидел саму смерть. Кассиан зарычал. Повисший между ними Азриэль попытался поднять голову, но у него не вышло.

Но я пристально смотрела на Тамлина — на его лицо, которое я любила и ненавидела так глубоко — в то время как он остановился в добрых двадцати футах от нас.

Он надел свой нагрудный ремень с ножами. Иллирийскими охотничьими клинками, осознала я.

Его золотистые волосы были обрезаны короче, а лицо было более изможденным, чем тогда, когда я видела его в последний раз. А зеленые глаза... Расширились, когда оглядели меня с ног до головы. Расширились, когда увидели на мне боевую кожу, иллирийский меч и ножи, увидели то, как я стояла внутри группы своих друзей — моей семьи.

Он работал на короля Хайберна.

— Нет, — выдохнула я.

Но Тамлин осмелился приблизиться еще на один шаг, смотря на меня так, словно я была привидением. Люсьен, металлический глаз которого вращался, остановил своего лорда, положив ему руку на плечо.

— Нет, — сказала я снова, на этот раз громче.

— Так вот что было ценой, — сказал Рисанд мягко сбоку от меня. Я царапала и рвала стену, разделяющую наши умы; напрягла и потянула кулак, сжимающий мою магию.

Тамлин проигнорировал Рисанда, наконец посмотрев на короля:

— Даю тебе слово.

Король улыбнулся.

Я сделала шаг по направлению к Тамлину:

— *Что ты наделал?*

Король Хайберна сказал с его трона:

— Мы заключили сделку. Я отдаю ему тебя, а он соглашается позволить моим вооруженным силам войти в Прифиан через его территории. А после — использовать их как базу для размещения, в то время как мы устраняем эту смехотворную стену.

Я затрясла головой. Люсьен отказался встретиться с моим умоляющим взглядом, который я бросила в его сторону.

— Ты псих, — прошипел Кассиан.

Тамлин протянул руку:

— Фейра.

Приказ — словно я была немногим лучше, чем окликнутая собака.

Я не пошевелилась. Я должна была освободиться; должна была освободить эту чертову силу...

— Ты, — сказал король, указывая толстым пальцем на меня, — женщина, которую очень трудно схватить. Конечно, мы также достигли соглашения, что ты будешь работать на меня однажды, после того, как вернешься домой, к мужу, но... К будущему мужу или мужу? Не могу припомнить.

Люсьен скользнул взглядом по всем нам, и его лицо побледнело.

— Тамлин, — тихо сказал он.

Но Тамлин не опустил руку, протянутую ко мне:

— Я забираю тебя домой.

Я отступила на шаг. Туда, где Рисанд все еще держал Азриэля вместе с Кассианом.

— Есть также еще одна мелочь. Другая вещь, которой я жаждал, — продолжал король. — Ну, Юриан жаждал. Двух зайцев одним выстрелом. Убить Высшего Лорда Ночи и узнать, кто его близкие друзья. Честно говоря, Юриана почти свело с ума то, что за эти пятьдесят лет ты так и не раскрыл их. Так вот сейчас ты знаешь, Юриан. И сейчас можешь делать с ними все, что пожелаешь.

Вокруг меня мои друзья были напряженными — взволнованными. Даже Азриэле неумовимо подвинул окровавленную, всю в шрамах, руку ближе к его клинкам. Его кровь собралась у края моих ботинок.

Я твердо и ясно сказала Тамлину:

— Я никуда с тобой не пойду.

— Ты заговоришь по-другому, моя дорогая, — возразил король, — когда я озвучу финальную часть нашей сделки.

Ужас сковал все мое нутро.

Король дернул подбородком в сторону моей левой руки:

— Разрушить эту связь между вами двумя.

— Пожалуйста... — прошептала я.

— Как еще Тамлин может получить свою невесту? Он не может хорошо проводить время с женой, которая раз в месяц убегает к другому мужчине.

Рис промолчал, хотя его хватка на Азриэле усилилась. Наблюдающий, взвешивающий, проверяющий замок на прочность. Мысль о том, что это молчание между нашими душами станет постоянным...

Мой голос дрогнул, когда я сказала Тамлину, все еще стоящему на противоположном конце грубого полукруга, который мы сформировали перед возвышением:

— Нет. Не позволяй ему. Я сказала тебе, *сказала*, что я в порядке. Сказала, что я ушла...

— Ты была не в порядке, — прорычал Тамлин. — Он *использовал* эту связь, чтобы манипулировать тобой. Почему, ты думаешь, я уходил так часто? Я искал способ *освободить* тебя. А ты *ушла*.

— Я ушла, потому что *умерла* бы в том доме!

Король Хайберна прищелкнул языком:

— Не то, что ты ожидал, да?

Тамлин зарычал, но снова протянул ко мне руку.

— Пойдем со мной. Сейчас же.

— Нет.

— Фейра.

Твердый приказ.

Рис едва дышал — едва двигался.

И я осознала... осознала, что это было для того, чтобы его запах не стал очевидным. Наш запах. Наша связь мейтов.

Юриан уже вынул меч и смотрел на Мор так, словно собирался убить ее первой. Бескровное лицо Азриэля исказилось от ярости, когда он заметил этот взгляд. Кассиан, все еще поддерживая Азриэля, собрал все воедино, оценивая, готовясь к битве, к тому, чтобы защищать друзей.

Я перестала бить кулаком по своей силе. Погладила ее нежно — любовно.

«Я Фэ и не-Фэ, я все и ничто», — я сказала заклинание, которое охватило меня. «Ты не удержишь меня. Я то же, что и ты — реальное или нет, немного большее, чем собранные воедино крупницы власти. Ты не удержишь меня».

— Я пойду с тобой, — мягко сказала я Тамлину и Люсьену, переступающему с ноги на ногу, — если ты оставишь их одних. Позволишь им уйти.

Ты не удержишь меня.

Лицо Тамлина исказилось от ярости:

— Они монстры. Они...

Он не закончил, когда зашагал по полу, чтобы схватить меня. Чтобы вытянуть меня отсюда, а потом, без сомнения, рассеяться прочь.

Ты не удержишь меня.

Кулак, сжимающий мою силу, ослабил хватку. Исчез.

Тамлин бросился ко мне, когда оставалось всего несколько шагов. Так быстро... Слишком быстро...

Я стала туманом и тенью.

Я рассеялась за пределы его досягаемости. Король издал тихий смешок, когда Тамлин споткнулся. И свалился, когда кулак Рисанда встретился с его лицом.

Тяжело дыша, я отступила прямо в объятия Рисанда, сомкнувшиеся петлей вокруг моей талии, в то время как кровь Азриэля на нем просачивалась мне на спину.

Позади нас Мор подскочила, чтобы занять место Риса, и перебросила руку Азриэля себе через плечи.

Но эта стена из отвратительного камня все еще оставалась у меня в голове и блокировала собственную силу Риса.

Тамлин поднялся, утирая кровь, текущую из его носа, и попятился туда, где все еще стоял Люсьен, держа руку на его мече.

Но как только Тамлин приблизился к его эмиссару, он отшатнулся на шаг. Его лицо побледнело от ярости.

И я знала, что Тамлин понял это мгновением раньше, чем король рассмеялся:

— Не могу поверить. Твоя невеста покинула тебя только для того, чтобы найти себе мейта. Похоже, у Матери извращенное чувство юмора. И, надо же, какой талант — скажи мне, девочка, как ты разрушила это заклинание?

Я проигнорировала его. Но ненависть в глазах Тамлина заставила мои колени подкоситься.

— Прости, — сказала я и имела в виду именно это.

Глаза Тамлина остановились на Рисанде, его лицо было почти диким.

— Ты, — прорычал он. Звук больше от животного, чем от Фэ. — *Что ты с ней сделал?*

Позади нас двери распахнулись, и в зал ворвались солдаты. Некоторые из них выглядели как Аттор. Некоторые выглядели хуже. Все больше и больше, заполняя комнату и выходы доспехами и звяканьем оружия.

Мор, Кассиан и Азриэль, повисший и надежно прикрытый между ними, просканировали каждого солдата и оружие, оценивая наши шансы на спасение. Я оставила это им, вместе с Рисом повернувшись к Тамлину.

— Я не пойду с тобой, — выплюнула я Тамлину. — А если бы и пошла... Ты бесхребетный придурок, который продал нас ему! Ты знаешь, что он хочет сделать с Котлом?

— О, я собираюсь сделать с ним множество, множество вещей, — сказал король.

И Котел появился снова между нами.

— Начнем прямо сейчас.

Убей его, убей его, убей его.

Я не могла сказать точно, был этот голос моим собственным или же голосом Котла.

Меня это не волновало. Я дала себе волю.

Когти, крылья и тени мгновенно появились вокруг меня, окруженные водой и огнем.

Затем они исчезли, подавленные, когда эта невидимая рука снова захватила мою силу так, что я задохнулась.

— Ах, — сказал мне король, прищелкнув языком, — вот. Посмотри на себя. Дитя всех семи Дворов — похожее и непохожее на всех. Как Котел мурлычет в твоём присутствии. Ты планировала использовать его? Разрушить его? С этой книгой, ты могла бы сделать все, что захотела.

Я не сказала ничего. Король пожал плечами:

— Скоро ты скажешь мне достаточно.

— Я не заключала с тобой сделок.

— Нет, но твой хозяин заключил, так что ты будешь обязана.

Расплавленная ярость разлилась во мне. Я прошипела Тамлину:

— Если ты забереешь меня отсюда, если ты забереешь меня от моего мейта, я *уничтожу* тебя. Я уничтожу твой Двор и всех, кто тебе дорог.

Губы Тамлина сжались. Но он сказал просто:

— Ты не знаешь, о чем говоришь.

Люсьен съежился.

Король дернул подбородком в сторону стражи, стоящей со стороны двери, откуда появились Тамлин и Люсьен:

— Нет, она не знает.

Двери открылись снова.

— Не будет никаких разрушений, — продолжил король, когда люди, *женщины*, вошли в двери.

Четыре женщины. Четыре человека. Четыре оставшиеся королевы.

— Потому что, — сказал король. Стража королев остановилась позади них, таща что-то в середине их формирования. — Потому что ты поймешь, Фейра Арчерон, что вести себя хорошо в твоих же интересах.

Четыре королевы насмешливо посмотрели на нас с ненавистью во взглядах. Ненависть.

И разошлись, чтобы позволить своим личным стражам пройти.

Страх, которого я никогда не знала прежде, вошел в мое сердце, когда мужчины потащили моих сестер, связанных и с кляпами во рту к Королю Хайберна.

Это был какой-то новый вид ада. Какой-то новый уровень кошмара. Я даже попыталась разбудить себя.

Но там были они, одетые в свои ночные сорочки, кружева и шелк которых были испачканы и разорваны. Элейн тихо рыдала, кляп был пропитан ее слезами. Неста, со всклокоченными волосами, будто она сражалась словно дикая кошка, тяжело задышала, увидев нас. Увидев Котел.

— Ты совершил большую ошибку, — сказал король Рисанду, в то время как мой мейт крепче обвил меня руками, — когда решил отправиться за Книгой. Мне она была не нужна. Меня устраивало то, что она была спрятана. Но в тот самый момент, когда твои люди начали вынюхивать всё вокруг... Я решил: кто лучше справится с ролью моего эмиссара в людских землях, чем мой недавно возродившийся друг Юриан? Он только закончил своё многомесячное восстановление после процесса и очень желал увидеть, чем стал его бывший дом, поэтому он был очень рад отправиться на континент для длительного визита.

И действительно, королевы улыбнулись ему, склонили свои головы. Руки Риса крепче обняли меня в знак предупреждения.

— Отважный, хитрый Юриан, который так сильно пострадал в конце Войны, теперь мой союзник. Он здесь, чтобы помочь мне убедить этих королей оказать мне поддержку в моей миссии. Конечно, за определенную для него награду, но сейчас это не имеет значения. И благоразумнее работать со мной и моими людьми, чем позволить твоим монстрам в Ночном Дворе править и нападать. Юриан оказался прав, предупредив их королевские Высочества о том, что ты попытешься забрать Книгу, что будешь скармливать им ложь о любви и доброте, когда *он* самолично видел, на что способен Высший Лорд Ночного Двора. Он герой для людей, возрожденный, как жест доброй воли людскому миру. Я не желаю захватывать континент, но хочу сотрудничать с ними. Мои силы прикрывают их двор от любопытных глаз, чтобы показать им пользу от союза.

Он ухмыльнулся в сторону Азриэля, который еле мог поднять голову, чтобы огрызнуться в ответ:

— Столь впечатляющие попытки, чтобы проникнуть в их священный дворец, Говорящий с тенями, и конечно же абсолютное доказательство их королевским Величествам, что ваш Двор не на столько доброжелателен, каким кажешься ты.

— Лжец! — зашипела я и резко повернулась к королевам, посмевающим остановиться всего в шаге от Риса. — Они лжецы, и если вы не отпустите моих сестёр, я *вырежу*...

— Вы слышите эти угрозы, этот язык, который они используют в Ночном Дворе? — спросил король у смертных королей, в то время как их охрана обступила нас полукругом. — Кровопролитие, ультиматумы... Они желают убивать. Я мечтаю дать им это.

Старшая королева ответила ему, отказываясь принять во внимание меня или мои слова:

— Тогда покажи нам доказательство существования того дара, о котором упоминал.

Рисанд прижал меня к себе и тихо сказал королеве:

— Ты дура.

Король вмешался:

— Разве? Зачем покоряться старости и болезням, когда то, что я предлагаю, намного лучше? — он махнул рукой в мою сторону. — Вечная молодость. Ты отрицаешь ее

преимущества? Смертная королева станет той, кто будет править вечно. Конечно есть риски: перевоплощение может быть... затруднительным. Но человек с сильной волей может выжить.

Самая младшая, темноволосая, королева слегка улыбнулась. Надменная молодость и жестокая старость. Только другие две королевы, которые носили черное и белое, казалось, сомневались, придвигаясь друг к другу и их неприступной охране.

Древняя королева подняла подбородок:

— Покажи нам. Докажи, что это возможно, что это безопасно, — она говорила о вечной молодости в тот день, выплюнув мне это в лицо. *Двуличная сука.*

Король кивнул:

— Как думаешь, почему я попросил мою дорогую подругу Ианту узнать, с кем Фейра Арчерон предпочла бы провести вечность?

Ужас заполнил мои уши звенящей пустотой, и я взглянула на королев с вопросом, без сомнения написанном на моем лице. Король объяснил:

— О, вначале я спросил их. Они посчитали это... грубостью — обмануть двух молодых, введенных в заблуждение женщин. У Ианты же не было сомнений. Считай это моим свадебным подарком для вас двоих, — добавил он, обращаясь к Тамлину.

Но лицо Тамлина напряглось:

— Что?

Король поднял голову, наслаждаясь каждым сказанным словом:

— Думаю, Высшая Жрица ждала твоего возвращения, чтобы сказать, но ты когда-нибудь задавался вопросом, *почему* она так была убеждена, что я могу разорвать связь? Почему у нее было столько размышлений по поводу этой идеи? Столько тысячелетий Высших Жриц ставили на колени перед Высшими Лордами. И в течение этих лет она прозябала в том чужом дворе... а у нее такой широкий кругозор. Когда мы встретились, когда я нарисовал ей портрет Прифиана, свободный от Высших Лордов, где Высшие Жрицы смогли бы править с благодатью и мудростью... Мне не пришлось долго её убеждать.

Я думала меня стошнит. Тамлин, надо отдать ему должное, выглядел также. Лицо Люсьена потускнело:

— Она продала, продала семью Фейры. Тебе.

Я рассказала Ианте всё о своих сёстрах. Она спрашивала. Спрашивала, кем они были где они жили. И я была так глупа, так сломлена, что снабдила её каждой деталью.

— Продала? — король фыркнул. — Или же спасла от оков неминуемой смерти? Ианта подсказала, что обе они обладают сильной волей, что они такие же, как и их сестра. Без сомнения, они выживут. И докажут нашим королевам, что это возможно. Если ты силён.

Моё сердце остановилось:

— *Не смей...*

Король перебил меня:

— Я бы посоветовал вам подготовиться.

И ад развергся вокруг.

Сила, чистая, бесконечная и ужасающая прошла нас.

Всё, что я чувствовала, было тело Риса, закрывающее моё, когда нас всех швырнуло на пол, и крик боли, когда он принял на себя всю тяжесть удара силы Короля.

Кассиан развернулся, широко расправив крылья, чтобы прикрыть собой Азриэля.

Его крылья, его крылья...

Крик Кассиана был самым ужасным звуком, который я когда-либо слышала, когда его крылья разорвало когтями чистой магии. Мор ринулась к нему, но было поздно.

Рис сорвался с места мгновенно, пытаясь прорваться к королю, но сила ударяла в нас снова и снова. Рис упал на колени.

Мои сёстры пронзительно кричали сквозь кляпы. Но выкрик Элейн был предупреждением. Предупреждением для...

Справа от меня, с незащищенной теперь стороны, Тамлин бежал ко мне. Чтобы наконец-то схватить меня. Я метнула в него нож настолько сильно, насколько могла.

Ему пришлось поднырнуть, чтобы уклониться. Он отступил, увидев второй клинок, который я приготовила к броску, и изумленно смотрел на меня, на Рису, будто действительно мог разглядеть связь мейтов между нами.

Но я развернулась, потому что солдаты наступали, желая нас разделить. Развернулась и увидела Кассиана, и Азриэля на полу; Юриана, тихо смеющегося над кровью, которая хлестала из растерзанных крыльев Кассиана...

Из лоскутов, которые от них остались.

Я начала прродираться к нему. Моя кровь. Её может хватить, чтобы..

Мор, стоящая на коленях перед Кассианом, устремилась к королю с криком чистой ярости.

Он направил удар силы на неё. Она пригнулась, нож развёрнут в её руке, и...

Азриэль закричал от боли.

Она замерла. Замерла в шаге от трона. Её нож лязгнул об пол.

Король поднялся:

— Какая ты могущественная королева, — выдохнул он.

И Мор отступила. Шаг за шагом.

— Какой трофей, — сказал король, пожирая её своим черным взглядом.

Азриэль приподнял голову с того места, где он лежал в собственной крови; его глаза были полны ненависти и боли, когда он зарычал на короля:

— *Не смей трогать её.*

Мор посмотрела на Азриэля, и в этом взгляде был настоящий страх. Страх и что-то ещё. Она не переставала двигаться до тех пор, пока не опустилась на колени рядом с ним и не приложила ладонь к его ране. Азриэль зашипел, но накрыл её пальцы в крови своими.

Рис встал между мной и королём, когда я опустилась на колени перед Кассианом. Я разорвала кожу, защищающую моё предплечье.

— Закиньте более красивую первой, — приказал король, уже позабыв про Мор.

Я развернулась только для того, чтобы почувствовать, как королевская охрана схватила меня сзади. Рис моментально оказался рядом, но Азриэль закричал, выгибая спину, когда яд короля проник внутрь.

— Пожалуйста воздержись, — сказал король, — от всяких глупых идей, Рисанд. Он улыбнулся мне. — Если кто-нибудь из вас вмешается, Говорящий с тенями умрёт. Сожалею о крыльях другого зверя. Он издевательски поклонился моим сестрам. — Леди, вечность ждёт. Докажите их Высочествам, что Котёл безопасен для... сильных волей людей.

Я затрясла головой, не в силах дышать и придумать, как выбраться из этого.

Элейн дрожала и рыдала, когда её выволокли вперёд. К Котлу. Неста начала вырываться из рук людей, держащих её.

Тамлин сказал:

— Остановитесь.

Король даже и не думал его слушать.

Люсьен, стоя рядом с Тамлином, снова положил руку на меч:

— Остановите это.

Неста рычала на стражу, на короля, когда Элейн ступала шаг за шагом в сторону Котла. Когда король взмахнул рукой, и жидкость наполнила его до краёв.

— Нет, нет...

Королевы только смотрели с каменными лицами. А Рис и Мор, разделённые со мной стражами, не смели даже пошевелиться.

Тамлин зашипел на короля:

— Это не входило в нашу сделку. *Прекрати это сейчас же.*

— Мне плевать, — просто ответил король.

Тамлин ринулся к трону, будто собирался разорвать короля на куски.

Та же белая, опаляющая сила врезалась в него, отшвыривая на пол. Связывая его.

Тамлин напрягся, сопротивляясь ошейнику из света на его шее и вокруг его запястий. Его золотая сила вырвалась — но безрезультатно. Я пыталась разорвать кулак, все еще сдерживающий мою собственную силу, врезаясь в него снова и снова...

Люсьен шагнул вперед, когда два стража схватили и подняли Элейн. Она принялась пинаться и рыдать, когда её ступни ударились в стенки Котла, пытаясь оттолкнуться от него или опрокинуть вниз.

— *Достаточно!* — Люсьен ринулся к Элейн, к Котлу.

И сила короля привязала его тоже. К земле, рядом с Тамлином. Его единственный глаз был расширен, Люсьен действительно выглядел напуганным, переводя взгляд с Элейн на Высшего Лорда.

— Пожалуйста, — взмолилась я, обращаясь к королю, который подал знак, отправить Элейн в воду. — Пожалуйста, я сделаю всё, что угодно, я дам все, что ты хочешь.

Я посмотрела на свои ступни, отходя от поверженного Кассиана, и посмотрела в сторону королев:

— Пожалуйста, вам не нужны доказательства: я и есть доказательство того, что это работает. Юриан является доказательством, что это безопасно.

Древняя королева сказала:

— Ты воровка и лгунья. Ты стоворилась с нашей сестрой. Твоё наказание должно быть таким же, как и её. Считай это подарком.

Ступня Элейн коснулась воды, и она закричала, закричала в ужасе, который пронзил меня так глубоко, что я начала рыдать.

— Пожалуйста, — сказала я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Неста все ещё сражалась, всё ещё рычала сквозь кляп.

Элейн, за которую Неста бы убила, продала бы себя и воровала. Элейн, которая была такой нежной и милой. Элейн, которая должна была выйти замуж за сына лорда, который ненавидел фейри.

Стражи втолкнули мою сестру в Котел одним движением.

Мой плач не успел закончиться, когда она ушла под воду.

Она не вынырнула.

Крик Несты был единственным звуком. Кассиан слепо потянулся в его сторону — в её сторону, застонав от боли.

Король Хайберна слегка поклонился королевам:

— Узрите.

Рис, которого со мной все еще разделяла стена стражи, сжал руку в кулак. Но он не двигался. Так же, как Мор, и я не посмела двигаться, когда жизнь Азриэля находилась во власти короля.

И словно он был наклонён невидимыми руками, Котёл повернулся на бок.

Больше воды, чем казалось возможным, вылилось водопадом. Чёрная, исходящая покрывалом дыма вода.

И Элейн, словно ее выбросило на берег волной, вынесло из Котла лицом вниз на камни.

Её ноги были такими бледными — такими нежными. Я не могла вспомнить, когда в последний раз видела их неприкрытыми.

Королевы двинулись вперёд. Жива, она должна быть *живой*, должна хотеть жить...

Элейн втянула воздух, её красиво сложенная спина поднялась, её мокрая ночная сорочка практически просвечивала.

И когда она поднялась с пола на локти, с кляпом на месте, когда повернулась, чтобы посмотреть на меня...

Неста начала снова рычать.

Бледная кожа начала светиться.

Её лицо, каким-то образом, стало ещё более красивым — бесконечно красивым, и её уши... Уши Элейн теперь были острыми, под её насквозь промокшими волосами.

Королевы ахнули. И на короткий момент, всё, о чем я могла думать, был мой отец. Что он сделает, что он скажет, когда его самая любимая дочь взглянет на него лицом Фэ.

— Итак, мы сможем выжить, — выдохнула младшая черноволосая королева, её глаза светились.

Я упала на колени, рыдая, стражи даже не потрудились поднять меня. Что он наделал, что же он наделал...

— Теперь мегеру, будьте так добры, — сказал Король Хайберна.

Я дернула головой к Несте, когда та стихла. Котёл встал прямо.

Кассиан вновь шевельнулся, резко падая на пол, но его рука дёрнулась. В сторону Несты.

Элейн всё еще дрожала на мокром полу, её ночная сорочка задралась до бёдер, её маленькие груди были полностью видны сквозь промокшую ткань. Стражи заржали.

Люсьен огрызнулся в сторону короля, сквозь укусы магии на его горле:

— *Хотя бы не оставляй её на этом проклятом полу...*

Вспышка света и скрип, и потом Люсьен направился в сторону Элейн, освобождённый от своих оков. Тамлин остался привязанным к полу, теперь с кляпом из белой, переливающейся магии во рту.

Но его взгляд был прикован к Люсьену, когда...

Когда Люсьен снял свою куртку, опускаясь на колени перед Элейн. Она съежилась от его куртки, от него...

Стражи поволокли Несту в сторону Котла.

Я поняла, что существует множество видов пыток.

Были пытки, которые я могла вытерпеть, которые Рис мог вытерпеть.

И ещё существовало такое.

Пытка, которой Рис так упорно старался избежать все эти пятьдесят лет; кошмары, что

преследовали его. Не иметь возможности действовать, сражаться... когда твои любимые сломлены. Мои глаза встретились со взглядом моего мейта. Мука струилась в его фиолетовом взгляде, ярость, вина и полнейшее страдание. Зеркальное отображение моего.

Неста сопротивлялась с каждым шагом.

Она не облегчила им задачу. Она царапалась, пиналась и брыкалась.

И этого было недостаточно.

И нас было недостаточно, чтобы спасти её.

Я смотрела, как её подняли вверх. Элейн осталась дрожащей на полу, в накинутой на ней куртке Люсьена. Она не посмотрела на Котёл позади себя, не тогда, когда молотящие ноги Несты ударили по воде.

Кассиан снова шевельнулся, его разорванные крылья подрагивали и брызгали кровью, его мышцы дрожали. От выкриков Несты, её свирепости, его глаза, трепыхаясь, открылись, затуманенные и невидящие, как ответ какому-то зову в его крови, обещанию, которое он ей дал. Но боль вновь взяла вверх.

Несту засунули в воду по плечи. Она брыкалась, даже когда вода брызнула. Она царапалась и яростно кричала, сопротивлялась.

— *Засуньте её внутрь*, — зашипел король.

Стражи, поднапрягшись, затолкали её тонкие плечи. Её коричнево-золотую голову.

И когда они опустили её голову вниз, она брыкнулась в последний раз, освобождая свою длинную, бледную руку.

Оскалив зубы, Неста указала пальцем на короля Хайберна.

Один палец, проклятие и осуждение.

Обещание.

И когда голова Несты была силой опущена в воду, когда эту руку жестоко затолкали внутрь, Король Хайберна в самом деле выглядел несколько нервничающим.

Чёрная вода на мгновение плеснула. Поверхность стала ровной.

Меня стошнило на пол.

В конце концов, стражи позволили Рису опуститься рядом со мной, в растущее озеро крови Кассиана, позволили ему прижать меня к себе, когда Котёл снова наклонился.

Вода вылилась наружу, Люсьен поднял Элейн на руки и унёс оттуда. Оковы на Тамлине исчезли вместе с кляпом. Он моментально поднялся на ноги, рыча на короля. Даже захват на моём разуме ослабился до слабого прикосновения. словно он знал, что уже победил.

Мне было всё равно. Не тогда, когда Несту распластало на камнях.

Я знала, что она была другой.

Отличной от того, как была сотворена Элейн... Неста была другой.

Даже прежде, чем она первый раз вдохнула, я почувствовала это.

Как если бы Котёл, в процессе перевоплощения... был вынужден дать больше, чем того хотел. Как если бы Неста продолжала сражаться, даже после того, как ушла под воду и решила, что если она и отправиться в ад, то она возьмёт Котёл с собой.

Как если бы этот указывающий палец стал теперь смертным приговором Королю Хайберна.

Неста вздохнула. И когда я увидела свою сестру, с её каким-то образом усиленной красотой, её уши... Когда Неста посмотрела на меня...

Ярость. Сила. Хитрость.

Потом это всё пропало, сменяясь ужасом и шоком на её лице, но она не остановилась,

не перевела дух. Она была свободна — она была освобождена.

Она встала на ноги, спотыкаясь о свои немного более длинные и стройные конечности, вырывая кляп из своего рта...

Неста врезалась в Люсьена, выхватывая Элейн из его рук и крикнув на него, когда он упал назад:

— *Прочь от неё!*

Ноги Элейн подскользнулись на полу, но Неста крепко держала её прямо, ощупывая руками лицо Элейн, её плечи, её волосы.

— Элейн, Элейн, Элейн, — плакала она.

Кассиан снова зашевелился, пытаясь подняться, чтобы ответить на голос Несты, когда она держала мою сестру и восклицала её имя снова и снова.

Но Элейн смотрела через плечо Несты.

На Люсьена, лицо которого она наконец рассмотрела.

Тёмно-коричневые глаза встретились с одним глазом ржавого цвета и одним металлическим.

Неста всё ещё всхлипывала, всё ещё неистовствовала, осматривая Элейн...

Руки Люсьена опустились по бокам.

Его голос сломался, когда он прошептал Элейн:

— Ты мой мейт.

Я не могла осмыслить сказанное Люсьеном.

Неста, между тем, метнулась к нему.

— Она *не такая*, — сказала она, снова оттолкнув его.

Люсьен не сдвинулся ни на дюйм. Его лицо побледнело так, словно он увидел смерть, но он смотрел прямо на Элейн. Моя сестра ничего не сказала, ее железное кольцо тускло поблескивало на пальце.

Король Хайберна пробормотал:

— Интересно. Очень интересно, — он повернулся к королевам. — Видите? Я продемонстрировал вам, что это безопасно не один, а целых два раза. Кто из вас первой хочет быть Сотворенной Котлом? Быть может, вы тоже заполучите прекрасного Фэ в качестве своего мейта.

Самая юная королева ступила вперед, ее глаза и правда метались между всеми собравшимися мужчинами Фэ. Словно они предназначались ей одной.

— Что ж, очень хорошо, — усмехнулся король.

Ненависть накрыла меня с головой, такая беспощадная, что я не имела никакого контроля над ней, в моем сердце не было никакой другой песни, кроме боевого клича. Я собиралась убить их. Я собиралась убить их всех.

— Если ты так охотно заключаешь сделки, — неожиданно сказал Рис, поднимаясь на ноги и утаскивая меня за собой, — возможно, я заключу с тобой одну.

— Вот как?

Рис пожал плечами.

Нет. Больше никаких сделок — больше никаких жертв. Я больше не позволю ему разрывать себя на части.

Больше нет.

И если король откажется, если ничего нельзя будет сделать, кроме как смотреть, как мои друзья погибают...

Я не могла принять это. Я не могла вынести это — только не это.

И ради Риса, ради семьи, которую я нашла... Они не нуждались в моей помощи — не по-настоящему. Лишь для того, чтобы уничтожить Котел.

Я подвела их. Точно так же, как подвела своих сестер, чьи жизни я сейчас уничтожила...

Я подумала о том кольце, что ждало меня дома. Я подумала о кольце на пальце Элейн, от мужчины, который отныне, вероятнее всего, будет охотиться на нее и убьет. Если Люсьен вообще отпустит ее теперь.

Я подумала обо всех вещах, которые хотела нарисовать, но больше не нарисую.

Но ради них — ради обеих моих семей, по крови и по осознанному выбору, ради своего мейта... Идея, что пришла мне в голову не показалась такой уж пугающей.

Потому мне не было страшно.

Я упала на колени в судорогах, крепко держась за голову и стиснув зубы, задыхаясь от рыданий и скуля, крепко схватив себя за волосы и чуть ли не вырывая их...

Кулак, порожденный заклинанием и сжимающий мою силу, не успел сомкнуться вновь, когда я взорвалась, минуя его.

Рис потянулся ко мне, но я высвободила свою силу — вспышку белого, чистого света, все то, что смогло избежать блокирующего заклинания короля. Вспышка света, которая предназначалась только Рису, появилась только благодаря ему. Я надеялась, что он понял.

Моя сила взорвалась во всей комнате, собравшиеся войска зашипели и отступили назад.

Даже Рис замер. Король и королевы застыли с открытыми ртами. Мои сестры и Люсьен также были в смятении.

Но там, где-то глубоко внутри, Дневной свет... Я постигла его. Очищающую, чистую силу. Разрушительница проклятия — разрушительница заклинания. Свет пробирался сквозь каждую физическую ловушку, приоткрывая мне нити заклинаний и чар, приоткрывая мне путь сквозь них... Я засияла ярче, вглядываясь, вглядываясь...

Погребенные внутри сделанных из костей стен замка, вокруг были крепкие щиты. Я вновь послала ослепляющую вспышку света — уловка, хитрый трюк в то время, как я перерезала древние переплетения щитов.

Сейчас мне оставалось лишь сыграть свою роль.

Свет потух, и я лежала, свернувшись в клубок, на полу, держась за голову.

Тишина. Стояла полная тишина в то время, как все они пристально смотрели на меня.

Даже Юриан перестал злорадно ухмыляться с того места, где он стоял, прислонившись к стене.

Но мои глаза были сосредоточены только на Тамлине, когда я опустила руки, глотая ртом воздух, и вздохнула:

— Тамлин?

Он не сдвинулся ни на дюйм. Позади него король в изумлении смотрел на меня. Знал он или нет, что я разорвала его щиты, знал он или нет, что это было намеренным действием — все это меня не волновало. Пока.

Я снова моргнула, словно приходя в себя.

— Тамлин? — я внимательно изучала свои руки, кровь на них, и когда я взглянула на Риса, когда я увидела искажившиеся в гримасах лица моих друзей, моих промокших насквозь сестер...

На лице Риса не отразилось ничего, кроме шока и потрясения, когда я отскочила прочь от него.

Подальше от него. Прямо к Тамлину.

— Тамлин, — выдавила я вновь. Глаз Люсьена расширился, и эмиссар шагнул между мной и Элейн. Я повернулась к Королю Хайберна.

— Где ...

Я снова посмотрела на Рисанда.

— Что ты сделал со мной, — вздохнула я, медленно и гортанно. Продолжая отступать к Тамлину. — Что ты сделал?

Уведи их. Уведи моих сестер.

Подыграй, пожалуйста, подыграй мне. Пожалуйста...

Не было ни единого звука, никакого щита, никого слабого проблеска чувств сквозь нашу связь. Сила Короля основательно заблокировала ее. Не было ничего, что я могла бы сделать, дабы противостоять ей, была я Разрушительницей Проклятия или нет.

Но руки Риса скользнули в карманы, когда он промурлыкал:

— Как ты освободилась?

— Что? — негодовал Юриан, оттолкнувшись от стены и стремительно шагнув в нашу

сторону.

Но я повернулась к Тамлину и проигнорировала все те черты, запах и одежду, что казались мне неправильными. Он осторожно наблюдал за мной.

— Не позволяй им снова забрать меня, не позволяй им, не... — я не могла сдерживать всхлипов от дрожи, не тогда, когда меня настигло понимание того, что я делала.

— Фейра, — сказал мягко Тамлин. И я знала, что победила.

Я зарыдала еще громче.

«Уведи моих сестер, — молила я Риса сквозь нашу затихшую связь. — Я разорвала щиты для вас — всех вас. Уведи их».

— Не позволяй ему забрать меня, — снова зарыдала я. — Я не хочу обратно.

И когда я взглянула на Мор, на слезы, струящиеся по ее лицу, пока она помогала Кассиану встать, я знала, что она поняла, что я сделала. Но слезы исчезли — сменились глубокой скорбью, обращенной к Кассиану, а затем она повернулась, посмотрев взглядом, полным ненависти, на Рисанда и бросила:

— Что ты сделал с этой девочкой?

Рис склонил голову набок.

— Как ты сделала это, Фейра?

На нем было так много крови. Последняя игра — это было последней игрой, в которую мы должны были сыграть вместе.

Я покачала головой. Королевы отступили, их стража выстроила стену между нами.

Тамлин внимательно наблюдал за мной. Как и Люсьен.

Я повернулась к королю. Он улыбался. Словно он знал.

Но я сказала:

— Разорвите связь.

Рисанд замер, словно увидел саму Смерть перед собой.

Я стремительно направилась к королю, упав на пол пред его троном, ободрав колени.

— Разорвите связь, связь мейтов. Он... Он заставил меня сделать это, заставил меня поклясться.

— Нет, — сказал Рисанд.

Я проигнорировала его, даже когда мое сердце разбилось, даже когда я знала, что он не намеревался этого говорить.

— Сделай это, — умоляла я короля, тихо молясь, что он не заметит уничтоженные щиты и дверь, которую я оставила распахнутой. — Я знаю, что ты можешь. Просто освободи меня. Освободи от этого.

— Нет, — сказал Рисанд.

Но Тамлин наблюдал за нами. И я взглянула на него, Высшего Лорда, которого я когда-то любила, и выдохнула:

— Не надо больше. Никаких больше смертей, никаких убийств, — я всхлипывала сквозь стиснутые зубы, заставив себя посмотреть на сестер. — Больше не надо. Забери меня домой и позволь им уйти. Скажи ему, что это часть сделки, и позволь им уйти. Но не нужно снова убийств, пожалуйста.

Кассиан, в каждом движении которого была видна боль, медленно приподнялся, чтобы взглянуть на меня поверх своего искаленного крыла. И в его подернутых болью глазах я увидела понимание.

Двор Грез. Я принадлежала Двору Грез. И его мечтателям.

И за их грезы, за их мечты... Ради того, что они сделали, чем пожертвовали... Я могла сделать это.

«Уведи моих сестер», — сказала я Рису в последний раз, посылая сообщение через каменную стену, что была между нами.

Я посмотрела на Тамлина.

— Больше не надо.

Эти зеленые глаза встретились с моими, и печаль с нежностью, отражавшиеся в них, были самой омерзительной вещью, которую я когда-либо видела.

— Забери меня домой.

— Отпусти их, разорви ее связь, и давай покончим с этим. Ее сестры пойдут с нами. Ты и так уже перешел множество границ, — сухо сказал Тамлин королю.

Юриан начал протестовать, но король сказал:

— Очень хорошо.

— Нет, — это было все, что снова повторил Рис.

Тамлин рыкнул в его сторону.

— Мне глубоко наплевать, что она твой мейт. Мне плевать, если ты и правда думаешь, что у тебя есть право на нее. Она моя. И однажды я отплачу тебе за каждую частицу той боли, что она почувствовала, за каждую крупницу страданий и отчаяния. Однажды, вероятно тогда, когда она решит, что хочет покончить с тобой, я буду рад посодействовать этому.

Уходи — просто уходи. Забери моих сестер с собой.

Рис лишь пристально смотрел на меня.

— Не надо.

Но я продолжала отступать назад, пока не уткнулась в грудь Тамлина, пока его руки, теплые и тяжелые, не легли на мои плечи.

— Сделай это, — сказал он королю.

— Нет, — вновь сказал Рис, его голос дрогнул.

Но король указал на меня. И я закричала.

Тамлин сжал мои руки, когда я снова и снова кричала от той боли, что разрывала изнутри мою грудь, мою левую руку.

Рис был на полу, громко крича, и я подумала, что он произнес мое имя, проревел его, в то время как я брыкалась от боли и рыдала. Меня разрывало на кусочки, я умирала, я умирала...

Нет. Нет, я не хотела этого, я не хотела...

Треск прозвенел в моих ушах.

И весь мир раскололся напополам, когда связь разорвалась.

Я потеряла сознание.

Когда я открыла глаза, прошло всего несколько секунд. Мор оттаскивала Риса, который задыхался на полу. Его глаза были дикими, а пальцы сжимались и разжимались.

Тамлин сдернул перчатку с моей левой руки. Чистая, обнаженная кожа предстала ему. Никакой татуировки.

Я все рыдала и рыдала, а его руки обнимали меня. Каждый их дюйм ощущался таким неправильным. Я чуть не подавилась от его запаха.

Мор отпустила воротник камзола Рисанда, и он пополз — *пополз* в сторону Азриэля и Кассиана, их кровь разбрызгивалась по его рукам, шее, когда он пробирался сквозь нее. Его рваные вздохи врезались в меня, мою душу...

Король просто махнул ему рукой.

— Ты волен идти, Рисанд. Яд покинул тело твоего друга. Крылья другого, я боюсь, слегка пострадали.

«*Не отвечай. Ничего не говори*», — умоляла я Риса, когда он добрался до своих братьев. «*Забери моих сестер. Защита снята*».

Тишина.

И я посмотрела, всего лишь раз, на Рисанда, Кассиана, Мор и Азриэля.

Они уже смотрели на меня в ответ. Их лица были окровавленными, холодными и разъяренными. Но под этим... Я знала, что под этим была любовь. Они поняли слезы, которые катились по моему лицу, когда я молча прощалась с ними.

Затем Мор, быстрая, словно гадюка, рассеялась к Люсьену. К моим сестрам. Чтобы показать Рису, как я поняла, что я разорвала для них дыру в защите, чтобы уйти.

Она ударила Люсьена ладонью в грудь, и его рев сотряс зал, когда она схватила моих сестер за руки и исчезла.

Крики Люсьена еще не стихли, когда Рис бросился на землю, схватил Азриэля и Кассиана, и рессеялся прочь, даже не оглянувшись на меня.

Король вскочил на ноги, выплескивая свой гнев на стражей и на Юриана за то, что не схватили моих сестер. Он требовал узнать, что случилось с охранными чарами замка.

Я его почти не слышала. В моей голове была лишь тишина. Такая тишина там, где когда-то был темный смех и шаловливое веселье. Обдуваемая ветром пустошь.

Люсьен потряс головой и, тяжело дыша, обернулся к нам.

— *Верни ее*, — прорычал он Тамлину, перекрывая разглагольствования короля.

Мейт... Мейт, который уже сходил с ума, лишь бы защитить то, что было его.

Тамлин проигнорировал его. Так же, как и я. Я едва могла стоять, но держалась перед королем, когда тот упал на свой трон, сжимая свои руки так сильно, что показались бледные суставы под его кожей.

— Спасибо, — выдохнула я, положив руку себе на грудь, кожа была такой тусклой, такой белой. — Спасибо.

Соблюдая разумную дистанцию, он просто сказал собравшимся королевам:

— Начинайте.

Королевы переглянулись между собой и затем, оглянувшись на своих широко раскрывших глаза стражей, стали пробираться в сторону Котла с растущими улыбками на

лицах. Волки, окружающие добычу.

Одна из них врезала другой за то, что та ее толкнула. Король пробормотал что-то им всем, но что именно, я не потрудилась расслышать.

Юриан подошел к Люсьену в разгар перебранки, тихо смеясь себе под нос.

— Ты знаешь, что делают иллирийские ублюдки с хорошенькими женщинами? У тебя не останется мейта, по крайней мере не того, который будет тебе чем-либо полезен.

Ответное рычание Люсьена было попросту диким.

Я плюнула Юриану под ноги.

— Можешь катиться в ад, ты, мерзкий ублюдок.

Руки Тамлина сжались на моих плечах. Люсьен повернулся ко мне, и его металлический глаз сузился. Столетия понадобятся на то, чтобы вернуть наши хорошие отношения и расставить все по местам.

Я не паниковала из-за того, что моих сестер забрали. Я тихо произнесла:

— Мы вернем ее.

Но Люсьен настороженно смотрел на меня. Слишком настороженно. Я сказала Тамлину:

— Забери меня домой.

Но король вмешался сквозь спор королев:

— Где она?

Я бы предпочла насмешливый, высокомерный голос прямому и бессердечному, который прорезал сейчас зал.

— Ты... *ты* должна была владеть Книгой Дыханий, — сказал король. — Я мог почувствовать ее здесь, с...

Весь замок содрогнулся, когда он понял, что я не держала ее в своей куртке.

Я просто сказала ему:

— Ты ошибся.

Его ноздри раздулись. Даже море далеко внизу казалось напуганным от ярости, которая белела на его красном лице. Он твердо сказал Тамлину:

— Когда Книга будет найдена, я ожидаю твоего присутствия здесь.

Сила, пахнувшая сиренью, кедром и первыми ростками зелени, обернулась вокруг меня. Она приготовилась рассеять нас сквозь защиту, которую, о чем они не имели ни малейшего понятия, я уничтожила на части.

Поэтому я сказала королю, Юриану и собравшимся королевам, которые уже были у края котла и решали, кто пойдет первым:

— Я собственноручно зажгу ваши погребальные костры за то, что вы сделали с моими сестрами.

И мы исчезли.

Рисанд

Я врезался в пол городского дома, и Амрен мгновенно была уже здесь, положив руки на крылья Кассиана и чертыхаясь от увиденных повреждений. Затем она перешла к дыре в груди Азриэля.

Но даже ее исцеляющей магии не хватит, чтобы вылечить их обоих. Нет, нам нужен настоящий целитель для каждого из них. И побыстрее, ведь если Кассиан потеряет свои крылья... Я знал, что он предпочел бы умереть вместо этого. Любой иллириец предпочел бы.

— Где она? — потребовала ответа Амрен.

Где она, где она, где она...

— Убери Книгу отсюда, — сказал я, бросая обе части на землю. Я ненавидел их прикосновение, их безумие, их отчаяние и радость. Амрен проигнорировала приказ.

Мор еще не появилась: оставляла и прятала Несту и Элейн там, где, по ее мнению, будет безопасно.

— *Где она?* — снова спросила Амрен, прижимая руку к поврежденной спине Кассиана. Я знал, что она имела в виду не Мор.

Словно мои мысли вызвали ее, появилась моя сестра — тяжело дышащая, изможденная. Она упала на пол перед Азриэлем, и ее окровавленные руки дрожали, когда она вырвала стрелу из его груди, а кровь полилась на ковер. Она слегка коснулась пальцами раны, которая засияла ярким, неровным светом, когда сила моей сестры соединила вместе кости, плоть и вены.

— Где она? — рявкнула Амрен еще один раз.

Я не мог заставить себя вымолвить эти слова.

Поэтому Мор сказала их за меня, все еще преклоненная около Азриэля, в то время, как оба моих брата милосердно потеряли сознание:

— Тамлин предложил проход через свои земли и наши головы на блюдах Королю в обмен на то, чтобы тот схватил Фейру в плен, разорвал ее связь с Рисом и вернул в Весенний Двор. Но Ианта предала Тамлина: она рассказала королю, где найти сестер Фейры. Так королевы доставили сестер Фейры Королю, чтобы удостовериться, что он может даровать им бессмертие. Он бросил их в Котел. Мы не могли ничего сделать, когда они обратились. Он держал нас за яйца.

Эти глаза цвета ртути переметнулись ко мне:

— Рисанд.

Мне удалось сказать:

— У нас не было выбора, и Фейра знала это. Поэтому она притворилась, что освободилась от контроля, который, как Тамлин думал, я имел над ней. Притворилась, что она... ненавидит нас. И сказала ему, что пойдет домой, но только если убийства прекратятся. Только если мы выберемся свободными.

— А связь... — выдохнула Амрен. Кровь Кассиана сияла на ее руках, пока она замедляла ее течение.

Мор сказала:

— Она попросила короля разорвать связь. Он оказал ей эту услугу.

Мне казалось, что я умираю — казалось, что моя грудь вот-вот расколется пополам.

— Это невозможно, — сказала Амрен. — Такого рода связь не может быть разорвана.

— Король сказал, что он в силах сделать это.

— Король идиот, — рявкнула Амрен. — Такого рода связь не может быть разорвана.

— Да, не может, — сказал я.

Они обе посмотрели на меня.

Я проигнорировал свой разум, свое разлетевшееся вдребезги сердце — разбившееся от того, что сделал мой мейт, принеся себя в жертву ради меня и моей семьи. Ради ее сестер. Потому что она не думала... Не считала, что она была нужной, важной частью нас. Даже после всего, что она сделала.

— Король разорвал сделку между нами. Это трудно сделать, но он не мог распознать, что это не была связь мейтов.

Мор начала:

— Знает ли... Фейра знает...

— Да, — выдохнул я. — И теперь мой мейт находится в руках нашего врага.

— Отправляйся за ней, — прошипела Амрен. — *Сейчас же.*

— Нет, — сказал я и возненавидел это слово.

Они уставились на меня, и мне захотелось закричать от вида крови, покрывающей их. Крови моих братьев, лежащих без сознания и страдающих на ковре перед ними.

Но я нашел в себе силы сказать своей сестре:

— Разве ты не слышала, что Фейра сказала ему? Она обещала уничтожить его. Изнутри.

Лицо Мор побледнело, ее магия снова вспыхнула на груди Азриэля:

— Она идет в тот дом, чтобы уничтожить его. Чтобы уничтожить их всех.

Я кивнул:

— Сейчас она — шпион, с прямой связью со мной. Что делает король Хайберна, куда идет, каковы его планы — все это она будет знать. И сообщать мне.

Между нами, слабый и мягкий, скрытый от всех так, чтобы никто не смог его найти... между нами лежал легкий шепот цвета и радости, света и теней — *ее* шепот. Нашей связи.

— Она твой мейт, — накинулась на меня Амрен. — Не твой шпион. *Отправляйся за ней.*

— Она мой мейт. И мой шпион, — произнес я слишком тихо. — И она Высшая Леди Ночного Двора.

— Что? — прошептала Мор.

Мысленно я легко провел пальцем вниз по связи, которая теперь была спрятана глубоко, глубоко внутри нас, и сказал:

— Если бы они сняли ее другую перчатку, то увидели бы вторую татуировку на правой руке. Точно такую же, как на другой. Нанесенную прошлой ночью, когда мы сделали вылазку, нашли жрицу и я поклялся ей в верности, как моей Высшей Леди.

— Не... не консорт, — выпалила Амрен, моргая. Я не видел ее удивленной... столетиями.

— Не консорт, не жена. Фейра — Высшая Леди Ночного Двора.

Равная мне во всем. Она будет носить мою корону, сидеть на троне рядом с моим. Никогда в стороне, никогда не предназначенная лишь для размножения, утех и воспитания детей. Моя королева.

Словно в ответ, слабый проблеск любви пробежал по связи. Я подавил облегчение, затопившее меня, грозившее разрушить любое спокойствие, которое я притворно имел.

— Ты хочешь мне сказать, — выдохнула Мор, — что моя Высшая Леди сейчас окружена врагами?

Дьявольское спокойствие расползлось по ее заплаканному лицу.

— Я хочу сказать тебе, — сказал я, наблюдая за сгустком крови на крыльях Кассиана, о котором заботилась Амрен.

Под руками Мор кровотечение в груди Азриэля наконец утихло. Этого достаточно, чтобы сохранить им жизнь до тех пор, пока целитель не придет сюда.

— Я хочу сказать тебе, — сказал я снова, в то время как моя сила возрастала и раздражала кожу, отчаянно желая быть выпущенной на свет. — Я хочу сказать тебе, что твоя Высшая Леди принесла жертву ради своего Двора, и мы выдвинемся за ней, когда настанет нужное время.

Возможно, то, что Люсьен был мейтом Элейн сможет помочь — как-нибудь. Я найду способ.

И тогда я помогу моему мейту разорвать Весенний Двор, Ианту, этих смертных королев и короля Хайберна в клочья. Медленно.

— А до тех пор? — потребовала Амрен. — Что насчет Котла и Книги?

— А до тех пор, — сказал я, пристально смотря в направлении двери, так, будто мог видеть Ее, входящую внутрь. Смеющуюся, энергичную и полную жизни, и красивую. — А до тех пор мы идем на войну.

Фейра

Тамлин рассеял нас на гравий у парадного входа.

Я забыла, как тихо было здесь.

Как мало места. Как пусто.

Весна цвела — в воздухе раздавался нежный аромат роз.

Все еще прекрасный. Но здесь были и входные двери, за которыми он запер меня. Было окно, в которое я стучала, пытаюсь выбраться. Красивая, покрытая розами тюрьма.

Но я улыбнулась, ощущая, как в голове пульсирует, и сказала сквозь слезы:

— Я думала, что больше никогда не увижу все это снова...

Тамлин просто смотрел на меня так, словно не верил в это.

— Я тоже думал, что ты больше никогда не увидишь этого...

И ты нас продал. Продав всех невинных в этих землях ради этого. Все, чтобы вернуть меня.

Любовь — любовь была бальзамом в той же мере, что и ядом.

Но это была любовь — то, что горело в моей груди. Прямо рядом со связью, которую Король Хайберна так и не тронул, потому что не знал, как глубоко и далеко он должен копнуть, чтобы разрушить ее. Чтобы разлучить меня и Рисанда.

Это было больно. Так больно, словно ад разверзся между нами, когда наша сделка была разорвана. И Рис сделал свое дело великолепно, его ужас был безупречным. Мы всегда были очень хороши, ведя игру вместе.

Я не усомнилась в нем, не сказала ничего, кроме как «Да», когда накануне вечером он отвел меня в храм, и я поклялась ему в верности. Ему, Веларису, Ночному Двору.

И сейчас... Нежное, любящее касание коснулось связи, скрытой под этой пустотой там, где раньше была сделка. Я послала проблеск чувства назад по этой линии, желая прикоснуться к нему, обнять его, смеяться вместе с ним.

Но я стерла любое отражение этих мыслей с лица. Оставила лишь выражение тихого облегчения, когда прислонилась к Тамлину и вздохнула:

— Это было.... Все это было словно сон или кошмар. Но... Но я помнила тебя. И когда я увидела тебя там сегодня, я начала цепляться за это, боясь, что это может быть мой единственный шанс, и...

— Как ты вырвалась из-под его контроля? — решительно спросил Люсьен, стоявший позади нас.

Тамлин издал предостерегающий рык.

Я и забыла о том, что он был здесь. Мейт моей сестры. Мать, решила я, действительно, обладала чувством юмора.

— Я хотела этого. Я не знаю как. Я просто хотела освободиться от него, и я это сделала.

Мы смотрели друг на друга, но Тамлин провел пальцем по моему плечу:

— Тебе... Тебе делали больно?

Я попыталась не разозлиться. Я знала, что он имел в виду. Что он думал, что Рисанд сделает что-нибудь подобное с кем угодно...

— Я... Я не знаю, — пробормотала я. — Я не помню таких вещей.

Металлический глаз Люсьена сузился, словно он мог почувствовать ложь. Но я посмотрела на Тамлина и провела рукой по его губам. Моей голой, чистой кожей.

— Ты настоящий, — сказала я. — Ты освободил меня.

Было пыткой стараться не превратить свои руки в когти и не вырвать ему глаза. Предатель. Лжец. Убийца.

— Ты освободилась сама, — выдохнул Тамлин. Он указал на дом. — Отдохни, а потом мы поговорим. Мне... Мне нужно найти Ианту. И прояснить некоторые вещи.

— Я... Я очень хочу быть частью всего в этот раз, — сказала я, останавливаясь, когда он попытался отвести меня в эту прекрасную тюрьму. — Больше не надо... Больше не запирай меня. Не нужно больше стражи. Пожалуйста. Мне так много нужно рассказать вам о них — детали, кусочки, но... Я могу помочь. Мы можем вернуть моих сестер. Позволь мне помочь.

Помочь повести тебя в неправильном направлении. Помочь тебе и твоему Двору встать на колени, уничтожить Юриана и сотрудничающих с ним предательниц-королев. А затем разорвать Ианту на крошечные, крошечные кусочки и закопать их в яме, которую никто не сможет найти.

Тамлин посмотрел на мое лицо и, наконец, кивнул:

— Мы начнем сначала. Сделаем все по-другому... Когда ты ушла, я понял... Понял, что был неправ. Так сильно неправ, Фейра. И я сожалею.

Слишком поздно. Слишком, черт возьми, поздно. Но я положила голову ему на плечо, когда он обвил руку вокруг меня и повел к дому.

— Это не имеет значения. Я дома сейчас.

— Навсегда, — пообещал он.

— Навсегда, — повторила я, оглядываясь назад. Туда, где на подъездной дорожке из гравия стоял Люсьен.

Его взгляд был обращен ко мне. На лице читалась тяжесть. Как будто он видел каждую ложь.

Как будто он знал о второй татуировке под моей перчаткой и о чарах, которые я теперь наложила на нее.

Как будто он знал, что они пустили лису в курятник, и не мог ничего с этим поделать.

Нет, если только он не хочет больше никогда не увидеть своего мейта — Элейн.

Я подарила Люсьену сладкую, усыпляющую бдительность улыбке. И так, наша игра началась.

Мы поднялись по мраморной лестнице к парадным дверям поместья.

И так Тамлин невольно привел Высшую Леди Ночного Двора в самое сердце своих владений.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net